Русское кудесничество и чародейство

Всемирная литература

Русское кудесничество и чародейство

Иван Петрович Сахаров, Владимир Иванович Даль

Аннотация
Русское кудесничество и чародейство
Слово к русским людям
И. П. Сахаров. Русское народное чернокнижие
Предсказания и сказания о русском чернокнижии
Народные предания
Древние русские сказания
Источники русских преданий
Сказания о кудесничестве
1. Заговор от недугов красной девицы в болезни полюбовного молодца
2. Заговор красной девицы о сбережении в дороге полюбовного молодца
3. Заговор от тоски родимой матушки в разлуке с милым дитяткою
4. Заговор охотника на постановных клетях для зайцев
5. Заговор на путь-дороженьку
6. Заговор на укрощение гнева родимой ма-

тушки
7. Заговор на укрощение злобных сердец
8. Заговор на посажение пчел в улей
9. Заговор на утихание крови
10. Заговор от укушения змеи
11. Заговор от ужаления козюльки
12. Заговор на отгнание черных муриев
13. Заговор от червей
14. Заговор от зубной скорби
15. Заговор от зубной скорби
16. Заговор от зубной скорби
17. Заговор от зубной скорби
18. Заговор от пищалей и стрел
19. Заговор от ратных орудий
20. Заговор от пуль свинцовых, медных, каменных
21. Заговор на железо, уклад, сталь, медь
22. Заговор на карты
23. Заговор от осы
24. Заговор от запоя
25. Заговор на остановление руды
26. Заговор на остановление руды
27. Заговор на остановление руды
28. Заговор от лихорадки
29. Заговор ратного человека, идущего на войну

30. Заговор ратного человека, идущего на войну
31. Заговор ратного человека, идущего на войну
32. Заговор ратного человека, идущего на войну
33. Заговор ратного человека, идущего на войну
34. Заговор ратного человека, идущего на войну
35. Заговор ратного человека, идущего на войну
36. Заговор молодца на любовь красной девицы
37. Заговор от пореза
38. Заговор от недугов
39. Заговор на покраденную вещь
40. Заговор оборотня
41. Заговор для любви
42. Заговор родимой матушки в наносной тоске своей дитятки
43. Заговор красной девицы от тоски
44. Заговор полюбовного молодца на любовь красной девицы
45. Заговор на воду
46. Заговор островника на зеленую дуброву

47. Заговор от лихого человека
48. Заговор красной девицы от недугов полюбовного молодца
49. Заговор охотника на уток, гусей, тетеревей
50. Заговор на любовь
57. Заговор от черной немочи
52. Заговор от бешеной собаки
53. Заговор от родимца
54. Заговор молодушки от лютой беды
55. Заговор красной девицы от призороков
56. Заговор от колотья и болестей
57. Заговор на изгнание с островника зверей и гадов
58. Заговор на поход
59. Заговор от скорой доспешки
60. Заговор на остуду между мужем и женой
61. Заговор на удачную ловлю зверей
62. Заговор на тоску доброму молодцу по красной девице
63. Заговор от грыжи
64. Заговор на остуду между молодцом и девицей
Сказания о чародействе
1. Чары на ветер
2. Чары на след

3. Чары для калек
4. Чары на лошадь
5. Чары на подтек
6. Чары над змеею
7. Чары над лягушкою
8. Чары над голубиным сердцем
9. Чары над змеями и лягушками
10. Чародейский травник
11. Заклинательная песнь над духами
12. Чародейская песня ведьм
13. Песня ведьм на Лысой горе
14. Шабашная песня ведьм
15. Песня ведьм на роковом шабаше
16. Чародейская песня русалок
17. Чародейская песня солнцевых дев
Сказания о знахарстве
1. Пчельное дело
2. Сбрызгивание
3. Переполог
4. Соняшница
5. Открытие колдуна
6. Стень
7. С глазу
8. Хлебная завязка
9. Зубы лечить
10. Куриная слепота

11. Мороз
12. Неразменный рубль
13. Кость невидимка
14. Свадебная поруха
15. Выведывание жены
16. Разменный колпак
17. Ведьмино селение
18. Собачья старость
Сказания о ворожбе
1. Гадание на картах
2. Гадание на кофе
3. Гадание на псалтыре
4. Гадание на решете
5. Гадание на яйцах
6. Гадание на иглах
7. Гадание на воске
8. Гадание на свинце
9. Гадание в зеркале
10. Гадание курицею
11. Водогадание
12. Гадание на бобах
13. Святочные гадания
14. Снотолкования
И. П. Сахаров. Материалы по русской демонологии. (Из этнографических работ)
А. Харитонов. Очерк демонологии крестьян

Шенкуровского уезда

П. Ефименко. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии

Н. Харузин. Из материалов, собранных среди крестьян Пудожского уезда Олонецкой губернии

Д. Ушаков. Материалы по народным верованиям великорусов

Домовой

Леший

Водяной и болотный

Русалки

Нечистая сила

П. Дилакторский. Из преданий и легенд Кадниковского уезда Вологодской губернии

А. Колчин. Верования крестьян Тульской губернии

<…> Духи

1. Лешие

2. Русалки

3. Водяной

4. Луговики и полевики

5. Домовой

Сотворение мира и человека: происхождение нечистой силы

1. Сотворение мира и духов

2. Черти

А. Иванов. Верования крестьян Орловской губернии
В. И. Даль. О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа
Вступление
I. Домовой
II. Знахарь и знахарка
III. Кликушество и гадание
IV. Заговоры
V. Водяной
VI. Моряны
VII. Оборотень
VIII. Русалка
IX. Ведьма
X. Порчи и заговоры
XI. Симпатические средства
XII. Приметы
XIII. Басни, притчи и сказки
XIV. Привидения
XV. Клады
Русские былички, бывальщины и сказки о мифологических персонажах. (Из фольклорных сборников)
1—31. Леший
Из сборника Д. Н. Садовникова. 1/1—3. Про леших

Из сборника Н. Е. Ончукова. 2. Лесовик
3. Про лешаго
4. Рассказы про лешаго
5. В работниках у лесного
6. Большая лумпа
7. В нянькаx у лешаго
8. Рассказы про лешаго
9. Поп и леший
10. Лешой
11. Лешовы родины
12. Лешой водил
13. За овцу
14. Лешой увел
15. Кушак
16. Леший водил
17. На лешем в Питер
18. Шалость лешаго
Из сборника Д. К. Зеленина. 19. Лешой и черти
20. Леший
21. Сапоги для лешего (рассказ катанщика)
22. Леший лапотник
Из сборника Б. и Ю. Соколовых. 23. Охотник и черт
24. Про рыболова и лесововo
25. Иван-дурак

26. Мужик, черт и репа
27. Охотник и нечистая сила
28. Лесной и молодец (былицька)
29. Лесной и швец
Из сборника А. М. Смирнова. 30. Муж и жена
31. В ученьи у лесоваго
32—41. Водяной
Из сборника Д. Н. Садовникова. 32. /1—5/ Про водяных
Из сборника Н. Е. Ончукова. 33. Пропавший молодой
34. Бочка с золотом
35. Рыбий клеск
36. Чертовы коровы
37. Про чертей
38. Водяной
Из сборника Б. и Ю. Соколовых. 39. Как девки на беседе сидели
Из сборника А. М. Смирнова. 40. Морской царь и купеческая дочь
41. Никитка и водяной дед – золотое волосье
42—43. Русалка
Из сборника Д. Н. Садовникова. 42. Марина-русалка
Из сборника М. И. Смирнова. 43. Водяные шутовки

44—49. Домовой
Из сборника Е. И. Резановой. 44. Домовой
Из сборника М. И. Смирнова. 45. Домовой
Из сборника И. В. Карнауховой. 46. Две доманушки
47. Доможириха
Из сборника Д. М. Балашова. 48. Сестра-подпольница
49. Как «пугает»
50—51. Кикимора
Из сборника Д. Н. Садовникова. 50. Про кабачную кикимору
Из сборника А. М. Смирнова. 51. Два брата
52—55. Банник
Из сборника Д. Н. Садовникова. 52. Про бани
Из сборника Н. Е. Ончукоеа. 53. Бывальщина
Из сборника И. В. Карнауховой. 54. Бывальщина
55. Девки и кости
56. Овинник
Из сборника А. М. Смирнова. 56. Девичий вечер
57—85. Черт
Из сборника Д. Н. Садовникова. 57. Черт Гришка
58. Мужик и черт

59. Солдат и черт
60. Кузнец и черт
61. Черт и козел
62. Как черт ангелом стал
Из сборника Н. А. Иваницкого. 63. Настасья-прекрасная
64. Страшный ребенок
65. Работник
66. Про черта и пастуха
Из сборника Н. Е. Ончукова. 67. Мужик и бес
68. Мужик и черт
69. Баба черта обманула
70. Лихая баба и черт
71. Чертов работник
72. Священник и дьявол
73. Чертова благодарность
Из сборника Д. К. Зеленина. 74. Портной и черт
75. Кузнец и черт
76. Солдат и черти
77. Пустынник и дьявол
Из сборника Б. и Ю. Соколовых. 78. Как солдат былицы рассказывал
79. Мужицек, церт и попы
80. Мужик и церт
81. Солдат и церти

82. Про цертовку (былицька)
83. Как купецеской сын Иван нечистую силу увез
84. Странник и бисы (быль)
Из сборника А. М. Смирнова. 85. Мужик и черт
85. Иван крестьянский сын и Марья-царевна
86—87. Огненный змей
Из сборника Д. Н. Садовникова. 86. Про змеев
Из сборника М. И. Смирнова. 87. Летун (огненный змей)

Аннотация

В сборник вошли произведения «Русское народное чернокнижие» известного собирателя и исследователя русского фольклора Ивана Петровича Сахарова, труд Владимира Ивановича Даля, автора Толкового словаря русского языка, «О повериях, суевериях и предрассудках русского народа», былички, бывальщины и сказки о мифологических персонажах, записанные исследователями народной культуры и быта второй половины XIX– начала XX века.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Русское кудесничество и чародейство

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

Слово к русским людям

В истории русского народа доселе изображали одну только Русь исторически общественную, забывая Русь семейную, может быть, единственную в жизни северных народов. Кто опишет нам нашу жизнь? Неужели чужеземцы? Мы одни можем верно изобразить свою жизнь, представить свой быт со всеми изменениями; этого Россия ожидает только от русских. Ни один чужеземец не поймет восторгов нашей семейной жизни: они не разогреют его воображения, они не пробудят таких воспоминаний, какими наполняется русская грудь, когда ее быт совершается воочию. В родных напевах, которые так сладко говорят русской душе о родине и предках; в наших сельских думах, которые так умильно вспоминают о горе дедовском; в наших сказках, которые так утешно радуют русских детей; в наших играх, которыми утешается молодежь после тяжких трудов; в наших свадьбах, в которых так резво веселится пылкая душа мужающих поколений; в суеверных поверьях нашего народа, в которых отражается общая мировая жизнь, — вмещается

вся семейная русская жизнь.

Напрасно думали, что только одни записи летописцев могут служить основанием для истории русского народа. Разве наши песни, наши сказки, наши думы, наши поверия были выражением других народов? Нет! Это все было в нашей родной стороне, это все высказывалось нашими предками, и обо всем этом забывают говорить в историях русского народа. Если бы чужеземец спросил: «Что вам осталось от вашей старой семейной жизни?» Мы бы с гордостью пригласили его на русские святки в старинный боярский дом, и там, указывая на разгул народных фантазий, сказали бы ему: «Вот ей памятники! Вот наша старая русская жизнь!» Было время, когда всем этим дорожили, когда все это любили, когда все это берегли, как сокровище. Образованные европейцы восхищались нашими песнями; но можно ли их восторг сравнить с нашим восторгом? Они в нашей народной поэзии слышали только отголоски, вылетевшие из восторженной души; но они не могли постигать наших дум, создаваемых вдохновением и восторгом в полном наслаждении семейной жизни.

Много погибло на нашей родине отечественных преданий, драгоценных для истории, неза-

бвенных для потомства. Краса русских князей, враг неправды и злодеев, витязь отважный, чудо вековое — Мстислав Удалый величаво красуется в нашей истории и славится памятью в думах народных. Историки об этих думах не знают. Мы переводим вздорные повести, а не хотим вспомнить о думе: Иван-озеро, думе неподражаемой. Какая-то непостижимая сила сберегла для нас памятники угаснувшей словесности: Песнь о полку Игоревом и Сказание о Куликовской битве. Если бы народные думы были изданы, то верно все слова, непонятные в Песне о полку Игоревом, сроднились бы с нашими понятиями, и тогда, может быть, постыдились говорить, что наших Баянов не бывало, что эта песнь есть современное наше произведение.

Русские любили места, где они родились, где жили предки, где стояли грудью за родину. Там, в звучных словах славилась родина, славилась хижина, славилась река, близ которой ликовал свою победу дед и прадед. Реки: Волхов, Москва, Волга, Ока, Дон, Дунай, Днепр — не забыты русскими. Игривое воображение, олицетворив богатырскою отвагою победные берега рек, произвело прелестные народные создания. Так, песня о Доне имеет свою неподражаемую оригинальность, свою ве-

ковую самобытность, свою первобытную поэзию, свою историю. Волхов, безмолвный свидетель великих событий, воскрешает забытые народы. Ока грустно припоминает о набегах татар, стесняет грудь песнопевца и тяжелым звуком навевает бывшее страдание отчизны. Волга, утолявшая жажду бесчисленных племен, памятна песнями и разбоями. В песнях днепровских славится двор великого Владимира, его могучие богатыри, его отважные походы. Дунай говорит нам о других, забытых русских походах. Это все оглашается и доселе в разных селениях; но об этом немногое напечатано.

Не я первый принимаюсь за описание русской семейной жизни; наши писатели своими изысканиями уже успели заслужить лестное одобрение от соотечественников. Много приготовлено русских изысканий; но еще более представляется надежд в будущем. Русские пословицы и русские народные праздники, собранные неутомимым попечением И. М. Снегирева, составляют лучшее украшение нашей археологии. В издании русских сказок, русских песен, славяно-русской мифологии мы имеем надежды на почтенных изыскателей Н. А. Полевого, П. В. Киреевского, М. Н. Макарова, А. Ф. Вельтмана.

В сказаниях русского народа о семейной жизни своих предков я поместил все то, что было собрано мною во время путешествия по губерниям Тульской, Калужской, Орловской, Рязанской и Московской. В эти счастливые дни моей жизни, изучая русскую семейную жизнь, я внимательно вслушивался во все рассказы поселян, с тщательностью записывал все народные предания и поверия, большею частью со слов самих рассказчиков. Из этих-то записок представляю на суд любезным соотечественникам сказания русского народа. Сознаюсь, что мои изыскания далеки от полноты, которая должна бы находиться в этих собраниях. Для этого надобно объехать всю русскую землю и [изучить] неутомимые труды многих людей. Считая за тяжкий грех скрывать от просвещенных соотчичей все собранные мною предания, представляю их столько, сколько мог собрать. Людям, знакомым с этим родом занятий, известны труды, необходимые для подобных собраний, а потому я не решаюсь говорить о своих усилиях и ежеминутных препятствиях, встречавшихся мне во время разъездов для собрания памятников. Впрочем, о трудностях, предстоявших мне в собрании полных сказаний, я говорю не в извинение своих недостатков.

Благосклонное внимание к моим трудам просвещенных соотечественников доставило мне возможность продолжать предпринимаемое издание своих изысканий. С надеждою на это внимание, распространяю план, и в сказаниях русского народа будут представлены:

1. Сказания русского народа о чернокнижии.
2. Песни русского народа.
3. Сказания о русских народных играх.
4. Сказания о свадьбах русского народа.
5. Сказания о семейных поверьях русского народа.
6. Сказания о демонологии русского народа.
7. Сказания о русской народной символике.
8. Думы русского народа.
9. Сказания о врачебных знаниях русского народа.
10. История русской народной литературы.

Мыслящие читатели не удивятся, что я, описывая предметы, которых нелепость сама собою бросается в глаза всякого образованного человека, часто особенно обращаю внимание на эту нелепость. Есть класс читателей, которым может попасться в руки моя книга и для которых, очевидно, такие оговорки будут необходимы.

Священною обязанностью почитаю принести

мою благодарность просвещенным соотечественникам: его высокопревосходительству А. Н. Оленину, Е. Е. Штадену, бывшему тульскому военному губернатору, почтеннейшему И. Ф. Афремову, любителю древностей Н. Л. Камаеву, опытному знатоку отечественных древностей Н. П. Воейкову — снабжавшему меня советами и редкими книгами, А. Х. Востокову, Е. Н. Воронцову-Вельяминову, князю В. Ф. Одоевскому — принявшему ревностное участие в издании моих собраний, В. Г. Анастасевичу и А. В. Терещенко.

Изданием сказаний русского народа, исполняя обет, данный любезной отчизне, я осмеливаюсь просить просвещенных соотечественников о справедливом замечании моих недостатков и об указаниях на другие, неизвестные мне русские поверия. Все, сказанное благонамеренною критикою, я готов принять с сердечною признательностью.

Иван Сахаров

И. П. Сахаров
Русское народное чернокнижие

Предсказания и сказания о русском чернокнижии
Народные предания

Тайные сказания русского народа всегда существовали в одной семейной жизни и никогда не были мнением общественным, мнением всех сословий народа. Века и события, изменявшие Русскую землю, обновляли людей вместе с их понятиями; но в этих обновлениях не могли участвовать все народные сословия. Люди, близкие к престолу, люди, участвовавшие в служении церкви, люди, исполнявшие общественные должности по городам — более всех обновлялись; люди промышленные участвовали в обновлении исполнением только нужд, примыкали к людям с обновленными понятиями, но никогда не выходили из границ семейной жизни; люди сельские всегда и постоянно находились в семейной жизни. Взгляните на их занятия в XIX веке. Они одни и те же, какие были в X, XII и XVIII веках: там и здесь земледелие, там и здесь сельская промышленность, там и здесь поверья. Люди, обновлявшие свою жизнь, оставляли понятия и

поверья, противные образу их действования; люди, оставшиеся в неизменной жизни, никогда не изменяли ни своих понятий, ни своих поверий. Вот отчего в рассказах поселян мы доселе слышим были о старой русской семейной жизни.

Предания русского народа вмещают в себе все подробности тайных сказаний, передаваемых из рода в род. Наши письменные памятники намекают о них тогда, когда нужда заставляла указать народу на вредные следствия. Представляем здесь словесные предания русского народа о тайных сказаниях чернокнижия, известного доселе нашим простолюдинам.

Словесные предания русского народа говорят, что люди, посвятившие себя тайным сказаниям чернокнижия, отрекались от Бога, родных и добра. Так понимали этих людей предки, так теперь думают современники нашей сельской жизни. В старину олицетворителей тайных сказаний оглашали разными названиями. Одних величали кудесниками, чародеями, ведунами, колдунами; других называли волхвами, ворожеями, знахарями, доками. Но все эти люди известны были под общим именем чернокнижников. Мы не можем теперь обозначить этого отличия, как не можем сказать: в чем заключа-

лось чернокнижие наших предков? Вероятно, что умственное образование, сообщаясь всем сословиям, изгладило из народной памяти различие этих олицетворений. Но народ доселе еще хранит в памяти предание о чернокнижии, доселе еще думает о возможности его бытия.

Говоря о чернокнижниках, наши поселяне уверяют, что они научаются лихому делу от чертей и всю свою жизнь состоят в их зависимости. Заключая с духом условие на жизнь и душу, они получают от них Черную книгу, исписанную заговорами, чарами, обаяниями. Всякий чернокнижник, умирая, обязан передать эту книгу или родственникам, или друзьям. Во многих селениях есть поверья, не оспариваемые ни веками, ни людьми, поверья, что умершие чернокнижники приходят в полночь, одетые в белые саваны, в дома своих родственников. Это бывает только с теми, которые забывают передавать при смерти Черную книгу. Старики рассказывают еще, что полночные посетители шарят по всем местам, садятся за стол и съедают все им предлагаемое. Другие же, напротив, уверяют, будто они, приходя к дому, стучат в двери и окна, истребляют всякий домашний скот и, при пении последних петухов, исчезают. Родственники, выведенные

из терпения, выкапывают чернокнижников, кладут их во гроб ничком, подрезывают пятки, засыпают землею, где в это время дока шепчет заговоры, а родственники вбивают осиновый кол между плечами. Старики рассказывают, что когда-то один удалый молодец вздумал почитать оставшуюся книгу после чародея. Во время чтения явились к нему черти с требованием работы. Сначала он им предлагал работы легкие, потом трудные; но черти все являлись за новыми требованиями. Истомленный выдумками для отыскания работ, он не находил уже более для них занятия. Неотвязчивые черти задушили удалого молодца. С тех пор, говорят, никто не смеет приближаться к Черной книге. По уверению народа, одни только колдуны знают, чем занимать чертей. Они посылают их вить веревки из воды и песка, перегонять тучи из одной земли в другую, срывать горы, засыпать моря и дразнить слонов, поддерживающих землю.

Народ никогда не любил чернокнижников, как врагов семейной жизни. Чародей бывает ли на свадьбе — он портит или жениха, или невесту, или гостей. Видит ли кудесник дружную жизнь в семействе — он портит мужа с женою, отца с сыном, мать с дочерью. Поссорится ли знахарь с

поселянкою — он присаживает ей на нос килу. Обойдут ли колдуна приглашением на свадьбу — он бросает *порчу* на дорогу, где проезжает поезд, и тогда свадьба сбивается с толку. Испортит ли ведун женщину — она лает собакою, мяучит кошкою, и когда положат на нее запертый замок, она выкликает своих недоброжелателей.

Старушки говорят, что порчи, произведенные чернокнижниками, бывают временные и вечные. Временные порчи отговариваются в деревнях доками, вечные же остаются до конца жизни. Молва народная гласит, что чародеи могут испортить человека за тысячу и более верст, выпуская из-за пазухи змею или ужа, которые залезают в чрево, и тогда кликуша чувствует, что порча подкатывается под сердце и лежит, как пирог. Чернокнижник, несмотря на свою злость к людям, никогда и никого сам собою не портит. Все это делается по просьбе людей враждующих, по неотвязчивости молодежи, желающей навести сухоту на красу девичью и на молодечество. Любовь, выражаемая в селах сухотой, слывет напущением. В этом случае простолюдин, заметивши красоту девичью с сухо-тою, говорит: «Это неспроста — здесь замешалась чертовщина». От этого вошло в пословицу в сельском быту

говорить при взгляде на непросыпного пьяницу, записного игрока: «Это напущено». Кроме этого, чернокнижникам приписывают обморочанье, узорочанье, обаяние.

Обморочить, слово столь часто повторяемое в русских избах, выражает собою полное могущество чернокнижника. Ясно простодушие поселянина: обморочанье есть обман. Чародей, пленившись какою-нибудь вещью, уверяет хозяина, что в ней водится нечистая сила. Как не поверить чародею, знающему всю поддонную, видящему в землю на семь пядей! Простодушный со страхом вручает вещь, а чародей навсегда остается полным ее владетелем. И это значит обморочить. Так точно цыгане успевают уверять поселянок, что в их коробах, наполненных деньгами и вещами, завелись мертвые мыши. В таком случае, избавляя от мышей, они избавляют их от денег и вещей. И это значит тоже — обморочить. В народном рассказе сохранилось еще выражение, составленное из этого слова. Когда простолюдина уверяют о предмете против его понятия, он говорит: «Что ты меня морочишь?»

Узорочанье есть снадобье, приготовляемое для порчи чародеями, слова, выговариваемые кудесниками. Наши поселяне так верят в узорочанье,

что никакими доказательствами не можно их переуверить. Дадут ли старухе снадобья от лихорадки — она думает, что узорочанье истребляет ее болезнь. Привесят ли ей записку к ладонке — она уверена, что узорочанье спасает ее от всякого колдовства.

Обаяние есть чудесная сила, истекающая из кудесника, приводящая в недвижимость, в страх и трепет всякого человека. Воры обаянием усыпляют хозяев, зажимают рты собакам, смиряют свиней, утоляют ярость змей, усмиряют лошадей. В этом как-то нечаянно сошлись наши поселяне с магнетизмом Месмера. Желательно знать: обаяние ли прежде существовало или магнетизм Месмера?

Рассказы бывалых людей о существовании Черной книги исполнены странных нелепостей. В их заповеданных рассказах мы слышим, что Черная книга хранилась на дне морском, под горячим камнем Алатырем. Какой-то злой чернокнижник, заключенный в медном городе, получил завет от старой ведьмы отыскать книгу. Когда был разрушен медный город, чернокнижник, освободясь из плена, опустился в море и достал Черную книгу. С тех пор эта книга гуляет по белому свету. Было когда-то время, в которое Черную книгу заклали

в стены Сухаревой башни. Доселе еще не было ни одного чернокнижника, который бы мог достать Черную книгу из стен Сухаревой башни. Говорят, что она связана страшным проклятием на десять тысяч лет.

Говоря о Черной книге, наши поселяне уверяют, что в ней содержатся чертовские наваждения, писанные волшебными знаками. Но наши предки XVI столетия знали подробнее нас, современников. Они к Черной книге причисляли: Рафли, Шестокрыл, Вороногрaй, Остромий, Зодей, Альманах, Звездочетьи, Аристотелевы врата. Мы ничего не можем сказать об этих книгах, потому что ничего о них не знаем.

Вот образчики народных преданий из русского чернокнижия. Рассматривая их, каждый может убедиться, что они всегда существовали под покровительством невежества. Скрываемые в семейной жизни, как заповедные тайны, сказания переживали века и людей и, осеняемые чудесным вымыслом, успели обольстить простодушные сердца.

Древние русские сказания

Старые записи грамотных людей, дошедшие до наших времен, уверяют нас в давности тайных сказаний русского чернокнижия. Они, как вековые памятники, указывают нам на времена и обстоятельства, среди которых являлись люди с предрассудками и заблуждениями. Прочитаем эти записи.

«Лета 6632 (1124) восташа Волсви лживие в Суздале, избиваху старую чадь, бабы, по диаволю поучению и бе-сованию, яко сии держать гобино и жито, и голод пущают, и бе мятеж велик, и глад по всей стране той, яко же мужу своя жена даяти, да ю кормят себя челяди ном».

«Прииде Волхв прельщен бесом, и пришед к Киеву (в 1071 г.) глаголаше сице: поведая людем, яко на пятое лето Днепру тещи на вспять, а землям прийти на иные места, яко стати Греческой земли на Русской, а Русской на Греческой, и прочим землям изменитися, его же невегласи послушаху, вернии же насмехахуся, глаголюще: бес тобою играет на пагубу тебе. Се же и бысть ему; во едину убо нощь бысть безвести. Беси бо, подтокше, на зло водят, по сем же смеются, ввергши в пропасть

смертную, и научивши глаголати, яко се скажем бесовское научение и действо»[1].

«Бывши бо едино скудости в Ростовсей области, востаста два Волхва от Ярославля, глаголюще: яко мы свемы, кто обилие держит. И идоста по Волзе и приидоста в погост; ту лучшая жены наричуше, глаголюще: яко сия жито держит, а сия мед, я сия рыбу, а сия скору. И привожаху к ним сестры своя, и матерь, и жена своя; они же в мечте прорезоваша им за плечом, и выимаста любо жито, любо рыбу, любо белку. И убиша многи жены, имения их отнимаху за ся; и приидоста на Белоозеро; и бе у них иных людей триста».

«Случися прийти от Святослава дань емлюще Яну, сыну Вышатину, и поведаша ему Белозерцы, яко два Волхва пришли, и ужа многих по Волзе и по Шексне погубили, и пришли еще семо. Ян же испыта, чьи есть смерди; и увидев же Ян яко князя его, и посла к ним, иже около его суть, и рече: выдайте Волхвов тех семо, яко смердиев князя моего и мои; они же сего не послушаша. Ян же сам пойде без оружия. И реша ему отроцы его: не ходи без оружия: иссоромотят тя. Он же повеле взять оружие отроком, беста бо с ним 12

[1] Примечания: 1

Старые записки взяты из летописей Ростовской и Кенигсбергской Рукописи, лист 103, 105, 106, 109. — *Здесь и далее примеч. И. П. Сахарова.*

отрок, и пойде с ними по лесу; они же сташа, испочнившеся противу. Яневи же идущу с топорком, выступиша от них три мужа и приидоша к Яневи, рекуше ему: видя, что идеши на смерть, не ходи. Яневи же повелевшу бити я, к прочим же пойде; они же сунушася на Яна, един же грешись топором. Ян же оборотя топор и ударя тыльем, повеле откроком своим сечи их; они же бегоша в лес; убиша же ту попина Янева. Ян же шед во град к Белозерцом, и рече им: аще не имете Волхвов тех, не иду от вас за лето. Белозерцы же шедше, яша их и приведоша их к Яневи. И рече им Ян: что ради толико погубиста человек? Онем же рекшим: яко ти держат обилие; да аще истребим сих, да будет гобина; й ащи хощеши, пред тобою вымем жито, или рыбу, или иное что. Ян же рече: по истине лжа то есть: сотворил есть Бог человека от земли, составлен костьми и жилами от крове и несть в нем ничто же, но токмо Бог един весть. Они же глаголаста: вемы, како есть сотворен человек. Ян же рече: како? Они же реста: Бог мыв-ся в мовнице, и вспотев отреся ветхом и сверже с небеси на землю; и распреся сатана с Богом, кому в нем сотворити человека. И сотвори диавол человека, а Бог душу в он вложил; тем же аще умрет человеке, в землю идет тело, а душа к Богу

идет. И рече им Ян: по истине прельстил есть вас бес. Коему Богу веруете? И реша: Антихристу. Он же рече им: то где есть? Они же рекоша: сидит в бездне. И ре-че им Ян: то кий-то Бог сидит в бездне? той есть бес, а Бог есть на небесех, седит на престоле славимый от ангел, иже предстоят ему со страхом, не могуще нань зрети, а сих ангел свержен бысть за гордость с небеси, его же вы глаголете Антихриста, и есть в бездне, яко же вы того глаголете, ждуще, егда снидет Бог с небеси, сего Антихриста ем, свяжет узами, и посадит в огне вечнем с слугами его, иже к нему веруют; вам же и здесь прияти мука у меня и по смерти тамо. Онем же глаголющим: наши бози поведают — не можеши нам сделать ничесо же. Он же рече им: лжут вам бози ваши. Они же реша: нам стати пред Святославом в Киеве, а ты нам не можеши сотворить ничесо же. Ян же повеле бити их и торгати брады их. Сим же биенным и поторганным, рече им Ян: что вам бози ваши скажут? Онем же глаголющим: стати нам пред Святославом. И повеле Ян клеп вложити во уста их, и привязать их ко упругу, и спустити пред собою в лодьи, а сам за ними пойде и сташа на усть Шексны. И рече им Ян: что вам бози ваши поведают?

Они же реша: тако молвят бози наши — не быти

нам живым от тебя. И рече им Ян: то вам право поведали. Они же рекоша: аще наю пустиши, много ти добра будет; аще ли нас погубиши, то многу печаль приимеши и зло. Ян же ре-че: аще вас пущу, то зло ми будет от Бога. И рече Ян к повоз-никам: аще кто у вас убиен бысть от сих? Одни же реша: у меня мати; а другие рече: у меня сестра, у меня жена. Ян же рече им: мстите своих. Они поимше их, биша и возвесиша их на дуб, отместие приимше от Бога и о правде Яневи же идушу во свояси, в другую ж ночь медведь взлез угрызе их, и тако погибоша напущением бесовским. И нем ведуще и глаголюще: а своя погибели не сведуще; аще быста ведали, не бы пришли на место се, иде же ятыма быти има; аще и ята быста, почто глагоста: не умрети нама, ономy мысля-щу убити я. Но се есть бесовское наущение; беси бо не ведают мысли человеческие и тайны не сведуще; Бог же един весть помышления человеческие; беси бо не ведают ничто же; яко и се скажем о взоре их, и о немощи и обморочении их».

«Ключися некоему Новгородцу приидти в Чудь, и прииде к кудеснику, хотя волхвований от него. Он же, по обычаю своему, хотя начати, и начать призывати бесы в храмину свою. Новгородец же той седе на пороге тоя храмины. Кудесник же

лежаше, оцепенев и шибе им бес. Кудесник же встав, рече Новгородцу: бози не смеют приидти, нечто имаши на себе, его же боятся. Он же воспомяну на себе крест; и отшед, поставя крест, кроме храмины тоя. Он же начать призывати опять бесы; бесы же, метавше им, поведаша, чего ради пришел есть? По сем же начат вопрошати его, его же носит на себе креста. Он же рече: то есть знамение небесного Бога, его же наши бози боятся. Он же рече: то кацы суть бози ваши? да где живут? Он же рече: бози наши живут в безднах, суть же образом черны, и крылаты и хвосты имуще; восходят же и под небо, слушающе ваших Богов, ваши ж Боги на небесех суть; да аще кто умрет от ваших людей, то возносим есть на небо; аще ли кто от наших людей умрет, то носим есть к нашим Богам в бездну, яко же бо есть и грешницы во аде ждуще муки вечные, а праведницы в небесных жилищах водворяются со ангелы. Сице бо есть бесовская сила и лепота и немощь, тем же прельщают человеки, веляще им глаголати видения, являющеся им, несвершенным верою, во сне, инем в мечте, и тако волхвуют научением бесовским. Паче женами бесовская волшвления бывают; изкони бо бес их прельсти, а жена мужа, також де в родех мнозех все жены волхвуют

чародейством, и отравою и иными бесовскими бездми, но и мужи прельщены бывают невернии от бесов, яко же се в первые роды»[2].

«Предивно бысть в Полотске, в мечте бываше в нощи, стоняше тутно по улице, аки человецы рищуще беси. Аще кто вылязаше из хоромины, хотя видети, и уязвлен бываше невидимо от бесов язвою, и с того умираху, и не смеяху излазити из хором. И по сем во днех начаша являтися на конех и не бе их видети самих, но коней их видети копыта, и тако уязвляху люди Полотския и их область, тем бо и человецы глаголаху: яко на яве бьют Полочаны».

В посланиях русских архипастырей находим ясные доказательства о распространении в простом народе тайных сказаний. Приводим некоторые указания:

Митрополит Фотий в послании своем к новгородскому архиепископу Иоанну, в 1410 году, писал: «Учите, чтобы басней не слушали, лихих баб не приимали, ни узлов, ни примолвления, и где таковые лихие бабы находятся, учите их,

[2] Примечания: 2

Это единственный рассказ, открывающий следы русской мифологии. Верование скандинавов живо отражается в кудесниках ростовских.

чтобы престали»[3].

Новгородский архиепископ Геннадий в послании своем к Нифонту, епископу суздальскому, говорил: «Уже ныне наругаются христианству: вяжут кресты на вороны и на вороны… ворон летает, а крест на нем вязан, древян… а на вороне крест медян. Да привели ко мне попа, да диакона, а они крестьянину дали крест тельник: древо *плакун*, да на кресте вырезан ворон… а христианин дей с тех мест учал сохнути, да не много болел, да умер»[4].

В грамоте Мисаила, митрополита белогородского и обоянского, писанной в 1673 году, к Никодиму, архимандриту Курского Знаменского монастыря, сказано: «Да в городех же и уездах мужеского и женского полу бывают чародеи и волхвованием своим и чародейством многих людей прельщают. Многие люди тех волхвов и чародеев в дом к себе, к малым детям и к больным младенцам призывают, а они всякое волхвование чинят, и от правоверия православных христиан

---

[3] Примечания: 3

Ворожба чудского кудесника указывает прямо на финское происхождение. См. Вестник Европы. 1828. № 13. С. 1.

[4] Примечания: 4

Карамзин Н. История Государства Российского (Ист. Гос. Рос. Кар.). Т. V. Прим. 252.

отлучают»[5].

В Стоглаве, составленном Московским Собором 1551 года, написано: «Нецыи не прямо тяжутся, и поклепав крест целуют, на поли бьются, и кровь проливают, и в те поры Волхвы и Чародейники от бесовских научений пособие им творят, кудесы бьют, и во Аристотелевы врата и в Рафли смотрят, и по звездам и по ланитам глядают и смотрят дней и часов… и на те чарования надеясь, поклебца и ябедник не мирятся, и крест целуют, и на поли бьются, и поклепав убивает… Злые ереси, кто знает их и держится… Рафли, Шестокрыл, Вороноград, Остромий, Зодей, Альманах, Звездочетьи, Аристотель, Аристотелевы врата и иные коби бесовские… тех всех еретических книг у себя бы не держали и не чли… В первый понедельник Петрова поста в рощи ходят и в наливках бесовские потехи деят… В Великий Четверг по рану солому палят и кличут мертвых; некотории же невегласи попы в В. Ч. соль пред престол кладут и до четверга по велице дни там держат, и ту отдают на врачевание людям и скотом… По селом и волостем ходят лживые пророки, мужики и женки, и девки и старые бабы, наги и босы, и во-

---

[5] Примечания: 5
Там же. Т. VI. Прим. 324.

лосы отрастив и распустя, трясутся и убиваются, а сказывают, что им являются С. Пятница и С. Анастасия, и заповедают в среду и пяток ручного дела не делати и женам не прясти, и платья не мыти, и камения не разжигати»[6].

В 1552 году, в наказе, данном Берсеневу и Тютину за точным исполнением правил Московского Собора 1551 года, сказано: «К Волхвом бы и к Чародеем и к Звездочетцом волхвовати не ходили, и у поль бы (при судебных поединках) Чародеи не были»[7].

В Псковской летописи под годом 1570 о докторе Елисее Бомелии, записано: «Прислаша Немцы к Иоанну Немчина, лютого Волхва, нарицаемого Елисея, и бысть ему любим в приближении и положи на Царя страхование… и конечне был отвел Царя от веры; на Русских людей возложил Царю свирепство, а к Немцам на любовь преложи: понеже безбожнии узнали своими гаданьи, что было им до конца разоренным быти; того ради таковаго злого еретика и прислаша к нему:

---

[6] Примечания: 6

Русская Вивлиофика Н. Н. Полевого. Т. 1. С. 29.

[7] Примечания: 7

В царских предложениях, для решения которых составлен был Стоглавый Собор, были вопросы: 22 о колдовании и гадании, 24 об Иванове дне, 25 о кличке на Радунице, 26 о четверговой соли, 27 о ворожбе в понедельник после Петрова поста.

понеже Русские люди прелесть-ни и падки на волхвование»[8].

В книге «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей», изданной в Москве 1647 года, сказано: «…а на сказанные идольские меры и на ведомство не надеяться, и от оружия, и от проколотия, и от стрельбы не заговариваться, которое все от диавола есть»[9].

Царь Иоанн IV Васильевич, лишась первой своей супруги Анастасии, верил, что она померла от чародейства. Так он об этом говорил литовскому посланнику Воропаю, в 1572 году[10]; так об этом писал он и к Курбскому: «А с женою меня вы по что разлучили?»[11]. Курбский в своей истории Князя Великого Московского пишет: «Тогда царевы жена умре: они (клеветники) же реша аки бы очаровали ее мужи. Царь же, буйства исполни-

[8] Примечания: 8
Издатели Законов В. К. Ион. В. и Судебника поместили этот наказ, под именем выписи 1552 г. на с. 113.

[9] Примечания: 9
Ист. Гос Рос. Кар. Т. IX. Прим. 268.

[10] Примечания: 10
Московский телеграф. 1833. Ч. 52. С. 311.

[11] Примечания: 11
Ист. Гос. Рос. Кар. Т. IX. Прим. 216.

вся, абие им веру ял»[12].

Клеветники Сильвестра и Адашева говорили царю: «Аще припустиши к себе на очи, очарують тебя и детей твоих… Худые люди и ничего негодные Чаровницы тебя Государя… держали пред тем, аки в оковах… а то творили они своими чаровствы, аки очи твои закрывающе»[13]. В 1572 году царь Иоанн IV Васильевич, испрашивая на Соборе разрешение на четвертый брак, говорил, что его первую супругу Анастасию извели злые люди чародейством, вторую отравили, третью испортили злою отравою[14].

Князь Курбский, говоря о князе Василии Иоанновиче, записал: «Василий с законопреступною женою, юною сущею, сам стар будучи, искал чаровников презлых отовсюду, да помогут ему к плодотворению… О чаровниках же оных так печашеся, посылающе по них тамо и овамо, аж до Корелы (еже есть Филя: сидит на великих горах, подле Студеного моря), и оттуда провожаху их к

---

[12] Примечания: 12

Курбский А. М. История о великом князе Московском (Сказ. Курб.). Ч. II. С. 112.

[13] Примечания: 13

Сказ. Курб. Т. 1. С. 101.

[14] Примечания: 14

Сказ. Курб. Т. 1. С. 102.

нему… Яже дерзают непреподобне приводити себе на помощь и к детками своим мужей презлых, чаровников и баб, смывалей и шептуней, и иными различными чары чарующих, общующе со диаволом и призывающе его на помощь»[15]. Рассказывая о Казанской осаде 1552 года, он вписал: «Вкратце еще вспомянути достоит, яко Татары на войско Христианское чары творили и великую плювию наводили: яко скоро по облежании града, егда солнце начнет восходити, взыдут на град, всем нам зрящим, ово престаревшие их мужи, ово бабы, и начнут вопияти сатанинские словеса, машуще одеждами своими на войско наше и вертящеся не благочиние. Тогда абие восстанет ветр и сочинятся облаки, аще бы и день ясен зело начинался, и будет такий дождь, и сухие места в блато обратятся и мокроты исполнятся; и сие точно было над войском, а по сторонам несть, но точно по естеству аера случашеся»[16]. Говоря о московском пожаре, царь вспоминал Курбскому: «Наши изменники бояре наустиша скудожайших умов народ, что будто матери нашей мати, княгиня Анна Глинская с своими детьми и с людьми

[15] Примечания: 15
Ист. Гос. Рос. Кар. Т. IX. С. 194.

[16] Примечания: 16
Сказ. Курб. Т. 1. С. 133.

сердца человеческая выимали и таковым чародейством Москву попалили»[17].

Царедворцы донесли на боярина Артамона Сергеевича Матвеева царю Феодору Алексеевичу, что он с доктором Степаном читает Черную книгу и что Николай Спафарий обучает его и сына чернокнижию. Доносчиками были карла Захарко и лекарь Берло. Об этом Матвеев писал в своей челобитной 1677 года к царю: «Как будто я у себя в домишке, в палате, с Степаном Доктором или Черную книгу, и то де время, будто пришло к нам в палату нечистых духов множество, и говорили нам, мне, холопу твоему, и доктору Степану, те нечистые духи в слух, что есть у вас в избе третий человек… А та де Черная книга в полдесть, а толщиной в пальца три; а учил де будто по той книге меня, холопа твоего, и сынишку моего, Андрюшку, Николай Спафарий[18]». Впоследствии открылось, что боярин Матвеев читал лечебник, принятый доносчиками за Черную книгу. В царствование Михаила Феодоровича, говорит боярин Матвеев, на боярина Илью Даниловича Милославского было подкинуто письмо,

---

[17] Примечания: 17
Сказ. Курб. Т. 1. С. 33.

[18] Примечания: 18
Сказ. Курб. Т. 2. С. 53.

в котором сказано, что он у себя имеет перстень волшебный думного дьяка Ивана Граматина. При царе Алексее Михайловиче боярин Семен Лукьянович Стрешнев был обвинен в волшебстве и сослан на заточение в Вологду.

Источники русских преданий

Мы терпеливо выслушали словесные предания, мы внимательно прочитали старые записи грамотных людей[19], и во всем этом мы изведали, что думают теперь наши современники, что говорили наши предки о тайных сказаниях русского чернокнижия. Теперь, убедившись во всем этом, как в бывалом, мы невольно спрашиваем самих себя: неужели это есть порождение дум русского народа? неужели все это создавалось в русской земле? Будем откровенны к самим себе, будем сознательны пред современным просвещением для разрешения столь важного вопроса: русский народ никогда не создавал дум для тайных созданий; он только перенес их из всеобщего мирового чернокнижия в свою семейную жизнь. Никогда на русской земле не создавались тайные сказа-

[19] Примечания: 19
История о заточении боярина Матвеева. С. 11, 161, 162.

ния; она, как часть вселенной, вмещала в себе только людей, усвоявших себе мировые мышления. В этой идее убеждает нас внимательное исследование всеобщего мирового чернокнижия. Для достоверности сего предположения мы присовокупляем исторические факты, объясняющие перехождение тайных мировых сказаний в русское чернокнижие. Здесь открывается очевидное сходство.

Всеобщее мировое чернокнижие принадлежит первым векам мироздания, людям древней жизни. Основные идеи для творения тайных сказаний выговорил впервые древний мир, а его идеи усвоились всему человечеству. Древний мир сосредоточивался весь на Востоке. Там народы, создавая идеи для мифов, думы для тайных сказаний, рассказы о бывалом для поверий, олицетворяли их видениями. В этих видениях существовал быт религиозный, политический, гражданский. Семейная жизнь народов осуществлялась этими бытами. Мир древний прошел, народов, составлявших его бытие, мы не видим; но пред нами остались их мифы, их поверья, их сказания. Мир новый своего ничего не создал; он, как усыновленный наследник, как властелин отеческого имущества, вступил в распоряжение

наследственным достоянием, пересоздал предметы, существовавшие не в духе его жизни, отверг понятия, противные его мышлению, но принял основные мысли, восхищавшие его воображение, льстившие его слабости.

Мифы, перешедшие в новый мир, образовали демонологию, столько разнообразную, столько разновидную, сколько разноплеменны были народы, сколько разновидны их олицетворения. Не днями, не годами, но веками усвоивались мифы древней жизни грядущим поколениям. Каждый народ принимал из них только то, что могло жить в его верованиях; каждый народ, в свою очередь, прибавлял к ним чего недоставало для его верования. Из этих-то усвоений и дополнений составились — *мифология* и *символика.* Мифология древних людей осенялась предметами божественными, предметами олицетворенными по воле каждого человека. Символика отпечатлевалась знамениями, которых народ не постигал, которых народ страшился. Предметы, выражаемые в символике непостижимостию и боязнью, заключали в себе понятия о природе. Из дум древнего мира составилось чернокнижие в отдельных видах кудесничества, чародейства, знахарства, ворожбы. Во всех этих сказаниях мы

читаем опыты людей, изучавших природу для добрых и худых дел.

Рассказы о бывалом образовали поверья, неистощимые до последней возможности, удивительные до непонятного ослепления. В народных поверьях мы узнаем семейную жизнь со всеми обрядами.

Тайные сказания древнего мира осуществлялись людьми, ознаменованными бесчисленными названиями.

Эти люди, как образователи, свои установляемые таинства облекали чудесным вымыслом, находили покровителей и распространяли последователей. Письмена санскритские уверяют нас, что Индия есть отчизна тайных сказаний, первородный идеал всех последующих изменений. Избранные люди Египта и Персии, посещая Индию, изучали там тайные сказания и, возвращаясь на свою родину, высказывали их своим сородичам. Греция подслушала все эти сказания и передала Риму и за ним грядущим поколениям.

Осматривая тайные сказания сих стран, мы встречаем в каждой из них своих *образователей,* свои *прорицали-ща,* свои *чернокнижия,* свои *гадания.*

Образователи тайных сказаний в древнем мире

существовали отдельными кастами, имевшими разные названия. Таковы были астрологи, авгуры, прогностики, мистагоги, сортилеги, гаруспексы, пифониссы.

Астрологи, облекаемые названиями халдеев, математиков, волхвов, почитаются старейшинами в образовании чернокнижия. Наблюдая течение планет и созвездий, они предсказывали разные события в государствах и домашнем быту. Ефемериды — творение астрологов — вмещали в себе описания известных перемен в небесных светилах. Незадолго было поверье, что Зороастр Персидский первый начертал чернокнижие; но теперь оно, с открытием санскритских письмен, уничтожается.

В русскую землю перешли астрологи при начале ее общественного быта и расплодили свои понятия в семейной жизни так глубоко, что и теперь в селениях существуют темные намеки о влиянии планет на судьбу человека. В 1584 году летописцы записали для нас, как народ видел в Москве комету с крестообразным небесным знамением между церквами Иоанна Великого и Благовещения. Царь Иоанн IV Васильевич, смотря на эту комету, сказал: «Вот знамение моей смерти!» После сих слов он велел собрать астрологов

по России и Лапландии. Они, собранные тогда в Москву числом до 60, предрекли из явления сей кометы царскую смерть[20].

Эта запись и сказания Курбского о совещании царя Иоанна Васильевича с волхвами открывают нам, что астрологи приходили к нашим предкам из Лапландии и что они своими предсказаниями внушали народу боязнь при появлении комет, доселе еще продолжающуюся. Заметим здесь, что и русская народная символика есть порождение астрологов.

Авгуры, птицеволшебствующие, предсказывали будущее из явлений молнии и грома, из крика и полета птиц, из клевания курами зерен. Крики ворона, вороны, совы, петуха были предвестниками бедствий; полет орла, коршуна решал походы; клевание зерен курами управляло военными успехами. Авгурология перешла в русскую землю со многими видоизменениями. Еще и теперь поселяне боятся ворона и вороны, страшатся пения курицы; еще и доселе в святочных гаданиях сохраняется клевание зерен курицами.

Прогностики рассеяны были во всей Греции,

---

[20] Примечания: 20

Очень многого о чернокнижии мы не поместили здесь; одни сведения оставлены нами потому, что еще будем о них говорить, а о других не говорим за излишеством.

особливо в Элиде. Эпименид Критский, Аварис Скифский, Эмпедокл Агригентский там были лучшими прогностиками. Эти люди извлекали гадания из обыкновенных явлений природы. Счастье или несчастье семейной жизни объяснялось снами, воззрением животных, звоном в ушах, судорожным движением ресниц. Молитвы и очищения прогностиков содержались в книгах Орфея и Музея.

Учение прогностиков внедрилось в русскую семейную жизнь издревле и продолжается доселе. Простолюдин, объясняя приметы по учению прогностиков, и не помышляет, что он верный их последователь.

Мистагоги, начальники Элевсинских таинств, изъясняли афинянам таинственные учения в святилище Цецеры при явлении страшных призраков.

Видения и призраки русского селянина носят на себе отпечаток учения мистагогов. Люди бывалые, рассказывая о призраках, всегда упоминают вместе о каком-нибудь таинственном сказании.

Сортилеги — люди, гадавшие о событиях по жребиям, составляли особенную касту жрецов в Риме. Гадания сортилегов совершались в урнах. Так они наполняли урну водою, клали в нее до-

щечки, исписанные знаками, и потом, вынимая их, изъясняли значение. Иногда заставляли вынимать лоскутки бумаг, исписанные отборными стихами.

Гадание сортилегов доселе производится в русской земле. Поселянин по жребию решает спорные семейные дела; в деревнях на мирской сходке по жребию выбирают в рекруты; так в городах решали по жребию женихов для девушек. Старожилы еще помнят, как москвичи хаживали с жребиями в церковь Николы Голстунского.

Гаруспексы, гадавшие по жертвам, основывали свои предсказания на внутренностях животных, особенно печени, отгадывали по пламени и дыму.

Учение гаруспексов мало известно русским чародеям; впрочем, уважение кудесников к печени, внимание знахарей к дыму заставляет подозревать, что и оно когда-то было в русской земле.

Пифониссы — фессалийские волшебницы, образуя из себя особенную касту в Фессалии, завораживали угрызение скорпионов, производили бурю, привлекали луну на землю, останавливали солнце, оживляли умерших и низводили живых во гроб. Всему этому верили во всей Греции.

Русское кудесничество и чародейство соста-

вилось из преданий фессалийских волшебниц. Наши сельские колдуньи представляют из себя живой сколок с этих волшебниц.

Прорицалища древнего мира изрекали людям будущее, предсказывали в делах успехи и неудачи. Таковы были: прорицалища Аммона и Амфиарая, оракулы Дельфийский и Додонский, Трофониева пещера.

Прорицалище Юпитера-Аммона находилось в Ливийских степях. Там его капище, окруженное со всех сторон песчаными степями, орошалось прозрачными водами источника солнца. Кумир, вылитый из меди, украшенный драгоценными каменьями, выносили в рощу, где он отвечал вопрошающим не словами, а знаками. Владычество Аммона продолжалось над страстями людей многие века, но во время Страбона оно ослабевало, а при Плутархе ему уже никто не верил[21].

Мы не в состоянии решить трудного вопроса: прорицалище Аммона имело ли влияние на русскую семейную жизнь? Кажется, с несомненною вероятностью можно предполагать, что оно, лишившись значения в верованиях древней жизни, исчезло тогда, когда еще не начиналась русская

---

[21] Примечания: 21
Ист. Гос. Рос. Кар. Т. IX. С. 328.

общественная жизнь.

Прорицалище Амфиарая находилось на границах Виотии и Аттики. Там Амфиарай являлся во сне и отвечал на вопросы.

Кто не заметит, что влияние Амфиарая достигло и русской земли? Явление во сне суженого-ряженого, указывающего простодушной девушке на ее судьбу, носит на себе отпечаток верования виотиан.

Оракул Дельфийский, учрежденный в честь Аполлона Пифийского, находился в виотийском городе Дельфах, в средоточии земли, как говаривали греческие историки. В Дельфах был храм с истуканом, сделанный из лавровых ветвей, Кастальский источник, золотой треножник, поддерживаемый железным драконом. Пифия, возводимая жрецами на треножник, окуриваемая одуряющими растениями, в бешенстве произносила слова вещательные. Оракул Дельфийский существовал двадцать веков и упал тогда, когда христианская религия открыла народам небесные истины.

Мы ничего не можем сказать решительного о влиянии Дельфийского оракула на семейную жизнь русского народа.

Додонский оракул находился в эпирском городе

До-доне, при подошве горы Томари. Там среди священной рощи возвышался храм; там был пророческий дуб; там находился источник минеральных вод. Три жрицы возвещали решение Додонского оракула. Сидя близ пророческого дуба, они вслушивались в шум листьев, потрясаемых ветром, выводили из сего ответы для гадающих; или приходили к источнику прислушиваться к звукам, производимым журчанием воды, и по ним разгадывали.

Понятие русского народа о шуме древесных листьев, о журчании воды доселе сохраняется в семейных преданиях с особенным уважением; но есть ли это влияние До-донского оракула, — решить трудно.

Трофониева пещера находилась близ Ливадии. В храме, построенном среди рощи, стоял истукан, в виде Ескулапия. В мрачной пещере, наполненной зверями и гадами, оглашаемой воплем и стоном мужей и жен, сидели жрецы для ответов приходящим.

Нам неизвестно, было ли какое влияние на русскую землю из поверий Трофониевых пещер.

Чернокнижия древнего мира сохранялись в письменных памятниках. Народ, благоговея к ним, не смел читать ни одного тайного сказа-

ния. Это право предоставлено было жрецам и людям избранным, соображавшимся с ними для решения судьбы и дел. Таковы были: черная магия, Сивиллины книги, книги Орфея и Музея, кабалистика.

Сказания о *черной магии* столь древни, что нет никакой возможности открыть их первоначальное происхождение. Мы встречаем магиков в начале всех историй, и влияние их продолжалось до распространения умственного образования. Говорят, что она существовала от начала мира и сохранена при потопе Хамом в камне. Сын Хамов, известный под названиями — у одних Мизраима, у других Зороастра, у третьих Гермеса, — по преданию своего отца нашел после потопа скрытую книгу его отцом. Книги этой теперь более не существует: она когда-то была истреблена небесным огнем. Верование в бытие черной магии существовало на Востоке в тайных сказаниях. Сосредоточие магиков находилось в Египте. Фараоны, окруженные магиками, производили разные ложные чудеса. Из Египта перенес магию в Грецию Орфей, изменивший тайные сказания в оргию и саббатство. В семейной жизни русского народа черная магия известна под именем чернокнижия. Напрасно мы будем вопрошать века

и людей о переселении тайных сказаний в наше отечество. Темные намеки наших поселян о бытии чернокнижия состоят в том, что она писана непонятными письменами, что когда-то была закладена в Сухареву башню. В современной нашей жизни мы едва встречаем людей, беседующих о предметах, заключающихся в чернокнижии; но предки наши говорили об этом яснее; они даже знали многие названия этим сказаниям. Так они исчислены в Стоглаве.

Книги сивилл хранились в руках женщин — сивилл, имевших дар прорицать и открывать волю богов. В древнем мире всех сивилл считалось 12. Исчисляем их:

I. *Сивилла Персидская,* называвшаяся Самбетою, невесткою Ноевою, пророчествовала двусмысленными стихами из своей книги.

II. *Сивилла Ливийская,* путешествовавшая в Самосе и Дельфах, и, как говорят, упрекавшая людей в идолослужении.

III. *Сивилла Дельфийская,* находившаяся в храме Дельфийском, и, по сказанию Диодора, первая получила имя Сивиллы. Ученые говорят, что Гомер извлек из ее прорицаний некоторые мысли.

IV. *Сивилла Эритрейская* предсказывала падение Трои и, по уверению Евсевия и св. Августина,

ей были известны книги Моисея.

V. *Сивилла Киммерийская.*

VI. *Сивилла Самосская.*

VII. *Сивилла Кумская,* по имени Деифоба, знаменитейшая из всех, имела свое пребывание в Куме. Говорят, что ее отец был Аполлоний, а мать Главка. Эта сивилла продала часть своих книг Тарквинию Гордому. В Риме книги сохранялись в храме Юпитера Капитолийского, под землею, в каменной урне. Квиндецемвиры, жрецы, справлялись с ними в сомнительных случаях государства. Во время сожжения Капитолия, сгорели и сивиллины книги. После этого отправляемы были послы по разным местам для собрания сивиллиных изречений, которые Август положил у подножия Аполлона Палатинского.

VIII. *Сивилла Геллеспонтская* предсказывала во время Солона и Креза.

IX. *Сивилла Фригийская* путешествовала с своими предсказаниями в Анкифе и Галатии.

X. *Сивилла Тибюринская,* или Альбюнейская, была обожаема в Тибуре.

XI. *Сивилла Эпирская.*

XII. *Сивилла Египетская.*

В русском чернокнижии не находим никакого понятия о книгах сивилл. Разве только то

принять во внимание, что нашими колдуньями должны быть непременно старухи безобразные и страшные. Зато дошли до нас западные сказания о сивиллах.

Книги *Орфея* и *Музея* содержали в себе заговоры, очищения, приговоры для усыпления змеи. Орфей, изобретатель саббатства, учредитель оргий и других празднеств Бахуса, по сказанию Цирцея, заимствовал таинственные познания в Египте. Лукиан и Аполлодор уверяют, что книги Орфея состояли из гимнов.

Русское кудесничество, содержащее в себе заговоры на всевозможные случаи, показывает какое-то сходство с гимнами Орфея. Заметим, что заговоры наших кудесников воспевают об одной только семейной жизни.

Кабалистика — знание, созданное евреями для открытия таинственного смысла, — состояла в искусстве разлагать слова и в способе производить сими словами чудеса, произнося их чудесным образом.

Есть намеки в чернокнижии о присвоении кабалистического знания знахарями. Так мы видим в руках знахаря непонятные слова от лихорадок, от укушения бешеных собак. Откуда явилась наша тарабарская грамота?

Гадания древнего мира, рассеянные по всем местам, образовали из себя 12 отдельных таинств. Влияние каждого из них на семейную жизнь доселе еще отражается. Приступим к описанию гаданий.

Антропомантия содержала в себе таинственное прорицание будущего по внутренним частям тела человеческого. Римские императоры Гелиогабал и Юлиан занимались сим гаданием.

Русский народ никогда не касается до внутренних частей тела человеческого, но он судит только умершего по наружному цвету и положению тела. Человек, умерший в судорогах и спазмах, клал неизгладимый порок на будущую участь своего семейства.

Аэромантия объясняла будущие события из состояния воздуха и разных его явлений.

В русской символике аэромантия отражается ясно. В народе еще существует понятие о падении звезд; доселе еще говорят, что каждая падающая звезда есть верный признак смерти какого-нибудь человека. В наших селениях вечернею порой старики рассказывают о бывалом падении облаков на землю — в виде киселя, о падении камней воздушных. Не на этом ли мнении основано уважение поселян к камню Баш и

Баши-ха, находящемуся в Тульской губернии, в Одоевском уезде?

Гидромантия основывалась на предсказании будущего по движению и цвету воды.

В русском чернокнижии это гадание существует во всей своей силе. Наговорить на воду, для открытия похитителя вещей, вменяется в необходимость всякому знахарю.

Гонтия совершалась призыванием духов и вызыванием тени умерших из гробов.

Русское чародейство содержит в себе обряды вызывания духов, и народ верит, что каждый народный чародей может вызвать тень умершего.

Дактиломантия. Гадание, производившееся посредством кольца для узнания врагов. Кольцо, повешенное на нитке, раскачивалось над круглым столом, коего края исписаны были буквами. Буква, на которой останавливалось кольцо, служила ответом.

Дактиломантия перешла и в русское чернокнижие, только с изменением. Наши чародеи берут какое-то змеиное кольцо, вешают его на женском волосе и дожидаются, куда его будет качать ветер: куда кольцо будет более делать наклонения, там живет колдун, очаровавший страдальца, о котором загадывают.

Капномантия. Гадание, извлекаемое из жертвенного дыма, объяснялось жрецами народу при начатии дел.

В русской символике это гадание осталось со многими изменениями. Наши поселяне по дыму узнают погоду и дымом истребляют многие болезни рогатого скота.

Катопромантия. Гадание, производимое зеркалом, разрешало окончание болезни.

В русском чернокнижии зеркалогадание употребляется для многих случаев. Наши поселяне и горожане гадают в зеркале о суженом, о жизни и смерти отсутствующего.

Керомантия — гадание воском; составляло доброе и худое предзнаменование.

В русских святочных гаданиях девушки льют воск в воду для узнания свой судьбы.

Клеромантия. Гадание, основанное на метании шариков, решало дела и называлось по жребию.

Гадание по жребию так усвоилось в русской семейной жизни, что народ всегда прибегает к нему в спорном деле.

Леканомантия. Гадание, производившееся над водою, решало участь людей. Гадатель клал в сосуд, наполненный водою, драгоценные камни, тоненькие золотые и серебряные дощечки с

изображением знаков и читал заговоры. Из воды выходил тихий звук, подобный шипению змей. Этот звук решал вопрос.

В русском чернокнижии сохранились многие обряды гадания над водою. Так, наши знахари, кидая в воду уголь, замечают: кипит ли вода?

Ливаномантия. Гадание, извлекаемое из курения благовонных смол, заключало в себе решение на благоприятные и худые ожидания.

В русских суеверных поверьях смолы заменились ладаном, и народ прибегает к этому гаданию в болезнях.

Метеоромантия. Гадание производилось объяснением воздушных явлений, особливо грома и молнии.

Следы метеоромантии сохранились в русской символике с присовокуплением разных сказаний. Так, девица или женщина, услышавши весною в первый раз гром, бежит к воде для умывания, предполагая, что умывание в это время водою может придать лучший цвет ее лицу. Так, поселянин, из многократного появления в летнее время грома, предполагает, что его домашний скот может безопасно бродить по лесам, не будучи изъязвлен змеями.

Миомантия — гадание, предсказывающее

будущее; основывалось на крике и прожорстве мышей и крыс. Было время, когда Рим трепетал от крика сих животных.

В русских селениях появление мышей всегда угрожает бедствиями. Платье поселянина, изгрызанное мышами, предвещает ему беду неминучую. При начале весны мыши, бегающие по полям, наводят тоску на крестьянина о неурожае.

Некромантия производилась очарованием трупов для вызывания духов.

В русском чернокнижии существует только одно поверье об этом гадании. Наши чародеи, несмотря на свою дерзость, не смеют прикасаться к трупам умерших людей.

Онихомантия составляла гадание по ногтям. Гадатели натирали ногти мальчикам деревянным маслом и сажею и заставляли держать их перед солнцем. Появившиеся изображения решали гадание.

Наши поселяне до сих пор замечают обновы — белые пятнышки, являющиеся в средине и на краях ногтей, судят по цвету ногтей о жизни, здоровье и болезни человека.

Ооскопия. Разгадывали изображения на яйце, по желанию беременных женщин, для узнания,

кого родят?

В русской семейной жизни это гадание доселе существует. Беременная женщина вынимает из-под наседки яйцо, разбивает, смотрит, какого пола зародыш, того же должен быть и будущее дитя.

Психомантия — гадание, основанное на призывании теней умерших людей; составляло одно таинство с некромантиею.

Тератоскопия составляла особенный род гаданий из объяснения необыкновенных явлений в природе.

Это гадание вошло с изменениями в русскую символику. Так, животные, родившиеся о трех ногах, животные двуглавые наводили ужас на душу простолюдина и были истребляемы, как порождение нечистой силы.

Тефраномантия — гадание золою, разрешало вопросы жертвоприносителей.

Зола в русском чернокнижии имеет почетное преимущество пред прочими веществами. Чародей всегда имеет при себе золу из семи печей и посыпает ею след человеческий, когда совершает чары. Так, разгневанный поселянин бросает на двор своего соседа горстями золу, с намерением истребить все растущее на его земле.

Эноптромантия совершалась гаданием в зеркале. Фессалийские чародеи заставляли приходящих читать ответы, писанные на зеркале кровию, отражавшиеся на другом теле.

В русских святочных гаданиях эноптромантия осталась в измененном виде.

Вот очевидные доказательства о переселении тайных сказаний древнего мира в русскую землю и о составлении русского чернокнижия. Мы смело можем сказать, что на нашей родной земле ни один русский человек не был изобретателем тайных сказаний. Люди, бывалые из наших предков в чужих странах, и чужеземщина, приходившая на нашу родину, рассказывали в семейных беседах о существовании чернокнижия в чужих землях. Эти рассказы, западая в сердца простодушные, переходили из рода в род и клеймились суеверием наших предков. Такое мнение, принимаемое нами за положительное основание, найдет свое подтверждение в самом описании чернокнижия.

Несмотря на то, в русской жизни понятие о тайных сказаниях представляется совершенно в другом виде, нежели как мы встречаем у других народов. Это так и должно быть. Общественное образование русского народа, совершаясь неза-

висимо от влияния других народов, по своим собственным законам, выражалось в умственной жизни двумя отдельными знаменованиями: *понятиями общественными и семейными.*

Русские общественные понятия всегда существовали на краеугольном основании христианского православия.

Иерархи, как пастыри церкви и учители народа, князья и цари, как священные властелины и блюстители народного благоденствия, — были представителями общественных понятий. Находясь в руках столь важных лиц, понятия эти всегда были целы и невредимы, как была цела и невредима русская жизнь. От этого самого в нашем отечестве никогда не было переворотов в общественных понятиях, внесенных соседними народами. Все совершалось постепенно, в течение многих веков, людьми, являвшимися из среды своих соотечественников. Славянин, сближаясь на севере с скандинавом, был только покорен его мечу, но не слову; платил ему дань своими избытками, но не хвалебными песнями; дал ему приют на своей земле, но не принял от него письмен. Славянин, уклоняясь на восток, сблизился с греком; принял от него веру, приютил греческих пришельцев, учился у него, чего

недоставало для его умственной жизни; но никогда не говорил его языком, никогда не менял своих понятий общественных на его понятия; он остался в полном смысле славянином. Никогда не ходил он на Запад. Люди фряжские сами приходили в его жилище, сами призывали его в участники. Равнодушный к Западу, он чуждался и слов, и дел фряжских. Об Юге он забыл почти с того самого времени, как судьба бросила его из Индии на землю Северной Европы, где он назвал себя славянином. Во всех переворотах соседних стран он не был участником. В этом-то самом заключалась ненарушимость русского общественного понятия.

Русские семейные понятия существовали на своих отдельных основаниях и, порождавшиеся в семействах, никогда не сливались с общественными понятиями. В них не было единства; они были столько различны, сколько тогда были различны границы русской земли. На этих заповедных чертах все изменялось от стечения чужеземных мнений. Облекаясь русским словом в гостеприимных семействах, эти мнения переносились от одного селения к другому. Пришельцы и люди бывалые были передавателями чужеземных мнений.

Пришельцами в русской старой жизни назывались все чужеземцы, люди нерусской крови, люди нерусской веры. Никогда добрая воля не загоняла пришельца на русскую землю: нужда и корысть влекли его к нашим предкам. Хлебосольство русское давало приют всякому пришельцу. Старейшины семейств, угощая заезжего человека, любили слушать его рассказы об отдаленных странах. Эти-то рассказы, передаваясь от отца к сыну, усваивались русской жизнью, когда они снисходили слабостям. Мы, люди XIX века, не можем теперь исследовать, что нравилось нашему предку, жившему в X и XII столетиях, из рассказов чужеземных. Но, принимая в соображение тогдашнее умственное образование, дошедшие до нас письменные памятники и рассказы о бывалом из древней жизни, мы смело можем сказать, что наши предки любили более чудесное, поражавшее их воображение, любили более великое, поражавшее их ум, любили более ужасное, оцепенявшее их чувства. При всем том пришлец был всегда чужим для русского в общественной жизни, и только одни простодушные принимали участие в его словах и делах.

Людьми бывалыми на Руси почитались сородичи наших предков, люди, бывшие в чужих

землях, люди, пересмотревшие все заморские дивы, люди, услаждавшие своими беседами и старика, и юношу. Рассказы бывалого человека записывались в кельях отшельников и читались в семейных беседах. Таковы были наши паломники и ходебщики. Они — наставники в делах, врачи в болезнях, советники в семейных назначениях — более всего имели влияние на введение чужеземного в семейные понятия, нежели участие пришельца. Зато люди бывалые никогда не выходили из круга семейного, никогда не были участниками в обновлениях общественной жизни.

Принимая в соображение эти два источника чужеземных внесений, мы понимаем, как трудно было чужеземному мышлению войти в состав общественного понятия, как трудно было ему усвоиться с русскою общественною жизнью. Но, несмотря на столько веков, современное просвещение резкою чертою отличает все чужеземные понятия, заимствованные нашими предками. Глядя с этой точки на тайные сказания других народов, мы убедились, что они перешли в русскую землю со многими изменениями, с изменениями, возможными для русской семейной жизни. На этих-то изменениях мы будем следить остатки

русского чернокнижия, и данными подробностями поверять идеи, допущенные нами при всеобщем взгляде на мировое чернокнижие.

Русское чернокнижие, сообразно народным семейным понятиям, мы разделяем на четыре сказания, совершенно разнообразные по излагаемым в них предметам. В первом сказании помещается *кудесничество,* во втором описывается *чародейство,* в третьем предлагается *знахарство,* в четвертом представляется *ворожба.*

Русское кудесничество мы представляем так, как оно обращается в устах народных, без перемены понятий и слов. Соблюдая это, мы сохраним, так сказать, словесность простолюдинов, неизменный глагол многих веков, глас людей отдаленных и понятиями и поверьями от нашей жизни. Если, с одной стороны, все кудеснические заговоры есть совершенный вздор, созданный для обольщения народа, то с другой, мы замечаем в них дух поэзии, жившей в песнях и сказках, услаждавших некогда наших предков в дни скорбные. Здесь сохранилась наша родная, русская поэзия; здесь блюдутся наши поэмы и были; здесь читаем жизнь наших предков.

Все представляемые здесь заговоры подслушаны мною в семейных разговорах поселян

Тульской губернии, выписаны из тетрадки, писанной польскими буквами и принадлежавшей некогда веневскому деду; некоторые получены от саратовского помещика, собиравшего их по моей просьбе из рассказов волжских рыбаков; а другие были присланы ко мне из Тихвина от г. Парихина.

Вслушиваясь в заговоры, невольно спрашиваем себя: кто был творцом этой поэзии? Неужели мы будем сомневаться, что этими напевами оглашалась наша родина, когда в их звуках слышен русский дух, когда в них говорит русское сердце о старине родной, о радости домашней, о беде семейной, о любви девичьей красы, о зазнобе молодеческой? Здесь все предметы взяты из жизни семейной, чуждой общественных отношений, удаленной в хижины и поля, сокровенной от взора испытующих людей. Следовательно, здесь человек только пел сам с собою. Замечательно, что здесь нет ни одного чужеземного слова, ни одного выражения: все говорит русским языком и о русской жизни. Мы также не смеем допустить здесь сомнения, что эта поэзия не была до последней степени подражательною; но со всем тем в ней есть и самобытное; она воспевала по вдохновению русского сердца заповедные тайны.

Это мы готовы подтвердить наблюдениями.

Народная поэзия всех веков и всех народов воспевала семейную жизнь. Русский народ, пленяясь предметами, очаровавшими его уединенную жизнь, воспел в своих думах и тайные сказания. В таком направлении он незаметно сходился с другими народами. Для доказательства представляем образчики чужеземных заговоров.

«Le magicien Lexilis menait fort durement les puissances des te´ne`bres, et faisait dresser les cheveux aux assistans, quand il hurlait ses exe´crables evocations».

«Divinites formidables, s'ecriait-il, hatez vous d'accourir, et craignez d'offenser ces cheveux gris et cette verge, qui vous ferait bient^ot repentir de vos relais... je vous en avertis d'avance, obeissez promptement, autrement je fais penetrer le jour dans vos sombres demeures, je vous en tire toutes l'une apres l'autre, je vous destitue de tout pouvoir, je vous poursius par les buchers, je vous chasse des sepulcres;et je ne permettrai pas me^me aux de´serts de la Thebeide de vous receler dans leur solitude. Et toi, arbitre des enfers, si tu me crains commande a` tes Esprits, commande a` tes Furies, commande a` quelques ombres d'accourir; pousseles hors de tes manoirs a` coups des scorpions, et ne permets pas

que j’interrompe le silence des tiens par des menaces plus horribles».

«Oraison du loup: Viens, be^te a` laine; c’est l’agneau de l’humilité; je te garde. C’est l’agneau du Redempteur, qui a jeune quarante jours, sans rebellions, sans avoir pris aucun repas de l’ennemi, et fut tente en verité. Vadroit, betegrise, agris aggripence, vachercher laproie, loups et louveteaux; tu n’as point a` venir a` cette viande, qui est ici. Au nom du Pe`re et du Fils et du Saint-Esprit. Aussi: *vade retro o Satana!*

Prie`re des bergers pour preserver les troupeaux de la gale, de la rogne et de la clavelee, trouvée dans un manuscrit rare et precieux.

Ce fut par un lundi au matin que le soleil paru^t, un pastoureau cherchant ses troupeaux, il dit: mon troupeau sera sain et joli, qui est sujet a` moi[22]».

Русское *чародейство* описывает чары, совершаемые в селениях. Прилагая, по возможности, объяснения этим затейливым вымыслам, мы уверены, что простодушные люди поймут свое

---

[22] Примечания: 22

Le magicien Lexilis, qui florissait a` Tunis, etait fort mauvais prisonnier. V. Chroniques et contes de Mouchenberg. Ancienne Chronique de la odre (?). Jacques Meyer. Cardan dans ses contes. (Маг Лексили, который процветал в Тунисе и был ужасно дурным узником. См.: Хроники и сказки Мушенберга. Древняя хроника ордена (?). Жак Мейер. Кардан в своих сказках) *(фр.).*

ослепление, хотя для них обольстительное. С этою целью избраны здесь только те, которые более всех памятны. Люди, хотя несколько вникавшие в народное суеверное понятие, люди, знающие доверенность поселян к чудесному, оправдают цель, избранную нами.

Русское *знахарство* излагает отъявленные обманы знахарей, но которые, по непонятному стечению обстоятельств, принимаются в простом народе за спасительные действия. Мы часто слышим в рассказах бывалых людей, как в старину знахари ввергали целые селения в бедствия. С истинным желанием добра простодушным людям излагаем здесь обманы знахарей, бродящих из одного селения в другое и живущих за счет ближнего.

Русская *ворожба* представляет народные гадания, распространяемые записными гадательницами по городам и селениям. Многие из них приносят оскорбления семейной жизни по своим последствиям; другие же, напротив, — как святочные гадания — составляют увеселительные занятия. Здесь приводятся те и другие — с целью разоблачить таинственные ожидания простого народа. Может быть, время и обстоятельства изгладят эти остатки суеверий, перешедших к на-

шим предкам из чужих стран. Но, пока настанет это благодетельное время, пока явятся счастливые обстоятельства — пускай простодушные наперед ознакомятся с ничтожеством сельских гаданий.

Во всех народных сказаниях мы часто сохраняли многие слова, подслушанные в сельских разговорах, имеющие совершенно другое значение в современной нашей жизни. Мы даже сохранили названия разных гаданий, хотя некоторые из них с первого взгляда, кажется, состоят из повторений одного и того же. Не думаем, чтобы нас в этом обвиняли: сами предметы говорят о такой необходимости. Кроме сего, почитаем обязанностью предуведомить почтенных соотечественников, что в наших сказаниях не все то помещено, что известно в селениях. Так, одного мы не могли вместить здесь по внутреннему нашему убеждению, как оскорбительного для современного просвещения; другое представлялось противным нашей жизни и нашим отношениям. Русская сельская жизнь неистощима в своих рассказах: надобно много людей и много времени, чтобы вполне представить ее домашний быт.

Сказания о кудесничестве

1. Заговор от недугов красной девицы в болезни полюбовного молодца

Ложилась спать я, раба такая-то, в темную вечернюю зарю темным-темно; вставала я, такая-то, в красную утреннюю зарю светлым-светло; умывалась свежею водою; утиралась белым платком. Пошла я из дверей во двери, из ворот в ворота, и шла путем-дорогою, сухим-сухопутьем, ко Океан-морю, на свят остров; от Океан-моря узрела и усмотрела, глядючи на восток красного солнышка, во чисто поле, а в чистом поле узрела и усмотрела: стоит семибашенный дом, а в том семибашенном доме сидит красная девица, а сидит она на золотом стуле, сидит, уговаривает недуги, на коленях держит серебряное блюдечко, а на блюдечке лежат булатные ножички. Взошла я, раба такая-то, в семибашенный дом, смирным-смирнехонько, головой поклонилась, сердцем покорилась и заговорила:

К тебе я пришла, красная девица, с покорищем об рабе таком-то; возьми ты, красная девица, с серебряного блюдечка булатные ножички в

правую руку, обрежь ты у раба, такого-то, белую мякоть, ощипи кругом его и обери: скорби, недуги, уроки, призороки, затяни кровавые раны чистою и вечною своею пеленою. Защити его от всякого человека: от бабы-ведуньи, от девки простоволосой, от мужика-одноженца, от двоеженца и от троеженца, от черноволосого, рыжеволосого. Возьми ты, красная девица, в правую руку двенадцать ключев и замкни двенадцать замков, и опусти эти замки в Океан-море, под Алатырь камень. А в воде белая рыбица ходит, и она б те ключи подхватила и проглотила; а рыбаку белой рыбицы не поимывать, а ключев из рыбицы не вынимывать, а замков не отпирывать. Не дужился бы недуг у раба, такого-то, по сей день, по сей час. Как вечерняя и утренняя заря станет потухать, так бы у моего друга милого всем бы недугам потухать, и чтобы недуг не дужился по сей час, по мое крепкое слово, по его век.

Заговариваю я, раба такая-то, своего полюбовного молодца — такого-то — от мужика колдуна, от ворона кар-куна, от бабы колдуньи, от старца и старицы, от посхимника и посхимницы. Отсылаю я от своего друга милого всех по лесу ходить, игольник брать, по его век, и пока он жив, никто бы его не обзорочил и не обпризорил.

2. Заговор красной девицы о сбережении в дороге полюбовного молодца

Ложилась спать я, раба такая-то, в темную вечернюю зарю, поздным-поздно; вставала я в красную утреннюю зарю, раным-рано; умывалась ключевою водою из загорного студенца; утиралась белым платом родительским. Пошла я из дверей в двери, из ворот в ворота, и вышла в чистое поле. В чистом поле охорошилась, на все четыре стороны поклонилась, на горюч камень Алатырь становилась, крепким словом заговорилась, чистыми звездами обтыкалась, темным облаком покрывалась.

Заговариваю я, раба такая-то, своего полюбовного молодца — такого-то — о сбереженьи в дороге: крепко-накрепко, на век, на всю жизнь.

Кто из лугу всю траву выщипит и выест, из моря всю воду выпьет и не взалкает, и тот бы мое слово не превозмог, мой заговор не расторг. Кто из злых людей его обзорочит и обпризорочит, и околдует, и испортит, у них бы тогда из лба глаза выворотило в затылок; а моему полюбовному молодцу — такому-то — путь и дороженька, доброе

здоровье на разлуке моей.

3. Заговор от тоски родимой матушки в разлуке с милым дитяткою

Разрыдалась я родная, раба такая-то, в высоком тереме родительском, с красной утренней зари, во чисто поле глядючи, на закат ненаглядного дитятки своего ясного солнышка — такого-то. Досидела я до поздней вечерней зари, до сырой росы, в тоске, в беде. Не взмилилось мне крушить себя, а придумалось заговорить тоску лютую, гробовую. Пошла я во чисто поле, взяла чашу брачную, вынула свечу обручальную, достала плат венчальный, почерпнула воды из загорного студенца. Стала я среди леса дремучего, очертилась чертою призорочною и возговорила зычным голосом:

Заговариваю я своего ненаглядного дитятку, такого-то, над чашею брачною, над свежею водою, над платом венчальным, над свечею обручального. Умываю я своего дитятку во чистое личико, утираю платом венчальным его уста сахарные, очи ясные, чело думное, ланиты красные, освечаю свечою обручального его становый кафтан, его шапку соболиную, его подпоясь узорчатую,

его коты шитые, его кудри русые, его лицо молодецкое, его поступь борзую. Будь ты, мое дитятко ненаглядное, светлее солнышка ясного, милее вешнего дня, светлее ключевой воды, белее ярого воска, крепче камня горючего Алатыря. Отвожу я от тебя черта страшного, отгоняю вихоря бурного, отдаляю от лешего одноглазого, от чужого домового, от злого водяного, от ведьмы киевской, от злой сестры ее муромской, от моргуньи-русалки, от треклятой бабы-яги, от летучего змея огненного, отмахиваю от ворона вещего, от вороны-каркуньи, заслоняю от Кащея-Ядуна, от хитрого чернокнижника, от заговорного кудесника, от ярого волхва, от слепого знахаря, от старухи-ведуньи. А будь ты, мое дитятко, моим словом крепким — в ноши и в полунощи, в часу и в получасьи, в пути и дороженьке, во сне и наяву — укрыт от силы вражия, от нечистых духов, сбережен от смерти напрасной, от горя, от беды, сохранен на воде от потопления, укрыт в огне от сгорения. А придет час твой смертный, и ты вспомяни, мое дитятко, про нашу любовь ласковую, про наш хлеб-соль роскошный, обернись на родину славную, ударь ей челом седмерижды семь, распростись с родными и кровными, припади к сырой земле и засни сном сладким,

непробудным.

А будь мое слово сильнее воды, выше горы, тяжелее золота, крепче горючего камня Алатыря, могучее богатыря. А кто вздумает моего дитятку обморочить и узорочить, и тому скрыться за горы Араратские, в бездны преисподние, в смолу кипучую, в жар палючий. А будут его чары — ему не в чары, морочанье его не в морочанье, узорчанье его не в узорчанье.

4. Заговор охотника на постановных клетях для зайцев

Встаю я, раб такой-то, засветло, умываюсь ни бело, ни черно, утираюсь ни сухо, ни мокро. Иду я из дверей в двери, из ворот в вороты, в чисто поле, к лесу дремучему, а из леса дремучего бегут ко мне навстречу двадцать сатанаилов, двадцать дьявоилов, двадцать леших, двадцать полканов — все пешие, все конные, все черные, все белые, все высокие, все низкие, все страшные, все робкие: стали предо мною те сатанаилы, те дьявоилы, те лешие, те полканы, стали на мою услугу и подмогу. Подите вы, сатана-илы, дьявоилы, лешие и полканы — в такой-то — остров, пригоните русаков и беляков на мои клевы поставные:

сумеречные, вечерние, ночные, утренние и полуденные.

Пригоните, остановите и в моих клетях примкните.

5. Заговор на путь-дороженьку

Еду я из поля в поле, в зеленые луга, в дольные места, по утренним и вечерним зорям; умываюсь медяною росою, утираюсь солнцем, облекаюсь облаками, опоясываюсь чистыми звездами. Еду я во чистом поле, а во чистом поле растет одолень-трава. Одолень-трава! Не я тебя поливал, не я тебя породил; породила тебя мать-сыра земля, поливали тебя девки простоволосые, бабы-самокрутки. Одолень-трава! Одолей ты злых людей: лихо бы на нас не думали, скверного не мыслили. Отгони ты чародея, ябедника. Одолень-трава! Одолей мне горы высокие, долы низкие, озера синие, берега крутые, леса темные, пеньки и колоды. Иду я с тобою, одолень-трава, к Океан-морю, к реке Иордану, а в Океан-море, в реке Иордане лежит бел-горюч камень Алатырь. Как он крепко лежит предо мною, так бы у злых людей язык не поворотился, руки не подымались, а лежать бы им крепко, как лежит бел-горюч камень Алатырь.

Спрячу я тебя, одолень-трава, у ретивого сердца, во всем пути и во всей дороженьке.

6. Заговор на укрощение гнева родимой матушки

На велик день я родился, тыном железным оградился и пошел я к своей родимой матушке. Загневилась моя родимая родушка, ломала мои кости, щипала мое тело, топтала меня в ногах, пила мою кровь. Солнце ясное, звезды светлые, небо чистое, море тихое, поля желтые — все вы стоите тихо и смирно; так была бы тиха и смирна моя родная матушка по вся дни, по вся часы, в нощи и полу-нощи. Как пчела поноску носит, так бы родимая матушка плодила добрые словеса за меня, своего родного сына. Как воск тает и горит от лица огня, так бы горело и таяло сердце моей родимой матушки. Как лебедь по лебедке тоскует, так бы моя родимая матушка тосковала по мне, своем родном сыне. Как студенец льет по вся дни воду, так бы текло сердце родимой матушки ко мне, своему родному сыну. Как дверь к косяку притворяется, так бы мои словеса к родимой матушке притворялись, по вся дни, по вся часы, во дни и нощи, в полдень и полночь.

7. Заговор на укрощение злобных сердец

Сажусь в сани, крытые бобрами, и соболями, и куницами. Как лисицы и куницы, бобры и соболи честны и величавы между панами и попами, между миром и селом; так мой нарожденный сын был бы честен и величав между панами и попами, между миром и селом. Еду на гадине, уж погоняет, а сам дюж, у панов и судьев полон двор свиней, и я тех свиней переем. Суд судом, век веком! Сею мак. Разыдутся все судьи, а тыя сидят, что меня едят. Меня не съедят; у меня медвежий рот, волчьи губы, свиные зубы. Суд судом, век веком! Кто мой мак будет подбирать, тот на меня будет суд давать. Спрячу я свой мак в железную кадь, а брошу кадь в Океан-море. Океан-море не высыхает, кади моей никто не вынимает, и маку моего никто не подбирает. Суд судом, век веком! Замыкаю зубы и губы злым сердцам, а ключи бросаю в Океан-море, в свою железную кадь. Когда море высохнет, когда мак из кади поедят, тогда мне не бывать. Суд судом, век веком!

8. Заговор на посажение пчел в улей

Пчелы роятся, пчелы плодятся, пчелы смирятся. Стану я на восток, против дольней стороны, и слышу шум и гул пчел. Беру я пчелу роя, окарая, сажаю в улей. Не я тебя сажаю, сажают тебя белые звезды, рогоногий месяц, красное солнышко, сажают тебя и укорачивают. Ты, пчела, ройся у такого-то, на округ садись. Замыкаю я тебе, матка, все пути-дороги ключом, замком; а бросаю свои ключи в Океан-море, под зеленый куст; а в зеленом кусте сидит матка, всем маткам старшая, сидит и держит семьдесят семь жал, а жалит непокорных пчел. А будет вы, пчелы, моим словам не покоритесь, сошлю я вас в Океан-море, под зеленый куст, где сидит матка, всем маткам старшая, и будет за ваше непокорище жалить вас матка в семьдесят семь жал. Слово мое крепко!

9. Заговор на утихание крови

Два брата камень секут, две сестры в окошко глядят, две свекрови в воротах стоят. Ты, свекровь, воротись, а ты, кровь, утолись; ты, сестра,

отворотись, а ты, кровь, уймись; ты, брат, смирись, а ты, кровь, запрись. Брат бежит, сестра кричит, свекор ворчит. А будь мое слово крепко на утихание крови у раба, такого-то, по сей час, по сию минуту!

10. Заговор от укушения змеи

Змея Македоница! зачем ты, всем змеям страшная и большая, делаешь такие изъяны, кусаешь добрых людей.

Собери ты своих теток и дядей, сестер и братьев, всех родных и чужих, вынь свое жало из греховного тела, у раба такого-то; а если ты не вынешь своего жала, то нашлю на тебя грозную тучу, каменьем побьет, молнией пожжет.

От грозной тучи нигде ты не укроешься: ни под землею, ни под межою, ни в поле, ни под колодою, ни в траве, ни в сырых борах, ни в темных лесах, ни в оврагах, ни в ямах, ни в дубах, ни в норах. Сниму я с тебя двенадцать шкур с разными шкурами, сожгу самою тебя, развею по чистому полю. Слово мое не прейдет ни в век, ни во век!

11. Заговор от ужаления козюльки

На море на Океане, на острове Буяне, стоит дуб ни наг, ни одет, под тем дубом стоит липовый куст, под тем липовым кустом лежит златой камень, на том камне лежит руно черное, на том руне лежит инорокая змея Гарафена. Ты, змея Гарафена, возьми свое жало из раба такого-то, отбери от него недуги. А коли ты не возьмешь свое жало, не отберешь недугов, ино я выну два ножа булатные, отрежу я у змеи Гарафены жало, положу в три сундука железные, запру в два замка немецкие. Ключ небесный, земный замок! С этого часу, с полудня, с получасу, да будет бездыханна всякая козюлька, и ужаления ее в неужаления. А вы, змеи и змеицы, ужи и ужицы, медяницы и саранчи — бегите прочь от раба такого-то по сей век, по сей час. Слово мое крепко!

12. Заговор на отгнание черных муриев

За морем синим, за морем Хвалынским, посреди Океан-моря, лежит остров Буян; на том острове

Буяне стоит дуб, под тем дубом живут седьмерицею семь старцов, ни скованных, ни связанных. Приходил к ним старец, приводил к ним тьму тем черных муриев. Возьмите вы, старцы, по три железных рожна, колите, рубите черных муриев на семьдесят семь частей.

За морем синим, за морем Хвалынским, посреди Океан-моря, лежит остров Буян; на том острове Буяне стоит дом, а в том доме стоят кади железные, а в тех кадях лежат тенета шелковые. Вы, старцы, ни скованные, ни связанные, соберите черных муриев в кади железные, в тенета шелковые, от раба такого-то.

За морем синим, за морем Хвалынским, посреди Океан-моря, лежит остров Буян; на том острове Буяне сидит птица Гагана, с железным носом, с медными когтями. Ты, птица Гагана, сядь у дома, где стоят кади железные, а в кадях лежат черные мурии, в шелковых тенетах; сиди дружно и крепко, никого не подпускай, всех отгоняй, всех кусай. Заговариваю я сим заговором раба такого-то, от черных муриев, по сей день, по сей час, по его век. А будь мой заговор долог и крепок. Кто его нарушит, того черные мурии съедят. Слово мое крепко!

13. Заговор от червей

Татарин, татарин, злодейской породы, урод из всех уродов! Зачем ты, татарин, сеешь червей у моей лошади из такого-то места? Если не выведешь, то вырву тебя с корнем, заброшу за синюю даль; ты засохнешь, как порошинка. Вспомнишь ты свою ошибку, да будет поздно.

14. Заговор от зубной скорби

Заря-зарница, красная девица, полуношница, в поле заяц, в море камень, на дне лимарь. Покрой ты, зарница, мои зубы скорбны своею фатою от проклятого лимаря; за твоим покровом уцелеют мои зубы. Враг лимарь, откачнись от меня; а если ты будешь грызть мои белые зубы, сокрою тебя в бездны преисподние. Слово мое крепко!

15. Заговор от зубной скорби

Месяц, ты месяц, серебряные рожки, златые твои ножки. Сойди ты, месяц, сними мою зубную скорбь, унеси боль под облака. Моя скорбь ни

мала, ни тяжка, а твоя сила могуча. Мне скорби не перенесть, а твоей силе пере-несть. Вот зуб, вот два, вот три: все твои; возьми мою скорбь. Месяц, ты месяц, сокрой от меня зубную скорбь!

16. Заговор от зубной скорби

Иду я ни улицею, ни дорогою, а по пустым переулкам, по оврагам, по каналам. Навстречу мне заяц. Заяц, ты заяц: где твои зубы? Отдай мне свои, возьми мои. Иду я ни путем, ни дорогою, а темным лесом, сырым бором. Навстречу мне серый волк. Волк, ты серый волк: где твои зубы? Вот тебе мои зубы, отдай мне свои. Иду я ни землею, ни водою, а чистым полем, цветным лугом. Навстречу мне старая баба. Старая ты баба: где твои зубы? Возьми ты волчьи зубы, отдай мне свои выпалые. Заговариваю я зубы крепко-накрепко у раба такого-то, по сей день, по сей час, на век веком!

17. Заговор от зубной скорби

Марфа, Мария и Пелагея, три сестры Лазаревы, подите к своему брату Лазарю, спросите у своего

брата Лазаря: не болят ли у тебя зубы? Не ломят ли у тебя кости? Нет, сестрицы! Не болят у меня зубы, не ломят у меня кости. Заговариваю я раба такого-то, чтобы у него не болели кости, не ломили зубы, по сей час, по сей день, по всю жизнь.

Чуда водяной! Возьми зуб ломовой у раба такого-то. Не болят у раба такого-то зубы; болят зубы у кошки, у собаки, у лисицы, у волка, у зайца, у крота, у быка, у коровы, у свиньи, у лошади, у козла, у барана, у овцы, по вся дни, по все часы, по всю их жизнь, злым мученьем и сокрушеньем.

18. Заговор от пищалей и стрел

За дальними горами есть Океан-море железное, на том море есть столб медный, на том столбе медном есть пастух чугунный, а стоит столб от земли до неба, от востока до запада, завещает и заповедывает тот пастух своим детям: железу, укладу, булату красному и синему, стали, меди, проволоке, свинцу, олову, сребру, золоту, каменьям, пищалям и стрелам, борцам и кулачным бойцам, большой завет:

Подите вы: железо, каменья и свинец, в свою мать-землю от раба такого-то, а дерево к берегу, а перья в птицу, а птица в небо, а клей в рыбу, а

рыба в море, сокройтесь от раба такого-то. А велит он: ножу, топору, рогатине, кинжалу, пищалям, стрелам, борцам, кулачным бойцам быть тихим и смирным. А велит он: не давать выстрелить на меня всякому ратоборцу из пищали, а велит схватить у луков тетивы и бросить стрелы в землю. А будет мое тело крепче камня, тверже булату, платье и колпак крепче панцыря и кольчуги. Замыкаю свои словеса замками, бросаю ключи под бел-горюч камень Алатырь. А как у замков смычи крепки, так мои словеса метки.

19. Заговор от ратных орудий

Летел орел из-за Хвалынского моря, разбросал кремни и кремницы по крутым берегам, кинул громову стрелу во сыру землю. И как отродилась от кремня и кремницы искра, от громовой стрелы полымя, и как выходила грозная туча, и как проливал сильный дождь, что им покорилась и поклонилась селитра-порох, смирным-смирнехонько. Как дождь воды не пробил, так бы меня, такого-то, и моего коня искры и пули не пробивали, тело мое было бы крепче белого камня. И как от воды камни отпрядывают, и пузыри вскакивают, так бы от ратных орудий прядали мимо меня

стрелы и порох-селитра. Слово мое крепко!

20. Заговор от пуль свинцовых, медных, каменных

В высоком терему, в понизовском, за рекою Волгою, стоит красная девица, стоит, покрашается, добрым людям похваляется, ратным делом красуется. Во правой руке держит пули свинцовые, во левой медные, а в ногах каменные. Ты, красная девица, отбери ружья: турецкие, татарские, немецкие, черкасские, русские, мордовские, всяких языков и супостатов; заколоти ты своею невидимою силою ружья вражие. Будут ли стрелять из ружья, и их пули были бы не в пули: а пошли бы эти пули во сыру землю, во чисто поле. А был бы я на войне цел и невредим, и мой конь был бы цел и невредим; а была бы моя одежда крепче панциря. Замыкаю свои приговорные словеса замком и ключ кидаю в Океан-море, под горюч камень Алатырь. И как морю не высыхать, камня не видать, ключей не доставать, так меня пулям не убивать, до моего живота, по конец века.

21. Заговор на железо, уклад, сталь, медь

Мать-сыра земля, ты мать всякому железу, а ты, железо, поди во свою матерь — землю, а ты, древо, поди во свою матерь — древо, а вы, перья, подите во свою матерь — птицу, а птица полети в небо, а клей побеги в рыбу, а ты, рыба, поплыви в море, а мне бы, рабу такому-то, было бы просторно по всей земле. Железо, уклад, сталь, медь, на меня не ходите, воротитеся ушьми и боками. Как мятелица не может прямо лететь, и ко всякому древу близко приставать, так бы всем вам ни мочно ни прямо, ни тяжело падать на меня и моего коня, и приставать ко мне и моему коню. Как у мельницы жернова вертятся, так железо, уклад, сталь и медь вертелись бы кругом меня, а в меня не попадали. А тело бы мое было от вас не окровавлено, душа не осквернена. А будет мой приговор крепок и долог!

22. Заговор на карты

Тридцать шесть карт, сестры и братья, кумы

и кумовья, сваты и сватьи, дяди и тетки, отцы и матери, дочери и падчерицы, сыновья и пасынки, свекрови и золовки, тести и тещи, зятья и свояки, золовки и невестки, все вы черные, все вы белые, все красные, скажите мне всю сущую правду: что я думаю? что буду думать? Скажите, не утаите, по всей справедливости, как вы говорили дочерям Иродовым, на брачном пиру, во почетном столу. А будет не скажете вы сущей правды, не взыщете моей беды, ино вам не жить более на белом свете; а размычу я вас по чистому полю, по зеленым дубровам, по крутым берегам, по синим морям. А будет вы скажете сущую правду, ино вам будет житье привольное, раздольное. Заговариваю я, раба такая-то, на карты на выведывание своей думы, на спознание дел чужих. Слово мое крепко!

23. Заговор от осы

Оса, мать всем осам, ты мне не мать. Осятки-детки, всем детям детки, вы мне не дети. Беру я закручен-траву, сушу на сыром бору, жгу в зеленом лугу. Осятки, летите на дым; оса, беги в сырой бор. Слово замок, ключ язык!

24. Заговор от запоя

Ты, небо, слышишь, ты, небо, видишь, что я хочу делать над телом раба, такого-то. Тело Маерена, печень тезе. Звезды вы ясные, сойдите в чашу брачную; а в моей чаше вода из загорного студенца. Месяц ты красный, сойди в мою клеть; а в моей клети ни дна, ни покрышки. Солнышко ты привольное, взойди на мой двор; а на моем дворе ни людей, ни зверей. Звезды, уймите раба такого-то от вина; месяц, отврати раба такого-то от вина; солнышко, усмири раба такого-то от вина. Слово мое крепко!

25. Заговор на остановление руды

Ехал человек стар, конь под ним карь, по ристаням, по дорогам, по притонным местам. Ты, мать-руда жильная, жильная, телесная, остановись, назад воротись. Стар человек тебя запирает, на покой согревает. Как коню его воды не стало, так бы тебя, руда-мать, не бывало. Слово мое крепко.

26. Заговор на остановление руды

На море на Океане, на острове на Буяне, стоит дуб ни наг, ни одет. Под дубом сидят тридевять три девицы, колят камку иглами булатными. Вы, девицы красные: гнется ли ваш булат? Нет! Наш булат не гнется. Ты, руда, уймись, остановись, прекратись. Слово мое крепко!

27. Заговор на остановление руды

Летит ворон без крыл, без ног, садится ворон к рабу такому-то на главу и на плечо. Ворон сидит, посиживает, рану потачивает. Ты, ворон, рану не клюй, ты, руда, из раны не беги. Идет старец, всем ставец, несет печать. Ты, старец, остановись, ты, ворон, не каркай, ты, руда, не капни. Крови не хаживать, телу не баливать. Пух земля, одна семья. Будь по-моему!

28. Заговор от лихорадки

На горах Афонских стоит дуб мокрецкой, под тем дубом сидят тринадесять старцев с стар-

цем Пафнутием. Идут к ним двенадесять девиц простоволосых, простопоясых. И рече старец Пафнутий, с тремянадесять старцами: кто сии к нам идоша? И рече ему двенадесять девицы: есмь мы царя Ирода дщери, идем на весь мир кости знобить, тело мучить. И рече старец Пафнутий своим старцам: Зломите по три прута, тем станем их бити по три зари утренних, по три зари вечерних. Взмолишась двенадесять дев к тринадесять старцам с старцем Пафнутием. И не почто же бысть их мольба. И начаша их старцы бити, глаголя: Ой вы еси двенадесять девицы! Будьте вы трясуницы, водяницы, расслабленные, и живите на воде студенице, в мир не ходите, кости не знобите, тела не мучьте. Побегоша двенадесять девиц к воде студенице, трясуницами, водяницами, расслабленными.

Заговариваю я раба, такого-то, от иссушения лихорадки. Будьте вы прокляты двенадесять девиц в тартарары! отыдите от раба, такого-то, в леса темные, на древа сухие[23].

---

[23] Примечания: 23

Понятия русского народа о лихорадках заимствованы от павликиан. Православною церковью были преданы проклятию: вопросы к Богородице о недузе естественном, еже имянуется трясавица. См. Иоанна, экз. Болгарского, изд. Калайдовичем. С. 210.

29. Заговор ратного человека, идущего на войну

Еду на гору высокую, далекую, по облакам, по водам, а на горе высокой стоит терем боярский, а во тереме боярском сидит зазноба, красная девица. Ты девица, зазноба молодеческая, иду за тебя во рать на супостатов моих, врагов-злодеев. Вынь ты, девица, отеческий меч-кладенец; достань ты, девица, панцирь дедовской; отомкни ты, девица, шлем богатырский; отопри ты, девица, коня ворона. Мне, меч-кладенец, будь другом, мне, панцирь дедовский, будь родным братом, мне, шлем богатырский, будь венцом обручальным, мне, конь вороной, будь удалым молодцом. Выди ты, девица, во чисто поле, а во чистом поле стоит рать могучая, а в рати оружий нет сметы. Закрой ты, девица, меня своей фатой: от силы вражей, от пищали, от стрел, от борца, от кулачного бойца, от ратоборца, от дерева русского и заморского: от дуба, от вяза, от клена, от ясеня, от ели, от рябины, от полена длинного, не длинного четвертинного, от липы, от жимолости, от ивы, от сосны, от яблони, от куруслепу, от орешины,

от можжевельника, от сена, от соломы, от кости, от железа, от уклада, от стали, от меди красной, зеленой, проволоки, от серебра, от золота, от птичьего пера, от неверных людей: нагайских, немецких, мордвы, татар, башкирцев, калмыков, гулянцов, бухарцов, кобытей, вовулов, бумирцов, турченинов, якутов, лунасов, черемисов, вотяков, либанов, китайских людей.

Вы, дерева, от меня раба, такого-то, воротитесь; вы, железо, и медь, и сталь, и злато, отлетайте; вы, люди неверные, отбегайте. А буде я ворочусь по живу и по здорову, ино буду красна-девица тобою похвалятися, своею молодеческою поступью выказыватися. Твоя фата крепка, как камень горюч Алатырь; моя молодеческая поступь сильна, как вода мельничная. Дух духом, всех пинком, нет никого, я один, по живу, по здорову.

30. Заговор ратного человека, идущего на войну

Выкатило красное солнышко из-за моря Хвалынского, восходил месяц из-под синя неба, собирались облака издалека, собирались сизы птицы во град каменный, а в том граде каменном породила меня мать родная, раба такого-то,

а рожая, приговаривала: Будь ты, мое дитятко, цел-невредим: от пушек, пищалей, стрел, борцов, кулачных бойцов; бойцам тебя не требовать, ратным оружием не побивать, рогатиною и копьем не колоть, топором и бердышем не сечь, обухом тебя бить не убить, ножом не уязвить, старожилым людям в обман не вводить, молодым парням ничем не вредить; а быть тебе перед ними соколом, а им дроздами; а будь твое тело крепче камня, рубаха крепче железа, грудь крепче камня Алатыря; а будь ты: в доме добрым отцом, во поле молодцом, во рати удальцом, в миру на любованье, во девичем терему на покрашенье, на брачном пиру без малого ухищренья, с отцом с матерью во миру, с женою во ладу, с детьми во согласии.

Заговариваю я свой заговор матерним заповеданием; а быть ему во всем, как там указано, во веки ненарушимо. Рать могуча, мое сердце ретиво, мой заговор всему превозмог.

31. Заговор ратного человека, идущего на войну

Выхожу я во чисто поле, сажусь на зеленый луг, во зеленом лугу есть зелия могучие, а в них

сила видимо-невидимая. Срываю три былинки белые, черные, красные. Красную былинку метать буду за Океан-море, на остров на Буян, под меч-кладенец; черную былинку покачу под черного ворона, того ворона, что свил гнездо на семи дубах, а во гнезде лежит уздечка бранная, с коня богатырского; белую былинку заткну за пояс узорчатый, а в поясе узорчатом завит, зашит колчан с каленой стрелой, с дедовской, татарской. Красная былинка притащит мне меч-кладенец, черная былинка достанет уздечку бранную, белая былинка откроет колчан с каленой стрелой. С тем мечом отобью силу чужеземную, с той уздечкою обратаю коня ярого, с тем колчаном со каленой стрелой разобью врага супостата.

Заговариваю я ратного человека, такого-то, на войну сим заговором. Мой заговор крепок, как камень Алатырь.

32. Заговор ратного человека, идущего на войну

Под морем под Хвалынским стоит медный дом, а в том медном доме закован змей огненный, а под змеем огненным лежит семипудовой ключ от княжева терема, Володимерова, а во княжом

тереме, Володимеровом, сокрыта сбруя богатырская богатырей новгородских, соратников молодеческих.

По Волге широкой, по крутым берегам плывет лебедь княжая, со двора княжева. Поймаю я ту лебедь, поймаю, схватаю. Ты, лебедь, полети к морю Хвалынскому, заклюй змея огненного, достань ключ семипудовый, что ключ от княжева терема Володимерова. Не моим крыльям долетать до моря Хвалынского, не моей мочи расклевать змея огненного, не моим ногам дотащить ключ семипудовый. Есть на море на Океане, на острове на Буяне, ворон, всем воронам старший брат; он долетит до моря Хвалынского, заклюет змея огненного, притащит ключ семипудовый; а ворон посажен злою ведьмою киевскою.

Во лесу стоячем, во сыром бору стоит избушка, ни шитая, ни крытая, а в избушке живет злая ведьма киевская. Пойду ль я во лес стоячий, во бор дремучий, взойду ль я в избушку к злой ведьме киевской. Ты, злая ведьма киевская, вели своему ворону слетать под море Хвалынское, в медный дом, заклевать змея огненного, достать семипудовый ключ. Заупрямилась, закорачилась злая ведьма киевская о своем вороне. Не моей старости бродить до моря-Океана, до острова

до Буяна, до черного ворона. Прикажи ты моим словом заповедным достать ворону тот семипудовый ключ. Разбил ворон медный дом, заклевал змея огненного, достал семипудовый ключ.

Океана, до острова до Буяна, до черного ворона. Прикажи ты моим словом заповедным достать ворону тот семипудовый ключ. Разбил ворон медный дом, заклевал змея огненного, достал семипудовый ключ.

Отпираю я тем ключом княжий терем Володимеров, достаю сбрую богатырскую богатырей новгородских, соратников молодеческих. Во той сбруе не убьет меня ни пищаль, ни стрелы, ни бойцы, ни борцы, ни татарская, ни казанская рать.

Заговариваю я раба, такого-то, ратного человека, идущего на войну, сим моим крепким заговором. Чур слову конец, моему делу венец!

33. Заговор ратного человека, идущего на войну

На море на Океане, на острове на Буяне, сидит добрый молодец, во неволе заточен. К тебе я прихожу, добрый молодец, с покорищем. Выдают меня родные братья во княжую рать, одиноко-

го, неженатого, а во княжей рати мне по-добру не жити. Заговори меня своим молодеческим словом. Рад бы стоять во поле за тебя, горького сиротину, да крепка моя неволя, да горька моя истома. Заговариваю я тебя раба, такого-то, идти на войну во всем по тому, как заповедывал мне родной отец. А будешь ты ратным человеком, ино будь сбережен: от топора, от бердыша, от пищали, от татарской пики, от красного булата, от борца, единоборца, от бойца врага-супостата, от всей поганой татарской силы, от казанской рати, от литовских богатырей, от черных Божиих людей, от бабьих зазор, от хитрой немочи, от всех недугов. И будет тебе: топор не в топор, бердыш не в бердыш, пищаль не в пищаль, татарская пика не в пику, поганая татарская сила не в силу, казанская рать не в рать, черные Божие люди не в люди, бабьи зазоры не в зазоры, хитрая немочь не в немочь, литовские богатыри не в богатыри, недуги не в недуги. Кручусь, верчусь от топоров, бердышей, пищалей, пик, бойцов, борцов, татарской силы, казанской рати, черных Божиих людей. Отмахнусь по сей век, по сей час, по сей день.

34. Заговор ратного человека, идущего на войну

Встану я рано, утренней зарей, умоюсь холодной росой, утрусь сырой землей, завалюсь за каменной стеной, кремлевской. Ты, стена кремлевская, бей врагов супостатов, дюжих татар, злых татарченков; а я был бы из-за тебя цел, невредим. Лягу я поздно, вечерней зарей, на сырой росе, во стану ратном; а в стану ратном есть могучи богатыри, кряжей породы, из дальних стран, со ратной русской земли. Вы, богатыри могучи, перебейте татар, полоните всю татарскую землю; а я был бы из-за вас цел, невредим. Иду я во кровавую рать татарскую, бью врагов и супостатов; а был бы я цел, невредим. Вы, раны тяжелые, не болите, вы, удары бойцов, меня не губите, вы, пищали, меня не десятерите; а был бы я цел, невредим.

Заговариваю я раба, такого-то, ратного человека, идущего на войну, сим моим крепким заговором. Чур слову конец, моему делу венец!

35. Заговор ратного человека, идущего на войну

Завяжу я, раб, такой-то, по пяти узлов всякому стрельцу немирному, неверному на пищалях, луках и всяком ратном оружии. Вы, узлы, заградите стрельцам все пути и дороги, замкните все пищали, опутайте все луки, повяжите все ратные оружия. И стрельцы бы из пищалей меня не били, стрелы бы их до меня не долетали, все ратные оружия меня не побивали. В моих узлах сила могуча, сила могуча змеиная сокрыта, от змея двунадесятыглавого, того змея страшного, что пролетел за Океан-море, со острова Буяна, со медного дома, того змея, что убит двунадесять богатырьми под двунадесять муромскими дубами. В моих узлах зашиты злою мачехою змеиные головы.

Заговариваю я раба, такого-то, ратного человека, идущего на войну моим крепким заговором, крепко-накрепко.

36. Заговор молодца на любовь красной девицы

На море на Океане, на острове на Буяне, лежит доска, на той доске лежит тоска. Бьется тоска, убивается тоска с доски в воду, из воды в полымя, из полымя выбегал сатанина, кричит: павушка романея, беги поскорее, дуй рабе, такой-то, в губы и в зубы, в ее кости и пакости, в ее тело белое, в ее сердце ретивое, в ее печень черную, чтобы раба, такая-то, тосковала всякий час, всякую минуту, по полудням, по полуночам, ела бы не заела, пила бы не запила, спала бы не заспала, а все бы тосковала, чтоб я ей был лучше чужого молодца, лучше родного отца, лучше родной матери, лучше роду-племени. Замыкаю свой заговор семьюдесятью семью замками, семьюдесятью семью цепями, бросаю ключи в Океан-море, под бел-горюч камень Алатырь. Кто мудренее меня взыщется, кто перетаскает из моря весь песок, тот отгонит тоску.

37. Заговор от пореза

На море на Океане, на острове на Буяне, лежит бел-горюч камень Алатырь, на том камне Алатыре сидит красная девица, швея мастерица, держит иглу булатную, вдевает нитку шелковую, рудо-желтую, зашивает раны кровавые. Заговариваю я раба, такого-то, от порезу. Булат, прочь отстань, а ты, кровь, течь перестань.

38. Заговор от недугов

Заговариваю я у раба, такого-то, двенадцать скорбных недугов: от трясавицы, от колючки, от свербежа, от стрельбы, от огневицы, от ломоты, от колотья, от дергания, от моргания, от слепоты, от глухоты, от черной немочи. Ты, злая трясавица, уймись, а не то прокляну в тартарары; ты, неугомонная колючка, остановись, а не то сошлю тебя в преисподние земли; ты, свербеж, прекратись, а не то утоплю тебя в горячей воде, ты, стрельба, остановись, а не то засмолю тебя в смоле кипучей; ты, огневица, охладись, а не то заморожу тебя крещенскими морозами; ты,

ломотье, сожмись, а не то сокрушу тебя о камень; ты, колотье, притупись, а не то распилю тебя на мелкие частички; ты, дерганье, воротись, а не то запружу тобою плотину на мельнице; ты, морганье, окрутись, а не то в печи банной засушу; ты, слепота, скорчись, а не то утоплю тебя в дегте; ты, глухота, исчезни, а не то засмолю в бочку и по морю пущу; ты, черная немочь, отвяжись, а не то заставлю воду толочь.

Все вы, недуги, откачнитесь, отвяжитесь, удалитесь от раба, такого-то, по сей час, по сей день, по его жизнь, моим крепким словом.

39. Заговор на покраденную вещь

На море на Океане, на острове на Буяне, стоит железный сундук, а в железном сундуке лежат ножи булатные. Подите вы, ножи булатные, к такому и сякому вору, рубите его тело, колите его сердце, чтобы он вор воротил покражу такого-то, чтобы он не утаил ни синя пороха, а выдал бы все сполна. Будь ты, вор, проклят моим сильным заговором в землю преисподнюю, за горы Араратские, в смолу кипучую, в золу горючую, в тину болотную, в плотину мельничную, в дом бездонный, в кувшин банный; будь прибит к

притолке осиновым колом, иссушен суше травы, заморожен пуще льда, окривей, охромей, ошалей, одервяней, одурей, обезручей, оголодай, отощай, валяйся в грязи, с людьми не смыкайся и не своею смертию умри.

40. Заговор оборотня

На море на Океане, на острове Буяне, на полой поляне, светит месяц на осинов пень, в зелен лес, в широкий дол. Около пня ходит волк мохнатый, на зубах у него весь скот рогатый: а в лес волк не заходит, а в дол волк не забродит. Месяц, месяц — золотые рожки! Расплавь пули, притупи ножи, измочаль дубины, напусти страх на зверя, человека и гады, чтобы они серого волка не брали и теплой бы с него шкуры не драли. Слово мое крепко, крепче сна и силы богатырской.

41. Заговор для любви

Исполнена есть земля дивности. Как на море на Океане, на острове на Буяне есть бел-горюч камень Алатырь, на том камне устроена огнепалимая баня, в той бане лежит разжигаемая доска,

на той доске тридцать три тоски. Мечутся тоски, кидаются тоски и бросаются тоски из стены в стену, из угла в угол, от пола до потолка, оттуда через все пути и дороги и перепутья, воздухом и аером. Мечитесь, тоски, киньтесь, тоски, и бросьтесь, тоски, в буйную ее голову, в тыл, в лик, в ясные очи, в сахарные уста, в ретивое сердце, в ее ум и разум, в волю и хотение, во все ее тело белое и во всю кровь горячую, и во все ее кости, и во все составы: в 70 составов, полусоставов и подсоставов. И во все ее жилы: в 70 жил, полужил и поджилков, чтобы она тосковала, горевала, плакала бы и рыдала по всяк день, по всяк час, по всякое время, нигде б пробыть не могла, как рыба без воды. Кидалась бы, бросалась бы из окошка в окошко, из дверей в двери, из ворот в ворота, на все пути и дороги, и перепутья с трепетом, тужением, с плачем и рыданием, зело спешно шла бы и бежала, и пробыть без него ни единой минуты не могла. Думала б об нем не задумала, спала б не заспала, ела бы не заела, пила б не запила, и не боялась бы ничего; чтоб он ей казался милее света белого, милее солнца пресветлого, милее луны прекрасной, милее всех и даже милее сна своего, по всякое время: на молоду, под полн, на перекрое и на исходе месяца. Сие слово есть

утверждение и укрепление, им же утверждается, и укрепляется, и замыкается. Аще ли кто от человек, кроме меня, покусится отмыкать страх сей, то буди яко червь в свище ореховом. И ничем, ни аером, ни воздухом, ни бурею, ни водою дело сие не отмыкается[24].

42. Заговор родимой матушки в наносной тоске своей дитятки

На море на Океане, на острове на Буяне, на полой поляне, под дубом мокрецким, сидит девица красная, а сама-то тоскуется, а сама-то кручинится во тоске неведомой, во грусти недознаемой, во кручине недосказанной. Идут семь старцев с старцем, незваных, непрошеных. Гой ты еси, девица красная, со утра до вечера кручинная! Ты что, почто сидишь на полой поляне, на острове на Буяне, на море на Океане? И рече девица семи старцам с старцем: нашла беда среди околицы, залегла во ретиво сердце, щемит, болит головушка, не мил и свет ясный, постыла вся родушка. Взопиша семь старцев с старцем, грозным-грозно,

[24] Примечания: 24

Этот заговор выписан из комедии «Чародейство, или Дядя, обманувшийся колдун». М., 1831. С. 51.

учали ломать тоску, бросать тоску за околицу. Кидма кидалась тоска от востока до запада, от реки до моря, от дороги до перепутья, от села до погоста, и нигде тоску не укрыли; кинулась тоска на остров на Буян, на море на Океан, под дуб мокрецкой.

Заговариваю я, родная матушка, такая-то, свою ненаглядную дитятку, такую-то, от наносной тоски по сей день, по сей час, по сию минуту. Слово мое никто не превозможет ни аером, ни духом.

43. Заговор красной девицы от тоски

От востока до запада, от севера до юга, от реки до моря, от пути до перепутья, пролегла путь-дороженька, всем дорогам старшая и большая; по той дорожке шли дщери Иродовы, несли во руках пруты ивовы, а шли они во мир кости сушить, тело знобить, недугами мучить.

От востока до запада, от севера до юга, от реки до моря, на путях и перепутьях, вырастала травушка со муравушкой; на той травушке со муравушкой сидели тоска со кручиной, а сидели они, да подумывали: как бы людей крушить, сердца щемить, света не возлюбить?

От востока до запада, от севера до юга, от реки

до моря, среди белокаменной Москвы стоит терем боярский; в том тереме боярском сидит во тоске красная девица по незнаемой беде.

Вы, дщери Иродовы, не ходите по пути и дороженьке на мир кости знобить, тело сушить, людей мучить, а идите вы на травушку со муравушкой, что на ту травушку, где сидит тоска со кручиной, и велите вы тоске со кручиной, чтобы они изгнали из ретива сердца красной девицы, у рабы такой-то, наносную тоску, а не покорится вам тоска со кручиной, ино вы учините бить во пруты ивовы. Заговариваю сим моим заговором крепко-накрепко. А кто мой заговор возодолеет, и ему провалиться сквозь тартарары.

44. Заговор полюбовного молодца на любовь красной девицы

За морем за Хвалынским, во медном городе, во железном тереме сидит добрый молодец, заточен во неволе, закован в семьдесять семь цепей, за семьдесять семь дверей, а двери заперты семьюдесятью семью замками, семьюдесятью крюками. Никто доброго молодца из неволи не ослободит, никто доброго молодца досыта не накормит, допьяна не напоит. Приходила к нему

родная матушка, такая-то, во слезах горючих, поила молодца сытой медовой, кормила молодца белоснеговой крупой, а, кормивши молодца, сама приговаривала: не скакать бы молодцу по чисту полю, не искать бы молодцу чужой добычи, не свыкаться бы молодцу со буйными ветрами, не радоваться бы молодцу на рать могучу, не пускать бы молодцу калену стрелу по поднебесью, не стрелять бы во белых лебедей, что лебедей княжиих, не доставать бы молодцу меч-кладенец врага-супостата, а жить бы молодцу во терему родительском, с отцом с матерью, с родом-племенем. Уж, как возговорит добрый молодец: не чисто поле меня сгубило, не буйны ветры занесли на чужую добычу, не каленой стрелой доставал я белых лебедей, не мечом-кладенцом хотел я достать врагов-супостатов, а сгубила молодца воля молодецкая, во княжем терему над девицей красной, такой-то.

Заговариваю я, родная матушка, такая-то, полюбовного молодца, такого-то, на любовь красной девицы, такой-то. Вы, ветры буйные, распорите ее белу грудь, откройте ее ретиво сердце, навейте тоску со кручиной, чтобы она тосковала и горевала; чтобы он ей был милее своего лица, светлее ясного дня, краше роду-племени, приветливее

отца с матерью; чтобы ей он казался во сне и наяву, в день и полдень, в ночь и полночь; чтобы он ей был во пригожество красное, во любовь залучную; чтобы она плакала и рыдала по нем, и без него бы радости не видала, утех не находила. Кто камень Алатырь изгложет, тот мой заговор превозможет. Моему слову конец на любовь красной девицы, такой-то.

45. Заговор на воду

Во черной избе, за дубовым столом, стоит трясавица на полице. Ты, трясавица, не вертись, ты, притолка, не свихнись. Вертелось бы, свихнулось зелено вино в чаше; и вертело бы вино, и свихнуло бы вино все притаманное, неведомое, да что не слыхано, да что не сказано в таком-то дому, на такову-то беду. А буде ты, трясавица, завертишься, а буде ты, притолка, свихнешься, ино будет вам от меня лютово неволье, да злово томленье, а на иново вам будет все по добру, по здорову, как бывало доселево. Слово мое крепко.

46. Заговор островника на зеленую дуброву

Хожу я раб, такой-то, кругом острова, такого-то, по крутым оврагам, буеракам, смотрю я чрез все леса: дуб, березу, осину, липу, клен, ель, жимолость, орешину, по всем сучьям и ветвям, по всем листьям и цветам. А было бы в моей дуброве по живу, по добру, по здорову. А в мою бы зелену дуброву не заходил ни зверь, ни гад, ни лих человек, ни ведьма, ни леший, ни домовой, ни водяной, ни вихрь. А был бы я большой набольшой; а было бы все у меня во послушании, а был бы я цел и невредим.

47. Заговор от лихого человека

Иду я по чистому полю, навстречу бегут семь духов с полудухами, все черные, все злые, все нелюдимые. Идите вы, духи с полудухами, к лихим людям, держите их на привязи, чтоб я от них был цел и невредим во пути и дороге, во дому и лесу, в чужих и родных, во земле и на воде, во обеде и на пиру, в свадьбе и на беде. Мой

заговор долог, мои слова крепки. Кто мое слово испровержет, ино быть во всем наиново, по худу, по недобру, как вопреди сказано.

48. Заговор красной девицы от недугов полюбовного молодца

Иду я, девица такая-то, из ворот в чисто поле, в Океан-море, становлюсь я, девица такая-то, на бел-горюч камень Алатырь, опоясываюсь белой пеленой, заговариваю своего полюбовного молодца, такого-то, от злых недугов с принедугами, полунедугами. Вы, злые недуги, не недужьте раба, такого-то. Отсылаю я вас в Океан-море, в бездны преисподние, в котлы кипучие, в жар палючий, в серу горючую, по сей день, по сей час, по мое крепкое слово. А был бы мой полюбовный молодец бел и хорош; а милее бы его не было во всем свете; а приветнее бы его не было и во тереме княжем; а залучнее бы его не было во всей околице; а любил бы он меня от роду до веку, по всю мою жизнь. Слово мое крепко.

49. Заговор охотника на уток, гусей, тетеревей

На море на Океане, на острове на Буяне, на зеленой осоке сидит птица, всем птицам старшая и большая, а держит она грамоту неписаную, и велит она всем птицам слетатися на такие-то озера и болота, и велит всем птицам сидеть от утра до вечера, от утренней до вечерней зари, от ночи до полуночи. Заговариваю я, раб такой-то, уток, гусей, тетеревей, всякую птицу ведомую и неведомую сидеть несходно по мой приход, по мое крепкое слово, во веки ненарушимо.

50. Заговор на любовь

На море на Океане есть бел-горюч камень Алатырь, никем неведомый; под тем камнем сокрыта сила могуча, и силы нет конца. Выпускаю я силу могучу на такую-то красную девицу; сажаю я силу могучу во все составы, полусоставы, во все кости и полукости, во все жилы и полу-жилы, в ее очи ясны, в ее щеки румяны, в ее белу грудь, в ее ретиво сердце, в утробу, в ее руки и ноги.

Будь ты, сила могуча, в такой-то красной девице неисходно; а жги ты, сила могуча, ее кровь горючую, ее сердце кипучее на любовь, к такому-то, полюбовному молодцу. А была бы красная девица, такая-то, во всем послушна полюбовному молодцу, такому-то, по всю его жизнь. Ничем бы красная девица не могла отговориться, ни заговором, ни приговором, и не мог бы ни стар человек, ни млад отговорить ее своим словом. Слово мое крепко, как бел-горюч камень Алатырь. Кто из моря всю воду выпьет, кто из поля всю траву выщипет, и тому мой заговор не превозмочь, силу могучу не увлечь.

57. Заговор от черной немочи

Летит птица за моря, бежит зверь за леса, бежит дерево в дерево, мать земля в свою мать землю, железо в свою мать руду, так бы черная немочь бежала в свою мать тартарары, во тьму кромешную, а бежала б, назад не ворочаючи, а был бы такой-то человек жив и здоров. А буде ты, черная немочь, моим речам покорища не дашь, велю тебя птице за моря унесть, зверю в лес затащить, мать земле в свою мать во сыру землю заложить, железу в свою мать руду заковать, и будет тебе

горе великое, а таков-то человек жив и здоров. Замыкаю свои словеса словом великим, им же замыкаются все недуги с полунедугами, все болести с полуболестями, все хворобы с полухворобами, все корчи с полукорчами; а замыкаю я мое слово великое на такого-то человека от черной немочи, по сей день, по сей час, по всю его жизнь.

52. Заговор от бешеной собаки

На море на Океане, на острове на Буяне, стоит дом, а в том доме сидит старица, а держит она жало. Ты, старица, возьми свое жало и прииди к рабу, такому-то; вынь из раба, такого-то, жало смертное. Заговариваю раны болючие на руках, на ногах, на голове, во лбу и в затылке, на бровях и подбородке. Будьте во веки веков на собаке черной, серой, красной, седой, рыжей, белой, сидите и во веки не сходите.

53. Заговор от родимца

На море на Океане, посредь моря Белого, стоит медный столб, от земли до неба, от востока до запада, а во том медном столбе закладена медная

медяница от болестей и хворостей. Посылаю я раба, такого-то, в тот медный столб, что на море на Океане, и заповедаю ему моим словом заповеданным закласть родимец во тот медный столб. А был бы с того заповедания такой-то цел и невредим, и от родимца избавлен, по сей час, по всю жизнь.

54. Заговор молодушки от лютой беды

Выхожу я во новы сени дубовые, на широк двор заборчатый, гляжу я по всем по дорогам и перепутьям, вижу я от земли до неба звезды ясные. Вы, дороженьки и перепутьицы, задержите моего мужа, такого-то; вы, звезды ясные, затемните свой светло-яркий свет, чтобы без вашего светушки не было ни ходу, ни проходу. Насылаю я на свекра лютого тоску со кручиною, сон со дремотою, забытье со беспамятью; а был бы он и глух и нем по мою лютую беду. Насылаю я на свекровь назойливую печаль со бедою, сон со дремотою; а была бы она слепа и нема по мою лютую беду.

55. Заговор красной девицы от призороков

Посреди Океан-моря выходила туча грозная с буйными ветрами, что ветрами северными, подымалась метель со снегами, нагонялись волны на высок терем, налетали орлы черны на широк дол, выходила красная девица к за-горному студенцу, во тоске, во кручине, садилась красная девица вокруг студенца, а сама говорила таковы речи: Гой ты, туча грозная, со буйными ветрами! умчи ты, туча грозная, тоску со печалью от красной девицы, рабы такой-то, на Океан-море, застели ей путь и дороженьку метелью со снегами, прикрой призороки бело-серыми волнами, приставь в сторожи черных орлов. Умываю я красную девицу, такую-то, из загорного студенца ключевой водой; стираю я с красной девицы, такой-то, все узороки с призороками; отмахиваю я от красной девицы, такой-то, зловещих воронов с воронихами, с ворончатами; отгоняю я от красной девицы, такой-то, ее заклятого врага, что того врага, что заронил призороки в ее тело белое, в ее сердце ретивое, что того врага, что затмил очи ясны, что

того врага, что порудил красоту девичью, что того врага, что сгубил семью почетную, что отнял дочь от матери, что сокрушил отца безвременьем дочерним.

Заговариваю мои заповедные словеса сим моим крепким заговором на отгнание призороков от рабы такой-то, по сей день, по сей час, по ее жизнь. А будет заговор ничем не порушим: ни водою, ни землею, ни огнем, ни аером, ни словом, ни духом; а быть ему во всем потому, как уряжено мною. А буде кто покусится порушить мой заговор, ино ему провалиться в бездны преисподние, в яму угольную, а красной девице, такой-то, быть по добру, по здорову.

56. Заговор от колотья и болестей

Заговариваю у рабы, такой-то, колотья и болести сим моим крепким заговором; и заповедаю вам, колотье и болести, таскаться по миру от востока до запада, от озера до болота, от горы до дола, от моря до моря, от избы до терема, от леса до перелесья, от стара до мала человека, от зверя до гада, от города до пригородов, от села до погоста, от деревни до стана, от звезды до месяца; а к востоку до запада не доходить, а в озере со бо-

лотом утонуть, а с дола на гору не влезть, от моря до моря не перебродить, и в лесу с перелесьем зацепиться, а от старца до мала человека быть побиту, и от зверя до гада быть заедену, от города до пригородов быть изгнану, от села до погоста быть поодаль, от деревни до стана быть за каналом, от звезды до месяца не досячь. Мои словеса велики, мой заговор крепок. Кто же от человек порушит мои словеса, кто задумает расторгнуть мой заговор, и тому не бывать, а быть во всем по-моему.

57. Заговор на изгнание с островника зверей и гадов

Хожу я по залесью утренней росой, собираю я травы зельные, варю травы зельные во медяной росе, поливаю травами зельными со водою по всем кустам, по всем полям, по всем межам. Вы, звери лютые, выходите, вы, гады, выбегайте, вы, недобрые люди, отбегайте. Во моем островнике зверям не живать, гадам не бывать, недобрым людям не захаживать, а быть бы мне большим набольшим; а звери бы в моем островнике меня слушались, а гады бы с моего островника прочь отбегали бы. Мое крепкое слово да будет всему

превозмог. Как могучи травы зельные, так бы могучей того был мой заговор под молоду, под исход, под перекрой, по восход и по закат солнца; под пояс Сажара и Кучекроя, под Замежуя, под Отвори ворота, под Наскоча, под Золенца, под звезды ясные и темные со всеми звездами и полузвездами.

58. Заговор на поход

Стану я раб, такой-то, благословясь, пойду перекрестясь, из избы дверьми, из двора воротами, выйду я в чистое поле, стану на восток лицом, на запад хребтом. *Акиры* и *Оры,* и како идут цари, царицы, короли, королицы, князи, княгини, все православные роды, и не думают зла и лиха как цари, царицы, короли, королицы, князи, княгини, и все вельможи, и все православные роды, возрадуются и возвеселятся, такожде меня раба, такого-то, увидели вы цари, царицы, короли, королицы, князи, княгини и все православные роды христианские, возвеселились; и как не видит мати отлученного дитя многие лета, а увидит возвеселится и возрадуется зело весело и радостно, такожде меня, раба, такого-то, увидев, возрадовались бы и возвеселились цари, царицы,

короли, королицы, князи, княгини, все вельможи и все православные роды христианские. Как мне можно небесные колесницы превратить, такожде вы меня и моих слов не могли б превратить, во веки веков[25].

59. Заговор от скорой доспешки

Сяду я, благословясь, пойду, перекрестясь, из дверей во двери, из ворот в ворота, в чистое поле; в чистом поле три дороги. Я пойду в правую дорогу, в правую дорогу к Колоню со восточную сторону, к Океан-морю. В Океан-море есть Алатырь камень, на том камне стоит человек; он стреляет по чисту полю, а убивает всякие боли. Прошу я, раб, такой-то, не стрелять по чисту полю, а стрелять раба, такого-то, от скорой болезни, от доспешки, от осудища, от черного волоса, от белого волоса, от русого волоса, от темного волоса, и от всякого нечистого взгляда. Пойду, зайду я раб, такой-то, в дом к красной девице; у ней топится свеча восковая, за темьяном, за ладаном, за кутьей. Попрошу я у красной девицы здоровья от доспешки, от вешней, полувешней, от летней,

---

[25] Примечания: 25
Последние семь заговоров были сообщены г. Парихиным.

полулетней, от осенней, полуосенней, от зимней, полузимней, от земляной доспешки, водяной доспешки, ветряной доспешки, от стречника и поречника.

60. Заговор на остуду между мужем и женой

Стану я, не благословясь, пойду не перекрестясь, не дверьми, не воротами, а дымным окном да подвальным бревном, положу шапку под пяту, под пяту, не на сыру землю, не на сыру землю да в черный чобот; а в том чоботу побегу я в темный лес, на большо озерищо, в том озерище плывет челнище, в том челнище сидит черт с чертищей; швырну я с под пяты шапку в чертища. Что ты, чертище, сидишь в челнище, с своей чертищей? Сидишь ты, чертище, прочь лицом от своей чертищи; поди ты, чертище, к людям в пепелище, посели, чертище, свою чертищу такому-то в избище, а в той избище, не как ты, чертище, со своей чертищей живут людища мирно, любовно, друг друга любят, чужих ненавидят. Ты, чертище, вели, чертище, чтоб она, чертища, распустила волосища; как жила она с тобой в челнище, так жил бы, такой-то, со своей женой в избище. Чтоб

он ее ненавидел. Не походя, не поступя, разлилась бы его ненависть по всему сердцу, а у ней по телу неугожество, не могла бы ему ни в чем угодить и опротивела бы ему своей красотой, омерзела бы ему всем телом. Как легко мне будет отступить от тебя, как легко достать шапку из озерища; тебе, чертищу, хранить шапку в озерище, от рыбы, от рыбака, от злого колдуна. Чтобы не могли ее ни рыбы съесть, ни рыбак достать, ни злой колдун отколдовать, на мир и на лад. И вместо рукописи кровной отдаю тебе я слюну.

61. Заговор на удачную ловлю зверей

Встану я раб, такой-то, благословясь и перекрестясь, чистой водой умоюсь, шитым браным полотенчиком утрусь, пойду из избы, со отцом прощусь, с матерью благословлюсь. Пойду из избы в двери, из дверей в сени, из сеней на крылечко, с крылечка по лестнице в чистое поле, в твердые заводы, в восточную сторону, во темные леса, под ясную зарю, под красное солнце, под светлый месяц, под частые звезды! Ясной зарей оденусь, красным солнцем опояшусь, частыми звездами опотычусь; пойду я раб, такой-то, со своим железным кляпцом в темные леса, в во-

сточную сторону, в чистое поле, а в том чистом поле лежит бел-горюч камень; стану я раб, такой-то, к востоку лицом, к западу хребтом, на все четыре стороны поклонюсь. Пособите и помогите вы мне, рабу, такому-то, за охотою ходити, белых и серых зайцев ловите; куниц, и лисиц, и серых волков, дорогих зверей рысей загоняти и залучати, чтобы бежали по своей ступи и по своей тропе, безопасно, на сторону не отмятывались и взад не ворочались. И сохраните меня, раба, такого-то, с моим железным кляпцом от урока и призора, от стрешника и поперешника, от колдуна, и от ведуна, и от поветра, от двоезубых и троезубых, от двоеженнных и троеженных, от кривых и слепых, от русоволосых, и беловолосых, и черноволосых, и от пустоволосых, от девки и от парня, чтобы им меня не испорчивать. Поставьте около меня три тына, — тын железный, а другой медный, третий булатный; замки замкнитесь, отнеситесь, ключи и замки; чтобы эти ключи лежали там безопасно, как к ели хвоя, так к кляпцам железо! А мне рабу, такому-то, скок крепок и жесток! В синем море синий камень, в черном море черный камень, в белом море белый камень. Сей мой заговор.

62. Заговор на тоску доброму молодцу по красной девице

Стану я раба, такая-то, благословясь, пойду, перекрестясь, из избы в двери, из двора в ворота, выйду в чистое поле, в подводосточную сторону, в подводосточной стороне стоит изба, среди избы лежит доска, под доской тоска. Плачет тоска, рыдает тоска, белого света дожидается! Белый свет красно солнышко дожидается, радуется и веселится! Так меня рабу, такую-то, дожидался, радовался и веселился, не мог бы без меня ни жить, ни быть, ни пить, ни есть; ни на утренней заре, ни на вечерней; как рыба без воды, как младенец без матери, без материна молока, без материна чрева не может жить, так бы раб, такой-то, без рабы, такой-то, не мог бы жить, ни быть, ни пить, ни есть, ни на утренней заре, ни на вечерней, ни в обыдень, ни в полдень, ни при частых звездах, ни при буйных ветрах, ни в день при солнце, ни в ночь при месяце. Впивайся, тоска, въедайся, тоска, в грудь, в сердце, во весь живот рабу, такому-то, разрастись и разродись по всем жилам, по всем костям ноетой и сухотой по

рабе, такой-то.

63. Заговор от грыжи

Стану я раб, такой-то, благословясь, пойду, перекрестясь, из дверей в двери, из ворот в ворота, в чисто поле, в подводосточную сторону, к морю к Океану, в море-Океане лежит Алатырь камень, на том камне Алатырь стоит дом. Попрошу я раб, такой-то, здоровья, об такой-то болезни, об наличном мясе, от грызоты, от болеты, от ломоты. Бежит река огненная, чрез огненную реку калиновый мост, по тому калинову мосту идет стар матер человек; несет в руках золотое блюдечко, серебряно перышко, мажет у рабы, такой-то, семьдесят жил, семьдесят костей, семьдесят суставов; сбавляет с раба, такого-то, семьдесят болезней. Не боли и не ломи, и не отрыгай, и не откидывай, ни на конце, ни на ветке никогда.

64. Заговор на остуду между молодцом и девицей

Как мать быстра река Волга течет, как пески со песками споласкиваются, как кусты со кустами

свиваются, так бы раб, такой-то, не водился с рабой, такой-то, ни в плоть, ни в любовь, ни в юность, ни в ярость; как в темной темнице и в клевнице есть нежить простоволоса, и долговолоса, и глаза выпучивши; так бы раба, такая-то, казалась рабу, такому-то, простоволосой и долговолосой, и глаза выпучивши; как у кошки с собакой, у собаки с россомахой, так бы у раба, такого-то, с рабой, такой-то, не было согласья ни днем, ни ночью, ни утром, ни в полдень, ни в пабедок. Слово мое крепко.

Сказания о чародействе
1. Чары на ветер

Чары на ветер известны были в русском чернокнижии еще в XVI столетии. Курбский, участник славы царя Иоанна IV Васильевича, описывая казанскую битву, говорит, что казанские татары, желая очаровать русскую рать, навевали ветры с своей стены. Люди, незнакомые с русскою семейною жизнью, до сих пор обвиняют Курбского за это известие. Чтобы увериться — действительно ли существуют чары на ветер, стоит только заговорить с первым русским селянином, и сотни примеров будут пред глазами. В селах говорят, что какой-то пчельник научил чародеев такому ремеслу, когда отроившиеся пчелы улетали к соседям; но, рассматривая применение чаров на ветер к разным случаям, видно, что они были занесены к нам с чужой стороны. Кажется, без всякого сомнения, можно предполагать, что чары на ветер изобретены казанскими чародеями.

Чары на ветер составляют жестокую месть в оскорблении. Желая отомстить своему врагу, поселяне отправляются к чародею, рассказыва-

ют свою обиду, просят его почаровать на ветер. Чародей, получивши подарки: вино, деньги, холстину, спрашивает: «В какой стороне живет твой супостат?» — «Вот в этой-то сторонке, говорит обиженный, живет мой супостат!» Выходят вместе на дорогу и оба смотрят: есть ли туда попутный ветер? Если есть ветер, тогда приступают к совершению обряда. Обиженный поселянин берет с дороги снег или пыль, смотря по времени года, и отдает с поклоном чародею. Этот, принявши пыль, бросает на ветер, приговаривая проклятие:

«Кулла, Кулла! Ослепи такого-то, черные, вороные, голубые, карие, белые, красные очи. Раздуй его утробу толще угольной ямы, засуши его тело тоньше луговой травы. Умори его скорее змеи медяницы!»

Проговоривши проклятие, чародей глубоко задумывается, потом рассказывает: вид, приметы, место — куда долетели его чары; уверяет, как корчило этого человека, как он лишался зрения, как раздувался своею утробою, как начал чахнуть, как теперь томится недугом смертным.

Поселяне убеждены, что если их враг попадется под проклятие чародея, то он непременно будет жертвою чарования. Но, как этого на самом деле

не бывает, то всегда утешают себя тем, что на эти чары попался посторонний человек, сходный лицом и всеми приметами с его врагом. Вероятно, что извинения высказываются наперед самими чародеями, в оправдание своего обмана. Доверенность и настроенное воображение к чудесам составляют основу всякого чарования. Знавши простоту поселян, их доверенность ко всему чудесному, мы не должны удивляться, что они позволяют себя обманывать чародеям. Мне известны многие усилия, предпринимаемые для истребления сего обмана, но, к сожалению, увеличившие еще более уверенность простодушных в действительности этих чар. Кажется, что все это происходит от того, что благодетельные помещики не знают: как вооружиться против этого зла? Справедливое удовлетворение обиды, внимание к бедствию — могут навсегда истребить верование в чары на ветер. Русский поселянин тих и спокоен, добр от природы, понятлив до последней возможности. Случись с ним бедствие, он лишается этих наследственных доблестей, и тогда-то предается с полною доверенностью в распоряжение обманщиков.

2. Чары на след

Чары на след употребляются едва ли не во всех селениях. Верование поселян так к ним безгранично, что никто не может их разуверить. Человек, подвергшийся этому чарованию, почитается от всех погибшим, недоступным ко всякому исцелению. Трудно решить: когда забрело на русскую землю это чарование? Что оно нерусское создание, в этом нет сомнения. Люди, занимающиеся этим ремеслом суть: цыгане, литовцы, татары, молдоване, сельские русские коновалы, бродящие по русским селениям с предложением услуг, всегда остающимся внакладе простодушным поселянам. Спрашивай бывалого — русское поверие — составляет причину всех сельских бедствий. Расспрашивая бывалого о чужеземных диковинках, поселяне всегда стараются выпытывать, всеми возможными средствами, об отвращении бедствий. И здесь-то бывалый, как опытный обманщик, научает глупостям всякого рода.

Чары на след есть ничто другое, как обыкновенная болезнь, известная в медицине под именем старческого увядания — Marasmus. Человек

сохнет, теряет с каждою минутою жизненные отправления, лишается умственных способностей и, в истощении постепенном, медленном, умирает. Поселяне, не понимающие свойства болезней, приписывают это болезненное состояние чарам на след.

В селениях чары на след употребляются в любовных интригах, в размолвке соседей, в явной, непримиримой вражде. В первых двух случаях будто они нагоняют только вечную тоску, отвращение от занятий и неизбежную смерть; в последнем же случае, кроме тоски, иссушают человека до последней возможности и доводят нередко до самоубийства. Вот основное верование поселян в чарование.

Поселяне, предпринимающие совершать чары на след, стараются подметить след проходящего человека, своего непримиримого врага. Заметивши след, они закрывают его, чтобы посторонние не истребили. Чародеи считают те только лучшими следы, которые были напечатлены: на песке, пыли, грязи, росе, снеге, и в особенности те, на которых есть волосы животных и людей. Это условие, кажется, выдумано по необходимости для оправдания обмана. Призванный чародей так искусно отделяет след, что он представляет как

бы слепок со ступни. Для этого они употребляют широкий ножик, как говорят они же, окровавленный вихрем. Над снятым слепком читают тайно заговоры. Когда обиженный требует только нанесения тоски, тогда чародеи прячут след или под матицу, или под князек; когда же обиженный требует смертельного отмщения, тогда он в глухую полночь сжигает след в бане.

Зло, совершенное чародеями над подвергшимся этому чарованию, может быть и уничтожено. Заметивши тоску, поселяне призывают или *доку*, или *ведуна*, или *знахаря* и просят его с подарками избавить больного от недуга. Дока, решившийся помогать, прежде всего осматривает матицу, потом князек, пересчитывает волосы. Поселяне слепо верят, что докам известно, сколько у каждого человека есть волос и что вылезающие волосы всегда падают под след. Если они найдут след и заметят в нем волосы, тогда обещают избавление. Когда же обещание не сбывается, тогда уверяют, что замеченные ими в следе волосы, вероятно, принадлежали другому. Это условие есть приготовленное оправдание для неудачи. Дока выносит найденный след на улицу и бросает на дорогу по направлению ветра. Этим самым сгоняется тоска. Когда дока не отыщет следа, тогда

предлагает больному сжечь белье под Благовещение, уверяя, что только это средство избавит его от недуга.

Всякий благомыслящий человек, конечно, будет сожалеть о заблуждении поселян и без сомнения пожелает истребления этого поверия. Что чары на след есть обман, в этом нет сомнения. Кто, кроме помещиков и приходских священников, может истребить это зло? На них основывается надежда в исполнении общего желания!

3. Чары для калек

Чары для калек должны обращать особенное внимание помещиков по своему злоупотреблению в семейной жизни. Простолюдин решительно верит, что калеки, люди обезображенные разными болезнями, суть несчастливцы, очарованные доками, ведунами. Можно ли придумать нелепее сего заблуждения? Русский поселянин при взгляде на калек сожалеет об них, но вместе с тем и страшится, предполагая в их теле присутствие *нечистой силы.* Нельзя обвинять поселянина за это последнее предположение: достоверные известия об изуродовании людей

могут приводить всякого в содрогание. Давно ли исчезли в современной нашей городской жизни толпы слепых, подводы с изуродованными людьми? До сих пор еще скитаются они по селениям, до сих пор еще проказы их существуют. Не говоря о явном изуродовании людей, совершаемом слепыми и калеками, для благовидного собирания милостыни, чары для калек действительно находятся в русском чернокнижии. Чтобы уверить себя, что они занесены в нашу родину с чужой стороны, рассмотрим совершение самого обряда. Это только одно может доказать, что русский поселянин не был их изобретателем.

Чародеи, для совершения своего обряда, берут *землю* с свежей могилы, вынимают *золу* из семи печей, собирают *соль* из семи изб. Все это смешивают вместе или зашивают в онучи, или в чулки, или кладут в лапти вместо подстилки. Без всякого сомнения, что участником такого обряда должен быть кто-нибудь из семейных, или близких людей. Тот, кому обречено это снадобье, лишается употребления ноги. В этом заключается совершение чаров для калек.

Объяснить это чародейство можно очень просто. Земля, взятая с свежей могилы, всегда заключает в себе или частицы селитреные, или

известковые, но в смешении с золою и солью образует такой химический состав, который легко может поглощать в себя испарения и сообщать их другим телам. Такой состав, сообщенный с ногою, весьма скоро поглощает ножную испарину и, будучи растворим ею, овлаживает, так сказать, своею сыростью соприкосновенные части. Если при этом обратим внимание на способность человеческой организации всасывать влажность, то легко уверимся, что состав чародеев для калек основан на всасывании испарений и что вследствие этого неизбежно должен образоваться *искусственный ревматизм.* Простолюдин, не понимая законов природы, но веруя в ревматизмы, всегда будет уверен, что то делают злостные мертвецы, ненавидящие живущих людей за то, что они, будто бы наперекор судьбы, остаются взамен их наслаждаться мирскими удовольствиями.

Военные врачи в мирное время должны обращать особенное внимание на ревматизмы. Солдаты, желая избавиться от службы, добровольно подвергаются чарам для калек.

Невозможно допустить, чтобы русский поселянин, чуждый химических сведений, мог быть изобретателем искусственного ревматизма — или чаров для калек. Если есть из русских зани-

мающиеся этим промыслом, то, вероятно, что они исполняют это по преданию, без всякого понятия о законах химического соединения, без знаний о действии веществ на человеческое тело. После сего мы смело можем сказать: чары для калек есть изобретение чужеземное, занесенное в русскую землю. Доселе еще остаются темные понятия о кликушах, которых всегда выдают за беснующихся. Но и это есть болезнь: искусственная истерика. Кровогонительные средства, нарушая отправление женских органов, возвышая раздражение нервной системы, образуют такое искусственное состояние нервного электричества, что врачи никак не могут подвести болезни этого рода под обыкновенные законы происхождения болезней. Заметим еще важное обстоятельство: многие из поселян обладают особенным знанием действия веществ на человеческий организм, знанием недоступным для врачей. Это-то знание, облеченное разными таинствами, обрядами, обманами, всегда употребляется ими во зло. От сего произошло образование многих искусственных болезней.

4. Чары на лошадь

Чары на лошадь, сопровождаемые глупым верованием в мщение мертвецов, нашли для себя приют в сельской жизни. За достоверное можно принять, что основателями сего чародейства были цыгане, люди, посвятившие всю свою жизнь на обманы, особенно при продаже лошадей. Кучера, покровители этого обмана, делаются вместе и исполнителями чаров на лошадь.

Чтобы совершить над лошадьми чары, поселяне, по совету чародеев, вытаскивают из гробов гвозди, бросают их в конюшни, и там, где это будет сделано, лошади лишаются ног.

В этом чародействе еще более видно ослепление черни. Гвоздь, хотя бы он был взят прямо из кузницы, легко может вонзиться в ногу животного, и тем лишить его употребления ноги. Обманщики прикрыли это зло таинственным поверием, основанным на мщении мертвецов.

Пастухи из ненависти к владельцам домашних животных вбивают в ноги лошадей, коров, овец деревянные гвозди, сделанные из осколков гробовых досок. От этой жестокой операции невинное животное хромает, получает раны и умирает.

Обманщик, уверивший простолюдина поверием, что покойник, приходя ночью вытаскивать гвоздь, ломает ноги животных, доставляет все способы для зла. Отклоняя от себя постыдное действие, простолюдин воображает, что причиною сделанного зла бывают посторонние люди.

Конечно, никто не будет считать этот поступок за чародейство; но он существует в сельской жизни, и столько причиняет вреда, как и самая опустошительная болезнь. Поселянин, сам собою, не решается на эти чары без содействия чародея.

5. Чары на подтек

Чары на подтек принадлежат более к домашним бедствиям, нежели к чудесам, неизъяснимым ни законами природы, ни понимаемым рассудком. В селах есть поверие, что таким чарованием обладают мельники.

Мельник русский для своего заведения бывает вместе и механиком и гидравликом. Плотина для мельничного пруда есть верх его искусства, предмет зависти соседей, и вместе укоризна для соперников по ремеслу. Люди ненавистные придумали разрушать плотины, устраиваемые в течение многих лет. Чародеи явились с своими

услугами и образовали чары на подтек, содержимые в большой тайне. Призванные злобным мельником, они бросают в пруд змеиное молоко. Поселянин верит, что это так, как уверяет его знахарь своего дела. Но змеиное молоко чародея есть — *живая ртуть.* Кроме змеиного молока, чародеи советуют бросать в осминном мешке золу по зорям вечерним и утренним, уверяя, что зола выгоняет из пруда водяного дедушку. Чернь слепо верит и в зори и в водяного.

Могут ли чародеи разрушить этими средствами плотину, решить невозможно; но что — это зло, в этом нет сомнения. Облекая его мифами и чудесным рассказом о выходе водяного из воды — обманщики обольстили простодушные сердца поселян, часто недоступные к состраданию.

6. Чары над змеею

Чары над змеею изобретены любовными необходимостями. Простодушным кажется всегда возможным преклонить человеческое сердце к любви *неволею.* Не довольствуясь одними заговорами, они прибегали к чарованию, и знахари явились пред ними с чарами. Восток древней жизни, изобретатель чарований, распростра-

нил любовные чары по всему свету. Невежество людей приняло с восторгом обольщение старой жизни, украшенное восторженными рассказами, роскошною жизнью. Русская земля получила все любовные чарования от греков с первых дней сношения с этим народом.

Главное основание чаров над змеею заключается в суеверном веровании в нечистую силу. Обманщики успели внушить народу, что сопротивление против нечистой силы есть явная вражда, всегда сопровождаемая человеческими несчастиями. Не понимая, что источники всех семейных несчастий заключаются в собственной порочной жизни, люди приписали их духам. Простодушная девушка, уверенная коварною старухою, что она обворожена, что чары совершены над нею для любви такого-то, верит беспрекословно и предается в руки обманщиков. Неудивительно, что от этого верования, ничтожные затеи знахарей соделались доступными для семейной жизни.

Чародеи, призванные для совершения чаров над змеею, вручают деревянную рогульку, могущую, по их уверению, укрощать змей, и отсылают в лес искать змею. Когда нападут на это животное, должно рогулькою придавить его к земле.

В это время надобно стараться продеть сквозь змеиные глаза иголку с ниткою и говорить:

«Змея, змея! как тебе жалко своих глаз, так чтобы раба, такая-то, любила меня и жалела».

Потом, когда бывает вместе с любимым предметом, должно продеть этою иглою с ниткою платье так, чтобы этого никто не заметил. В противном же случае чары остаются ничтожными. Когда это будет приведено в исполнение, тогда начинается любовь и продолжается дотоле, пока будет находиться нитка в платье.

Кроме этого, влюбленный должен взять с собою змею, вытопить из нее сало и сделать свечу, которую носить с собою. Если он будет замечать охлаждение в любви, тогда должно зажечь змеиную свечу, и любовь снова возгорится. Когда же вся сгорит свеча — тогда любовь навеки простывает.

Чары над змеею совершаются во многих русских селениях, хранятся с большою тайною и покупаются дорогою ценою.

7. Чары над лягушкою

Чары над лягушкою принадлежат к любовным чарованиям и занесены в русскую землю с Восто-

ка. Приворотить сердце девушки казалось нашим предкам делом сверхъестественным, выходящим из круга семейной жизни, недоступным для их разумения. При таких ограниченных понятиях легко было обманщикам усвоить себе власть над простодушными сердцами.

Влюбленный, желая обладать *красой девичьей,* всегда прибегает к знахарю за советами — *пособить своей тоске.* Знахарь приказывает ему выходить утренними зорями к озерам и ловить лягушек парных. Если он успеет схватить парных лягушек, то должен положить их в продырявленный кувшин и бежать, не оглядываясь, до первой муравьиной кочки и там его зарыть. После этого он должен бежать, также не оглядываясь, до своего дома. Если он обернется или будет прислушиваться к шуму, визгу, крику, — то нечистая сила может его сокрушить. Народ думает, что нечистая сила поневоле должна сообщать чарование костям парных лягушек, но если неопытный будет оглядываться, то она жестоко мстит за невольное отторжение силы чародейства. Поселяне говорят, что очень редко случается, чтобы кто-либо устоял против искушений и сберег такую заповедь. Притом часто случается, что посторонние люди, научаемые

нечистою силою, крадут кости парных лягушек. Влюбленный идет на третий день к муравьиной кочке, раскапывает и находит *вилку* и *крючок*. Эти орудия делают чудеса в любви. Если хочешь кого заставить поневоле любить себя, то стоит только зацепить девушку этим крючком — и желание увенчано. Если же девушка становится в тягость, то стоит только оттолкнуть вилкою и она на всю жизнь остается равнодушною к самой горячей любви.

Для благомыслящего человека чары над лягушкою есть совершенный вздор; но поселянин не только безусловно верит этому, но и с большою готовностью обращается к ним. Очевидно, что это само по себе безвредно, но оно гибельно для деятельности сельской. Часто простолюдин по целым годам бывает занят этою одною мыслью, забывая свои обязанности.

8. Чары над голубиным сердцем

Чары над голубиным сердцем равно утешают и молодых, и старых. Молодые люди верят, что голубиное сердце есть верная дорога к любви, старые же полагают, что с таким сердцем можно привлечь к себе расположение от всех людей и на

всю жизнь. Рассматривая благоговейное уважение наших поселян к голубям, невозможно было бы и думать, что из них составляется чарование. Греки и римляне прибегали в своих надобностях к голубям. Не есть ли это чужеземный подарок нашим поселянам? Альберт в своем сочинении о таинствах сказал: «Si tecum habueris cor columnis, omnes te ament»[26]. Следовательно, это поверие занесено на русскую землю с Запада.

Русские поселяне для совершения чар над голубиным сердцем выбирают голубей белых, преимущественно голубя и голубку. Разрезывая внутренности, они вынимают сердца, обмывают в воде и потом засушивают в печи. Эти сердца, высушенные и завязанные в холстину, поселяне и поселянки носят близ своего сердца. В этом заключается весь обряд чарования. В деревнях он почитается непроницаемою тайною и переходит от отца к сыну. Те, которые не решаются сами совершить обряд, из уважения к голубям, подкупают людей бывалых — цыган, коновалов и старушек-лечеек.

Голубиное сердце, принимаемое за чародейство, входит в состав лечения. Старушки-лечейки

---

[26] Примечания: 26

Если у тебя сердце расположено к голубям, то все тебя любят *(лат.)*.

толкут голубиное сухое сердце, дают пить по утренним и вечерним зорям детям, страждущим злыми недугами — корчами. Поселяне верят, что от этого уничтожаются злые недуги.

Злобные старики и отвратительные старухи, из ненависти к супружеской любви молодых людей, похищают очарованные голубиные сердца, сжигают в бане, с намерением расторгнуть мужа и жену. Но дальновидные поселянки придумали и против этого зла средства: они, в свою очередь, крадут рубашки этих людей, жгут их, а пепел кладут под порог, на попирание всем проходящим людям.

9. Чары над змеями и лягушками

В русских селениях почитают за достоверное — возможность переселения змей и лягушек не только в дворы, дома, житницы, но и в живых людей. Казалось, что это мнение, как вздорное, не заслуживает и упоминания; но как оно действительно существует, и притом в превратном виде, и как есть самое величайшее зло в сельской жизни, то здесь упоминается из одной необходимости, в предосторожность простодушным поселянам.

Чары над змеями и лягушками составляют самое отчаянное чарование в русском чернокнижии. Разгневанный поселянин, ожесточенный до последней возможности, лишенный всех средств к отмщению, прибегает с просьбою к чародею: совершить чары над змеями и лягушками. Это значит, что чародей должен напустить змей и лягушек в двор его врага. Уговорившись за дорогую цену, чародей исправляет просьбу селянина.

Чародеи совершают этот обряд следующим образом: берут змей и лягушек, засушивают в печи, потом толкут в мелкий порошок и хранят в сухом месте. Когда бывает кому нужно напустить этих животных, они завязывают порошок в холстину и кладут в навоз. По прошествии известного им времени вынимают холстину, в которой, по их уверению, из каждой пылинки образуется новое животное. Таких-то, едва образовавшихся животных, чародеи разбрасывают по дворам, где они размножаются до последней возможности.

К несчастью человечества, есть такие жестокие люди, которые решаются поить этим порошком своих врагов.

Против сего зла поселяне употребляют свежую малину и землянику. Несчастные страдальцы кладут вкруг себя ягоды этих растений, и живот-

ные, гнездящиеся в них, будто выползают.

Обнародывая это зло с истинным желанием его уничтожения, мы уверены, что сострадательные сердца обратят все свое старание к его искоренению. Этого требует от всех человечество.

10. Чародейский травник

Верование поселян в травы бывает чрезвычайно разнообразное. Кроме благодетельного их влияния, уничтожающего болезненные состояния человеческого тела, они допускают, что в травах скрывается нечистая сила, ведомая только чародеям. Пересчитываем лишь замечательные травы из чародейского травника.

КОЛЮКА

Трава *колюка* сбирается чародеями в Петровки, во время вечерней росы, засушивается, хранится в коровьих пузырях и раздается по особенному расположению птичьим охотникам. Поселяне думают, что ружье, окуренное этою травою, метко стреляет и ни одна птица не ускользнет от его выстрела и что такое ружье нельзя уже заговорить кудеснику никаким заговором.

АДАМОВА ГОЛОВА

Трава *адамова голова* находится в большом уважении у поселян. Чародеи сбирают ее в Иванов день и хранят скрытно до великого четверга. По народному понятию, чародейская сила адамовой головы простирается только на диких уток. Охотники, получившие эту траву из рук записного чародея, окуривают все снаряды, употребляемые ими при ловле уток — в великий четверток.

ПРИКРЫШ

Трава *прикрыш* собирается чародеями в великоденский мясоед, от 15 августа до 1 октября. Люди, сведущие в чарованиях, употребляют эту траву против свадебных наговоров. Когда невесту привезут из церкви в женихов дом, тогда знахарь забегает вперед, кладет траву при-крыш под порог. Невеста, предупрежденная наперед родными о действии знахаря, при входе в дом должна перепрыгнуть чрез порог. Если же она наступит на эту траву, тогда все наговоры обрушиваются над невестиною головою; в противном же случае жестокое их действие обнаруживается над людьми, желавшими несчастия новобрачной чете.

СОН-ТРАВА

Сон-трава сбирается чародеями в мае месяце при желто-голубом цветении с разными наго-

ворами и обрядами. Поселяне полагают, что она обладает пророческою силою — предсказывать сонным добро и зло. Собранная чародеем с утреннею росою, опущенная в холодную воду, она вынимается при полнолунии и начинает шевелиться. В это время поселянки кладут сон-траву под подушку и засыпают со страхом и надеждами. Если быть счастью, тогда в сонных видениях представляется молодая девушка или молодой мужчина; если же быть беде, тогда является смерть.

КОЧЕДЫЖНИК

Кочедыжник, или *папоротник,* срывается под Иванов день, с особенными обрядами и заговорами. Сила чародейская, по народному понятию, заключается в цвете кочедыжника; он цветет только в ночь под Иванов день и охраняется нечистою силою. Поселяне подробно описывают цветение кочедыжника. Повторим их рассказ:

В глухую полночь из куста широколистного папоротника показывается цветочная почка. Она то движется вперед и взад, то заколышется как речная волна, то запрыгает как живая птичка. Все это происходит от того, что нечистая сила старается скрыть от людского взора дорогой цвет. Потом, ежеминутно увеличиваясь и вырастая

вверх, цветет как горячий уголь. Наконец, ровно в 12 часов, с треском развертывается цвет, как зарница, и своим пламенем освещает около себя и вдали. В этот самый миг является нечистая сила и срывает цвет.

Решившийся сорвать цвет кочедыжника должен ранее прийти в лес, отыскать куст, очертить кругом черту и дожидаться рассвета. Он должен быть тверд и непоколебим против нечистой силы, претерпеть все искушения, быть равнодушным против всех превращений нечистой силы. Если он оглянется на зов, то нечистая сила свертывает голову или задушивает, или одурачивает на всю жизнь. Доселе еще в деревнях нет примера, чтобы кто-нибудь мог сорвать цвет кочедыжника, кроме чародеев. Цвет кочедыжника имеет силу: владеть нечистыми духами, повелевать землею и водою, отыскивать клады, делать невидимкою. Вся эта сила будет принадлежать тому, кто соделается обладателем этого цвета. При отыскании земляных богатств, кладокопатели бросают цвет кочедыжника вверх. Если где есть клад, этот цвет будет носиться над ним, как звезда, и прямо упадет на землю.

ТИРЛИЧ

Трава *тирлич* сбирается под Иванов день на

Лысой горе, близ Днепра, под Киевом. Поселяне думают, что эта трава обладает силою превращения и достается только в удел одним ведьмам. Из тирлича выжимается сок, которым натирают оборотни свои подмышки, при совершении чар. Ведьмы, духи-оборотни проницательные, знавши свойство этой травы, стараются истребить ее. Кудесники и чародеи дорожат тирличем, как сокровищем.

РАЗРЫВ-ТРАВА

Разрыв-трава имеет два названия: *прыгун, скакун.* Это растение столь редко, что люди только посвящаемые в таинство чернокнижия могут находить его. Поселяне думают, что тот, кто имеет цвет кочедыжника и у кого есть корень плакуна, того всегда можно поздравить с обладанием этой драгоценной травой.

Чародеи приписывают этой траве разные свойства: разрывать железо, сталь, золото, серебро, медь на мелкие кусочки.

В народных преданиях доселе есть поверие о кладах, скрываемых по разным местам. В старину, говорят старики, разбойники зарывали награбленное имущество в землю на известное число лет, запирали железными дверьми с огромными замками, а ключи бросали в воду. Сила

человеческая недостаточна бывает для разрушения этих дверей и замков, потому что нечистая сила, которой поручено стеречь клад, защищает его своею спиною. Кто же может бороться с нечистою силою? Русский поселянин бежит от такой борьбы. Кладокопатели издерживают большие суммы на получение разрыв-травы.

ПЛАКУН

Трава *плакун* пользуется во всех деревнях и селах уважением и страхом. Чародеи создали об ней особенный миф, противный религии, и обставили обрядами достойными сожаления.

Чародеи, сбирая плакун-траву в Иванов день, утреннею зарею, без всяких железных орудий выкапывают ее корень. Простолюдины полагают, что это растение обладает удивительною силою: приводить в страх нечистых духов, смирять их и приводить в покорность. Этою силою обладают только корень и цветы. Знахари употребляют корень плакуна для изгнания домовых, ведьм и нечистой силы, стерегущих клады.

С горестью упоминаем о суевериях наших поселян над этою травою. Может быть, наши слова дойдут до сердец благодетельных помещиков и, может быть, принесут пользу истреблением народного зла в верование этой траве. Наши

суеверы до того простерли свою дерзость, что раскрытие их проказ невольно приводит в негодование. Выкопавши траву плакун с корнем, являются в церковь, стараются с сею травою стоять в алтаре, держа в руке корень, обращенный на восток. В это время они произносят заговор:

«Плакун, плакун! Плакал ты долго и много, а выплакал мало. Не катись твои слезы по чисту полю, не разносись твой вой по синю морю. Будь ты страшен злым бесам, полубесам, старым ведьмам киевским. А не дадут тебе покорища, утопи их в слезах; а убегут от твоего позорища, замкни в ямы преисподние. Будь мое слово при тебе крепко и твердо. Век веком!»

Для них бывает недовольно этих вздорных слов; они вздумали еще одним обрядом придать особенную силу этой траве, о котором невозможно и упоминать.

Чародейский травник, занесенный в русскую землю из Белоруссии и Польши, говорит о многих обрядах над травою плакуном, обрядах, противных христианской религии. У записных знахарей травники сохраняются письменные, польскими буквами. Не умея их читать, они точь-в-точь произносят их, не упуская даже ни одной буквы. Этот новый источник сельского заблуждения,

вероятно, зашел в наше отечество во время самозванцев. Кто бы не пожелал, чтобы эти травники были уничтожены или, по крайней мере, чтобы простолюдины уверились в их ничтожности?

НЕЧУЙ-ВЕТЕР

Трава *нечуй-ветер,* по сказанию чародеев, растет зимою по берегам и озерам. Простолюдины думают, что тот, кто обладает этою травою, всегда может остановить ветер на воде, избавить себя и судно от потопления, наконец, ловить рыбу без неводов. День для собирания травы нечуй-ветер назначается у поселян 1 января, под Васильев вечер, в глухую полночь. Они думают, что в это время нечистая сила, прогуливаясь по озерам и рекам, бросает траву нечуй-ветер для уничтожения бури. При всем том, люди зрячие не могут находить это растение; одни только слепые от рождения чувствуют присутствие его. Когда они наступают на эту траву, тогда их в слепые глаза кто-то колет иглами. Если они успеют поднять и схватить не руками, а ртом, тогда они обладают ее силою.

Рассматривая возможность получения этой травы одними только слепыми, мы смело можем сказать, что изобретатели этого чарования суть слепцы, бродящие по деревням, кочующие всю

жизнь на счет ближнего. Доверенность к словам слепых людей и жалкое состояние привлекали на их сторону сердца простодушных поселян. Вот где возникло верование в траву нечуй-ветер, принимаемое всеми поселянами за непреложную истину.

11. Заклинательная песнь над духами

Говорят, что заклинательные песни зашли в русскую землю из Белоруссии, Польши, Остзейских губерний и Швеции. Основательных доказательств на это нет, а рассказам не верят. Без сомнения, можно полагать, что они представляют собою только остаток древней восточной жизни, переходивший во все народы и здесь доживший до наших времен. Пересказываю одну песню:

С... *А... Т... О... Р.*
А... Р... Е... П... О.

Т. ... Е. ... Н. ... Е. ... Т.
О. ... П. ... Е. ... Р. ... А.
Р. ... О. ... Т. ... А. ... С.

Что значит эта песня, до сих пор еще никто

удовлетворительного не сказал. Наши поселяне знают только ее слова, но не понимают ее значения. Говорят, чтобы узнать истинный смысл ее, должно переставить все слова по способу, известному одним заклинателям духов. Замечательно, что эта песня имеет такой склад в словах, что можно читать: сверху, снизу, с правой и левой сторон, и все будет одно и то же.

Заклинательная песня над духами вошла в русскую демонологию, и наши ведьмы испытывают ее силу в обряде посвятительном. К удивлению нашего времени, есть еще люди, верующие в эти бредни и страшащиеся их действия.

Антоний Дюбур в сочинении своем: Dictionnaire des menages — re´pertoire de toutes les connaissances usuelles, Paris 1836, Tom. I, page 13, говорит:

Sator arepo tenet opera rotas. Le laboureur Arepo conduit aves soin la charrue.

S	a	t	o	r
A	r	e	p	o
T	e	n	e	t
O	p	e	r	a
R	o	t	a	s

De quelque cote´ qu'on lise, on retrouve constamment

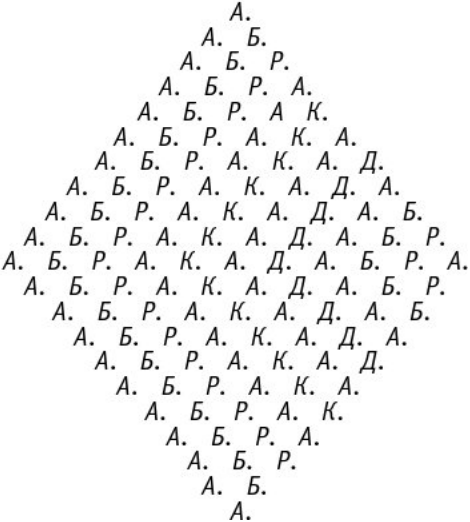
les me^mes mots.

В одном сборнике Румянцевского музеума, писанном в XVII веке, на стр. 65, находится изображение этих слов, названное:

«Сия печать премудрого царя Соломона, протолковася от мудрого некоего ритора. Толк же ее сице расположися, яже зде, ниже сего предложися. Зри опасно, увеждь известно». В средине страницы изображен круг, в кругу четвероугольник, разделенный на шесть квадратов, в каждом квадрате помещено по одной букве, написанной красными чернилами. На обороте страницы в 25-ти стихах приложено объяснение.

12. Чародейская песня ведьм

Чародейская песня ведьм поется, говорят опытные в демонологии, при полете ведьм на шабаш к Лысой горе. Русские ведьмы верят, безусловно, в этот вздор и стараются в нем уверять поселян. В русской демонологии она имеет следующую форму:



Чародеи уверяют, что будто бы при каждом звуке вылетает по одному духу из ада. Наши поселяне верят и этому вздорному сказанию.

Слово абракадабра давно известно в Европе и Азии. Еврейские магики вместо абракадабра принимали слово авракалан. Одни производили его от имени сирийского идола, другие от персидского Авраксакс, означающего бога солнца, Митру. Некоторые составляли из этого числа 1, 2, 100, 1, 60, 1, 200 — которые, вместе сложенные, составляют сумму 365, или число дней солнечного года.

Кабалисты и магики полагали, что в слове абракадабра скрывается сила исцеления от лихорадки, если произносить его известным таинственным образом. Врач XI столетия К. Серен Саммоник говорил: чтобы абракадабра имела свою силу, она должна быть написана в виде треугольника прямого или рассеченного. Наши чародеи форму слова абракадабра имеют в виде или двух прямых треугольников, или в виде четырех равных треугольников, сложенных вместе.

13. Песня ведьм на Лысой горе

В заповедных сказаниях поселян есть поверие, что какой-то казак, забравшись на Лысую гору, подслушал песню ведьм; но шабашное сборище, узнавши об открытии, утопило казака в реке. С тех пор она гуляет по белому свету и передается чародеями одним только ведьмам. Нет почти никакой возможности постигнуть смысл этих слов. Это какая-то смесь разнородных звуков языка, никому не известного и, может быть, никогда небывалого.

Кумара.

Них, них, запалам, бада.

Эшохомо, лаваса, шиббода.
Кумара.
А.а.а. – о.о.о. – і.і.і – э.э.э. – у.у.у. – е.е.е.
Ла, ла, соб, ли, ли, соб, лу, лу, соб!
Жунжан.
Вихада, ксара, гуятун, гуятун.
Лиффа, пррадда, гуятун, гуятун.
Наппалим, вашиба, бухтара.
Мазитан, руахан, гуятун.
Жунжан.
Яндра, кулайнеми, андра,
Яндра.

14. Шабашная песня ведьм

Шабашная песня ведьм, говорят поселяне, открыта одною молодою девушкою, обращенною из ведьм в прежнее состояние.

Гутц!
Алегремос!
Астарот, бегемот!
Аксафат, сабатан!

Тенемос!
Гутц!
Маяла, на, да, кагала!
Сагана!
Веда, шуга, ла, на, да, шуга!
Сагана!
Гулла, гуала, на, да, лаффа!
Сагана!
Шиха, эхан, рова!
Чух, чух!
Крыда, эхан. сцоха!
Чух, чух, чух!
Гутц!

15. Песня ведьм на роковом шабаше

Вот еще странное смешение звуков, сходное с выговором цыган. Пользуясь этою песнью, наши старухи-колдуньи думают, что обладают несметным богатством, что эта песня в состоянии сейчас обогатить того, кто только может пропеть ее. Замечательно, что эти старухи всегда бывают совершенно нищими, хотя находятся в состоянии

петь по сту раз на день.

Шикалу, Ликалу!
Шагадам, магадам, викадам.
Небазгин, доюлазгин, фиказгин.
Бейхамаиш, гейлулашанн, эламаин.
Ликалу!
Шию, шию, дан, – ба, ба, бан, ю.
Шию, шию, нетоли, – ба, ба, згин, ю.
Шию. шию, бала, ли, ба, ба, дам ю.
О вилла, вилла, дам, юхала!
Гираба, наюра, юхала!
Карабша, гултай, юхала!
Захива, ванилши, схабатай, янаха.
Захива, гиряй, гиряй, добила, янаха.
Захива, вилхомай, вилхомай, янаха.
Мяу! згин згин!
Гааш! згин, згин!
У-у-у! згин, згин!
Бя, – бая! – згин, згин!
Кво – кво! згин, згин!
Бду, бду! згин, згин!
Карра! згин, згин!

Тили, тили! згин, згин!

Хив. чив! згин, згин!

Жу, жу! згин, згин!

Згин, згин, згин!

16. Чародейская песня русалок

Поселяне, приписывая русалкам обаятельную силу над молодыми людьми, скрывают за тайну *чародейскую песню русалок,* приводящую в усыпление. Звук слов этой песни совершенно непонятен, не говоря уже о значении. До сих пор еще люди, знающие *всю подноготную,* не умеют пользоваться этою песнью.

Шивда, винза, каланда, миногама!

Ийда, ийда, якуталима, батама!

Нуффаша, зинзама, охуто, ми!

Копоцо, копоцам, копоцама!

Ябудала, викгаза, мейда!

Іо, іа, о – іо,іа цок! іо, іа, паццо! іо, іа, пипаццо!

Зоокатама, зоосцома, никам, никам, шолда!

Пац, пац, пац, пац, пац, пац, пац, пац!

Пинцо, пинцо, пинцо, дынза!

Шоно, пинцо, пинцо, дынза!

Шоно, чиходам, викгаза, мейда!

Боцопо, хондыремо, боцопо, галемо!

Руахадо, рындо, рындо, галемо!

Іо, іа, о! іо, іа, цолк! іо іа цолк! іо, іа цолк!

Ниппуда, боалтамо, гилтовека, шолда!

Коффудамо, шираффо, сцохалемо, шолда!

Шоно, шоно, шоно!

Пинцо, пинцо, пинцо!

17. Чародейская песня солнцевых дев

Чародейская песня солнцевых дев, по сказанию чародеев, поется при брачной жизни огненного змея с девушкою. Смешение русских слов со звуками совершенно неизвестными заставляет думать, что она переделана русскими на свой лад.

«Во всем доме — гилло магал — сидела солнцева дева. Не терем златой — шингафа — искала

дева; не богатырь могуч из Ноугорода подлетал; подлетал огненный змей. — Лиф лиф зауцапа калапуда. — А броня не медяна, не злата; а ширинки на нем не жемчужены; а шлем на нем не из красного уклада; а калена стрела не из дедовского ларца — Пицапо фукадалимо короиталима канафо. — Полкан, Полкан! разбей ты огненного змея; ты соблюди девичью красу солнце-вой девы — Вихадима гилло могал дираф. — Из-за Хвалынского моря летел огненный змей по синему небу, во дальнюю деревушку, во терем к деве. Могуч богатырь — Шиялла шибулда кочилла барайчихо дойцофо кирайха дина. — Во малиновом саду камка волжская, а на камке дева мертвая, со живой водой, со лютой свекровью, со злым свекром. Убит огненный змей, рассыпаны перья по Хвалынскому морю, по сырому бору Муромскому, по медяной росе, по утренней заре. — Яниха шойдега бираха вилдо. — А наехал злой татарин, и узял во полон солнцеву деву, во золотую орду, к лютому Мамаю, ко нехристу бусурманскому, ко проклятому бархадею. — Уахама широфо».

Сказания о знахарстве
1. Пчельное дело

Пчельное дело в селениях почитается самым таинственным, важным и, сверх того, не для всех доступным занятием. Люди зажиточные, хозяйственные, имеющие до ста и более ульев, всегда, по народной молве, состоят в дружественной связи с нечистою силою. Мнения поселян о пчельном деле столь разнообразны, что одни избирают для него покровителями св. угодников, другие обрекают водяному дедушке. Пчельники, приверженцы этого последнего мнения, называются в селениях *ведунами, дедами, знахарями.* Каждый из них имеет свои собственные понятия, приобретаемые по преданию от других, и каждый, в свою очередь, совершает над пчелами свои проказы.

Ведуны думают, что пчелы первоначально образовались в болотах, под рукою водяного дедушки. Матка, как первород этих пчел, была выкуплена злым чародеем за тридцать голов знахарских и передана в улей одного ведуна, по повелению нечистой силы. Этот ведун из нена-

висти к людям научил матку жалить людей, а матка обучила своему ремеслу всех пчел. Когда пчельник-ведун устраивает где-нибудь пасеку, тогда для хозяйственного благоденствия и медового обилия обрекает водяному дедушке самый лучший улей. Между ведунами до сих пор еще не решено: оставлять ли этот обреченный улей на пасеке или бросать его в трясинное место в болото? Если которые оставляют обреченный улей на пасеке, то дед охраняет только заведение; если же потопят в болоте этот улей, то он не только доставляет все возможные средства к размножению пчел, но еще заставляет пчел летать на чужую пасеку для похищения меда.

Знахари полагают, что все пчелы первоначально отроились от лошади, заезженной водяным дедушкою и брошенной в болото. Когда рыболовы опустили невода в это болото, то вместо рыбы вытащили улей с пчелами. От этого улья развелись пчелы по всему свету. Жаленье пчел началось с того времени, они полагают, как один из этих рыболовов хотел украсть матку. Когда уже преступник открылся в своем похищении, то знахари для исцеления опухоли и боли решили между собою, что похититель должен съесть матку. За это открытие от ужаления пчел во-

дяной дедушка передал навсегда пчел в руки знахарей. Получив в свое покровительство пчел, они изобрели разные способы для охранения их. Пересчитаем их.

Для размножения пчел знахари советуют поселянам: когда ударят к утрени на Велик день, быть на колокольне и после первого удара отломить кусок меди от колокола. Этот кусок меди приносят на пасеку и кладут в сердовой улей.

Варят растения дурман с тысячелистником, брызгают плетень, деревья, строения с целью истребить соседних пчел и отучить своих от полета на чужой двор.

Во время роения пчел заблаговременно приготовляют улья, окуренные еловою курушкою, вытертые жгучей крапивою, украшенные разными *приносками*, получаемыми от проходящих бывалых людей, ставят в ряды на юг, восток, запад — так, чтобы пчелы прямо вылетали на восток. Расположение ульев пчельники считают важным делом, и потому, когда желают кому показать свое заведение, изменяют его. Это делается большею частью из подозрения и недоверчивости. Подозрение основывается на том, что могут устроить подобным образом такое же заведение; а от этого опасаются упадка на цены.

Опасность зиждется на странном мнении, будто бы пчельник-знахарь может дать приказание своим пчелам вытаскать мед.

Для усыпления чужих пчел знахари сбирают маковые головки и варят их в козьем молоке. Это молоко, всосанное налетною пчелою, может приучать чужих пчел к переселению.

Деды-пчельники в селениях почитаются несведущими в сношениях с нечистою силою: это просто караульщики. Но простолюдин уважает и боится оскорбить деда-пчельника; он знает, что оскорбление всегда ведет к разрушению хозяйства. Замечательная черта деда-пчельника заключается в предпочтении водить пчел по лесам.

2. Сбрызгивание

Сбрызгивание принадлежит к важному роду лечения знахарей. Наши простолюдины так в него верят, что, по их понятию, сбрызгиванием можно исцелить самый опасный недуг. Чтобы получить этот дар, поселяне прибегают к знахарям с просьбою передать им наговоры над водою. Откровенность знахарей приобретается хлебом, овсом, домашними животными. Передача на-

говоров сопровождается смешными обрядами. Приведем их здесь.

Поселянин, желающий получить право от знахаря на сбрызгивание, должен три вечера париться в бане, три дня говеть, три дня ходить по улице с открытою головою, а последние три дня посещать знахаря. В пустой избе знахарь ставит мису с водою, по углам кладет соль. Поселянин, пришедши к нему за передачею, должен лизать языком раскладенные по углам соль, золу, уголь и при каждом глотке прихлебывать из мисы воду. В это время знахарь читает про себя наговоры. На третий день вручается поселянину громовая стрела и передаются словесно наговоры. Вот один из наговоров:

«Соль солена, зола горька, уголь черен. Нашепчите, наговорите мою воду в мисе для такого-то дела. Ты, соль, услади, ты, зола, огорчи, ты, уголь, очерни. Моя соль крепка, моя зола горька, мой уголь черен. Кто выпьет мою воду, отпадут все недуги; кто съест мою соль, от того откачнутся все болести; кто полижет мою золу, от того отбегут лихие болести; кто сотрет зубами уголь, от того отлетят узороки со всеми призороками».

Поселянин, наученный обрызгиванию, принимается лечить все болезни. Когда старушка

придет к нему с просьбою пособить от недуга ее внучке, он прежде всего торгуется, потом берет кнут, как принадлежность знахаря, и идет в дом больной. При входе его все встают с почтением, сажают его в передний угол, и начинается угощение. Молчаливость на вопросы, закаченные глаза под лоб, махание кнутом, голова, подпертая локтем, — суть верные ручательства в его звании. В полном разгуле он просит показать больную и, какая бы то ни была с нею болезнь, решает одним названием: недуг. Это слово понятно поселянам. Требует в ковш воды, читает про себя наговоры, потом сбрызгивает больную, и тем оканчивается все дело. Уходя, он дает приказание на пороге, прислонясь к притолке, пить остальную воду по зорям.

Болезни, лечимые знахарями, суть следующие: лихоманки — лихорадки, *лихие болести* — судороги, *родимец, колотье, потрясиха* — ревматизм тельный, *зазноба молодеческая, тоска наносная, ушибиха* — падучая болезнь, *черная немочь, узороки, призороки.* Все эти болезни именуются у знахарей, как выше сказано, одним именем: недуг.

3. Переполог

Переполог, по значению знахарей, есть *отгад всякого испуга,* совершенного добром и злом. Наши поселяне думают, что испуг всегда случается от людской ненависти;

но не зная, кто бывает причиною испуга, прибегают к знахарям. Знахарь непременно должен одолеть ненавистника, хотя бы он был за тридесять земель, в тридесятом царстве. На то он и знахарь. Да ему ли в трудном положении оставаться? Все знахари говорят условно, высказывают иносказательно одни приметы и всегда стараются показать *на убылого.* При том прежде нежели произнесут *от-гад* выспрашивают наперед у приходящего о всех домашних обстоятельствах. Из этих рассказов они извлекают для себя все нужное.

Знахарь, призванный в дом для совершения переполога, требует мису воды, олова и богоявленскую свечу, а когда испуганные бывают еще женатыми, и обручальную свечу, если эта особа не будет овдовевшая. Над обручальною свечою растапливает олово, выливает его в воду. Как скоро начнут отделяться из воды пары, он говорит

окружающим: «Смотрите — вот бежит нечистая сила!» Простодушные поселяне, не знающие законов физических, слепо верят в рассказы знахаря. После того начинается отгад. Показывая на фигуру остывшего олова, при тусклой свече говорит: «Вот кто испугал вашего больного!» Потом подводит больного смотреть на приметы. Призванный на смотр должен непременно согласиться с рассказом знахаря, хотя бы он ровно ничего не видал и не примечал. После этого подходят смотреть по одному все домашние с подтверждением слов о рассказе знахаря. Поселяне стараются отыскивать по этим приметам ненавистника. Если они его отыщут, то испуг с больного спадет, как вода с гуся; в противном же случае больной должен страдать во всю свою жизнь таким недугом. Переполог, кроме явного обмана знахарей, оставляет ужасные последствия. Семейства, отыскивая ненавистного, заводят раздоры непримиримые, вражду вечную и мстительную. Одно уже семейное несчастие заставляет желать истребления переполога по селам.

4. Соняшница

Соняшница, как врачевание, составляет в руках знахарей важное лекарство в брюшных болезнях. В действительности соняшницы поселяне твердо уверены, несмотря на мучения, претерпеваемые от нее больными.

Призванный знахарь к совершению соняшницы требует: миску, в которую бы вошло три штофа воды, пеньки и кружку. Миску с водою ставит больной на живот; пеньку зажигает. Как скоро загорится пенька, он обматывает ею больную. Часто случается, что больная после того остается обожженною в разных местах. Раны, полученные от обжога, знахари приписывают выхождению болезни из тела. Пеньку после сего кладет в кружку, а кружку ставит в миску. В это время начинаются наговоры, между тем как больная вопит от болезни, а окружающие считают вопль страдалицы удалением нечистой силы из больной. Прочитавши наговоры, знахарь дает больной пить воду и удаляется.

Выздоровеет ли больная, или нет, знахарю все равно; он получит плату, наградит уверением и скроется. Вся беда лежит на больной. Если она

не выздоравливает, знахарь говорит, что на нее напущен после соняшницы новый недуг. Его опять приглашают; он снова приступает к обряду и снова получает деньги.

5. Открытие колдуна

Суеверные поселяне полагают, что колдун есть существо, отрекшееся от людей, Бога и сроднившееся с нечистою силою на пагубу людей. Но как колдуны скрывают свое искусство и только вредят тайно, то простолюдины решились открыть своих губителей. Знахари предложили средства для узнания.

Поселянин, подозревая своего соседа в колдовстве, приходит к знахарю за советами. Большая часть людей, впадающих в это подозрение, бывают семейные, имеющие больных дочерей и сыновей. Знахарь, договорившись за большую цену, советует ему дожидаться 25 марта. В роковой день он должен после утрени сесть на лошадь, *какую не жаль*, лицом к хвосту, ездить по селению, не оборачиваясь назад. Когда выедет за околицу, то должен смотреть на трубы. В это время нечистая сила проветривает колдунов, висящих на воздухе вниз головой. Если поселянин обратится

назад, то нечистая сила разрывает лошадь на части, а он сам остается или вечно сумасшедшим, или умирает от страха. Но как последнее условие слишком тяготит воображение суеверного, то он не решается на такую поездку и просит поездить за себя знахаря. Знахарь долго отговаривается, потом торгуется за поездку и, получивши подарки, обещается открыть злого колдуна. Жребий открытия всегда падает на того, кого подозревает поселянин, хотя знахарь никогда и не думал ездить по селу за открытием колдуна.

Открытие колдуна почитается верхом искусства знахаря, и поселяне, рассказывая о его могуществе, говорят: «Он так силен, что узнает все мысли и выскажет все дела твои, отцовы, дедовы». К счастию человечества, что наши знахари — люди безграмотные, закоренелые в предрассудках, люди, помешанные на своем могуществе, столько ничтожном и обманчивом для них и всех других.

6. Стень

Простолюдин, не понимая законов происхождения болезней, законов, основанных на точном познании природы и человека, почитает все

болезни, сопровождаемые ужасными страданиями и продолжительностью, жертвою злых людей, завистливых к его благосостоянию. *Изнурительную сухотку детей* — Tabes, *детскую чахлость* — Atrophia infantum называют в селах — *стень.* Не прибегая с доверенностью к врачебным средствам, более надежным, они находят утешение в тайнах, им непонятных, в чудесном веровании, вовсе для них непостижимом, и от них ожидают избавления от бед семейных, от горестей сердечных, близких его простой и кроткой душе. Бродящие обманщики, успевшие овладеть воображением наших поселян, жестоко играют сельским простодушием и не только мучат людей, им верящих, но варварски их терзают. Надобно видеть каждому это жалкое состояние, чтобы оценить вполне семейные бедствия, проистекающие от разных толков знахарей, кудесников, ведунов, ворожей, чародеев. Напрасно в городах думают, что поселяне не лечатся, что одним сердечным соболезнованием услаждают болезни домашних. Бродячий знахарь укажет им средство, уверит в его полезности, и оно переходит из рода в род, как зло потомственное. Средства, предложенного ему за тайну от знахаря, он не разбирает: вредно ли оно? полезно ли оно?

Для его ограниченного познания довольно, что есть возможность излечения.

В селах дитя, страдающее стенью, почитается уже не жильцом земным, когда благоразумный отец прибегает только с теплою мольбою к Царю царей о помиловании. Растерзанное сердце матерей страдальческим томлением, воображение, напитанное ложными чудесами, заставляет целые семейства искать отрады в суеверии, умолять об исцелении знахарей. Призванный знахарь, как дока, как знающий всю подноготную, берется за врачевание. Больное дитя, по его совету, несут в лес, ищут раздвоенного дерева, кладут его в этот промежуток на трое или менее суток, сорочку вешают на дерево, потом вынимают его и ходят трижды девять кругом дерева. После этого приносят домой, купают в воде, собранной из девяти рек или колодцев, обсыпают золою, собранною из семи печей, кладут на печь. Если дитя после сего засыпает, то это верный признак исцеления, а если оно кричит, то должно умереть.

Часто случается, что дитя умирает в лесу, оставленное обнаженным на открытом воздухе, или испускает дыхание под обливанием холодной водою. Совет знахаря, это явное убийство, почитается в деревнях благодеянием.

7. С глазу

Восток древней жизни, отживая свое бытие, передал народам вместе с мифами и разные заблуждения. Народное поверие будто взгляд человека лихого, злобного, хитрого, сообщает болезни, будто в глазах этих людей заключается яд, перешло в русскую землю с Востока, по преданию от других народов. На Руси это поверие названо: *с глазу.* Наши простолюдины не имеют еще понятия о глазном месмеризме.

В деревнях всякое первоначальное образование болезни почитается *порождением с глаза.* Нет недуга, который бы не происходил от этого зла. Знахари выдумали против всего средства, употребляемые в сельской и городской жизни, и их средства по большей части приводятся в действие пожилыми людьми, старухами, следующим образом.

Берут воды непитой, не отведанной никем, вынимают из печи три уголька, достают четверговой соли. Все это кладут в стакан, дуют над ним три раза, потом плюют три раза в сторону. После сего нечаянно сбрызгивают больного три раза, дают три раза хлебнуть, вытирают грудь

против сердца; заставляют рубашкою обтирать лицо, а остальную воду выливают под притолоку. Некоторые к такому составу прибавляют клочок моху, вынутый из угла, другие читают над водою молитвы. Этим оканчивается лечение с глазу.

8. Хлебная завязка

Хлебная завязка почитается грозящим бедствием хозяину той поляны, где она будет замечена. Народ думает, что это сделано злыми людьми на сокрушение всего семейства и родни.

Для отвращения бедствий от хлебной завязки, знахари велят хозяевам полей брать из хлева то место, где почивают свиньи, положить на телегу, запрячь неезженную лошадь и скакать к полю во весь скок. Если поклажа упадет с телеги, то это недобрый признак. Приехавши в поле, надобно накрыть хлебную завязку сею поклажею, не касаясь рукою. Прикосновение рукою предвещает худой сбыт будущего хлеба. Потом должно ехать домой, не оглядываясь назад, а иначе нечистая сила свернет на сторону голову. После этого запрягают езжалую лошадь, кладут лошадиный навоз и едут к полю. Такою поклажею обсыпают кругом всю завязку.

Знахари, заставляя совершать такой обряд, уверяют поселян, что от этого все беды, замышляемые злыми людьми, обращаются на их головы. Часто случается, что поселяне из ненависти к своему соседу подкупают знахаря сделать завязку. В таком случае он пользуется от обеих сторон.

9. Зубы лечить

Верование в *симпатии* так усилилось в сельской и городской жизни, что все особенное подчиняют этому значению. Симпатия, по народному понятию, есть таинственная сила, могущая невидимо совершать дела по воле людей. К числу симпатических средств народ принял от знахарей лечение зубов прикосновением пальца. Обманщики, прикрывая себя симпатиями, обмазывают палец наркотическими мазями, известными им одним, а простодушные верят их рассказам, хотя и не видят пользы.

Лечение зубов прикосновением пальца будто зависит от таинственного обряда. Знахари ловят для сего зверька *крота* и умерщвляют его указательным пальцем правой руки, без всякого орудия, приговаривая шепотом следующий наговор:

«Кротик, ты кротик! Я пальцем своим из тебя всю кровь испускаю и им больные зубы излечаю».

Когда призывают знахарей лечить зубы, они этот указательный палец кладут на больные зубы и читают шепотом приведенный наговор. После сего заставляют полоскать рот поутру и ввечеру кислым уксусом. Конечно, что здесь действуют наркотические вещества в соединении с уксусом притуплением возвысившейся раздражительности, а не палец, умертвивший крота.

10. Куриная слепота

Болезнь, поражающая поселян, работающих перед огнем, или на солнце, или перед водою, названа знахарями *куриною слепотою.* Для обольщения поселян они создали поверие, будто куриная слепота есть напущение злых людей, что она соскабливается ножом, которым зарезывают старых куриц, и что эту слепоту злодеи пускают по ветру, кому хотят отомстить. Такое заблуждение легко объяснить: органическо-динамические явления природы, непонятные простолюдинам, производят ночную слепоту — hemeralopiam, болезнь, переименованную знахарями в куриную.

Люди, страждущие куриною слепотою, по совету знахарей выходят в лавку, нагибаются над дегтярною кадушкою и говорят шепотом наговор:

«Деготь, деготь! Возьми от меня куриную слепоту, а мне дай светлые глазушки».

Народ думает, что деготь доводится сродни куриной слепоте, и только из жалости берет он в свое призрение бродягу-слепоту. После сего больной должен идти на перекресток, сесть на дорогу и искать что-нибудь. Если его кто из проходящих будет спрашивать, то он должен сказать: «Что найду, то тебе отдам». Потом утирает рукою глаза и махает в проходящего. От исполнения этого обряда исчезает куриная слепота.

11. Мороз

В деревнях думают, что неурожаи льна, овса и конопли происходят от мороза. Мороз же олицетворяют следующим поверьем:

В русской народной символике принято за основание, что мороз происходит от выхождения злых духов. Зимою, когда установятся большие морозы, злым духам становится тесное житье. В это время они вылетают на белый свет, бегают

по полям и дуют себе в кулак. От такой прогулки мороз сдавливает снегом жито, от пяток духов отдается треск, и от подутия в кулак бывает или ветер с метелью, или иней садится на дерева. Для отвращения сего зла знахари выдумали проклятие на мороз с совершением обряда.

Под Велик день поселяне, наученные знахарями, приступают к заклятию мороза. Старик семейства берет ложку овсяного киселя, взлезает с ним на печь, просовывает голову в волоковое окно и там говорит':

Мороз, мороз! приходи кисель есть.

Мороз, мороз! не бей наш овес.

Лен да канапи в землю вколоти.

Окончив эти слова, он оборачивается в избу, и старшая из женщин в доме окачивает его водою в то самое время, когда он слезает с печи. Старушки уверяют, что проклятие, высказанное стариком на лен и конопли, замирает на его устах от воды. Мороз же, удовольствованный киселем, не убивает ни льна, ни конопли, ни овса.

12. Неразменный рубль

Обманщики, живущие на счет ближнего, в деревнях понимаются с другой стороны. Народ думает, что они получают все с избытком, не трудясь, от нечистой силы, которая вручает им на траты *неразменный рубль.* Прельщаясь такою разгульною жизнью, простодушные прибегают к знахарям для приобретения рубля. Кажется, что и наши поселяне в свою очередь ищут философского камня.

Искатель неразменного рубля идет на базар, не говоря ни с кем и не оглядываясь назад, и покупает там гусака, с первого запроса, без всякого торга. Принесши его домой, он так сдавливает ему шею, что гусак задыхается, кладет неочищенного в печь и жарит до полуночи. В 12 часов ночи вынимает из печи и идет с ним на развилину дорожную. Там он должен говорить: «Купите у меня гусака, дайте за него рубль серебряный». В это время нечистая сила является в виде покупателей с предложением разной цены. Искатель должен быть тверд, а иначе его задавит нечистая сила. Когда же является покупатель за серебряный рубль, то он должен ему продавать. Получивший

желаемый рубль должен идти прямо домой, не оглядываясь, и ни с кем не говорить. В это время нечистая сила, желая возвратить рубль, кричит за ним вслед: «Ты обманул нас! Твой гусак мертвый! Зачем же оторвал ему голову, уверяя, что он живой?» Искатель не должен слушать таких рассказов; он обязан скорее бежать от нечистой силы. Если он обернется или будет говорить с нею, то рубль исчезнет из его рук, а он сам очутится в болоте по горло. Когда же возвратится целым в дом, тогда этот рубль будет его продовольствовать всю жизнь. Знахари советуют таким обладателям никогда не брать сдачи при покупке вещей; а иначе рубль погибнет. Когда они покупают, то будто нечистая сила взлезает в купца и дает сдачи, хотя бы не следовало ничего. Только этот рубль никогда не заживается долго: рано или поздно нечистая сила обольстит обладателя, и тогда вместо рубля открывается черепок глиняный. В другой же раз неразменный рубль не дается в руки.

Здесь знахари совершают явный обман над поселянами. Часто этот неразменный рубль уводит со двора лошадь или корову к дворам обманщиков: знахари без этого подарка не открывают способа приобретения.

13. Кость невидимка

Кость невидимка соделывает своего хозяина всюду невидимым, хотя бы за ним смотрели во сто глаз. Кому не нравится быть невидимым? Чего бы ревнивый муж в городе пожалел для отыскания такой кости? Чего бы не дал влюбленный и охотник до всяких свиданий с любезным предметом за кость невидимку? Это или что-нибудь другое заставило наших поселян отыскивать невидимку. Без чудес и здесь не обошлось! Знахари составили обряды, наговоры, видения.

Кость невидимка, по рассказу знахарей, заключается в черной кошке. Искатели сего тайного открытия крадут кошек в соседних деревнях и избирают из них такую, в которой бы не было ни одного белого волоска: вся шерсть должна быть черная. В этом поселяне наши очень затрудняются. Другому во всю жизнь не придется отыскать одношерстной кошки, а если и придется, то знахарь уже найдет худые приметы. В таком случае он берет к себе кошку, обещает выщипать белую шерсть и держать до тех пор, пока не вырастет новая. Само собою разумеется, что это все делается из подарков, что та же кошка возвращается

обратно и что хоть сто раз вари — в кошке не отыщется кости невидимки. Искатель всегда остается виноватым, а знахарь правым. Кошка, признанная знахарем за одношерстную, варится в чугунном котле по полуночам, до тех пор, пока не истают все кости, кроме одной. Оставшаяся кость есть невидимка. Но как варение продолжается многие ночи, то искатели теряют терпение, а особливо если знахарь вздумает представить из себя нечистую силу. Между тем есть и такие, которые с большим терпением просиживают ночей по двадцати, но кости невидимки не остается. В таком случае остается виновным искатель; он или бранил в это время нечистую силу, или опоздал прийти одною минутою, или не досидел сколько-нибудь, или вздремнул, или вспомнил о семье своей, или не так прочитал наговоры, или вздумал утаить что-нибудь от знахаря, или, торгуясь с знахарем, пожалел барана, овцу, гуся. За все это нечистая сила крадет у искателя, как недостойного, кость невидимку. В другой раз невозможно выварить из одношерстной кошки такой кости. Кому на роду написано достать, тот и с первого разу достанет; а кому нет, тот хоть сто кошек вывари, все не будет ничего, говорят знахари.

Искатели всегда остаются в разорении от кости невидимки и с надеждою, укрепляемою знахарем, приступают к другим исканиям. С этою уверенностью они проводят целую жизнь, оставляя все прежние хозяйственные занятия.

14. Свадебная поруха

Нигде торжество знахарей так не прославляется, как в сельских свадьбах. Благополучная семейная жизнь, вечные раздоры, болезни первых годов, домашние беды — все зависит от знахарей. Поселянин, затевая свадьбу, особливо зажиточный, идет к знахарю с большими подарками, поклонами, с просьбами защитить его молодых от свадебной порухи. Здесь-то знахарь высказывает все свое могущество; здесь-то робкий поселянин, устрашенный до последней возможности, делает *несчетные посулы* за спасение своего семейства. Знахарь в сельской свадьбе есть первый гость: его зовут на пирушку прежде всех; ему принадлежит первая чарка зеленого вина; ему пекут пирог; ему отсылают первые подарки; его все боятся; при нем все покойны. Удивительно ли, что после этого все свадебные проказы знахарей обольщают воображение посе-

лян, когда ему присвоены такие преимущества в сельской жизни.

Свадебная поруха состоит в соблюдении многих обрядов для будущего благополучия «князя и княгини». Так величают в деревне новобрачных. Знахарь осматривает все углы, притолоки, пороги, читает наговоры, поит наговорною водою, дует на скатерти, вертит кругом стол, обметает потолок, оскабливает вереи, кладет ключ под порог, выгоняет черных собак со двора, осматривает метлы, сжигает голики, окуривает баню, пересчитывает плиты в печи, сбрызгивает кушанья, вяжет снопы спальные, ездит в лес за бунзою и вручает свату ветку девяти-зернового стручка. Эта ветка есть верх искусства. Если ее будут держать за пазухой попеременно то сват, то сваха, то все умыслы врагов обратятся ни во что. Если поедет поезд, забьют лошади от злобного наговора, то стоит только махнуть этою веткою — и все будет спокойно. Случись беда на пирушке, развяжись кушак у молодого, отвались что-нибудь от кики молодой, оторвись супонь у лошади, все исправит эта одна ветка. На третий день знахарь берет свата с собою в баню, и здесь происходит расчет в посулах. Если получит все уговорное, тогда эту ветку сжигают. Этим окан-

чивается обряд свадебной порухи.

15. Выведывание жены

Знахари присвоили себе право выведывать семейные тайны. К числу важных открытий принадлежит *выведывание жены.* Кажется, можно утвердительно сказать, что от этого происходит особенная приверженность сельских женщин к знахарям. Привожу здесь два способа выведывания, замечательные только по особенной хитрости знахаря.

Старухи-свекрови всегда бывают нерасположены к невесткам, а особливо если находятся в семье старые, незамужние девицы. Внушая всегда сыновьям о строгом содержании жен, они прибегают за откровенными советами к знахарям: попытать жену в верности. Для этого употребляют траву канупер, имеющую свойство усыплять женщин под вечер, по сказанию знахарей. Свекровь тотчас открывает какой-нибудь недуг в своей невестке. Не послушаться свекрови, отвергать присутствие недуга есть смертельная обида в сельской жизни. Вечером варят *канупер,* недужную кладут на печь. Свекровь с зажженною лучиною пробует свою невестку по пятке

— спит ли она? Муж обязан молчать. Если спит, то свекровь начинает шептать на ухо, выспрашивая на разные способы былое и небылое. Муж таких расспросов не обязан слушать. После этого идут ночью к знахарю, и свекровь, во услышание мужа, рассказывает, что отвечала ей сонная жена. Знахарь, задобренный наперед от свекрови, рассказывает по воде приметы обольстителя. С этого времени начинается *семейная разладица.*

В старину русские бояре содержали обширную дворню, среди которой всегда затевались раздоры, занимавшие собою большую часть жизни дворовых людей. Частые отлучки мужей по барскому приказу наводили подозрения на жен. Таскаясь по дорогам, они выведывали от бывалых людей разные способы к открытию верности своих жен. Бывалые люди всегда советуют: мыться в бане, потом спотеть на полку, и после обтереть все тело полотенцем. Когда же приедет домой, то потное полотенце положить тайно от жены под подушку. Едва жена засыпает, уже муж слышит, как она, сонная, рассказывает про свою жизнь. Воображение, наперед настроенное, порождает такие подозрения, о которых женщина никогда и не воображает. Утром муж идет к знахарю для расспросов о приметах обольстителя. К счастью

своему, догадливые жены наперед проведывают знахарей с поклонами и подарками. Знахарь решает по большинству подарков.

16. Разменный колпак

В деревнях есть тайное поверие, что злые духи научают людей чернокнижию. Эту страшную тайну поселяне узнают из вечерних рассказов знахарей, верят ей и передают потомству. В сельских рассказах всегда приводятся примеры, случившиеся с разными людьми при научении чернокнижию. Здесь приводим для любопытства один сельский рассказ, записанный слово в слово.

«В нашей деревне жил один удалой малый. Собой не велик, а прыти в нем было возов на десять. Уж коли вздумает, бывало, потешиться, то вся деревня стоном стонет. Живал не трудясь, а хлебец белый едал; зато одежда на нем была больно не мудра. Он был всем с руки. Пропадет ли корова, лошадка, все идут к нему. Просватают ли кого, он первый гость. Загрустует ли кто, посылают к нему на утеху. Одна беда с ним была: попался в некрутчину. Да и тут откашлялся. Наш мир больно на него зубы грыз. Делать в огласку никто

не посмел; оттого-то он и жил припеваючи. На святках он пропал без вести. Тут-то заговорили старики. Один из них знал, как он спознался с нечистою силою. Дело, вишь, как было.

В деревне зимовали солдаты. Он был и им под руку. Солдаты, видишь, научили его, как спознаться с нечистою силою. Повели его на остров, а лесник шел за ними издали, невдомек им. Ходили, ходили по лесу и напали на козюльку. Долго шептали на ней, окаянные; потом сорвали ей голову. Лесник-то был не промах: залез на дуб да и давай класть приметы. Лесник давай себе запримечать. Прошла зима. Вырос горох. Наш малый похаживает себе в лес да любуется себе горохом. Удалой наш пришел полюбоваться. Как заметил цвет, и ну кривляться кругом.

Кривлялся, кривлялся, да и давай вырывать горох с корнем. Как выдернул, ну свивать кольцо из травы. Вот он, видишь, себе и пошел в стадо. Лесник выскочил из дупла да и себе свил кольцо. Вот как удалой пришел в стадо, прищурил левый глаз, а правым ну смотреть в кольцо.

Лесник себе то же делает. Вишь, как саранча, подлетела к удалому нечистая сила. Все были в шапках, а один в красном колпаке. Все подобран молодец к молодцу. Лесник было и струсил, да

спасибо у него в голове закачено было. Подбежал в красном колпаке и долго спорит с удалым. Чуть было дело не дошло до драки. В красном колпаке заплясал себе трепака. Удалой тут-то вскочил на цыпочки, подкрался, тяп да тяп, — и сорвал красный колпак. Как взмолился он, как начал просить свой колпак.

Удалой ни гугу. Стоит да и только. Вот и давай твердить о посулах. Удалой запросил черную книжку, что заперта на Сухаревой башне. Долго отнекивался он от мены; однако поскакал за лес. Удалой похаживает себе да любуется колпаком. Видно, жаль стало, а променять его больно нужно. Вот идет весь избитый. Видишь, нечистая-то сила долго не впускала его на башню, а он пробрался сквозь щелочку; хоть изодрал себе морду, да зато достал. Видно, без колпака тошное житье. Давай колпак, а тот давай себе требовать книжку. Маяли, маяли друг друга да и разменялись. Нечистая сила скрылась с колпаком разменным; а наш удалой зажил с черною книжкою. С тех-то пор он овладел нечистою силою, хитрил по-своему над православными да и пропал без вести. Лесник-то было себе задумал, ан не тут-то было: ничего не выждал; только у него во дворе вся скотина перевелась».

17. Ведьмино селение

В деревнях верят какому-то особенному предчувствию, по которому поселяне будто бы узнают о пребывании среди их ведьмы. Люди, сведущие в приметах, люди, умеющие все растолковать, придумали признаки, указывающие прямо не на людей, а на землю. По этим признакам владетель земли или сам имеет сообщение с духами, или его жена есть ведьма. Такие признаки, по уверению знахарей, суть следующие:

В летнее время поселяне, выходя на работу, часто замечают на лугах или зеленые, или желтые круги. Увидевши это, они прежде всего узнают, чье это поле? Много ли изломалось на нем кос? Потом распускают молву, что круги появились недавно, а прежде их не бывало; что сам хозяин, если он старик, поверстался в колдуны на этих кругах; что старшая женщина в семействе его покумилась с ведьмами; что ведьмы сбираются сюда каждую ночь плясать. Но как мужчины всегда скоро избавляются от нареканий, то вся вина падает на женщин. Следствием такого подозрения бывают вообще отчуждение, ненависть, мщение, худые толки, пересуды. Такая новость

для знахарей есть золотой клад. Людей, прибегающих к ним за советами, они предостерегают от бед, их ожидающих, уверяя, что они сами видели, как их новая ведьма хочет известь всю деревню. Распуская такие слухи, знахари каждый вечер принимают посетителей с поклонами, с подарками и просьбою защитить их от ведьмы. Знахарь, собравши со всей деревни приносы, идет в поле, скапывает круги с землею, и тем дело оканчивается.

Сожалея об этом заблуждении поселян, мы смело их уверяем, что эти круги суть обыкновенные явления в природе и происходят по определенным физическим законам. Земля, на которой в летнее время появляются зеленые круги, имеет подземные источники. От отделения влажности земля всегда покрывается зеленою травою, совершенно отличною от близких мест. Утром, еще до восхода солнечного, пары, отделяясь от влажной земли, сгущаются, оставляют после себя на траве круги; но при восходе солнечном, когда лучи изрежают атмосферу, они исчезают. Это-то действие природы знахари выставляют за пляску ведьм. Желтые круги, также появляющиеся летом, в утреннее время, происходят от так называемой медяной росы. Эта роса, призна-

ваемая за ядовитую, скопляется на древесных листьях в виде клейкой и смолистой материи и, по своей тяжести, стекая, образует около себя круг, сообразный высоте. Все поселяне знают, что в природе существует медяная роса, но никогда не обращают внимания, как она стекает с дерев на землю; иначе они, вероятно, не решились бы оскорблять своего ближнего.

18. Собачья старость

Собачья старость будто нападает в деревнях на детей одногодок пред прорезыванием зубов, по большей части летом. Старушки-лечейки, заметивши больное дитя, объявляют, что дитя, не доживя веку, умрет; что к нему прикочнулась злая болесть — собачья старость. Несчастные родители верят этому вздору и просят лечейку избавить от болести. К назначенному дню отыскивают маленькую собачку, однолетку, белошерстную; топят к ночи печь *жарко-на-жарко* и с пением первых петухов приступают к делу. Лечейка связывает собаке ноги и кладет в топленую печь, потом принимает из полы от матери больное дитя и кладет рядом с собакою. После этого начинает парить дитя и собаку. Родители

уверены, что чем больше дитя кричит, тем скорее с него сходит болесть. Парение кончилось. Дитя передается матери также на полу, полубольное, полуизмученное и нередко умирающее. Собаку всегда стараются в эту же ночь утопить.

Сказания о ворожбе
1. Гадание на картах

Ворожба на картах так усилилась в городской жизни, что сделалась особенною принадлежностью людей, посвятивших такому занятию всю свою жизнь. В селах ворожба сего рода известна более в разговорах, нежели на самом деле. Там занимаются ею более дворовые люди, заезжие из городов, по привычке; но поселяне не верят этой ворожбе. Здесь нет чудесного, увлекательного для их воображения; здесь нет олицетворения, могущего потрясти их дух; здесь рассказы не проникают их грубую жизнь такими утонченными страстями, как это бывает в городской жизни. Следовательно, ворожба на картах родилась в городах.

Приступая к открытию гадания на картах, мы не намерены входить в объяснение разных способов, употребляемых гадателями. Это суть предметы условные, всегда изменяемые по воле людей и разнообразные до бесконечности. Мы только скажем здесь о главном характере гадания на картах.

Гадание на картах присвоили себе женщины, записные гадальщицы, люди, имеющие связь со всеми дворовыми людьми, с торговками, посещающими многие дома, с разносчиками, обхаживающими ежедневно большую часть города. Сосредоточиваясь всегда в этой сфере, они ежедневно сбирают от них сведения о домашней жизни городских людей. Толпа людей, посещающих дома гадальщиц, всегда бывает известна ворожеям. Соображаясь с получаемыми сведениями, они наперед знают: кто и зачем пришел? что должно сказать каждому? Все посетители верят им на слово, не требуя никаких доказательств. Зато все ответы ворожеек бывают двусмысленны. Главные основания гадания на картах сосредоточиваются на следующих наблюдениях:

1. Люди, посещающие ворожеек, по большей части бывают влюбленные, люди, имеющие в виду надежду и отчаяние. Таким людям ворожейки, смотря по щедрости, всегда предсказывают отгад благоприятный. Люди, отчаянные в своей любви, разгоряченные, несвязные в разговорах, сами говорят о себе ворожейкам в худую сторону.

2. Второй разряд людей, посещающих ворожеек, состоит из мужчин и женщин, лишенных собственности разным образом. Как не узнать

этих людей! Томность, горесть, отчаяние, минутная надежда, выражаемая улыбкою при добром для них рассказе, нетерпеливость, беспрерывные разговоры об одних себе, удаление от людей веселых, отчуждение от любопытных предметов всегда указывают ворожейкам, зачем явились к ним люди, носящие на себе отпечаток своих несчастий!

3. Третий разряд людей состоит из особ, желающих знать: каким образом улучшить свои домашние обстоятельства? Одежда, непредвещающая большого достатка; разговоры о трудностях домашней жизни; расспросы о должностях легких, покойных, выгодных; разные предприятия, невольно высказываемые; радость и отчаяние, беспрерывно сменяемые при раскидывании карт, — вот верные указатели для ворожеек.

На этих-то признаках и на собираемых сведениях совершается гадание на картах. Удачное открытие ворожейки всюду разносится и притом всегда в увеличенном виде; неудача же скрывается от стыда и слабости. Страсти везде берут перевес; но в картах еще более видно их владычество. Люди, обманутые ворожейками несколько раз, не картам приписывают свои неудачи, но всегда посторонним обстоятельствам, и при пер-

вом слухе о новой, чудесной ворожейке толпами бегут в покои обманщицы и верят в карты.

Доверие к картам, проистекая от страстей и худого направления духа, может быть только истреблено одним истинным, верным образованием ума и удалением страстей. Все предприятия для этого будут тщетны, если люди будут чуждаться умственного образования.

2. Гадание на кофе

Гадание на кофе образовалось в городах и из них еще не перешло в селения. Доверие к такому роду ворожбы гораздо сильнее, нежели к картам; оттого-то люди как-то неохотно приступают к гаданию на кофе; одно отчаяние, редко крайность отваживают на это. Поверие, что гадание на кофе всегда сбывается, отклоняет многих от такой ворожбы.

Главные основания ворожбы на кофе также основаны на знании семейных дел и страстей. Кофейницы, как записные ворожейки, должны быть женщины пожилых лет, говорливые, расторопные и часто пьяные, по русскому народному поверию, пьющие от ума.

Кофейницы свою ворожбу производят открыто,

одною густотою вареного кофе. Принимая к себе посетителей, они эту густоту кладут в чайную чашку, накрывают чайным блюдечком; потом опрокидывают чашку вверх для того, чтобы кофейная густота пристала к стенкам чашки. Засим снимают блюдечко, чашку ставят поодаль на столе, на блюдечко наливают воды; взявши чашку за дно, опускают на блюдечко, погружая троекратно, при произношении слов: *верность, дружба и согласие.* После этого поднимают чашечку, и начинается гадание сообразно теням и знакам, отражающимся на кофейной густоте. Тени и знаки, как приметы условные, изъясняются следующим образом:

Тень человека имеет два значения: влюбленным предсказывает свидание, лишенным имущества — вечную пропажу.

Тени зданий всегда предсказывают: богатым — счастливые предвещания, бедным — худые ожидания, щедрым — нечаянное обогащение.

Тени земель и растений предсказывают вечные раздоры, худые замыслы, разрыв любовных связей, неудачи в делах, худые обороты, тоску, грусть.

Тени животных предсказывают опасность от злых людей, неблагоприятную дорогу, огор-

чительные письма, известия о расстройстве имений, опасность за друзей и влюбленных.

3. Гадание на псалтыре

Гадание на псалтыре принадлежит вместе и сельской, и городской жизни. Люди боятся гаданий этого рода, страшась их сбывчивости; но при всем том ворожба эта производится явно, с совершением каких-то молитв.

Записных гадателей на псалтыре редко встречаем. Этим занимаются по большей части домашние люди, своего рода, старушки, знающие всю подноготную. Приступая к ворожбе, они берут ключ, пишут записочки, требуют псалтырь. Записочки вкладывают в псалтырь, ключ винтовым концом вкладывают также в псалтырь, а круговой конец связывают веревочкою с псалтырем. Потом заставляют постороннего человека держать на указательном пальце ключ с псалтырем. После этого ворожея читает тайно какой-то псалом. Если в это время завертится псалтырь на пальце, то означает хороший признак, и гадание бывает удовлетворительное. Если псалтырь не вертится, то это худой признак, гадание, не обещающее хорошего.

Основание этой ворожбы заключается в соблюдении равновесия. Малейшая неосторожность служит в пользу обманщиков. Такой род гадания производится еще другим образом: открывают по произволу псалтырь и заставляют приходящих читать. После каждого чтения начинается толкование. Всякий благоразумный человек может наперед представить, какое бывает толкование. Обманщики, соображаясь с обстоятельствами, приискивают такие псалмы, какие ближе к обстоятельствам жизни приходящего человека.

Сей способ гадания перешел к нам с Запада. Шмидт в своей истории о германцах, упоминая о соборе епископа Бургарда, приводит вопросные пункты о гадании на псалтыре. Следовательно, это гадание не принадлежит собственно русской жизни, но оно переделано на свой лад, по подобию других гаданий.

4. Гадание на решете

Гадание на решете существует более в деревнях, нежели в городах. Доступное всем возрастам и состояниям оно принимается с большою доверенностью при пропаже домашних вещей и животных. Дворовые люди в селениях почита-

ются самыми искусными в гадании на решете. Замечательно здесь особенное исключение: сельских девушек отлучают от решета; его непременно должна совершать замужняя женщина.

Основное положение гадания на решете состоит в соблюдении равновесия. Чем более попыток делается, тем решето скорее теряет равновесие. Ворожейки для увеличения обмана прежде сеют этим решетом снег, потом вытрясают его при лунном свете. Такое решето, по рассказам поселян, имеет более действия.

Способ гадания на решете совершается двояким образом. Берут решето, утверждают его на указательном пальце, вытягивают руку в сторону и потом начинают причитывать имена тех людей, на кого падает подозрение. Если при чьем имени посетитель и ворожея заметят, что решето повернулось, тот почитается вором.

Второй способ гадания совершается несколько иначе. На верху решета привязывают ножницы. Приглашают в свидетели двух посторонних человек. Эти свидетели ставят концы ножниц на своих средних пальцах. В это время ворожейка начинает причитывать: «Белый украл? Черный украл? Рыжий украл? Седой украл? Светло-русый украл? Темно-русый украл?» При каждом вопросе

замечают: не завертелось ли решето? Если решето завертелось при вопросе: «Белый украл?» — то похититель есть белый человек. После чего начинается толкование, что этот белый имеет такие-то приметы. Само собою разумеется, что описание примет делается со слов приходящих или производится сообразно обстоятельствам и времени.

5. Гадание на яйцах

Гадание на яйцах принадлежит в сельской жизни одним девицам; но в городах оно имеет разные приноровления. Таким производством почти всегда занимаются бродящие старухи, а из домашних — няньки. Толкования старух и нянек принимаются за сущую правду.

Приступая к гаданию, старухи берут теплую воду в стакан и распускают в нем яичный белок. При выпускании белка отражаются различные *фигуры.* По этим-то фигурам начинается гадание.

Фигура, отражающая церковь, предвещает девушке скорую свадьбу, пожилой — смерть.

Фигура, отражающая корабль с парусами, предвещает замужней женщине скорое прибытие мужа, девушке — отдачу замуж на чужую

сторону, молодому мужчине — отдаленное путешествие.

Если белок вдруг опустится на дно стакана, то это угрожает опасным бедствием, смертью, пожаром, вечною незамужнею жизнью.

Объяснение сего гадания основывается на простом химическом законе, на соединении двух разнородных веществ. Люди, не слыхавшие об этом законе, верят безусловно в толкование ворожеек.

6. Гадание на иглах

Гадание на иглах так обыкновенно в кругу девичьей жизни, что если какая девушка не попросит об этом ворожейку, то всегда поносится от своих подруг. Кто знаком с сельским воспитанием, кто знает, с какими предрассудками воспитываются эти девицы, тот легко поймет происхождение гадания на иглах.

Сельские девушки, решаясь гадать на иглах, просят или ворожеек, или нянек; сами же гадать не должны: правда не сбывается. Ворожейки берут две иглы, натирают салом, опускают их в стакан с водою. Если иглы потонут, то это худой признак; если они сошлись вместе, то это пред-

вещает скорое вступление в замужество; если они разошлись одна против другой, то это означает, что есть препятствия к свадьбе со стороны недоброжелателей; если они разошлись в разные стороны, то это предсказывает вечную незамужнюю жизнь. Всякое явление сопровождается намеками на известных женихов, и при каждом разе выпытывают от девушек семейные тайны и передают их женихам.

7. Гадание на воске

Гадание на воске употребляется сельскими и городскими девушками во время святочных вечеров по совету нянек и ворожеек. Желая узнать своего суженого в глаза, отчаянные девушки это гадание совершают в бане, в полуночные часы. Явление наяву суженого совершается по милости услужливых нянюшек. Расторопный суженый, подкупая няньку, с вечера переселяется в баню и дожидается прихода суженой. Когда же суженая хочет гадать, он предстает ей, вручает кольцо и скрывается. Девушка от испуга *ахает, падает в обморок,* а после подсылаются свахи, жених является на смотрины и дело слаживается без дальних хлопот.

Гадание на воске, производимое в присутствии многих в доме, совершается следующим образом: растапливают воск и вливают его в стакан с холодною водою. В это время опытные няньки начинают делать предсказания по отражающимся фигурам. Знакомым и тароватым девушкам предсказывают все хорошее, благоприятное; напротив того, бедным, незнатным отгадывают все худое, оскорбительное. Часто между девушками заводятся интриги. Из ненависти к своей подруге подкупают ворожейку, которая высказывает нелепости разного рода. От этого иногда происходят вечные семейные раздоры.

8. Гадание на свинце

Гадание на свинце принадлежит к святочным тайнам, производится в городах и селах под рукою нянек. В этом гадании участвуют только девицы, переиспытавшие все прочие роды гаданий. Общее народное замечание для этого гадания есть скрытность от отца и матери, а с тем вместе и уединенность для занятия.

Ворожеи растапливают свинец, вливают его в холодную воду и делают свои наблюдательные замечания. На какую сторону будут отделяться

пары, на той стороне быть девице замужем. Если свинец будет представлять церковь, то это означает скорую свадьбу; если будет показывать гроб, то это предвещает скорую смерть.

9. Гадание в зеркале

Самое действительное *гадание в зеркале* совершается на дворе при лунном сиянии во время святочных вечеров. Впрочем, по необходимости, совершается и в доме, и притом во всякое время. Лучшим временем для этого гадания признается полночь, при тусклом комнатном свете, при всеобщем молчании.

Гадание в зеркале не принадлежит к кругу изобретений русских ворожеек; оно перешло в наше отечество из других земель. Суеверные греки, получившие это завещание от древней восточной жизни, осуществляли его своими таинствами, приноравливали к разным обстоятельствам, и потом, вместе с просвещением, передали его разным народам. Как чудесный вымысел, как обольстительное обаяние оно пережило века, нравилось всем народам, изменялось по прихоти каждой ворожеи. Наконец довелось участвовать в нем и русской жизни.

Наши ворожеи, сбираясь гадать в зеркале, избирают уединенную комнату, берут два зеркала, одно большое, другое поменьше. Ровно в 12 часов ночи начинается гадание. Большое зеркало ставят на столе, против него маленькое; гадающая садится пред зеркалом, обставленным свечами. Все окружающие соблюдают глубокое молчание, сидя в стороне; одна только гадающая смотрит в зеркало. В это время в большом зеркале начинают показываться одно за другим 12 зеркал. Как скоро будут *наведены зеркала,* то в последнем из них отражается загадываемый предмет. Но как явление не всегда показывается, то начинают другие наводить. Верный признак наведения есть тусклость зеркала, которое протирают полотенцем. Наши ворожеи думают, что суженый, вызванный поневоле этим гаданием, приходит в гадательную комнату и смотрит в зеркало чрез плечо своей суженой. Суженая, бодрая и смелая, всегда рассматривает все черты лица, платье и другие его приметы. Когда она кончит свой обзор, тогда кричит: «Чур сего места!» При этом чурании привидение вдруг исчезает. Старушки уверяют, что если суженая не зачурает привидение, тогда оно садится за стол, вынимает из кармана что-нибудь, кладет на стол. Догадливые гадательницы

в роковой миг начинают чурать; привидение исчезает, а оставленная на столе вещь остается в ее пользу. Последствия оправдывают ожидание ворожеек: оставленная вещь будто всегда похищается у жениха в то самое время, когда его суженая наводит зеркала. Самое важное обстоятельство в этом гадании есть слова: «Суженой, ряженой! Покажись мне в зеркале», и мысль об нем до появления двенадцатого зеркала.

Почти всеобщая уверенность в действительности сего гадания заслуживает сожаления о заблуждении людей, доступных этому верованию. Установка зеркал, отражающих мелькающие тени присутствующих людей при гадании, сообразно законам оптики; разгорячаемое воображение, устремляемое на известный предмет; вера в действительность сего гадания, подтверждаемая рассказами старух; воспитание, не очищенное от предрассудков, — служат основными началами этой ворожбы. Истинное образование ума, непреложная вера в Бога, усилия людей благомыслящих, может быть, со временем избавят наших соотечественников от явного заблуждения.

10. Гадание курицею

Гадание черною курицею принадлежит векам всеобщего европейского суеверия, когда слова людей виновных не имели верности в суде, когда пустые испытания винили правого, оправдывали виновного, когда дерзкий преступник, одаренный физическою силою, с мечом в руке защищал свою правоту. Когда это гадание зашло в русскую землю — доказать невозможно. Наши ворожеи употребляют его для открытия похитителей.

В семействе, где случилось похищение, всегда подозревают многих, особенно в деревнях. Там правых и виноватых сбирают вечером в одну избу, тушат огонь и впускают курицу, осыпанную сажею. Курица, обходя правых, прикасается к ним; но подходя к вору будто кричит, бежит прочь и не подпускает его к себе. В этом случае все правые, по необходимости, окрашиваются сажею; один только похититель не удостоивается этой почести. Потом вносят огонь и смотрят: кто окрашен сажею и кто нет? Если есть человек, свободный от этого, то он признается виноватым.

Этот способ, открывающий похитителя в деревнях, всем известен. Виновный, зная следствия,

неужели не захочет оправдать себя? Он, способный на все роды хищения, неужели будет равнодушен к курице? Неужели побоится ее прикосновения, особливо поселянин, грубый и бесстрашный? Мне известен случай, где производилось открытие похитителя таким гаданием. У одного крестьянина были сведены лошади. Подозрение пало на живущего работника. Прибегли к гаданию курицею. Все собранные были окрашены сажею; один только четырехлетний мальчик был пощажен курицею. Истинный похититель-работник был избавлен от подозрения, а мальчика вся деревня признавала виновным дотоле, пока не открылось через восемь месяцев, что работник был похитителем. Между тем явное открытие не могло облагоразумить поселян в ослеплении своего поступка. Так сильно действуют предрассудки над грубыми поселянами, и так могут быть иногда вредны их поверия.

11. Водогадание

Водогадание в русской семейной жизни присвоили себе ворожейки, женщины, распоряжающиеся всеми домашними сплетнями. Суеверные люди, допускающие всевозможные вздоры, на-

ходят утешение в беседах с ворожейками, сами поддерживают их ремесло. Записные ворожейки, выдавая водогадание как действительное средство для отгадывания семейных тайн, всегда говорят, что они научены этому от страшного колдуна и могут верно все отгадывать на воде, что бы им ни предлагали. В звание водогадательниц всегда вступают женщины ни к чему не способные, по большей части вольноотпущенные, солдатки и особенный класс «кумушек», известных на Руси своею расторопностью в свадебных и похоронных делах. В деревнях говорят, что *это ремесло на роду не приходит*, а только передается. *За передачею* женщины прибегают к знахарю или старой колдунье. Знахарь требует посулов: штоф вина, скатерть, две рубашки, кушак и полотенце. Это все заранее приносится, потому что требование знахаря известно всему селению. Знахарь становит будущую водогадательницу к загнетке, накрывает лицо полотенцем, ставит на стол мису с водою, садится на лавке и дует на воду; потом снимает полотенце с водогадательницы. Наговоренная вода выливается под верею, а в мису вливается вино. Знахарь, накрывший мису скатертью, приказывает, чтобы она явилась «во саму утренню зарю». Водогадательница является

не с пустыми руками, а с двумя штофами вина. Здесь уже знахарь научает водогадательницу всем премудростям.

Русские водогадательницы всегда избирают один день в неделе: четверг, а другие предпочитают понедельник. Вероятно, что это предпочтение ведется по преданию, без всякого отчета. Русские люди водогадание распространяют на многие виды; но его по большей части употребляют для открытия похитителей в наших степных селениях.

Там, где случилось похищение, собирают подозрительных людей, призывают грамотного, пишут имя каждого на особенных лоскутках, ставят на стол огромную чашку с водою. Ворожея берет записки и бросает по одной в воду. Чья именная бумажка выпрыгнет из воды, тот признается виноватым. Большая часть поселян не доверяет вполне этому гаданию; другие считают его тогда только действительным, когда производят на студенце, ознаменованном каким-нибудь важным событием.

Неосновательность такого гадания представляется так очевидно, что самое поверхностное знание физических законов объясняет его. Если бумажка будет брошена углом в воду, то удобно

может скользить по поверхности, точно так же, как скользит камень, брошенный в реку углом.

12. Гадание на бобах

Гадание на бобах принадлежит записным городским гадательницам. В селах занимаются этим более дворовые люди, а особливо клюшницы, няньки и экономки, *по воле или неволе барской.* Олицетворяя бобы частями человеческого тела, они разрешают вопросы, предлагаемые боярами, боярынями и боярчатами, всегда в благую пользу. Городские же гадательницы соображаются в этом случае с собранными сведениями и лицами, к ним приходящими. Замечательно, что в гадании на бобах ворожеи всегда отвечают одними мнениями. Постоянство гадания заставляет думать, что все ответы, излагаемые ими, изучаются по преданию.

Ворожейки для этого гадания берут *сорок один боб* и разделяют их без счету на *три части.* Берут первую часть в одну руку, а другою начинают отсчитывать по четыре бобинки, откладывая их в сторону, до тех пор, пока в руке будет оставаться три, два или один боб. Этот остаток кладут в *первую линию,* подле первой части. Потом берут

третью часть, отсчитывают также, остаток кладут в первую линию, подле третьей части. После того составляют вторую линию из бобов, отлагаемых в сторону, также в три порядка. Третья линия составляется без счету в три порядка из бобов, оставшихся от первой и второй линии. Таким образом, устроивши три линии, в каждой по три порядка, приступают к отгаду на бобах.

Второй порядок в первой линии ворожеи называют *головою,* третий в этой же линии — *рукою,* второй порядок во второй линии — *сердцем,* третий порядок в третьей линии — ногою на походе.

Голова предвещает мысли, веселости, быстроту, состояние ученое; *рука* предзнаменует богатство, бедность; *сердце* говорит печаль или радость; *ноги на походе* означают приезд и отправку в путешествие, получение, посылку, исполнение желания.

Ровное число бобов в порядках означает препятствие к исполнению всех желаний. Ворожеи в этом случае говорят: «Голова печальна, сердце грустно, рука пуста, ноги в остановке». Неровное число бобов — *нечет* в порядке — предвещает все доброе, хорошее, благоприятное. Ворожеи тогда говорят: «Голова весела, сердце радостно, рука

полна, ноги на походе».

В этом заключается все таинство гадания на бобах; ворожеи так разнообразят его, что посетители всегда изменяют свои намерения. То говорят, что ваши желания в этот день не могут быть разгаданы от возмущения духа, то желания высказываются не от всего сердца, то они не по мысли. Все это они разгадыванием подтверждают, и оканчивается тем, что только могут сказать ворожеи.

13. Святочные гадания

Никогда русская семейная жизнь не живет в таком раздолье, как на святках. Здесь все возрасты принимают участие в веселости, особенно женский пол. Молодые люди среди игр и веселий выбирают для себя суженых; старики рассказывают про старину; старушки подтверждают разными опытами достоверность гаданий. И все это совершается вечерами, в полном собрании многих семейств. Женщины-*позыватки* обходят дома с приглашением, где есть девушки, в семейство зажиточное, где лелеется ненаглядное дитятко, краса девичья, зазноба молодеческая.

Вся важность святочных вечеров заключается

в гаданиях, передаваемых из рода в род. Отыскивать первоначальное появление этих гаданий нет никакой возможности. Предания наших предков, письменные и словесные, ничего не говорят об этом. Было бы очень несправедливо, если бы мы приписали их существование временам нехристианским русского народа, как доселе делают с предметами, не вполне объяснимыми. Мы останемся при одном мнении, что святочные гадания усваивались русской жизнью в продолжение многих веков, при постоянном или временном сношении наших предков с соседними народами. Если бы была возможность тщательно проследовать отдельные поверия по пограничным местам в разных веках, потом следить их распространение по внутренних городам, тогда бы мы могли с точностью означить, из какой страны, из какого города, от какого народа перешли к нам суеверные поверья, где они были приняты, где нет, где исчезли, где и доселе существуют. Мысль едва исполнимая, едва возможная в своем осуществлении;

но, как вероятная, она проистекает из действительного бытия мифов древней восточной жизни, столь редко переживавших свои периоды, столь явно переходивших от одного народа

к другому. Мы знаем быт великоруссов, мы постигаем быт малоруссов, мы верим в отдельное существование быта белоруссов; но можем ли мы смело сказать, что они отделены один от другого? Их разнообразные проявления заставляют думать, будто они никогда не сливались один с другим, будто никогда жизнь великорусская не селилась на полях малорусских, если бы история не указывала нам на постепенные возрасты того и другого, если бы не говорили нам дела, что каждый из них осуществлял свою данную мысль при содействии другого. Отчего мифы, поверья, семейные сказания Белоруссии отличаются от мифов, поверьев, семейных сказаний Великоруссии? Отчего малорус верит в поверье, едва известное великоруссу и о котором совершенно не знает белорус? В чем заключается основная причина переселения мифов от одного народа к другому? Отчего происходит их усвоение в той или другой общественной жизни? Подробное обозрение общественной и семейной жизни решительно оправдывает предположение о переходе поверий в русскую жизнь в продолжение многих веков и от многих народов.

Святочные гадания, совершаемые доселе в русской семейной жизни, производятся вечера-

ми, с 25 декабря по 5 января, и притом в разное время. Так, одни совершаются вечером, другие в полночь, а третьи приготовляются ко сну.

Вечерние гадания обыкновенно начинаются с той минуты, как скоро освещают огнем комнаты. Исчисляем здесь некоторые из них.

Собравшись все вместе, в один дом, девицы выходят на улицу: здесь каждая из них должна спрашивать об имени первого встретившегося ей человека. Они верят, что таким именем будет называться их суженый. Это самое окликание производится под новый год; девушки тогда выходят на перекресток с пирогом.

Ходят слушать под окна чужих домов и, внимая разговору веселому или скучному, предрекают себе такую же жизнь в замужестве.

Ходят в темноте в дровяной сарай, берут полено из поленицы и потом в покоях смотрят: если оно гладкое, то муж будет хороший; а если кому попадется суковатое, особенно с трещинами, то он будет дурной и сердитый.

Выводят из конюшни лошадей через оглоблю. Если которая зацепит оглоблю ногами, то муж будет сердитый; если же перескочит чрез нее, то муж будет тихий и смирный.

Подходят к амбарам: если услышат пересыпку

хлеба, то уверяют себя, что их замужняя жизнь будет достаточная.

Слушают под церковным замком: если подслушают пение «со святыми упокой», то это предвещает смерть; если услышат что-нибудь свадебное, то означает, что в том же году выйдут замуж.

Снимают с насести кур и приносят в ту горницу, где заранее приготовлены в трех местах вода, хлеб, кольца золотые, серебряные, медные. Если чья курица будет пить воду, то муж будет пьяница; если будет есть хлеб, то муж будет бедняк; если возьмет кольцо золотое, то муж будет богач; если серебряное, то муж будет ни богат, ни беден; если же сдвинет с места медное, то будет нищий.

Пересчитывают в лестницах балясы, говоря «вдовец, молодец», и, доходя до последней, смотрят: на каком слове остановились, такой будет и муж.

Выходят к забору и говорят: «Залай, залай, собаченька, залай, серенький волчок». В которой стороне услышит девушка лай, в той стороне будет жить замужем. Если лай раздается близ дома, то это показывает, что отдадут замуж не в дальнюю сторону; если же лай будет тихий, едва слышный, то будет выдана замуж на чужую

сторону.

Бросают башмаки через ворота на улицу, потом выходят сами на улицу и смотрят: в которую сторону он обращен носком, там и быть замужем. Худой признак для девушки, когда ее башмак лежит обращенный к домашним воротам: в этот год не быть ей замужем.

Ходят смотреть в окна соседей во время ужина. Если заметят сидящих за столом с головами, то предвещают себе, что будущие родные все будут живы; если же видят без голов, то думают, что они скоро все вымрут.

После подблюдных песней выносят воду на двор, и каждая из девушек, отливая несколько этой воды под верею, берет в горсть снегу. Приходя в покой, смотрят: какого цвета снег, таков будет и суженый.

Полуночные гадания всегда начинаются после ужина, с 12 часов ночи. В них участвуют взрослые девицы в присутствии опытных старушек. Исчисляем эти гадания.

Гадающие девушки садятся у окон, выговаривая каждая: «Суженый, ряженый! поезжай мимо окна». Если которая услышит поезд с криком, с свистом, то предрекает себе жизнь веселую и хорошую; а когда поезд будет тихий, то предрекает

себе замужнюю жизнь в бедности.

Вывешивают за окно ключи, щетку. Кто из проходящих их пошевелит, спрашивают его: «Как звать?» Думают, что этим именем будет называться суженый.

Берут скорлупы грецких орехов, режут восковые свечи на маленькие кусочки, вставляют в скорлупы, пускают плавать в чашку, наполненную водою. Потом каждая из девушек зажигает свечки своей скорлупы. Здесь замечают: которая потонет, та умрет незамужнею; у которой скорее сгорят свечки, та прежде всех выйдет замуж; а у которой будет гореть долее всех, той не бывать замужем.

Отчаянная девушка накрывает в пустой комнате стол скатертью, кладет прибор, кроме ножа и вилки, и говорит: «Суженый, ряженый! приди ко мне поужинать». Все окружающие выходят в ближние покои, а она, оставшись одна, запирает двери, окна, садится за стол с ожиданием суженого. Признаки приближения суженого суть следующие: ветер жужжит под окнами, с свистом; удары в окна, в дверь; смрадный запах. Потом является суженый. Девушка должна сидеть на своем месте, молчать на все вопросы, замечать черты лица и платье. Суженый садится

за стол, начинает говорить. Девушка вместо ответа спрашивает: «Как звать?» Суженый сказывает имя, вынимает что-нибудь из кармана. В этот миг девушка должна говорить: «Чур моего места! чур моей загадки!» Суженый исчезает, оставляя на столе вещь, им принесенную. Если она сробеет и не зачурает, то суженый производит разные проказы.

Девушки выходят на двор, берут скатерть за края, старушка всыпает снег. Раскачивая скатерть, приговаривают: «Полю, полю бел снег среди поля. Залай, залай, собаченька; дознай, дознай, суженый!» В это время каждая девушка прислушивается, как лают собаки. Хриплый лай означает суженого старика, звонкий — молодого, толстый — вдовца.

Делают с вечера из воска стадо лебедей по числу девиц. Лебедку окрашивают румянами, а лебедь остается белым. Гадальщицы выбирают для себя лебедя с лебедкою, опускают в чашку с водою и накрывают платком. Пред тем временем как ложиться спать, смотрят, как плавает лебедь с лебедкою? Если плавает вместе, то замужняя жизнь будет согласная; если разошлись порознь, то будет вражда.

Самые отчаянные и пожилые девушки выходят

в лунную ночь на реку послушать в прорубь. Нянюшки стелят воловью шкуру. Девушки садятся слушать и смотреть в воду. Которая выйдет в этот год замуж, та увидит своего суженого в воде точно в таком наряде, в каком он придет на сговор; которой же сидеть в девках, та только услышит один стук из воды.

Наливают с вечера в рюмку воды, опускают кольцо и выставляют на мороз. Пред сном нянюшки приносят рюмку и смотрят: сколько бугорков, столько родится сынков, а сколько ямок, столько дочек.

Нянюшки с вечера обсевают золой башмаки и прячут под кровати, будто скрытно от девушек, между тем как каждая наперед договаривается об этом. Девушки встают и смотрят: на чьих башмаках будет больше золы, тем предрекается большое богатство.

Берут вечером, впотьмах, с кудели пряжу, начесывают на гребень и спускают за окно. Пред сном смотрят: какие волосы на гребне, такие будут и у суженого.

Гадания на сон совершаются девушками по указанию старушек и, для большей действительности, людьми посторонними.

Сбирают из прутиков мостик, кладут под по-

душку. Девушка, ложась спать, говорит: «Кто мой суженый, кто мой ряженый, тот переведет меня чрез мост». Суженый является во сне и переводит за руку чрез мост.

Кладут под подушку гребенку, говоря: «Суженый, ряженый! причеши мне голову». Суженый является во сне и чешет голову.

Берут наперсток соли, наперсток воды, смешивают и едят. Ложась спать, девушка говорит: «Кто мой суженый, кто мой ряженый, тот пить мне подаст». Суженый является во сне и подает пить.

Кладут под подушку четырех королей и говорят: «Кто мой суженый, кто мой ряженый, тот приснись мне во сне». Суженый снится во сне в виде какого-нибудь короля.

14. Снотолкования

Нет женщины, нет девушки в наших городах и селениях, которая бы не верила снам. В старину, бывало, со всяким сном хаживали женщины к ворожейкам. И тогда русские сны можно было назвать по справедливости чудными снами. Все, что ни увидят во сне, все сбывалось наяву. И как таким снам не верить! Ныне уже совсем не то. Увидят ли что во сне, сейчас наводят справку с

московским оракулом, чудным оракулом. В нем объяснены все сновидения. Не оттого-то наши современные сны никогда не сбываются.

Наши старушки различали сны по времени их появления. У них сны бывали: *вечерние, полуночные, утренние.* Вечерний сон не имел никакой важности; ему мало верили, об нем даже не ворожили. Сон полуночный почитался важным; об нем-то заботились более всего; он-то и привлекал женщин к ворожейкам. Сон утренний был особенною принадлежностью *молодых,* мужа с женою на первом году их бракосочетания. Этим сном только забавлялись старики, когда *молодая* начнет, бывало, рассказывать своим родным. Сон девушки уважался только во время святочных ночей.

Разгадыванием русских снов промышляли кумушки, старые няньки, соседки-старухи, живущие в одиночестве, и особенный класс людей — лечейки, женщины, бродящие с узелками трав по улицам в селах и городах, а по субботам исправляющие звание акушерок в банях. Сны разгадывались всегда по образу жизни людей и подаркам. Богатым всегда снились сны хорошие, а бедные, что ни увидят, все оканчивалось бедою. Мы приводим здесь городские сны, записанные

слово в слово с объяснениями ворожеек.

Сон молодой богатой русской женщины. «Вот как теперь, вижу гору высокую. Гора та не то что наши горы земляные; не то что мой Парамон Филимоныч делал для Миши прошлого зимою; гора была вся хрустальная; на горе стоял терем. Да какой же терем-то! Весь золотой, весь горит, как солнышко, весь полон людей. Вот и думаю: идти ли мне во терем? Пойду же, когда так придумалось. Иду по дорожке, а гора растет выше, терем выше того. Билась, билась, а все стою на одном месте. Придумала снова, как делу быть. Не пойду, когда так! Сказала и сделала. Вдруг вижу — и что же? С горы идет мой Парамон Филимоныч. Я было его и не узнала. Да и как было узнать? Видишь, он был молодец молодцом; кафтан на нем золотой парчи, шапка черного бобра; кудри русые развевались по плечам ключевой волной. А идет-то он не по сырой земле, а по ковру узорчату. Как подошел ко мне, да и раскланялся, да и взял за руку. Я де тебя давно жду, молвил он. Как пошли мы, гора стала опускаться, терем стал растворяться, весь народ поклоняться. Тут-то я проснулась».

Разгадывание сна молодой богатой женщине. «Ах, ты моя дорогая голубушка! Да какой же сон твой славный. Видно, кому счастье на роду напи-

сано, тому и наяву и во сне сладкое житье. Гора-то твоя хрустальная, то богачество твоего Парамона Филимоныча. Коли ты вздумаешь, загадаешь сосчитать его, то вырастет выше нашей поповой горы. Что терем-то золотой, то торг Парамона Филимоныча. А что народ во тереме, то товар золотой во торгу Парамона Филимоныча. А что твой Парамон Филимоныч — молодец молодцом, во кафтане золотой парчи, то утеха твоя, то молодости твоей прикраса. Что золот-терем растворяется, что народ поклоняется, то богачество расширяется, то дороги товары сбываются. А все-то сон твой, любовь да согласие с Парамоном Филимонычем».

Сон старой богатой женщины. «Живу будто я как было прежде с своим Агафоном Карпычем, на первом году, во любви, во согласии. Дом наш полным-полон; семья-то все красная и почетная. Гостей-то, гостей-то, что и Боже упаси! В каких нарядах уже не было! Были молодые молодушки, были пожилые в мою пору, были и старые старушки. Ни одной-то не было красной девушки. Уж мой ли Агафон Карпыч не сидит, не ходит, а все гостей потчует; уж и я ли молода за столом не сижу, а все гостей потчую.

Вдруг на дворе стемнуло и во покоях тож. Не

вижу гостей и своего Агафона Карпыча. Осталась одна-одинехочка. Тошным-тошно стало мне в одиночестве. Вдруг солнышко засветило на дворе. Гляжу — уж в зеленом саду, вокруг меня калина с малиной да розовый куст. Тут я и проснулась. Ко добру ли, к радости мой сон, ума не приложу».

Разгадывание сна старой богатой женщине. «К добру и к радости твой дорогой сон, золотая моя голубушка. А видела-то ты все старое житье, когда здравствовал твой Агафон Карпыч. Что семья-то красная, то твоя почетная родня. Что молодые молодушки, твои замужние дочки; что пожилые, в твою пору, то родимые сестрицы твои; что старые старушки, то твои сватьюшки; что не было ни одной красной девушки, то ты одна во дому. А что на дворе затемнилось и во покоях тож, то твое вдовство, золотая моя голубушка. Уж как солнышко взошло, то на радость тебе в твоем одиночестве. А зелен твой сад, то красная семья, то радость твоя. Калина с малиной, то твой сын со невесткой, то утеха твоя. Уж как розовый куст, то все внучки твои, то прилука твоя. Хорош твой сон, и не всем на роду написано таково счастье. Много радостей было во твоей жизни, а еще больше будет их. Береги свой куст, покой калину с малиной. Счастье твое при тебе».

И. П. Сахаров
Материалы по русской демонологии
(Из этнографических работ)

А. Харитонов
Очерк демонологии крестьян Шенкуровского уезда[27]

<…>

Крестьяне здешнего уезда вообще весьма суеверны; те же из них, которые живут в отдалении от почтовых трактов, еще более верят проказам нечистой силы, которую большая часть крестьян называет *неприятной силой.*

Из воображаемых героев этой *неприятной силы* примечательнее прочих: дворовый, лесной и водяной; ведьм и русалок здесь не знают, но зато означенные три представителя здешней неприятной силы более или менее разнообразными качествами, приписываемыми им, почти вполне заменяют последних.

Прошу прощения читателя в небольшом отступлении. Как жалки крестьяне в своем упорном невежестве, крестьяне, в других отношениях умные, сметливые; тем более они достойны жалости, что предположения свои относитель-

---

[27] Примечания: 27

Отечественные записки, т. LVII, СПб., 1848, (отд. VIII), с. 132–146; 148–149.

но существования и проказ неприятной силы, основывают на словах Св. писания, и если вы вздумаете разуверять их в том, что они ложно понимают высокие истины Евангелия, они решительно не поверят вам и главным защитником своих глупых верований представят какого-нибудь деревенского грамотея, который, бегло читая церковные книги, нередко отправляет должность приходского чтеца.

Это — одна причина ложных его верований; другая, не менее важная, по-моему, та, что крестьянин, быв мальчиком, свыкается с мыслию о существовании сильных, нечеловеческих сил, помогающих крестьянину-отступнику в его нуждах, силе, о которой даже родители его (образец и пример всего для ребенка) говорят с уверенностью и страхом. Нужно ли прибавлять здесь, как чутко ухо ребенка ко всему, что говорят при нем, и если придать к этому открытую настроенность детской души, неопытную, мягкую восприимчивость всего чудесного, то выйдет, что крестьянин начинает запутываться в этой сети чуть ли еще не в зыбке. Кто ж тут виноват?

Однажды вздумал я уверить крестьянина в том, что земля есть шар и что она обращается на своей оси. После многих с его стороны вопросов,

разрешенных мною, например, о том, «почему, при вседневном обращении земли на своей оси, ветер дует постоянно с одной и той же стороны, положим, с северной, нередко по целой неделе, и почему иголка в матке[28], при ежедневном обращении земли, не переменяет своего положения?» Мне наконец удалось уверить его в моей теории. Желая уверить того же крестьянина в ложности его мнений относительно нечистой силы, я напрасно употреблял все возможные доказательства, напрасно утверждал, что подобные предрассудки противны религии и потому уже грешны, — он был непобедим. На последнюю попытку мою он сказал: «Я дивуюсь, ваше благородие, вы знаете такие хитрости об нашей земле, а не знаете того, что всякому мужику известно с малолетства!»

Сведения, почерпнутые ими из глупых слов какого-нибудь доморощенного грамотея, они

---

[28] Примечания: 28

Матка — компас очень малого объема: *иголка* в матке — две намагниченные иголки, приклеенные к листу бумаги, на лицевой стороне которой означены положения стран света; иголки тупыми концами упираются в медную шляпку, вставленную в середину бумаги, которою, шляпкой, бумага надевается на стальной шпенек, воткнутый в центр дна коробки; очевидно, что северный конец иголки обращает бумагу с условным знаком N к северу. Довольно значительная тяжесть бумаги в намагниченных иголках не производит почти никакого колебания: это очень удобно для крестьян-охотников. — А. Х.

стараются распространить между собою: отсюда многое множество анекдотов, которым все верят, начиная с рассказчика до последнего слушателя. Все это сказано с тою целью, чтоб показать читателю, до какой степени здешние крестьяне утвердились на своих предрассудках и как трудно разуверить их в ложных понятиях.

Обращаюсь к предмету статьи.

Прежде, чем стану описывать *дворового,* скажу несколько слов о том, каким образом крестьяне знакомятся с ним, то есть какие средства употребляют для того, чтоб заслужить его знакомство и милость. Крестьянин, желающий пользоваться помощью *дворового,* разумеется, прежде всего должен его увидеть; для этого знахари советуют ему стараться как можно скорее, даже, если можно, первому получить от священника по окончании заутрени на св. Пасху красное яйцо, свечку, которую он будет держать в руках в продолжение службы, по окончании оной велят унести домой вместе с красным яйцом.

Если оба эти условия выполнены, то есть яйцо и свечка унесены мужиком в свою избу, ему остается только ночью, до петухов, взять в одну руку зажженную свечу, а в другую красное яйцо и, став перед отворенной дверью хлева, сказать следую-

щие слова: «Дядя дворовый, приходи ко мне, не зелен, как дубравный лист, не синь, как речной вал, приходи таким, каков я — я тебе христовское яичко дам!» После этих слов, как утверждают истые суеверы, из хлева выйдет мужик в таком же *лопотье,* как и спрашивающий, наружность, приемы его будут совершенно такие же, как и у спрашивающего, одним словом, к нему придет домовой предупредительный, услужливый для первого знакомства, в образе его двойника.

Тут начинается сцена условий.

Взамен всех требований крестьянина, домовой требует от него одной только тайны их свидания и знакомства, чтоб ни в сонной грезе, ни в пьяном виде, ни отцу, ни матери, ни попу не говорил он об этом свидании. Если крестьянин не выполнит этого условия, предупредительный домовой сожжет избу, переведет весь скот у мужика и наконец доведет до такого отчаяния крестьянина-обманщика, что он сам «наложит на себя руки», то есть застрелится, зарежется или удавится.

Это условие, предварительно сказанное знахарем, спасет многих суеверных крестьян от грешных и нелепых искательств.

«Есть трава на земли св. Глава, растет по рамен-

ским местам кустиками, высотою в пядь, цвет багрян и рудожелт; расцветает вельми хорошо, *что кукшинцы,* всяким видом… а коли хошь диавола видеть, или еретика[29], корень этой травы освяти св. водою, после возьми и носи при себе и узриши водяных, воздушных и домовых».

Есть еще способы, которые, благодаря таинственности здешних колдунов, неизвестны крестьянам и которые, к несчастью, сопряжены с таким фанатическим отвержением от всего святого, что даже самый отчаянный атеист заткнет уши, чтоб не слышать этих страшных заклинаний. Теперь, благодаря распорядительности мудрого правительства, после учреждения приходских училищ, прежние предрассудки мало-помалу исчезают; но это дело времени.

Постараюсь описать здешнего домового таким, каким представляют себе его наши колдуны. Разборчивость во вкусах, вот одна из отличительных черт здешних домовых. Если домовому не понравится черный цвет, то хозяин дома напрасно будет заводить черных коров, баранов: разборчивый домовой переморит весь скот, имеющий цвет шерсти ему противный; крестьяне,

---

[29] Примечания: 29
См. ниже, описание еретика. — А. Х.

покупающие для домашних нужд скот и птиц, принуждены подчинять себя этим воображаемым причудам домового. Если кто-либо из крестьян имеет случай продать корову выгодному покупателю-соседу, он прежде сообразуется с положением домового того дома, в который продает, к цвету шерсти продаваемой коровы (подобные склонности домового он узнает от старух); если цвет шерсти продаваемой скотины домовому покупателя люб, дело слажено, и продавец в барышах; в противном случае, он, сознавая всю справедливость этого поверья, отправляется к другому, менее выгодному покупателю. Цвет шерсти противный домовому здесь зовут *цветом не по двору;* цвет же приятный ему, называют *любым.*

Крестьянин купил на ярмарке вороную лошадь; лошадь была нездорова; через месяц она околела; случай привел вместе с лошадью околеть и черной корове; крестьянин, твердо уверенный, что это проказы домового, спешит задешево распродать черных баранов, кур и проч., боясь повторения тех же странных для него лишений.

Здешний домовой живет семьянином; о жене его крестьяне ничего не знают, дочерей же его воображение их наделило всеми возможными

прелестями. Они вечно юны. Дочь домового живет в состоянии ребенка до тех пор, пока отец ее не войдет в сношения с человеком; дождавшись этого, она получает возможность любить человека; эта возможность усиливается и обращается в страсть слепую, безусловную; но предметом страсти ее может быть только человек, живущий под одною крышею с знакомцем отца ее. Если знакомец этот, то есть крестьянин, дружный с домовым, живет *одинком,* тогда дочь домового по-прежнему будет ребенком; если же с ним живет кто-либо из родных его: племянник, внук или др., то на него обрушится вся беда: если он будет так слаб, что голубые глаза чародейки очаруют его и он бросится на роскошную грудь ее, тогда он погиб: но лучше я поясню это примером.

Живет в деревне мужик-вдовец, сам-друг с сыном: и хозяин бы, кажись, тароват, и дома бы хорошо, да одно худо: знается старый с неприятной силой, слывет за колдуна, ведуна. У кого пропадет корова, лошадь, обокрадут ли кого, — всяк идет к дяде Якову с поклоном: отговорить неминучую, поставить на след в покраже; Яков побирает с мужичков и живет весело. Сын у Якова уже работник: навалит бревно в зимнюю пору, съездит за сеном, срубить в день комлей десятков

семь смолья считает он безделицей; да и сам он мужик осанистый, плечистый, ростом отца назади оставил, в лице кровь да молоко, а зовут его Савельем. Забродила у него на уме Анна, дочь *денежного* соседа Фомы, девка статная, *тончивая* (тонкая), глаза голубые и косы до икры.

Призарила девка Савелья, да так призарила, что в ту же пору, хоть камень на шею да в воду; и сватов *позасылал* он к отцу Анны, и сам-то плакался ей, «пойди, да пойди за меня: тебе хуже не будет!» Нет: девка шутит, хохочет, а пути нет: и к знахаршам-то ходил, что в неделю пересватывают свадьбы, за *присушными* зельями, — ничто не берет: по-прежнему, перед ним, как свеча, горят два голубые глаза девки-соседки, и вся она, как птица, носится над ним, а взять нечего.

Одним днем обедает старик Яков с сыном Савельем, на дворе резкий ветер *поносит* мелкий снег; дядя Яков, кончив обед, обращается к сыну:

— А что, Савка, пошел бы ты, да наколол ношу-другую дров: заутре огреть избы нечем!

Пошел Савелий по подоконью искать кряжей; несколько раз брякнул об дрова топор и все смолкло; глядит Яков в окно, а сын стоит, опустив руки и голову, и топор глубоко улеплен в древесину.

— Савка! С этой поры прибился, руби, говорят!.

Парень снова тюкнул раз полдесяток и опять все смолкло, а он, бедный, наклонил голову; думает думку, мучит душу его дочь соседа, Анна.

— Да, вишь, мы бедны, говорят, отдают ее в утрях за Фрола, он богат, говорят! — пробормотал Савелий, опять замолчал, а топор в старом *щапу* улеплен и не вынуть.

Встрепенулся Савелий, наскоро поправил шапку; прежде тусклые глаза его заблестели и лицо, недавно пасмурное, прояснилось радостью: он увидел дочь денежного соседа — Анну.

— Всю ночь грезился ты мне, Савелий, тошно мне идти за старого Фрола; побеги завтра около ночи в станок, что на Нюнеге[30], я прийду, а теперь недосуг, прости!

На другой день, после полдня, Савелий говорит отцу:

— Батюшка, *морды* по Нюнеге давно не смотрены, пойти сегодня, не попадет ли рыб на варю?

— Пойди, не то, посмотри, да *трутоношу*[31] захвати: не узнаешь, что почему пойдет, бывать и

---

[30] Примечания: 30

Незначительная речка в Шенкурском уезде, один из притоков Ваги. — А. Х.

[31] Примечания: 31

Трутоноша, нач. трут, кожаная сумочка, в которой носят мужики огниво и трут для разведения огня, отправляясь из дома надолго. В просторечии трудоноша. — А. Х.

обночуешься!

Недолго снаряжался Савелий: за пазуху сунул трутоношу и ломоть хлеба, на голову шапку и пошел. Пришел в станок, не знает, как день скоротать: сходит подерет на лапти бересты, дров прибросит в очаг, а ее все нет! Наконец, когда уже приметно стемнело, Савелий уснул; в очаге потух огонь, и только синее пламя инде скакало из угольев. Дверь без шума отворилась, и явилась она, желанная.

Он пробудился от легкого прикосновения, пробудился — и перед ним голубоокая красота севера сверкает, распаленная бесстыдством вакханки: ненасытимый, глядит он на эту русую косу до икры, любуется сокрушительным блеском очей, его заранее обдает жарким паром девической груди, а кармин весенних уст ее так и просит поцелуя. Он стиснул зубы, крепко сжал пальцами горячую свою голову: он чуть не обезумел от одного взгляда на эту красоту. По привычке, он шепчет молитву: видение исчезает, и он опять один, в прокоптевшем дымом станке, с ужасом прислушивается к отдаленному хохоту незваной соседки Анны, а больное сердце тоскует: от него оторвали что-то, без чего он — сирота!

Спешу прекратить мой трескучий, риториче-

ский рассказ, боясь утомить внимание читающего, который, конечно, ищет в статье не набора слов, а дела коротко и ясно изложенного.

Если мужик, или Савелий до того слаб, что не на шутку полюбил эту гостью, в которой, вероятно, уже все узнали дочь домового, то она старается поддержать эту страсть, являясь ему во сне; опутывая таким образом любовника, она наконец является ему явно и тогда уже начинается между ними страшная для всех мужиков связь. Ненасытимая, она ревнива в высшей степени; для нее страсть не гаснет; она в любви к нему постоянна. Она просит и умоляет у него тайны их сношений и вместе с тем она — страшный, неотступный его соглядатай; где б ни был он: в гостях ли, в церкви ли, она постоянно с ним, невидимая никому.

Если мужик, наскучa этой страшной любовью, бросит ее, она отомстит ему: любовника, изменившего ей, она так очарует, являясь к нему во сне, что он, тоскуя по ней, после мучительного месяца одиночества *ошалеет*, то есть сойдет с ума; если же он кому-либо скажет про свои связи с нею, она доведет его до крайнего несчастия: он будет *трус-самоубивец* (самоубийца).

Если же мужик до того тверд, что в состоянии противиться прельщениям чародейки, то, разу-

меется, она страдает и ищет себе друга уже между лешими. Я ничего не слыхал про плод, который должен произойти от сожития мужика с дочерью домового.

Кроме прежде описанных качеств домового, должен упомянуть я о необыкновенной, всепоглощающей деятельности его. Предавшись мужику в нижайшие рабы, он ежечасно требует от него работы; когда тот, по необходимости, должен будет отказать ему в этом, он, домовой, неумолимо следит за ним, в ожидании получить от него какое-либо дело, и, собственно, для того, чтоб наблюдать за молчанием своего господина, то есть за тем, чтоб тот не открыл кому-либо сношений своих с ним.

Если мужичок-колдун захочет выпить с собратами штоф-другой вина, он заранее удаляет от себя домового как опасного и скучного, но тайного свидетеля, заняв его какою-либо нечеловеческой работой: «свей из песка веревку, аршина в два длины и принеси в избу», или: «поставь лиственницу вершков девяти вершиною в землю, а комлем вверх» и проч. Докучливый и опасный домовой удален, и мужик беззаботно пьет и веселится, не боясь ужасного надсмотрщика. Трудолюбивый домовой, из охоты услужить

своему повелителю, не бросит этой работы по крайней мере в продолжение трех дней, а тогда уже, видя совершенную невозможность окончания дела, он с повинною идет к мужику и снова просит дела: мужик рассыпает по всему двору (двор здешнего мужика, это — месиво грязи) своему решета три льняного или конопляного семени, — старик-домовой подбирает все это до последнего семечка включительно, и мужик снова свободен в действиях и разговорах.

Крестьянин, подружившийся с домовым, постоянно скучен, таинствен в своих действиях; между тем удачи за удачами мужику: соседи на базарах продают муку свою вдвое дешевле против него; соседи в продолжении двух недель наловят рыбы в *морды*[32] с полпуда; крестьянин, дружный с домовым, это же количество достанет в день. Самые стихии гораздо благосклоннее к этому мужику, чем к его собратам: у соседей расцветшая рожь побита градом, рожь на его полосе спокойно цветет, помавая колосьями по ветру.

Теперь скажу несколько слов о лешем.

Крестьянин, желающий снискать милость лешего, должен в ночь перед Ивановым днем

---

[32] Примечания: 32
Мешок из ивовых ветвей для ловли рыбы. — А. Х.

отправиться в лес и, найдя осину, срубить ее так, чтоб она вершиною упала на восточную сторону; на пне срубленной осины, став лицом на восток, он должен нагнуться и, глядя в отверстие, образовавшееся меж ногами, говорить следующее: «Дядя леший, покажись не серым волком, не черным вороном, не елью жаровою: покажись таким, каков я!»

После этого около мужика зашелестят, как от легкого ветра, листья осины, и леший в образе мужика является на призыв[33]. Затем следуют сделки: этот, более взыскательный, чем домовой, требует за свои услуги душу мужика по его смерти; он не требует, подобно домовому, хранить в тайне их знакомство, но не позволяет ему и хвастать его услугами перед своими собратами.

Подружась с мужиком, он дает ему заклятие делать все, что он в состоянии сделать по приказанию мужика: «нагнать ли тебе стада лисиц, куниц, заставь и — готово; *украсть* ли у недруга в лесу дорогу, — собью с пути, и он погинет под *выскорью;* показаться ли тебе елью мохнатою или разлечься белым мхом по земле, навести ли тебя на стада лесных птиц, все я сделаю для тебя,

[33] Примечания: 33

Снова повторяю сказанное: есть много средств для снискания дружбы «неприятной силы», но они отвратительны и ужасны. — А. Х.

только не хвастай моим уменьем, не кажи меня твоим товарищам; если ты меня и при товарищах позовешь, я приду, а после тебе спасиба не дам: *наведет волюшка на неволю!»* — Вот все, или почти все, что леший в состоянии сделать для мужика, предавшегося ему.

Здешний леший, как говорят, живет почти так же, как и мужики в селах; если он, ходя по лесу, до темна захочет спать, то он спокойно отправляется в станок (лесная избушка) и ночует там. В здешних лесах нередко на расстоянии 25, 30 квадратных верст господствуют два-три леших; каждый из них занимает какую-либо избушку и живет, не зазнаваясь перед товарищами. Слыхал я от многих, что наши северные лешие не прочь иногда и гульнуть: об этом напоминают оставшиеся в памяти народа названия некоторых из лесных избушек; так *изба под кружалом, изба под кабачком.* На вопрос мой: откуда эти названия? — один старожил отвечал: «Да не знаю, батюшка, правда ли, нет ли, а толкуют, что тут из веков был кабак, да не наш, а кабак для неприятной силы, для леших; здесь они пировали свои поганые свадьбы, здесь и кумились, и братались; кабы покойник отец жив был, он бы все расклал тебе, а я и не так, чтобы вовсе стар: с Петрова-поста

на восьмой (десяток) пошло, да, поди ты, память заорало, что будешь?»

— Ты говоришь, что постом ты вступил на восьмой десяток, и при всем том, не хочешь назваться стариком!

— Какая это старость, семьдесят годов: покойный дед мой девяносто лет в пору санные завертки завертывал; санные полозья гнул до той поры, пока не отемнел (ослеп). Да нынче, барин, все стало не по-старому: и лес-то прежде был крепче; посмотри, дед Якова оставил избу лет тридцать тому, я и на окладинах был, — и теперь стоит, как новая, а у Семена в конце (деревни) четыре года, как поставлена, а все углы огнили; да что говорить, ребята, и камень-то хилее старого стал: прежде каменцу в бане складешь, — два года лежит крепкая, а теперь попробуй — склади, и полугода не пролежит. Ох, ребята, не те времена пошли, Бог видит, не те! Хоть про рыбу скажу, прежде, вот Степан жив, не даст соврать, прежде Нюнега-матушка, что день, то пуд рыбы даст, а теперь, сказывай, ребята, много ли надобывано, а?

А знаете ли вы, что такое свадьба леших? Здешние лешие празднуют свадьбы свои шумно,

разгульно[34]. Если вы увидите в лесу полосу вырванных с корнями деревьев, непроходимую от множества валежника, знайте, что на этом месте была свадьба лешего с лешухой. Ни один мужик не осмелится лечь в летнюю пору, для отдыха, на лесной дороге: он побоится случая лесной свадьбы; если он, лежа на дороге, будет препятствием этому веселому поезду, то его уходит будущий счастливец-жених или он будет растоптан. Удар грома во время свадьбы превращает всю честную компанию леших и лешух в россомах, от того этого зверя здесь считают проклятым. Плод, происшедший от соития этой четы (лешего и лешухи), какое-то чудище, имеющее человеческий вид; обжорливость и безобразие, вот главные качества новорожденного. Родители младенца-лешего употребляют все средства к тому, чтоб подменить этим ребенком какого-либо христианского младенца, еще не крещеного, над крещеным они не имеют власти. Если им это удастся, они будут воспитывать украденного как своего, и впоследствии он будет таким же лешим; тот же, которого они покинули на чужих руках, будет жить, есть, спать и только. Он не обнаружит

[34] Примечания: 34

Я не мог разведать от крестьян подробностей об этих свадьбах, вероятно, поверье это потеряно между ними. — А. Х.

до одиннадцати лет никаких признаков разума; никакой работы, сколько-нибудь требующей разумения, сметки, он не в состоянии сделать; между прочим, он силен, как конь: он держит двадцать пять пудов, как мы десять фунтов. В народе зовут его обменом, обмененным, усилком[35]. Я сказал, что до одиннадцати лет в нем не видно ничего человеческого, кроме наружности; после этого времени он скрывается: он убегает в леса, к родителям; воспитатели же его богатеют: благодарный *усилок-обмен* по временам приносит им кошели звонких рублей. Мужик в синем армяке, левая пола наверху[36], на голове плисовая с бельковым околышем шапка, строченые рукавицы и сапоги устюжские с выпуклыми закаблучьями, на которых хитро-прехитро прострочены всякие узоры — вот он, их воспитанник; узнаете ли вы его в этом наряде, его, которого недавно все от мала до велика в деревне называли пухлым налимом и облезлой сукой.

---

[35] Примечания: 35

Усилок — имеющий необыкновенную силу, силач. *Обмен* — подмененный, обмененный — употребляется в народе как брань.

[36] Примечания: 36

Здесь говорят, что леший, домовой и водяной, приняв на себя образ человека, отличаются от него тем только, что, вопреки крещеному люду, носят армяки, сукманники, шубы и полушубки, запахивая их левою полою наверх; неприятную силу потому и знать.

Леший по природе зол; он в противность домовому любит смотреть на несчастия людей; он любит ни с того ни с сего пошутить над человеком, то есть любит заставить его походить лишних часов семь по лесу, отыскивая дорогу; для этого он пускается на всякие уловки. Он, например, превращается в сосну, ель, и при этом превращении принимает ненатуральное положение в отношении к странам света[37]; заблудившийся смотрит на дерево, поверяет себя, оглядывается на прочие деревья; впереди его ель, с северной стороны и сучков, почитай, нет, а кора, как войлоком, обтянута с севера мохнатой *шастой* (мох на коре ели); зайдет к ели с другой стороны, с южной, — кора гладка, как бумага, и сучья шатром свесились к земле. «Что за причина? — думает мужик. — Шел я, кажись, ладно на север, а теперь посмотрел по ели, север назади остался; дай, пойду куда гласит дерево» — и продолжает кружиться около одного места, а леший, вдоволь натешившись над мужиком, отправля-

[37] Примечания: 37

Мужики, промышляющие в здешних бесконечных лесах, ходят без компасов, некоторые же из них, начинающие, носят с собой компасы; первые узнают положение стран света по известным им приметам: сосна, например, с северной стороны имеет сучья редкие и короткие, тогда как с южной они часты и длинны; ель с северной стороны имеет на коре мох, защищающий древесину от жестоких северных ветров, и проч.

ется восвояси, хохоча во все горло.

Два охотника-промышленника с наступлением вечера приходят в *станок* перемокшие, озябшие; они едва в состоянии добыть из кремня огонь для отопления избы. Один из них кладет в *каменку* сухие дрова, держа в зубах зажженную лучину и дрожа всем телом. Огонь пылает в каменке, горшок с водою, в который брошено несколько ячменных круп и насыпано толокно, начал закипать, и мужики, обогревшиеся, сидят и, весело поговаривая, снимают шкурки с белок, которых они настреляли в продолжение коротенького осеннего дня; *обсыманных* белок они кидают собакам, и те с жадностью поглощают эти лакомые куски.

Одного из мужиков я назову хотя Васильем, другой пусть будет Петр. Петр пошел из избы с котелком к реке зачерпнуть воды и увидел у порога избы, освещенной месяцем, полный штоф вина: «Эй, Василий, слышь, Василий, поди, говорят, — закричал он, отворяя дверь избушки. — Глухой, не слышит! Смотри, да не знаю, вино ли; посмекай-ко, я той порой сбегаю к реке».

Прошло немного времени. В полухолодной избе мужички весело поговаривают, между разговорами они попевают песни; из полного штофа

половина убыла; они продолжают подноситься, вино убывает приметно: мужички уже почти пьяны. *Дымник* заперт (закрыт); в избе тепло, как в бане, все спят, только иногда еловый уголь, с треском выпрянув из тлеющей каменки, прервет тишину. Уголья погасли, в дымной избушке совершенная темнота. Проглянул месяц, и маленькое оконце в станке отпечаталось на полу светлой решеткой. Ветерок потянул с болота, и Нюнега заплескалась.

В освещенное оконце кто-то сильно стукнул костлявым пальцем, собаки охотников подняли морды и заворчали, мужики проснулись. В стекло еще несколько раз стукнули с *войной* стороны, мужики переглянулись и спросили стучащего: «Кто там, не рано?» В окне избы показалось лицо, белое, как береста, большие тусклые, свинцового цвета глаза, ничего не выражая, глядели в избу.

— Кто там, скажись, кто там, жив человек? — спросил полупьяный Петр.

— Какой тебе жив человек: полуночники только, да еретики[38] ходят в эту пору; вишь, какая нелюдская рожа уставилась, гляди-ко, Петр!

— Ребята, — раздался голос с улицы, — чем

---

[38] Примечания: 38
Об этом несколько слов ниже.

граять над человеком, позвали бы его в избу да поспрошали бы ладом: зачем пришел он по вас; не подстрелил, а теребишь, дружок Василий; лучше одевайтесь-ко, да пойдем со мной: не продайте, ребята, при бедности! Мы, вдвоем с женкой, рубили комелье, порешили работу и пошли ночевать — *ночлеговать*ь в эту избу, да что будешь делать: шли по Михалевскому болоту, после дождя мостовины смокли: жена одной ногой окатилась, а другой ульнула меж мостовины, — лежит и теперь, только ногу не выставила ли[39]. Поспешите, братаны, пособите притащить до избы; гляньте в окно: выяснело и ветерок с обедника, на часу замерзнет; давай, выходите, ребята!

— Да кто ты? — спросил Петр.

— Захар, с Рогова! — ответил человек за окном.

— Что, Василий, разве пойдем?

— Пойдем, не то; да в посуде-то небось осталось от *вечершнего,* дохлебнем на дорогу; теплее будет идти в болото!

Если бы кто-нибудь в это время поглядел на лицо в окне, он увидел бы, как по лукавым губам

---

[39] Примечания: 39

*Выставит*ь какой-либо член — вывихнуть, выломить.

ночного гостя проползла радостная улыбка[40].

Мужички выпили на дорогу стакана по два и, перекачиваясь, вышли из избы.

— Эй ты, Прохор, или как тебя? — сказал более хмельной Петр.

— Какой Прохор? Захар! — оговорил Василий.

— Ну, Захар, что ли, — бормочет пьяный Петр. — Да, вот что, Василий, дело надо говорить: пошли мы без трутоноши… ну, метет (живет) и так, давай, правься, Василий!

— Воротись, шальной, шапку оставил!

— Ах да! — ответил пьяный Петр, махнул рукой, сходил за шапкой, и отправились молодцы, предводимые Захаром с Рогова.

— Слышь, ты, дворянин, куда круто? — окричал передового Петр.

Вожак пошел вольнее. Назвавшийся Захаром с Рогова был мужик высокий, статный, только бледный и худощавый донельзя, белый нагольный полушубок на нем был запахнут левою полою наверх: пьяные, они не догадались посмотреть на эту приметку. Идут они, а дорога лежит гладкая, как столешница: идти *походно.* Не про-

[40] Примечания: 40

По рассказам мужиков, леший охотнее шутит над пьяными мужиками; пьяный — это для него клад! Кто не смекнет, что штоф, найденный Петром, подкинут лешим.

шли двух верст, Петр снова крикнул передовому:

— Захар! Мы идем ровно по почтовой, куда ты повел: мест опознать не могу; сколько ни хаживал я здесь, а такой торной, забитой тропы не поприметил.

— Я огибаю болото по гривам! — ответил вожак, и пошли дальше.

Месяц покрылся облаками, начал крапать дождь; вдруг страшный, оглушительный удар грома прокатился по небу, сверкнула молния, и молодцы перекрестились и — стали, как пни. Петр, осмотревшись, увидел себя на обрывистом берегу какого-то широкого озера, еще шаг — и он бы упал в него; Василий, шедший сзади, увидел впереди себя сучковатую колоду, сзади выскорь, сажени в две вы-шиною, выдавшиеся корни которой переплели и перекрутили ноги его, а с боков у него чаща такая, что и палки не пропихнешь; он поотстал от двух передних и совершенно смешался, увидев себя в таком месте: притча, подумал он, шел, как по скатерти, а попал в такое, прости Господи, непохожее место.

— Петр, эй, Петр, где ты? — закричал он, чуть не плача. После этих слов раздался по лесу резкий, перекатистый хохот; это веселится леший, насмеявшийся над ними.

Кой-как сошлись молодцы: у обоих волосы в шапки не убираются, так перепугал их дядя Захар с Рогова.

— Где мы, Петр? Что это рассветилось впереди, по молнии? — спросил Василий.

— Нюнежское![41] — отвечал Петр и потащил товарища в избу, где они спали и которая теперь была от них в двенадцати верстах.

— Не надо было пить нам, брат Петр!

— Ну, молчи, до дела: впору гром грянул, впору и перекрестились!

Во время осенних *листопадов* сбежала у мужика лошадь; мужик был работящий по казенным подрядам, вывозил из леса к реке мачтовые деревья; попеныцины брал хорошие, работа посильная, не постылая, денежки горячие: что дерево представишь, то подставляй кошель — и отсчитывают; сбежала, повторяю, у этого мужика лошадь. Мужик побегал, поахал: чем бы идти по дальним уходам, да по горячим следам, опятнывать[42]ее, мужик наш с горя пошел к соседям

---

[41] Примечания: 41

Озеро Нюнежское от устья реки Нюнеги верст 70; в него течет означенная речка; площадь его около 200 десятин. — А. Х.

[42] Примечания: 42

Опятнать коня — найти сбежавшего коня по его следам на земле; *допятнывать, пятнать* — идти по направлению конских следов, в надежде найти коня. — А. Х.

советоваться об лошади: «Как скажешь, Иван, другой день коня во дворе нет; надобно деревья вывозить по подряду, да без лошади, куда попал, не на себе повезешь!» Тут поведутся разговоры, рассказы и кончится тем, что Иван посоветует ему подать в приказ объявление о потере.

— Как же, Иван, пока ходят по разным местам бумаги-то, куда я без лошади-то, а ведь это дело не часом повершат!

— Ну как знаешь!

Наговорившись с ним, мужичок отправляется к другому соседу, Фоме: опять та же история, смотрит мужик — и день к вечеру: куда теперь пойдешь, на половине дороги отемнеешь! Придет мужик в свою избу, а там жена напустится на него: «Ходишь, старый, по соседям, что тебе взять у соседа? У него из двора силом лошади не выведешь: пошел бы с утра на дальние пожни, как знать, бывать, и опят-нал бы где; и мы бы не тужили: на дело пошел!»

Прошло еще дня два, — мужик взвалил на плечи кузов сухарей и пошел за лошадью; отошел он от жила верст восемь, видит: близ дороги, на колоде, сидит мужик, около него винтовка и кузов с хлебом.

— Путь-дорога! Куда снялся, почтенный? —

спросил мужик с винтовкой.

Мужик наш, обрадованный тем, что встретил человека, которому может высказать горе и который, с участием ли, без участия ли, а выслушает рассказ его о потерявшейся лошади, сложил с плеч кузов и сел подле мужика с винтовкой. Рассказав ему подробно о своем несчастии, он глядел на него, в ожидании ответа.

— Шерстью ворона была, говоришь, — сказал незнакомый, — не было ли у ней над правым глазом *проседины?*

— Родимый!..

— Да и ухо правое не с изъянцем ли, не рассечено ли?

— Так и есть, кормилец, рассказал, как прочитал, моя самая, настоящая моя; и проседина над глазом, и ухо рассечено, все, как у живой; как теперь, вот, право, гляжу; не покинь, кормилец, научи, где взять?

— Пойди в согру, что за Дресвянкой, держись направо, орелки (см. это в словаре г. Борисова, в От. Зап.), на середину не забирайся, сегодня шел я по *путику* и видел ее около того места; убежала, так *следья* (следы) оставила; опятнаешь, доберешься и до самой! — сказал мужик и хотел идти.

— Да погоди, дядя, как тебя? За Дресвянкой,

говоришь; да погоди же: тем часом в деревне не будешь, хоть табаком нанюхаю. Словоохотливый мужичок вынул из-за пазухи берестяный *пермень,* открыл и подносит незнакомому: «Возьми, дядя, сам с ярмарки привез, у знакомого брал; за Дресвянкой, говоришь, а лошадь-то была, без хвоста скажу, на всю волость!» Незнакомый взял из берестяной табакерки, понюхал, простился с мужиком и пошел к жилу, а мужик все еще стоял и хвалил табак, табакерку и лошадь; наконец и тот отправился по дороге.

Прошел мужик Дресвянку, приблизился к согре — лошади нет; пошел дальше в согру, глядит: — мелькнуло что-то между деревьями, подходит ближе: «Вот куда леший занес, проклятую! Птру, птру!..» — кричит он, увидев и опознав свою вороную, куда! Лошадь вертится и скачет по согре, как по *беломоху:* подпустит его к себе на сажень и скакнет в сторону, потом, будто играя, пойдет ступью; мужик, раздосадованный неудачею, направится за нею, вот, кажется, у рук, вот и схватил: «ну, слава Богу...» — смотрит: ни лошади, ни согры; он один ползет к медвежьему *слопцу;* одно робкое движение и — он собьет настороженные палочки, и толстые кряжи рухнут на него всею тяжестью. Отполз мужик от ловушки,

смотрит вдаль, за рекой большая деревня, из труб поднимается дым, утро, а перед ним вертится доброжелатель-незнакомец, и нюхает табак, и сверкает глазами, и скалит зубы.

Крестьянин в лесу ночью не посмеет свистнуть: этим свистом он боится разбудить спящего лешего. Проснувшись от свиста мужика, он спешит откликнуться ему. Если страшный свист лешего послышался с запада, напуганный мужик, разумеется, идет в противную сторону; прошедши версты полторы, в мертвой тишине ночи слышит около себя этот вещий, оглушающий свист; вдосталь уничтоженный, он продолжает плутать по лесу до тех пор, пока не зайдет в место, совершенно не знакомое ему; тогда, достигнув цели, леший идет в избушку, и уже крестьянин слышит не свист, а громкий, перекатный хохот.

Леший, проснувшись утром, заранее назначает какую-нибудь лесную избушку местом своего будущего ночлега; если охотник-*промышленник* прежде его займет эту отмеченную лешим избушку, тогда леший, ошибившийся в расчете, начинает мутить над мужиком, в надежде выгнать его из избы: он то ветром пройдет над избушкой и пошатнет ее хилую кровлю, то, выдернув дверь, метнет ее далеко в лес, то забуровит

водою в реке, дунет ветром, тряхнет лесом и поднимет такой шум, какого бедному промышленнику, опричь этого случая, и не слыхивать бы веком. Если мужик, совершенно потерявшись, струсит до такой степени, что даже не в состоянии будет убежать из этой проклятой избы, тогда он счастлив: леший, вдоволь натешившись над ним и видя желания свои выгнать его из избы не сбывшимися, отправляется, раздосадованный, на другой ночлег. Если же более смелый охотник захочет во что бы то ни стало оставить нечистую избушку, он или заблудится, или утонет, заведенный лешим в озеро, где его принимает с рук на руки друг и побратим лешего водяной.

Между здешними черношерстыми собаками есть такие, которые имеют над каждым глазом по белому пятну; расположение этих пятен относительно одно другого довольно правильно. Пятна эти крестьяне зовут *другими глазами,* а собак, имеющих над глазами эти пятна — *двоеглазками.* Поверье говорит о них, что настоящими глазами они видят предметы, всем нами видимые, вещественные; глазами же пятнами видят «неприятную силу». Некоторые из здешних лесников, более других напуганные неприятной силой, имеют совершенное отвращение от со-

бак-двоеглазок, и как бы они ни были полезны в охоте, он из одного страха не согласится промышлять с *двоеглазкой.* Эти собаки у мужиков слывут *ретивыми.* Если кто-нибудь, ночуя с собакой-двоеглазкой в станке, услышит, без видимых причин, внезапное ворчанье ее, он спешит унять ее, боясь дальнейшим ворчанием собаки раздразнить присутствующего здесь лешего; он, по рассказам мужиков, не терпит лая собак вообще, и собак-двоеглазок в особенности. Мужик, дружный с лешим, пошел с соседями на свадьбу: там был он зауряд дружки; на свадьбе, как водится, подпили, подгуляли и вечерком, веселые, отправились по домам. Пьяный дружка захотел своим уменьем похвастать перед товарищами: «ребята, чего мы не видали идти пешком, лучше поедем!» Отошел в сторону, свистнул, и колымага, запряженная четверкой породистых лошадей, мчится к ним по дороге; гайдуки соскочили с запяток и с поклонами приглашают пьяных мужиков в экипаж. Те, разумеется, перепугались; дружка снова свистнул: колымага, лошади и гайдуки, все пропало! Идут мужики вперед по дороге.

Дружка снова захотел подшутить над товарищами: «показать ли вам, ребята, куклу? За посмотренье недорого, завтра утром купите по-

луштоф на опохмелку!» Мужики переглянулись, не успели перемолвиться, глядят: на красной полосе гаснущей зари отпечаталась перед ними огромная темная движущаяся фигура человека; фигура эта, или, как ее назвал дружка, кукла, приближалась к ним; вот она уже близко, уже ясно различают мужики движение глаз и мускулов этого огромного лица; она остановилась: одну руку положила на вершину лиственницы, а другая висит в натуральном положении. *Мертво* испуганные, они упали без движения на дорогу; поутру просыпаются, глядь: колдуна нет между ними; тут только они вспомнили вчерашние фокусы дружки. Осмотревшись, они увидели, как он висит на той лиственнице, на которую леший-кукла накладывал руку. Оправдались слова лешего: «если ты меня призовешь и при товарищах, я покажусь, только спасиба тебе за это не дам: наведет волюшка на неволю!» Вот как опасно шутить дружбой этого владыки лесов.

Крестьянин, дружный с лешим, уважается между своими собратами, всякий, кто потеряет корову, лошадь, идет к нему с поклоном, разумеется, взяв с собою предварительно несколько денег, которые и отдает колдуну, с просьбою вернее показать место, на котором можно отыскать

пропавшую. Найдет свороб, найдешь и когти. Тут открывается широкое поле обманов, плутовства, которыми опутывают деревенские маги своих собратов: но должно заметить, что как бы ни были грубы обманы знахаря, он всегда найдет случай оправдать себя, и всегда вина будет на стороне простака-просителя.

Леший весьма высоко ценит услуги свои: заставить попусту пробегать его несколько десятков верст, значит раздражить его.

Мужик приказал лешему пригнать под окно лесной избушки стадо лисиц; исполнитель отправился, а мужик той порой поджидал к себе жену, которая должна была прийти к нему в эту пору с хлебом из деревни. Дождался мужик жены: сидят оба в избе и беседуют о домашнем. Вдруг под окном избы раздалось: «Стреляй!» Мужик с женою посмотрели: под окном штук десятка три лисиц и между ними несколько отменных, черно-бурых.

«Стреляй, не то убью!» — закричал голос.

Испуганный мужик бросился от окна; жена его, более смелая, машинально спустила курок винтовки, и три подстреленные лисицы завертелись. Леший доволен: труды его не пропали даром. Если б и жена, подобно мужику, струсила

от угрозы, леший задавил бы его.

Вот все, что говорят здесь о лешем.

Водяной в здешней демонологии играет самую мелкую, незначительную роль, Мужики представляют его себе холостым стариком-домохозяином. Всякий водяной имеет у себя стада лошадей, коров, которых изредка ночью выгоняет для паствы на смежные луга; мужик, увидев это, спешит за добра ума убраться в избу; в противном случае водяной завербует его пастухом своего стада.

Некоторые омуты в речках и озерах крестьяне называют темными; это, по рассказам их, те самые омуты, в которых живут водяные, и переплыть кому-нибудь это место в реке, значит рискнуть.

Если труп утонувшего через несколько времени будет вытащен посинелым, раздутым и вообще безобразным, крестьяне говорят, что это водяной подменил крещеного человека безобразным «обменом», а тело взял к себе, и всякий пренебрегает трупом утонувшего, а жалеет того человека, который, по их понятию, остался у водяного.

Рассказывают анекдот об одной утонувшей девушке; она, в продолжение нескольких лет, жила с водяным. Однажды в ясный, летний день,

подплыв к берегу, она услышала колокольный звон, свет солнца, зелень берегов, цвет неба; все это живо пробудило в ней воспоминание о том времени, когда и она могла свободно топтать эту зелень лугов, без боязни войти в Божью церковь. Грустная, поплыла она в чертоги водяного и плачет, и просится из воды посмотреть, как живут люди. Водяной отказал, утешил ее и — все забыто.

Снова в солнечный день подплыла она к берегу: тот же церковный звон, то же солнце сверкает в листьях березняка, тот же стоголосный гул насекомых. Опять, рыдающая, приплыла она к водяному, и снова отказ с крепким наказом не подплывать к берегу.

В третий раз подплыв к берегу, она не утерпела; выскочила на берег и, опознав разные места, пустилась к отцу. Дома ее не признавали и дичились: «побеги от нас, мы тебя не знаем: дочь наша давно утонула».

Вечером одного дня возвращалась она от священника по берегу в деревню; выпрянувший из воды водяной схватил ее, и через два дня мужики стояли около безобразного трупа, выкинутого волнами на берег, и разговаривали про чудесное возвращение и про скорую смерть утонувшей,

а река шумела и волновалась в берегах: это водяной тосковал и плакал о невозвратной потере своей подруги.

В Петровском правлении есть деревня; крестьяне зовут ее Монастырем; выстроена она на берегу озера, имеющего в окружности версты две. Рассказывают, что давно тому мужики этой деревни, неводя рыбу, вытащили из озера сетями ребенка; ребенок резвился, играл, когда опускали его в воду, и плакал, томился, если вносили его в избу. Мужик-рыболов, поймавший ребенка, сказал ему однажды: «Слушай, мальчик, больше тебя томить я не буду, пущу к отцу в озеро, только услужи и ты мне: я по вечеру расставлю сети, нагони, дружок, в них побольше рыбы». Ребенок, сидевший на шестке, задрожал, и глазки его засверкали.

Мужик расставил крепкие сети на озере, посадил ребенка в ушат и, вынесши на берег, бросил в воду.

Поутру приходит мужик осматривать сеть: полна рыбы! Мужичок обогатился рыбною ловлей.

Водяной, так же, как и леший, гневается на того, кто ночью свистом побеспокоит его сон; если свистящий плывет в лодке, он опрокидывает лодку и увлекает пловца на дно; если он идет по

берегу, водяной хватает его с берега. Здешний крестьянин боится купаться после заката солнца: «*какое теперь купанье, теперь водяной зажил*». Самым опасным временем для купания здешние мужики считают неделю перед праздником Илии пророка: рассказывают, что в это время водяной ищет себе жертв, и разве отчаяннейший мужик решится купаться на ильинской неделе.

Некоторые из мужиков, проснувшись ночью от жажды, не позволят себе до *вставальной* поры утолить ее. Начало этого предубеждения следующее: мужик думает, что если он *ночью* выпьет ковш воды, то должен будет поплатиться за это здоровьем; он не потому опасается ночью пить воду, что она в состоянии испортить его медный желудок, нет, он этого не думает; настоящая причина страха его — какая-то темная, самому ему непонятная дума об этой воде… «Как я стану пить воду ночью, может, с этим питьем прильнет ко мне *красная* (водяная)! Вот, по их верованию, корень водяной болезни. Смотря на одержимого водяною, мужичок самоуверенно говорит: «верно испил ночью, не благословясь, мудро пособлять». Покачает головой и пойдет.

Кстати, о болезнях: знаете ли вы, что такое болезни во сне у человека и скота? Здешние мужики

говорят, что всякий человек бывает одержим во сне различными болезнями: водяные, горячки, лихорадки, и все эти легкие болести необходимо должен претерпеть всякий из людей как наказание Божие за грехи наши. Но Бог по милосердию своему, посылает эти болезни человеку во время сна, и если кто-нибудь, претерпевая во сне недуг, будет разбужен прежде окончания его, тогда разбуженный делается болен тою болезнью, которая посетила его во сне и которая необходимо кончилась бы, если б больной проснулся сам. Веря этому, крестьяне боятся будить на заре собратов своих; если же какая-нибудь необходимость заставит непременно разбудить спящего, тогда они с величайшею осторожностью начинают его беспокоить, как будто тем самым желают ускорить действие воображаемой болезни и привести ее к благополучному концу.

Водяной, по рассказам мужиков, иногда любит пошутить.

Мужики деревни Заватья рассказывают, как они ежедневно, в продолжение двух недель, были свидетелями игры водяного. Смотрят на реку: тихо; вдруг вода заклубится, запенится и из нее выскочит что-то такое, чего нельзя назвать ни человеком, ни рыбой, чудо скроется, и опять

все тихо, а в полверсте от того места клубится и пенится вода, и выскакивает опять то же чудо. Мужики хотели поймать в сети эту чудную рыбу, но какой-то бывалый старик, бывший свидетелем этого, отговорил их пускаться на такое смелое дело.

Два мужика лучат рыбу. Один, стоящий в носу с острогою, снял шапку, перекрестился набожно и махнул товарищу рукою — грести от этого места прочь. Когда они отплыли с полверсты от места, носовой, обращаясь к гребцу, спросил:

— Видел?

— Нет. А что?

— Да разве не видел человека: лежит на дне, и руки распустил, не мертвое тело, шевелится! Кому быть, опричь водяного!

Пришли мужички в деревню: «видели водяного, в озере нечисто», и рассказам нет конца.

Дня через два некоторые из рыболовов посмелее отправились досматривать чудо. Носовой, увидя что-то, действительно похожее на человека, лежащее на глубине двух сажен, сильно *тял* острогою. На остроге необычайная тяжесть, вынули, смотрят; огромная щука[43] держит в зубах

[43] Примечания: 43

Это быль. Кому не известна щука-исполин, пойманная когда-то в одном из множества озер Сийского монастыря св. Антония. — А. Х.

лебедя. Плывшего лебедя она схватила зубами и, после упорной с обеих сторон борьбы, обессилевшая, она наконец упала на дно; а распущенные крылья лебедя в легко волнующейся воде, при свете огня показались мужикам за движущиеся руки человека. Вот и все!

«…»

Гуменники живут в гумнах, *банники* в банях. О них так редко говорят мужики и все, что говорят они, так противоречит одно другому, что и писать об этом, по-моему, не должно бы. Про *гуменника* говорят, что он мужику, дружному с ним, заправляет, Бог весть откуда, хлеб, так что мужик в течение зимы и весны, не прибегая к купле, сам еще продает лишний хлеб на базарах; говорят, что он в своем владении, в гумне, не любит *ночлежников*, и ни один благоразумный мужик не согласится один ночевать в овине, боясь быть задавленным. Покорное слово, как мы видели из рассказа про мужика, скрывшегося от еретика в овине, приятно и любо ему.

Про *банника* говорят, что он не любит того, кто позднее двенадцати часов ночи моется в бане; если этот моющийся один в бане, то банник убивает его камнем; в противном случае он выжидает случая, когда тот один будет мыться

после двенадцати часов. Вообще нужно заметить, что здешние крестьяне весьма боятся слишком поздно оставаться наедине в банях. Иногда *банник* любит подшутить над женщинами: ужасное храпенье, вой за каменкой или хохот и свист внезапно выгоняют их с воплем и визгом из бани в одежде прародителей до грехопадения.

П. Ефименко
Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии[44]

<…>

Народ сильно уверен в существовании духов в человеческом образе.

По понятиям жителей здешних, черт является и исчезает невидимо.

От верования в чертей — жители имеют ужасную боязнь, не только от призраков, но и от рассказов.

Суеверие в демонов поддерживают лубочные, нецензурованные картины: Страшного суда с огненными змеями, драконами, гиенами, сковородами, огнем, с изображением чертей и сатаны; также картины с изображениями искушений святых злыми духами в лицах. Такие картины охотно покупаются на ярмарках. Да их и привозят очень много, и продаются они очень дешево. В редком доме нельзя увидеть подобных картин.

---

[44] Примечания: 44

Известия Общества Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии. т. XXX, Труды этнографического отдела, кн. V, М., 1877, вып. I (ч. I), с. 163–166, 186, 188, 189, 193–194, 196.

Жители верят в чертей: *домового, байнушка, овинушка, гуменного, водяного, лесного.* Под такими же названиями, по народным поверьям, водятся: *домовихи, байничи, овинничихи, водянихи, лешачихи.*

Из таких верований можно заключить, что, значит, у чертей есть и семейства, из рассказов уже видно, что видают лешачих с ребятами.

Общий образ чертей обозначается: человеческий вид, весь покрыт мохнатой шерстью, на голове рога, назади хвост, у пальцев когти.

Чертаться или лешкаться, то есть упоминать слова: черт, леший, водяной и пр., почитается великим грехом и *притчами болезней.* При произношении слова «черт» многие крестятся, а когда в ругани говорят: *черт с тобой* или *леший тебя возьми* — другой отплевывается.

Лучше *скверное слово сказать, чем лешего поминать, который везде льнет.*

Оттого-то, из боязни, и верят, что если не оградишь крестом при позеве рта, то вселится нечистый дух и будет мучить.

Сверх верования в названных чертей жители верят:

1. *В оборотней,* то есть что злой дух превращается в животных: кошку, собаку и лесного зверя и

исчезает невидимо. От этого и происходит: если кошка, собака, крыса или мышь что-нибудь *обнюхала,* так то уже *поганое,* и потому все находится *взаперти.* Также, если подержать что-либо съестное перед кошкою или собакою, в отдалении от их морд — того нельзя есть самому человеку, потому что оно осквернилось.

2. В ведьм, что будто бы они могут принимать на себя вид животных: кошки, волка и др. Ведьм почитают хитрыми и злыми. Слово *ведьма* употребляется в брани в применении к злым женам.

Орудиями против нечистой силы у крестьян служат: а) *крест.* Кресты ставят в избах, над окнами, над воротами, над дверями, на разных местах: около дорог, при въездах, по краям улиц, на перекрестках, на пожнях, на высоких берегах, над могилами и пр. Крест на гайтане носят жители на шеях, начиная с детства, до смерти; такое распятие на груди иногда называют *чертогоном.* Крест с кружком налепляют на праздничном или свадебном пироге; это принято в обыкновение даже и образованными людьми.

Крестом ограждают себя в различных случаях: при порыве, при произношении слова черт, при испуге и т. п. О кресте в старинной рукописи

(отосланной мною в Губернский Статистический Комитет) написано так: «Крест — хранитель всей вселенной, крест — красота церковная, крест — царем держава, крест — верным утверждение, крест — ангелом слава, крест — бесом язва» (см. заклинания); б) *талисманы.* Они зашиваются в тряпках, в мешочках или в костяных пуговицах, пришиваемых на один гайтан с крестом на шею; талисманы даются родителями детям тогда еще, когда бывает первое возложение креста на шею ребенка. — Талисманы эти будто бы ограждают от всякой порчи в здоровье человека, с которой непременно связано участие *нечистой силы;* в) *пояс.* Он считается и теперь священным предметом и талисманом против нечистой силы и не снимается ни днем, ни ночью, исключая тех случаев, когда нужно идти мыться в баню. Говорят, что еще лучше носить около живота, вместо тесемчатого пояса, вязаные сеточки, так как из ниток их вывязываемы бывают молитвы. г) *Головня.* Головня и теперь, по верованию жителей, имеет силу против дьявола. Ее носят по полям пред севом хлебов. Головнею очерчиваются при гаданиях на расстаньях; черти не могут перейти черты круга; д) *пастушеская палка.* Она и теперь имеет то значение, что если перебросить ее через

скотину — она не будет уходить от дому далеко, куда уводит леший; е) *молния.* О силе ее сообщено ранее; ж) *звон* (звук) колоколов. Заслышав звон церковных колоколов, дьявол бежит прочь от человека. Замечают еще, что если выйти из дому, войти в него, кончить что-либо в самое начало звона — есть предвестие добра;

з) *пение петуха.* Если петух запоет ранее полуночи, то есть ранее обыкновенного, то значит, что он видит дьявола и пением своим прогоняет его; и) *иконы.* Их вносят в дома и обносят вокруг деревень, чтобы отогнать злых духов. Священники окропляют водою в домах и на улицах тоже для того.

Леший. Тот же дьявол называется еще *лесным, лесовиком, лешаком и полевиком.*

Леший — хозяин лесов. Он живет в лесной трущобе и непроходимой чаще.

Раздается по лесу эхо, то есть отдается голос на голос, значит *откликается леший.*

Народ верит, что если человек сбился с известного пути, то, значит, его *обвел леший;* он будто бы затмевает память.

Леший похож на человека.

Он старается лишить путешественника разума и ввести его в заблуждение.

Леший показывается иногда выше леса.

Обманув человека, леший хлопает в ладоши и громко смеется.

Говорят, что заплутавшегося человека *зверь не тронет* потому, что его охраняет леший, которому *захотелось пошутить*. Чтобы избавиться от блужданий, заплутавший должен вывороти свое платье и надеть его на изнанку.

Леший — злой. Он садится в сани к проезжающим, особенно к пьяному ямщику, правит лошадьми и завозит туда, откуда трудно выдраться. Или когда промышленники находятся в промысловых избушках, приходит к ним посмотреть, и если ему не понравится там, ломает, бьет, что попало, и шутит.

Что леший гонит зверей — и теперь в то веруют. Так, если появляется много рыщущих волков — значит, *волк идет на войну, а леший потешается.*

Рассказ о лешем (подлинные слова): «Человек около шести или семи собирали на лесном болоте, знаете, ягоды;

все были мужики, нужно знать. Собирали они долго и набрали ягод множество, а время стало эдак на сумерках. Черту жалко, что ли, стало, вот он и явился. Так таки человек да и только,

худо и различить, но уж большой и в каком-то красном невиданном наряде. Он не шел, а ехал на вороном большущем коне, да и очень скоро. Но, только поравнялся с огородами, не поехал ведь в ворота, а они были отперты, — отворотил, и конь перескочил через огороду, знать, потому, что пораньше немножко проехал старый старикашка, тутошний крестьянин, да перед самыми воротами перекрестился, — был он, знаешь ли, больно набожной».

Злых духов боятся особенно ночью.

Запаху ладана приписывают силу отгонять духов. Вследствие этого и курят ладан в известные дни, случаи и праздники, нося курящиеся кадила по всем комнатам и в сени.

Домовой, еще называется *дворовиком, хозяйнушком и дедком.*

Нет дома без него, без его призора и ухода.

Он не считается злым. Он делает хозяйствам пользу в несчастьях.

Домовой дает знать о каком-нибудь счастливом или несчастном приключении тем, что давит кого-нибудь из односемьян во время ночного сна. — Он если любит хозяина:

1) ложится на грудь поперек длины человека, давит и душит так, что тот не может поворотить-

ся (это — кошмар, болезнь); чтобы узнать — о предстоящей ли радости, или печали извещает домовой, нужно спросить домового *к добру или худу он давит* или же можно узнать потому, теплый или холодный он: теплый — к радости, а холодный — к худу;

2) извещает так: если на подволоке, амбаре или хлеву будет реветь хозяйнушко, то он этим дает знать, что в доме приключится несчастие;

3) перед бедою: перед пожаром, перед смертью, извещает тем, то будит хозяина ночью своим воем или сильно ущипнет;

4) кого любит, тому дворовик навивает ночью на голове и в бороде кины (косы) из волосьев, так что их не расплетешь.

Домовой смотрит за хозяйским скотом. Которое животное любит хозяйнушко, то бывает здорово, гладко, чисто, — тому он навивает в гриве *космы* (тоже косы). Но когда свистят *в жилой хоромине,* чего не любит *домовой хозяин,* случается, что и любимая скотина заболевает; значит, что хозяйнушко откладывает попечение о ней. Когда домовой не любит домашнюю скотину, например, лошадь — гоняет ее по двору всю ночь, так что она потеет и фыркает; у ней он крадет корм и подкладывает его той, которая *ко двору;* по-

следняя ежедневно жиреет, а первая постепенно чахнет, и напоследок остается только одна кожа да кости и наконец умирает.

Еще есть поверье, что лошадей *заговаривают,* так что, хотя купивший ее жил за 300 верст, она прибежит к старому хозяину, пренебрегая всякими опасностями. Веруя в это, покупающий старается через знахаря *снять с лошади уход.*

Но есть особого рода нечистая сила, вселяющаяся в дома, называемая *нежить* (злой дух).

Народ думает, что черти всего более обретаются в пустых, нежилых домах, особенно в тех, в которых случились несчастные случаи, как-то убийство, повесившиеся; говорят, что в них *пугает.* Но есть и такие дома, мимо которых в темное время боятся ходить многие. Да и вообще воображение суеверит наиболее среди темноты и тишины.

Жители также думают, что плотники имеют секрет в постройке, то есть могут построить здание к худу и к хорошему, как им захочется. Так чтоб закласть дом *на чью-нибудь голову,* то есть чтоб кто-нибудь умер из хозяев нового дома, стоит зодчему только поставить кверху комлем то дерево, которое считается в основании дома *главным.*

Замечают, что если в доме нередко бывают покойники, тот дом несчастный, в нем пребывает *нежить*, хозяйнушко не любит живущих. В таком доме опасаются жить.

Если по ночам кто-нибудь постукивает на чердаке, то думают, что в доме *завозилась нежить*. Это же означает, что *домовой* выгоняет жильца из дому, что уже нет больше жиры.

Когда появится в доме много крыс и мышей — квартирант *не уживается* долго в нем. Это тоже означает, что напущенная тварь домовым выживает жильцов.

Байнушко. Бани совершенно считаются нечистыми зданиями. Но ходить в баню мыться должен всякий. Кто не моется в них, тот не считается добрым человеком.

В бане не бывает икон и не делается крестов.

С крестом и поясом не ходят в баню, они снимаются и оставляются в домах. То же делается женщинами пред мытьем полов.

Да и вообще все, из чего моются, считается нечистым: тазы, кадки, ушаты, шайки, ковши в банях.

Пить в бане воды, приготовленной для мытья, хотя бы она была чистая — нельзя. Также вода в рукомойниках почитается нечистою и ею

нельзя даже выполаскивать посуду, а не только что пить.

Говорят, что если есть охота увидеть черта в бане, надо зайти в нее в ночное время и, заступив одной ногою за порог, скинуть с шеи крест и положить его под пяту ноги. Жители не ходят в баню *в третий пар,* то есть после двух раз мытья безвыходно после каждого приготовления бани, потому что третий пар оставляется *байнушку,* который будто бы тоже и моется, и парится. Иные оставляют для этого воду и веники.

В бане нельзя стучать и говорить громко. Иначе байнушка рассердится и напугает.

По выходе из бани благодарят так: «*Спасибо те, байнушко, на парной байночке».*

Баня называется испорченно *байною.*

Водяной, такой же черный и мохнатый, как и леший. Водяниха имеет большие отвислые груди и длинные волосы.

Рассказывают, что многие видели, как водяниха выходит на камень расчесывать длинные волосы свои.

Водяной живет в глубочайших ямах, в озерах или реках. Над теми ямами *вертит воду.* Такие места называются *чертовыми домовищами.* Следственно водяной *живет домом,* то есть име-

ет семейство.

Водяниха из воды выходит нагою в полночь и садится на камень; тут она расчесывает свои волосы большим гребнем.

Народ верит, что утонувший утонул не сам собой, нечаянно постигшею смертью, а *стащил его водяной.* Говорят, что и тонут люди более там, где есть домовища. Водяной сперва утягивает человека в воду, потом *заверчивает* до смерти. Иногда же всовывает в хворост, в верши, под камень, сдирает кожу, свертывает голову и т. п. В конец же всего, *натешившись,* водяной выбрасывает мертвого.

Народ представляет изуродования предсмертной агонией утопленника в истерзании водяным.

Водяной играет, то есть дурачится более летом в Ивановскую и Ильинскую недели. Тогда он *ради шутки,* — ждет всяческих жертв.

Доказывают, что случаи утонутия больше всякого времени случаются в эти недели.

В старину, в случае бури, для умилостивления, бросали людей по жребию. Ныне этот суеверный обычай заменили *перечетом* известных *плешивых;* число их означают зарубками на палочке, и палочку эту с припевом бросают в реку или озеро,

где застигла буря.

Баба-Яга. О ней водится в народе следующая *перегуд-ка* (прибаутка).

Баба-Яга,
Поротая нога,
Она спит, пердит,
Колесом вертит,
Лишь пуговицы рвутся,
Прорехи дерутся.

Баба-Яга почитается воровкою детей, поэтому и пугают детей: «у! у! хам-те… Баба-то Яга… схватит… поди-ко, поди… вот она, тут и есть за дверями». Или пугают ребят и просто *букою;* ее считают черною, оборванною женщиною; у молдаван же букою называются полевые крысы (Северная Почта, № 117, 1862 г.).

Малороссийскую пословицу: «Баба да черт, то собе ридня», — здесь заменяет пословица: «*муж да жена — одна сатана».*

<…>

Вихрь-черт. Вихрь — есть нечистая сила, которая, увидевши, что поднимается гроза, бежит от нее дальше, чтобы не поразила стрела. Желающий видеть нечистую силу — вихрь, как учат

старики и старухи малых детей, должны, снявши с себя крест, смотреть в наклонном положении меж ног. Смотрящие таким образом, будто бы видели вихрь в виде огромнейшего человека, машущего руками и бегущего *как мог…*

Эхо — отклик нечистой силы — в лесу лешего, около домов — домового, около бань — банника, или банного, мельницы — мельника, овинов — овинника.

Видения. Блазнит и чудится — происходит также от нечистой силы и есть предсказание чего-либо будущего. Между ними различия почти не существует в народе. Преимущественно блазнит и чудится народу с Николина дня (6 декабря) до Крещения (6 января), так как в этот промежуток времени сатана повелевает своим слугам ходить по земле и предсказывать людям их судьбу, чтобы больше и лучше любил их народ.

О духе нечистом народ говорит то, что он, как дьявол, некрасивый, черный, с рогами, когтями и хвостом; ростом выше лесин, пугает людей криком и рукоплесканием — это леший; черный, с длинными волосами, играет с себе подобными в карты и, если проиграется, дерется с обыгравшим его, засыпает его жилище песком, и берет скот — это черт. Нечистые духи, по мнению народа,

обитают в лесах, реках, домах, банях, овинах, полях и других местах, от которых они и носят свое название, например, нечистый дух, живущий в лесу, называется лешим и лешаком; в воде — водяным и чертом; в бане — банником, в овине — овинником. Все эти нечистые духи видаются народом, что видно из рассказов не старух или малых детей, но людей здравомыслящих. Слышал я рассказ о видении черта и его скота. В Тугласском приходе протекает речка Туглас, от которой приход получил свое название. Выше от прихода по реке Тугласу есть мельница, принадлежащая крестьянину Ивану Гагарину. У этой мукомольни год назад крестьянин села Кузьминского, теперь умерший, Алексей Скорняков видел целое стадо бурого скота, пасомого самим чертом — человеком толстым, с длинными черными, как смола, волосами. Только что черт заметил этого крестьянина, очень скоро начал гонять скот в воду. Через несколько минут стадо бурого скота и черт скрылись в воде. — Разница между чертом, бесом, сатаной, дьяволом, лешим и другими та, что черт и леший не искушают людей; а бес или дьявол, по приказанию начальника своего, сатаны, прилетают в мир для искушения рода человеческого и делания ему разных пакостей.

Все означенные нечистые духи прогнаны с неба Архангелом Михаилом за восстание против Бога; они имеют способность производить детей, почему народ верит, что у всех нечистых духов есть жены, которые называются — чертихой, лешухой, дьяволицей; а дети чертенки, лешонки, дьяволенки и бесенки.

К категории нечистых духов принадлежат Яга-Баба, Полудница, или Ржица. Яга-Баба — нечистая сила женского пола, не имеющая мужа, ростом большая, собой столь корпусна, что, как говорится в сказках, сидит в избе на печном столбе, ноги на лавках, груди на полках, голова на кожухе; ездит в ступах и пожирает людей. Полудница есть та же Ржица. Ржицею называется потому, что живет во ржи; а Полудницею — ходит во ржи в полдень… Рок и судьба одно имеют значение у народа, а понятия об них народ решительно не имеет никакого…..

<…>

Поверье об огненных змеях в народе есть такого рода, что были они когда-то и жили не на земле, а над землей в своих царствах. Поверье это вошло в народ и поддерживается в настоящее время посредством сказок, в которых огненные змеи изображаются царями подземных царств,

выходящими на землю для хватания только и пожирания людей.

<…>

О суевериях и предрассудках народа в Курейско-Сергиевском приходе, Холмог. Уезда

Трудно обозреть все многоразличные виды суеверия и предрассудков у народа. — По понятию его, вся природа, все стихии и явления ее олицетворяются в живых образах-существах и имеют непосредственное, роковое влияние на судьбу человека, в руках которых находится счастье и горе людей. Каждое из этих таинственных существ, называемых духами, имеет свою определенную сферу действия и влияния. А потому народ верует в различных духов, и куда бы ни пошел, в поле, в лес, к реке, к озеру или на гору, — везде воображению его представляются эти невидимые мифические существа, от которых он не может никуда уйти. Веря в могучую силу этих мифических существ и боясь гнева их, суеверный народ всегда старается не раздражать их, угодить им, умилостивить их, и чествует их поклонами и, пожалуй, курением. Так, построил хозяин дом, и при входе в него накрывает стол и раскланивается во все четыре угла с произношением слов: «хозяинушко господин, прими нас на богатый

двор, на бытье, на житье, на богачество». И когда нравятся хозяинушку жильцы дома — все обстоит благополучно, хозяинушко смирен, его не видать, не слыхать; а когда жильцы не нравятся, тогда он застучит, загремит в сенях, покоях, на чердаках (говорят: завязалась нежить — нечистая сила), и выживает хозяев из дома. Быть скоро беде в доме, — хозяинушко заревет на подволоке, в амбаре, в хлеву.

Купил хозяин скотину (коня, корову) и при вводе во двор приговаривает: «мохнатой зверь на богатой двор; пой, корми, хозяинушко, рукавичкой гладь». И смотрит: если скотина тогда не гладка, то не ко двору, — хозяинушку не люба, и старается скорее, хотя бы за полцены, продать ее.

Моется хозяин в бане: остерегается громко стучать и говорить, чтобы не оскорбить байнушка и не навлечь на себя неприятностей и гнева его; вымывшись, оставляет ему веник и воду, чтобы он попарился и помылся. По выходе же из бани благодарит: «спасибо тебе, байнушко, на парной баничке».

Купается хозяин в реке: боится хозяинушка вод (водяного), которого он видел в реке со всем его семейством, играющим на воде, расчесыва-

ющим длинные волосы и проч.; в Ивановскую и Ильинскую недели ни за что не будет купаться в реке, потому что тогда играет водяной и жаждет всяческой жертвы.

Зашел хозяин в лес: в чаще его видит жилище духа лесов (лешего), остерегается громко смеяться и особенно свистать, чтобы не раздразнить этого сильного-могучего богатыря, который через реки и озера шагает, и, в гневе, все, что попадается ему на дороге, ломает и уносит; при вихре говорят: «леший идет».

Идет хозяин из гостей и сбился с пути-дороги, вместо «Солом-балы» очутился у городской заставы, говорит: «леший пошутил».

Собирается хозяин хлеб молотить, скромно метет овин и курит в нем ладаном для умилостивления хозяинушка гуменного.

И этих мифических духов хозяин видит и во сне, и наяву, и всегда гадает о милости или гневе их.

Сбились в клок волосы в бороде или голове; это дело хозяинушка, — знак любви его.

Улегся спать хозяин, и что-то душит его (через необычайное нажимание на грудь); этим способом хозяинушка извещает о предстоящей ему (хозяину) радости или печали, и если домовой — теплый, то будет радость, если холодный — к

богатству, а голый — к бедности.

Ночью при входе на поветь (сенник), видит в сарафане своей жены хозяинушка, который кормит и холит его чернуху, и морит пеструху (корову), или поутру во дворе находит своего бурка (коня) всего мокрого, в пене, и верит, что всю ночь хозяинушко мучил его.

Расскажет: «у такого-то хозяина, бывало, хозяинушко по ночам поил скот и на себе возил воду, а однажды, в гневе на хозяина, передавил весь скот».

— «В бане с бабы, которая бранила и посылала своих детей к черту, байнушко сорвал кожу с ног до головы».

— «Годов пятнадцать назад водяной три дня поутру и повечеру гилил (играл) в реке перед головою нашего Николы».

— «Один леший влюбился в бабу, и от любви так измаялся, что не мог делать ничего, и женился на ней. Старуху Маланью он возил на себе бабить новорожденного у него сына, за труды бабке разделался честно».

— «В прошлом году ходила я в лес по ягоды. Настиг меня мой муженек; собирали мы с ним ягоды в одно место и пошли домой; вдруг муж мой захохотал да и прыгнул в лес, а в коробу

очутились сосновые шишки».

— «Дядя Андрей срубил жилье лесного (вековую елку), и не рад был, над ним долго гилился леший и провожал его до деревни, а на другой год овин сжег у него».

Подобными этим анекдотами опутан в своей жизни народ и долго, кажется, не освободится от них. Почти все несчастья в доме, в лесу, в пути и прочее он приписывает шуткам или гневу одного из мифических существ или известному классу людей, которые, находясь в сообществе с злым духом, приобрели через то волшебную способность или сверхъестественное искусство при произнесении некоторых слов и прочего разрушать по произволу имущество и все пожитки человека, расстраивать здоровье его и т. п.; их называют колдунами, знахарями, колдуньями и знахарками.

<…>

Почти все жители Хаврогор не отрицают бытия *леших, домовых, банных, водяных* и других, с назначением местожительства всякому из них в своем, определенном самой природой круге. В предании, особенно при собраниях, много рассказов передается от одного к другому, и в настоящее время есть очевидцы и испытатели действий над

ними самого лешего, который, как выражаются обыкновенно, в такое-то время пошутил надо мною таким-то образом, и начинается рассказ. Более всего шутки лешего осуществляются тогда, когда человек в лесу бывает один. Если случится ему ночевать в лесу в избушке[45], и, войдя в оную, он не спросил позволения у хозяинушка, то непременно должен встретить пытку за дерзновенный вход, каковая состоит из ворочания крыши на избушке, отверстия дымника, дверей и других беспокойных действий. Но не менее сего леший высказывает свои шутки над человеком, встречаясь с ним в виде знакомого, водит по лесу, занимаясь тем же предметом с ним, оставляет на незнакомом месте, с вихрем и смехом удаляясь, так что весь лес затрещит. Такие же и подобные рассказы есть и о других духах, но домовому дается название *дедка:* заметится что-либо в доме над скотом или в доме произойдет беспорядок и нестроение, то говорят и уверены, что над всем этим *дедка шутит,* или *не любит.*

[45] Примечания: 45

Избушка в лесу строится для промышленников меленькая, без печки, вместо оной каменка; вместить в себя для ночлега может человек пять.

Н. Харузин
Из материалов, собранных среди крестьян Пудожского уезда Олонецкой губернии[46]

<…>

Если подобных архаизмов мы мало и очень мало находим в юридических воззрениях населения, в его внешней обстановке и быте, то в области верований это не так. Легче было разрушить правовое воззрение, изменить быт, костюм, пищу, ввести в язык массу чуждых населению слов, чем поколебать, ниспровергнуть верования, которыми жила, дышала так много веков Пудожская земля.

Молодое поколение многим из отцовских верований не придает значения; затемняются верования подчас в головах и у средних лет мужиков, но они живы еще и в полной силе среди женского населения уезда. Женщины, более консервативные и в своей одежде, и в своих пес-

[46] Примечания: 46

Известия Общества Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии, т. LXI, Труды этнографического отдела, кн. IX, М., 1889, вып. I, с. 123–138.

нях, оказались таковыми же по отношению и к верованиям. И теперь еще в праздничные дни крестьянка надевает парчовую душегрейку на шелковый сарафан, украшает голову повязкой, унизанной жемчугом, на шею нацепляет прабабушкины жемчужные нитки, а в уши вдевает жемчужные серьги. Женщина-пудожанка сохранила и древние верования подобно тому, как она сохранила свой древний костюм, и в настоящее время является по преимуществу носительницей прежнего культа. Этим и объясняется, почему большинство сведений о верованиях мы слышали от крестьянок. Мужское население уезда мало их умело передать нам.

Религиозные верования пудожских крестьян, взятые в общих чертах, мало чем отличаются от верований большинства населения великорусского племени. Оригинальных, характерных фактов мы здесь не встретим. Те же великорусские домовые населяют дома, тот же водяной живет в глубине озер, тот же леший пугает и заводит путника в дремучих пудожских лесах. Мало оригинального имеют в себе и представления о молнии; затемнилось, как это мы видим почти повсюду, воззрение на светила. Бедно и как-то невидно празднуется тут Иванова ночь; в иных

местах на Иванову ночь не происходит никакого праздника и т. д. Одним словом, повторяю, эти верования, взятые *в общих чертах*, мало дадут нам новых данных, данных, которые обогатили бы наши сведения о верованиях великорусов.

Но и тут по некоторым остаткам мы увидим, что это лишь обломки некогда развитых религиозных представлений, узнаем в них остатки прежнего развитого культа. Эти робкие переживания сохранились в народе так долго, устояли лучше других в общей ломке, не поддались напору могучей волны новых идей главным образом потому, что они приноровлены к быту пудожанина, относятся к тем божествам и святым, которые явились населяющими и правящими в той природе, среди которой приходилось преимущественно жить крестьянину этого уезда, бороться для охранения собственной жизни.

Естественно, что и в древние времена культ именно этих святых и божеств должен был более всего развиться, запечатлеться в умах пудожан и, раз запечатлевшись, устоять, сохраниться все-таки цельнее, чем другие религиозные воззрения, не имеющие такой связи с природой и с главными средствами существования пудожанина.

Пудожский уезд, по крайней мере в северной

и северо-восточной частях своих, покрыт лесом, выросшим преимущественно на болотистых низинах и отчасти по вершинам и склонам гор, песчаная почва которых благоприятствует развитию хвойных деревьев. Среди этих дремучих лесов, растянувшихся подчас на десятки и сотни верст, раскинуты, словно зеркала, озера, разнящиеся как размерами, так и глубиной. По берегам более или менее значительных озер стоят деревни, окаймляющие их словно изгороди.

Если не большинство, то многие из этих деревень (как и урочищ, лежащих на всем протяжении уезда) сохранили несомненно финские имена, как, например: Кулна-волок, Конза-наволок и т. д. В именах рек и озер, мы также встречаем явные следы финского языка, например: Водлозеро с рекой Водла, река Шала, Сарозеро, Тягозеро и т. п.

В иных местах и самые местные жители помнят, хотя и смутно, свое финское происхождение; так, например, на Водлозере они сами говорят, что одни деревни происходят от Шведов (шведами называют здесь финляндцев), другие от Чуди, а некоторые были заселены беглецами — «ворами и разбойниками» — русскими и положили тем основание русской колонизации. Жители дер.

Гость-Наволок происходят, по словам крестьян, от купцов, гостей, которые приходили торговать сюда и впоследствии остались здесь жить. Другие деревни имеют чисто русское происхождение. К таким относится большинство деревень и поселков, лежащих по берегам Купецкого озера, так, например: дер. Авдеевская, Алексеевская, Воробьевка и т. п.

Интересно то, что даже для человека, не занимающегося антропологией, бросается в глаза, что в большинстве селений, носящих финские имена, тип населения носит явные признаки финской расы (так, например, редкость бороды, небольшой рост, белокурость и т. д.) и, наоборот, в тех деревнях, которые носят русские названия, тип у жителей совершенно другой. Это по преимуществу люди высокого роста, с густой бородой, цвет волос преимущественно темно-русый или черный. Особенно бросается это в глаза, когда направляешься к Купецкому озеру.

Не доезжая 15 верст до последнего, вы проезжаете Сарозеро с деревней того же имени. Если б не русский язык, которым говорят сарозеры, можно было бы их принять за несомненных финнов, приезжаете в дер. Авдеевскую и вы чувствуете себя в другой местности. Тип крестьян похож в

общем на тип жителей беломорского побережья.

Загнанный в свои леса и дебри пудожанин поддерживает свое существование рыболовством, хлебопашеством и скотоводством. Значение двух первых из этих занятий колеблется по местностям. В иных местах главное занятие крестьянина рыболовство, и хлебопашество отходит до известной степени на *второй* план; в других, наоборот, хлебопашество является главным занятием, и рыболовство имеет лишь субсидиарное значение. Что всегда идет параллельно — это хлебопашество и скотоводство.

Где более развито хлебопашество, там развивается и скотоводство. Это и понятно: земля у пудожанина очень плоха, она даже при хорошем удобрении не может обеспечить крестьянина на год, а без удобрения почти ничего не дает. Этой неплодородностью и объясняется необходимость иметь больше скота, чтобы как-никак, а обрабатывать землю. Неплодородностью земли объясняется также необходимость обращаться к так называемому лядинному, подсечному хозяйству, которое, доставляя местным жителям много трудов и лишений, которые являются подчас невыносимыми даже для привыкшего ко многим невзгодам пудожанина, дает ему все-

таки возможность обеспечить себя хлебом на круглый год.

Итак, борьба с лесом, с бурными озерами поглощает главным образом деятельность крестьянина.

Неудивительно поэтому, что из разрушившихся верований наиболее уцелели те, которые стоят в связи с лесом, с озерами и со скотоводством как главным подспорьем в хозяйстве крестьянина.

Начну с описания верований, связанных с лесом; верования эти наиболее цельно сохранились до сих пор, так как все-таки подсечное хозяйство встречается в разных степенях на *всем* протяжении уезда.

Лесовик, обитатель леса, представляется неодинаково. Обыкновенно, впрочем, он представляется ростом с дерево, является людям то в виде военного, то в виде плохо одетого старика. У лесовика свои собачки, маленькие, пестрые, которых, однако, увидеть нелегко. В народном представлении он является то добрым, то злым. То он заводит людей в чащах, держа их у себя по несколько дней, то, наоборот, оказывает заблудившимся благодеяния. Повстречаться с лесовиковой свадьбой обыкновенно считается опасным. Так, рассказывают в Авдеевской, что

один мужик, повстречав лесовикову свадьбу, сделался, по выражению крестьян «глупеньким»… «Целый вечер, прости Господи, просмеялись над ним, — передавала рассказчица, — говорит, Бог знает что: я в окошко пойду, да на Вытегру попаду». Но по мнению других, «лесовик праведный, так без причины не подшутит». И если кто будет иметь несчастье повстречаться с его свадьбой, того он оборонит. Вот рассказ одной крестьянки о том, как девушка повстречала лесовикову свадьбу, поехав в лес.

«Едет их много-много, как люди точно, только что почернее наших будут. Старик один соскочил и отвел ее лошадь в сторону. Так и держал все, а они ехали. Кто помоложе из них, зашучивал даже с девушкой-то, — теребят ее. А как проехали все, вывел старик ее лошадь на дорогу и уехал сам». Вот это-то представление о лесовике как о существе благодетельном получает полное развитие и ясность в представлении о лесном царе. Лесной царь — есть глава и управитель лесом; он со своей женой, лесной царицей, правит в своем царстве, и ему повинуются все остальные духи

(лесовики, боровики, моховики[47]). Этот лесной царь является по существу своему добрым, но согрешивших по отношению к нему он карает. Его, однако, можно смягчить просьбами и жертвами.

Вот что передавала одна баба из собственной жизни (Купецкое оз.): в жаркий летний день, утомившись в лесу от работы по приготовлению места для лядины, эта баба выкупалась в лесном прудике, отчего она скоро заболела. За помощью она обращалась и к местному фельдшеру, и к знахарке; но ни лекарства, даваемые фельдшером, ни тайные слова, произносимые знахаркой, нисколько ей не помогали. Знахарка наконец убедила больную идти к прудику, где последняя выкупалась, «прощаться» то есть просить прощения. Придя к прудику, знахарка велела рассказчице повторить громко за нею следую-

[47] Примечания: 47

Считаю долгом отметить, что упомянутое обращение к лесовику самими крестьянами называется молитвой. Дело в том, что население в обращении своем к духам, населяющим природу, делает резкое различие между молитвой и заговором, который называется просто «слова». Последний имеет обязательную силу: заговор, произнесенный без ошибок, *обязывает* к совершению или несовершению известных действий духа, к которому заговор относится. Молитва имеет лишь просительное значение. К таким относится и воззвание к лесовику. Оно не обязывает лесовика ничем: он волен или не волен исполнить просьбу просителя. Этого отделения заговора от молитвы, установленного самими крестьянами, я буду придерживаться в дальнейшем изложении.

щие слова: «Царь лесовый и царица лесовая, и лесовые малые детушки, простите меня в чем я согрешила». Она повторила эти слова три раза, и после каждого раза они клали по земному поклону. После третьего раза послышался около них шум, словно выстрел. Обе вернулись домой. Знахарка стала лечить больную, и в скором времени ей удалось вылечить ее.

Это лишь частный случай. Но рассказчица не представляла исключения из общего уровня баб и мужиков. Очень часто, если кто захворает в лесу, то, приписывая болезнь лесовику, больная отправляется в лес. Она несет яйцо и, став на перекрестке, кладет яйцо на левую руку и в лесу произносит следующую молитву:

«Кто этому месту житель, кто настоятель, кто содержавец — тот дар возьмите, а меня простите во всех грехах и во всех винах, сделайте здраву и здорову, чтобы никакое место не шумело, не болело». Яйцо оставляется на перекрестке. Если лесовик услышит эту мольбу — болезнь пройдет.

Деятельность этих божеств почти тождественна; представления о них у крестьян, обыкновенно, смешиваются, разнятся друг от друга лишь ростом: лесовики самые большие, моховики самые маленькие.

Но будучи по существу добрым, этот лесной царь наносит немало вреда местным жителям, похищая у них скот, либо сам для себя, либо насылая дикого медведя на стадо. Иногда поручение похитить скотину у мужика лесной царь передает одному из подчиненных ему духов. Взяв к себе скотину, он, однако, поддается известным просьбам потерпевших и иногда возвращает взятое им. Для этого нужно рано утром на заре пойти к лесу и на перекрестке принести жертву, о которой я скажу ниже, для того чтобы лесовой царь вернул похищенную у крестьянина скотину. Хотя, по убеждению населения, идти к лесу с этой целью тяжкий грех, хотя ему и становится страшно при принесении такой жертвы, так как лесной царь не всегда является милостивым к просителю, тем не менее редкий крестьянин, из не-утративших еще прадедовские верования, способен противостоять искушению. Скотина ему слишком дорога, слишком большое подспорье в его хозяйстве, требующем от него так много хлопот и жертв, чтобы не решиться совершить ради нахождения ее и грех, чтобы не побороть свой страх, который он испытывает, подходя к лесу, с целью жертвоприношения лесному царю.

Понятие о лесном царе очень часто смешива-

ется с понятием о простом лесовике; вот почему в тех местах, где место лесного царя занимает лесовик — жертвоприношение совершается этому последнему. Во всяком случае этот вид отношения крестьян к лесовику или лесному царю заслуживает внимания оттого, что это один из редких остатков, прежде, быть может, и более развитого культа.

Да и в настоящее время, когда христианство заставило побледнеть прежние представления о духах, населяющих лесную чащу, крестьянин все-таки относится к лесовику с прежним суеверным страхом своих отдаленных предков: это жертвоприношение *не* является, так сказать, симпатическим средством, способствующим нахождению скотины, обрядом, перешедшим от далеких времен, значение которого не вполне ясно крестьянину. Напротив того, он верует в действие этой жертвы также сильно, также убежденно, как веровали его, быть может, непросвещенные христианством предки.

Как не могуществен лесной царь или лесовик, но против козней его существуют средства, которыми можно его сделать бессильным. Это особый заговор. Каждый хороший пастух знает его. И одно из условий, которое предъявляют крестьяне

при найме пастуха — это знание заговора. Когда около Николина дня отпускают скот на пастбище, пастух три раза обходит скот с заговором. Этот заговор называется «отпуском».

Если он неграмотен, то достаточно молча обойти с отпуском стадо. После этого зверь не тронет скота. Приведу заговор, который нам удалось достать в уезде: «Выйду в чистое поле, в широко раздолье, обойду около широкаго двора и обнесу свой приданный образ и свою зажженную свечу восковую около своего широкаго двора, около своей милой береженой скотинушки, около любимых конюшек, около своих дойных коровушек, около своих маленьких овечушек, чтобы черные медведи и серые волки, злыя россомахи, чтобы они на мою милую боженую скотинушку, чтобы они глазом не глядели и ухом не слышали, вонью не воняли, носом не слышали; около моей скотинушки будь огненна река и каменна стена, и железный тын, и Миколин замок, чтобы эта скотинушка была бы цела и сохранна, а вы, черные медведи и серые волки, и злыя россомахи, идите к синему морю, у синяго моря бейте и копайте черный сонотливый пень и черную глиную колоду и отныне бы и до веку и от веку и до повеку. Аминь».

Другой заговор, оказывающий то же действие, гласит так: «Стану я, раб Божий, благословясь, выйду я, перекрестясь, из избы дверьми, из сеней воротами, в чистое поле, принимая милый скот, крестьянский живот, на свои на бе-лыя руки и пойду около своего скоту и около своего стада и за тот ли железный тын, замкну тридевять замками, тридевять ключами и снесу эти ключи Пречистой Божией Матушке. — Пречистая Божия Матушка, Пресвятая Богородица, закрой своей ризой нетленною мой милый скот и крестьянский живот от зверя широколапаго, и кажись, мой милый скот, крестьянский живот, дубьем-колодьем и серым каменьем, и как народ сходится, собирается в одну Божию Апостольскую Церковь, так солнце пойди на запад, как весь милый скот и крестьянский живот, сходись, собирайся к своему двору и кто буде завидовать, осуждать переговаривать, и тому лесы считать и с лес хвоя вырубать, и в море воду вынимать, и около моря песок вызубать».

Позволю себе привести еще один вид заговора скота, доставленный мне учителем Водлозерского училища, при Ильинском погосте, М. С. Стратонниковым, и найденный им у водлозеров. Это старинная рукопись, находящаяся в большом

употреблении у местных жителей. Заговор носит на себе несомненные следы раскольничьего влияния. Привожу заговор буквально: слова, которые за ветхостью рукописи нельзя было разобрать, отмечены точками.

«Во ими Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь. Стану я, раб Божий, пастырь (имя рек), благословясь, пойду, пере-крестясь, отцом своим прощен и матерью благословен, вы-ду на белый свет, стану на мать сырую землю на восток лицем и на запад хребтом, помолюсь я, раб Божий пастырь (имя рек), Господу Богу Саваофу Исусу Христу Сыну Божию и Приснодевы Марии, Иоанну Предтечу Крестителю Христову, Михаилу Архангелу, грозному воеводе небесных сил, Петру и Павлу, верховным апостолам, и святому Николаю Чудотворцу, преподобным отцам Зосиме и Савватию, соловецким чудотворцам, и святому великому мученику Георгию храброму и святому священномученику Власию, епископу Севастинскому и всем небесным силам со умилением припадаю молюся Вам, Господи, пособите и помогите и благословите и на путь спроводите меня, раба Божия пастыря (имя рек), с моим милым скотом, с крестьянским животом, с коровьим стадом почти… во все теплое лето и до белое снегу, закройте

и защитите, и заградите, и закрепите святыми своими божественными ризами ходячи волови по скотине посеку по тропам и поухожам моим меня, раба Божия пастыря (имя рек), и мой милый скот крестьянской живот, коров и быков, кладенных и не кладенных… и малых и подтелков комолых и рогатых, домо-кормленных и новоприведенных, белых и черных, бурых и красных, и пестрых и всякую разношерстную скотину, от чернаго звиря и от бураго звиря широколапаго мидведя, от опрокидня от пакостнаго от перехожалаго от волка и от волчицы рыску-чей и от всякой змии скорпии и от всякаго злого и лихого человека пытощика и порченника, от пострелу… и поветрия и от всякаго… силы дьявольскаго нечистаго духа от…

тущаго от постигающаго… видящаго от пола от старца от мужа от жены от парня от девки от черноволоса от беловолоса от всякаго разнаго чина людей и от всякаго дьявольскаго нечистаго духа, и закреплю я, раб Божий… (имя рек), и заговорю свое вышеписанное коровье стадо, сколь крепко и твердо основание земное и ничто с места двинути не может и коль крепко гроб Господень на воздусе во святом граде Иеросалиме и сколь крепок и жесток синий камень в окияне море не

крошится и не колется и не родится и не котится и не родится и столь крепок и жесток сей мой буде вышеписанный заговор кругом моего вышеписаннаго коровья стада век по веку. Аминь, аминь, аминем заключается, о пречистая госпоже Богородице Мати Христова, как заграждала закрывала сына своего господа Исуса Христа в граде Вифлиеме Иудейстем от Ироды… безбожнаго и так закрой и защите и заради и закрепи Святой Своей ризою нетленною меня, раба Божия пастыря (имя рек), и мой милый скот, крестьянский живот, любимое мое коровье стадо коров и быков и нетелей и малых подтелков, комолых и рогатых кладенных и не кладенных, домокормленных и недомокормленных и новоприведенных, бурых и красных и пестрых и всякую… ходячи в мире и по скотам и тропам и по ухожам моим от чернаго звиря от белаго звиря широколапаго мидведя… пакостника переходня и от волка и от волчицы рыскучей и от всякой змии скорпии и от всякаго злаго и лихаго человека… и от всякаго дьявольскаго нечистаго духа… по веку Аминь Аминем залечуся…

О пречистый царь Господи, сошли, Господи, с небес святаго пророка Божия Илию на огненной колеснице с громом и молниею и со стрелою

кременною, чтобы жгло и ранило и стрелою отстреливало из моей поскотины, и от моего вышеписаннаго коровья стада черным и дивным и разным разношерстным зверям и мидведям моего вышеписаннаго коровья стада век по веку не видать. Аминь, Аминь Аминем заключается. О пресвятый царь Господи, нашли, Господи, злых лютых тридевять мяеденских кобелей — с вострыми ногтями с железными зубами чтоб прогоняли… от скотины и осеку от моего… коровья стадо старожили… и разных разносильных и разношерстных зверей и мидведей… синем море на дикой лес тамо… зеленую ту реку… болотную воду сломайте и ворочайте пенье… и дикое каменье, а у меня, раба Божия пастыря имя рек, в моей поскотине и осеку нет вам килатую кидяры век по веку акажись мой милый скот… вышеписанное мое коровье стадо в моей поскотине и осеку по тропам и по урожам моим черным и диким и различным зверям и мидведям… лесом, при горе горой, при камени каменем, при траве травой, при воде водой, при грязи грязь век… Аминь Аминь Аминем заключается. Собирайся, мил народ православный, к звону колокольному к пенью церковному, к отцу духовному и как собираются Муравьевы дети со все четыре стороны

к всякой ночи к Царю своему Муравью, служат ему и слушают его всегда, и как летаются медовые пчелы по гнездам своим и к детям ко всякой ночи и гнезд своих не забывают и детей своих не покидают и как стекаются… источники со всей святой русской земли в одно синее море и так бы мой вышеписанный скот любимый мое коровье стадо… меня, раба Божия пастыря имя рек шли б… и в одно место стека-лися… и на трусья… из лесов, из мхов, из болот и рек, из ручьев… черных грязей… вковце в ветх в переходное месяца и в меженные дни и во всякое время шли б дружка от дружку не останаваючись безопасно… ко всякой ночи к домам, к хозяевым и к деткам своим, век по веку аминь, аминь, аминем заключается. Да будет на меня, раба Божия, пастыря имя рек, и на мой милый скот, крестьянский живот, любимое мое коровье стадо какой злой и лихой человек подумает зло лихо… или какое врождевное и у того бы порченника… язык воротило, жилы со лба спрыгнули б и подколенное жилье рвало, чтобы ему супостату порчен-нику и пытащику в день покоя, а в ночь усыпу не было и до смертнаго его часу буди, Господи, во веки веков аминь, аминь, аминьем заключается, о пресвятый Господи… с умилением припадаю… постави, Господи, меня

раба Божия, пастыря имя рек, и около моей поскотине и около моего милаго вышеписаннаго коровья стада и коров и быков и нетелей и малых подтелков, комолых и рогатых и домокормленных и новоприведенных, белых, черных, бурых и красных и пестрых и околь всякой разношерстной скотины и около всего моего вышеписаннаго закрепною… вору… постави еси стену каменную глубиною три сажени в землю, а вышиною до небеси, а кругом стены завали, Господи, землею матерью, а кругом валу землянаго проведи, Господи, реку огненную глубиною… и повели, Господи, те вышеписанныя… и стену каменную и замкнуть заложить стену… Петру златыми его ключами да нести… ключи к самому Господу Исусу Христу Сыну Божию на престол, под святую его нетленную одежду и как сего замки… люди не видят в моей поскотине и осеку моего вышеписаннаго коровья стада черным…»

Этот обычай обходить скотину с отпуском очень распространен среди крестьян Олонецкой губ., не только Пудожского, но и других уездов. Так, в уезде Вытегорском, по словам В. Реброва[48], пастухи покупают отпуск и тщательно хранят

[48] Примечания: 48
«Олонецкий сборник», вып. 1886 г.

его, чтобы чужие руки не коснулись этой рукописи: вследствие такого прикосновения отпуск может потерять свою силу. Они прячут его либо в своей свирели, либо в фуражке, либо в глубине дремучего леса, вместе с шерстью от каждой головы пасомого ими скота.

Само чтение этого отпуска сопровождается еще лишним обрядом: скот окропляют водой, взятой из трех ключей. Если пастух безграмотен, то в Вытегорском уезде приглашается для этого грамотный, который и обходит стадо, читая заговор, и окропляет скот. «По прочтении молитвы[49] и окроплении стада, пастух принимает остатки воды и рукопись от чтеца и в свою очередь тоже кропит его водою, боясь, чтобы он чего-либо не похитил из молитвы, удаляется в лес и там прячет принадлежащую ему молитву, где вздумается; остатки же воды или выпивает, или же изливает на землю под камень».

Этих интересных подробностей мне не удалось узнать в Пудожском уезде. И обычай окропления скота водой, взятой из трех ключей, и боязнь, что чтец, не окропленный той же водой, как и обойденный им скот, может похитить часть

---

[49] Примечания: 49

В. Ребров не делает различия между заговором и молитвой.

силы молитвы, дышат такой отдаленной эпохой, такими свежими воспоминаниями того времени, когда вода считалась священной, что как-то невольно переносишься в гораздо более отдаленные от нас времена; эти обряды рисуют случайно сохранившееся переживание очень далекого от нас быта, и я поэтому позволил себе подробнее остановиться на них.

В Пудожском уезде, в некоторых его частях по крайней мере, соблюдаются при обходе скота следующие обряды: в тех местностях, где читается первый из приведенных мною заговоров, наблюдаются при обходе скота следующие формальности: скот загоняют во двор или в загородку и с иконой и зажженной восковой свечой в руках обходят скот по солнцу три раза. Затем из свечи делают три шарика и, по прочтении заговора, приклеивают их за ворот, затем бросают.

Там, где употребителен второй заговор, пастух также делает три шарика из воска и приклеивает их к иконе; за иконой же хранится и отпуск. В иных случаях каждая домохозяйка делает это для себя и своего скота. В шарики закатывается подчас немного шерсти, срезанной от каждой выгоняемой на пастьбу коровы. Эти восковые шарики домохозяйки хранят за иконами и, по

окончании пастьбы, спускают либо в реку, либо в озеро. Там, где шарики катает сам пастух, спускание шариков в воду производится им самим по окончании пастьбы.

Когда читают третий вид заговора, то, по словам рукописи, следует при прочтении отпуска «взять от всякой скотины из уха серы в чистый воск закатать да ключ с замком, да с муравейника земли, с которой четыре дороги, и около скота… да кругом обойти… трижды по солнцу на все на то наговаривать трижды; воску положить на обе стороны ворот, ключ на сторону: на другую — замок, на обе стороны ворот земли положить: на сторону ворот; на другую ножик… (конец рукописи испорчен).

Хотя в этих обрядах мы и не видим тех архаизмов, как в обрядах, употребляемых в Вытегорском уезде, так как здесь влияние христианства, повидимому, отразилось сильнее на изменении суеверных обрядов населения, тем не менее и здесь мы замечаем также остаток мышления первобытного человека: вера в то, что собранная часть шерсти, закатанная в шарики из воска и сберегаемая за иконой, спасет все стадо, что отданная под непосредственное покровительство иконы pars pro toto, что шарики и шерсть,

сберегаемые и от дурного глаза и влияния злого человека самой иконой сохраняет достояние крестьянина, — дышит таким архаизмом, такой далекой эпохой, что как-то странно встретить его среди сравнительно развитого населения Пудожского уезда.

Как отдаленное воспоминание культа воды сохранился обряд бросания этих шариков, по окончании пастьбы, в воду. Это может быть, впрочем, объяснено двумя способами: либо как вещь священную, лежавшую за иконами, шарик нельзя выбросить просто на улицу и во двор, где его могут попирать ногами; либо эти шарики являются предметом, с которым связано какое-то суеверное представление. Взгляд, что вещь священную нужно уничтожить либо посредством огня, либо воды, либо погребения в землю, одним словом, при помощи так называемых «чистых стихий», как известно, очень распространен в народе. Известно, что, например, испортившиеся иконы не бросают, а либо сжигают, либо погребают, либо спускают в воду.

Об обычае спускать старую, ненужную икону упоминают и древние писатели о России. В самой Москве этот обычай сохранился до последнего времени. То же делают с просфорой, высохшей и

неудобосъедаемой: ее даже в Москве до последнего времени бросали в колодцы. Подобно тому как во всех этих обрядах сохранилось, как переживание, темное воспоминание о воде, которая наиболее достойна принять священный предмет, так, быть может, это же воззрение лежит в основании обряда бросания упомянутых восковых шариков в озеро.

Быть может, и другое соображение обусловливает вышеупомянутый обряд: известно по народным поверьям, что для того чтобы «испортить», погубить человека или животное, нужно, чтобы желающий погубить имел в своих руках кусок одежды обрекаемой на погибель жертвы или вообще что-нибудь, что составляло бы необходимую принадлежность данной личности или животного. Естественно, что человек, находящийся на низкой степени развития, боится, что, если шерсть животного или кусок одежды, или часть волос кого-либо, порчи которого он не желает, попадется в руки человека, могущего «навести порчу», что таким образом все его достояние, самое дорогое из всего его имущества, даже он сам, может подвергнуться опасности быть испорченным. Отсюда и обычай сжигать или бросать в воду, например, срезанные волосы,

ногти и т. д.

Будучи брошены в воду, они затериваются, и для колдуна, для человека злого нет возможности получить их. Этим, быть может, также объяснен обычай бросать шарики с шерстью от коров в воду, чтобы никто не мог их найти и заклятиями и заговорами над ними причинить вред находящемуся в доме скоту.

Как бы то ни было, но ни молитва, которой начинается «отпуск», ни такие предосторожности, как положение отпуска и шариков за иконы, не считаются жителями Пудожского уезда достаточными, чтобы «оберечь» свой скот от лесовика или лесного царя. Маленькая упущенная формальность, случайно неверно произнесенное слово может уничтожить всю силу заговора, и лесной царь, гневаясь на лиц, желавших силой заговора и обрядов ограничить его власть над скотом, нашлет намеренно больше диких зверей на стадо и большее количество коров заведет в глубину леса, к себе. Поэтому-то лучше дружить с лесным божеством. Благодаря этому пастухи предпочитают заключать договор с лесовиком, по которому ему предоставляется право взять к себе известную часть скота (обыкновенно, впрочем, не больше одной-двух коров).

За это лесовик обязан оберегать стадо. Этот договор с лесовиком считается очень греховным, но и на него соглашаются крестьяне, лишь бы их стадо оставалось целым. Договор заключается при посредстве строго определенной формулы — заговора, из которого нельзя выкидывать ни слова.

Действительно, не все пастухи знают, как это сделать; а те, которые знают, хранят эту тайну и не всегда решаются говорить об этом односельчанам. Некоторые крестьяне также знают слова заговора, но боятся рассказывать его. Этим-то страхом сообщить вещь, которая считается столь греховной, и объясняется, что до сих пор этот заговор не проникал в печать; этим же объясняется, что крестьяне, сообщавшие нам об этом договоре с лесовиком, все поголовно отзывались незнанием слов заговора, ни за что не соглашались открыть нам слова его.

Ввиду возможности заключить с лесовиком подобный договор и является существенно необходимым при пропаже скота из стада узнать, пропала ли она по «шалости» лесовика или была пропавшая скотина ему завещана. Чтобы узнать это, обращаются к лицам, которые, по мнению населения, «знаются с лесовиком», — «есть такие

люди», прибавляют обыкновенно при этом.

Эти люди обыкновенно отправляются в лес, становятся на перекрестке и свищут. Лесовик приходит на свист. «Человек, который знается с лесовиком», спрашивает его, что пропавшая скотина была ему завещана или нет. Если она была завещана, то хозяину пропавшей скотины остается лишь примириться со своим горем: ничто не может помочь ему вернуть скотины (корову или лошадь), уведенной лесовиком. Другое дело, когда лесовик похитит у него скотину, ему не завещанную.

Потерпевший, узнав от того, «кто с лесовиком знается», что он может вернуть пропавшую скотину, так как она лесовику завещанной не была, совершает то жертвоприношение, о котором я уже говорил выше. Хозяин пропавшей скотины, взяв завернутое в тряпку или бумажку яйцо, отправляется в лес на перекресток и, положив на левую руку яйцо (иногда и ржаные лепешки), произносит следующие слова: «Кто этому месту житель, кто настоятель, кто содержавец, тот возьмите дар, возьмите и домой скотинку спустите, нигде не задержите, не за реками и не за ручьями, и не за водами»; он оставляет яйцо на перекрестке для лесного царя. Скотина после

этого должна найтись.

Таков в общих чертах культ лесного божества. Не останавливаясь на некоторых чертах лесовика, которые мы можем встретить почти во всех местностях, населенных великорусским племенем, отмечу лишь то, что в наиболее развитой форме этот культ является среди жителей, населяющих берега озера Купецкого и в близ лежащих от него деревнях. Этот культ сохранился здесь наиболее цельным не оттого, что леса, окружающие это озеро, более дремучи, чем в остальных частях уезда, не оттого, что городская культура здесь оказала меньшее действие, чем в других деревнях. Напротив того, во многих частях уезда лес заполонил большее пространство земли, более дремучим растянулся он по берегам озер и по кряжам гор. Городская культура более чем в большинстве других частях уезда оказала свое действие. Вернее будет искать причину сохранения культа лесовика в самой жизни крестьянина, поселившегося издревле на Купецком озере.

Главное занятие его хлебопашество, рыболовство уступает ему первенство, так как само Купецкое озеро с прилежащим к нему Тягозером невелики (первое 4–5 верст ширины и приблизительно такой же длины;

второе 6–7 верст длины) и не в состоянии обеспечить жителей рыбой. Хлебопашество, как я уже сказал, требует от местного крестьянина усиленной борьбы с лесом. Проводя почти все лето в лесу, крестьянин невольно сживается с ним. Дело в том, что ввиду того, что лядины отстоят иногда верст за 15–20 от деревни, крестьяне, запасшись провизией на неделю, отправляются утром рано в понедельник, пробывают в лесу целую неделю и лишь в субботу вечером возвращаются домой. И так почти все лето.

Неудивительно поэтому, что лес должен был оказать наиболее сильное влияние на воображение крестьянина данной местности, что из духов, населяющих, по верованиям крестьян, землю, — лесовик как наиболее близкий должен был пользоваться и наибольшим почетом, что культ его наиболее развился.

Понятно поэтому также, что в иных местах, где рыболовство занимает первое место в экономическом быту крестьянина, где ему приходится не столько проводить время в лесу, сколько на волнах озер, что в таких местностях культ лесного духа должен был отойти на второй план.

К таким относятся жители берегов озера Водлозера. Близость этого последнего, имеющего 60

верст длины и 40 верст ширины, изобилующего при этом рыбой, должно было повлиять на занятия местных жителей, которые и являются с давних времен рыболовами, и лишь отчасти хлебопашцами. Поэтому естественно, что культ духа лесного не мог здесь развиться, но зато также естественно, что именно здесь, где большая часть дня крестьянина проходит на озере, которое, как и все озера Севера, крайне непостоянно, должен был развиться культ ветра и духа воды. То стоит тишь, и лов идет удачно, то вдруг подует северик, и рыбы не станет. «Северик подует — из котла рыбку повынет», — говорят водлозеры, желая указать зависимость главного источника их дохода от случайных перемен ветра.

Поэтому здесь, на Водлозере, является антропоморфизация ветров, если и не всех, то по крайней мере главного и самого опасного для крестьянина — северика. Это старик, и старик суровый. Ветры то помогают, то препятствуют плавающему на озере рыболову. Они едут на тройках и дуют, поднимая то попутный, то встречный ветер. Употребительно у водлозеров заклинание ветра, которое мне не приходилось встречать в других местностях Пудожского уезда. Если ветер попутный, но дует слишком вяло, так что парус

не надувается, водлозеры произносят следующее заклинание:

Сивушки-бурушки,
Вещие вороняюшки,
Пособите, дружки,
Помогите.
Как моего дедушку слухали,
Как моего батюшку слухали,
Послужите и мне
Верою-правдою, силою крепкою.

Если попутный ветер дует слишком сильно, то начинают его просить дуть потише: «перестань, ишь разгулялся: что ты! потише!» Снимают шапку, просят и, если ветер случайно не ослабеет, грозят ему кулаком и грозно прибавляют: «Говорят тебе перестань! не смей!»

Но гораздо страшнее для водлозера водяной. В отношениях к божествам воды следует также отличать водяного царя от простого водяного. Этот последний, стоит в тех же отношениях к царю водяному, как простой лесовик к лесному царю. Он также подведомствен ему. Но понятие о лесном царе гораздо определеннее, чем представление о царе водяном. Первый господствует над

лесом, окружающим селение, водяной же менее определен. То он является главным начальником и управителем озера, которому служат и которого слушаются водяные рек и ручьев, втекающих в это озеро, и водяные мелких озер, сообщающихся посредством рек с большим озером. То в одном озере их оказывается несколько. Нечего и говорить, что понятие о водяном царе подчас смешивается с понятием о простом водяном. Простых водяных часто видают: они выходят на берег, где, сидя у воды, расчесывают себе волосы. При появлении человека они обыкновенно бросаются в воду.

В общих чертах водяной, царь водяной, в отношении своей деятельности, в отношениях своих к людям мало чем отличается от водяного наших средних губерний. Ввиду этого я на нем останавливаться не буду. Отмечу лишь тот факт, что в Водлозере живут, по преданию, два водяных: один у Пречистенского погоста, другой у Ильинского.

Дело в том, что все население, осевшееся по берегам и островам Водлозера, делится в церковном отношении на два прихода: Пречистенский (ближе к южному берегу озера) и Ильинский в 15 верстах от первого (по озеру), ближе к се-

верному берегу. О построении церквей в том и другом погосте ходят у жителей сказочные предания, впрочем, того характера, который очень распространен по всем местностям России. Рассказывают, что Ильинскую церковь хотели прежде построить на другом месте и привезли для этой цели лес на место, предназначенное для постройки церкви. Невидимая сила снесла его на остров; лес снова привезли на место, предназначенное для постройки; но невидимая сила вернула лес снова на тот остров, где он был найден после первого раза. И так несколько раз. После этого жители решили, что сам Бог назначает место, угодное Ему для постройки храма. И церковь во имя св. Ильи была воздвигнута на том острове, где она стоит до сих пор. Такое же предание, с незначительным лишь вариантом, ходит и о построении церкви в погосте Пречистенском.

Хотя этого рода предания очень распространены в народе, но на этот раз, касаясь положения водлозерских церквей, они останавливают на себе внимание. Дело в том, что тот и другой погост расположены на островах, причем узкий пролив отделяет Пречистенский погост от материка, а Ильинский погост отделяется узким проливом от другого острова. В проливах, по преданию

жителей, помещаются водяные.

Впрочем, для Пречистенского погоста водяной иногда помещается и в другом проливе, отстоящим от погоста в нескольких верстах и называемого железными воротами. Один водяной называется поэтому пречистенским, а другой — ильинским. Это обстоятельство, именно что местожительство водяных означается около погостов, заставляет думать, что сами церкви построены в местах, на которых в давние времена, быть может, стояли священные рощи, остатки которых сохранились и до сих пор в разных местах Пудожского уезда; о них я буду иметь случай говорить ниже. Как бы то ни было, но, на мой взгляд, сближение жилища водяного с местом нахождения церкви едва ли случайное. Вероятнее, во всяком случае, что христианская святыня лишь заменила собой языческую и освятила своим присутствием место, где прежде, быть может, приносились жертвы языческим божествам; что места, на которых в настоящее время стоят церкви, были прежде языческими святилищами, и вновь прибывшее христианство лишь заменило божество языческое храмом Св. Ильи, изменило, так сказать, предмет, но не место поклонения… Во всяком случае можно предположить, что

культ водяного здесь очень древен и, быть может, унаследован русскими от финнов. Постройка же церквей на этих местах тем более вероятна, что, как известно, вообще постройка церквей на всех тех местах и урочищах, с которыми соединялись древние религиозные представления населения, была в большом ходу в древней России, так, например, городище под Москвой в Кунцево, называемое, обыкновенно, проклятым местом. Окрестные жители, как известно, и теперь еще питают к этому месту суеверное уважение, и бросание в реку венков в семик производится именно против городища, хотя многим деревням приходится для этого идти несколько верст. На этом месте стояла некогда церковь, упраздненная по сведениям И. Е. Забелина в XVII столетии.

В настоящее время, когда оба эти пролива освящены присутствием церквей, местожительство водяных все-таки указывается около них. Ни сила православного креста, ни близость церкви не были в состоянии изгнать, по преданию живущего именно здесь водяного; он только утратил часть своей силы, но все-таки остался и не убоялся креста. Это может объясняться отчасти консерватизмом народных представлений, отчасти и тем, что по понятиям водлозеров водяной и не

особенно злой дух.

Он действительно подчас и утащит человека к себе, но, в общем, он не зол: мирно сидит он себе в своем проливе и редко без нужды вредит людям. Вид его определяется различно: по одним — он является совсем схожим с человеком; по другим — он похож на человека, лишь, как и лесовик, «*почернее наших будет»;* третьи, наконец, рисуют его снабженным гусиными руками и ногами. Все эти представления сходны в одном — водяной старец. Объяснить то обстоятельство, что в то время как в других известных мне местах каждое озеро находится под управлением одного водяного или водяного царя — на Водлозере их два — я не решаюсь. Но в качестве предположения можно было бы объяснить это следующей причиной. Тут, на Водлозере, столкнулись два племени или, быть может, два рода, быть может, еще до заселения края русскими.

За редкими исключениями все деревни на Водлозере носят финские названия, как и само озеро, и вытекающая из него река Водла. Нет невероятного, что два племени или два рода, быть может, еще финские, столкнулись здесь: одно, шедшее с севера к югу, другое, направляющееся с юга на север; причем каждое из этих племен имело свое

святилище: одно в современном Пречистенском погосте, другое в современном Ильинском погосте. Быть может, что род, который был оттеснен другим дальше на север, или, наоборот, к югу, *перенес* свое святилище и обособил свой культ. Не вдаваясь в догадки, укажу лишь на то, что смутное предание о происходившей здесь на Водлозере борьбе сохранилось до сих пор среди водлозеров.

Как я указал уже выше, среди жителей сохранилось довольно ясное воспоминание о своем происхождении: одни называют себя потомками шведов (то есть финляндцев), другие русских насельников, третьи — чуди. Сохранилось наряду с этим и предание о панах, которые приходили к берегам Водлозера, причем у деревни Кознаволок происходила большая битва с ними, и некоторые семьи считаются потомками панов; наконец, рассказывают, что один каргопольский князь, отправившись за данью на Водлозеро из Повенца, приказал для проезда в лодках зимой пропешить лед, но благодаря непогоде потонул в озере со всей дружиною.

Как видно из этого, у местных жителей лучше, чем во многих местностях России, сохранились воспоминания о прошлой их исторической жиз-

ни: в памяти их сохранились не только упомянутые воспоминания о своем происхождении и принадлежности как данников к каргопольскому княжению, но даже и воспоминания о сражениях и спорах, бывших в давнее время у жителей разных селений между собою. Эта-то живучесть воспоминаний об историческом прошлом и заставляет с большим доверием относиться к сохранившимся среди водлозеров преданиям о населявшей некогда берега и острова озера чуди, с которой предки их вели жестокую борьбу.

До сих пор показывают Кинг-остров, на котором, по преданию, были уничтожены остатки разбитой чуди, спасшейся на этот остров; тут и легла вся чудь[50]. Этот остров считается священным: он порос лесом и рубить этот лес считалось греховным и опасным, так как, если сама убитая

---

[50] Примечания: 50

Что касается названия чудь, то позволю себе заметить, ввиду сказанного значения, которое ей придается очень часто самим народом, что в данном случае это название племени, некогда здесь жившего, быть может, имеет за собой историческое основание. Известно, что, кроме названия эстов чудью и финских насельников Заволочья — заволоцкой чудью — этим названием означается еще финское племя вепсов (Wepsalaiset), населяющих частью Новгородскую губернию, частью Олонецкую, в Вытегорском уезде, на юг от Онежского озера, на истоках реки Ояти. Это и в настоящее время довольно многочисленное племя (около 20000 душ), быть может, некогда заселяло и весь современный Пудожский уезд, и было вытеснено новыми пришельцами, быть может, также финского или русского происхождения.

чудь и не вступится непосредственно за свои права, то она впоследствии так или иначе должна была отомстить оскорбившему ее святыню. Как ни украшено это предание о чуди поэтическими арабесками, все-таки за рядом вымыслов мы можем заметить, что основанием этого рассказа послужило воспоминание о бывшей здесь некогда битве, и, вероятно, битве с народом малознакомым с предками современных водлозеров, так как остальные воспоминания о битвах деревни с деревней или союза нескольких деревень с другим подобным же союзом ярко запечатлелись в памяти жителей.

Как бы то ни было, оба водяных являются совершенно самостоятельными господами, каждый в своей части озера. Они то дружат друг с другом, то враждуют. В настоящее время оба водяных породнились. Вот как рассказывает об этом предание: у водяного Ильинского была дочь; за ней сватались водяной пречистенский и водяной — владелец Кенозера, которое в ту отдаленную эпоху было соединено с Водлозером. Как пречистенский, так и кенозерский водяные часто навещали ильинского. Кенозерский водяной первый посватался, и ему отказали. Посватался затем пречистенский водяной, и старик-ильинский

отдал за него свою дочь. Кенозерский рассердился, ушел к себе в озеро и, чтобы никогда не ходить больше в Водлозеро, засыпал большими каменьями дорогу; с тех пор Кенозеро не сообщается больше с Водлозером. Отправляя свою дочь к зятю, к пречистенскому погосту, ильинский водяной дал ей в приданое много золота и драгоценностей и, наконец, целый остров из своих владений послал вместе с дочерью в ее новое жилище. Этот остров лежал прежде недалеко от реки Илексы и, ведомый петухом, прибыл к деревне Большой Кул-Наволок, недалеко от которой он остановился. Вещий петух затем улетел, а остров стоит до сих пор и прозван в память того, что его привез петух, Петуньим островом.

Кстати заметить, что понятие о петухе как о птице вещей сохранилось у народа на протяжении всего Пудожского уезда довольно ясно. Он, между прочим, помещается в разряд птиц, есть которых грешно.

Что касается жертвоприношений водяному, то мне не удалось открыть их; но не безынтересен тот факт, что водлозеры, проезжая через проливы, в которых живут водяные, отвешивают глубокие поклоны водяному царю, снимая шапку. Большинство проезжает с суеверным страхом

и радостно крестится, когда проезд совершился благополучно.

Но указывая и оттеняя, что водяной особенно чтится в тех местах, где жизнь жителя тесно связана с этой стихией, а культ лесовика, там, где подсечное хозяйство является *главным* подспорьем в жизни крестьянина, я отнюдь не хочу сказать, что культ водяного отсутствует у последней категории крестьян, а культ лесовика у крестьян первой категории. И то, и другое божество чтится повсеместно, но в разных степенях.

Так, на Водлозере, где развит особенно культ водяного, чтится и лесовик. Последнему так же, как и на озере Купецком, приносят жертвоприношения в случае пропажи скота. Это понятно: водлозеры также занимаются хлебопашеством в лесах, и до последнего времени оно являлось все-таки важным подспорьем в их хозяйстве. За несколько лет жители стали обращаться главным образом к рыболовству. Поэтому культ лесовика не исчез, но он отступил лишь на второй план; культ же водяного занимает первое место в верованиях крестьян, поэтому-то водяной пользуется меньшим почетом у жителей озера Купецкого, чем у водлозеров, и, наоборот, водлозеры меньше почитают лесовика, чем обитатели Купецкого

озера.

Лучшим подтверждением того, что даже на Купецком озере, где роль водяного низведена до minimuma — воспоминание о водяном царе все-таки очень сильно, служит следующая молитва, которую читают всякий раз, когда берут воду для лечения ею больного.

«Бережок-батюшка, водушка-матушка, *царь водяной и царица водяная с малыми детьми, с приходящими гостями,* благословите воды взять не ради хитрости, не ради мудрости, но ради добра и здоровья рабу Божию». На Водлозере, где культ лесовика стоит сравнительно с озером Купецким очень низко, молитва, которую читают при черпании воды для больного, гласит так:

«Царь земной и царица земная, и царь водяной, и царь лесной, благословите водушки взять не ради хитрости, не ради мудрости, для добраго здоровья раба Божия». Обе эти молитвы важны как доказательства того, что, в общем, божества у всех жителей уезда одинаковы, лишь степень поклонения каждого из них зависит от условий быта. Поэтому, хотя в молитве, читаемой на Купецком озере и не поминается царь лесной, а в той, которая читается на Водлозере, он поминается, все-таки культ водяного занимает главное

место у водлозеров, а культ лесовика на Купецком озере. Приведенные выше слова молитвы интересны для нас еще тем, что здесь встречается упоминание о земном царе и земной царице. Понятие об этих двух божествах земли, об их деятельности и отношении к людям у крестьян тех местностей по крайней мере, где эти молитвы записаны, нам не удалось открыть.

По-видимому, в настоящее время эти представления о божествах земли совершенно исчезли из народной памяти и лишь в виде переживания их имена сохранились в молитвах, свидетельствуя о древности их так же, как это делают и олицетворения берега и воды, встречающиеся в этой молитве («бережок-батюшка, водушка-матушка»). Что касается этих последних олицетворений, то и они для современного пудожанина утратили истинное свое значение и служат в настоящее время лишь формой, значение которой крестьяне не понимают. Но бесспорно, что в те отдаленные времена, когда культ языческих божеств был еще крепок, эти олицетворения имели для крестьянина свое буквальное значение.

Не останавливаясь более на водяном, перейду теперь к тем божествам и духам, которые связаны с жилищем пудожанина как с его очагом,

так и постройками, так или иначе необходимыми ему в его хозяйстве; к этим духам относятся: дворовой, подполянник, запеченник, жихарь, овинянник, хлевный и баенник. Из них четыре первые живут в доме; хлевный — в хлеве, овинянник в овине, и баенник в бане. Подробно на этих домашних духах я останавливаться не буду как по малому количеству данных, имеющихся у меня под руками, так и благодаря безынтересности этого культа у пудожан. Все домашние духи, как дворовой (иногда называемый домовым), подполянник и запеченник имеют, как известно, в своем происхождении связь с домашним очагом, но эта связь в настоящее время утратилась и утратилась притом настолько, что мы почти что лишь по аналогии можем судить, что современные верования в этих домашних духов — не более как слабые следы древнего поклонения предков. Дворовых поселяют в подполье. Их число бывает равно числу членов семьи; они управляются большаком; есть у них большуха, есть и дети. Дворовые живут, как обыкновенные люди: они едят, пьют, женятся. Одним словом, проводят в своем подполье время так же, как крестьянин в избе. Большак-дворовой, обыкновенно называемый «избенный большак», пользуется в своей

подпольной семье таким же объемом власти, как и крестьянский большак: «что он прикажет делать, то и делают».

Дворовой является людям, и вид его описывается либо как обыкновенный человеческий, либо также «почернее» обыкновенных людей. С ним можно вступать и в разговор. Вот, например, рассказ одной крестьянки, деревни Авдеевской: «Мужик раз лежит себе ночью. Видит вдруг вошла баба с зыбкою. Повесила зыбку, а сама у печки греться стала: “А-а-а! — говорит, — холодно!” — а сама зыбку качает. Испугался мужик, взял да и зажег спичку. Она сейчас в дверь и зыбку с собой взяла. Потушил мужик огонь — лежит. Взошел сам-то дворовой — говорит: “Жалко тебе избы стало, что ли? Не пустил бабу обогреться”. Он муж ее был, знать. Мужик опять зажег спичку и тот в ход пустился». Этот рассказ, ярко рисующий нам дворового, интересен, между прочим, тем, что и он, и его жена как бы боятся света, словно они не совсем «чисты», и как духи нечистые от зажигания огня мгновенно удаляются.

Но это представление о дворовых, как о существах не совсем чистых, является лишь обезображением древних верований, обез-ображением, которое мы нередко встречаем в отношении к

домашним духам почти повсеместно в Великороссии, где домовой также чаще представляется злым, чем добрым. Но в других местах Пудожского уезда, как, например, на Кенозере, дворовой является скорее духом светлым, которого боится нечистая сила. Там, как, впрочем, и во многих местах уезда, при входе в лесную избушку для ночевки считается необходимым произнести следующую молитву, как сами крестьяне называют это обращение к дворовому лесной избы:

«Большачок и большушка, благословите ночевать и постоять раба Божия (имя рек)». Уже то, что при обращении к дворовому употребляют слова «раб Божий» доказывает, что дворовой не считается местным населением в числе так называемой «нечистой силы». Кроме того, существуют и рассказы, из которых явствует, что он, дворовой, охраняет отдавшихся под его покровительство лиц от вторжения нечистой силы и, наоборот, отказывает в покровительстве тем, которые упомянутой молитвы не читают.

Приведу для примера один из таких рассказов: «Мужик один вошел в избушку лесную ночевать, да не благословясь. Лежит он себе, а в углу у печки видит стоит себе леший большой такой, согнулся в избушке, греется: “А-а-а”. Мужик,

знать, печку-то, не благословясь, затопил. Ведь как никого нет в избушке то, так они и налезут туда, нечисть-то». Из этого рассказа следует, что благословись мужик, то есть прочитай он упомянутую молитву дворовому, тот оградил бы его от вторжения в избу лешего, который в местности, где записан этот рассказ, именно Кено-зеро, дер. Вершинине считается в разряде нечистой силы. Итак, в данном случае мы видим, хотя и отдаленное, воспоминание о дворовом как о благодетельном духе, покровителе жилища, воспоминание, которое в большинстве местностей уезда окончательно уступило место другому воззрению на дворового как на духа сурового, на духа не совсем «чистого».

Кстати, отметить при этом известную странность. Между тем как в лесной избушке живет, по-видимому, один дворовой с женой, в избах населенных их столько, сколько членов семьи, хотя крестьянам и не известно, умирает ли дворовой по смерти одного из членов семьи.

Объяснения соотношения числа дворовых с числом членов семьи также нет никакого. Вообще в этом представлении царствует какая-то неопределенность, какое-то смешение понятий. Мне кажется, что в виде гипотезы это соотно-

шение числа дворовых с числом членов семьи, ввиду ее неопределенности, могло бы быть объяснено следующим путем: вера в дворовых, как они являются повсюду, произошла, как известно, от верования, что души умерших предков продолжают жить в доме: чем больше предков умерших, тем больше и дворовых; предок, основатель рода, и является в таком случае большаком своих, пришедших к нему после смерти потомков.

Таково первоначальное верование и, быть может, впоследствии, когда вера в предков утратилась, явилось необъяснимым для крестьянина произвольное и не одинаковое у всех домохозяев число дворовых и он, стремясь выйти из этого затруднения, определил число дворовых равным числу членов семьи, так что каждый из членов

семьи имеет своего покровителя[51].

Лишь с течением времени, под влиянием христианства, дворового стали считать силой «нечистой», «черной». Если кто пожелает увидеть дворового — стоит ему лишь надеть хомут на себя, причем этим способом можно узнать о будущем. Вот рассказ одной крестьянки о том, как лицо, ей знакомое, видело дворового. Передаю ее рассказ вкратце. Одна из двух подруг-девушек села в большой угол, между тем как другая влезла на печку и стала смотреть сквозь хомут. Вдруг она увидела двух страшных «черных» мужиков, которые несли гроб: они поставили гроб в большой угол. Это и были дворовые. Девушка так испугалась, что упала с печки. «А та девушка, — прибавила рассказчица, — что в большом углу

[51] Примечания: 51

Небезынтересен следующий факт, сообщенный мне П. М. Богаевским, касающийся собственно сарапульских вотяков, но могущий до известной степени подтвердить только что высказанное мною предположение: Когда вотяки устраивают поминки, они уверены, что покойники их присутствуют на пиршестве; после пиршества вотяки приглашают их гулять, в баню и т. д. *Во время поминального пиршества* каждый из присутствующих живых родственников находится под особым покровительством одного из умерших предков, следовательно, они полагают, что присутствующих родственников-покойников столько, сколько родственников живых принимают участие в пиршестве. Верование, которое может до известной степени осветить верование пудожских крестьян о соотношении числа дворовых с числом членов семьи.

сидела, в тот год умерла».

Более интересным является другой способ увидеть дворового: надо спуститься на третью ступень внутренней лестницы, ведущей в хлев, и, нагнувшись, посмотреть промеж ног. Девушки делают это обыкновенно на святках, чтобы в лице дворового увидеть своего суженого. При помощи этого же способа можно увидеть и подполянника, с которым очень часто смешивают дворового. Он также живет в подполье; их также несколько в доме, и подпольная жизнь их ничем не отличается от жизни крестьянской семьи. Это сходство подполянника с дворовым невольно наводит на мысль, не являются ли оба домашние духа тождественными и лишь обозначаемыми разными именами. В рассказах крестьян они часто смешиваются, хотя подполяннику, когда говорят о нем собственно, приписывают больше дурных, чем хороших черт. Он вообще недобр. Как пример смешения дворовых с подполянниками, позволю себе указать, что крестьянка, передававшая о том способе, которым можно видеть дворового, в доказательство правды своих слов привела следующий рассказ: «Мать свою дочь прокляла. *Подполянник* и затащил ее к себе в подполье. Так она там и замуж выйти успела и стала уж сына

женить, да и пришла к матери просить сыта: “Матушка, — говорит, — коли хочешь видеть, как я живу, сойди три ступени в подполье (именно по лестнице, ведущей в хлев) и гляди промеж ног своих”. Ну и увидела их, мать-то. Сидят они все, как наши мужики. Так она и сыта принесла дочке, и рубашку».

Средство смотренья с третьей ступени промеж своих ног, чтобы увидеть дворового или подполянника, обратившееся в настоящее время в простое поверье, быть может, имеет в своем основании связь с глубокой древностью, когда умерших предков хоронили под очагом, под порогами, под полом. Быть может, то, что в настоящее время пудожанки проделывают из любопытства увидать своего суженого или узнать знакомый им лишь по рассказам быт подпольных обитателей родительского дома, — их прабабушки-язычницы делали с целью увидеть действительно похороненных здесь прежде своих предков…

К числу домашних духов принадлежат еще: хлевный, жихарь и запеченник. Про этих духов крестьяне немного умеют рассказать. Первый живет в хлеве, отличается своей добротой, помогает содержать хлев.

Второй — жихарь — злой дух; где в доме он

живет, в точности не известно, но он опасный для матери сосед: в отсутствии матерей он крадет детей из зыбки, но в присутствии матери он сделать это не решается. Если мать бывает вынуждена уйти из избы, то для предохранения от покушений жихаря украсть ребенка в отсутствие матери принимаются следующие меры: мать кладет в зыбку ножницы и веретяной камень, а под зыбку, на пол, кладут старый веник. Если принять эти меры предосторожности — жихарь оказывается бессильным. Наконец, запеченник, живущий за печкой, дух веселый, любящий шутить. Пропадет ли у хозяйки ухват, разобьется ли внезапно посуда — все это шутки запеченника.

Наконец, чтобы покончить с домашними духами, скажу еще несколько слов об овинянникe и баеннике. Как известно, во многих местах, даже средних губерний России, наиболее упорно, наиболее живуче сохранился культ духа — покровителя овина, которому даже до настоящего времени приносят в определенные дни жертвоприношения. Но в Пудожском уезде, на основании тех данных, которые нам удалось узнать, культ именно этого духа развит до крайности слабо, и лишь бледные отблески древних верований мы встречаем здесь у крестьян. Дей-

ствительно, овин служит жилищем овинянникy, отличающемуся, по мнению крестьян, большим ростом. Крестьяне знают, что овинянник дух добрый, «милосливый». «Он, батюшка, — говорят про него крестьяне, — чужому не выдаст, только помолиться ему». Ночевать в овине можно совершенно безопасно, если только произнести следующую молитву: «Овинный батюшко, побереги, постереги от всякаго зла, от всякаго супостата раба Божия». Итак, на основании этих малочисленных данных можно лишь вывести то, что овинянник принадлежит к числу светлых духов, что он является покровителем своих, если они к нему обращаются с молитвой, защитником их от нечистой силы, как и дворовой, в некоторых частях уезда по крайней мере. Больше подробностей об этом духе мне открыть не удалось. Ходит только ряд рассказов о доброте «овиннаго батюшки», «достоверныя истории» о случаях, где эта доброта проявлялась. Позволю себе привести один из таких рассказов: «Сошлась раз беседа (местное название для посиделок). А тут как раз старуха перед этим помри. И стали холостые (то есть молодые люди) дразнить одного парня: явится ему старуха. А он все смеялся. Вышел он с беседы, старуха и пристань к нему. Так он бежать

от нее, а она за ним. Взмолился он тут овиннянику. Так он, батюшка, вышел, да со старухой до самых петухов дрался, а парня сберег».

Что касается баенника, или баенного, то это в противоположность овиннянику дух злой, от которого добра ждать нечего. Ночевать в бане никто, даже из самых храбрых пудожан, ни за что не решится. Даже днем страшно идти в баню одному, и женщина или девушка, посланная вперед, чтобы приготовить баню, идет туда с замиранием сердца. В банях не вешают образов и с грудным крестом в нее не входят. Подробностей об этом духе узнать не пришлось, но достоверно то, что он считается «нечистым». Чтобы уяснить себе хоть сколько-нибудь значение баенника, позволю себе отметить, что обыкновенно каждая семья имеет свою баню и реже встречаются, что две, три семьи складываются вместе для постройки бани: поэтому каждый баенник является духом, имеющим отношение главным образом лишь к той семье, которой баня принадлежит: он является также, как и упомянутые выше домашние духи — духом семейным, домашним.

Эта обособленность баенников для каждой отдельной семьи является интересной, и невольно рождается вопрос: не имеет ли представление о

баеннике какой-нибудь связи с культом предков, быть может там похороненных? Вопрос, который я решить не берусь.

Таковы домашние духи пудожан. Как видно, культ их почти что изгладился вовсе, оставив за собой лишь бледные следы. Нового он ничего не дает нам: мы не обогатим благодаря этим остаткам наших сведений о древних верованиях русского народа. Тем не менее я счел невозможным обойти его молчанием: эти домашние духи все-таки слишком близки пудожанину, слишком тесно связаны с его жизнью, и даже в этом разбитом виде составляют слишком видный отдел в представлениях населения, чтобы не изложить их здесь, хотя бы вкратце, в самых общих чертах.

Д. Ушаков
Материалы по народным верованиям великорусов[52]

<...>

Домовой

Духи, населяющие жилища, в огромном большинстве случаев носят название домового или домового деда; кроме этих, в нашем материале встречаются имена: доможил, хозяин, домовик и жена его домовичка, дворный (двор-ной), или дворовый (дворовой). Два последние названия предпочтительно перед другими употребляются в Калужской губ., причем в одной местности Медынского уезда название «домовой», употребленное вместо «дворовый», считается оскорбительным. Других названий, известных в Великороссии, как, например подполянник, запеченник, гуменник и т. п., в нашем матери-

[52] Примечания: 52

Этнографическое обозрение, XXIX–XXX, М., 1896, № 2–3, с. 149–164, 183–191.

але не встречается[53]. Иногда домовому духу не дается названия, и, не упоминая о нем, крестьяне говорят: «он» или «тот-то»; это, конечно, не характерно именно для домового, так как избегать произнесения имени духа — явление весьма распространенное (и не только в России); но этот обычай в данном случае мешает выяснению вопроса о том, населяло ли первоначально «двор» несколько духов с различным местом жительства (изба, хлев и проч.), которые впоследствии слились в одном «домовом», или, наоборот, различные стороны деятельности одного оберегателя домашнего очага и хозяйства получили в народном представлении каждая своего представителя. Домовой находится в *каждом* доме, и в каждом доме по *одному* домовому. Больше одного домового не уживается в одном доме; а сталкиваться двум домовым приходится в том случае, если при переходе дома во владение другого лица новый домовой уже успел вместе с новым хозяином переселиться, а прежний домовой еще не приглашен своим хозяином следовать за ним на новое жилье; домовые разных дворов обыкновенно враждуют между собою, так как им

[53] Примечания: 53

Есть, впрочем, одно неясное упоминание об «овинщике». (27, Вяземского уезда Смоленской губернии).

в заботах о своем дворе часто приходится действовать в ущерб соседнему двору (о чем ниже).

Итак, в большинстве местностей, откуда мы имеем ответы, известен лишь один дух жилья, которого мы далее и будем называть вообще «домовым».

Что касается, в частности, Мещовского уезда Калужской губернии, где, как сказано выше, наиболее употребительным названием является «дворный», или «дворовый», то в одних местностях уезда дух, носящий это имя, признается тождественным с «домовым», в других же «домовой» и «дворовый» считаются различными духами: первый живет в доме и имеет, по-видимому, большее отношение к людям, второй живет на «дворе» и ведает скотину. И тот, и другой находятся опять-таки в *каждом* дворе[54]. Из того же Мещовского уезда сообщается, между прочим, что дворный находится в «каждом доме, где есть скотина»; к сожалению, в этом именно сообщении ничего не говорится о различии «дворного» от «домового», так что остается неизвестным, существует ли «домовой» в том доме, где нет скотины, между тем как знать это было бы важно

[54] Примечания: 54

«Кроме домового, при каждом доме есть дворовой, который ухаживает за всем, находящимся на дворе».

для определения различия между «домовым» и «дворовым» и их взаимных отношений.

Своим местопребыванием домовой указывает на преимущественные отношения к скоту: живет на дворе, чаще всего в лошадином хлеве, где любит сидеть на перемете. Но в числе мест его пребывания указываются и строения, имеющие другое назначение в хозяйстве: овин, клуни, рига. На жительство домового в самой избе нет указаний: известно лишь, что иногда он стонет в подполье (избы). Кроме того, известно, что при сношениях с домовым обыкновенно даже оставляют избу, например, в случае его гнева умилостивительную жертву (о чем ниже) ему выносят в сени, факт, заставляющий видеть в современном духе жилья именно «дворового» духа в более узком смысле термина (то есть если «двор» понимать не в смысле всей крестьянской усадьбы).

В большинстве случаев домовой одинок или по крайней мере о семье его ничего не известно. В нашем материале есть только одно косвенное указание в этом роде, где сказано, что домовые «плодятся», и одно вполне ясное, идущее из Смоленской губернии, свидетельство о том, что домовой (там он называется хозяином) женат, что

жена его называется домовичкой и что они имеют детей, плач которых иногда можно слышать.

Что касается образов, в которых является домовой, то их можно разделить на два разряда: или домовой имеет вид человека, или вид животного. В первом случае домовой представляется частью «старым-престарым» стариком и притом иногда лохматым, частью же домовой — человек среднего роста, сутуловатый, широкоплечий, коренастый; оброс длинной шерстью (по цвету шерсти:

гнедой, вороной, белый или пегий); одет в старый зипун и лапти[55].

Кроме роста обыкновенного человека, домовой может иметь и огромный рост, например, выше дерева, с сосну ростом.

Помимо образа человека вообще, преимущественно старого, домовой является и именно чаще всего, в виде какого-либо *известного* человека, принадлежащего к той семье, на дворе которой он живет. Так, в нашем материале мы встречаемся или с представлением домового в виде *отсутствующего* члена семьи (мужчины),

---

[55] Примечания: 55

Иногда домовой является одетым в непривычный для него костюм, который он получил, очевидно, вполне случайно, а именно — черный фрак, лаковые ботинки и черную шляпу.

или с наиболее распространенным и известным в науке представлением домового в образе хозяина дома, старшего члена семьи как живущего, так и умершего. Похож на хозяина он цветом волос, одеждой, ростом и может явиться в таком виде самому же хозяину.

Наряду с человеческим видом домовой может принимать образы кошки, собаки, зайца. Насколько естественными являются представления духа, имеющего столь близкое отношение к домашнему очагу, в образе домашних животных, настолько малопонятным представляется упомянутый образ зайца. Надо заметить, что этот последний образ домового является один только раз в нашем материале на всю массу случаев первого рода (то есть образов домашних животных). Домовой, как кажется, должен был уже утратить в народном представлении характерные черты своей физиономии, чтобы явилась возможность заподозрить домового в зайце, выбежавшем с одного двора и пропавшем на другом дворе, как это было в рассказе, который я здесь имею в виду[56].

---

[56] Примечания: 56

«Два брата разделились: один переселился на новое жилище. Вскоре после этого соседи заметили, что из прежнего дома выскочил заяц, ударился бежать по “порядку” и пропал на новом жилище. Это был, по их мнению, хозяин-домовой. Брат, который остался на старом месте, скоро овдовел и переселился к брату, уже отделенному».

Как в человеческом виде домовой имеет волосы одного цвета с хозяином дома, так и цвет шерсти собаки или кошки, в виде которых он является, одинаков с хозяйскими волосами. Может быть, в связи с представлением домового в виде собаки существует поверье о дружбе его с собаками.

Что касается способов увидеть домового, то в нашем материале сообщается следующее. Домового обыкновенно можно видеть через хомут или через хомут и борону, наконец — с небольшим, но характерным видоизменением первого способа, — через хомут, при котором непременно есть гужи: «чтоб вышел крест». Можно также увидеть его на Святой неделе, смотря по углам со свечой от светлой заутрени: от этой свечи домовой не может укрыться. Днем домовой не виден. Стараться увидать его вообще не следует, потому что он очень страшен и потому еще, что он не любит любопытных, «гладит» их, обдирая лицо или спину, или, наконец, толкает их в яму, погреб, сталкивает с лестницы, с сеновала и т. п.; поэтому, из боязни рассердить домового, не следует высказывать излишнего любопытства и выходить, например, из дому на шум, если при этом не лают собаки, друзья домового. Так или иначе, а

увидеть и даже ощупать[57] его все-таки удается; так, каждый хозяин знает своего домового.

Теперь обратимся к занятиям домового и его отношению к дому и семье. Выше уже было упомянуто, что домовой по современным представлениям имеет больше отношения к скотине, чем к людям. Из скотины особой любовью его пользуются лошади. Но у него есть также и нелюбимая скотина, именно, несходная с ним самим по масти.

Любимый скот он чистит, кормит, поит, выбирая для него корм у нелюбимого; любимой лошади он заплетает гриву, которой обыкновенно и не расплетают хозяева, чтоб не прогневить домового. Если он не полюбит какого-либо животного, то может извести его: он гоняет нелюбимых лошадей, так что те оказываются наутро все в мыле, отнимает у них овес, наконец, заваливает их даже в корыто или чан, из которого их с трудом приходится освобождать. Такую, пришедшуюся не ко двору или «не в руку», скотину спешат продать и справляются у домового, какой масти ему нужно; при этом нужно смотреть через хомут, и домовой, говорят, иногда дает ответ с указанием

[57] Примечания: 57
Каким способом, неизвестно.

желаемой масти. Кроме своих, так сказать, специальных забот о скоте, домовой не чужд забот о благосостоянии всего дома вообще: охраняет дом, бережет от беды семью и даже посылает ей счастье. Являясь сторожем хозяйского добра, он в случае кражи ходит в дом вора и воет там в переднем углу до тех пор, пока вор не возвратит похищенного. Наконец, в случае пропажи скота, он иногда отправляется на поиски в лес, поля и пригоняет его домой.

Домовой, между прочим, является и предвестником будущего (обыкновенно будущего несчастья), что делает или по своей собственной инициативе, или же бывает вызван на это. Так, когда он ночью «наваливается» на спящих, то его можно спросить: «к добру, или к худу?» и получить тот или другой ответ. Отвечает он или прямо, человеческим голосом, или условно: если ему надо ответить «к добру» — он молчит[58], в противном случае — издает звук «х». Перед бедою, например, перед покойником, пожаром, он окликает хозяев, плачет и стонет под полом. Самое появление домового в некоторых местностях считается предвестием беды, большею частью

[58] Примечания: 58
Или дышит теплым воздухом на спящего, как мне известно.

смерти; в этом случае он является в виде хозяина или умершего деда, или хозяйского сына. Знанием домовым будущего можно воспользоваться и следующим образом. Иногда в различных частях жилья вдруг слышится — и слышится всегда только одному лицу — плач ребенка: это плачет дитя домового; в этом случае можно покрыть платком то место, откуда слышится плач (скамью, стол, куст, если дело происходит вне избы), и «домовичка», мать, не находя скрытого ребенка, отвечает на задаваемые ей вопросы, лишь бы открыли ребенка; спрашивать в этом случае можно все, что угодно.

До сих пор домовой являлся у нас более или менее добрым существом, расположенным к людям; но он не всегда добр. В перемене же отношений его к людям виноваты бывают обыкновенно последние. Обидеть его можно, между прочим, божбой, бранными словами, произносимыми за едой и т. п. Обиженный домовой или вымещает свою злобу на скотине[59] или чаще, по своему миролюбивому характеру, просто уходит из дому и уходит на беду семье и дому: обитатели дома по его уходе болеют, умирают, на здоровых людей

[59] Примечания: 59
Каким образом, указано выше.

находит уныние, скотина худеет и мрет. Кажется, единственная неприятность, которую он причиняет людям без видимой причины, это то, что он наваливается на них во время сна и душит[60], причем принимает вид кошки или лохматого старика.

Так как обида, причиненная домовому, не влечет за собой ничего хорошего, то его стараются всячески ублажать и в случае ссоры — восстановить с ним добрые отношения тем или иным способом. В Медынском у. Кал. губ. в Чистый четверг втыкают на дворе можжевельник, под Верею льют святую воду, курят ладаном, — все это домовой очень любит; в Мещовском у. той же губ. перед Масленицей в заговенье ему выносят остатки скоромной пищи и оставляют их под комягой; в Рыльском у. Курской губ. после ужина в «хороших семьях» на столе всегда оставляется на ночь «харч» для домового. Рассерженного домового умилостивляют обыкновенно тем, что отправляются во двор с хлебом-солью. В Ельнинском у. Смоленской губ. это называется «относить относы», причем там названый обряд совершается следующим образом: берут кусок хлеба, посыпан-

[60] Примечания: 60

Для домового, наваливающегося на спящих, мне известно, между прочим, название «постен».

ный солью и завернутый в чистую белую тряпку, прошитую красной ниткой, выходят в сени или на улицу (на перекресток) и, положив на что-нибудь хлеб-соль в тряпке, кладут четыре земных поклона на все стороны, читают «Отче наш», а также заклинания, призывающие «хозяина» возвратиться в дом и переложить гнев на милость; белая тряпка с красной ниткой, как объясняется, изображает рубаху, жертвуемую домовому; для исполнения этого обряда приглашаются обыкновенно люди, которые «знают» или «шупят», кроме «Отче наш», ими читаются еще молитвы к Богоматери, Микеле, Праскове-Пятнице, а также к семи сестрицам, к бел-горюч-камню; текстов этих молитв и заклинаний не удалось записать.

Кроме таких просительных средств, в случае, если рассерженный домовой начинает тревожить домочадцев или мучить скотину, прибегают также и к принудительным средствам, обращаются к каким-то другим силам, которые заставляют его смириться. Интересных фактов такого рода можно привести только три: чтобы усмирить домового, хозяин машет по всему двору лутошкой (липовой палкой без коры) или втыкает нож над дверью, или, наконец, его усмиряет бабка с помощью наговоренной воды. В тех же случаях

прибегают также к изображению мелом крестов на потолке, притолоках и проч., или к служению в доме молебна, окуриванию ладаном скотины, кроплению ее святой водою.

Итак, для благополучия семьи весьма важно иметь домового в доме и сохранять с ним дружественные отношения. Поэтому при перемене жилища хозяева всегда зовут его с собою с хлебом-солью. Приглашение производится в таких выражениях: «иди, хозяин, с нами жить», или: «дворный, дворный, иди со мной», или: «мой домовой, пойдем со мной» и т. п. При этом в некоторых местностях обходят три раза вокруг дома, взяв в руки часть навоза. В Курской губ. при приглашении домового ставят в трубу водку и закуску для домового или берут первую ковригу хлеба, испеченную в новой избе, и, вынесши ее на двор перед полуночью и обратившись к востоку, зовут: «хозяин, пожалуйте ко мне на новоселье!» Хлеб этот вместе с солью ставят на ночь на припечке или на столе в избе; если все это будет тронуто, то, значит, домовой являлся.

Без приглашения домовой не покидает вполне старого дома, и потому ему приходится вступать в спор с вновь пришедшим домовым. Неприглашенный домовой жалобно плачет и нередко

мстит как прежнему, уже выехавшему, так и новому хозяину дома. Месть его выразится в том, что он переведет всю скотину на новом месте; новых же хозяев он щиплет по ночам до синяков или швыряет в них чем попало, наваливается на них, душит у них скот, разбрасывает ночью по избе дрова, растворяет на морозе двери, прячет разные вещи, — словом, старается выжить новых хозяев чем бы то ни было.

В области поверий об отношениях домового к семье я должен отметить несколько весьма архаических черт, указывающих косвенным образом на происхождение верования в домового или, точнее сказать, подтверждающих наиболее достоверную теорию его происхождения. Мы уже видели, что в трогательных заботах о своем доме домовой доходит до того, что ворует с чужого двора корм для своего скота. Приведу еще факты, указывающие на то, что чужой домовой считается врагом[61]. От чужого домового втыкают над воротами чертополох. Домовой чаще тревожит по ночам гостей, чем своих (в этом случае для избавления от него втыкается нож над дверью). — На теснейшую связь домового с

[61] Примечания: 61
Ср. *Ковалевский.* Происхождение семьи и собственности.

семьей указывает также поверье о том, что голос и привычки домового бывают похожи на голос и привычки одного из прапрадедов (особенно любивших хозяйство); например, если предок любил коров, то и домовой любит рогатый скот. Здесь интересно припомнить название «домовой дед» и поставить его в связи с названием известного белорусского поминального обычая «дзеды».

В заключение изложения материала о домовом приведу еще черту его характера. Являясь духом не злым, он большой шутник и любит попугать, особенно девушек, занятых гаданьем. Кроме того, он является (один лишь раз) даже сластолюбцем и «не стесняется пользоваться чужими (?) женами, на что, впрочем, последние не особенно претендуют». Эта черта является мне непонятной.

Леший

Верования в духов, населяющих леса, находятся, по-видимому, в более сильной степени разложения, чем верования в домового. Причиной этого является, кроме общих и повсеместных причин разложения древних верований, также местное исчезновение лесов. Так, в иных мест-

ностях совершенно не знают о лешем, так как местности безлесные, в других слыхали о лешем, но сами сообщить о нем ничего не могут, а если и сообщают что-либо, то по преданию, по рассказам старожилов, во времена которых лес еще не был сведен.

Лесные духи там, где они известны, носят имена: «леший», «лесовик», а также общее с домовым название «хозяин». Одиноко стоит в нашем материале идущее из Ельнинского у. Смол. губ. свидетельство о том, что при хозяине в лесу есть и хозяйка (сравн. идущее оттуда же и также единственное известие о жене домового домовичке).

Живет леший преимущественно в глухих лесах, а также в болотах и на полях, которые вместе с лесом и лугами составляют его владение, обходимое им дозором в ночное время. По другим известиям, власть его ограничивается только лесом.

В лесу живет чаще один только леший, реже их несколько; в последнем случае над ними есть старшие, которым иногда дается особое имя «лесничего».

Являются лешие, подобно домовым, или в образе животного, или в образе человека. К первому разряду относятся образы красного петуха, волка,

зайца, поросенка; являясь в виде человека, леший обыкновенно волосатый и нагой, с длинными белыми волосами и бородой, с зелеными глазами; встречается и величественный образ старца с седою бородой и в короне. Роста леший громадного, с дерево или выше, но может стать и маленьким — факт общеизвестный[62]. Надо заметить, что леший часто имеет при себе кнут или дубину. Кроме таких образов, хотя и человеческих, но все-таки фантастических, леший встречается прохожим в лесу также и в виде обыкновенного человека, например, старика, в старом кафтане и с веренькой[63] худой. Весьма часто он принимает вид знакомого прохожему лица, причем является верхом, а еще чаще вид ямщика, кучера (как знакомого, так и незнакомого), между прочим, на тройке. Срав. кнут, носимый лешим даже и тогда, когда он является не в виде ямщика, — виде, преобладающем вообще в рассказах о проделках лешего над путниками.

Главное занятие лешего — охранение леса;

---

[62] Примечания: 62

См. *Афанасьев А.* Поэтические воззрения славян на природу.

[63] Примечания: 63

Даль В. Словарь, «веренька ниж. вязанка: влд. кошелка, плетушка… Веренька или ковш, рыболовный снаряд; плетется из ивняку». Наше известие из Владимирской губернии.

в его ведении находятся все лесные звери и птицы[64]; он гоняет стада зайцев и волков, а являясь, между прочим, властелином не только леса, но и полей, к этим стадам он присоединяет также и стада полевых мышей и крыс[65].

Свое присутствие леший проявляет громким свистом, хохотом, хлопаньем кнутом или в ладоши, поет петухом, кричит курицей, кошкой, малым ребенком.

Известное сбивание лешим с пути прохожих объясняется народом или злой природой лешего, желанием навредить человеку, или же просто шуткой с его стороны, причем в подтверждение последнего объяснения прибавляется, что леший по существу добрый и зла не станет делать. Для того чтобы сбить с пути прохожего, леший прибегает к самым различным способам. Часто, в виде ямщика, леший предлагает путнику свои услуги подвезти его; если последний соглашается, то в конце концов обыкновенно оказывается или сидящим на крыше мельницы, или на плотине над самой водой, или на вершине высокого дерева, или, наконец, в каком-нибудь отдаленном городе.

---

[64] Примечания: 64

Сравн. зависимость охотника от лешего. *Афанасьев А.* Назв. соч.

[65] Примечания: 65

Сравн. *Дикарев.* Мышиный царь. Этногр. Обозр., кн. XXIV.

Однажды леший (в образе ямщика) повесил крестьянина, которого перед тем вез на своей телеге, за ноги на дерево; в конце же концов тот очутился в своей избе, привязанный за ноги к брусу. Чтобы заманить в чащу или овраг свою жертву, леший является перед нею в виде животных, появление которых в лесу является странным для прохожего (в виде петуха, поросенка), и, углубляясь все далее и далее в лесную глушь, он ведет за собой и удивленного путника; наконец, он может достичь своей цели, вовсе не появляясь перед человеком, а какими-либо иными способами. Заманить в лесную глушь он особенно любит девиц и детей, которые, спустя долгое время, возвращаются оттуда «поврежденными» и ничего не говорят о своем пребывании у лешего. Уводит он часто также и скотину, которую бывает нелегко воротить назад, хотя бы ищущие и видели ее при поисках, звали к себе: эти поиски напрасны; пропавшая скотина или не вернется совсем, или явится сама по истечении известного срока; в этих случаях, как выше было указано, может помочь домовой.

Для заблудившегося в лесу через козни лешего есть средство выйти на дорогу; для этого нужно вывернуть наизнанку одежду или надеть задом наперед рубаху, или правый сапог на левую ногу,

или, наконец, нагнуться и посмотреть назад себе под ноги. Отогнать его можно словами: «приди вчера». О каких-либо сношениях с лешим или договорах, известных в этнографической литературе[66], в нашем материале нет сведений; однако сообщается, что лешего *можно* позвать словами «приди завтра», но остается неизвестным, какая может встретиться надобность звать лешего. Кроме упомянутых выше средств избавиться от козней лешего, существует средство более новое — молитва. Насколько жива память о более древних способах, способах заклинательных, — среди народа, уже прибегающего в тех же случаях к помощи молитвы, показывает один рассказ, в котором сообщается, что леший не пропал, несмотря на молитву путника, а пропал лишь после того, как тот начал его бранить.

Скудный материал о лешем я закончу сообщением еще двух фактов, где он является полным хозяином леса, старающимся не допустить вторжения туда человека. Он прячет топор у дровосека и тем сокращает время его разрушительной работы; он не любит, если кто-нибудь

---

[66] Примечания: 66

Афанасьев А. Поэтические воззрения., *Харузин Н.* Из материалов, собранных среди крестьян Пудожского уезда Олонецкой губернии. Труды Этн. Отд., кн. IX.

долго остается в лесу, а остающегося там ночевать старается прогнать, бросая в него сучьями.

Водяной и болотный

Как мы видели, материал о лесных духах по полноте уступает материалу о домовом; еще менее сведений мы имеем о духах водяных.

Воды населяет водяной, или водяной царь; живет он преимущественно в омутах рек, глубоких лесных озерах, в болотах, а также близ мельниц или даже в старых пустых мельницах. В большинстве случаев он имеет вид седого старика, чаще — нагого, реже — одетого в красную рубаху. Он любит выйти из воды, стать на какой-нибудь мостик или что-либо в этом роде, чтобы умыться и расчесать свою длинную бороду. Иногда этот древний худой старик является посинелым и облепленным тиной и грязью. Кроме такого более обычного вида, водяной может иметь вид человека с рыбьим хвостом вместо ног. Подобно домовому и лешему, водяной может являться в образе лица, знакомого тому, кто его видит.

Относительно происхождения домовых и леших в нашем материале не было сведений; о водяных же известно, между прочим, что они

произошли от воинов фараона, потонувших при переходе евреев через Чермное море.

Водяному подвластны рыбы[67], лягушки, а также русалки и утопленницы. Один крестьянин видел, как водяной перегонял стадо раков из одного озера в другое, причем водяной обратился к нему с вопросом, хорошо ли его стадо.

Водяной в своих отношениях к людям является преимущественно злым существом, так как все его отношения к ним ограничиваются тем, что он старается затащить в глубину купающихся и утопить их. Особенно опасным, ввиду таких козней водяного, является купание в полдень и полночь; это поверье, как и поверье о том, что купаться без осенения себя крестным знамением (особенно в очень раннее или очень позднее время дня) опасно, существует едва ли не повсеместно. Одного мальчика, утащенного водяным, нашли после долгих поисков стоящим в тине головою вниз. Исключением из общего числа людей являются мельники, с которыми водяной обыкновенно находится в дружеских отношениях, и отчасти рыбаки, хотя у них водяной рвет иногда сети. Про одного из мельников, этих постоянных посредни-

[67] Примечания: 67
Ловить которых он иногда мешает людям.

ков между человеком и духами, рассказывается, что он нырял каждый вечер в глубину реки и ночевал каждую ночь в гостях у водяного; поэтому на мельнице у него всегда был порядок. Мотив этот очень распространен и весьма известен; но в нашем материале это единственный случай.

Кое-где сохранились верования в болотного, точнее сказать, кое-где болотный отличается от водяного; в болотах, как мы видели выше, народная фантазия помещает не только водяных, но и леших. Особый дух болота отличается от водяного духа своей безвредностью. Вид имеет человека с длинными руками, тело покрыто серой шерстью, сзади длинный хвост крючком; и действительно, если, с одной стороны, болотный как особый дух исчезает из народного представления, заменившись, между прочим, водяным, то, с другой стороны, и болото, его исконное место жительства, народ населяет теперь чертями, то есть представителями другого порядка верований — нечистой силы.

Русалки

Что касается русалок, этого наиболее поэтичного создания народной фантазии, то относящийся

сюда материал рисует нам традиционную картину. Русалки — нагие женщины (девы) с длинными распущенными, большею частью зелеными волосами; глаза русалок горят, как огни. Этот, так сказать, классический образ русалки является иногда нарушенным тем, что народная фантазия надевает на нее белую рубашку. Красотой своей они привлекают людей и могут защекотать их до смерти; наибольшая опасность погибнуть от русалки представляется в полдень и полночь. Согласно своей любви щекотать, они носят также название «щекоталок»[68].

В локализации русалок является колебание: они живут как в воде, так и в лесу и в поле. Соответственно месту жительства русалок, их видят сидящими на ветвях деревьев в лесной глуши, где они смешат прохожих и, завлекая в глушь, щекочут их, — или же рассказывают, что в светлые лунные ночи русалки играют и плещутся в серебристых волнах реки или выходят на берег покачаться на ветвях прибрежных деревьев и расчесать свои длинные зеленоватые волосы. Желая погубить человека, водяные русалки завлекают и топят его. Русалки любят купаться

[68] Примечания: 68
Ср. название в Харьковской губернии «лоскотилка».

утренними и вечерними зорями, почему купаться в то же время человеку является опасным. Таким образом, купание на утренней и вечерней заре как в полдень, так и в полночь представляет опасность и со стороны водяного, и со стороны русалок.

Итак, русалки являются, с одной стороны, водяными, с другой — лесными духами. Эту двойственность отмечает и Афанасьев[69], говоря, что русалки весною, «выходя из глубоких вод, разбегаются по соседним лесам и рощам и совершенно смешиваются с лесунками»[70].

Выше было отмечено, что в нашем материале нет указаний на какие-либо женские олицетворения специально лесных духов, если не включать сюда жену лешего — «хозяйку», о которой есть одно лишь известие. Поэтому невозможно видеть, насколько русалки смешались с женскими лесными духами, или по крайней мере в каком положении это смешение находится в современ-

[69] Примечания: 69

Афанасьев А. Поэтические воззрения, III, 125.

[70] Примечания: 70

«Лесунки — лесные девы и жены — то же, что лешие, только в женском олицетворении»: их огромные длинные груди, которые они вынуждены закидывать за плечи, чтобы свободно ходить и бегать, по теории Афанасьева, обличают в них полногрудых облачных нимф, так как «самые облака уподоблялись женским грудям, проливающих из своих сосцов обильное молоко — дождь» (*Афанасьев А.* Там же, II, 343).

ных верованиях. Напомню, что между лесными и водяными русалками у нас не делается различия ни во внешнем виде, ни в занятиях их: и в лесу они не теряют своей прекрасной наружности, которой привлекают людей, купаясь при свете месяца; в описании их внешнего вида нет ни малейшего намека на ту безобразную черту, с которой являются лесунки (см. сноску). Женские олицетворения духов (домашних, лесных) почти вовсе исчезли из народного воображения; русалки в свою очередь, не имеющие соответствующих им мужских духов, не стали, однако, на место исчезнувших женских духов, населявших прежде воды и леса. Локализация же русалок и в водах, и в лесах представляет, по-видимому, очень древний факт и указывает на то, что они не были по своему происхождению ни духами леса, ни духами вод. Олицетворяя в русалках души умерших, в дохристианскую эпоху — всех вообще, а впоследствии — души младенцев, умерших некрещеными, или души утопленниц, народ для разнообразной локализации этих созданий своей фантазии, надо думать, находил особые основания в различных сторонах своего быта (например, способах и месте погребения и т. п.).

Воспоминание о «русальной неделе», «великом

дне русалок», сохранилось, между прочим, в том веровании, что русалки бегают по лесам и щекочут людей особенно, или даже исключительно, перед Троицыным днем в Семик. Сохранилось оно и в следующих переживаниях. Помимо повсеместного (напр., даже подмосковного) празднования Семика, по своему характеру уже ничего общего с культом русалок не имеющего, в некоторых местностях приуроченные сюда празднества носят названия, ясно указывающие на их происхождение, а именно: «проводы русалки» и «русальское загование» или «заговение».

Проводы русалки состоят в том, что в воскресенье перед Петровым днем или, в другой местности, в воскресенье за Троицыным днем, крестьяне собираются на середину выгона и поют песни (тексты их не приводятся, но они могут уже и не заключать специального содержания); это называется проводить русалку. Русальское загование в Рязанском уезде справляется следующим образом. После обедни, едва только успеют крестьяне пообедать, как несколько лиц, более других знающих народные обычаи и радеющих об ежегодном их выполнении, начинают бегать от одного дома к другому, приглашая молодых баб и девок на площадь среди села; вскоре мо-

лодежь, разодетая в лучшие наряды, сходится в назначенное место и проводит здесь время до вечера в песнях, хороводах и играх.

В сумерки делается чучело женщины, называемое русалкой; его несут избранные женщины вдоль села и в сопровождении поющей толпы выносят далеко из села, где уже заранее бывает приготовлен ребятишками большой костер из дров и хвороста, который, по прибытии русалки, зажигается; когда он достаточно разгорится, в него бросают чучело и начинают поочередно прыгать через огонь.

Каждый, перескочивший через пылающий костер, предохраняется тем самым от болезней, злых духов и колдунов.

Надо прибавить, что собиратель записал это со слов старушки, рассказывавшей про «свое», старое время.

<…>

Нечистая сила

Уже при поверхностном знакомстве с народными верованиями, даже в пределах нашего скудного материала, можно заметить, что

они находятся в настоящее время в состоянии разложения; при более близком их изучении оказывается, что, кроме того, они подверглись и продолжают подвергаться существенной переработке. Переработка эта началась с укоренением в народных массах христианских понятий и заключается в том, что древние объекты верований, древние духи, не были вытеснены новыми религиозными представлениями, но, ужившись наряду с ними, теряют свой прежний характер. При торжестве новой религии часто бывает, что прежние предметы обожания становятся в разряд противников нового божества или новых божеств; так было с древнегреческими хтоническими божествами при появлении олимпийских богов, бывших уже плодом более чистой абстракции в представлении греков; подобный процесс совершился в религиозных верованиях индусов еще в ведийскую эпоху; так было и у нас на Руси по распространении христианства. Образ злого духа, выработанный в христианской догматике, образ дьявола — сильно повлиял на народное воображение и породил весьма многочисленные и разнообразные верования в нечистую силу. К этому-то разряду «нечистых духов» и стали относиться мало-помалу древние духи — хранители

домашнего очага, духи, населяющие леса, воды. При этом надо заметить, что чем крепче держалось древнее верование в такого духа, тем чаще и тем сильнее перерабатывалось оно в указанном смысле. При изучении современных верований необходимо приходится считаться с этой стороной дела, так как сведения, получаемые, между прочим, и из нашего материала, указывают, что верование в нечистую силу красной нитью проходит по всем остальным народным верованиям. Так, вера в колдовство теперь уже неразрывно связана с нею; многие черты домового, лешего, как мы увидим ниже, являются более новыми и заимствованными им у злых, нечистых духов.

При таком смешении двух порядков верований, существующем в народном представлении, мы и в нашем материале часто находим лишь одну категорию духов, именно нечистых, куда относятся наряду с чертями и домовые, и лешие, и водяные. В этом случае им дается иногда общее название «недобрики» (Рязанская губерния)[71]. Ясным выражением такого синкретического представления является приводимое Афанасьевым предание о том, что из падших ангелов, по

[71] Примечания: 71

Другое название «шутики» (Зарайский уезд, 27) указывает, что нечистые «могут лишь шутить, а серьезного зла не делают».

низвержении их с неба, одни упали в леса, другие в воды, третьи в жилые дома: так произошли лешие, водяные, домовые. Глубокой стариной дышит обыкновение скрывать имена духов, бояться их произнесения и давать им иносказательные названия, как, например, «анчутка, враг» или «он, тот-то»[72], которые означают как чертей, так и домовых с лешими и водяными; лишь на прямо поставленный вопрос: «кто же именно, например, наваливался ночью на спящего кошкой?» — отвечают: «домовой, дворный».

Однако наряду со смешением духов различных категорий известно и строгое их разграничение, при котором домовые, лешие не считаются злыми, нечистыми духами. В таком более или менее чистом виде их можно видеть во многих вышеприведенных поверьях.

Теперь я приведу вкратце то, что известно из нашего материала о происхождении и деятельности злых, нечистых духов и возьму те поверья и рассказы, где они появляются вне слияния с домовыми, лешими и проч.

Нечистые, черти, бесенята являются армией злого духа, свергнутого Богом с неба за то, что

[72] Примечания: 72

В качестве бранных слов в той же местности употребляются: демон, идол, дьявол.

тот, желая сравниться с Богом, стал строить себе престол; при этом от имени его «Сатанаил» Бог отнял окончание «ил», и злой дух стал называться «Сатана».

Есть одна легенда о том, как сверженный сатана добился все-таки того, что люди поминают и его в качестве участника в творении мира. В ней рассказывается следующее. По сотворении Богом мира, к Нему явился сатана с вопросом, каковы будут устроены Им дороги для человека? Бог отвечал, что дороги, как и подобает им быть в мире, сотворенном на блаженство человеку, должны быть удобны, прямы, ровны и широки. Сатана умолял Бога сделать наряду с хорошими и плохие дороги. Бог уступил просьбам сатаны, и теперь, проезжая по хорошей дороге, люди прославляют Бога и бранят сатану на плохих дорогах. Ставши при самом творении мира врагом человека, сатана и его сообщники продолжают вредить ему и мешать в достижении его желаний; например, даже клады, до которых так падок человек и отыскивать которые он старается с помощью трав и других чар, эти клады оберегаются чертями.

Черти — оборотни; принимая различные образы как звериные, так и человеческие, они являются чаще всего в виде волосатого, покрыто-

го шерстью старика, с хвостом и руками. Особым местопребыванием чертей повсеместно считаются болота.

Весьма распространено верование о борьбе божественной, светлой силы с нечистою. Борьба эта выражается в грозе: ангелы и Илья пророк со своей громовой колесницы мечут огненные стрелы-молнии в нечистых духов[73]. Поэтому черти боятся грозы и, обратившись в кошек и собак, стараются укрыться в это время в жилье человека. Чтобы обезопасить дом свой от грозы, крестьяне обыкновенно выгоняют кошек и собак из избы. Поверье о боязни чертей грозы легло в основу многочисленных сюжетов для рассказов о том, как черти в различных образах просили приютить их от нее, то в жилье, то в поле под телегой, куда спрятался от дождя путник и т. п. Обыкновенно, случайное произнесение имени Божьего собеседником черта заставляет исчезать этого последнего.

Средством оградиться от нечистого является молитва и крестное знамение. Есть молитвы, обладающие особенной силой: сюда прежде всего относится «Да воскреснет Бог».

---

[73] Примечания: 73

«Стрелы» эти находят и лечатся ими от колотья в боку.

Я позволю себе привести содержание одного рассказа, из которого мы узнаем, что над чертями есть старшие, которые надзирают за деятельностью своих подчиненных и отбирают у них отчет в их действиях, враждебных человеку. Рассказывается, что инок одного монастыря однажды без молитвы зачерпнул из колодца ведро воды; по дороге от колодца монах споткнулся и разлил всю воду. Вернувшись обратно, он почерпнул в другой раз и опять без молитвы; возвращаясь, он заметил на том месте, где было разлито первое ведро, плачущего ребенка. Из жалости он взял его в монастырь, где мальчик был воспитан и впоследствии стал большим грамотеем и начетником. Занимаясь, между прочим, переплетом книг, он, переплетая монастырское Евангелие, вписал в него слова: «разрешается законный брак владыке», то есть архиерею. Евангелие попало к одному архиерею, который, прочитав вписанные слова и приняв их за истину, собрался жениться. На свадьбу стала собираться вся епархия. В числе других и один дьячок отправился ко владыке на свадьбу. По дороге он остановился ночевать; в самую полночь, как только пропели петухи, налетели в избу нечистые, и старший, командующий всеми, стал собирать от них отчет, кто и что

успел сделать… Один из нечистых стал хвалиться, что живет при архиерее и до того соблазнил его, что тот женится; дело в ходу, — только нельзя нечистому быть при нем в херувимскую песнь: ему делается тошно, и он выходит тогда из церкви. Дьячок, подслушав это, решил спасти от дьявольских козней архиерея. Пришедши в город и с большим трудом добившись аудиенции у владыки, он рассказал ему о своем видении. Архиерей приказал запереть двери храма во время херувимской и никого не впускать и не выпускать. Как только на клиросе запели «иже херувимы», вдруг монах-переплетчик, бывший подле архиерея, как вихрь, с криком взвился под купол, прошиб свод и вылетел вон. Тут архиерей вполне убедился в том, что это был за монах, раздумал жениться и самую книгу, введшую его в заблуждение, велел сжечь.

Черти как жители ада имеют, по-видимому, близкое отношение к загробным мучениям грешников. Так, однажды нечистый в виде кучера на тройке предложил прохожему крестьянину, большому пьянице, подвезти его по дороге. Дорогой завязался разговор. Нечистый открыл, между прочим, седоку, что лошади, составляющие тройку, не простые: все они оказались недавно

умершими насильственной смертью горькими пьяницами, которых знавал и с которыми пивал седок (это были: священник, дьякон и дьячок). Пьяница изумился: «Неужели на том свете на людях ездят?» «А разве будем баловать? Куда же нам девать таких!» — ответил нечистый. «Господи!» — вырвалось у седока… Мигом все пропало — и тройка, и кучер, а сам пьяница очутился сидящим на высокой плотине над омутом.

Вера в нечистую силу крепко держится в народе, дает ему объяснение некоторых явлений природы, указывает виновника людских невзгод и неудач и проч. Если припомнить, что в разряд верований в нечистую силу входят постепенно такие верования, которые первоначально не имели с ней ничего общего, то можно сказать, что эта вера даже развивается. Но, с другой стороны, мы встречаем характерное поверье, что черти стали теперь переводиться, прежде же всей «нечисти» было гораздо больше: так сам народ отмечает признаки исчезновения своих верований. Теперь эта нечисть заклята неким святым. Рассказывается предание о каком-то отдаленном времени, когда существовала более тесная связь между человеком и духовным миром; тогда по земле ходили, с одной стороны, Бог и святые угодники,

а с другой, бес и нечистая сила, но Иисус Христос «усих показал ходить».

Из всего вышесказанного ясно лишь то, что злые, нечистые духи — исконные враги Бога и человека, ведут происхождение от падших ангелов и находятся в борьбе с божественной силой. Если в произведениях народного творчества, в сказках, черт является большею частью в комическом виде простака и жертвы людских обманов[74], то в поверьях, относящихся до мелких подробностей обыденной жизни народа, он — враг и враг сильный, упорно стремящийся вредить людям всевозможными средствами и во всякое время.

Я оставляю в стороне вопрос о том, были ли в языческую эпоху славянства, в частности Руси, даны условия для образования подобного типа злого духа, то есть наслоились ли черты дьявола в христианскую эпоху на какого-либо демона языческой эпохи, или же верования в нечистого духа развились всецело из христианской догматики; вместе с тем остается в стороне вопрос о том, имеет ли теперешний дуализм, существующий в народных верованиях и выражающийся в представлении о борьбе божественной силы

---

[74] Примечания: 74

См. *Афанасьев А.* Поэтические воззрения, II, 750.

с нечистою, имеет ли этот дуализм основы в языческих дуалистических верованиях. Как бы то ни было, черты типа злого духа, черта, как врага креста, каким он является в современных поверьях, указывают если не на возникновение, то во всяком случае на коренную переработку его уже в христианскую эпоху.

Принимая облик нечистой силы, наши древние духи, духи очага, лесов и другие, взяли у них их злую природу и антагонизм свету и кресту. Приведу несколько черт домового, указывающих на то, как изменяется представление об этом древнем родовом духе в сфере христианских представлений.

Мы видели, что по существу домовой является духом добрым, ласковым, доброжелательным к семье, полным трогательных забот о домашнем скоте. Он становится злым, если его перестают холить и ублажать. В обрядах, совершаемых для поддержания дружественных отношений к домовому, необходимых для благополучия семьи, мы встретили такие вещи, любимые домовым, как: можжевельник, втыкаемый во дворе в Великий четверг, святую воду, выливаемую под верею, курение ладаном. Наряду с этими (и с другими, еще более архаическими средствами заклина-

тельного характера, например «относы» Смол., губ.) являются средства заставить смириться разбушевавшегося домового, средства более новые, как изображение мелом крестов на потолке, окуривание ладаном скотины и крапление ее святою водой: те же предметы, которые в известную эпоху стали употребляться в культе домового, как ладан, святая вода и т. п., с течением времени являются уже как раз с обратным назначением, то есть не умилостивить, а усмирить домового.

Молебен, теперь служимый в доме для избавления его от козней домового (уже злого духа), первоначально не был для него страшен, пока он сохранялся в более чистом виде духа, оберегателя домашнего очага; переживанием этого взгляда на домового осталось поверье о том, что домовой во время молебна сидит на припечке и спокойно смотрит на семейное торжество; те же самые люди, разделяющие такое поверье, могут при случае обратиться к молебну как к средству против домового.

Мы знаем, что домового можно увидеть через хомут. И на это поверье наслаивается новая черта: сила хомута, от которой домовой не может укрыться, заключается, по объяснению народа, не в нем самом, а в подобии креста, образуемом

двумя торчащими по сторонам хомута гужами. (Такое поверье мною было выше приведено; существует в Тульской губ.)

В кругу таких представлений домовой изменил частью и свой внешний вид. Он, как дух, имеющий столь близкую связь с семьей, является чаще в виде хозяина как живого, так и умершего, даже с его голосом и привычками. И тот же самый домовой может встретиться уже в образе черта с хвостом и рогами[75].

Из одной местности сообщается, что «домовой креста и молитвы боится, но не в такой степени, как нечистая сила». Действительно, будучи гораздо древнее креста на Руси, он сначала не мог иметь к нему никакого отношения. С течением времени утрата домовым оригинальных черт и постепенное приобретение им облика нечистой силы породило двойственность представлений о нем.

О домовом у нас имеется сравнительно гораздо больше материала, чем о других духах; поэтому и влияние веры в нечистую силу на верования в древних духов яснее можно видеть на типе домового. Сведения о лесных и еще более о водяных

---

[75] Примечания: 75

В Вяземском уезде Смоленской губернии домовые и дворовые считаются душами умерших без покаяния мужчин.

духах как-то бледны и отрывочны; они не рисуют с достаточной полнотой современных верований в этих духов и тем менее дают возможности отметить изменение их типов. А что и они теперь нередко представляются нечистой силой, это видно из их боязни креста и молитвы.

Что касается колдовства, то так как его представители, колдуны и ведьмы, являются лишь враждебными человеку, то они без всякого колебания признаются противниками божественной, благодетельной для человека силы. Вот почему вера в колдунов в том виде, как она сейчас существует, находится в неразрывной связи с верой в нечистую силу; но на ней основаны действия колдунов и ведьм, в частности их вид и самое их происхождение: припомним их хвосты, помощь им со стороны злых духов, их боязнь молитв (например, приведенный выше случай «отчитывания» священником заломов), продажу души дьяволу и проч., а также и то обстоятельство, что неосвященное браком рождение детей может повести к появлению колдуна или ведьмы, этих «сосудов дьявольских», в известном колене. Такова связь веры в колдовство с верой в нечистую силу, хотя несомненно, что колдуны и ведьмы существовали гораздо раньше той эпохи, когда

могли быть названы «диавольскими сосудами».

П. Дилакторский
Из преданий и легенд Кадниковского уезда Вологодской губернии[76]

<…>

2. Был на земле только Бог и дьявол. Бог сотворил человека — и дьявол попробовал сотворить, но сотворил не человека, а черта, и как он ни старался, ни трудился, все же не мог сотворить человека, все у него выходили черти. Бог увидел, что дьявол уже сотворил нескольких чертей, рассердился на дьявола и велел Архангелу Гавриилу (старшему из всех ангелов) свергнуть их (сатану и всю нечистую силу) с неба. Гавриил свергнул. Кто упал в лес — стал леший, кто в воду — водяной, кто на дом, «кормилец».

(Двиницкая волость).

---

[76] Примечания: 76

Этнографическое обозрение, XLII, М., 1899, № 3, с. 173.

А. Колчин
Верования крестьян Тульской губернии[77]
<…> Духи
1. Лешие

Лешие живут в лесах с женами, детьми, отцами и матерями. У них есть для каждой семьи свое особое жилище и в особом лесу. Жилища свои они строго оберегают и для этого держат собак. Водится также у них свой скот. Все лешие повинуются своему атаману, самому старшему из леших. Он их посылает повсюду, где только ему захочется людей посмущать. В полночь лешие со своим атаманом выходят поиграть. Некоторые мужики и бабы видали, как они играют. Атаман выбирает самое толстое и высокое дерево в лесу, велит его лешим нагнуть вершиной к земле и отдает приказание вешаться им на ветвях его вниз головой, по очереди. Тогда у них идет работа бойкая и живая, — каждый работает весело и увертливо, так что атаману становится любо и он хвалит их

---

[77] Примечания: 77

Этнографическое обозрение, XXII, М., 1899. № 3–4, с. 19–34, 53–58.

за ловкость. Проходит полночь, петухи пропели в первый раз. Атаман велит им кончить потеху и разогнуть дерево. Лешие мигом разгибают дерево и бегут вместе с атаманом в ближайший вершок. Там у них поднимается крик, шум, гам и продолжается до вторых петухов. После вторых петухов все стихает и лешие разбегаются (Кукуевка).

Видом леший похож на человека, только черный собой, покрыт шерстью, с крыльями и хвостом. Скидывается он поводырем, ямщиком, собакой, кошкой, козлом и т. п. Леших видали многие, а особенно колдуны. Один старухинский старик хорошо его видел около Протасовского барского леса, когда раз шел туда дрова воровать.

«Он (леший) ехал на тройке добрых коней за водой, с большущей бочкой. Сидит он на бочке и правит лошадьми, а сам на вид средних лет, из себя мужчина плотный, весь покрыт черной блестящей шерстью. Шерсть на нем вся завита кудрями, и голова тоже кудрявенькая, с небольшими загнутыми витком рожками, не больше мизинца, ноги в копытах. Глядит он ласково, мягко, как добрая черная собака. — «Куда, мужичок, идешь? в лес?» — спрашивает леший. «Да, — отвечал я ему». «Видишь моих лошадей? — говорит

он. — В корню — это приказчик Шереметьевский, а левый пристяжной — ваш бурмистр Евстрат. В барщину они мало работали, так вот теперь у меня пусть повозят воду, поработают». А я этак и говорю: «Господи боже!» Вдруг все сгинуло. Так я и не узнал правой пристяжной».

В каждом лесу живет по лешему, а главный над ними, лесной царь, живет под землей, в аду, где прикован на цепях, которые и грызет. Он бы их уже давно перегрыз, если бы они снова не спаивались. Спаиваются кольца цепи, когда поют: «Иже херувимы».

Лешие сбивают путников с дороги. — Один путник заблудился в лесу. Его нагоняет кто-то на тройке и кричит: «Эй, приятель, садись!» Путник сел, и кони мчали так быстро, что от езды он задыхался. С трудом он мог сказать неизвестному, чтобы тот полегче гнал лошадей. А тот и говорит: «Ну, слезай теперь!» Слез путник и очутился в Аравии. Он стал расспрашивать у встречных, как он попал сюда из Российской империи. Ему кто-то сказал: «Ступай на то место, где неизвестный тебя ссадил». Послушался путник и пошел к тому месту; глядит и видит того же мужика, с каким ехал на тройке. Мужик спрашивает: «Куда тебе?» «А ты отколь взялся?» говорит путник. «Ну, садись,

довезу!» И помчал его на лошадях еще быстрее прежнего. Седок слова не может выговорить и только кричит: «У-ух! ух! разбой!» — и уцепился за экипаж. А леший привез его домой в избу и скрылся. Жена, удивленная этим происшествием, стоит и окликает мужа: «Иван, Иван, чего ты? что с тобой?» Иван же уцепился за столб в избе и кричит: «Разбой!» Потом, когда он опомнился, то жена и стала спрашивать его: хочет ли он исполнить свое намерение, сходить в Новый Иерусалим Богу помолиться, что Он спас их от пожара? И когда он рассказал ей все, что с ним случилось, то она сказала: «Оттого тебя леший так и мучит, что ты забыл о своем обете Богу».

Надо исполнять обеты, данные перед Богом, и леший никогда того человека не тронет.

Если заблудишься в лесу, и чтобы тебя не сбил с дороги леший, не говори ни слова и переобуйся так же точно, как и в метель, и тогда тебя леший не одурачит, не будет тебе казаться все страшным и неизвестным, живо опамятуешься, в каком ты месте находишься. Когда бабы сбиваются с дороги в лесу, особенно в грозу, то они должны скинуть с себя рубашку, вывернуть ее наизнанку и опять надеть, тогда они найдут дорогу (Протасово, от старухи). Если заблудился в лесу с подводой, то

распряги лошадь и опять запряги, только так, чтобы кольцо дуги приходилось не вперед, как обыкновенно запрягают, а назад. Если же ехал на двух подводах и заблудился, то запрягай лошадей после распряжки так: с задней подводы бери дугу на переднюю, а с передней на заднюю подводу, и обе дуги запрягай кольцами назад (Протасово). При этом читай про себя мысленно молитвы: «Да воскреснет Бог…», «Отче наш»… с приговором слов: «Избавь моя молитва от того, на кого я думаю, на шута, пусть шут погибнет, за всех врагов, пусть все враги погибнут. Как подкова разгибается, пусть так все враги, все шуты разорвутся» (Чапкино).

Лешие затем сбивают людей с дороги и уводят далеко в леса, чтобы там убить их или до смерти защекотать. Щекоча человека, они начинают его грызть за бока и загрызают совсем. Другие уверяют, что они едят людей, и потому работа между ними распределяется за добыванием человеческого мяса. Одни лешие занимаются откармливанием пойманных людей; они их кормят орехами, а потом закалывают, чтобы съесть; другие на наловленных людях работают и ездят за водой, а третьи только занимаются ловлением людей, посредством разных сманиваний и сбива-

нием с дороги, чтобы они заблудились и попали в их руки.

Лешие напускают иногда стаи волков на стада, когда пастух нехорош — ругает скотину, бьет ее без толку и ругает черным словом. Если кто перейдет след лешего, то занемогает болезнью, которую вылечить могут только бабки. Они лечат более заговорною водою и разными лекарствами, составленными больше всего из трав.

Девушек и детей лешие могут похищать. Девушек они берут себе в жены. Берут в жены и женщин, живущих распутно. За вдовами и замужними женщинами, у которых мужья в отлучке, лешие любят ухаживать. Тогда они делаются добрыми и ласковыми, приносят гостинцев и угощают их, но их гостинцы нехороши — не что иное, как лошадиный помет. Если у них от лешего рождаются дети, то они исчезают: родившихся детей никто не видит. Чтобы избавиться от такого ухаживания, употребляют траву чертополох. Втыкают в избе над дверью, над постелью, кладут под подушку. Другая трава — простель — еще сильнее действует против лешего. Если ее положить под подушку, то он уж совсем не подступает к женщине и уходит от нее навсегда.

Жила старуха с невесткой, а сын был в солдатах.

Раз ночью в солдатской одежде он и является домой. Мать и жена радуются, расспрашивают его, а он все отвечает, как есть. Мать захотела, пока до утра, угостить сына яичницей. Подбежала она попросить у соседки сковородочку, а соседка старухе и говорит: «К тебе не сын пришел, а леший: в самую полночь крещеный человек не приходит». — «Нет, матушка, сынок, и в солдатском одеянии». Старуха и говорит: «Поди под куриный насест». Пришла мать от соседки со сковородочкой, а сынок ходит по избе. Она про себя стала читать молитву и все идет под куриный насест, а он за ней, и около одной его. ноги обвился черный хвост. Как только подошла к кочету и дочитала молитву, схватила его за хвост. Тот захлопал крыльями и закричал, а леший и говорит: «Счастлива ты, старая, что скоро спохватилась, а то я тебя бы разорвал», — и провалился.

Чтобы вызвать лешего, надо не молиться Богу на ночь и думать о нем. Он придет к человеку. Можно увидать лешего через три бороны. Взять их и поставить так, чтобы в серединке между ними можно было сидеть и глядеть. Леший покажется. Смотрят также через хомут и видят лешего.

Охотники и пастухи вступают в договор с ле-

шим, чтобы одному всегда была удача в лесу на охоте, а другому благополучно пасти стадо. Леший говорит желающим вступить с ним в договор: «Предайся мне». А договаривающийся спрашивает: «Как это мне сделать?» «Сними крест и делай все по-моему», — скажет леший. И кто сделает так по слову лешего, тому во всем будет удача. Через несколько времени леший требует от договаривающихся во время причастия не глотать дарочки (св. Даров), а держать за скулами (во рту) и принести ее домой, а оттуда в лес, где он живет. Там ее заделать в березку, вырубив первоначально ямку в ней, вложить дарочку и зарубить. Потом выстреливают в нее через плечо и, таким образом, навсегда предаются нечистому. Они делаются сильными колдунами, и им от лешего во всем подмога.

Леший уносит младенцев до крещения и детей, которых мать ругает черным словом. В одной богатой семье родился мальчик. Родители были радехоньки ему, так как он становился богатым наследником своих родителей. Семья была очень богата. У них было всего много: и скота, и лошадей, а лошади все хорошие и дорогие. Один конокрад — бедный мужик — давно изловчался, как бы украсть их, да время не приходило.

Конокрад на второй день, как хозяйка родила сына богатому мужику, темной ночью пошел воровать. Навстречу ему попадается леший и говорит: «Куда ты идешь?» «Иду лошадей воровать у богатого мужика, да не знаю, как ворота отворять», — отвечает вор. Леший сказал: «И я к нему иду воровать некрещеного младенца-сына. Я тебе ворота отопру, а ты, когда я младенца на чердак от матери понесу, не говори ему, если он чихнет, «будь здоров». Сговорился леший с вором, пошли. Леший ворота отворил. Как только вор стал лошадей выводить, то украденный лешим младенец чихнул на чердаке. Вор сказал: «Будь здоров». Леший провалился, а младенец остался и закричал. Услыхали домашние крик младенца на чердаке, переполошились и не могли ума приложить, как он туда попал. Пришел тут вор, покаялся хозяину во всем и рассказал ему, как он спас от лешего младенца. С радости хозяин подарил вору пару хороших коней.

Имеет ли леший силу за пределами леса? Ответы различны. Одни говорят, что не имеет, а другие утверждают противное. Тоже и о жилище, скоте и о собаках — рассказывают различно. Протасовцы говорят, что у леших нет домов, нет скота и собак. В лесу хватит всего: тут много пасется

нашего скота и немало всякой дичи. Леший будет сыт и без нашего скота. Некоторые говорят, что он живет без пищи и только тем и занимается, что смущает людей на худые дела. Женаты ли лешие? На это одна старуха отвечала: «Как не женаты! Если бы не женились, то давно бы перевелись, а леших всюду тьма-тьмущая».

Не любят лешие, когда у них мужики лес воруют. Иногда они прогоняют воров криками и ауканьем, а иногда и с дубинкой придет, чтобы поколотить воров. Не прочь и подшутить над лесным вором.

Раз мужики приехали ночью в лес воровать. Дело было осенью. Они облюбовали хорошую березку и думают ее поскорее срезать, а леший (шут) сидит на ней да палочкой постукивает. Мужики смеются над ним, да делают свое дело. Вот срезали березку, положили на колесню и хотят везти, а лошадь ни с места. Смотрят, дивуются. И что же? Леший с ними шутку сшутил: задние колеса переменил на передние, — лошади-то и тяжело было везти. Зимой однажды леший напустил собак на мужиков-воров лесных. Так едва и уехали из лесу. — «Так вот и рвут, только ударить не даются, и гнались от лесу за полверсты».

2. Русалки

Кроме леших, в наших лесах водятся еще русалки, но их теперь стало меньше и не так стали они опасны для человека. В старину удавленниц и утопленниц не проклинали, и потому их души и превращались в русалок, а теперь священники удавленников и утопленников проклинают, и оттого русалок меньше. Русалки в лесу или качаются на ветвях березы, или сидят под деревом с корзинками в руках, в которых носят ягоды, орехи, бублики, калачи, и этим заманивают к себе маленьких ребят и защекочивают, а потом и радуются. Во время цветения хлеба русалки гуляют во ржи. Похожи они на девушек, красивы станом и лицом, с распущенными длинными зелеными волосами и одежды не имеют.

Чтобы избавиться от русалок, надо очертить круг около себя и закрестить или же взять кочергу и на ней подъехать к ним. В первом случае они не переступят запрещенной черты и не схватят стоящего в кругу; во втором — они разбегутся от человека, который подъезжает к ним на кочерге, так как они подумают, что к ним едет ведьма, которой они бояться. Вальком (рубелем), отмахи-

ваясь наотмашь, можно избавиться от русалок, или сказать, сколько клевцов (зубьев) в бороне, — и они тоже отступятся. Опасны бывают русалки в русалочью неделю. Они водятся не только в лесу и ржи, но и в воде.

3. Водяной

Главный хозяин, царь в воде — водяной. Он живет в морях, реках и прудах. Видом своим он подобен лешему, только шерсть на нем очень лохматая и белого цвета. Одежды не носит никакой и в пищу употребляет то, что водится в воде. Образом своей жизни вполне подобен тоже лешему, только леший царствует в лесу, а водяной в воде. Водяной недобр к людям. Хорош он только к тем, кто его обожает да приносит ему в жертву животных и плоды.

Жил в деревне богатый мужик и для полевой работы держал у себя работника. Раз заприметил работник за хозяином, что у него совсем не было ржи в амбаре для посева, а он входит в амбар и из стены закрома сыплется ему в мерку рожь. Спрашивает работник хозяина, что бы это значило. А хозяин и говорит ему: «Хочешь, научу тебя, как добывать рожь?» Согласился работник.

Хозяин взял образ Спасителя и пошел к реке. Там он велел работнику положить на берег образ и стать на него ногами. Работник сделал. Тогда хозяин сказал: «Отрекайся от отца, матери и от всей родни до двенадцатого колена». Работник исполнил. И вдруг из-под воды вышел водяной, собой лохматый и белый, да и спрашивает: «Зачем вы меня кликали?» Сильно оробел работник, не выдержал испуга да подавай Бог ноги. Побежал не к хозяину, а прямо к своей матери, ни жив, ни мертв. Мать спрашивает его: «Что с тобой, сыночек?» А он ни слова: едва опамятовался. Понял работник, что хозяин его был в договоре с чертом-водяным и хотел его также поставить в договор с ним. С тех пор к своему хозяину ни ногой: до смерти боялся его.

В договор вступают с водяными мельники и рыбаки и бросают ему в дар баранью голову с рогами или целого барана. За это водяной мельнику дает успешный помол и всегда напускает воды на его мельницу вдоволь, а рыбаку помогает загонять рыбу в сети.

Водяной живет где-нибудь в глубоком месте под берегом, в буговищах и под плотинами в прудах. Он имеет жену, детей и, кроме того, еще подвластных себе — меньших водяных. Набирает

себе водяной жен, детей и слуг посредством разных заманиваний, для этого посылает даже на землю и своих слуг. Они ходят по земле и сманивают людей к прорубям, мельницам и к другим опасным местам. При этом всегда людям отводят глаза. Пристает нечистая сила к человеку, когда он идет не за хорошим делом — воровать, пить водку в кабак, на посиделки и т. д. В это время всегда около человека вертится всякая нечистая сила и отходит от него только тогда, если старший позовет ее.

Как только кто станет купаться, водяной уже тут подкарауливает его, чтобы утащить к себе. Удастся утащить ему женщину — она будет его женой, мальчика или девочку — они будут его детьми, большого мужчину — он будет его слугою, рабом до тех пор, пока не даст за себя выкупа, то есть пока, уже сделавшись водяным, сам не утащит своему старшему — хозяину кого-либо из людей. Водяной любит выходить на берег или всплывать на поверхность воды и разговаривать сам с собою. В морях он ездит на рыбе-ките и акуле. В угоду водяному этих рыб не едят.

Всего опаснее купаться в 12 часов дня и в полночь: в это время часто водяной утаскивает к себе не только людей, но и лошадей. Раз шли мужики

мимо речки и один из них, хвастаясь перед товарищами, вздумал переплыть эту речку три раза без отдыха. Солнце только что перешло за полдень. Он скинул рубаху и поплыл, перекрестясь, первый раз, потом второй и даже третий. Плывя третий раз, мужик не успел встать на ноги у берега, как на середине речки показался черный человек-черт, затрепал в ладоши и закричал: «Счастье твое, что за 500 верст смущал попа!» Один старик не купается уж лет тридцать с лишком: тоже в пруду сам, своими ногами, ощупал водяного и перекувырнулся через него, так что насилу спасся (Протасово, Чапкино).

В 12 часов дня один молодой парень был утащен в воду водяным. Когда сбежался народ и призвал нырка, чтобы он нашел утопленного и вытащил его из воды, то он нырнул первый раз и сказал: «Подожду пять минут, теперь нельзя, потому что на голове его сидит белая лебедь, которая била меня и крыльями, и клювом». Через пять минут нырок вторично спустился на дно к утопленнику и вытащил. Из воды кто-то закричал народу: «Ну, теперь он наш! Насилу бедняжечка дождался, скоро ли его замучают!» Белая лебедь, что сидела на голове у утопленника, был водяной черт.

Один мальчик было утонул, да родители его

скоро вытащили из воды и откачали. Потом спросили, как это он попал в воду и утонул. Мальчик рассказывал, что пошел с ребятами купаться в пруд, место было глубокое, а он не умел плавать и пошел ко дну. Там его встретил седой старик с рогами и сказал, чтобы он посидел тут, пока он сходит в свою хату. Мальчик остался сидеть, а около него поднялся крик, шум, гам и играла музыка. Чертенята кричали, что мальчик теперь им принадлежит, а старик вышел и сказал, что мальчик им не принадлежит, так как ему не должно быть утопленником.

Нередко черт любит пошутить и посмеяться около воды с народом. Однажды он задумал шутить с солдатами и сказал им, сколько хотите стреляйте в него дробью из ружья, ему ничего не будет. Солдаты стали стрелять, а черт становился мишенью. Кто-то из них выстрелит в черта, он соберет всю дробь, в него пущенную, и принесет тому солдату, который стрелял. Солдаты удивлялись, а черт прыгал и смеялся над ними. Вот один солдат и вздумал взять солдатскую пуговицу, разрезал ее на части, зарядил ею ружье и пустил в черта. От выстрела этого черт перевернулся и заохал, собрал кусочки пуговицы, принес стрелявшему солдату и сказал, что солдатской

пуговицей нельзя в него стрелять, потому что она его может убить. После этого черт перестал с солдатами шутить.

Во время грозы шел солдат мимо пруда и видит: на плотине черт (водяной) ногами в воде болтает, на небо смотрит и Бога языком дразнит, что Он ему ничего не сделает. Солдат подумал, что одной смерти не миновать, а двух не бывает, взял ружье (он был с ружьем), зарядил его и вместо пули положил пуговицу, которую тут же отрезал от своей солдатской шинели, прицелился и выстрелил в черта. Черта тут же разнесло в прах, так что с неба послышалось радостное восклицание: «Ага!..» Так солдат убил черта и сам сгинул тут же без вести. Говорят, что за солдатом сошло с неба светлое облако, и он взят был живым на небо за убийство черта.

4. Луговики и полевики

Духи, населяющие поля, луга и колодези, называются по месту жительства своего — полевиками, луговиками и т. п. Все они похожи на лешего и покрыты лохматой шерстью. Их можно видеть в 12 часов дня и перед заходом солнца. Опасно спать человеку перед закатом солнца и в

полдень, так как духи эти выходят из своих нор, наводят на тех, кто спит, еще более крепкий сон и напускают разные лихорадки и другие тяжелые болезни.

Никогда не надо спать на межах: сейчас переедет полевик, так что и не встанешь. Это со многими случалось. Один мужик лег таким образом на межу, да, к счастью, не мог заснуть и лежал не спавши. Вдруг слышит конский топот, смотрит, а на него несется верхом здоровенный малый на сером коне, лишь только руками размахивает. Едва мужик успел увернуться с межи от него, а он шибко проскакал мимо и только вскричал: «Хорошо, что успел соскочить, а то навеки бы тут и остался!..»

5. Домовой

Домовые на взгляд неуклюжи, как медведи; руки и ноги их толстые и сами все покрыты шерстью; голова у них вроде человечьей, с едва заметными рожками и сильно заросла шерстью. Сзади у них есть природные хвосты. По цвету они бывают рыжие, черные и белые. Нравом домовые почти все добрые, если их чем-либо не обидишь. Живут они в домах и помогают ухажи-

вать за лошадьми и скотом человека. Особенно домовой любит лошадей и потому почти все время проводит с ними и иногда живет под комягой. Если же в доме нет лошадей, то он сидит на чердаке за трубой или лежит в сенном сарае и там спит. На зиму забирается под печку и там живет или у порога, или под углом избы. Семьи у домового нет, а подчиненные есть. Они живут в разных надворных постройках — в сараях, ригах и др. Домового слушаются и его приказания исполняют. В каждом доме живет почти всегда по одному домовому, и его называют хозяином. Иногда бывает в доме не один, а два-три домовых, и тогда происходят между ними ссоры и драки. Это считается неблагоприятным в доме: от ссор и драк домовых между собою происходят пожары и многие беды — болезнь лошадей и скота, падежи и т. п. Опытный домохозяин может домовых примирить и тем спасти себя от несчастий или же выгнать, кроме своего домового, остальных. Для этого нужно «воворять», когда между домовыми поднимется драка, выйти на двор, взять метлу и ударить ею по стене избы, приговаривая: «Бей наш чужого», — или бросить наотмашь дугу туда, где слышится шум, с теми же словами. Свой домовой, как более сильный, выгонит чужих вон.

При драках их всегда слышится стон и сильный стук. Дерутся и ссорятся они большей частью ночью. Чужих домовых люди по злобе напускают колдовством.

Каждый домохозяин и хозяйка стараются жить со своим домовым в дружбе и согласии, и он им очень помогает в хозяйстве и не вредит ни в чем. За его старания по дому и для задабривания каждый хороший домохозяин или хозяйка перед всяким большим праздником, в заговенья и разговенья приносят ему получше пищу и ставят на перемет на двор со словами: «На, хозяин, разговляйся, или же угостися куском с пирожком», смотря по тому, когда это делается, в праздник ли, в заговленье. Если он съест — значит будет добро; если же не съест — значит сердится, и надо постараться как-нибудь задобрить его. В противном случае наделает каких-либо неприятностей по двору.

За лошадьми и скотом домовой любит ухаживать: сам их кормит и поит ночью, и если у хозяина мало корма, то украдет для своих лошадей у чужих хозяев и все-таки свою лошадь накормит досыта. Надо заботиться, чтобы лошади и скот ему понравились, а нравятся ему больше всего мастью. В противном случае, если ему жи-

вотное не понравится, он его изобьет и заморит; даже, что даст человек ему, и то выбросит вон, а нелюбимому животному не даст есть. Поэтому домохозяева стараются узнать прежде у домового, когда приобретут новую скотину или лошадь, нравится ли она ему. Кладут на перемет кусок хлеба на дворе и смотрят: если кусок будет съеден или уронен с перемета, то это к благополучию, — вновь приобретенная скотинка или лошадка дедушке по вкусу. Примечают масть по голубям, которые водятся на дворе: какой цвет большего числа голубей, живущих на дворе, такую надо и масть скота и лошадей разводить. Посуду и другие хозяйственные вещи и предметы он будет портить, когда ему сам человек что-нибудь сделает наперекор — насолит каким-либо невниманием к нему. В это время он бывает опасен.

Увидеть домового возможно всегда. Иногда не думаешь о нем, а он тебе тут как тут и при этом скидывается разными животными, больше всего кошкой, собакой или покажется «настоящей своей образиной». Ежели он в хорошем расположении, то только улыбнется и, отвернувшись от тебя, полезет в свое место; если же нет, то свое неудовольствие выразит стоном или какой-нибудь угрозой. Если же человек захочет

увидеть его преднамеренно, то может видеть его в Светлое Воскресенье в церкви. Надо надеть на себя все новое платье и обувь, помазать голову маслом, взятым от семи перводойных коров, идти в церковь и во время службы оглянуться. Домовой покажется в настоящем виде и погрозится. От этого человеку, видевшему домового, приключается шестинедельная болезнь. Можно также видеть домового в этот же день между утренею и обеднею дома, в своем дворе. Стоит только взять фонарь и осмотреть четыре угла двора, — непременно в каком-либо углу увидишь его: он будет лежать, свернувшись калачиком, как собака, и похожим на нее. Видают домового через три бороны, как он хлопочет около лошадей своих и скота. Борона, таким образом, даст возможность видеть лешего и домового, как они есть на самом деле, и без вреда человеку. Борона вся состоит из крестов, а кресты всех нечистых духов устрашают.

На ночь от домового и другой силы всякую посуду с питьем, с пищей и даже одеждою надо закрывать. Иначе они могут в нее напакостить, и человек, хотя и не видит и не сознает этого, а может сильно заболеть и даже умереть, если потом напьется из нее или съест, или будет носить та-

кую одежду. Умные люди на ночь все закрывают и закрещивают.

Привожу несколько рассказов о домовых.

Жили два соседа-мужика. У одного лошади были хорошие, а у другого плохие. Сосед с плохими лошадями завидовал своему соседу и даже серчал на него из-за лошадей, что у него были хороши. Раз в веселой беседе первый сосед и сказал другому: «Вот у меня лошади хороши. Присмотреть бы, кто их там кормит и поит?» «Очень просто, — ответил ему первый. — Возьми три бороны, составь их шалашиком, залезь сам туда и смотри. Ты увидишь, кто их кормит». Мужик составил три бороны шалашиком и вечером залез под бороны посмотреть. Вот идет черный мужик к его лошадям (лошади все были вороные) и начинает их гладить, чистить и говорить с ними ласково, называя их «милыми, хорошими, голубчиками». Говорил так, говорил, взял одну лошадь, запряг в бочку и поехал за водой. Потом, приехавши с водой, напоил их всех и ушел.

На другое утро мужик стал думать, как это так лошади за ночь всю кадку выпили, а поутру кадка все-таки полна водой? Это значит вода привезена домовым, и он с семьей своей эту-то воду и пьет. Гадко ему стало, и он стал допытываться у своего

соседа, как бы сделать, чтобы домовой не возил воды. Тот посоветовал ему прорубить дно кадки, чтобы днем кадку для себя затыкать, а ночью оттыкать, чтобы домовой не мог возить воду. По совету соседа мужик так и сделал. Наступила ночь. Домовой пришел к лошадям, погладил их, поговорил с ними и поехал за водой. Приехавши к колодезю, он лил-лил воду, а в кадке все воды нет. Рассердился он, что скоро будет первый час, а воды для лошадей не может налить, начал трепать сани с бочкой, колотить лошадь, что была им запряжена, и поехал на двор домой. Здесь он еще больше расходился: все переломал, что было на дворе, и перебил весь скот и всех лошадей.

Проснулся поутру мужик и пошел посмотреть, ездил ли домовой за водой. Входит на двор и видит, — все переломано, и скот, и лошади лежат убитыми. Взвыл он благим матом, да сделанного не воротишь. При таких случаях домовые вредят человеку.

Был мужик-барышник. Сначала дела его шли хорошо: всякую лошадь, что ни купит, продаст всегда с выгодой, и от этого у него деньжонки водились. В городе, куда он ездил барышничать, многие из барышников его не любили и даже завидовали. Один дока из барышников и сделал

ему так, что дела его пошли совсем плохо. Хоть самую хорошую лошадь купит для себя или продажи, — не выходит она и только. Через неделю так захудает, что идет за самую последнюю клячу. Горюет наш мужик, что дела его пошли плохо, и не знает, отчего бы это приключилось. Раз он поехал на своих лошадях в город. Остановился переночевать на постоялом дворе. Распряг лошадей, задал им корму и, так как дело бьшо весной, сам лег в телегу. Ночью вдруг кто-то стал швырять в его телегу поленьями и палками. Мужик испугался и не знает, что делать, — лежит и не смеет выглянуть. Товарищ ему и говорит, спавший тоже на телеге с ним рядом: «Возьми дугу и запусти ему в морду». Мужик так и сделал, но бросать палки все кто-то не переставал. Наутро встал мужик, поглядел лошадей и видит, что корм у них выгребен весь дочиста, вместо него положено палок и конского помету. Догадался он, что тут дело нечистое. Из города поехал домой, и всю дорогу за ним бежала рыжая собака и, добежавши до избы его, исчезла.

Дома этот случай мужик рассказал жене, а жена и сказала ему, что это напущен к ним чужой домовой. Он и портит его лошадей. Надо найти знающего человека, чтобы выгнать его. Вскоре

знающего человека они нашли. Цыганка за пять яиц ему выгнала чужого, домового и сказала, откуда он был.

Цыганка взяла воды и наговорили на нее. Смотрит в воду и спрашивает: «Откуда ты?» «С ближайшей мельницы напущен», — отвечает домовой. Она подошла к порогу и сказала: «Ступай вон, чтоб дух твой не пах!..» Потом дала мужику в мешочке травы и велела сжечь под комягой. Мужик сейчас же и пошел жечь траву. Вдруг на дворе поднялся шум, крик. Хозяйка смотрит на двор и видит — белый домовой бьет красного и выгоняет вон со двора. Белый-то был свой, а красный напущен. Тем дело и кончилось. Мужик вскорости поправил свои делишки.

Один мужик, перебираясь из старой избы в новую, пригласил и домового с собой жить. Жена же его еще раньше, переходя с угольком из старого жилища на новое, пригласила себе хозяина. Таким путем у них стало жить два домовых. От них не стало мужику с женой покою. Как настанет ночь, так у домовых пойдет ссора и драка, лишь только стон стоит. Жена и спрашивает мужа: «Верно ты пригласил хозяина с собой, да и я ведь тоже пригласила с угольком хозяина. Теперь у нас их два. Надо выгнать твоего». Ночью,

как они стали драться, баба вышла с метлой в сени и закричала, хлопая метлой по стене: «Бей наш чужого!» Домовой бабы выгнал домового, приглашенного мужиком. Настал в доме покой. Когда баба пошла на чердак посмотреть, что там было у них, то увидела, что зола и листва, что была на потолке, над тем местом, где она спала, вся была посметена. Мужик же потом видел своего выгнанного домового в лесу, где он скинулся котом, ходил вокруг мужика и сильно голосил.

В один крестьянский двор стал ходить чужой домовой и красть корм у лошадей. Хозяйка заприметила это и закрестила на ночь комягу с кормом лошадей, а сама села на лавку и начала караулить всю ночь чужого домового, смотря на двор в волоковое окошечко. Около полуночи вдруг ее скамейка затряслась, домовой с чужого двора перевалился через плетень двора и пошел прямо к комяге. Но комяга была закрещена, и он ничего не мог взять из нее. Бабе стало жутко, и она окликнула мужа, который тут же спал на конике в избе. Домовой повернулся назад, прошел мимо бабы, бормоча про себя: «Мало, мало»… и с тех пор уже не ходил к ним воровать.

Один крестьянин погорел и на время, пока строился, жил у соседа. К нему его домовой приходил

каждый вечер в виде черной телушки. «Бывало, настанет вечер, и телушка идет к дому соседа, где жил, — рассказывал он. — Собаки соседа так и заливаются — лают на нее. Подойдет она к соседову двору, постоит и пойдет через огороды и конопляники на мое пепелище и там провалится. Когда я выстроился, то не пригласил его в дом, и он целую осень проходил кругом двора козлом. Когда же сказал ему: “Иди, хозяин, с нами жить”, после того не стало козла. Значит, он, то есть наш-то хозяин, вошел во двор».

Одна женщина от домового видела три напасти, а перед каждою напастью он ночью на нее наваливался. В первый раз она родила мертвого мальчика, во второй — сгорели, а в третий — корова околела и овцы начали падать.

Другая женщина рассказывала, что домашняя свинья вечером вылезла из закуты к теленку, только что родившемуся, и хотела заесть. Как вдруг она слышит зов со двора: «Степанида, Степанида. выйди сюда!» — Вышла — и видит эту оказию, что свинья хочет заесть теленка. Вызвал ее хозяин-домовой.

<…>

Сотворение мира и человека: происхождение нечистой силы

1. Сотворение мира и духов

До сотворения земли были Бог и сатана, а под ними стояла вода. Бог сказал сатане: «Опустись на дно воды и достань мне горсть земли». Сатана опустился на дно, достал земли и отдал Богу, но не всю, а часть у себя утаил. Бог разбросал землю по воде, и образовалась земля (суша), а сатана из утаенной земли тоже стал творить. Он бросил утаенную часть земли, и выросла ковыль-трава (Кукуевка, Хмелинки).

По другим рассказам до сотворения земли была тьма, а кругом все вода. Над водой летали два духа — светлый и темный. Светлый дух и говорит темному: «Давай что-нибудь делать». «Давай», — отвечает темный. Светлый сказал: «Пусть будет свет», и стал свет. Темный же сказал: «Оставь мне ночь», и стала ночь. Небо, земля, вода, воздух, светила, животные и растения — все это произошло от слова Благого духа. Светлый дух, он же и Белый, есть Господь Бог. Все видимое он сотворил при помощи темного духа и потом

начал один творить добрых духов — высекать своим мечом из камня и напоследок сотворил архангела Михаила. Видел темный дух, что Белый дух творит себе подобных духов, и задумал сам собою творить себе подобных духов. Но, как не Бог, не смог сотворить себе подобных. Поэтому во время сна Благого духа он унес меч его и стал им тоже высекать из кремня духов. Что ни удар, так и сыплются злые духи, ему подобные, и натворил их премногое множество. Стал он ими владеть и отказался от Белого духа. Тогда Белый дух сотворил себе Святого Духа, или Бога, подобного Себе, а злой дух, опять во время сна Белого духа, украл его меч и вырубил из кремня еще больше, чем в первый раз, злых духов. Злые духи стали соблазнять добрых духов, и они переходили от Белого духа на сторону темного. Белый дух (Бог) проклял их и назвал дьяволами, а темного духа, что отказался от Него и стал делать наперекор Ему, назвал сатаною. Заметил Светлый дух, что злых духов стало больше, чем добрых, и что темный дух творил их его мечом, который ворует у него во время сна, и заклял он свой меч: «Аминь, аминь, — сказал Светлый дух (Бог), — меч мой, чтобы Мне одному принадлежал, чтобы Я им один владел и больше никто».

Потом сказал темному духу: «Сатана! Выйди с неба со своим полком на землю!» И отогнал его от престола. Но сатана доброю волею не уходил. Тогда Господь выслал против него архангела Михаила с мечом, но сатана за несколько сажень не подпустил к себе архангела, опалив ему крылья огнем. Прилетел архангел Михаил к Богу и сказал: «Господи, их не сгонишь: они у меня крылья опалили». Господь дал ему два крыла и огненный меч, но сатана с своими злыми духами не допустили архангела и прогнали его.

Опять прилетел Михаил к Господу и говорит: «Они меня прогнали». Господь дает еще архангелу два крыла и свой заклятый меч и сказал: «Когда будешь поражать сатану с чертями, говори: именем Господа Бога, вы, черти, будьте прокляты». Полетел о шести крыльях архангел Михаил с мечом Божиим к сатане с чертями и сказал: «Именем Господа Бога будьте вы прокляты». Посыпались черти с неба на землю: кто в воду, кто в лес, кто куда… От них и пошла на земле нечистая сила: черти (шуты), огненные змеи, водяные, лешие и др.

2. Черти

Чертей очень много. У каждого человека по левую сторону находится черт, а по правую ангел. Черт всегда радуется, когда человек делает плохие дела, и сам научает его ко всему худому, а ангел плачет. Если же человек делает хорошие дела и поступает по заповедям Божиим, ангел радуется, а черт злится, и всегда между ними в это время происходит ожесточенная борьба. Кроме того, еще чертей много есть всюду и везде. Они смущают народ, портят скот, людей, деревья и сады. Черти бывают женатые и холостые. Женятся они на ведьме, удавленнице, утопленнице и т. п. Холостыми ходят по 30 лет. К людям относились бы безжалостно и старались бы всеми силами сделать какое-либо несчастие им, если бы против них (чертей) не было средства — крестного знамения. Черти уважают тех людей, которые живут и поступают по научению их. У этих людей все может быть, чего они только пожелают. Зато и они всегда во власти черта. После смерти такого человека мясо его черти пожирают, а душу берут себе и определяют на место по заслугам. Людей этих называют колдунами, ведьмами, чародеями.

Черт всегда готов явиться к человеку, если он что делает без креста и благословения Божия.

Черти, пораженные архангелом Михаилом, не все упали на землю. Некоторые не долетели до земли и остались летать змеями по воздуху.

— Один такой змей повадился летать к одной бабе. Прилетит к ее избе, рассыплется искрами около двора, снимет с себя крылья, заткнет их под крышу и пойдет в избу с бабой потешаться. Заприметил это цыган, украл у змея крылья и ушел с ними домой. Вышел змей из избы, стал было брать свои крылья из-под крыши, а их и след простыл. Узнал он, что их цыган унес, пошел к нему и стал просить его, чтобы он крылья ему отдал. Цыган отдал черту крылья, но с уговором, чтобы он больше не прилетал в деревню к бабе. Змей сдержал свое слово и больше не летал к бабе.

— Черти любят жить у колдунов и колдуний. У одной колдуньи черти жили под полом в избе, и через них она все знала и делала. Однажды к ней приехал старик спросить, где ему отыскать деньги, которые у него на днях из избы пропали. Колдунья выпроводила его из своей избы вон, открыла подполье и говорит: «Эй, вы, что сказать мне старику-то?» Черти научают ее, что сказать: «Деньги у старика съел теленок, а ты скажи ему,

что унесла их такая-то баба. От горя и стыда она удавится и будет наша». Колдунья так и сказала старику, как ее научили черти, но, к счастью, старик весь разговор колдуньи с чертями слышал, так как стоял около стены дома, и, приехавши домой, зарезал теленка и нашел у него в животе съеденные деньги.

— Одна женщина-беззамужница крепко призадумалась о том, что у ней нет никаких нарядов, какие носят многие деревенские бабы. К ней приходит черт и спрашивает о ее задумчивости. Она рассказала ему, что ей не во что нарядится. Черт велел ей ночью прийти в ригу, что он там ей даст наряду. Женщина пошла в ригу и от черта получила всего, чего хотела, и напоследок попросила серьги. Чертенята принесли ей, и черт хотел с ней договор иметь, как вдруг петух закричал. Черти провалились, а баба из риги пришла с богатыми нарядами. На другую ночь черт к ней приходит просить у ней назад свои наряды, а баба не отдает. На третий день она их сбрызнула святой водой, и черт не стал к ней ходить просить назад наряды. Узнала другая молодая баба, как получила наряды ее соседка, и пошла в ригу за нарядами. Но черт был зол, нарядов не дал, а велел своим чертенятам разорвать ее. Чертенята отрубили

ей голову, с тела сняли кожу и повесили, а мясо разнесли на кусочки.

— Жили богатые господа, и у них была маленькая дочка. Приехали к ним гости — также господа. Барыня захлопотала, а девочка начала плакать. С досады барыня и обругала свою дочку черным словом. Тогда явился черт к девочке, взял ее к себе, а вместо нее положил чурку в ее образе. С тех пор у господ девочка начала хворать и совсем зачахла.

Взятая чертом девочка росла у него и хорошела; он намеревался жениться на ней. Раз мимо того места, где жил черт, проходил солдат и услышал стук валька, точно бабы моют белье, а ему хотелось напиться. Он и пошел по стуку и увидел воду, напился и стал купаться, а поодаль от него девки моют белье. Одна девка и говорит: «Брось, служивый, рубашку, я тебе ее вымою». Солдат бросил ей свою рубашку, а она и говорит: «Теперь вы мой нареченный супруг» — и пошла от воды вместе с ним. Дорогой она рассказала ему, что она проклятая матерью дочь, что у них есть подмененная чертом дочь в ее образе, но это не дочь им, а она дочь. И просила своего суженого войти к ее родителям и предложить им вылечить их дочь. Когда они позволят ему лечить, то чтобы он взял

ее, положил на стул, где дрова колют, и ударил ее топором поперек. Солдат так и сделал, как ему говорила суженая: ударил ее поперек топором, и она рассыпалась на прелые щепки. Так солдат спас проклятую дочь богатых господ.

— Один купец никак не находил по душе себе плотника, который бы мог хорошо выстроить ему дом. Однажды пришел к купцу старичок и спрашивает его, о чем он думает. Купец рассказал ему свою думу, что он не может найти себе хорошего плотника. Старик и предлагает ему выстроить дом по его вкусу и в плату себе просит то, чего купец дома не знает. Купец и подумал: я дома все знаю, что есть, и согласился на это условие со стариком. Приходит домой, а жена ему родила мальчика и девочку. Спохватился тут купец, горько заплакал и сказал: «Милые мои деточки, я вас отдал сегодня старику за дом!» А стариком приходил к нему черт. Черт выстроил купцу дом всем на удивленье — красивый и просторный, и взял у него детей на работу. Девочку он сделал своей женой, а мальчика заставил заниматься охотою.

Черти водятся на перекрестках дорог и там причиняют людям и скоту всякие несчастные случаи. Людей они смущают особенно на святках

и перед утреней Светлого Воскресенья.

— Раз черт смутил одного мужика. Он ему явился давнишним знакомым и предложил ему выпить с ним по рюмочке в кабаке, так как до утрени еще далеко. Как ни крепился мужик, но просьбе знакомого уступил и пошел на радостях выпить с приятелем по одной. Приятель выпил и поднес мужику. Мужик взял рюмку, перекрестился и вдруг очутился не в деревне, а в Москве, под мостом, с обгорелой чурочкою в руке.

Черти стерегут клады. В горе одной деревни открылся клад. И крестьяне всем миром собрались взять его. Подошли к месту, где был клад, и кто только подходил ко входу клада, того невидимой силой отбрасывало назад. У входа сидел человек и держал в руках обнаженный меч. Был он телом черный, с лохматой головой и рогами, ни слова никому не говорил и даже не обращал внимания на общество. Тогда один смельчак из толпы хотел силой пройти через вход за кладом; он бросился, но тут же поражен был мечом караулившего черта со словами, сказанными всему миру: «Не вам клад принадлежит, и вам нечего ходить сюда». С тех пор народ не ходил за кладом. Говорят, что этот клад был заклят на 500 лет и достался какому-то пьянице.

Черти живут как люди и повинуются сатане, который живет в аду. Там же главное жилище и чертей. Ад находится в середине земли, и выход из него на землю в тех местах, где огнедышащие горы.

А. Иванов
Верования крестьян Орловской губернии[78]

<…>

Перехожу к понятию о духах. Духи нечистые, иначе черти, повсюду строят козни людям и для этого часто принимают вид различных животных и предметов, даже людей.

Между крестьянами ходит мнение, что во время метели черти играют с ведьмами и сбивают людей с дороги; а также опасно ехать до пения петухов: пропоет петух — собирайся в дорогу, тогда черт тебе ничего не сделает. До пения петухов гуляют также мертвецы, поэтому в полночь опасно идти мимо кладбища. Иногда путнику встречаются мыши, в большом количестве переходящие дорогу, слышится будто бы в это время свист и хлопанье кнутом: это, думают, гонит мышей черт, и, если кто раздавит мышь, то непременно заблудится.

Иногда зимою попадаются старички и просят подвезти их; но таковых не следует брать с со-

---

[78] Примечания: 78

Этнографическое обозрение, XLVII, М., 1900, № 4, с. 70–94.

бою, а то они приведут тебя в овраг или в болото. Блудят не только зимою, но и летом, когда тоже черт водит тебя.

Во время блуждания многие читают 90-й псалом: «Живый в помощи Вышняго» и т. д., и уверяют, что прочтешь с верою этот псалом, и непременно найдешь дорогу; кто же не знает его, то делает так: переворачивает с груди крест на спину, стряхивает одежду, полы засучивает назад, дугу перепрягает назад кольцом; сделав это, находит будто бы дорогу.

Кто идет к заутрене, на Пасху, и погружается в плотские греховные мысли, то непременно такого черт заведет или в реку, или в болото; является в это время черт в виде красивой женщины и увлекает человека. Один экономический староста рассказывал мне, что ехал он верхом по полю во время цветения ржи, вдруг из оврага выскакивает что-то белое, гонится за ним и хохочет; действительно, староста этот приехал в экономию, как мне передавали, бледный и несколько дней после этого был болен.

Народ говорит, что чертей видимо-невидимо; не думаешь, не гадаешь, а они с рожками тут как тут, и всегда черт что-нибудь напаскудит, он и святого в грех вводит. Повсюду черт.

— Жил на селе крестьянин Пахом; был он трезвый и честный мужик, Бога помнил и всегда Ему молился, людям плохого слова никогда не скажет. Только Пахом с самого венчания в церкви не был. Думали-гадали соседи, отчего это он в храм Божий не ходит, и додумались до того, что считать стали нашего Пахома колдуном. Однажды Пахомов сын и говорит ему: «Ты бы, батюшка, хоть раз в церковь сходил; а то мне глаза повыкололи, нельзя на улицу показаться, все от мала до велика кричат: колдун твой отец, да и полно!» Что делать! Собрался Пахом в первый воскресный день идти в церковь, помолиться Богу, да и пошел не дорогой, а прямо по воде, и идет себе, как посуху. Приходит, становится, где людей поменьше, и усердно молится Богу. Глядь, откуда ни взялся маленький чертик, тащит он воловью кожу, кряхтит. Пахом увидел это и усмехнулся… Отошла обедня, подошли ко кресту, Пахом тоже, а там все и по домам, кто пешком, кто на лошади. Пахом же наш опять по воде, но что же — идет уж по колено; согрешил значит, усмехнулся в храме. С тех пор никто не видал, чтобы Пахом был в церкви.

— Один сапожник шил под Светлое Христово Воскресение до заутрени сапоги. Смотрит: под

окном стоит черт, визжит, смеется да говорит наконец: «Отрежь-ка мне, дядя, нос». Сапожник был малый смелый: хвать черта ножом по носу, тот взвизгнул и пропал. Но что же? Хотел было сапожник дошивать сапог, глядь, а в нем носка нет, отрезан. Плюнул сапожник, выругал черта и перестал с тех пор сапоги тачать под большие праздники.

Есть у нас в поле, недалеко от большой дороги, так называемый «Веселый верх»; дурная ходит про него слава; не дай Бог, сбиться ночью с дороги, а не то прямо ввалишься в этот верх, и если не разобьешься совсем, то все-таки помнешь бока и у себя, и у лошади. Заблудившиеся путники едут будто на огонек, который тогда светится в этом верху, едут и вдруг сваливаются в порядочную кручу, откуда уж не вылезут до рассвета. Если же кто блудит и узнает Веселый верх, то, сотворивши молитву, какую кто знает, а особенно «Да воскреснет Бог», проезжает этот верх без особых приключений, и удивительно, как только начинаешь читать молитву, огонек тотчас исчезает. Говорят, что это смотрит кривой черт одним глазом и завлекает путников. Подле Веселого верху находится котловина, называемая «Городищем». Площадь котловины приблизительно около

восьми десятин. Давным-давно и Городище, и Веселый верх представляли собой огромный дремучий лес, где гнездились одни разбойники; в самом верху протекает ручей, и тут же был гремучий колодезь; теперь же ни ручья, ни колодезя нет, одни камни. Привольно и безопасно жили разбойники; веселились и пировали они круглый год и верх свой прозвали Веселым, а полянку возле верха огородили частоколом, окопали, возвели земляную насыпь и прозвали свою любимую полянку Городищем. Следы окопов и земляной насыпи остались и до сего времени. Дремучий же лес канул в вечность, а полянка, где совершилось много преступлений, где пролито было много человеческой крови, провалилась, и на месте ее появилось бездонное озеро. Предание говорит, что и награбленное добро, и сами разбойники провалились, а атаман их Кудияр и до сих пор жив, не принимает его земля, и сильно, и жестоко Кудияр мучается и будет мучаться до тех пор, пока не сыщется смельчак, который не побоится и в Светлое Христово Воскресение придет на Городище и возьмет награбленное золото, так как в то время Городище растворяется на две половины, и показывается золото, которое может достаться в удел смельчаку. В народной памяти

еще живо предание, которое и мы передадим, как слышали от стариков.

— Много лет тому назад на Святую Русь напали враги, полонили много народу, награбили множество всякого добра; полоненные отведены были в тяжкую неволю, от которой могла освободить их разве одна смерть. Но один пленник как-то ушел от злых врагов и пробирался на родину. Шел он как-то дремучим лесом и вдруг заметил избушку; подходит к ней и видит, что на пороге сидит седой старик, который при виде подобного существа как-то весело встрепенулся и ласковым русским голосом просит незнакомца подойти к нему без всякой боязни; тот подходит к нему, здоровается; старик дружески вводит его в свою избу и угощает усталого беглеца, чем Бог послал. Утолив голод и поблагодарив радушного старика за угощение, беглец лег отдохнуть; не успел он еще как следует задремать, вдруг слышит шум, крики, а там летят двенадцать змиев и прямо к старику, которого начинают бить крыльями и наконец стали высасывать у него кровь; старик сначала кричал, затем стонал, а там совершенно помертвел и сделался синим, после чего змии улетели. В злой неволе беглец не видал подобных ужасов и даже потужил, что бежал от врагов и

променял рабство на свободу; еще не большие ли ужасы ожидают меня, думал он, доберусь ли я до своей родины? Посмотрел он на старика и видит, что тот понемногу краснеет, синева исчезает; вдруг старик зашевелился и ожил, но в изнеможении не может подняться, а ласково смотрит на беглеца и, наконец, тихо говорит: вдруг: «Не бойся, с тобой ничего худого не будет, дай мне водицы и хлебца». Путник, еще находящийся под влиянием только что пережитых им так мгновенно и внезапно ощущений, нерешительно, робко встает и подносит старику питье и пищу; тот немного выпил водицы, закусил и ласково, тепло поблагодарил, затем с трудом приподнялся и сел на близстоящую скамью.

«Любезный друг, — сказал, наконец, старик, — ты, вероятно, испугался страшных змиев, которые сейчас мучили меня, и потужил, что забрел ко мне несчастному; да несчастье мое велико и вряд ли скоро прекратятся мои столь тяжкие мучения, которые на первых порах дают мне увидеть желанную смерть, но, однако, я опять оживаю затем, чтобы снова мучиться; но прошу тебя, друг, не бойся и выслушай горькую правду». — Замолк немного старец, слезы показались у него на глазах, лицо приняло грустный вид, и

он уныло продолжал. На святой Руси, на границе Мценского уезда с Орловским, есть местечко под названием Городище, а возле его находится так называемый Веселый верх. Много лет тому назад был здесь дремучий дубовый лес, в котором водилось много разбойников, а атаманом их был я. Разбойничий наш стан был окружен тыном и глубоким рвом, и прозвали мы место это Городищем; в Веселом же верху была моя хатка, сколоченная из крепкого дубового леса: часто здесь сходились мои податаманья и есаулы и хвастались мы своими злодеяниями, и веселились, как могли веселиться тогда удалые разбойнички, потому и верх свой назвали Веселым. Много у нас было всякого награбленного добра, которое хоронилось нами в потаенных местах Городища и Веселого верха;

убивали мы проезжих и прохожих, резали их острым ножом и много, много пролили мы христианской и иноверной крови; шутя, мы резали, шутя, и жили; в разбое, пьянстве и разврате мы забыли Бога. Терпел Милосердный, но и терпению Его пришел конец. Однажды, упившись человеческою кровью, мы весело пировали; после чего я пошел в Веселый верх, в свою хату, а разбойнички мои остались в Городище; едва я

дошел до хаты, как увидел грозную тучу, нависшую над Городищем; вскоре послышался гром, засверкала молния, открылось небо, и вдруг с великим шумом охнуло, застонало наше Городище и провалилось, провалились и мои сотоварищи, и провалилось наше награбленное добро; на месте провала образовалось бездонное озеро, меня же подхватил страшный вихрь и примчал в это место, где я теперь живу и так зло мучаюсь. Проклял меня Бог, земля меня не принимает, сама смерть боится, и коса ее не дотронется до меня, пока не придет конец этому проклятию. Конец же этот настанет, когда кто осмелится взять награбленное нами золото, провалившееся в Городище; а взять этот клад можно на Светлое Христово Воскресение, между утреней и обедней, когда в это время на Городище, теперь затянутом трясиной, является горящая свеча; растворяется тогда Городище на две половины и открывается клад, который достанется смельчаку, если он не побоится разных страхов и ужасов, преграждающих ему дорогу к кладу. В самом же Веселом верху возле колодца зарыто мое собственное золото, которое можно также взять на Светлое Христово Воскресение между утреней и обедней, когда на этом месте появляется огненный петушок и

криком своим дает знать о кладе, и вот когда кто возьмет эти клады, тогда земля примет меня, и я умру спокойно, до тех же пор будут меня мучить змеи, которые ежемесячно прилетают сюда числом двенадцать и высасывают из меня кровь… Последствия этих мучений тебе известны, милый друг, а когда они кончатся, я рассказал, но прошу и умоляю тебя: рассказывай всем про скрытое золото и про способ приобрести его; авось найдется смельчак, который обогатится кладом, а меня избавит от столь ужасных мучений». Замолк старик и в изнеможении свалился со скамьи, скоро он забылся крепким сном.

По пробуждении его, путник-беглец поблагодарил старика за радушный прием и попросил указать дорогу из леса; тот исполнил его просьбу, проводил и на прощанье опять умолял помнить его, славного некогда Кудияра, рассказывать всем про клады и способы приобрести их. Беглец, пришедши на родину, конечно, все это рассказал; узнали его рассказ наши прадеды, которые передали нашим дедам, а от дедов узнали и мы». Действительно, Городище и Веселый верх — место страшное, даже днем никто один не проходит мимо него.

В настоящее время на месте Городища нахо-

дится трясина, следы вала видны и теперь, а что раньше вместо трясины было бездонное озеро, верить этому можно, так как есть еще старики, которые помнят, что на месте трясины была вода и что в верстах трех от Городища было много бездонных озер, так что и деревня, появившаяся подле этих озер, теперь затянутых, прозывается Озерками (деревня эта находится в Орловском уезде). Как Городище с Веселым верхом, так и деревня Озерки мне хорошо известны; действительно, много здесь топей и трясин, которые все более и более затягиваются, так что с уверенностью можно сказать, что в былое время и были здесь бездонные озера, из которых одно по своему таинственному местоположению и послужило к приведенной мною легенде о провалившемся становище разбойников, о кладе на этом месте и о мучениях атамана Кудияра, который жив будто бы и до сих пор. Про действительность существования кладов на месте Городища и Веселого верха крестьяне уверяют и подтверждают свои уверения разными рассказами, из которых многие перешли в область преданий, но все-таки еще живо сохраняются в народной памяти; в правдоподобности этих рассказов крестьяне не сомневаются. Приведем из них более распростра-

ненные среди населения данной местности.

— Один молодой парень стерег коров недалеко от Веселого верха; в самый полдень он собрал коров на стойло и видит, занялась от верха большая собака, шерсть у нее блестит, словно золото, и такая она смирная, ласковая, только хвостом не виляет. Парень слышал от стариков, что ударишь такую собаку палкою, и она превратится в настоящее золото. Но только хочет малый подойти поближе, она прочь; он с палкою за ней, а она вбежит в середину стада; выгонит ее парень, хочет снова ударить, глядь и побежала она, да прямиком в Городище, где разом и пропала. Парень этот жив и теперь. Он же мне рассказывал, что дядя его однажды караулил лошадей в ночном; смотрит — идет свинья от Веселого верха и прямо к нему и давай его рылом толкать, повалила дядю и ну по земле катать; катала, катала, захрюкала жалобно, да и прочь, на Городище. С испугу дядя не мог ударить свинью, а ударь ее он, то и рассыпалась бы она золотом. Часто на Городище видят человека в белой одежде и в шляпе, который заманивает вверх; крик же петуха слышали многие, а также многие видели горящую свечу и именно на Пасху, между утреней и обедней. — Пошел мужичок на Светлое Христово Воскресение к Городищу

попытать счастья; подходит, — видит, ярко горит свечка; перекрестился смельчак, да прямо к свечке, и что же? Растворились клады, виднеется золото; мужик набрал в полу, начинил карманы, хотел было бежать, ан его за руку старик держит и говорит: «Бери, друг, бери больше, тут много!» Оробел мужичок, вырвался, да бежать: золото из полы вывалилось, в карманах же звенит; обернулся назад, — глядь, гора за ним гонится, хочет навалиться, задавить его. Однако прибежал мужик в деревню и принес полные карманы золота, но только недолго он прожил, вскоре умер; семья же его и до сих пор живет богато. Народ молвит, что и золотые водятся у детей Пахома, так звали нашего мужичка-смельчака.

— Пахал Иван возле Городища; пахал до самого обеда; присел отдохнуть, глядь, сзади свинья, а щетина у нее золотом переливается. Ударил ее мужик наотмашь рукой, и посыпалось золото; набрал его мужик, сколько было под силу донесть, да и давай Бог ноги. С тех пор разбогател Иван, и внучатки его по сю пору живут в достатке; деньги в долг дают и слывут на селе мироедами.

— Идет тетка Прасковья из Озерок в Богодухово навестить свою дочку, которая была там замужем; прошла она мимо Веселого верху, обер-

нулась и видит сзади красивая девушка, вся в золоте; тетка Прасковья оробела, прибавляет шагу, а девушка все за ней да за ней, не отстает. Подкашиваются у Прасковьи от испуга ноги, но вдруг девушка, слышно, остановилась. Тетка Прасковья прошла еще немного, остановилась и посмотрела назад — и что же? Девушка стоит грустная и не зло, а как-то ласково грозится, а там и побежала прямо к Веселому верху и пропала в Городище. Прасковья наша и теперь здравствует и всем рассказывает про чудную золотую красавицу Веселого верха.

— Жил на селе лядащий мужик, звали его Васильем; семья у Василья была большая, детей куча и все один одного меньше. Баба Васильева с новины до новины ходила по миру; подросли ребятишки и те стали побираться, а Василий лежит себе на печке и дела ему нет; земелька вся у соседей; про скотину и птицу говорить нечего. Одним словом, Василий и семья его жили в крайней нищете, во всем околотке не было беднее его. Знал Василий, что на Городище клад есть, знал, что найти его можно на Светлое Христово Воскресение, между утреней и обедней, что тогда здесь горит свеча; только смелость была бы, а то и клад будет. Надоело ли Василью кирпичи на

печке протирать или невтерпеж ему были слезы его хозяйки и ребятишек, но только вздумал он пойти на Городище попытать счастья, благо идти недалеко, всего версты три будет. Сказано, сделано; отправился Василий на Пасху до заутрени клад искать; подошел к Городищу, — видит свеча горит, он к ней — и что же? Возле свечи старик сидит и говорит: «Бери, Васильюшка, бери, да и другим вели приходить, здесь для всех хватит». Оробел было Василий, но увидал золото и давай его в мешок класть, — наполнил мешок, да и наутек собрался, ан, не туг-то было, старик ухватил его за руку — не пускает да и говорит: «Дай мне клятву, что каждый год будешь ездить сюда в это время, и непременно на лошади, чтобы больше золота увезти, а не то беда будет». Недолго думавши, Василий страшно поклялся, а там старик исчез, свеча погасла и что-то сильно охнуло… седым пришел Василий с Городища, однако принес мешок золота, которое и закопал в своем погребе. Испугался Василий своей клятвы и скоро удавился. Соседи и семья Васильева знали, что он ходил за кладом, и догадывались, что принес он и золота, но никто не знал, где он его схоронил, сам же Василий об этом никому не сказал. Прошло несколько времени, детки его подросли,

и один из них, самый младший, полез зачем-то в погреб; ступенька в лестнице обломилась, он и попал ногой под лестницу; нога вязнет, он тащит, насилу вытащил, — смотрит, образовалась яма, блестит золото… Так и нашли клад, спрятанный Васильем; но вот беда: младший сын его, что упал с лестницы и нашел клад, недели через две тоже удавился, и хотя братья его и доныне живут богато, а все-таки народ бает, что проку из их богатства не будет; счастье в несчастье обратится.

— Один мужик пришел на Городище и давай рыть, клад искать; рыл, рыл, инда пот прошиб; присел отдохнуть, — глядь, а Городище на две половины растворилось, и выходит старичок, да и говорит мужичку: «Зачем ты роешь, беду на себя накликаешь; я вот тоже копал, копал, да сюда и попал; беги лучше скорей, а то товарищем мне будешь». Испугался мужик, да и, давай Бог ноги, восвояси, даже и заступ забыл, а идти за ним после побоялся. Перестал с тех пор мужичок думать о кладе и теперь всем рассказывает о старике, к которому чуть-чуть не попал в товарищи.

Есть рассказы, что были случаи: пойдет кто на Городище клад искать, да и не воротится назад, но эти случаи относились к делам давно минувших дней, когда Городище представляло озеро,

и неудивительно, — попадет кладоискатель, невзначай, на такое топкое место, что и поминай как звали.

Добавим, кстати, кое-что о кладах вообще.

Народ говорит, что теперь клады перевелись, поразобраны; в старину же кладов много было; идешь, бывало, по полю, словно из пушки ударит, — знай, что клад, да не всякому он в руки давался. Клад дается тому, кому предназначен.

— Одному страннику приснилось во сне, что такому-то в такой-то деревне и в таком-то месте предназначен клад. Пришел странник в эту деревню, отыскал счастливца и указал, где найти клад. Пошли, порылись в земле и на самом деле нашли клад. Дают и страннику известную долю, но тот напрямик отказался, как ни упрашивали его. «Кому дано, тот и пользуйся, — ответил странник, — а мне не надо!» Однако при прощании бабы дали ему пирог, в который запекли несколько золота. Пошел старичок, подходит к реке и просит перевозчиков перевезти его на другую сторону; те перевезли его, и он отдал им за перевоз тот пирожок, в котором запечены были деньги. Перевозчики было не брали, но странник настоял. Нечего делать, взяли они пирог и не подозревали, что в нем золото; положили пирог

в шалаш, а там и позабыли про него. Долго ли, коротко ли, а прошло-таки довольно времени, — странник возвращается обратно и просит тех же перевозчиков снова перевезти его; те перевозят и тут-то вспомнили про пирог и вспомнили, что они его не съели, а потому поискали в шалаше и нашли пирожок; но что за чудо? Пирог, словно вчера был испечен. Отдают они его старичку, тот поблагодарил и идет в ту деревню, где был раньше; заходит к мужичку, что разбогател от клада; здоровается; все ему рады, угощают чем Бог послал, а он и подает ребятишкам гостинчика, тот пирог, который дали ему перевозчики; ребятишки взяли, разломили — и вдруг посыпалось золото. Догадались бабы, что это за пирог, обо всем рассказали; удивился тогда и сам странник и сказал: «Ну, детушки, кому предопределено владеть кладом, тот им и будет владеть».

Клады зарывались на известный срок; иной раз зарывали клад на сто годов, а то и на сто голов.

— Рубит малый в лесу дрова и видит: идет старичок, что-то несет. Малый спрятался за дерево и думает: дай погляжу, что это старик хочет делать. Притулился, смотрит, а старик подходит к большому дубу и начинает что-то зарывать; зарывает и приговаривает: «На сто голов!» Малый был

удал, догадался, что делает старик, и сам начал приговаривать; старик: «на сто голов», а малый: «лапотных». Зарыл старичок клад и ушел. Малый же принес сто лапотных голов, бросил к дубу и отрыл клад.

Когда клад отворяется, то бери деньги два раза, а в третий за ними не суйся, не то — беда будет. Попрешься за деньгами в третий раз, то тебя кто-нибудь остановит и скажет: «Сколько я сидел, теперь ты посиди!» Он выйдет, а ты останешься.

О кладах только. Теперь о других проделках чертей.

Существуют рассказы, что в ночном, то есть во время пастьбы лошадей ночью, если один кто пасет и стережет своих лошадей, то пугает его черт или в образе собаки, зайца или же человека, но в действительность черта сами рассказчики не верят и относятся к своему видению как-то скептически, объясняя это очень просто, что это, мол, не что иное, как игра воображения.

Крестьянин села Богодухова Трофим Рещиков рассказывал мне, что он стерег лошадей в ночном; вдруг видит едет барин верхом на лошади, на барине белая с широкими полями шляпа, и прямо к нему, соскакивает с верха, наваливается на него и начинает душить, — душил, пока му-

жичка пот не прошиб; наконец он, еле живой, приподнялся, перекрестился, и видение исчезло. Другой крестьянин рассказывал мне, что стерег он также лошадей в ночном и что его лошади ни с того ни с сего фыркнули и бросились бежать, а к нему подбегают два пса с огненными глазами, языки высунуты и красные; он все-таки перекрестился, и собаки тотчас же исчезли, а лошадей он нашел только в пяти верстах.

А вот еще рассказ про зайца: это был не заяц, а черт.

— Едет крестьянин Архип на своей лошадке верхом в ночное, с ним едут также на своих лошадях человек пять молодых парней; глядь, а заяц бежит через дорогу. Приехали они на свое поле, пустили лошадок, а на самих напал крепкий сон; проснулись, а лошадок нет как нет: их загнали на барский двор, знать, попались они в господском хлебе. Наутро управляющий приказал молодцов выпороть, — дело было в крепостное право; во всем виноват был заяц.

Был и другой подобный случай.

— Несколько мужичков везли до города барскую пшеницу. Дело было зимой; едут мужички, воза поскрипывают; глядь: заяц перебежал дорогу. «Быть худу», — говорят они и призадумались.

Проехали еще немного, видят, у товарища их Семена лошадь стала, ни с места; побились мужички с лошадью, ничто не берет, так и бросили товарища на волю Божью, среди дороги, искать счастья, а сами поехали, так как помочь ничем не могли, да и время-то было господское, крепостное; всякому своя шкура была дорога, а до чужой беды дела нет. Повозился оставшийся мужичок Семен еще немного с лошадью, повозился, да и стал распрягать ее, думая бросить воз на дороге, а самому ехать до ближней деревни, хоть переночевать, а наутро, что Бог даст. Вдруг неожиданно-негаданно едет ему навстречу, порожняком, на хорошей лошади кум его, односелец Ермолай. «Куманек, милый, голубчик, не оставь, — возопил мужик, — дай своей лошадки, сам знаешь — дело барское, ни за что шкуру сдерут; что будет стоить, дома разочтусь». Не хотелось Ермолаю было давать лошади, да делать нечего, ведь родной кум-то; хоть и почесал мужик затылок, а все-таки дал лошадь. Перепрягли, попрощались кумовья и поехали: Семен с возом на Ермолаевой лошади в город, а Ермолай на Семеновой порожняком восвояси. Теперь у Семена лошадь была добрая, везла хорошо, и он недалеко до города догнал своих товарищей. Было уже поздно, и мужички порешили в город

не ехать, а остановиться в деревне, на постоялом дворе переночевать, а там утром, пораньше, в город. Сказано, сделано; приехали на постоялый двор, отпрягли лошадок, задали им корма, а сами в хату, где потеплее.

Вдруг один из товарищей Егор, мужик бедовый и сметливый, несколько раз уже поротый розгами, и говорит:

«А что, братцы, ведь у нас лишняя пшеница есть, хорошо бы ее сбыть, да и выпивку устроить!» «Как так?» — спрашивают товарищи. «Да вот как. Когда вешали ее, то я незаметно клал кирпич на «вывеску» (место, где гири), только Семенов воз верен, а у нас у всех лишняя пшеничка есть». Разгорелись у мужичков глаза на дармовщинку, и давай они перемерять Семенов воз; перемерили меркой, а там перемерили один и из своих возов, узнали «ли-шок», прикинули, сколько всего будет этого лишку; оказалось, что пшеницы можно сбыть мер десять. Так и сделали; высыпали пшеничку в два мешочка, по пяти мер в каждый, и понесли продавать хозяину постоялого двора, но этот дает за пшеницу очень мало, тогда мужички, долго не думавши, понесли ее в другое место, где дали подороже. На вырученные деньги купили водочки, закусочки; выпили, порядочно покуша-

ли, да и спать легли, а на завтра еще осталось, чем опохмелиться. Чуть свет проснулись они и стали собираться в дорогу; лошадей напоили, сами опохмелились, рассчитались с хозяином и поехали себе с Богом, ни о чем не думая. Хозяин же постоялого двора рассердился на них, что не продали ему пшеницы, а так как он знал, кто они и откуда, знал их и бурмистра, которому впоследствии и рассказал о проделке наших приятелей. Прошло несколько времени, мужички уже успели забыть про проданную пшеницу, как вдруг призывают их, сердешних, на барский двор, за исключением Семена, про которого хозяин постоялого двора ничего не сказал: воз был у него верен, пшеницу не отсыпали, стало быть, не виноват. И что же? Без всяких спросов и расспросов положили, растянули приятелей да и начали подговаривать с каждым ударом розги: «за пшеничку, други, за пшеничку». Долго с тех пор помнили приятели наши, как продавать лишки; а виноват был заяц.

Тот же рассказчик говорил мне, что не дай Бог встретиться с попом, а если миновать этого нельзя, то останови попа и попроси у него благословенья, — тогда ничего. Дьякон встретится — ничего. «Еду я, говорит, на сукновальню валять сукно, смотрю, поп наш едет навстречу; мне бы

остановить его да подойти под благословенье, а я взял да и проехал мимо. Приезжаю на валяльницу, сдаю сукно, а там и ко двору. Дня через два слышу, амбар на сукновальне сгорел, и сукно мое сгорело, так и пропало».

При ходьбе и езде относительно встреч необходимо соблюдать следующие правила: если едешь по какому-нибудь делу, то не отвечай на вопрос: «куда едешь?», закудакает кто — толку не будет. Кто с порожним встретится — лучше вернись. Собираясь в дорогу, прочти три раза следующие слова: «Помяни, Господи, деда Адама, бабу Еву, царя Давида и всю кротость его». Встретишь покойника — потерпишь неудачу.

На Святой Руси есть много охотников до всякой всячины. Встречаются нередко и охотники до перепелов; заслышит иной крик перепела где-нибудь во ржи или в овсе, и давай бродить по зорям с сетью и перепелкой в клетке, а то с особой, для этой цели предназначенной дудочкой, и если перепел кричит хорошо, то во что бы ни стало поймает его. Ловят перепелов непременно утренней и вечерней зарей, причем перепелка криком своим манит перепела, и последний запутывается в раскинутой сети; иной раз перепелку заменяет дудочка. Для таких охотников

есть очень важное правило: ночью перепелов не ловить и сетей не расставлять; если же дожидаешься утренней зари, то лучше сосни немного, сети же ни в каком случае не расставляй, не то черт спутает ее, перепелку убьет и в тебя чем-либо бросит.

— Был у нас на селе старик, страстный охотник до перепелов; заслышит он где-либо крик перепела и пробродит за ним несколько десятков верст, а все-таки непременно поймает. Пошел этот старик как-то ловить перепелов, взял сеть, перепелку и засел в барском овсе, а чтобы не прозевать утренней зари, то он распутал, расставил сеть, поставил клетку с перепелкой, а сам только глазами моргает, о сне и не думает. Вдруг в спину старика попадает ком земли, немного спустя летит другой ком, а там третий, четвертый… Старик, не оборачиваясь, говорит: «Не балуй», — ан, не тут-то было: комья все валятся и валятся и прямиком в старикову спину. Оробел он и давай Бог ноги; сеть, перепелку с собой не захватил, забыл второпях. Наутро приходит и видит; сеть скомкана, не распутаешь; перепелка убита; старик тогда и говорит: «Сумел спутать, сумей и распутать», причем ругнул как следует черта и ушел. Через день снова приходит и видит,

что сеть распутана. Подивился старик, и с тех пор шабаш ночью караулить перепелов, а придет, бывало, на поле и спит до зари; когда же зорька займется, он и расставит сеть, подманивая в нее перепела дудочкой или перепелкой.

И рыболовы должны соблюдать разные предосторожности, например, не ругать рыбу.

— Ловили мужички ночью рыбу; ведут невод, глядь — на камне сидит голая простоволосая баба и чешет голову большим гребнем; один из рыбаков ругнул бабу, что, дескать, днем не успела выкупаться, ругнул он ее крепко, по-мужицки; невзлюбила баба крепкого словца и нырнула в воду, гребешок же остался на камне. Подивились наши рыболовы, пожалуй, и оробели, однако гребешок взяли себе — и что же? Закинули невод, повели, тащат, ан смотрят, невод весь спутан, скомкан, разобрать нельзя; с общего приговора бросают гребешок в воду, и невод тотчас же сам собою разбирается, и рыбная ловля пошла опять своим чередом. Один из этих рыбаков и по сю пору живет в нашем селе, он и передал нам этот рассказ.

Ходит между крестьянами много рассказов про путешествия с помощью черта, однако эти рассказы, то есть время событий их, относятся

ко временам давно прошедшим, так, например: идет мужичок плотник, умерший уже чуть не сто лет тому назад, идет он из Одессы в Богодухово, на родину, переход велик, более тысячи верст. Смотрит — едет на тройке барин с кучером; поравнявшись с мужичком, барин приглашает его сесть: подвезу, мол. Тот садится; тройка летит, как стрела; барин все покрикивает, чтобы кучер подгонял пристяжную с правой стороны. «Подгони, — кричит, — правую-то, попадью!» Мужичок спрашивает: зачем лошадь прозвали «попадьей?», барин отвечает, что это не лошадь, а попадья в действительности, что это я, мол, приучаю ее, чтобы лучше бежала, да и вас, дураков, скорее домой доставляла. — Вдруг петух закричал: «ку-ка-ре-ку!» Смотрю — валяюсь я на дороге, а барин захохотал и пропал. Подымаюсь я — глядь, и родимое село, вот как на ладони, и Божий храм наш виднеется. Перекрестился я и очутился нежданно-негаданно в своей хате, — так-то и отмочалил я с вечера до петухов более тысячи верст.

Про такую быструю езду передают еще несколько рассказов, но повторяю опять, что сами события перешли уже в область преданий. Случалось это прежде, говорят мужички, а теперь нет, а

почему теперь нет — определенно не отвечают, — крестьянин тоже села Богодухова Богодуховской волости Орловского уезда Федор Арсенов говорил мне: один рукавишник шел на родину; идти ему надо верст пятьсот, дело близилось к вечеру, смотрит — едет кто-то на паре лошадей, поравнявшись с ним, говорит: «Садись, подвезу». Рукавишник сел, и дорогою посадивший спрашивает его: знал ли ты такого-то дудочника? Этот отвечает, что знал, да он, то есть дудочник, утонул уже два года тому назад. «А прялочника знал?» — спрашивает снова посадивший. — «Да, знал, — отвечает рукавичник, — но он удавился, с полгода тому будет». Немного спустя посадивший и говорит: «В корню дудочник-утопленник, а на пристяжке прялочник-удавленник». Затем снова кричит: «Держись!» Глядь, а у рукавишника шапка соскочила. Он и говорит: «Погоди, дай поднять шапку», а посадивший отвечает: «Она далеко, а ты лучше слезай!» — Слышу, петух прокричал, а тут вижу и родимая сторонка. — Так-то и прокатил с вечера до петухов наш рукавишник 500 верст, да еще на ком, на знакомых своих дудочнике и прялочнике. — «Вот были чудеса-то», прибавил рассказчик.

Еще я слышал рассказ, что один мужичок из

села Богодухова в мгновенье ока прикатил в город Ливны Орловской губернии, отстоящий на 80 верст; его тоже подвез кто-то, и он нежданно-негаданно очутился в Ливнах, в трактире; однако мужичок этот умер много лет тому назад, и рассказ этот поступил в область преданий.

Есть духи, имеющие свое определенное местожительство. Таковы: домовые, банные, овинные, водяные и пр.

Что касается домового, то почти все крестьяне верят, что он существует и живет невидимкою в каждом доме и непременно один, но каков внешний вид его — никто не сказал, потому что никто его не видал: он — невидимка. Иногда домовой любит скотину, гладит, кормит и холит лошадь, заплетает ей гриву, а то случается, что скотина плохо ест, худеет, тогда крестьяне говорят, что она не к двору, ее не любит домовой. Если крестьянину жалко переменить лошадь, которую невзлюбил домовой, или хозяин, как они еще называют его, то мужичок оставляет в хлеве, где стоит скотина, хлеб с солью, как бы в дар «хозяину»; но это теперь редко практикуется, скорее бывает, что если лошадь и корова худеют, не к двору, то такую скотину мужик продает или меняет.

— У одного крестьянина, в селе Богодухово Орловского уезда, еще не так давно была тройка лошадей одной масти; как-то этот мужичок проговорился мне, что с лошадьми его беда, корму не едят, валяются по ночам и бьются и совсем, сердечные, исхудали, стало быть, говорит, хозяин их невзлюбил. Из дальнейших расспросов я узнал, что у этого мужичка в хлеве, где стоят его лошади, не вывозился навоз уже два года, поэтому я посоветовал ему вывезти немедленно навоз, а затем дать хлеву немного проветриться, полить пол разведенной известкой, а также и стены, которые были каменные, а лошадей поместить на другом дворе. Прошло несколько времени, мужичок приходит ко мне и говорит, что теперь его лошадушки, слава Богу, корм едят и не бьются по ночам, как прежде. На мое объяснение, что это лошади бились и худели от насекомых, завед-шихся в навозе, мужичок ничего не возразил, а все-таки вера в домового была поколеблена.

— Родной отец мой незадолго до своей смерти рассказывал мне следующее: «в чертей и т. п. бесовщину я не верю, бояться их не боюсь, но, однако, милый сын, я скоро умру: ко мне, вчерашнею ночью, когда я только что лег, но еще не заснул, кто-то подошел, я ясно слышал шаги,

и вдруг “он” приложил холодную руку к моим губам, и я также ясно чувствовал прикосновение руки неведомого вошедшего». Действительно, через несколько времени отец мой умер от удара.

Говорят также, что ночью иногда давит, душит домовой, но прочтешь «Иже херувимы», то перестанет; объясняют это тем, что находит будто бы тень домового, сам же он не посмеет подойти к крещеному человеку.

— У одного мужичка коровы не водились; что-что ни делал мужик, и молебны-то служил, каждый воскресный день свечку пятикопеечную ставил св. Власию, — ничто не помогало; купит другую корову, смотрит, худеет она, молока не дает, все плачет, слеза течет, глаза гноятся. Чистая беда! Вот одна знахарка и посоветовала ему: как только корова отелит теленочка, то выпой последнего и отвези в острог арестантам. Мужик так и сделал. Что же? С тех пор все стало благополучно; коровка корм ест, молочко дает и сама на себя похожа. Крестьянин этот жив и теперь.

— У одного мужичка лошади не водились, корма не ели, были худые, ночью бились и валялись, а к утру все мокрые стоят; невзлюбил, стало быть, лошадок хозяин. Что ни делал мужичок — ничто не помогало. Вот ему и посоветовала знахарка

Акулина пустить на реку тот образочек, который обыкновенно висит у крестьян на их дворе. Послушался мужичок Акулины, снял образок со стены и пустил на реку, вниз по течению, и с тех пор лошади у него стали поправляться, и дело пошло как по маслу. Крестьянин этот жив и по сю пору; он же говорил мне, что если домовые невзлюбят скотины, то мучают ее, бьют, ездят на ней, не дают есть корма. Если же домовой бывает разиня, соня, то соседние домовые воруют тогда корм у скотины и перетаскивают его своим любимым лошадям и коровам. Случается, что домовые из-за корма подерутся, подымут писк, визг, — сонливый домовой тогда проснется и прогонит незваных гостей-воров.

— Купил крестьянин Семен хорошую гнедую кобылку, холил ее, кормил вволю овсом и сеном, благо последнего в тот год уродилось много; кобылка стала гора-горой. Но вдруг она стала худеть, прежние веселые глаза помутились. («Домовой невзлюбил», — решил крестьянин; решили так же и соседи, а особенно настаивал и взваливал вину на домового сосед Егор. «Удивительно, право, — говорил Семен, — сколько ни положишь корму, весь съест, а стала кости да кожа». — «Ну, что ж, — возразил на это Егор, — корм-то ты кла-

дешь, да его соседние домовые таскают, а твой-то слюнявый, видно, соня, знай себе спит». Семен было уж порешил продать свою лошадку, а себе купить иную и другой масти. Но вот подошло Крещение, у Семена престольный праздник: приехали к нему в гости знакомые из соседних деревень, приехали кумовья с кумушками, сваты со свахами и прочая родня. Год был урожайный; всего было вволю: и пирогов, и убоинки, про винцо и говорить уж нечего, так что Семен наш принял гостей и родню на славу. Сидят Семеновы гости вечерком, пьют, едят, речи гугорят, вдруг слышат, что-то на дворе зашуршало, а там послышалось очень ясно: ох! Семен наш перекрестился и подумал: опять, видно, домовой; доконает он мою лошадку; пройдет праздник — непременно сбуду. Но кто-то из гостей вышел на двор узнать причину, и что же? Как раз около колоды, где был корм для лошадей, валяется мужик и стонет. Гость вбежал в хату, рассказал, что видел на дворе и слышал, и вот посыпались все из хаты во двор, подходят к колоде, и тут-то Семен видит Егора, своего соседа. На вопрос, зачем он сюда попал и отчего у него разбито лицо, тот чистосердечно рассказал, что корм у кобылки воровал он, а не домовой, вот Бог наказал его: «Лез я, — говорит

Егор, — через крышу, да нечаянно поскользнулся и скатился под ноги кобылке, а та и ударила меня пятами, да так здорово, что не подымусь».

Сначала Семен было рассердился и хотел посылать за старостой, за сотским, но гости и родня упросили его не делать этого для праздника, а простить Егора, который в свою очередь, по-крестьянски, поклялся отцом и матерью, женою и детьми, что впредь этого не будет делать, тогда Семен взял да и простил Егора. С тех пор лошадка Семенова опять стала поправляться и сделалась еще краше прежнего.

Однако про проделку Егорову впоследствии узнала вся деревня и прозвала его домовым; все смеялись, как это «слюнявый соня» смазал по харе его, Егора, аль он разбудил его, соню, как грохнулся с крыши к колоде?

Говорят, что в старину в овинах водились черти, но теперь овинов нет, и черти переселились неведомо куда; водились также и в банях.

— Наша поповка, то есть усадьба духовных лиц, находится в черте крестьянских строений; во всей поповке была только одна баня, у попа, да и та стояла от дворов на далеком расстоянии, на задах, ближе к полю; про эту баню ходили страшные слухи, что будто бы в полночь сюда

приходили с погоста мертвецы, а погост от бани был недалеко; говорили также, что в ней пировали черти с ведьмами, отчего часто слышали шум, крики и хохот; говорили даже, что раз сам сатана был в бане и играл на дудке, а черти с ведьмами плясали и хохотали. Сам поп боялся топить баню ввечеру, а всегда парился в ней днем и то с двумя-тремя работниками; попадья же много лет не заглядывала в баню; жутко ей было. Поп хотел было разломать баню, не одному ж ему в ней мыться, да все откладывал; народ же говорил, что поп не ломает бани из-за боязни, что черти переберутся, пожалуй, еще ближе, прямо на потолок; правда ли это, нет ли, но так люди говорили. Однажды к попу приехали два его племянника, ребята молодые, учившиеся уже в семинарии, про чертей уже слышавшие, но хотя не прочно, а все-таки не веровавшие в их бытие. Узнав про слухи, что в бане их дядюшки водятся черти и всякая бесовщина, молодцы племяннички собрали с дюжину смелых парней, вооружились, что под руки попало, и хотя с трепетом на сердце, а все-таки подошли к бане почти в полночь, и о диво из див! — в бане огонь, шум и крик, и хохот; оробели наши смельчаки и пошли было назад, но почему-то остановились: голоса из бани по-

слышались не бесовские, а вполне человеческие. Вооружившись смелостью, опять подходят и уже ясно слышат, что в бане люди, а не черти; дверь отперта настежь, табачный дымок выходит из нее; молодцы прямо к двери — и что же? Пять парней и столько же баб, а может быть, и девиц, пьют преспокойно водочку, громко разговаривают и все в амурном настроении. Вышло, что не молодцы испугались уже, а компания, жаждущая любовных ощущений, пришла в неописанный ужас, сообразив не на шутку, что это мертвецы идут с погоста. Но скоро дело разъяснилось, и все пошли в разные стороны. Парни, пировавшие в бане, были узнаны, бабы тоже, и их долго после называли: парней — чертями, а баб — ведьмами. Дурные слухи про баню исчезли; «даже сама матушка попадья стала ходить в баню и расправлять свои косточки», говорили с тех пор крестьяне. А не приезжай к попу племянники, баню бы тот разломал, да и черти, пожалуй, переселились бы, если уж не к попу на потолок, то непременно в какой-нибудь сарайчик пустой на деревне.

Что касается водяного, то никто из крестьян села Богодухова не мог дать мне ясного и определенного ответа, есть ли они или нет. Говорят, что ранее в буковище под мельницей жил водяной,

а теперь его нет; вероятно, стар стал и околел; а все-таки ночью и поздно вечером купаться нельзя, а то утопит водяной; так что выходит какая-то раздвоенность в мыслях: с одной стороны, водяной околел, а с другой — ночью купаться нельзя из-за боязни того же водяного. Несколько лет тому назад, пожалуй, около пятнадцати, в реке Неручи, протекающей в селе Богодухове, утонула женщина, которая, по словам крестьян, в ночное время показывалась из воды и хлопала в ладоши, а также хохотала; однако видеть ее никто не видал, но все-таки крестьяне и крестьянки боялись ночью проходить мимо того места, где утонула женщина.

Впрочем, в последнее время крестьяне забыли про это место, вероятно, убедившись, что особого ничего тут не бывало, да и не может быть.

— Давным-давно в буковище, что под мельницей, водился черт, который питался рыбою, а особенно любил кушать карпов, которых в буковище была тьма-тьмущая; жили эти карпы (лини?) в норах, на дне, где возились, словно свиньи. Черта этого все боялись, и никто в позднее время не ходил мимо буковища. Даже поп сельский боялся его и ежегодно в подарок черту сваливал в буковище воза два хлеба, конечно, ис-

порченного, который не ели уже свиньи. Но черт не брезговал гнилым, затхлым хлебом, он и без того был очень рад и доволен, что сам батька-поп его уважает, и какой бы то ни было подарок, а все-таки присылает.

Как-то летом крестьянин Пахом, опытный нырок и охотник до карпов, подошел к буковищу, разделся, начал нырять и доставать большущих карпов. Кстати скажем, что эта рыба очень смирна в норах и не пугается человека, а потому и Пахом, зная известную сноровку при подобной ловле, вытаскивал карпов очень удачно, так что стоявшие на берегу крестьяне удивлялись счастью Пахома, который наконец и сам сказал: «Теперь нырну и с самого черта шапку стащу, да еще клюну его кулаком по харе». Нырнул Пахом, да и остался в буковище; насилу разыскали его и вытащили багром, но уж мертвого. «Не хвались Пахом, что стащит с черта шапку, может быть, и жив бы был», — говорили одни, а другие возражали, что черту досадно было, что Пахом повытаскал много любимых его карпов, отчего поймал его и задушил. Но как бы то ни было, а все-таки крестьяне не ныряют и до сих пор в буковище за карпами, несмотря на то, что их там множество.

Что касается леших и русалок, то даже старики говорят, что они были раньше, но видеть все-таки их не видали, а теперь их нет, и куда девались — не знают.

Царство русалок, как говорят, было в «конопляхъ», так как за неимением лесов и больших рек в данной местности им водиться было негде, кроме конопляников; но почему их теперь там нет, никому не известно.

По народному поверью, удавленники и утопленники поступают во власть чертей.

— Жил в одной деревушке парень; за какое, бывало, дело ни возьмется он, все ему одна неудача, и прозвали за то его Васей Бесталанным. Пошел раз Вася искать какой-нибудь работы, к тому придет, к другому, один ответ: нет, мол, паренек, работы. С досады Вася и говорит: «Теперь бы хоть к черту нанялся»; а черт тут как тут, стоит себе, ухмыляется, хвостиком повертывает и говорит: «Наймись, наймись ко мне, дружок!» «Хорошо, ладно!» — отвечает Вася. Ударили по рукам, уговорились, конечно, в цене, и пошел Бесталанный в батраки к черту, а тот заставил его возить воду. Лошадей у черта было много, и чуть ли не каждый день новые; богат был черт: говорил он Васе, что лошадок скупает по ярмаркам и что он держит

подряд и на других чертей, ведь не одному же ему нужны лошади, всякий черт любит прокатиться. Хорошо ли, плохо ли жилось нашему Васе, однако проходит год, он и просится у хозяина в побывку домой, повидаться с родными, — а там опять приду к тебе, говорит Вася. Черт отпустил батрака, дал ему денег, все серебра да золота, дал даже лошадку доехать до двора; простились, и покатил наш паренек домой. Долго ли, коротко ли, подъезжает, наконец, парень к своей хатке; выбегает ему навстречу родня, вышли и соседи поглазеть, благо давно не видали Бесталанного; лихо подкатил к своей хате Вася, останавливает лошадь и говорит: «Тпру, маточка, уморилась!» Едва выговорил малый: «маточка», как из-под него выскочила родная его мать, да и бежать. Все перепугались не на шутку, а пуще всех Вася; узнал он тогда, что матушка его с полгода назад удавилась, и понял он, что за лошадки были у черта-подрядчика. Так-то Вася Бесталанный и прикатил домой на своей матушке-удавленнице; говорят, что и воду-то он возил на ней. Оробел тогда Вася и к черту на другой год в батраки не пошел.

— «За копейку удавится», — говорят про скряг. Или еще: «скряжничество до добра не доведет»;

«скупой за копейку с колокольни спрыгнет» — «скупой за копейку удавится». Вот рассказ про одного удавленника:

— На большой дороге был богатый постоялый двор; много православных перебывало в нем: кто лошадку покормит, кто чайком побаловаться, а иной заедет просто водочки испить. Хозяин на постоялом дворе был старый-престарый; люди баяли, что ему без году сто лет, и был этот старик страшный скряга, никому не доверял он своего хозяйства, во все и повсюду вникал сам, до всего доходил своим глазом. Сыновья стариковы, а их было у него трое, скорее походили на работников, а не на хозяйских детей; без спросу и указу отцовского они ничего не могли сделать. Как-то остановились на этом дворе одни проезжие, бедные мужички, переночевали, а наутро при расчете не уплатили одной копейки. Знамо дело, копейка хоть и деньга, да не дорого стоит, но для скряги что золотой, что медная копейка — все равно, одинаково он их бережет и лелеет. Так и наш старик долго приставал к проезжим мужикам, чтобы рассчитались сполна, но делать нечего, где же взять копейку, коли ее нет; не лошадь же отпрягать, и то хорошо, что побожились мужики: ей-богу, мол, отдадим, когда назад

ворочаться будем. Однако старику не спалось, не елось, все мерещилась ему неотданная копейка, и, не дождавшись обратного проезда мужичков, он взял да и удавился. Дети его хорошо знали, что батюшка их, конечно, не в рай угодил, а потому посоветовались со священником, который и велел им в течение восьми лет ни с кого за постой не брать, а бедных мужиков непременно даром кормить. Послушались они этого совета и ни с кого не берут за постой, а бедных и даром кормят. Вот проходит и восемь лет. Как-то под вечер, в сильную вьюгу, прикатили на тройке богатых лошадей на этот двор двое господ и просятся переночевать, а господа эти, к слову сказать, были никто другой, как черти. Переночевали они, призывают: кто за хозяина? И дают за постой; тот не берет; ну, возьми хоть лошадку, говорят господа, но и от лошадки отказываются. Делать нечего; уехали. Глядь, а на дворе стоит в хомуте серый жеребец, господский коренник; так и ахнули стариковы сыновья, но все-таки подошли к жеребцу и снимают с него хомут; только что успели снять, ан перед ними вместо жеребца — их отец, который благодарит их, что послушались они совета священника, что теперь он отмолен и избавлен от мучений. Проговорив это, старик

тотчас же скрылся.

Ходит поверье, что и присланные дети отдаются дьяволу, а если умрет ребенок до совершения над ним святого крещения, то таковой на том свете бывает слепым. Нехорошо, даже опасно ругать и клясть детей; не следует матерям необдуманно произносить на детей: чтоб тебя черт побрал! Кроме худа, ничего из этого не выйдет.

— Залез вор к богатому мужику во двор и думает украсть жеребца, ждет только, чтобы улегся хозяин со своей семьей. Сидит вор, дожидается и видит: крадется по двору черт, и прямо к нему; не оробел мужик и говорит: «Ты зачем, чертушка?» «А ты зачем?» — спрашивает в свою очередь черт. «Да я, — отвечает вор, — пришел за жеребцом». «А я, — говорит черт, — пришел за ребенком». — «Как так?» — «Да так, матери спать захотелось, а ребенок кричит, мешает; а она, недолго думавши, и бухнула: чтоб тебя черт взял! Мне же это на руку, вот я и пришел». Взял черт ребенка у сонной бабы и несет по двору, подходит к вору и говорит: «Подержи, брат, а я сбегаю в хату и положу что-нибудь на место ребенка, только смотри ничего не говори, если ребенок проснется». Вор взял, держит, а черт прямо в хату и положил бабе вместо ребенка осиновую чурку. Пока черт возился в

хате, а младенец чихнул, вор же на это и сказал: «Здравствуй, ангельская душа!» Приходит черт, но ребенка взять не может; поругал, поругал вора, да и пошел восвояси. Вор же забился с малюткой на сеновал и баюкает его. Наутро плач в хате: умер у хозяина-богача сын; тогда вор входит в хату, молится Богу, здоровается и говорит: «Не плачьте, ударьте мертвого ребенка о печку три раза — и он оживет». Внезапное появление человека, совершенно не знакомого, его смелый совет хотя и озадачили плачущих, но все-таки они последовали совету, ударили ребенка три раза о печку — и вдруг появилась осиновая чурка, а вор в это время сбегал на сеновал и принес настоящего, не мертвого, а живого младенца; рассказал, как он хотел украсть жеребца, как увидал черта, и как тот взял ребенка и отдал ему подержать, и как младенец ускользнул из рук черта. Одним словом, вор во всем чистосердечно раскаялся. Обрадованные хозяева отдали даром вору жеребца, угостили его на славу, а там и попрощались.

С тех пор шабаш в этой семье говорить на детей: чтоб вас черт побрал! Да и во всей деревне, где произошла эта история, теперь не услышишь приведенного выражения.

В. И. Даль
О повериях, суевериях и предрассудках русского народа

Вступление

Шиллер сказал: «и в детской игре кроется иногда глубокий смысл» — а Шекспир: «и на небе и на земле есть еще много такого, чего мудрецы ваши не видывали и во сне». Это можно применить к загадочному предмету, о коем мы хотим поговорить. Дух сомнения составляет свойство добросовестного изыскателя, но само по себе, и безусловно, качество сие бесплодно и даже губительно. Если к этому еще присоединится высокомерное презрение к предмету, нередко служащее личиной невежества особенного рода, — то сомнение, или неверие, очень часто бывает лицемерное. Большая часть тех, кои считают долгом приличия гласно и презрительно насмехаться надо всеми народными предрассудками без разбора, сами верят им втихомолку, или по крайней мере из предосторожности, на всякий случай, не выезжают со двора в понедельник и не здороваются через порог.

С другой стороны, если и смотреть на поверья народа вообще как на суеверие, то они не менее того заслуживают нашего внимания как значительная частица народной жизни; это путы, кои

человек надел на себя по своей ли вине или по необходимости, по большому уму или по глупости, но в коих он должен жить и умереть, если не может стряхнуть их и быть свободным. Но где и когда можно или должно сделать то или другое, этого нельзя определить, не разобрав во всей подробности смысла, источника, значения и силы каждого поверья. И самому глупому и вредному суеверию нельзя противодействовать, если не знаешь? его и не знаком с духом и с бытом народа.

Поверьем называем мы вообще всякое укоренившееся в народе мнение или понятие, без разумного отчета в основательности его. Из этого следует, что поверье может быть истинное и ложное; в последнем случае оно называется собственно *суеверием* или, по новейшему выражению, *предрассудком.* Между этими двумя словами разницы мало; предрассудок есть понятие более тесное и относится преимущественно к предостерегательным суеверным правилам, что, как и когда делать или не делать. Из этого усматривается — еще в третьем значении, важность предмета, о коем мы говорим; он дает нам полную картину жизни и быта известного народа.

Не только у всех народов земного шара есть

поверья и суеверия, но у многих они довольно схожи между собою, указывая на один общий источник и начало, которое может быть трех родов: или поверье, возникшее в древности, до разделения двух народов, сохранилось по преданию в обоих; или, родившись у одного народа, распространилось и на другие; или же наконец поверье, по свойству и отношениям своим к человеку, возникло тут и там независимо одно от другого. В этом отношении есть много ученых указаний у г. Снегирева. Сочинитель настоящей статьи ограничился одними только поверьями русского народа, или даже почти исключительно тем, что ему случилось собрать среди народа; посему статья эта вовсе не есть полное исследование этого предмета, а только небольшой сборник или собрание подручных в настоящее время запасов[79].

Север наш искони славится преимущественно большим числом и разнообразием поверий и суеверий о кудесничестве разного рода. Едва ли

---

[79] Примечания: 79

Я с намерением не перечитывал теперь сочинений ни г. Снегирева, ни г. Сахарова. Я даю только сборник, запас, какой случился. Праздничных обрядов я мало касаюсь, потому что предмет этот обработан г. Снегиревым; а повторения того, что уже помещено в «Сказаниях» г. Сахарова, произошли случайно, из одного и того же источника. Я дополнил статью свою из одной только печатной книги: «Русские суеверия» Чулкова, в которой, впрочем, весьма немного русского.

большая часть этого не перешла к нам от чудских племен. Кудесники и знахари северной полосы отличаются также злобою своею, и все рассказы о них носят на себе этот отпечаток. На юге видим более поэзии, более связных, сказочных и забавных преданий и суеверий, в коих злобные чернокнижники являются только как необходимая прикраса, для яркой противоположности. Нигде не услышите вы столько о порче, изурочении, как на Севере нашем; нигде нет столько затейливых и забавных рассказов, как на Юге.

Поверья местные, связанные с известными урочищами, курганами, городами, селами, городищами, озерами и проч., не могли войти в эту статью главнейше потому, что такое собрание вышло бы ныне еще слишком неполно и отрывочно. Если бы у нас много лет сряду занимались повсеместно сбором этих преданий, тогда только можно бы попытаться составить из них что-нибудь целое. Но предания эти гибнут невозвратно; их вытесняет суровая вещественность, которая новых замысловатых преданий не рождает.

Все на свете легче осмеять, чем основательно опровергнуть, иногда даже легче, нежели дать ему веру. Подробное, добросовестное разбирательство, сколько в каком поверье есть или

могло быть некогда смысла, на чем оно основано и какую ему теперь должно дать цену и где указать место — это нелегко. Едва ли однако же можно допустить, чтобы поверье, пережившее тысячелетия и принятое миллионами людей за истину, было изобретено и пущено на ветер, без всякого смысла и толка. Коли есть поверья, рожденные одним только праздным вымыслом, то их очень немного; и даже у этих поверий есть по крайней мере какой-нибудь источник, например: молодцевание умников или бойких над смирными; старание поработить умы самым сильным средством — общественным мнением, против которого слишком трудно спорить.

У нас есть поверья — остаток или памятник язычества; они держатся потому только, что привычка обращается в природу, а отмена старого обычая всегда и везде встречала сопротивление. Сюда же можно причислить все поверья русского баснословия, которое, по всей вероятности, в связи с отдаленными временами язычества. Другие поверья придуманы случайно, для того чтобы заставить малого и глупого окольным путем делать или не делать того, чего от него прямым путем добиться было бы гораздо труднее. Застращав и поработив умы, можно заставить их

повиноваться, тогда как пространные рассуждения и доказательства ни малого, ни глупого не убедят и во всяком случае допускают докучливые опровержения.

Поверья третьего разряда в сущности своей основаны на деле, на опытах и замечаниях; поэтому их неправильно называют суевериями; они верны и справедливы, составляют опытную мудрость народа, а потому знать их и сообразоваться с ними полезно. Эти поверья бесспорно должны быть все объяснимы из общих законов природы: но некоторые представляются до времени странными и темными.

Засим непосредственно следуют поверья, основанные также в сущности своей на явлениях естественных, но обратившиеся в нелепость по бессмысленному их применению к частным случаям.

Пятого разряда поверья изображают дух времени, игру воображения, иносказания — словом, это народная поэзия, которая, будучи принята за наличную монету, обращается в суеверие.

К шестому разряду, наконец, должно причесть — может быть, только до поры до времени — небольшое число таких поверий, в коих мы не можем добиться никакого смысла. Или он был

утрачен по изменившимся житейским обычаям или вследствие искажений самого поверья, или же мы не довольно исследовали дело, или, наконец, может быть, в нем смыслу нет и не бывало. Но как всякая вещь требует объяснения, то и должно заметить, что такие вздорные, уродливые поверья произвели на свет, как замечено выше, или умничанье, желание знать более других и указывать им, как и что делать, — или пытливый, любознательный ум простолюдина, доискивающийся причин непонятного ему явления; эти же поверья нередко служат извинением, оправданием и утешением в случаях, где более не к чему прибегнуть. С другой стороны, может быть, некоторые бессмысленные поверья изобретены были также и с тою только целью, чтобы, пользуясь легковерием других, жить на чужой счет. Этого разряда поверья можно бы назвать мошенническими.

Само собою разумеется, что разряды эти на деле не всегда можно так положительно разграничить; есть переходы, а многие поверья без сомнения можно причислить и к тому, и к другому разряду; опять иные упомянуты у нас, по связи своей с другим поверьем, в одном разряде, тогда как они в сущности принадлежат к другому.

Так, например, все лицедеи нашего баснословия принадлежат и к остаткам язычества, и к разряду вымыслов пиитических, и к крайнему убежищу невежества, которое не менее, как и самое просвещение, хотя и другим путем, ищет объяснения непостижимому и причины непонятных действий. Лица эти живут и держатся в воображении народном частью потому, что в быту простолюдина, основанном на трудах и усилиях телесных, на жизни суровой, — мало пищи для духа; а как дух этот не может жить в бездействии, хотя он и усыплен невежеством, то он и уносится, посредством мечты и воображения, за пределы здешнего мира. Не менее того пытливый разум, изыскивая и не находя причины различных явлений, в особенности бедствий и несчастий, также прибегает к помощи досужего воображения, олицетворяет силы природы в каждом их проявлении, сваливает все на эти лица, на коих нет ни суда, ни расправы, — и на душе как будто легче.

Вопрос, откуда взялись баснословные лица, о коих мы хотим теперь говорить — возникал и в самом народе: это доказывается сказками об этом предмете, придуманными там же, где в ходу эти поверья. Домовой, водяной, леший, ведьма и проч. не представляют собственно нечистую

силу; но, по мнению народа, созданы ею, или обращены из людей, за грехи или провинности. По мнению иных, падшие ангелы, спрятавшиеся под траву *прострел,* поражены были громовою стрелою, которая пронзила ствол этой травы, употребляемой по этому поводу для залечения ран — и низвергла падших духов на землю; здесь они рассыпались по лесам, полям и водам и населили их. Все подобные сказки явным образом изобретены были уже в позднейшие времена; может быть, древнее их мнение, будто помянутые лица созданы были нечистым для услуг ему и для искушения человека; но что домовой, например, который вообще добродетельнее прочих, отложился от сатаны — или, как народ выражается, от черта отстал, а к людям не пристал.

I. Домовой

Домовой, домовик, дедушка, старик, постен или *постень,* также *лизун,* когда живет в подполье с мышами, а в Сибири *суседко,* — принимает разные виды; но обыкновенно это плотный, не очень рослый мужичок, который ходит в коротком смуром зипуне, а по праздникам и в синем кафтане с алым поясом. Летом также в одной рубахе; но всегда босиком и без шапки, вероятно, потому, что мороза не боится и притом всюду дома. У него порядочная седая борода, волосы острижены в скобку, но довольно косматы и частью застилают лицо. Домовой весь оброс мягким пушком, даже подошвы и ладони; но лицо около глаз и носа нагое. Косматые подошвы выказываются иногда зимой, по следу, подле конюшни, а что ладони у домового также в шерсти, то это знает всякий, кого дедушка гладил ночью по лицу: рука его шерстит, а ногти длинные холодные. Домовой по ночам иногда щиплется, отчего остаются синяки, которые, однако, обыкновенно не болят; он делает это тогда только, когда человек спит глубоким сном. Это поверье весьма естественно объясняется тем, что люди иногда в работе или

хозяйстве незаметно зашибаются, забывают потом об этом, и, увидев через день или более синяк, удивляются ему и приписывают его домовому. Иные, впрочем, если могут опамятоваться, спрашивают домового, когда он щиплется: любя или не любя? к добру или к худу? — и удостаиваются ответа, а именно: домовой плачет или смеется; гладит мохнатой рукой или продолжает зло щипаться; выбранит или скажет ласковое слово. Но домовой говорит очень редко; он гладит мохнатой рукой к богатству, теплой к добру вообще, холодной или шершавой, как щетка, к худу. Иногда домовой просто толкает ночью, будит, если хочет уведомить о чем хозяина, и на вопрос: что доброго? — предвещает теми же знаками, добро или худо. Случается слышать, как люди хвалятся, что домовой погладил их такой мягкой ручкой, как собольим мехом. Он вообще не злой человек, а больше причудливый проказник: кого полюбит или чей дом полюбит, тому служит, ровно в кабалу к нему пошел; а уж кого невзлюбит, так выживет и, чего доброго, со свету сживет. Услуга его бывает такая, что он чистит, метет, скребет и прибирает по ночам в доме, где что случится; особенно он охоч до лошадей: чистит их скребницей, гладит, холит, заплетает гривы и хвосты,

подстригает уши и щетки; иногда он сядет ночью на коня и задает конец-другой по селу. Случается, что кучер или стремянный сердятся на домового, когда барин бранит их за то, что лошадь ездой или побежкой испорчена; они уверяют тогда, что домовой наездил так лошадь, и не хуже цыгана сбил рысь на иноходь или в три ноги. Если же лошадь ему не полюбится, то он обижает ее: не дает есть, ухватит за уши да и мотает голову; лошадь бьется всю ночь, топчет и храпит; он свивает гриву в колтун и, хоть день за день расчесывай, он ночью опять собьет хуже прежнего, лучше не тронь. Это поверье основано на том, что у лошади, особенно коли она на плохом корму и не в холе, действительно иногда образуется колтун, который остригать опасно, а расчесать невозможно. Если домовой сядет на лошадь, которую не любит, то приведет ее к утру всю в мыле, и вскоре лошадь спадет с тела. Такая лошадь пришлась *не по двору*, и ее непременно должно сбыть. Если же очень осерчает, так перешибет у нее зад либо протащит ее бедную в подворотню, вертит и мотает ее в стойле, забьет под ясли, даже иногда закинет ее в ясли кверху ногами.

Нередко он ставит ее и в стойло занузданную, и иному барину самому удавалось это видеть, если

рано пойдет на конюшню, когда еще кучер после ночной прогулки не успел проспаться и опохмелиться. Ясно, что все поверья эти принадлежат именно к числу мошеннических и служат в пользу кучеров. Так, напр., кучер требовал однажды от барина, чтобы непременно обменять лошадь на другую у знакомого барышника, уверяя, что эту лошадь держать нельзя, ее домовой невзлюбил и изведет. Когда же барин, несмотря на все явные доводы и попытки кучера, не согласился, а кучеру не хотелось потерять обещанные магарычи, то лошадь точно наконец взбесилась вовсе, не вынесши мук домового, и околела. Кучер насыпал ей несколько дроби в ухо; а как у лошади ушной проход устроен таким изворотом, что дробь эта не может высыпаться обратно, то бедное животное и должно было пасть жертвою злобы мнимого домового. Домовой любит особенно вороных и серых лошадей, а чаще всего обижает соловых и буланых.

Домовой вообще хозяйничает исключительно по ночам; а где бывает днем, это неизвестно. Иногда он забавляется, как всякий знает, вскочив сонному коленями на грудь и, принявшись, ни с того ни с сего, душить человека; у других народов есть для этого припадка название алец,

кошемар, а у нас нет другого, как домовой душил. Он, впрочем, всегда отпускает душу на покаяние и никогда не душит насмерть. При этом домовой иногда бранится чисто по-русски, без зазрения совести; голос его грубый, суровый и глухой, как будто раздается вдруг с разных сторон. Когда он душит, то отогнать его можно только такою же русскою бранью; кто может в это время произнести ее, того он сей же час покидает, и это верно: если в сем припадке удушья сможешь заговорить, бранное или небранное, то всегда опомнишься и можешь встать. Иные и в это время также спрашивают: к добру или к худу? — и дедушка завывает глухо: к ху-у-ду! Вообще он более знается с мужчинами, но иногда проказит и с бабами, особенно, если они крикливы и бестолковы. Расхаживая по дому, он шаркает, топает, стучит, гремит, хлопает дверьми, бросает, чем попало, со страшным стуком; но никогда не попадает в человека; он иногда подымает где-нибудь такую возню, что хоть беги без огляди. Это бывает только ночью, в подполье, в клети, сенях, чулане, в порожней половине или на чердаке; иногда он стаскивает и сваливает ворохом все, что попадется. Перед смертью хозяина он садится иногда на его место, работает его работу, надевает его

шапку; поэтому вообще увидать домового в шапке — самый дурной знак. Перебираясь в новый дом, должно, перекрестившись в красном углу, оборотиться к дверям и сказать: «хозяин домовой, пойдем со мной в дом». Коли ему полюбится житье, то станет жить смирно и ходить около лошадей; а нет, так станет проказить. Голоса его почти никогда не услышишь, разве выбранит кого-нибудь или зааукает на дворе, либо станет дразнить лошадей, заржав по-кониному. Следы проказ его нередко видны и днем: например, посуда вся очутится за ночь в поганом ушате, сковородники сняты с древка и надеты на рога ухвата, а утварь сиделая — столы, скамьи, стулья — переломаны, либо свалены все в одну кучу. Замечательно, что домовой не любит зеркала, иные даже полагают, что его можно выкурить этим средством из такой комнаты, где он много проказит. Но он положительно не терпит сорок, даже мертвых, почему и полезно подвешивать на конюшне убитую сороку. В каких он сношениях с козлом, неизвестно; но козел на конюшне также удаляет или задабривает домового. В этом поверье нет, однако же, связи с тем, что козел служит ведьме; по крайней мере никто не видал, чтобы домовой ездил на козле. Иные объясняют

поверье это так: лошади потеют и болеют, если в конюшне водится ласочка, которая в свою очередь будто не любит козла и от него уходит.

В иных местах никто не произнесет имени домового, и от этого обычая не поминать или не называть того, чего боишься, как, напр., лихорадку, домовой получил столько иносказательных кличек, а том числе почетное звание дедушки. В некоторых местах дают ему свойство оборотня и говорят, что он катится иногда комом снега, клочком сена или бежит собакой.

Для робких домовой бывает всюду, где только ночью что-нибудь скрипнет или стукнет; потому что и домовой, как все духи, видения и привидения, ходит только в ночи, и особенно перед светом; но, кажется, что домовой не стесняется первым криком петуха, как большая часть прочих духов и видений. Для недогадливых и невежд домовой служит объяснением разных непонятных явлений, оканчивая докучливые спросы и толки. А сколько раз плуты пользовались и будут пользоваться покровительством домового! Кучера, под именем его, катаются всю ночь напролет и загоняют лошадей или воруют и продают овес, уверяя, что домовой замылил лошадь или не дает ей есть; а чтобы выжить постылого постояльца

или соседа, плутоватый хозяин не раз уже ночи три или четыре напролет возился на чердаке, в сенях и конюшне и достигал иногда цели своей. Нередко, впрочем, и случайные обстоятельства поддерживают суеверие о домовом. Во время последней польской войны, наш эскадрон стоял в известном замке, в Пулаве, и домовой стал выживать незваных постояльцев: в продолжение всей ночи в замке, особенно в комнате, занятой нашими офицерами, подымался такой страшный стук, что нельзя было уснуть; а между тем самые тщательные разыскания ничего не могли открыть, нельзя было даже определить с точностью, где, в каком углу или месте, домовой возится, — хотя стук был слышен каждому. Плутоватый кастелян пожимал плечами и уверял, что это всегда бывает в отсутствие хозяина, которого домовой любит и уважает и при нем ведет себя благочинно. Случайно открылось, однако же, что домовой иногда и без хозяина успокаивался и что это именно случалось тогда, когда лошади не ночевали на конюшне. Сделали несколько опытов, и дело объяснилось: конюшня была через двор, не менее того, однако же, в одной из комнат замка пришлась как-то акустическая точка, относительно этой конюшни, и топот лошадей раздавался в ней

так звучно, что казалось, будто стук этот выходит из подполья или из стен. Открытие это кастеляну было очень не по вкусу.

В народе есть поверье о том, как и где домового можно увидеть глазами, если непременно захотеть: должно выскать (скатать) такую свечу, которой бы стало, чтобы с нею простоять в Страстную пятницу у страстей, а в субботу и в воскресенье у заутрени; тогда между заутрени и обедни, в Светлое воскресенье, зажечь свечу эту и идти с нею домой, прямо в хлев или коровник: там увидишь дедушку, который сидит, притаившись в углу, и не смеет тронуться с места. Тут можно с ним и поговорить.

II. Знахарь и знахарка

Знахарь и знахарка — есть ныне самое обыкновенное название для таких людей, кои слизывают от глазу, снимают всякую порчу, угадывают о пропажах и проч. *Колдун, колдунья, ведун* и *ведунья* встречаются реже и должны уже непременно знаться с нечистой силой, тогда как знахарь, согласно поверью, может ходить во страхе Божием и прибегать к помощи креста и молитвы. *Волхв* означает то же, что колдун, но слово это в народе не употребительно; даже о *колдуне* или колдунье слышно уже более в сказках; *кудесники* и *доки* местами тоже известны, более на Севере, и означают почти то же, что колдун. *Ворожея, ворожка* относится, собственно, к гаданию разными способами, не заключает в себе условие чернокнижия, но и не исключает его положительно, почему и говорится: я не колдун, да отгадчик — то есть, знаясь с бесом, умею отгадывать. Кроме общеизвестных способов гадания на картах, на кофейной гуще, на руке, на воску или на вылитом в воде яйце, или топленом свинце, на бобах — отчего родилась поговорка: беду на бобах развести, — есть также гадания по священным книгам, суеверие,

выходящее ныне уже из употребления. Гадают также, повесив на веревочку решето и псалтырь, причем то или другое должно перевернуться, если назовут имя виновного.

Несколько лет тому назад один кучер, подозревавший товарища своего, денщика, в воровстве, потребовал, чтобы этот шел с ним к ворожее, жившей у Триумфальных ворот, по Петергофской дороге. Пришли, ворожея еще спала; кучер просидел с денщиком за воротами около часу, потом пошел справиться, не пора ли? Говорят: можно. Он возвращается, зовет товарища — но его нет, и нет по сей день. Струсив ворожеи, при нечистой совести, он бежал и пропал без вести. Для такой же острастки кладут на столе заряженное ружье и велят всем целовать его в дуло, уверяя, что оно вора убьет. Кто боится этого и виноват, тот признается или по крайности откажется под каким-нибудь предлогом от целования ружья.

Святочные гадания, представляющие более игры — также нередко принимаются в прямом значении, и суеверные им верят: строят из лучин над чашкой воды мостик и ставят его под кровать — суженый приснится и поведет по мосту; кладут гребень под подушку, суженый-ряженый почешется и оставит волосок; ставят два прибора

в бане, девушка садится о полуночи, и суженый является ужинать; ставят зеркало и две свечи, девушка сидит перед ним и должна увидеть суженого; бросают башмачок за ворота, куда ляжет носком, туда идти девушке; кормят курицу счетным зерном, насыпают перед каждым гостем овес, пускают петуха, и к кому он подойдет, тому идти замуж или жениться; накрывают приборы, по числу гостей, и подкладывают разные вещи — что кому придется; девушка выходит за вороты и спрашивает имя первого прохожего — так будут звать жениха ее; подслушивают под окнами — и из этого выводят заключения; выливают олово, свинец, воск и проч.

Гадания гороскопические, со времени познания истинной планетной системы и течения миров, сами собой потеряли всякую цену. Не отвергая связи между землею с ее жителями и между планетами, луной и солнцем, — невозможно, однако же, допустить какую-либо зависимость собственно судьбы или участи каждого из людей от взаимного *стояния* или *сосложения* земли нашей и других небесных тел. Тут нельзя найти и тени смысла.

Обо всех поименованных нами выше лицах, ворожеях и колдунах, ходит столько чудес по

белу свету, что они всякому известны. Если какая-нибудь Ленорман могла дурачить в нынешнем веке весь Париж в течение десятков лет и оставить после себя огромное состояние, то нет ничего мудреного, что крестьяне наши, а иногда, может быть, и какое-либо иное сословие, наклевываются на эту же удочку. Иногда обман чрезвычайно прост и тем не менее для тех, до кого относится, навсегда остается загадкой. Офицер, будучи на съемке, заступился за хозяина своего, у которого ночью были украдены деньги. Весьма основательное подозрение падало на Карпа, которого, однако ж, нельзя было уличить и заставить сознаться. Офицер собрал мужиков в одну избу, объявив им, что у него есть волшебная стрелка, которая во всякой толпе отыщет вора и прямо на него укажет. Заставив всех мужиков наперед перекреститься, сложить шапки в кучу и повернуться по солнцу, он расставил их в избе, как ему нужно было, каждого порознь, вынул и раскрыл с разными околичностями компас свой, развертел пальцем стрелку и потом дал ей свободу; со страхом и ожиданием мужики глядели на волшебную стрелку, которая, к бесконечному изумлению их, указала прямо на Карпа, поставленного, как само собою разумеется, на север.

Карп едва не обмер, пал в ноги и повинился. Надобно, впрочем, сознаться, что из посвятивших себя этому промыслу людей попадаются люди необыкновенные по способностям своим и что некоторые, действуя иногда чисто наугад, по темному безотчетному чутью или чувству, нередко угадывают истину. Бесспорно, что ложь и обман гораздо чаще ими руководят; но сила воли, навык обращать все внимание свое на один предмет, сосредотачивать напряженные духовные силы по одному направлению, может быть, и способность смекать, соображать и заключать мгновенно, бессознательно, как бы по вдохновению — возвышают людей этих временно над толпою и дают им средство угадывать и знать более обыкновенного. Впрочем, не говоря здесь об уловках, коими хитрые знахари, ворожеи и другие всезнайки пользуются — выспрашивая осторожно, окольными вопросами о том, о чем нужно гадать, узнавая о том же через лазутчиков своих, или посторонних людей, — знахари всех наименований иногда еще пользуются известными им по преданию тайными средствами, снадобьями и зельями разного рода, и тем производят мнимые чудеса. Примеры этому встретятся ниже, где, по случаю разных тайных поверьев,

кое-что будет объяснено. Колдуны употребляют, так говорят, сушеное волчье сердце или медвежье мясо или сало, чтобы испортить поезд молодых на свадьбах; лошади, весьма естественно, боятся этого духа и потому артачатся, не идут; тогда все кланяются знахарю, дарят его, зовут на свадьбу, потчуют — и он исправляет беду, не знаю какими средствами; но смешно и досадно видеть, с какою глупою важностью такой знахарь сидит в подобном случае, не ломая шапки, на первом месте свадебного стола. Одного такого знахаря умный гость прекрасно наказал за наглость и бесстыдство его. Поспорив с ним, он вызвался, по предложению знахаря, выпить ковш наговорной воды и, исполнив это при всех, сказал: ну теперь ты выпей моей водицы, из того же ковша и ведра. Знахарю нельзя было отказаться, так как он слишком много наперед того хвастал и хвалился, что ему никто ничего не может сделать. Гость зачерпнул в ковш воды и, отошедши в темный угол нашептывать, бросил в ковш порядочную щепоть табаку. Несчастный знахарь провалялся в самом жалком положении всю ночь на соломе, к общему удовольствию поезжан, и свадьба была отпразднована как нельзя лучше.

Удивительно, до какой степени слепая уверен-

ность морочит людей: народ не только верит, что знахарь портит свадьбу, испортив жениха или изноровив лошадей так, что поезд не может тронуться с места, или даже оборотив всех поезжан в собак или волков; но многие расскажут вам, как очевидцы, добросовестно и в полном убеждении, случай вроде следующего: я ехал однажды с работником, говорил зажиточный крестьянин, за которым кое-что водилось. Мы случайно подъехали в деревне к свадьбе, и он попросил меня остановиться, уверяя, что тут должен быть недобрый человек, который хочет свадьбу испортить, а потому-де его надо наказать. Только что работник мой вошел в избу, как оттуда вышел препоганый мужичишка и, подошед к воротам, принялся грызть зубами столб. Кровь льет изо рта, а он все грызет; наконец работник мой вышел, а мужик взмолился ему; тогда тот, погрозившись на него пальцем, сказал: ну, на этот раз ступай, бог с тобой; да смотри, вперед не шали. Мужик поклонился ему, утерся рукавом и пошел. В Сибири какая-то трава, прикрыт или прикрыш, избавляет молодых от всякой порчи.

О знахарях и колдунах говорится, что, не отказав никому своего ремесла, они мучаются, не могут умереть и даже встают от этого после смер-

ти. Надо выкопать такого мертвеца, перевернуть его ничком, подрезать пятки и вколотить между лопаток осиновый кол. Если предавшийся черно-книжию не найдет во всякое время немедленно работы чертям, кои являются к услугам его, то они его растерзают. Не знаю, впрочем, справедливо ли, будто всегда предполагается у колдуна черная книга; кажется, дело делается, по народному поверью, и без книги. Общую многим народам сказку, что кудесники иногда дают дьяволу расписку кровью своею, продавая ему душу, находим мы и в России, но более на юге и на западе.

О колдунах народ верит также, что они *отводят глаза,* то есть напускают такую мару или мороку, что никто не видит того, что есть; а все видят то, чего вовсе нет. Например: едут мужики на торг и видят толпу, обступившую цыган, из которых один, как народ уверяет вновь прибывших, пролезает насквозь бревна, во всю длину его, так что бревно трещит, а он лезет! Вновь прибывшие, на которых не было напущено мары, стали смеяться над толпой, уверяя, что цыган лезет подле бревна, а не сквозь него; тогда цыган, оборотившись к ним, сказал: а вы чего не видали тут? Поглядите лучше на возы свои, у вас сено-то горит! Мужики кинулись, сено точно горит;

отхватили на скорую руку лошадей, перерезав упряжь, а толпа над ними во все горло хохочет; оглянулись опять, возы стоят, как стояли, и не думали гореть.

Упомяну здесь еще о заговоре змей: мне самому не удалось испытать этого на деле, но уверяют, что ясеневое дерево, кора, лист и зола смиряют всякую змею, лишают ее возможности кусаться и даже повергают вроде оцепенения. Ясеневая тросточка или платье, или платок, вымоченные в отваре ясеневой коры или в настое золы, также веточка этого дерева, действуют, как говорят, на змею в расстоянии нескольких шагов, и гадина подпадает власти знахаря. Я вспомнил при этом, что читал подобное в каком-то путешествии англичанина по Индии: там было именно сказано, что индиец касался змеи веткою ясени.

Предоставляю на усмотрение и убеждение читателя, сколько во всех чудесах этих можно или нельзя объяснить, приняв за известного двигателя и деятеля ту таинственную силу, которую ученые называют животным магнетизмом. Об этом будем говорить по поводу сглаза.

III. Кликушество и гадание

Нельзя не упомянуть здесь, кстати, мимоходом о *миряке* и *кликуше.* Есть поговорка: просватать миряка за кликушу, это значит свести вместе такую пару, которая друг друга стоит, такую ровню, где оба никуда не годятся. Кликуша известна почти во всей России, хотя теперь проказницы эти уже довольно редки; это, по народному поверью, юродивые, одержимые бесом, кои, по старинному обычаю, показывают штуки свои преимущественно по воскресеньям на погосте или паперти церковной. Они мечутся, падают, подкатывают очи под лоб, кричат и вопят не своим голосом; уверяют, что в них вошло сто бесов, кои гложут у них животы, и проч. Болезнь эта пристает от одной бабы к другим, и где есть одна кликуша, там вскоре показывается их несколько. Другими словами, они друг у друга перенимают эти проказы, потому что им завидно смотреть на подобострастное участие и сожаление народа, окружающего кликушу и нередко снабжающего ее из сострадания деньгами. Кликуша, большею частью, бывает, какая-нибудь бездомная вдова, рассорившаяся с мужем, дурного поведения жена

или промотавшаяся со стороны нищая. Есть глупые кликуши, которые только ревут и вопят до корчи и пены на устах; есть и более ловкие, кои пророчествуют о гневе Божием и скором преставлении света. Покуда на селе одна только кликуша — можно смолчать, потому что иногда это бывает баба в падучей болезни; но коль скоро появится другая или третья, то необходимо собрать их всех вместе, в субботу, перед праздником, и высечь розгами. Двукратный опыт убедил меня в отличном действии того средства: как рукой сымет. Средство это весьма не дурно, если бы даже это был род падучей болезни, которая так легко сообщается другим: один из знаменитейших врачей прошлого века прекратил этим же или подобным зельем распространение падучей в одном девичьем пансионе, где внезапно большая часть учениц, одна подле другой, впадали от испуга и переимчивости в эту болезнь. Страх действует в таком случае благодетельно на нервы и мозг.

Миряк — почти то же между мужчинами, что в бабах кликуша: это также одержимый бесом, который кричит, ломается, неистовствует и обыкновенно объясняется голосом того или другого зверя или вообще животного. Миряки в особенности появляются в Сибири и, по мнению

некоторых, происходят от языческих шаманов.

Поверья об *огненных змиях,* почитаемых злыми духами мужеска пола, основаны, вероятно, на явлении метеоров, сопровождаемом огнем и треском. В особенности народ полагает, что змеи эти летают к женщинам, с коими дружатся и коротко знаются. Такие девки или бабы обыкновенно худеют, спадают с тела и почитаются нечистыми, а иногда и ведьмами. Сказки об этом сохранились у нас издревле, и богатырь Тугарин Змеевич и Краса Зилантовна[80] суть исчадия такой четы, родившейся в диком воображении народа. Сказки об огненных змиях разного рода, о змиях трехглавых, двенадцатиглавых и проч., сохранились именно только как сказки, составляя или шутку, или предание старины — все это было, да быльем поросло, а ныне таких чудес нет.

Ворожба и *гадания, снотолкования,* а затем и *заговоры* — принадлежат более к последнему из принятых нами разрядов, то есть к таким поверьям, к коим прибегает в отчаянии бедствующий, чтобы найти хотя какую-нибудь мнимую отраду, чтобы успокоить себя надеждой. Это иногда можно сравнить с мнимою помощью, подаваемою

---

[80] Примечания: 80
Зилан — по-татарски змея.

лежащему на смертном одре, в полном убеждении, что помощь эта ни к чему не послужит; а между тем нельзя же оставаться при страдальце в бездействии, надобно по крайней мере в успокоение совести своей и для удовлетворения общего требования делать, что люди велят, — тогда хоть можно сказать впоследствии: что только можно было придумать — все делали. Иногда, впрочем, суеверия эти служат только шуткой, забавой и смешиваются с играми и обрядами. Между тем ворожба, гадания и заговоры до того близки к житью-бытью колдунов, знахарей и ведьм, что здесь будет удобнее поговорить об этом предмете.

Самая сбыточность или возможность ворожбы, гаданий и снотолкований, основанных не на обмане и суеверии, может быть допущена только в виде весьма редких исключений, а именно: в тех только чрезвычайных, выходящих из ряду случаев, где мы должны признать временное возвышение души человеческой над обыкновенным, вседневным миром и где человек сам собою (болезненно) или искусственно (при магнетизировании) входит в особенное, малоизвестное нам доселе магнетическое состояние. Несмотря на бесчисленное множество случаев и примеров, где, при подробном розыскании или случайно,

был открыт подлог, обман или ошибка — в наше время уже нельзя отвергать вовсе чудес животного магнетизма; но вопрос состоит в том, до какой степени чудеса эти могут деяться и где предел их, за коим следует бесконечная степь, скрытая под маревом сказочных видений *Тысячи и одной ночи!* Осторожность обязывает нас, не отрицая положительно всех чудес этих, верить тому только, в чем случай и опыт нас достаточно убедят; а сверх того, еще убеждаться с крайнею осмотрительностью, зная уже, что в этом деле бывало доселе несравненно более ошибок, недоразумений, умышленных и неумышленных обманов, чем истины. Не худо, кажется, во всяком случае рассудить также следующее: если и допустить, что душа может иногда находиться в положении или состоянии ясновидения, то и тогда она могла бы видеть одно только прошедшее и настоящее, — но не будущее, которого еще нет, другими словами, предложив, что душа наша иногда может быть превыше *пространства,* никоим образом нельзя допустить, чтобы она могла быть также превыше *времени,* по крайней мере относительно будущего, Тогда должно бы верить в судьбу, в неотвратимый рок язычества и мусульманства. Тогда не было бы на свете ни

добра, ни худа, ни добродетели, ни пороков, а все шло бы только вперед установленным порядком. Этому я верить не могу; я верю в судьбу другого рода: в неминуемые, неизбежные последствия известного сочетания обстоятельств и действий; даны премудрые, вековечные законы природы, даны человеку свободная воля и рассудок — все остальное есть судьба, образующаяся из последствий действий того и другого. На таком только основании можно допустить ясновидение — где оно несомненно будет доказано на деле. Перейдем теперь опять к своему предмету.

Вообще всякое решение посредством ворожбы заключает в себе: или простую ложь, сказанную наудачу; или ловкое изречение, по примеру древних оракулов, допускающее произвольное толкование; или такие сведения по предложенному вопросу, коих никто не мог предполагать в ворожее; или соображения, догадку более или менее основательную; или, наконец, бессознательное соображение и сочетание обстоятельств и условий, называемое ясновидением. Но, повторяем, последнее всегда почти крайне сомнительно и едва ли может быть наемно или продажно; сами даже ясновидящие весьма нередко бредят, как в горячке, и не могут отличить правды от лжи.

О снотолкованиях должно сказать почти то же; предоставляем всякому судить, по собственному убеждению, о возможности предвещательных снов, кои могут рождаться у сонного ясновидящего, как и наяву; обыкновенные же грезы, как всякому известно, бывают следствием думы, действий и беседы в продолжение дня или же происходят от причин физических: от прилива крови или давления на известные части мозга, из коих каждая, бесспорно, имеет свое назначение. Связь эту и последствия ее каждый сам легко может испытать: изучите немного черепословие, дайте приятелю покрепче заснуть и начните осторожно нажимать пальцем хоть, например, орган музыки; продолжайте, усиливая давление, до просыпа спящего; тогда спросите его, что ему грезилось? — и вы услышите, к удивлению своему, что ему снилось что-нибудь весьма близкое к предмету этого органа. Это доказывает, что физическое влияние разного рода, зависящее от сотни случайных обстоятельств, рождает сон того или другого рода, изменяемый и дополняемый настройством души, — а мы ищем в сих случайностях будущую свою судьбу.

О кудесничестве, чарах, гадании разного рода, — сошлюсь на книгу Сахарова, не желая

повторять однажды напечатанное.

IV. Заговоры

Заговоры — которые у нас обыкновенно совершаются с молитвой, потому что народ наш страшится чернокнижия — хотя изредка есть люди, коим невежество народа приписывает связи с нечистым, — заговоры составляют для меня самый загадочный предмет между всеми поверьями и суевериями; я признаюсь, что неохотно приступаю теперь к речи об нем, чувствуя наперед недостаточность, неполноту сведений моих и убеждений. Всякому, кто займется подобным исследованием на деле, легко убедиться, что тут кроется не один только обман, а еще что-нибудь другое. Если самый способ действия признать обманом, потому что убеждение наше отказывается верить тому, в чем мы не видим ни малейшего следа, смысла — то все еще остается решить, какие же именно невидимые нами средства производят видимые нами действия? Будем стараться при всяком удобном случае разыскивать и разъяснять их; по мере этих разъяснений, мнимые чудеса будут переходить из области заговоров в область естественных наук, и мы просветимся. Уже этой одной причины, кажется,

достаточно для того, чтобы не пренебрегать, как обыкновенно делают, сим предметом; жаль, что ученые испытатели природы, копаясь по целым годам над каплею гнилого настоя и отыскивая в ней микроскопических наливняков, не посвятят средств и сил своих сему более общему и важному предмету, к коему они, не зная его вовсе, по одному только предубеждению относятся презрительно.

Заговоры, в том виде, как они иногда с большим трудом достаются в наши руки, состоят в нескольких таинственных по смыслу словах, коих образцы можно видеть в издании г. Сахарова. Ниже приложено несколько из мною собранных, для примера. В них то общее, что после обычного вступления, в коем крестятся, благословляются, поминают море-океан, бел-горюч-камень алатырь и проч., следует первая половина заговора, состоящая из какого-то странного иносказания или примера, взятого, по-видимому, весьма некстати, из дальних и неведомых стран; а затем уже заговорщик обращается собственно к своему предмету или частному случаю, применяя первое, сколько можно, ко второму и оканчивая заклинание свое выражением: слово мое крепко, быть по-моему, или аминь. Мы видим

в заговорах вообще невежественное смешение духовных и мирских — святых и суеверных понятий. Невежеству народа, простоте его, а не злонамеренности, должно приписать такое суесвятство и кощунство. Таковы заговоры любовные, заговоры от укушения змеи или собаки, от поруба или кровотечения, от ружья или пули, от огня или пожара и проч. Есть еще особый род заговоров, соединяющих в себе молитву и заклятие; сюда, напр., принадлежит заговор *идучи на суд,* где заговорщик испрашивает себе всех благ, а на противников своих и неправедных судей накликает все возможные бедствия. Я очень жалею, что этот замечательный образчик смеси черного и белого, тьмы и света не может быть здесь помещен и что вообще нельзя отыскать о сем предмете все то, что было бы необходимо для некоторого разъяснения его.

Собственно, в болтовне заговора, конечно, не может быть никакого смысла и значения, как, повидимому, и сам народ утверждает пословицами и поговорками своими: язык без костей — мелет; собака лает, ветер носит; криком изба не рубится; хоть чертом зови, да хлебом корми и проч. Это подтверждается еще и тем, что на один и тот же случай есть множество различных, но, по мне-

нию народа, равносильных заговоров. Но народ при всем том верит, что кто умеет произнести заговор как следует, не только языком, но и душой, соблюдая притом все установленные для сего, по таинственному преданию, приемы и условия, тот успеет в своем деле. Стало быть, народ верит в таинственную силу воли, в действии духа на дух, на незримые по себе и неведомые силы природы, которые, однако же, обнаруживаются затем в явлениях вещественных, доступных нашим чувствам. Нельзя не сознаться, что это, с одной стороны, свыше понятий наших, может быть, даже противно тому, что мы привыкли называть здравым смыслом, — но что это в сущности есть то же самое явление, которое, несколько в ином виде, ученые наши прозвали животным магнетизмом. Все это отнюдь не служит ни доказательством, ни объяснением, а, так сказать, одним только намеком и предостережением.

Передать силу заговора можно, по народному поверью, только младшему летами; обнаружив заговор гласно, сам лишаешься способности заговаривать, а будешь молоть одни бессильные слова; у заговорщика, во многих случаях, должны быть непременно все зубы целы, иначе он заговаривать не может; если употребить заговор во

зло, то, хотя бы это и удалось на сей раз, человек, однако же, на будущее время теряет способность заговаривать; но должно пояснить примером, что именно, по народному поверью, называется употребить заговор во зло: заговор от червей составлен для скотины и лошадей; если же барин принудит знахаря заговорить червей на собаке, то это на сей раз удастся, но впредь уже черви никогда этого знахаря не послушаются. Многие заговоры читаются натощак, на пороге, в чистом поле, лицом к востоку, на ущерб луны, по легким дням (вторник, среда, суббота), или, наоборот, по черным дням, если заговор принадлежит к чернокнижию — дни эти поименованы ниже; другие заговоры читаются на ветер, над проточной водой, на восходе или на закате солнца, под

осиной[81], под связанными сучьями двух березок (от лихорадки), над ковшом или черепком воды, над волосами, ногтями или следом (собранною землею из-под ступни) того человека, кого надо испортить или влюбить; и все почти заговоры читаются шепотом или про себя, втихомолку, так чтобы никто о том не знал, не ведал[82]. Есть, наконец, сверх всего этого множество особых примет, по коим заключают об успехе предпринимаемого заговора. Список о чернокнижии считает 33 дня в году, в кои кудесники совершают свои чары: января 1, 2, 4, 6, 11, 12, 19 и 20; февраля 11, 17, 28; марта 1, 4, 14 и 24; апреля 3, 17 и 18; мая 7 и 8; июня 17; июля 17 и 21; августа 20 и 21; сентября 10 и 18; октября 6; ноября 6 и 8; декабря 6, 11 и 18; понедельник и пятница, как известно, считаются

[81] Примечания: 81

Осина, в народных поверьях и в хозяйстве, замечательное дерево. На нем, по народному преданию, удавился Иуда — отчего и лист осиновый вечно дрожит; осиновым колом прибивают в грудь мертвеца-колдуна, ведьму, упыря, — который встает и бродит по ночам; осиновыми кольями должно бить коровью смерть, при известном ночном опахивании деревни, где действуют одни нагие бабы; в осиновый пень вколачиваются волосы и ногти больного, чтоб избавить его от лихорадки; разбитые параличом должны, лежа, упираться босыми ногами в осиновое полено; такое же полено, засунутое в куль негашеной извести, как говорят, не дает ей сыреть и портиться, равно положенное в посуду с квашеной капустой не дает ей бродить и перекисать; осиновые дрова, если ими протапливать изредка печь, уничтожают всю сажу, так что вовсе не нужно труб чистить; осина, самое мягкое и негодное дерево, дает самые прочные торцы для мостовой, особенно на конных приводах.

[82] Примечания: 82

Вот несколько образчиков заговоров, взятых из разных губерний, они много походят на заговоры, собранные Сахаровым. 1. Заговор от поруба. Встану я, благословясь, лягу я, перекрестясь, пойду стану, благословясь, пойду, перекрестясь, во чистое поле, во зеленое поморье, погляжу на восточную сторону: с правой, со восточной стороны, летят три врана, три братеника, несут трои золоты ключи, трои золоты замки; запирали они, замыкали они воды и реки и синия моря, ключи и родники; заперли они, замкнули они раны кровавые, кровь горючую. Как из неба синего дождь не канет, так бы у раба божьего N. N. кровь не канула. Аминь. 2. Приворотный заговор или любжа, который читается на подаваемое питье. Лягу я, раб Божий, помолясь, встану я, благословясь, умоюсь я росою, утрусь престольною пеленою; пойду я из дверей в двери, из ворот в вороты, выйду в чистое поле, во зеленое поморье. Стану я на сырую землю, погляжу я на восточную сторонушку, как красное солнышко воссияло: припекает мхи-болоты, черные грязни. Так бы прибегала, присыхала раба Божия N. о мне рабе Божьем N. очи в очи, сердце в сердце, мысли в мысли: спать бы она не заспала, гулять бы не загуляла, аминь тому слову. 3. Заговор от ружья. На море, на океане, на острове на Буяне, гонит Илья Пророк на колеснице гром со великим дождем: над тучей туча взойдет, молния осияет, гром грянет, дождь польет, порох зальет. Пена изыде и язык костян. Как-даба-рабица N. мечется, со младенцем своим не разрожается, так бы у него раба N. бились и томились пули ружейные и всякого огненного орудия. Как от кочета нет яйца, так от ружья нет стрелянья. Ключ в небе, замок в море. Аминь, трижды. 4. От лихорадки. Встану я, раб Божий N., благословясь, пойду, перекрестясь, из дверей в двери, из ворот в вороты, путем дорогой к синему океану-морю. У этого океана-моря стоит древо карколист: на этом древе карколисте висят: Косьма и Демьян, Лука и Павел, великие помощники. Прибегаю к вам, раб Божий N., прошу, великие помощники К. и Д., Л. и П., сказать мне: для чего-де выходят из моря-океана женщины простоволосые,

для чего они по миру ходят, отбивают от сна, от еды, сосут кровь, тянут жилы, как червь, точат черную печень, пилами пилят желтые кости и суставы? Здесь вам не житье-жилище, не прохладище; ступайте вы в болота, в глубокие озера, за быстрые реки и темны боры: там для вас кровати поставлены тесовые, перины пуховые, подушки пересные; там яства сахарные, напитки медовые, там будет вам житье-жилище, прохладище — по сей час, по сей день, слово мое, раба Божьего N., крепко, крепко, крепко. 5. От укушения гада. Молитв ради Пречистыя твоея матери благодатный свет мира, отступи от меня, нечестивый, змея злая, подколодная, гадина люта, снедающая людей и скот: яко комары от облаков растекаются, тако и ты, опухоль злая, разойдись, растянись, от раба Божьего N. Все святые и все монастырские братья, иноки, отшельники, постники и сухоядцы, чудовные святые лики, станьте мне на помощь, яко в дни, тако и в нощи, во всяком месте, рабу Божьему N. Аминь. 6. Украинский заговор от звиху (от вывиха). Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Гдесь-недесь на сынему мори лежыть камень билый, на билому камени кто-сь седыть, высижа, из жовтой кости цвиль выкликая; жовтая кость левов дух; як у льву дух не держится, то щоб так у жовтой кости раба Божьего N. звих не державен. Миколаю угоднику, скорый помощнику, мисяцю ясный, князю прекрасный, стань мени у помощь, у первый раз, у третий раз. Аминь.

тяжелыми или черными днями, в кои ничего не должно предпринимать, а по мнению некоторых, не должно и работать. Равноденственные дни также принадлежат кудесникам, и известная воробьиная ночь на Украине посвящена ведьмам. Первая и последняя четверть луны вообще почитаются временем удобным для предприятий всякого рода, хозяйственных и других распоряжений — а полнолуние и новолуние временем менее к тому пригодным.

Большая часть заговоров начинаются словами: на море на океане и во многих поминается бел-горюч камень алатырь. На Руси есть город Алатырь — не менее того, однако же, никто не объяснил доселе, какой это таинственный камень. Иные полагали, что это должен быть янтарь, но, кажется, это неосновательная догадка. Раз только удалось мне выпытать прямо из уст крестьянина объяснение, которое, впрочем, ровно ничего не объясняет: на Воздвиженье змеи собираются в кучу, в ямы, пещеры, яры, на городищах, и там-де является белый светлый камень, который змеи лижут, насыщаясь им, и излизывают весь; это и есть бел-горюч-камень алатырь. К сказке этой, вероятно, подало повод то, что змеи залегают и замирают на зиму, почему народ и искал объяс-

нения, чем они в это время питаются, и придумал камень алатырь; осенью же они точно собираются для приплода в кучи.

Есть много людей, правдивых и притом нелегкомысленных, кои утверждают самым положительным образом, что испытали тем или иным способом действительность того или другого заговора; а потому, откинув на сей раз всякое предубеждение, постараемся разыскать, сколько и в какой степени может быть тут правды? Утверждают, что заговор действует только на верующих: если пуститься на месмерические или магнетические объяснения, то, может быть, это покажется менее диким и невероятным, чем оно с первого взгляда представляется; но мы вовсе не намерены писать рассуждение о магнетизме и потому удовольствуемся одним только намеком и указанием на него.

Кто в деревнях не знает заговора от червей? У какого помещика нет на это известного старика, который спасает летом и крестьянскую, и господскую скотину от этого бича? Заговорщик идет в поле, отыскивает траву или куст мордвинник, или будак (carbuus cnicus, C. Bebebictus), заходит к нему так, чтобы тень на него не пала, говорит: «Ты, трава, Богом создана, имя тебе мордвинник;

выведи червей из пегой (серой, бурой, черной) яловки или коровы такого-то. Коли выведешь, отпущу, а не выведешь, с корнем изжену». В некоторых местах говорят просто: «тогда тебе подняться, когда у гнедой кобылы такого-то черви из бока (уха, зада и проч.) вывалятся». Вместе с тем привязывают верхушку будака ниткой к колышку и втыкают его в землю, так, чтобы нагнуть стебель, но не переломить его; другие же просто нагибают стебель мордвинника, подтыкая его под стебли соседних трав, так чтобы он не мог сам собою высвободиться. Дело это вообще известно под выражением: заламывать траву. На другой или третий день знахарь идет справляться, вывалились ли черви у скотины? А на утвердительный ответ непременно отыскивает опять свой мордвинник и отпускает его, в некоторых местах еще с особой поговоркой: «Ты мне отслужила, я тебе отслужу». Если этого не сделать, то трава в другой раз не послушается; а если по какому-либо случаю средство не поможет, то и не должно отпускать мордвинника, в наказание за ослушание. Если червей мазали дегтем, скипидаром и проч., то их, по уверению знахарей, уже заговаривать нельзя. Довольно замечательно, что убогий мужик, как мне слу-

чилось видеть, занимавшийся этим ремеслом, взявшись с успехом вывести червей из двух скотин, отказался от третьей потому, что рану уже мазали дегтем, и ни за что не соглашался даже на попытку, хотя ему обещали значительное для него вознаграждение.

Об этом средстве я не смею сказать ничего положительного; нужно повторить сто раз опыт, с наблюдением всех возможных предосторожностей, прежде чем можно себе позволить сказать гласное слово в пользу такого дела, от которого здравый смысл наш отказывается; скажу только, что я не мог доселе открыть ни разу в подобных случаях, чтоб знахарь употреблял какое-либо зелье или снадобье; а скотина нередко ночевала у нас под замком. Объяснение, будто знахари берутся за дело тогда только, когда так называемые черви — правильнее гусеницы — созрели, в поре, и потому сами выползают, вываливаются и ищут нужного им убежища, для принятия образа личинки, — объяснение это никак не может меня удовлетворить; знахари не разбирают поры, не спрашивают, давно ли черви завелись — чего, впрочем, и сам хозяин обыкновенно в точности не знает; осматривают скотину издали, одним только взглядом, или даже, спросив какой она

масти, делают дело за глаза. Какая возможность тут рассчитать день в день, когда черви должны сами собой вываливаться? Кроме того, всякий хозяин знает по опыту, что если раз черви завелись в скотине, то им уже нет перевода почти во все лето, потому что насекомые, от яиц которых они разводятся, вероятно, их беспрестанно подновляют. Первые врачи Петербурга, не говоря о множестве других свидетелей, не сомневаются в том, что одна известная дама, бывшая здесь несколько лет тому, одним взглядом своим повергала детей в сильно судорожное состояние и творила над ними другие подобные чудеса. Если это так, то, отложив всякое предубеждение, всякий ложный стыд, я думаю, можно бы спросить: вправе ли мы отвергать положительно подобное влияние незримых сил природы человека на животное царство вообще? Осмеять суеверие несравненно легче, нежели объяснить или хотя несколько обследовать его; также легко присоединиться безотчетно к общепринятому мнению просвещенных, несуеверных людей, и объяснить все то, о чем мы говорили, вздором. Но будет ли это услуга истине? Повторяю, не могу и не смею отвергать его с такою самоуверенностью и положительностью, как обыкновенно водится между

разумниками. Не верю, но не решусь сказать: это ложь.

Любовные заговоры бывают двоякие: приворот милых или желаемых людей и извод постылых. В последнем случае действует мщение или ревность. Те и другие заговоры бывают заглазные, голословные или же соединены с нашептыванием на воду, которую дают пить, или с заговором и другими действиями над волосами, отстриженными ногтями, частями одежды или над следом прикосновенной особы, то есть над землею, взятою из-под ступни ее. Любжа вообще, то есть изводное или приворотное зелье, бесспорно принадлежит к числу тех народных врачебных средств, кои наделали много зла;

под этим предлогом нередко отравляли людей, как мне самому случалось видеть. Большею частью дают в этом случае сильно возбуждающие яды, коих последствиями иногда удавалось воспользоваться, что и служило мнимым подтверждением таинственной силы заговора. Довольно известное бестолковое средство привораживать к себе женщину заключается в следующем: нашедши пару совокупившихся лягушек, должно посадить их в коробку или корзинку с крышкой, или бурак, навертев в него много дыр; бросив

или закопав это в лесу, в муравейник, бежать без оглядки — иначе попадешься чертям на расправу; через трое суток найдешь в коробке одни кости и между ними какую-то вилочку и крючочек. Зацепив мимоходом женщину где-нибудь крючочком этим за платье и отпустив опять, заставишь ее страдать и вздыхать по себе; а если она уже надоест, то стоит только прикоснуться к ней вилочкой, и она тебя забудет. Этот вымысел праздного воображения известен у нас почти повсеместно. Другой подобный состоит в чарах над змеей; третий — над сердцами двух белых голубей и проч. Это подробнее описано в книге Сахарова. Вообще слово любжа означает зелье для извода постылых людей, нелюбых сердцу, и для приворота любых, по коим сохнешь. Для составления любжи копают лютые коренья, так же как и для клада, в Иванов день, 23 июня.

В средние века творили в Европе чары над поличием того, кому желали зла, или над куклой, одетой по наружности так, как тот обыкновенно одевался. Замечательно, что у нас на Руси сохранилось местами что-то подобное, изредка проявляющееся, кажется, исключительно между раскольниками. Люди эти не раз уже — и даже в новейшее время — распускали в народе слухи,

что по деревням ездит какой-то фармасон в белой круглой шляпе — а белая шляпа, как известно, в народе искон служит приметою фармасонства, — этот-де человек обращает народ в свою веру, наделяя всех деньгами; он списывает со всякого, принявшего веру его, поличие и увозит картину с собою, пропадая без вести. Если же впоследствии новый последователь фармасонщины откинется и изменит, то белая шляпа стреляет в поличие отступника, и этот немедленно умирает.

Возвратимся к своему предмету, к порче любовной и любже. Это поверье, кроме случаев, объясненных выше, принадлежит не столько к числу вымыслов праздного, сказочного воображения, сколько к попыткам объяснить непонятное, непостижимое и искать спасения в отчаянии. Внезапный переворот, который сильная, необъяснимая для холодного рассудка страсть производит в молодом парне или девке, — заставляет сторонних людей искать особенной причины такому явлению, и тут обыкновенно прибегают к объяснению посредством чар и порчи. То, что мы называем *любовью*, простолюдин называет порчей, сухотой, которая должна быть напущена. А где необузданные, грубые страсти не могут найти удовлетворения, там они также хотят во что бы

ни стало достигнуть цели своей; люди бывалые знают, что отговаривать и убеждать тут нечего; рассудок утрачен; легче действовать посредством суеверия, да притом тем же путем корысть этих бывалых людей находит удовлетворение. Но я попрошу также и в этом случае не упускать из виду на всякий случай действие и влияние животного магнетизма, который, если хотите, также есть не что иное, как особенное название общего нашего невежества. — Настойчивость и сильная, непоколебимая воля и в этом деле, как во многих других, несмотря на все нравственные препоны, достигали нередко цели своей, — а спросите чем? *Глазами,* иногда, может быть, и речами, а главное, именно силою своей воли и ее нравственным влиянием. Если же при этом были произносимы таинственные заклинания, то они, с одной стороны, не будучи в состоянии вредить делу, с другой, чрезвычайно портили его, дав преданному им суеверу еще большую силу и ничем не поколебимую уверенность. Бесспорно, впрочем, что самая большая часть относящихся сюда рассказов основаны на жалком суеверии отчаянного и растерзанного страстями сердца.

Парень влюбился однажды насмерть в девку, которая, по расчетам родителей его, не была

ему ровней. Малый был не глупый, а притом и послушный, привыкший сызмала думать, что выбор для него хозяйки зависит безусловно от родителей и что закон не велит ему мешаться в это дело; родители скажут ему: мы присудили сделать то и то, а он, поклонившись в ноги, должен отвечать только: власть ваша. Положение его становилось ему со дня на день несноснее; вся душа, все мысли и чувства его оборотились вверх дном, и он сам не мог с собою совладать. Он убеждался разумными доводами, а может быть, более еще строгим приказанием родителей, но был не в силах переломить свою страсть и бродил ночи напролет, заломив руки, не зная, что ему делать. Мудрено ли, что он в душе поверил, когда ему сказали, что девка его испортила? Мудрено ли, что он Бог весть как обрадовался, когда обещали научить его, как снять эту порчу, которая-де приключилась от приворотного зелья или заговора, данного ему девкой? Любовь, несколько грубая, суровая, но тем более неодолимая, и без того спорила в нем с ненавистью или по крайней мере с безотчетною досадою и местью; он подкрепился лишним стаканом вина, по совету знающих и бывалых людей, и сделался вне себя, чему его научили: пошел и прибил больно бедную девку

своими руками. Если побьешь ее хорошенько, сказали ему, то как рукой сымет. И подлинно, как рукой сняло; парень хвалился на весь мир, что он сбыл порчу и теперь здоров. Опытные душесловы наши легко объяснят себе эту задачу. Вот вам пример — не магнетический, впрочем — как, по-видимому, самое бессмысленное средство, тем не менее иногда довольно надежно достигает своей цели. И смешно, и жалко. Немудрено, впрочем, что народ, склонный вообще к суевериям и объясняющий все недоступное понятиям его посредством своей демонологии, состояние влюбленного до безумия не может объяснить себе иначе как тем же, необыкновенным образом. Указание на это находим мы даже в народных песнях, где, например, отчаянный любовник говорит своей возлюбленной, что она ему «раскинула печаль по плечам и пустила сухоту по животу!»

Вот пример другого рода: молодой человек, без памяти влюбившиийся в девушку, очень ясно понимал рассудком своим, что она ему, по причинам слишком важным, не может быть четой — хотя и она сама, как казалось, бессознательно отвечала его склонности. Ему долго казалось, что в бескорыстной страсти его нет ничего пре-

ступного, что он ничего не хочет, не желает, а счастлив и доволен одним этим чувством. Но пора пришла, обстоятельства также — и, с одной стороны, он содрогнулся, окинув мыслями объем и силу этой страсти и бездну, к коей она вела, — с другой, почитал вовсе несбыточным, невозможным освободиться от нее. Тогда добрые люди, от коих он не мог утаить своего положения, видя, что он близок к сумасбродству и гибели, — сумели настроить разгоряченное воображение его на то, чтобы в отчаянии искать помощи в таинствах чар: «встань на самой заре, выдь, не умывшись, на восход солнца и в чистом поле, натощак, умойся росою с семи трав; дошедши до мельницы, спроси у мельника топор, сядь на бревно верхом, положи на него перед собою щепку, проговори такой-то заговор, глядя прямо перед собою на эту щепку, и подняв топор выше головы при последнем слове: «и не быть ей в уме-помысле моем, на ретивом сердце, в буйной в головушке, как не срастись щепе перерубленной — аминь», ударь сильно топором, со всего размаху, пересеки щепку пополам, кинь топор влево от себя, а сам беги без оглядки вправо, домой, и крестись дорогой — но не оглядывайся: станет легко». Что же? Благородная решимость молодого

человека в этом бестолковом средстве нашла сильную подпору: не веря никоим образом при выходе из дому, чтобы стало сил человеческих на подавление этой страсти, хотя и был убежден, что долг и честь его требуют того, он возвратился от мельницы веселый, спокойный — на душе было легко; вслед за тем он возвратил девице полученную от нее записку *нераспечатанною.* Так сильно был он убежден, что дело кончено, союз расторгнут, и с этого дня об этой несчастной любви не было более речи!

Сглаз, притка или порча от сглазу, от глаза, недобрый глаз — есть поверье довольно общее, не только между всеми славянскими, но весьма многими другими, древними и новыми народами. Мы ставим его сюда потому, что оно, по народному поверью, близко к предыдущему. Уже одна всеобщность распространения этого поверья должна бы, кажется, остановить всякое торопливое и довременное суждение о сем предмете; хотя всякое образованное общество и считает обязанностью издеваться гласно над таким смешным суеверием, — между тем как втайне многие искренно ему верят, не отдав себе в том никакого отчета. Скажем же не обинуясь, что поверье о сглазе без всякого сомнения основано на истине;

но оно обратилось, от преувеличения и злоупотреблений, в докучную сказку, как солдат Яшка, Сашка-серая сермяжка, или знаменитое повествование о постройке костяного дома. Бесспорно, есть изредка люди, одаренные какою-то темною, непостижимою для нас силою и властью поражать прикосновением или даже одним взглядом своим другое, в известном отношении подчиненное, слабейшее существо, действовать на весь состав его, на душу и тело благотворным или разрушительным образом или по крайней мере обнаруживать на него временно явно какое-либо действие. Известно, что ученые назвали это животным магнетизмом, месмеризмом и старались объяснить нам, невеждам, такое необъяснимое явление различным и весьма ученым образом; но, как очень трудно объяснить другому то, чего и сам не понимаешь, — то конец концов был всегда один и тот же, то есть, что мы видим в природе целый ряд однообразных, но до времени необъяснимых явлений, которые состоят в сущности в том, что животные силы действуют не всегда отдельно в каждом неделимом, но иногда также из одного животного или через одно животное на другое, в особенности же через человека. Ученые называют это магнетизмом, а народ сглазом.

Стало быть, и тут опять ученые разногласят с народными поверьями только в названии, в способе выражения, а сущности дела они согласны. Как бы то ни было, но если только принять самое явление это за быль, а не за сказку, то и поверье о сглазе и порче в сущности своей основано не на вымысле, а не влиянии живой, или животной, природы. Переходя, однако же, затем собственно к нашему предмету, мы бесспорно должны согласиться, что описанное явление применяется к частным случаям без всякого толка и разбора, и от этого-то злоупотребления оно обратилось в нелепую сказку. Изо ста, а может быть, даже из тысячи случаев или примеров, о коих каждая баба расскажет вам со всею подробностью, едва ли найдется один, который более или менее состоит в связи с этою таинственною силою природы; все остальные были, вероятно, следствием совсем иных причин, коих простолюдин не может или не хочет доискаться; поэтому он в невежестве своем сваливает все подряд, по удобству и сподручности, на сглаз и порчу — который же, кстати, молчит и не отговаривается, а потому и виноват.

V. Водяной

Водяной, водовик или *водяник,* водяной дедушка, водяной черт, живет на больших реках и озерах, болотах, в тростниках и в осоке, иногда плавает на чурбане или на корчаге; водится в омутах и, в особенности, подле мельниц. Это нагой старик, весь в тине, похожий обычаями своими на лешего, но он не оброс шерстью, не так назойлив и нередко даже с ним бранится. Он ныряет и может жить в воде по целым дням, а на берег выходит только по ночам. Впрочем, водяной также не везде у нас известен. Он живет с русалками, даже почитается их большаком, тогда как леший всегда живет одиноко и, кроме какого-нибудь оборотня, никого из собратьев своих около себя не терпит. О водяном трудно собрать подробные сведения; один только мужик рассказывал мне об нем, как очевидец, — другие большею частью только знали, что есть где-то и водяные, но бог весть где. Водяной довольно робкий старик, который смел только в своем царстве, в омуте, и там, если осерчает, хватает купальщиков за ноги и топит их, особенно таких, которые ходят купаться без креста или же не в

указанное время, позднею осенью. Он любит сома и едва ли не ездит на нем; он свивает себе иногда из зеленой куги боярскую шапку, обвивает также кугу и тину вокруг пояса и пугает скотину на водопое. Если ему вздумается оседлать в воде быка или корову, то она под ним подламывается и, увязнув, издыхает. В тихую лунную ночь он иногда, забавляясь, хлопает ладонью звучно по воде, и гул слышен на плесу издалеча. Есть поверье, что если сесть у проруба на воловью кожу и очертиться вокруг огарком, то водяные, выскочив в полночь из проруба, подхватывают кожу и носят сидящего на ней, куда он загадает. При возвращении на место надо успеть зачурать: чур меня! Однажды ребятишки купались под мельницей, когда они уже стали одеваться, то кто-то вынырнул из-под воды, закричал: *скажите дома, что Кузька помер* — и нырнул, ребятишки пришли домой и повторили отцу в избе слова эти: тогда вдруг кто-то с шумом и криком: ай, ай, ай, соскочил с печи и выбежал вон: это был домовой, а весть пришла ему о ком-то от водяного.

Есть также много рассказов о том, что водяной портит мельницы и разрывает плотины, а знахари выживают его, высыпая по утренним и вечерним зорям в воду по мешку золы.

VI. Моряны

Моряны, огняны и *ветряны* есть у других славянских племен; но русские, кажется, ничего об этом не знают. Праздник Купала и другие в честь огня или воды, суть явно остатки язычества и не представляют ныне, впрочем, олицетворения своего предмета. *Лад, Ярило, Чур, Авсен, Таусен* и проч. сохранились в памяти народной почти в одних только песнях или поговорках, как и дубыня, горыня, полкан, пыжики и волоты, Кощей Бессмертный, Змей Горынич, Тугарин-Змеевич, Яга-Баба, кои живут только еще в сказках или изредка поминаются в древних песнях. Народ почти более об них не знает. О Бабе-Яге находим более сказок, чем о прочих, помянутых здесь лицах. Она ездит или летает по воздуху в ступе, пестом погоняет или подпирает, помелом след заметает. Вообще это создание злое, несколько похоже на ведьму; Баба-Яга крадет детей, даже ест их, живет в лесу, в избушке на курьих ножках и проч.

Кикимора также малоизвестна в народе и почти только по кличке, разве в северных губерниях, где ее иногда смешивают с домовым; в иных местах из нее даже сделали пугало мужеска пола,

тогда как это девки-невидимки, заговоренные кудесниками и живущие в домах, почти как домовые. Они прядут, вслух проказят по ночам и нагоняют страх на людей. Есть поверье, что кикиморы — младенцы, умершие некрещеными. Плотники присвоили себе очень ловко власть пускать кикимор в дом такого хозяина, который не уплатил денег за срубку дома.

Игоша — поверье, еще менее общее и притом весьма близкое к кикиморам: уродец, без рук без ног, родился и умер некрещеным; он, под названием игоши, проживает то тут, то там и проказит, как кикиморы и домовые, особенно, если кто не хочет признать его, невидимку, за домовика, не кладет ему за столом ложки и ломтя, не выкинет ему из окна шапки или рукавиц и проч.

Жердяй, от жерди — предлинный и претоненький, шатается иногда ночью по улицам, заглядывает в окна, греет руки в трубе и пугает людей. Это какой-то жалкий шатун, который осужден век слоняться по свету без толку и должности. Об нем трудно допроситься смыслу; но едва ли поверье это не в связи с Кощеем Бессмертным, которого, может быть, тут или там пожаловали в жердяи. Чтобы избавиться от всех этих нечистых, народ прибегает к посту и

молитве, к богоявленной воде, к свечке, взятой в пятницу со страстей, которою коптят крест на притолоке в дверях; полагают также вообще, что не должно ставить ворота на полночь, на севере, иначе всякая чертовщина выживет из дома.

VII. Оборотень

Оборотень — на Украине *вовкулака* — какой-то недобрый дух, который мечется иногда человеку под ноги или поперек дороги как предвестник беды. От него крестятся и отплевываются. Он никогда не является иначе как на лету, на бегу, и то мельком, на одно мгновение, что едва только успеешь его заметить; иногда с кошачьим или другим криком и воем, иногда же он молча подкатывается клубком, клочком сена, комом снега, овчиной и проч. Оборотень перекидывается, изменяя вид свой, во что вздумает, и для этого обыкновенно ударится наперед обземь; он перекидывается в кошку, в собаку, в сову, петуха, ежа, даже в клубок ниток, в кучу пакли и в камень, в копну сена и проч. Изредка в лесу встречаешь его страшным зверем или чудовищем; но всегда только мельком, потому он никогда не даст рассмотреть себя путем. Нередко он мгновенно, в глазах испуганного насмерть прохожего, оборачивается несколько раз то в то, то в другое, исчезая под пнем или кустом, или на ровном месте, на перекрестке. Днем очень редко удается его увидеть, но уже в сумерки он начинает прока-

зить и гуляет всю ночь напролет. Перекидываясь или пропадая внезапно вовсе, он обыкновенно мечется, словно камень из-за угла, со странным криком, мимо людей. Некоторые уверяют, что он-то есть коровья смерть, чума, и что он в этом случае сам оборачивается в корову, обыкновенно черную, которая гуляет со стадом, под видом приблуды или пришатившейся, и напускает порчу на скот. Есть также поверье, будто оборотень дитя, умершее некрещеным, или какой-то вероотступник, коего душа нигде на том свете не принимается, а здесь гуляет и проказит поневоле. В некоторых местах, на Севере, оборотня называют кикиморой; ведьме и домовому иногда приписывают также свойства оборотня. Из всего этого видно, что если мужик видел что-нибудь в сумерки или ночью и сам не знает *что*, — то это, бесспорно, был оборотень.

VIII. Русалка

Русалка — также *чертовка,* или *шутовка,* или *водява,* что означает почти то же, потому что тут у мужиков говорится именно взамен недоброго слова черт. Русалка почти отовсюду вытеснена людьми; а она любит пустые и глухие воды. Нигде почти не найдете вы теперь такого места, где бы, с ведома жителей, поныне водились русалки; или они были тут когда-то и перевелись, или вам укажут, во всяком месте, на другое — а тут-де нет их. На Украине их считают девочками, умершими без крещения; в других местах полагают, что каждая утопленница может обратиться в русалку, если покойница была такова при жизни; или когда девка утонула, купаясь без креста, причем полагают, что ее утащил водяной; опять иные считают русалок вовсе не людского поколения, а нечистыми духами или даже просто наваждением дьявольским. На Юге у нас русалка вообще не зла, а более шаловлива, напротив, великорусская русалка, или шутовка, особенно же северная, где она и называется не русалкой, а просто чертовкой, злая, опасная баба и страшная неприятельница человеческого рода.

При таком понятии о них, их представляют иногда безобразными; но вообще русалки большею частью молоды, стройны, соблазнительно хороши: они ходят нагие или в белых сорочках, но без пояса, с распущенными волосами, зелеными, как иные утверждают; живут дружно, обществами, витают под водой, но выходят и на берег; резвятся, поют, шалят, хохочут, качаются на ближних деревьях, вьют плетеницы из цветов и украшаются ими, и если залучат к себе живого человека, которого стараются заманить всеми средствами, то щекочут его, для потехи своей, до смерти. Иные утверждают, что у русалок между перстов есть перепонка, как у гуся; другие даже, что у нее вместо ног раздвоенный рыбий хвост. Они манят к себе прохожего, если он ночью подойдет к ним — днем они почти не выходят, — иногда гоняются за ним, но далеко от берега реки или озера не отходят, потому что боятся обсохнуть. Если при русалке есть гребень, то она может затопить и сухое место: доколе она чешет мокрые волосы, дотоле с нее все будет струиться вода; если же на русалке и волоса обсохнут, то она умирает. Следы этих шаловливых подружек остаются изредка на мокром песке; но это можно только видеть, застав их врасплох: в противном

случае они перерывают песок и заглаживают следы свои. Где верят в водяного, там считают его атаманом русалок. Но они, бедненькие, очень скучают без мужчин, и все их затеи клонятся к тому, чтобы залучить человека и защекотать его насмерть. Сказывают, что они иногда от скуки перенимают заночевавшее на воде стадо гусей и завертывают им на спине, как шаловливые школьники, одно крыло за другое, так что птица не может сама расправить крыльев; они же, сидя в омутах, путают у рыбаков сети, выворачивают мотню и скатывают их с речной травой. Вообще полная власть шаловливым русалкам дана во время русальной недели, которая следует за Троицыным днем, и до заговенья. Первое воскресенье за Троицей также называется русальным. Это время, по народному мнению, самое опасное, так что боятся выходить к водам и даже в леса. Кажется, несправедливо — как иные полагают — будто русалки хозяйничают до Петрова дня и будто они, по народному мнению, девочки лет семи: этих поверьев я не встречал нигде. На Юге — русалка взрослая девушка, красавица; на Севере, чертовка стара или средних лет и страшна собой. На Украине, в продолжение клечальной недели, есть разные игры в честь русалкам, кои

в это время бегают далече в леса и поля, топчут хлеб, кричат, хлопают в ладоши и проч. Г-н Сахаров напечатал песни русалок, бессмысленные слова или звуки, отзывающиеся украинским или белорусским наречием.

IX. Ведьма

Ведьма известна, я думаю, всякому, хотя она и водится, собственно, на Украине, а Лысая гора, под Киевом, служит сборищем всех ведьм, кои тут по ночам отправляют свой шабаш. Ведьма тем разнится от всех предыдущих баснословных лиц, что она живет между людьми и, ничем не отличаясь днем от обыкновенных баб или старых девок, кроме небольшого хвостика, ночью расчесывает волосы, надевает белую рубашку и в этом наряде, верхом на помеле, венике или ухвате, отправляется через трубу на вольный свет либо по воздуху, либо до Лысой горы, либо доить или портить чужих коров, портить молодцов, девок и проч. Ведьма всегда злодейка и добра никогда и никому не делает. Она в связи с нечистой силой, для чего варит травы и снадобья в горшке, держит черную кошку и черного петуха; желая оборотиться во что-либо, она кувыркается через 12 ножей. Ведьма не только выдаивает коров, но даже, воткнув нож в соху, цедит из нее молоко, а хозяйская корова его теряет. Если сорока стрекочет, то беременной женщине выходить к ней не должно: это ведьма, которая испортит или даже

выкрадет из утробы ребенка. Из этого следует, что ведьма перекидывается также в сороку, и, может быть, от этого сорока противна домовому, для чего и подвешивается в конюшне. Ведьме для проказ ее необходимы: нож, шалфей, рута, шкура, кровь и когти черной кошки, убитой на перекрестке, иногда также и трава тирлич. Ведьма варит зелье ночью в горшке и, ухватив помело, уносится с дымом в трубу. Ведьма иногда крадет месяц с неба, если его неожиданно заволакивает тучами или случится затмение; она крадет дожди, унося их в мешке или в завязанном горшке; крадет росу, посылает град и бурю, и проч. Есть на Украине предание, взятое, как говорят, из актов: злая и пьяная баба, поссорившись с соседкой, пришла в суд и объявила, что та украла росу. По справке оказалось, что накануне росы точно не было и что обвиняемая должна быть ведьма. Ее сожгли. Проспавшись, баба пришла в суд каяться, что поклепала на соседку, а судьи, услышав это, пожали плечами и ударили об полы руками, сказав: от тоби раз!

Ведьме удается иногда оседлать человека, и он, увлекаемый чарами ее, везет ее на себе через трубу и возит по свету до упаду. Есть и обратные примеры, то есть, что осторожный и знающий

человек выезжал на ведьме, как мы видим из рассказов Гоголя. Все это приближает ведьму к разряду знахарок, ворожей и колдунов, давая ей иное значение, чем поверьями дано прочим баснословным лицам. Ведьма есть олицетворенное понятие о злой и мстительной старухе, и злые бабы пользуются суеверием людей. Много было примеров, что вместо мнимой ведьмы ловили злую соседку на том, как она перевязывает вымя у коровы волоском или выходит ночью в одной рубахе, без опояски, босиком, распустив космы, пугать, с каким-либо намерением, суеверных. Много страшного рассказывают о последнем смертном часе ведьм, и в этом отношении они также сравниваются со знахарями и кудесниками: душа не может расстаться с телом, и знающие люди принимают тут различные меры — вынимают доску из потолка, раскрывают угол крыши. Есть также поверье, что ведьмы встают и бродят после смерти, как и колдуны; что ведьму можно приковать к месту, притянув тень ее гвоздем; что ее должно бить наотмашь, то есть от себя, оборотив ладонь, и, наконец, поверье смешивает ведьм иногда с упырями, известными исключительно на Украине и у южных славян, и говорят, что ведьмы также по смерти сосут кровь

из людей или животных и этим их морят. Для этого с ними поступают так же, как с колдунами: перевертывают в могиле ничком и пробивают насквозь осиновым колом между лопаток. Ведьму отчасти смешивают также с вовкулаками или оборотнями, рассказывая, что она иногда подкатывается под ноги клубком или перекидывается в собаку, волка, свинью, сороку, даже в копну сена. Ведьмы же и сами портят людей и делают из них оборотней. Есть рассказы о том, что, снимая шкуру с убитой волчицы или с медведицы, к общему изумлению людей, находили не волчью тушу, а бабу в сарафане или в юбке и запаске. Если найти черную кошку, без единого белого волоска, сварить ее и выбрать все кости, то можно найти кость, невидимку, которая служит ведьме: сядь против зеркала и клади сподряд все косточки попеременно в рот; как попадешь на невидимку, так и сам исчезнешь в зеркале. Иные велят вместо этого просто варить кости черной кошки по ночам, покуда все истают, а одна только невидимка останется.

Известны неистовства, которые в прежние времена происходили по случаю обвинения какой-либо бабы в том, что она ведьма; это в особенности случалось в Южной Руси. Нет той

нелепицы, какую бы не придумывали люди, от злобы, глупости, с отчаяния или с хитрым умыслом, для искоренения ведьм и для исправления настроенных ими бед. В старину народ верил, что ведьмы или другого рода колдуньи могут держать обилие, то есть заключать в себе и хранить огромные запасы денег, жита и даже зверков, доставлявших промышленникам богатый пушной товар; на Украине подобное суеверие встречается иногда поныне, в особенности же относительно дождей и урожая.

Трава чернобыльник, по народному поверью, противна ведьмам и охраняет от них двор и дом.

Общее и единогласное поверье утверждает, что в Москве нет сорок. По этому поводу ходит много разных преданий: говорят, что сорока выдала боярина Кучку, убитого в лесу на том месте, где теперь Москва, и что сорока за это проклята была умирающим; другие рассказывают, что митрополит св. Алексий запретил сорокам летать на Москву, потому именно, что под видом сорок залетали туда ведьмы; и, наконец, есть предание, будто они прокляты за то, что у одного благочестивого мужа унесли с окна последний кусок сыра, которым он питался.

Таинственные песни ведьм, состоящие из вы-

мышленных бессмысленных слов, находятся в известном издании г. Сахарова. На Украине же переходит по преданию счет, будто бы употребляемый ведьмами: одион, другиан, тройчан, черичан, подон, лодон, сукман, дукман, левурда, дыкса; одино, попино, двикикиры, хайнам, дайнам, сповелось, сподалось, рыбчин, дыбчин, клек.

X. Порчи и заговоры

Если мы затем, независимо от сказанного, разберем некоторые поверья о порче и сглазе, то найдем, что они принадлежат вовсе к иному разряду, и именно к поверьям, где, как объяснено было выше, полезный обычай усвоил себе силу закона посредством небольшого подлога. Например: новорожденное дитя без всякого сомнения должно держать первое время в тепле, кутать и сколько можно оберегать от простуды; существо это еще не окрепло, оно должно еще научаться дышать воздухом и вообще витать в нем. Но такой совет не всяким будет принят; ничего, авось и небось — у нас великое дело. Что же придумали искони старики или старухи? Они решили, что ребенка до шести недель нельзя выносить, ни показывать постороннему, иначе-де его тотчас сглазят. Это значит, другими словами: дайте новорожденному покой, не развертывайте, не раскрывайте, не тормошите и не таскайте его по комнатам, а накрывайте слегка совсем, и с головою. Вот другой подобный случай: не хвалите ребенка — сглазите. Неуместная похвала, из одной только вежливости к родителям, бесспор-

но, балует ребенка; чтобы хозяину раз навсегда избавиться от нее, а с другой стороны, уволить от этого и гостя, не совсем глупо придумали настращать обе стороны сглазом.

Средства, употребляемые знахарями от сглазу или порчи, относятся большею частью к разряду тех поверь-ев, где человек придумывает что-нибудь, лишь бы в беде не оставаться праздным и успокоить совесть свою поданием мнимой помощи. Прикусить себе язык, показать кукиш, сплевывать запросто или в важных случаях, с особыми обрядами, слизывать по три раза и сплевывать, нашептывать, прямо или с воды, которою велят умываться или дают ее пить, надевать белье наизнанку, утаивать настоящее имя ребенка, называя его другим, подкуривать волосом, переливать воду на уголь и соль, отчитывать заговором и проч., — во всем этом мы не можем найти никакого смысла, если не допустить тут, и то в весьма редких и сомнительных случаях, действие той же таинственной силы, которая могла произвести самую порчу. Вспомните, однако же, что бессмысленное в глазах просвещенных сословий нашептывание на воду, которую должен испить недужный, в сущности близко подходит к магнетизированию воды посредством придыха-

ния, чему большая часть ученых и образованных врачей верят, приписывая такой воде различные, а иногда и целебные, свойства.

Относительно порчи вообще, уроки, извода, изуроченья, притки должно сказать, что простолюдин всякое необыкновенное для него явление над человеком, как, например, падучую болезнь, пляску св. Витта, параличи разных родов, косноязычие, дрожание членов, малоумие, немоту и проч., называет порчей, или изуроченьем. Не зная причины таких припадков, не постигая их и отыскивая, по природному побуждению, ключ к загадке, народ все это приписывает влиянию злых духов или злых людей. Но поверье, что в человека заползают иногда гадины, змеи, лягушки, жабы — поверье это, как в последнее время дознано вполне положительными и нисколько не сомнительными опытами, не есть суеверие, а основано на довольно редких истинных случаях. Я имел случай наблюдать сходное с этим явление: солдат проглотил две или три пиявки, напившись ночью из какой-то лужи, и эти животные спокойно жили, вероятно, в желудке человека, несколько недель, покуда их не извели ложкою соли, и их выкинуло рвотой. Несколько лет тому, не говоря о множестве других приме-

ров, в Ораниенбаумском госпитале пользовали человека, наблюдая за ним строжайшим образом, и болезнь кончилась тем, что его, в присутствии посторонних свидетелей, вырвало змеей, которая, вероятно, до сего дня сохраняется в спирте; весьма недавно в Киевской губернии один жид, напившись болотной воды, стал чувствовать различные припадки, в продолжение нескольких месяцев: страшную боль в животе, движение, царапанье в желудке и проч., и между тем живот вздувало. Наконец, от постоянного употребления простокваши и скипидара, в течение трех месяцев вышло рвотой 35 лягушек разной величины и всех возрастов; свидетелей было при этом много, неоднократно, и между прочим сам врач. Лягушки принадлежали к одному обыкновенному виду, но отличались бледностью и нежностью кожи.

Заговор от крови, от поруба, или, вернее, от кровотечения, по моему мнению, объясняется всего проще тем, что почти всякое кровотечение из кровяной (не боевой) жилы, изо всех подкожных и вообще мелких сосудов, останавливается через несколько времени самою природою, и что это именно делается тогда, когда на рану ляжет кровяная печенка, а под нею клейкая пасока, которая, сгустившись, затянет всю поверхность

раны. Опасно только кровотечение из разрезанных крупных боевых сосудов, кои вообще лежат довольно глубоко и потому редко подвергаются такому насилию. Из них алая кровь брызжет перемежающейся струей, согласно с ударами сердца. Кто не знает этого во всей подробности, у кого нет в этом деле достаточной опытности и верного взгляда — тот в испуге готов верить, что каждая рана угрожает смертельным кровотечением, а потому он и готов приписать чудесному средству обыкновенную и естественную остановку крови. На это можно только возразить, что многие сведущие и опытные люди, хотя, может быть, и негласно, утверждают, будто они сами были свидетелями успешного заговора крови; но мы все-таки еще вправе, вполне доверяя их добросовестности, не доверять, однако же, их опытности и верности взгляда. Впрочем, если допустить, что глаз, придыхание, известное движение рук или пальцев и сильная воля человека могут возмутить равновесие или вообще направление жизненных сил другого, то не вижу, почему бы считать положительной сказкой применение магнетизма и к этому частному случаю, то есть к кровотечению? Я не утверждаю, чтобы это было так; я даже думаю, что нужно еще много добросо-

вестных и весьма затруднительных розысканий на деле для решения этого вопроса; но я предостерегаю только от лжепросвещенного отрицания всезнайки, которое всегда и во всяком случае вредно. Не верю, покуда меня не убедят; но самую возможность отрицать не смею. Я с крайнею недоверчивостью буду следить за действиями знахаря, заговаривающего кровь; но не менее того буду наблюдать и разыскивать, полагая, что предмет этот достоин внимания и разыскания.

Есть также поверье, что при сильном течении из носу должно взять замкнутый висячий замок и дать крови капать сквозь дужку: кровь должна остановиться. Это, вероятно, придумано, чтобы успокоить человека, дать ему более терпения, дав забаву в руку, и усадить спокойно на одно место. Другие советуют, вместо того, взять в каждую руку по ключу и по куску мелу и стиснуть кулаки; или подсунуть кусочек бумажки, или дробинку под язык и проч.

Кажется, все это придумано для того, чтобы не быть в это время без дела и без совета, а подать хотя мнимую помощь; равно и для того, чтобы угомонить человека и успокоить его. При кровотечении из носу делают также следующее: рукою противной стороны, из которой ноздри

идет кровь, достают под локоть другой руки, поднятой кверху, мочку уха; вскоре, как уверяют, кровь останавливается. Само собою разумеется, что все средства эти тогда только могли бы быть признаны дельными, если бы они при опасных или продолжительных кровотечениях оказались действительными, в чем, конечно, нельзя не усомниться.

На заводах уральских есть особый способ заговаривать кровь, если во время работ кто-нибудь по неосторожности бывает сильно ранен. Способ этот относится до известных во всей Европе симпатических средств, о коих частью будет говориться ниже, а частью уже говорилось выше. Если кто порубится или порежется сильно при работе, то на заводах есть для этого так называемая «тряпка»: это простая белая ветошка, напоенная растворами нашатыря; ее немедленно приносят, напояют кровью из раны и просушивают исподволь у горна или печи на огне. Как тряпка высохнет, так, говорят, и кровь должна остановиться. При этом наблюдают только, чтобы сушить тряпку *не круто,* чтоб с нее пар не валил: иначе-де рана будет болеть, рассорится.

По случаю этого странноообразного средства, нельзя не вспомнить поверье наших предков,

которое творило разные чудеса и чары над человеком, посредством крови его, волос или других частей. На этом основано и у нас поверье, особенно в простонародьи, чтобы волос своих никогда и никому не давать и даже на память не посылать. Волосы эти, как говорят в народе, могут-де попасться во всякие руки. Иные даже собирают во всю свою жизнь тщательно остриженные волосы и ногти, с тем чтобы их взять с собою в гроб, считая необходимым иметь все принадлежащее к телу при себе; иначе потребуется в том отчет. Суеверные раскольники делают это и с другою, еще более бессмысленною целью, о коей будет говориться в своем месте. Врачи прежних времен предостерегали не ставить кровь после кровопускания на печку или на лежанку, утверждая, что тогда жар или воспаление в больном усилится. Я, впрочем, и ныне знал образованного и опытного врача, который был того же мнения и уверял, что делал неоднократно опыты, которые его в истине этого дела вполне убедили. По ныне известным и общепринятым законам природы, все это ни с чем не вяжется и не может быть допущено. В наше время кудесничество этого рода также известно кой-где в народе, и именно в северных губерниях: Архангельской, Вологодской,

Олонецкой, Пермской, Вятской; оно едва ли не перешло к нам от Чуди, от финских племен, кои сами в течение веков обрусели. Там беспрестанно слышишь о чудесах, о порче, по злобе или мести, посредством клока остриженных волос или чар над поднятым с земли следом человека или над частицею крови его.

Близко к тому поверье, или, вернее, суеверие, заключается в заломе или закруте хлеба на корню. Эту штуку злого знахаря, делаемую из мести, не должно смешивать с заломом травы для заговора червей, о чем уже говорено было на своем месте. Злой знахарь берет в руку горсть стеблей хлебных и, произнося заклятие на хозяина этой нивы, ломает хлеб в правую сторону, а закручивает его в левую. Обыкновенно в самом узле залома находят немного золы, которая берется из печи того же хозяина; иногда кладут под закрут, кроме золы, также соль, землю с кладбища, яичную скорлупу, распаренные хлебные зерна, уголь. Закрут может быть разведен, по суеверию народа, только хорошим знахарем; в противном случае хозяина нивы постигнет всякое бедствие: домовины вымрут, дом сгорит, скот падет и проч. В особенности опасно, по мнению народа, сорвать или скосить закрут; если его недосмотрят вовре-

мя и это сделается, то беда неотвратима. Мне самому случалось успокаивать мужика, на ниве коего сделан был закрут; я взял на себя развести его, уверив испуганного мужика, что знаю это дело хорошо, а когда я вырвал весь кустик и зарыл в землю золу, уголь и соль, то все кончилось благополучно. Если некому развести закрута, то осторожные хозяева обжинают его.

Заговоры от ружья, от орудия вообще не могут заключать в себе никакого смысла. У стрелков, ловцов, у охотников есть, однако же, как у всех промышленников, особого рода приемы и поверья, кои довольно трудно исследовать, потому что сущность их обыкновенно скрывается под каким-нибудь гаерством. Травой адамова голова окуривают в Великий четверток силки и сети, коими ловят птиц, и самое ружье окуривают травою клюквы (или колюки), уверяя, что оно тогда не боится заговора или порчи. Капканы вытирают дегтем или конским навозом, с разными наговорами — и если в этом пошептывании нельзя признать толка, то навоз и деготь, бесспорно, служат к тому, чтобы зверь не причул человеческого духа. Не только простолюдины, но люди образованные рассказывают иногда как очевидцы престранные вещи, близкие к предмету

настоящего нашего рассуждения; например: у одного грека землепроходца, путешествовавшего, по словам его, ко Святым местам, была какая-то ладанка, спасавшая от всякой пули. Надев на себя, он вызывал присутствующих офицеров стрелять по нему; а когда никто не согласился, то он надел ладанку на лошадь, просил стрелять по ней и отвечал хозяину цену лошади. И на это не согласились, а избрали жертвою петуха. Затем петуха привязали и сделали по нем, почти в упор ружья, около десятка или более выстрелов дробью и пулей: петух вскрикивал, подлетал, метался, но на нем не было крови; он издох уже в следующую ночь, а ощипав его, нашли, что он весь покрыт сине-багровыми рубцами.

Охотники и промышленники в Сибири, в особенности на выездах, боятся недоброй встречи. Если кто, не пожелав охотнику добра, проговорит, встретив его: едет поп, не стрелец — несет крест, не ружье, — то уже никакой удачи на промысле не будет. Поэтому там всегда выезжают тайком, до свету, и прячут ружье. Сам скажи о том, что ружье бывает с чертиком; это значит, как станешь целиться, так нечистый стоит прямо перед тобой и держит утку за крылья, растопырив их врозь; выстрелишь, убьешь — он бросит и пойдет себе

своим путем. Вообще заговор от ружья бывает различный; один спасает человека от всякого оружия, другой портит известное оружие, лишает только то или другое оружие средства вредить, делает его негодным. В числе множества рассказов об этом предмете находим, между прочим, также объяснение, для чего заговоры эти так многословны; некто заговорился от ружья, от пули свинцовой, медной, железной, чугунной, стальной, крылатой, пернатой — а от серебряной и золотой позабыл, это узнали, да и убили его серебряной пулькой. Излишне, кажется, упоминать здесь, что заговор ружья или пистолета фигляров состоит в том, что они искусно подменивают оружие или вынимают из него заряд. Есть также поверье, что от пули, облепленной воском, никто заговориться не может.

Заговор и нашептывание употребительны при вывихах, переломах и многих болезнях. Тут также доселе еще вовсе ничего не исследовано, в каких случаях это только обман, с одной стороны, а легковерное воображение, с другой, и в каких случаях кроется что-нибудь более: то есть действительное влияние физических или животных сил. Это такое дело, которое уже явно смешивается с народным врачеванием и потому

только косвенно касается нашего предмета. Но весьма нередко мы находим под видом и названием заговора от болезни врачебные средства, коим народ охотнее верит под таинственной личиной заговора: например, от криков младенцев должно вытряхнуть из маковки все зерна, налить туда теплой воды, взять ребенка, отнести его на чердак, под насест, где сидят куры, нашептать заговор, перевернуть ребенка через голову, воротиться и дать выпить воду. Явно, что здесь ребенку дается легонький сонный напиток, а чтобы он не перестоялся и не сделался слишком крепким, то придумали определить время прогулкой на чердак, под насест и обратно. Собственно от вывихов и переломов, конечно, подобные штуки представляют самую ненадежную помощь — и если с заговором не соединяется работа костоправа, что нередко бывает — то нашептывания эти приносят, конечно, много вреда, оставляя людей без помощи или устраняя всякое разумное пособие.

Заговоры от *зубной боли* принадлежат к числу весьма распространенных и находят много заступников, кои, по словам их, столько раз на себе испытали силу их, что готовы положить за правду эту голову на плаху. Скажем то же, что о так

называемых симпатических средствах вообще: если тут кроется что-нибудь, то ученые наши объяснят это со временем, причислив сие явления к животному магнетизму. Я бывал свидетелем тому, как заговоренная бумажка или нашептывание, или наложение руки на щеку мгновенно укрощали боль; но собственно на меня это не действовало, и жестокая зубная боль продолжалась. Бабы говорят, что если кто разувается, всегда начиная с левой ноги, то у него никогда не будут болеть зубы; целый ряд подобных поверьев помещен нами ниже в разряд шуточных. В число средств, кои даются от зубной боли с наговорами, помогают иногда по естественным причинам, принадлежит следующее: положить на больной зуб два обрубка круглого корешка или прутик обыкновенного корня дикой земляники и держать их, стиснув легонько зубы, чтобы палочки лежали одна на другой и не перекатывались. Усилие это и однообразное напряжение нередко доставляют скорое облегчение. Иные верят, что должно задушить крота, чтобы приобрести силу исцелять зубную боль одним прикосновением руки. По опытам моим, это не подтвердилось.

Заговоры разного рода *на пчел* относятся до так называемого пчелиного знахарства, изложенно-

го довольно подробно у Сахарова. Но об одном предмете можно бы написать целую книгу, в коей дельные замечания, основанные на многолетнем опыте, но укутанные в таинственные и суеверные обряды, путались бы попеременно с затейливыми или вовсе глупыми вымыслами праздного воображения. Есть, между прочим, поверье даже о том, что можно *делать* пчел, наклав всякой всячины в закупоренную бочку и поставив ее, с известными обрядами, на зиму в омшаник.

Весьма близки по значению своему к заговорам, а часто вовсе с ними сливаются, и притом не более их исследованы, так называемые *симпатические средства.* Сюда же принадлежат подвески, привески, подвязки, талисманы, амулеты, ладанки и проч.; суеверие об особенном значении и силе каждого из самоцветных камней пришло к нам с Востока, из области поэзии. Конечно, не может настоять в том никакого сомнения, что большая часть поверий этого разряда так же пусты и вздорны, как мнимое волшебное действие самоцветных камней; но, с другой стороны, нельзя произнести приговор этот над всеми сюда относящимися поверьями, хотя мы и не всегда находим удовлетворительное

объяснение загадки. Некоторые из сих средств только по странности своей и причудливому способу употребления принадлежат с виду к симпатическим средствам, между тем как самое их действие основывается на давно известных законах природы. Так, например, повязки на руках и ногах от лихорадки не только признаны действительными, но даже употребляются иногда врачами. Помощь их основана, по-видимому, на законах обращения крови: повязки на руках и ногах останавливают возврат крови к сердцу через поверхностные кровяные жилы (вены), и кровь не может скопляться во время озноба во внутренностях, отчего и происходит перелом болезни. Для этого берется обыкновенно красная тесьма или гарус, коего девять ниток на шее служат также предохранением для детей от скарлатины и краснухи. Есть ли тут еще и своеродное действие собственно красного гаруса, который преимущественно для сего употребляется, в этом, конечно, должно усомниться. Я знал человека, который раздавал привески от лихорадки, нашептывая их наперед, и хотя они мне самому и некоторым другим не помогали, но зато, под личным моим наблюдением, много раз немедленно прекращали болезнь, по крайней мере упорная

лихорадка без всяких видимых причин с того же дня, как таинственная ладанка была привешена, не возвращалась. Это был корень неизвестного растения, указанный знахарю, по словам его, одним ссыльным, которому он на пути следования оказал какую-то услугу. Замечательно было для меня вот что: испытав несколько раз силу этого корешка над больными и призадумавшись над ним поневоле, я мог искать разрешения загадки в одном только воображении больных. Итак, я взял другой, первый попавшийся мне корешок, и стал его привешивать, выдавая за полученный от знахаря, к лихорадочным. Я повторил это, как нахожу в записках своих, на пяти различных больных, но без всякого успеха; все они неохотно и без доверенности дозволили повторить опыт привескою настоящего корня; после чего у двух из них лихорадка немедленно отстала. Когда же у меня у самого была лихорадка, то мне не помогла ни яичная пленка, ни привески, хотя я брал их непосредственно от знахарей, исполняя строго все их предписания. Привеска от лихорадки, нетопыри, лягушки и проч., вероятно, действует наиболее посредством настроенного воображения, надобно одолеть обычное отвращение от этих тварей, и нравственное волнение также

производит физический перелом.

Привеска написанных на клочке бумажки таинственных слов, или абракадабры, или прием бумажки этой внутрь в виде пилюль, если только лихорадка испугается этого и покинет больного, по всей вероятности, также обнаруживают силу свою посредством воображения, этого довольно могучего рычага. Не иначе действуют, кажется, окачивания холодной водой через оглоблю или в лесу через березку; привеска птичьего гнезда, бечевки, на которой удавлена собака; последовательный прием, прямо с реки и натощак, нескольких ложек воды, начиная в первый день с одной; также прием замятой в хлебном мякише вши; впрочем, насекомое это, как уверяют, действует врачебно и употребляется также для принуждения последа после родов. Варят также в моче больного три куриных яйца, выносят их, с горшком, в муравейник, разбивают и зарывают все вместе.

Когда муравьи уничтожат яйца, то лихорадка должна пропасть. Или больной должен проносить несколько хлебных зерен в рукавице, на голой ладони, во время приступа; потом сеют их, а когда взойдут, больной должен их раздавить и растоптать. Завязывают в лесу над головой боль-

ного два сучка березы, приговаривая: покинешь — отпущу, не покинешь сама сгинешь. Пишут на бумажку абракадабру, известным треугольником, или имя больного, молитву или другие таинственные слова и привешивают к больному; или остригают волоса и ногти больного, просверливают в осине дыру, затыкают ее этим и заколачивают камешком; нечаянно, с молитвой, окачивают во время озноба водой, сажают лягушку за пазуху и проч. От судорог носят в кармане медный грош, кусочек серы и ржаного хлеба или зашивают в подвязку серый цвет.

XI. Симпатические средства

От лихорадки народных средств вообще чрезвычайно много; и это потому именно, что болезнь эта, поселяясь в брюшной полости, исцеляется противодействием на головной мозг. Зернистый перец, шубий клей, паутина, яичный белок и тому подобные снадобья не принадлежат, впрочем, вовсе к средствам симпатическим, и сила их давно уже признана врачами. Болезни этой дано множество названий: лихоманка, трясучка, трясавица, комуха, кумаха; иногда ее ублажают, величают Лихоманкой Ивановной, чтоб не обиделась, или боятся ее назвать; на Украине различают 99 видов лихорадок, смотря по тому, от чего она прикинулась, называя ее: *пидтынныця,* если она человека застала сонного под тыном, на сырой земле; *веретенныця,* если баба допрялась до лихорадки; *гноевая,* если напала на спящего на навозной куче; *степоная,* если на переночевавшего в поле и проч.

Есть и в России поверье, что лихорадок 9 крылатых сестер, коих по временам нечистый спускает с цепей. Если одна из них пролетом поцелует человека, то или губы обмечет, или же напа-

дет трясавица. Покидая одного больного, чтобы потрясти другого, сестры эти дают каждому временный покой. Иные мажут себе лицо сажей и переодеваются в чужое платье, чтобы лихорадка, воротившись, не узнала. Поэтому и скорый отъезд в другое место, как народ толкует, иногда спасает от лихорадки; она потеряет человека и не найдет его. От болезни этой, по мнению народа, спасает, между прочим, также восковой шарик, слепленный из 12 крошек воску, снятых в 12 раз во время чтения Страстей, от свечки, которая в продолжение службы зажигается, как известно, 12 раз.

От лихорадки же и вообще от злых духов и порчи выкапчивают в Страстную пятницу крест на притолоке и над дверьми у входа, и притом свечой, принесенной со Страстей. Но вот еще народное средство, которое я испытал раз тридцать и в чрезвычайном действии коего всякому легко убедиться, хотя и не так легко объяснить его и добиться до желаемого смысла: перед приступом лихорадки, за час или более, обкладывают мизинец левой руки, а в некоторых местах большой палец, внутренней пленой сырого куриного яйца; кожица эта вскоре прилипнет плотно и присыхает, а чтобы уберечь ее, обматывают палец слегка

тряпичкой. От этого средства лихорадка, не всегда, но большею частью, покидает недужного. В самое то время, когда бы ей следовало быть, в мизинце появляется боль, иногда довольно жестокая, и начинает стрелять вдоль локтя, иногда до самого плеча. Вместо вторичного приступа, бывает опять то же, но только гораздо слабее, а за третьим разом все кончено.

Замечу, что по опытам моим над самим собою и над другими: 1) плена эта не оказывает ни малейшего действия над здоровыми; 2) иногда и у лихорадочных без явной причины бывает не действительна, и тогда озноб и жар идут своим порядком, и боли в мизинце нет; 3) или же дело принимает обратный ход: мизинец рвет и болит во время промежутков лихорадки, а приступы идут своим чередом, и притом боль на это время утихает; 4) изредка боль в мизинце, в локте и плече бывает так сильна, что хворый не в силах перенести ее и срывает плену; тогда боль исчезает, а лихорадка вместо того появляется; 5) также в редких случаях, по излечении сим способом лихорадки, мизинец бывает покрыт кровяницами, и даже образуется нарыв около ногтя, в виде ногтоеды.

Я был однажды свидетелем случая, где весьма

опытный и ученый врач приходил в отчаянье от недействительности хинина и других аптечных средств против злой лихорадки, грозившей ударом — а яичная пленка спасла больную! Бывшие этому свидетелями врачи без сомнения, основательно утверждали, что средство это не есть симпатическое, а должно действовать иначе; но как именно и от чего, этого доселе никто не мог мне объяснить. Вот пример такого явления, взятого из опытности простонародья, которое и не могло бы, кажется, заслуживать никакой веры; множество разумников готовы при первом слове закричать: вздор; но я попрошу изведать дело на опыте, а потом судить и писать приговор![83]

Народному поверью, что сердце лежит под грудной костью, под ложечкой — сердце болит, отвечает по крайности и ученое, латинское название этого места (sevobiculum cordis); а поверью, что душа сидит немного пониже, в желудке, соответствует положение брюшных нервных узлов, называемых также брюшным мозгом и седалищем животной души. Кровь ходит, приступает,

[83] Примечания: 83

Кто бы поверил, что деревянная дощечка с тремя магнитами на одном конце, свободно обращающаяся на игле, поставленная в комнате и накрытая стеклянным колпаком, показывает, за полчаса вперед, направление ветра! А между тем это верно, открыто случайно, и теперь занимает всех ученых.

говорит простолюдин; а ученый врач называет это конгестиями и оргасмом. Во сем этом есть смысл; мы иногда не понимаем народа, он нас; но речи его не всегда так бессмысленны, как с первого взгляда кажутся.

У лекарок есть симпатические средства *от бородавок:* разрезать яблоко ниткою, натереть бородавку обеими половинками, сложить и связать их тою же ниткою и закопать в навоз. Когда сгниет яблоко, тогда, говорят, пропадут и бородавки. Натирают также бородавки сырым мясом или свиным салом и закапывают его или отдают собаке; делают на щепочке столько зарубок, сколько у человека бородавок, прикоснувшись к каждой соответствующею ей зарубкой; или вяжут на ниточке, на алой шелковинке, узелки, обмеряя каждую бородавку вокруг, и бросают на дорогу; кто поднимет щепку эту или шелковинку, на того перейдут бородавки. Во время убыли луны поводят рукою по стене, на которую падает лунный свет, а потом поглаживают бородавку тою же рукою. Это повторяется в продолжение целой недели, и бородавка должна пропасть. Иные обводят пальцем сучок в деревянной избе, куда падает лунный свет, а потом водят по бородавке. Обмывают также бородавку три раза дождевой

водой, скопившейся в лунке, ямке большого камня; иные смазывают бородавку пеной или накипом от горящих сырых сосновых дров.

От докучливого *ячменя* есть множество симпатических средств: уколоть ячмень зерном ячменя и отдать его курице; обвести ячмень обручальным кольцом и прочитать молитву, подавить ячмень кольцом, поцеловать глаз и сплюнуть; повесить иглу на нитке перед глазом и смотреть на нее. Довольно забавно видеть в доме барском старуху, няню, у которой весь день болтается перед глазом игла, привешенная к головному платку. От ячменя же: перво- или последнерожденный из братьев и сестер должен показать кукиш больному глазу, но чтобы никого при том не было; иные советуют говорить при этом: ячмень, ячмень, вот тебе кукиш, что захочешь, то себе купишь; купи себе топорок, переселись поперек; проговаривая это трижды, провести по ячменю пальцем. От *лишая* есть также много средств; напр., взять поту с окна, или слюней, обвести сучок в бревне избы, а потом лишай, и сказать: ни шире, ни дале, тут тебе и быть, на сем месте тебе и пропасть.

От *желтухи* берут в руки живую щуку и глядят на нее, покуда она уснет. От *курячей слепоты* сидят над паром вареной воловьей печени и едят

ее, и это средство было одобряемо некоторыми врачами, но, испытав его много раз во время турецкого похода, я, однако же, никогда не видал от него помощи. От детского недуга *собачья старость,* вероятно, сухотка хребтового мозга, *перепекают* ребенка, то есть сажают его на лопату и трижды всовывают наскоро в затопленную печь. В трудных детских болезнях, где родители отчаиваются в жизни ребенка, должно, по народному поверью, подать его нищей в окно: если она примет его Христа ради, то он выздоровеет. Это, конечно, поэтическое поверье, без всякого другого значения. Изгнание полунощника, или полунощницы, семью прутиками или сорочкою ребенка, которую меряют взад и вперед и накрест ниткою, всучивают между двух прядей ее и потом кладут под порог, чтобы народ ее топтал; лечение переполоха выливкой, — все это должно почитать баснями, как и еление костоеды, ногтоеды и зубной боли вызовом, посредством кипятка, на хлебный колос, каких-то волосатиков или червей; кладут по три пучка ржаных колосьев по несколько раз на больное место и обливают щелоком гречишной соломы. Откуда тут взяться волосам, или волосатикам, коих, по нашим понятиям, нет и быть не может в больных членах

— этого нельзя постигнуть. Все это или невинные грезы, или необъясненные доселе тайны, или, вероятнее, последнее убежище беспомощного отчаяния. Переполох (кажется, неправильно пишут: переполог), от переполошить, испугать, почитается следствием испуга ребенка, которому от переполоха надевают рубашонку задом наперед. Переполох от собаки почитается не так опасным, потому что она *вылает* его сама же впоследствии; но переполох от злого и молчаливого гусака, кинувшегося на ребенка, почитается несравненно опаснее. Известно, что укушение гусака бывает иногда ядовито и очень долго не подживает. Если кто поперхнется или подавится, то советуют класть ломоть хлеба на темя или тереть переносье указательным пальцем правой руки. Утверждают, что сверчки пропадают, если в комнате повесить живого рака за клешню, покуда он начнет портиться; что сим же способом, повесив рака на дереве, можно согнать с него всех гусениц; известно, что самая близость серных ключей отнюдь не дозволяет разводить пчел; что газ, употребляемый для освещения комнат, хотя бы он, по хорошему устройству снарядов, не распространял ни малейшего запаха, вредит, однако же, цветам и вообще растениям, кои блек-

нут, и листья с них обваливаются; что, сохраняя или перевозя в бочках и ящиках живых раков, надобно остерегаться встречи со свиным стадом; иначе раки внезапно все засыпают. Все это намеки такого рода, кои должны предостеречь нас быть крайне осмотрительными в приговорах своих, Но чтобы сверчки, тараканы, мыши ползли и бежали из дому *перед пожаром* — этому, конечно, здравый рассудок отказывается дать веру. Или мыши и тараканы выбирались уже вследствие гари, то есть их выкурило, а через сутки или более пожар вспыхнул, или же злые люди когда-нибудь воспользовались этим поверьем и сожгли дом из злобы, для грабежа или просто для потехи, когда народ заметил, что насекомые выбираются из него и что быть худу. Говорят, если корова обнюхает подойник, то молоко будет тягучее и легко ссядется; чтобы исправить это, должно напоить из подойника быка. Соленые огурцы должно встряхнуть в кадке или бочонке, в день Воздвижения, тогда они лучше держатся; солить же их на молодой месяц, как и вообще об эту только пору делать все заготовления впрок. Об этом обстоятельстве необходимо сказать несколько слов.

Странно, что некоторые общеизвестные ис-

тины упорно оспариваются или не признаются учеными нашими, тогда как господа ученые были бы обязаны наставлять народ, указывать ему путь к истине и пользоваться для этого всеми случайными открытиями, поверяя их на опыте и объясняя их затем умозрением, которое во всяком случае тогда только строится не на ветер, когда ему неоспоримый опыт служит основанием. Все хозяйки, хозяева и, в особенности, мясники и солельщики в целом свете, в Англии, Франции, Бельгии, Германии, заготовляющие солонину в большом количестве для флотов, знают очень хорошо, что солонина, приготовленная во время полнолуния, никуда не годится и очень скоро портится. Это есть неоспоримая истина, которую всякий может испытать на деле, он будет наказан за неверие свое и выкинет вскоре весь запас. Как и почему, этого мы не знаем; но я не вижу, почему бы этому не быть, когда разнообразное влияние солнца, луны и других небесных тел на землю нашу и ее произведения вообще давно признано, хотя доселе еще удовлетворительным образом не объяснено. Скажем то же об отношениях известного женского периода к разным веществам, в особенности же к таким, кои находятся в брожении; между прочим, женщине в это время не

должно подходить к бочонку, в коем делается уксус, иначе он испортится, не удастся. То же самое говорят и о хлебной квашне. Уверяют, что печеный хлеб легко и скоро плесневеет, в то время, когда хлеб на корню цветет; что вино поэтому о ту пору легко портится и за ним нужен особый надзор; что об эту же пору пятна красного вина, только не подкрашенного, гораздо легче вымываются из столового белья, без употребления к тому особых средств; что о ту пору, когда хлеб цветет, нельзя белить холстов; словом, много есть в народе и у хозяек наших подобных чудес на примете, и я, не советуя никому верить всем им на слово, не думаю, однако же, чтобы было справедливо и благоразумно отвергать положительно все это как нелепость, не удостоверившись в том из многократного опыта.

К числу симпатических привесок принадлежат, как упомянуто, ладанки, в кои зашивают, для охранения от уроки, порчи, ладан и другие вещи и снадобья, иногда наговоренные бумажки и проч. Туда же зашивают так называемую природную сорочку младенцев, родившихся в рубашке. Случайное обстоятельство это, заключающееся в том, что плена или кожа яйца по крепости своей иногда не прорывается во время

родов, а выходит цельная, содержа в себе ребенка, почитается особенным счастьем и предзнаменует новорожденному всякого рода благополучия. Смыслу в этом, конечно, нет и быть не может; тем не менее от этого поверья произошла и поговорка о счастливом человеке: он родился в сорочке.

XII. Приметы

В древней рукописной книге «Иконопись», может быть, частью переведенной с греческого или позаимствованной у греков, вставлены тут и там между описаниями постановки, положения и одежды, любопытные заметки о тайнах живописи вроде следующих:

«Подзолотой пробел краски творить на яйцо, а яйцо бы свежее было, желток с белком вместе сбить гораздо, да тут закинуть соли, ино краска некорчитца, на зубу крепка. И первое разбить, процедить сквозь плат».

«Вначале тереть мягко со олифою вохры, в которой примешать шестую часть сурику. И, истерши, вложить в сосуд медной и варить на огне и прибавить малу часть скипидару, чтоб раза 3 или 4 вскипало кверху, потом пропусти сквозь трепицы, чтобы не было сору, а как будет варитца, то хотя прибавить смолы еловой чистой пропускной».

«Трава на реке на берегу растет прямо в воду. Цвет у нее желт, и цвет от нее отщипать да ссушить. Да камеди положить и ентарю прибавить, да стереть все вместе и месить на пресном моло-

ке. Пиши, что хошь, будет золото».

«Взять яйцо свежее от курицы молодушки и выпусти из него белок чистой, и положи в желток ртути, и запечатать серою елового, и положить под курицу, которая б по три цыпленка высиживала, и, выпарая, взять яйцо из-под курицы и смешать спичкою чистою, и будет яко золото, и пиши на чем хочешь, пером или кистью».

Обратимся теперь ко второму разряду поверий, изобретенных первоначально для того, чтобы застращать человека, заставить малого и глупого окольным путем делать то, чего напрямик добиться от него было бы несравненно труднее. Эти поверья каждый мальчишка затверживает с тятей и мамой, повинуется им безответно и следует им безотчетно. Например: не сорить, не ронять ни одной крошки хлеба, иначе будет голод и неурожай; другими словами: хлеб дорог, береги его и уважай его, как нужнейший нам Божий дар. Если кто за обедом, не доев своего ломтя хлеба, возьмется за другой или отломит кусок от другого, то кто-нибудь из близких оголодает или будет терпеть нужду. Это как поверье глупо; но как правило житейское, хорошо и полезно. Не макать хлеба в со-льницу, потому что крошки туда падают, и соль, вещь покупная у мужика, засорится;

не класть испеченный, особенно, горячий хлеб на горбушку, потому что она тогда легко отстает, и хлеб в промежутке этом легко плесневеет; кто ест хлеб с плесенью, будет хорошо плавать; другими словами: не прихотничайте, дети, ешьте сподрят хлеб, каков ни есть. Скорлупу от выеденных яиц должно давить на мелкие части, иначе если она попадет на воду, то русалки построят себе из нее кораблик и будут плавать, назло и смех крещеным людям; а если скорлупа останется на дворе и в ней накопится дождевая вода, да сорока напьется, то у того, кто выкинул скорлупу, будет лихорадка. Сущность дела, вероятно, та, что скорлупа, выкинутая целиком, поваживает собак таскать яйца, и даже учит кур и уток наклевывать и выпивать их. Кто, не разбирая постов, есть скоромное, у того будет рябая невеста; почитая большим грехом не соблюдать постов, старики выдумали острастку эту для легкомысленных ребят. Маленьким ребятишкам говорят также в пост, что молочко улетело на березку, и указывают на первого веселенького воробья.

Муха во щи залетела — счастье; придумано, конечно, для успокоения брезгливых и прихотливых. Есть и читать в одно и то же время не годится — память проглотишь; и врачи наши дают то же

наставление, подкрепляя его только более дельными доводами. Свистать в комнатах почитается или грехом, или дурным предзнаменованием; вероятно, потому, что в жилом покое, где люди есть, не всякому приятен свист шалуна, который этим многим досаждает; чтобы застращать его, говорят, что от этого дом пустеет. Поверье моряков, что в тихую погоду можно насвистывать ветер, который от свиста мало-помалу свежеет, должно отнести к тому, что в безветрие от скуки и нетерпения морякам нечего делать, и надо чем-нибудь позабавиться. Порожней колыбели не качать, а то дитя жить не будет; этим унимают старших баловней, от которых и без того в тесной избе некуда деваться. Новорожденную должно купать в белом белье, чтобы бела была и нежна. Это недурно придумано, для того чтобы заставить неопрятную мать или мамку не мыть ребенка в грязном белье, от которого и вода вся делается грязною; хотя многие этого не понимают. Через порог не здороваться; поссоришься либо дети немые будут. Невежливость здорованья через порог, не дав гостю войти, противна русскому хлебосольству; почему и придумали острастку. Нехорошо возвращаться, идучи от людей из дому, когда уже совсем собрался, оделся, простился

и ушел, потому что это по-пустому тревожить хозяев; а если что забудешь и воротишься, то, значит, скоро опять свидеться. Не заставляй пришивать пуговицы на себе или зашивать платье, которое надето; пришьют тебе память. Это явно выдумка хозяек наших, которым весьма неловко чинить платье на нетерпеливом супруге, если он не хочет раздеться и еще торопит. Кто свищет в ключ, занятие не для всех слушателей приятное, тот просвищет память, позабудет, где что положил. Кто, сидя, от безделья ногами болтает, тот черта качает; этим просто отучают от дурной привычки. Ребенка до шести недель никому не показывать, то есть не раскрывать и не выносить, ребенка до году не стричь, и притом стричь в Великий четверток — раз в год! — и многие врачи советуют то же, полагая, что стричь ребенка должно только на весну, а не когда попало. Беременной не велят заготовлять белья для младенца, а то он жить не будет[84]. Это значит: так как ей работать и шить тяжело, то ей обязаны помогать другие, а кто помогает обшивать невесту, тот по-

[84] Примечания: 84

Общее и повсеместное поверье, что встречный предмет, особенно неприятный, имеет влияние на роды беременной женщины и даже на наружность ребенка, существует также в России и притом во всех сословиях.

молодеет — и это придумано с добрым расчетом. Кто, выстригшись, кинет куда-нибудь волоса, у того голова будет болеть: должно собрать их в кучу, свертеть и заткнуть под стреху или в тын, подальше: это, при неопрятности крестьян наших, недурное правило; иначе, может быть, по всей избе и по двору валялись бы кучи обстриженных волос. Впрочем, о поверьях, касательно соотношений разных частиц, взятых от плоти нашей, к живому телу и об основанных на этом чарах, — было говорено выше. Коли домовой завьет у лошади по-своему гриву, то не трогать ее, а то он рассердится и испортит лошадь: правда, космы в гриве — это болезнь, род колтуна, и если их остричь, то лошадь всегда почти захворает. Порядочным людям грешно купаться после Ильина дня (20 июля); а после Ивана постного (29 августа) грешно уже всякому, даже и сорванцу; потому что в конце июля вода дрогнет, как говорится, и зацветает; а в конце августа она холодна, и ребятишки, набегавшись наперед, легко простужаются. Яблоки грешно есть до Спаса, а орехи прежде Воздвижения; это основано на том, что до сих сроков яблоки и орехи редко вызревают и что ребятишек трудно удержать от незрелого, нездорового лакомства, если не настращать их

и не уверить, что это грешно. Слово грешно в народном предании отвечает известному *табу* островитян Южного океана и заключает в себе понятие о строгом запрещении, не входя в смысл, значение и причины его.

Если кто бьет домашних своих лучиной, как иногда привыкли делать злые старухи, тот сам иссохнет, как лучина; недурно, если бы все этому свято верили. Кто в большой праздник проспит заутреню, того купают, бросают с размаху в воду, или обливают — обычай старинный, запрещенный даже особым указом 1721 года апреля 17-го. Вдова не должна быть в церкви, когда венчают; потому что в такое время вдова напоминает молодым неприятное и тем нарушает общее веселье. Ключей не класть, куда попало на стол, иначе выйдет ссора в доме, а класть их всегда на определенное место, в стороне. Это поверье удивительно полезно и справедливо: как только хозяйка станет раскидывать ключи по столам, куда попало, то непременно вслед за тем станет искать их, обвинять и подозревать других, и выйдет брань и ссора. Перебираясь на новое жилье, в старом не покидать сору, тряпья, черепков и проч. Во-первых, это-де подаст повод обвинять вас в колдовстве, а во-вторых, и вас

можно над этим изурочить. В сущности же, полезное поверье это велит всякому, выбираясь из дому, выметать хоть сколько-нибудь жилье, где доведется вслед за тем жить другому. Корова с подойником продается, а лошадь с недоуздком: это должна быть выдумка дешевых покупателей и хозяйственных скопидомок, и дело вошло в обычай; продавцу, взяв деньги, можно придать к скотине такую безделку, притом и необходимую при самой покупке, а покупателю все годится, как Осипу Хлестакова. Не должно спрашивать хозяйку, сколько у нее дойных коров, сколько кур несется, сколько наседок; это значит, кажется: не заботься о чужом хозяйстве.

С кладбища, с похорон, ни к кому не заезжать; привезешь смерть в дом; или же, возвратившись, приложить ладони трижды к печи: это не есть поверье простолюдина, а изобретение наших старушек, которые боятся смерти и не любят об ней вспоминать. Покойника должно как можно скорее снять с постели и положить на стол; душа его мучится за каждое перышко в перине и подушке; это крайне дурное, бесчеловечное поверье, которое причиною тому, что у нас весьма нередко человека еще заживо стаскивают с постели и тормошат на все лады, также придумано

досужливыми вещуньями, коим везде и до всего дело и которые не могут дождаться часу, где до них дойдет очередь распоряжаться. В некоторых местах бессмысленная и наглая услужливость их доходит до того, что они стаскивают умирающего с одра смерти и торопятся обмыть и одеть его, покуда он еще не остыл, может быть, покуда он еще дышит. Первоначально все обычаи, относящиеся к этой торопливости, возникли, вероятно, от желания кончить, как можно скорее, печальные обряды и дать осиротевшим покой; но это употребили во зло, самым непростительным, бесчеловечным образом. Поверье, что у грешника ангелы душу сквозь ребра вынимают, чтобы она только и досталась сатане, принадлежит к числу вымыслов поэтических и также к числу суеверных острасток; подробный рассказ о том, как это делается, может быть, удержит многих от дурного поступка.

Если гости уйдут домой после обеда или ужина, прежде чем скатерть снята со стола, то женихи откажутся от хозяйских невест; у нас говорят вместо этого просто: невежливо бежать от стола, как от корыта, и это выходит на то же. Какое-то естественное приличие требует посидеть, поблагодарить хозяйку, дать ей время управиться

немного с хозяйством и не принимать такого вида, будто пришел с тем только, чтоб накушаться и уйти. Разбить посуду, стекло во время какого-нибудь пира или празднества, свадьбы, крестин и проч., хорошая примета. Без сомнения, это хорошее поверье сочинено для того, чтобы разбитая рюмка или стакан не нарушили спокойствия и удовольствия хозяйки, а с тем вместе не лишили бы гостей веселого расположения. Кто змею убьет, тому прощается 40 грехов. Это поощрение, конечно, изобретено бабами, которые боятся змей. Кто 40 покойников проводит, тому отпускается три тяжкие греха; выдумка охотниц до кутейных пирушек. Не годится прощаться и уходить, если у хозяйки не допита чашка чаю, и точно, не годится, можно обождать, покуда она ее допьет. Бабе грешно резать или колоть птицу, а четвероногое животное и подавно; это должен делать мужчина. В этих поверьях обычай, приличие, взаимные правила житейской вежливости соединяются в суеверии; оно заставляет народ исполнять то, что другими способами трудно было бы завести. В последнем по мере мы видим отговорку или оправдание женщин, коих чувство противится нанесению смертного удара или у коих рука не поднимается на утку или курицу.

Обратимся к *третьему разряду* поверьев, к таким, кои в сущности своей основаны на опыте, на замечаниях, но которые при всем том к каждому частному случаю применены быть не могут, потому что в них есть только общий смысл. Сюда относятся замечания о погоде, об урожае, или так называемый календарь земледельца. Зима без трех подзимков не живет. Через шесть недель после первого снега с морозом, становится зима; в день Благовещения и Светлого Христова Воскресения бывает одинаковая погода; в день Алексея Божьего человека, 17 марта, разверзаются все подземные источники; в день Преполовения и в день Казанския Богоматери, 22 октября, всегда идет дождь: в день Илии Пророка всегда бывает гром — а к этому уже досужие толкователи прибавляют: а если не будет грома, то в этот год *кого-нибудь* убьет грозою или зажжет дом. Реки вскрываются, когда дня бывает 14 часов, это поверье со средней Волги, и там оно подходит довольно близко к истине. Если беляк-заяц рано белеет, и когда зайцы с осени жирны, когда хомяк таскает рано большие запасы, то будет внезапная и холодная зима. Если пчелы рано закупориваются, то будет ранняя и строгая зима, и наоборот: когда они заводят в другой раз детку, то будет

продолжительная и теплая осень. Не знаю, до какой степени все эти приметы верны, но нельзя утверждать, чтобы у животных не было какого-то для нас вовсе непонятного предчувствия относительно погоды. Известно, например, всякому, что скотина глухо мычит перед дождем и бурей, дышит и роет землю; собака скучает и ест траву; петухи кричат взапуски с лягушками, воробьи и утки купаются в пыли, на сухой земле; галки с криком вздымаются высоко, роями; ласточка ширяет низко; на море морская свинка играет, бурная птица является внезапно и скользит по волнам; на этом и основаны живые барометры; зеленая лягушка, пиявица, рыба вьюн предвещают довольно верно погоду, если держать их в склянке с водою. Нередко человек предчувствует вёдро и ненастье: мозоли болят, пальцы горят, ломота появляется в раненых или ушибленных членах и проч. Есть люди, кои безотчетно, по какому-то темному, но верному чувству, угадывают близость кошки, как бы она не спряталась. Если солнце красно заходит, то на другой день будет ветрено; если пасолнца является, то это на мороз. Перед ненастьем табак льнет к крыше табакерки, как замечают табачники; перед вёдром крышка ослабевает. Горничные наши знают, что после до-

ждя и перед ветром подушки и перины делаются, как они говорят, легче, выше вздуваются. Таким образом, рассматривая собственно поверья, основанные на правильных замечаниях, но не всегда верно применяемые, мы невольно опять возвратились к поверьям сочувственным или симпатическим, как мы и вперед оговорились, сказав, что все принятые нами разряды незаметно друг в друга переходят. Если лучина трещит, когда горит, и мечет искры, то будет ненастье. Это довольно верно; значит, лучина отсырела более обыкновенного и воздух вообще сыр. Если кошка спит, подвернув голову под брюхо, то это зимой на мороз, а летом к ненастью. Сюда же принадлежат поверья и приметы относительно ожидаемого урожая, и между ними есть такие, кои достойны всякого внимания; например: крестьянин замечает, как колос зацветает — снизу, со середины или сверху; чем ниже, тем дешевле будет хлеб, а чем выше, тем дороже. Другими словами: здоровый и обильный колос всегда должен зацветать снизу; тогда можно надеяться урожая, если град не побьет и червь не поест, и тогда хлеб будет дешев; а чем выше колос зацветает, тем менее он даст, потому что плевелки ниже цвета всегда бывают пусты и не дают зерна, и, стало быть, тем

дороже будет хлеб. Зимняя опока на деревьях обещает, как говорят, хороший урожай на хлеб; урожай на орехи обещает обильную жатву хлеба на грядущий год, по крайней мере замечено, что сильный урожай на орехи и на хлеб никогда не бывает вместе; что, кроме того, никогда не бывает большого урожая на орехи два года сряду; стало быть, при обилии в орехах, их на следующий год не будет, а, вероятно, будет урожай на хлеб. Когда рябина сильно цветет, то будет, говорят, урожай на овес; много ягод на рябине предвещает строгую зиму, может быть, если предположить, что природа заготовляет на этот случай корм для птицы. Посему и заготовляют тогда рябинный квас, слабительный и прохладительный, предсказывая на зиму воспалительные болезни, неразлучные со строгою зимою. Если день Богоявления (6 января) теплый, то хлеб будет темный, то есть густой; если ночь звездистая, то будет много ягод; а если во время посева у жуков под брюхом много яичек (вшей), то будет урожай; если они на передних лапках, то должно сеять ранее, если на средних, то позднее, а если на задних, то еще позже. Последние приметы, вероятно, одна только шутка. На средокрестной неделе Великого поста, пост преломляется пополам, пекут кресты, а ре-

бятишек покрывают решетом или кадкой и бьют сверху палкой, чтоб слышали и помнили, как пост переломился пополам. Судя по ценам в день Ксении полузимницы или полухлебницы (24 января), заключают об урожае и о ценах на хлеб во весь предстоящий год. С этого дня остается ждать нового хлеба столько же времени, сколько ели старый. Февраль — широкие дороги — 4-го марта Герасима Гречевника. В день сорока мучеников, 9 марта, прилетают сороки и жаворонки, почему и пекут 40 жаворонков. Марта 17-го, Алексия Божьего человека: Алексея с гор потоки, с гор вода, а рыба со стану, то есть рыба трогается с зимовья и трется под берегами. Марта 19-го, Хрисанфа и Дарии; Дарья, желтые проруби, замарай проруби. Марта 25-го, Благовещение, если мороз, то будет много огурцов. Апреля 1-го, Марии Египетской, зажги снега, или заиграй-овражки. Апреля 3-го ап. Иродиона: уставь, или заставь, соху, пора пахать под овес; когда заквакают лягушки, то пора сеять овес; когда появятся крылатые муравьи, сеют хлеб. Овес сеять хоть в воду, да в пору; а рожь, обожди часок, да посей в песок. В Великий четверток мороз, так и под кустом овес; а озимь в засеку не кладут, то есть не верь всходам с осени. Снегу много, хлеба много, говорит народ. Апреля

16-го, Ирины разрой берега. Апреля 25-го, Великомученика Георгия, выгоняют скотину. Если дождь, то в этот год скот хорошо пойдет. Георгий везет корму в тороках, а Никола (9 мая) возом. Мая 5-го, Ирины рассадницы: сеют капусту. Это же время считается ветреным и потому удобным для палов, для выжигания полей, потому что пал, для безопасности, всегда пускается по ветру туда, где не опасно. Мая 13-го, муч. Гликерии, Лукерья-комарница, появляются комары. Мая 14-го, Исидора, садят огурцы. Мая 18-го, семи дев: веют первый лен. Мая 21-го, Константина и Елены; ранний лен и поздняя пшеница. Мая 29-го, Феодосии волосяницы: рожь колосится. Мая 31-го, Еремия повесь сетево: то есть кончай посев. Июня 13-го, Акулины гречушницы: сеют гречиху. 1 июля, Казанския Богоматери, лучший день для сбора касмахи или червца, который будто собирается изо всей окружности под один куст; кто найдет его, найдет много вдруг. Июня 20-го, пророка Илии: если дождь, то будет мало пожаров; всегда бывает гром и где-нибудь убивает человека. В иных местах говорят еще, что в этот день дана воля всем гадам и лютым зверям, а потому и нельзя выгонять скотину в поле. Иные верят также, что в день Рождества Христова скотину не должно

выпускать из хлевов. В Стефанов день поят лошадей через серебро. Августа 1-го, происхождение св. Древ: первый Спас; можно есть яблоки. Августа 13-го, Флора и Лавра, кончай посев ржи. Августа 23-го, св. Луппа, морозом овес лупит; первые утренники. Без воды зима не станет; дожди, потом следуют подзимки, а там морозы, которые разделяются на Никольские, рождественские, крещенские, афанасьевские, сретенские и, наконец, мартовские заморозки. Оттепели должны быть: Михайловские, 3-го ноября; введенские, 21 ноября и проч. Августа 29-го, Иоанна Предтечи: не варят щей, потому что кочан капусты напоминает усеченную голову. Сентября 1-го, бабье лето, начало женским сельским работам; сентября 14-го, Воздвижение, кафтан с шубой сдвинулся. Октября 22-го, Параскевии-льняницы; пора мять лен. Ноября 26-го, Егорий с мостом, а Никола с гвоздем, декабря 6-го. О зимнем пути говорят: либо недели не доедешь до Благовещения, либо неделю переедешь. Первый прочный, постоянный снег выпадает ночью, а денной сходит, это довольно верно. 12 декабря, солнце поворотилось на лето, а зима на мороз. Если в день Рождества Христова много инею, опоки на деревьях, то будет урожай на хлеб. В день Наума, 1 декабря, в

Малороссии отдают детей в школу, полагая, что они тогда более ума наберутся.

В южной Руси частью те же, частью и другие поверья, о погоде, урожае и проч., и в особенности замечается игра слов или созвучий подающих повод к поверью; например, 23 июня, Иоанна Предтечи, смешивают с Крестителем и с Купалою языческим и называют день Ивана-Купалы; Пантелеймона (27 июня) называют Палий и боятся в этот день грозы; празднуют, мая 11-го, обновление Царяграда, иначе хлеб выбьет градом; июня 24-го, Бориса и Глеба, называют *барыш* день, и празднуют его для получения во весь год барышей; если июля 19-го, в день Макрины, ясно, то осень будет сухая, а если мокро, так ненастная. 26 января, Ксении полухлебницы или полузимницы, замечают цены на хлеб: если поднялись, будет дорог, если нет, то наоборот. Февраля 9-го, в день Сретения Господня, лето встречается с зимою; коли снег метет через дорогу, то будет поздняя весна, а коли не метет, то ранняя, и проч.

К сему же и частью к предыдущему разряду принадлежат и следующие поверья, не относящиеся до календаря земледельца: если выкинет из трубы, то должно опустить в нее живого гуся: распустив в испуге крылья, гусь при этом паде-

нии может иногда погасить пламя. Известные пятнышки на лице вроде веснушек, появляющиеся временно у женщин, называют *метежами,* и говорят, что внезапное появление их есть верный признак беременности. В этом поверье есть истина; но она отнюдь не безусловна. Телятину есть считают грехом; вероятно, это произошло от хозяйских расчетов: во-первых, деревенские коровы перестают доиться без телят; во-вторых же, не расчет съесть теленка, из которого через два-три года выйдет полнорослая скотина. Кроме того, почитают грехом есть голубей как священную птицу; не едят зайцев и всех вообще слепорожденных животных и однокопытчатых, то есть с нераздвоенными копытами, вероятно, на основании Ветхого завета. Угря не едят, не признавая его рыбой; а как, по пословице, в поле и жук мясо, то разрешают есть угря, когда в семи городах нельзя будет найти рыбы. Сома не едят, потому что сом — чертов конь; рыба эта жирна, не вкусна и не здорова, кроме плеса, который идет в пирог. Раков не везде едят; уральские казаки называют их водяными сверчками и выкидывают из сетей. Зато во многих местах простолюдины не брезгуют грачами, галками и воронами; но сорок нигде не едят; а по уверению бывалых людей, в

некоторых местах России запекают в пироги полевых мышей, под названием *житничков.* Очень умно, если это делается; но я нигде толком не мог о том допроситься.

Ямщик, если вы нанимаете его на протяжных, ни за что не повезет барыню с кошкой, уверяя, что от кошки лошади худеют; от табаку, напротив, по уверению извозчиков, лошади добреют, и потому табак для них кладь желанная. Извозчики, с коими рядились для отвоза из Ромна шерсти и табаку, за провоз последнего делали маленькую уступку. Если верить другому поверью, что чепрак из барсовой кожи вреден для лошади, то можно допустить также однородное влияние кошки; я говорю только, что подобное дело сбыточно, хотя и совсем вероятно. Так, например, известное влияние кошки же на змею весьма замечательно: змея не боится самой злой собаки, напротив, самая злая и смелая собака сильно пугается змей; но лишь только подойдет к ней кошка, как змея мгновенно свертывается в клубок и, схоронив голову, лежит, не смея дохнуть, не бежит, не защищается, и кошка смело ее грызет. Индюшки также заклевывают змей, преследуя их с остервенением; овцы пожирают ядовитых тарантулов, от укушения коих другие животные

умирают, по крайней мере долго хворают.

Суеверие, будто у скопы ядовитые когти, вероятно, вышло просто из того, что скопа довольно странная птица, соединяющая в себе свойства хищных и водяных птиц; она питается рыбой, хватая ее не клювом, а когтями.

Выше говорили мы об остатках язычества; христианство вытеснило их из области веры, и они нашли приют в поверьях или суевериях.

Нельзя не отнести сюда всех суеверных обрядов, соединенных у простолюдинов с обрядами веры; их много, все пересчитать трудно. Обращаются, например, в известных случаях, с молитвою исключительно к тому или другому святому угоднику, полагая, что тогда молитва будет лучше услышана; молятся от слепоты Казанской Богоматери; от глазных болей — Мине Египтянину, Лаврентию Архидиакону, Логину сотнику; от болезней вообще — Богородице Всех Скорбящих; от головной боли — Иоанну Предтече; от зубной боли — св. Антипию; от лихорадки — св. Марою, также Фотинии или Василию Новому; от грыжи — Артемию; от бесчадия — Роману чудотворцу, также св. Ипатию; от трудных родов — Богородице Феодоровской или св. Екатерине; если муж возненавидит жену — св. Гурию, Самону и

Авиве; о согласии супругов — св. Евангелистам; о здравии младенцев — Богородице Тихвинской, Симеону Богоприимцу; от родимца — св. Никите; от оспы — Конону Саврийскому; о просвещении разума на грамоту — Коз-ме и Демиану; на иконное писание — Иоанну Богослову; о охранении от смерти без покаяния — св. Палсию; об изгнании лукавых духов — св. Нифонту, или Марофу; о сохранении целомудрия — Мартимиану, Иоанну многострад., Моисею Угрину, Финаиде, от запоя — Вонифатию, также Моисею Мурину; от грозы — Богородице Неопалимой Купины, также Никите Новгородскому; о ведренной погоде — св. Илии; от потопа и беды на войне и на море — св. Николаю Чудотворцу; от скотского падежа — св. Медосту, также Власию; от конского падежа — св. Флору и Лавру; о сохранении скота от зверя — св. Георгию; он же защитник девиц и покровитель сельских работ; об овцах, св. Мамонту, или св. Анастасии; о свиньях — св. Василию Великому; о пчелах — св. Зосиме и Савватию; о курах — св. Козме и Демиану, или св. Сергию; о гусях — святому мученику Никите; о рыболовстве — св. апостолу Петру; о добром сне и грезах — девяти мученикам; от вора и обидчика — Иоанну Врину; о обретении покражи и бежавших рабах

— Феодору Тирону; о укрощении гнева человека — пророку Давиду; от очарования — св. Киприану и Устинии, и проч.

Многие из принадлежащих сюда поверьев до того тесно связаны с народной поэзией, что настоящий их источник не всегда может быть указан, особенно при малых сведениях наших о дохристианском русском мире, в существе своем также поэтическом. Сюда принадлежат обычаи, поверья и обряды в различные праздники, столь подробно описанные г. Снегиревым. Например, игры и обряд на Ивана Купала, колядование на Рождество, щедрование на Новый год, семик и проч. Сюда же принадлежит поверье, что в пятницу грешно работать, а наши субботники, или русские жиды, шабашат в субботу; также обычай опахивать в полночь деревню, впрягая девок в соху, чтобы избавиться от мора, от скотского падежа, бабы и девки едут верхом на помелах и лопатах и убивают досмерти первую попавшуюся навстречу живую тварь; это неистовые вакханалии, шабаш ведьм, где в прежние времена нередко случались убийства, для избавления околотка от чумы. Вместо того заливают также в одну ночь во всей деревне огонь, а там разносят по всем дворам древесный или живой огонь,

добытый трением; для него устраивают род деревянного точила, которое после хранят в тайном месте. Этим же огнем поджигают разложенное в разных местах курево. Это средство известно по всей южной и восточной границе России, начиная с Черного моря до Китая. Есть еще иное средство от падежа на скот: должно согнать с вечера внезапно весь скот на один двор и обставить его строго караулом; с рассветом хозяева должны сами разбирать скотину, каждый свою, выпуская ее осторожно по одной из ограды; останется одна корова лишняя, ничья: это-то и есть самая моровая, или коровья смерть, и ее должно взвалить на поленницу и сжечь живьем. Эти поверья постепенно переходят к поэтическим вымыслам, в коих видна игра воображения, или дух времени, или просто иносказание и народная поэзия, принимаемая ныне нередко в прямом, насущном смысле за наличную монету. Например: в Благовещение птица гнезда не вьет; если же она завьет гнездо или проспит заутреню, то у нее на время отымаются крылья и она делается пешею. К последнему поверью, вероятно, подали повод подлини, птица, у коей правильные перья вылиняли и которую тогда можно ловить руками. В день сорока мучеников, 9 марта, когда

пекут жаворонков, уверяя, что они непременно в этот день прилетают, говорят также, что сорока положила уже 40 палочек в гнездо свое.

В южной России ласточка есть представительница чистоты христианской; воробей же, напротив, представитель жидовства. К поверью, что птица в Благовещение не вьет гнезда, присовокупляют: кроме окаянного воробья, который не знает праздника. В день Благовещения и в Светлое Воскресенье между заутреней и ранней обедней солнышко от радости играет, в чем нетрудно убедить кого угодно, заставив его смотреть прямо на солнце, оно заиграет в глазах. В Петров день, 29 июня, солнце играет радугой на восходе, то выказывается, то опять прячется; в ночь Иоанна Крестителя, на 6 января, вода в проруби играет и плещет. Если курица снесет яйцо в Благовещение и его подсунуть наседке, то непременно выйдет урод.

Во все время между Рождеством и Масленной, где целый ряд праздников, грешно прясть. Если девка или баба шьет, работает в заговенье или по праздникам, то у нее будут заусеницы и ногтоед. Кто в ночь Родительской субботы, после трехдневного поста, придет с молитвой на погост, тот увидит там тени тех, кому суждено умереть в

течение года. Поверье это принадлежит южной России и Украине. Есть много преданий о том, что испытали и видели на том свете обмиравшие и очнувшиеся впоследствии люди: страшные, для суеверов, рассказы эти обыкновенно оканчиваются тем, что трех слов нельзя сказать, нельзя выговорить; это было им запрещено, и язык отымается при всякой к тому попытке; а в этих-де трех словах и заключается все главное и существенное. На Украине каждый человек, отговев, покупает вязанку бубликов (баранков) и делит ее со всеми приятелями, чтобы увидеться с ними на том свете. При первом ударе колокола, во время благовеста, мужик не перекрестится, за вторым перекрестится, за третьим поклонится. Коли звезда падает, то это ангел за душой усопшего полетел; а если успеешь, не дав угаснуть этой искорке, пожелать чего-нибудь, то оно исполнится; ангелы на этом перелете никому ни в чем не отказывают. Остригши ногти, собирать обрезки в одно место; на том свете придется по крутой горе лезть, и ногти пригодятся. Это поверье принадлежит раскольникам. Для той же причины не велят бить кошек; они тогда снабдят из дружбы своими когтями. Когда убирают под венец невесту, то почетная, счастливая супруга должна ей вдеть

серьги; тогда молодая будет счастлива. Исстари водилось, что брат невестин или другой мальчик должен в продолжение девичника укладывать жениховы подарки на дому у жениха, который привозит их невесте; мальчик же должен обуть невесту под венец, подвязать ей подвязку и продать жениху косу ее; молодая, в знак покорности, разувает молодого, у которого в сапогах плеть и деньги;

ударив жену слегка, он ее награждает. У крестьян, новобрачных укладывают не в жилой избе, а пустой клети или другом месте, стелют постель из снопов и кладут именно 21 сноп; дарят младенца на зубок, дарят и родильницу, подкладывая тайком деньги под подушку. Во время венца кто первый из новобрачных ступит на подножие, тот будет властвовать; у кого свеча длиннее остается, или у чьих дружек, тот долее проживет; если венец для облегчения не надевают на голову невесты, то народ считает такой брак недействительным, незаконным, и предсказывает беду; если же над головою уронят венец, то и подавно. Молодых иногда осыпают деньгами, хмелем и хлебом;

впрочем, большая часть сих и множество других, сюда относящихся, обычаев не принадлежат

собственно к поверьям, а именно к обычаям и к числу празднеств. В иных местах кладут под порог замок, в то время, когда молодые идут к венцу, и лишь только они перешагнут порог, как вещие старухи берут замок, запирают его и хранят, а ключ закидывают в реку; от этого молодые будут жить хорошо.

Если баба заспит младенца, то он, по народному поверью, делается оборотнем, или по крайней мере не будет принят в число праведников. Кроме того, мать должна идти на покаяние и стоять три ночи в церкви, очертившись кругом; в первую ночь бесы будут только дразнить и казать ей младенца; во вторую будут его мучить и приглашать ее, чтобы она вышла из круга и взяла его; в третью замучат его в глазах матери до смерти, а сами исчезают с первыми петухами, покинув труп. Мать должна вынести все это; если же она перешагнет заветный круг, то сама сгинет. В старину родители иногда скрывали крестное имя дитяти, его называя вовсе иным, в уверенности, что человека нельзя испортить, изурочить, не зная имени его.

Есть изредка также обычай, особенно когда дети недолговечны, чтобы вслед за народившимся младенцем выйти на улицу, дать ребенку

имя первого встречного человека и даже звать этого человека в кумовья. В прощеный день (воскресенье, перед чистым понедельником) дарят друг друга куличом или огромным пряником (фигура), с солдатиками или надолбами по краям и с чашкой посередине; такой же пряник везут молодые на другой день брака к родителям, которые им кладут деньги или подарки на пряник. Если смочит поезд свадебный, то это счастье, как и вообще дождь означает благодать, обилие. Усопших младенцев непременно подпоясывать: во-первых, для того чтобы их на том свете по первому взгляду можно было распознать от татарчат и жиденят; во-вторых, чтобы малюткам, гуляя по вертоградам небесным, можно было собирать за пазуху виноград. Если ребенок умирает, то подать его нищенке Христа ради в окно, коли та, ничего не зная, примет его, помолится и посадит под избой, то будет жив. Затмения, как известно, предзнаменуют в глазах народа бедствия, чему верили невежды почти во все времена и во всех землях. Явления эти весьма приноравливались к событиям настоящим, будущим или прошедшим и по необычайности своей всегда поражали умы народа и настраивали их на ожидание чудес или бедствий.

У раскольников есть много странных поверьев, нередко порождения довольно дикого, необузданного воображения, кои иногда основаны на безграмотной игре слов: кто пьет чай, отчаивается от Бога; кто пьет кофе, налагает ков на Христа; хмель и табак произросли на могиле знаменитой блудницы, — хмель из головы, а табак из чрева. На этом основании, вероятно, хмель считается у них благороднее табака, многие раскольники не чуждаются его, тогда как табаку все они не терпят, называя его смертельным грехом. Раскольники в особенности настоятельно требуют, чтобы остриженные ногти класть с ними вместе в гроб, и даже носят обрезки эти в перстнях. Земля, по народному поверью, лежит на трех рыбах, китах или даже на четырех; но один из них умер, отчего и последовали потоп и другие перевороты; когда же перемрут они все, то последует преставление света. Между тем, когда киты эти, отлежав бока, начинают оправляться да повертываться, то бывает трус, землетрясение. Иные, напротив того, утверждают, что свет стоит на трех слонах. Прежде нас жили на свете *волоты,* великаны, после нас будут *пыжики,* то есть карлы. Народное поверье волотам назначает место жительства в Вологодской стороне; вероятно, этому подало

повод одно только сходство звуков. Народ ожидает преставления света непременно в одну из великих суббот, перед Троицей. Если по торной дороге подымается столбовой вихрь, то это чертова свадьба, ведьма с сатаной венчается, или по крайней мере возится; а потому, если кинуть в вихорь этот нож, то он будет в крови. Чума летает уткой, а голова и хвост у нее змеиные. Не садиться по 13 человек за стол и не подавать другому соли; эти два поверья, как всякому известно, напоминают измену Иуды. Не дарить ни ножа, ни ножниц, не принимать булавки, разве уколоть слегка передатели, или отдать грош, то есть купить вещи эти. Взяв от соседа прививку плодовую, или отводок, также должно положить около дерева копеечку, чтобы ветка хорошо принялась. Молодых супругов сажают на мохнатую шубу, в ознаменование привольной жизни; велят также стричь ребенка на шубе: богат будет; когда ребенок впервые пойдет, то черкнут ножом по земле между ног, что и называется перерезать путы. Если у ребенка долго зубы не режутся, то проколоть черному петуху гребешок костяным или деревянным гребнем и кровью помазать десны. Это поверье, принадлежа отчасти к разряду симпатических средств, конечно, придумано для

того чтобы успокоить встревоженную мать, при таких обстоятельствах, где человеческая помощь невозможна. Советуют также надевать ребенку ожерелье из рачьих жерновинок, носить фиалковый корень и проч. Пожар от грозы заливать парным молоком от черной коровы.

Коли черная корова с вечера впереди стада идет на село, то день будет ненастный, коли белая, ясный. Коли корова перестанет доиться, то кто-нибудь из счастливых в семье, обыкновенно девушка или ребенок, должны выкупить ее у хозяйки или у коровницы за грош; корова называется с того времени собственностью покупателя и будет опять доиться. Коли корова доится с кровью, что, между прочим, случается-де оттого, когда под брюхом у нее пролетит невзначай ласточка, то подоить ее сквозь обручальное колечко хозяйки; ласточка же пролетает под коровой в наказание за то, когда кто разорит у нее гнездо. Чтобы предупредить порчу свадьбы от недоброго кудесника, который-де не только сделает, что кони не пойдут со двора, но, пожалуй, оборотит и гостей, и молодых в волков, все гости и поезжане опоясываются сверх рубахи вязаным, а не плетеным пояском, в котором тьма узелков. Колдун ничего не может сделать, не развязав сперва всех

узелков или не сняв с человека такой поясок. Крестьяне рассказывают, что такие оборотни, то есть волки, бывшие когда-то свадебными гостями, попадаются; если подобного зверя убьешь, то на нем, к крайнему удивлению всех крещеных людей, найдешь под шкурой красную рубаху, — но только без опояски! Так дорого можно поплатиться иногда за небольшую оплошность! Есть поверье, что ворон купает детенышей своих в Великий четверток, и приносит для этого воду в гнездо свое в выеденном яйце. Ворон, ворона, грач, сыч, сова, филин, пугач, иногда также сорока и кукушка, почитаются зловещими птицами, и притом не только у нас, но почти повсюду. Если ворон и филин кричат, сидя на кровле, то в доме быть покойнику. Ночные птицы получили прозвание зловещих, конечно, за дикий, неприятный крик, который, среди глухой ночи, иногда чрезвычайно неприятен; так, например, пугач, большой лесной филин, завывает точно как человек, зовущий отчаянно на помощь, а иногда, как ребенок, иногда хохочет, стонет или ржет. Нет сомнения, что пугачу надобно принять на свой счет большую часть того, что рассказывают о лешем. Суеверы носят при себе когти филина, чтобы отвратить от себя зло. Ворон, ворона, сорока, грач,

вероятно, попали в этот разряд, как полухищные, жадные к падали и до нестерпимости крикливые вещуньи. Иногда загадывают, сколько лет кому жить, и считают, сколько раз кукушка кукукнет. Отчего вообще птица, залетевшая нечаянно в покои, особенно воробей, предзнаменует бедствие, смерть в доме и проч., этого объяснить не умеем; но птичка, залетевшая в чистом поле прямо в руки, а равно и гнездо, свитое где-нибудь в доме, бывает, как думают, к добру. Не велят бранить пойманного сома, хотя это для рыбаков не находка, стращая тем, что водяной черт за такую брань отомстит. Ласточку, голубя, пигалицу и синичку, по мнению народа, бить грешно, за это бывает падеж на скот. Есть еще поверье, что если собаки ночью воют, или когда они роют норы, то будет в доме покойник. Много раз уверяли тут и там люди, что собаки, лошади или другая домашняя скотина предчувствовали, предугадывали смерть хозяина и что животные показывали это воем, мычаньем, ржаньем, ночным топотом, необычайною пугливостью, страхом и проч. Там, где подобное предчувствие относится до внезапной, насильственной, смерти, оно во всяком случае необъяснимо, а потому уже слишком невероятно; но нельзя оспаривать возможности того, чтобы

какое-либо животное не могло чувствовать, не знаю каким чутьем или чувством, невидимой для нас перемены, происшедшей с таким человеком, который по состоянию своего здоровья не может прожить более известного и весьма короткого срока, который обречен уже тлению, носит в себе ничем не утолимый зародыш смерти, и поэтому самому, может быть, в испарине своей, или Бог весть как и где, представляет для некоторого рода животных нечто особенное и неприятное. Я не утверждаю всего этого, я только не отвергаю такую возможность. Опытные врачи, фельдшера, сиделки и хожалки видят иногда по первому взгляду на больного, что его спасти нельзя. Иные утверждают даже, что слышат это чутьем, по испарине; почему же другое существо или животное не может видеть или слышать то же самое, но только еще гораздо ранее, может быть, накануне или даже несколькими днями прежде нас? Как объяснить себе чутье, которое безошибочно указывает собаке, что на таком-то месте пробежал заяц, причем собака еще знает, до какой степени след этот свеж, и что всего мудренее, в какую сторону заяц пробежал, взад или вперед?

Есть чисто шуточные поверья, или лучше сказать просто шутки, в кои, однако же, иные свято

верят; например, когда стоят жестокие морозы, то должно с вечера насчитать 12 лысых, поименно, назвав последним самого лысого, у которого голова, как ладонь, от бровей до затылка: на нем мороз лопнет. Когда в бане моют барчонка, то приговаривают: «Шла баба из-за морья, несла кузов здоровья; тому, сему кусочек, тебе весь кузовочек»; а когда окачивают водой: «С гоголя (гуся) вода, с тебя худоба; вода б книзу, а сам бы ты кверху; сороке б тонеть, а тебе бы толстеть» и проч. Девиц умывают с *серебра*, чтоб была девушка бела и богата; это называется умыться водой, в которую при первой весенней грозе брошена серебряная ложка. Чтоб быть белой и чистой, девушки моются также первым снегом с кровли бани. Если все девочки родятся, то в этот год войны не будет; если ребенок наперед станет говорить папа, а также если младенец родился с косичкой, то вслед за ним родится сын; а если заговорит мама — то дочь. Сидеть между двух сестер или братьев, значит вскоре жениться или замуж выйти. Правая ладонь чешется — отдавать деньги, левая — получать; локоть чешется — на новом месте спать; переносье чешется — о мертвом слышать; кто щекотлив, тот и ревнив; за первым вешним громом выбежать умыться

дождевой водой, с золотым кольцом на пальце, или ухватиться за карман, в котором деньги, что делают также, увидав молодой месяц, и сказать, при *деньгах!* — богат будешь. Если зеркало поднять над головой, так, чтоб в нем отразился молодой месяц, то увидишь столько лун, сколько луне дней. Эта шутка основана на том, что при таком косвенном отражении месяц в зеркале точно двоит и, пожалуй, иногда семерит. Если волосок из ресниц вывалится, положить его за пазуху, будет подарок. У кого редкие зубы, не будет долго жить. Если, забывшись ляжешь спать в одном чулке, то приедет тот, кого ждешь. Если булавку на полу увидишь к себе головкой, то это хорошо, а к себе острием, худо. Если брови свербят, будешь глядеть на потных лошадей, то есть принимать гостя; выщербленные деньги обещают прибыль, и поэтому их должно хранить в кошельке. Когда у детей падают зубы, то велят стать тылом к печи, закинуть зуб через себя и сказать: мышка, мышка! на тебе костяной зуб, а мне дай железный; или: на тебе репяной зуб, а мне костяной. Смешное и глупое поверье, что икота есть беседа души с небом, вероятно, также было сначала неуместной шуткой; кому икается легко, того добром поминают, а при тяжелой

икоте за глаза бранят.

Когда лошадь дорогой распряжется, то что-нибудь дома нездорово либо жена изменила, если сам хозяин в дороге. Если мышь попортит часть свежего товара, то купцы утешаются тем, что товар от этого скоро и хорошо с рук пойдет. Если кто в беседе скрестит незаметно ноги, нога на ногу, то от этого последует всеобщее молчание. Если кто плюнет себе на платье, то это означает, что скоро будет обнова. В Новый год должно надеть обновку; тогда их много будет в течение года. Другие толкуют, что плюнуть на себя, значит терпеть напраслину. Кто ущемит платье в дверях, выходя из дому, тому скоро в этот же дом возвратиться. Если из вязанки дров вывалится полено, то будут гости. Кто поперхнется в разговоре, тот хотел соврать; кто поперхнется первым глотком, к тому спешит обеденный гость. Обнову предвещает и то, когда собака, став перед кем, потянется. Если уши горят, то заглазно над тобой издеваются; если в ушах звенит, то загадывают что-нибудь и спрашивают: в котором ухе? Когда отгадают, то загаданное сбудется. Если в беседе чихнешь, то это подкрепляет истину того, что говорится. Кроме того, иные говорят, что чихнуть в воскресенье, значит в гостях будешь;

в понедельник — прибыль будет: во вторник — должники надоедят; в среду — станут хвалить; в четверг — будешь сердиться; в пяток — письма или нечаянная встреча; в субботу о покойнике слышать. Если у женщины, при одевании юбки подол случайно загнется, то предсказывают ей роды. Если каша или пирог-баба подымется из горшка и наклонится в печь, то к добру; если же из печи, то к худу. Если кузнечик кует в доме, то иные уверяют, что он выживает из дому. Счастливый сын походит на мать, а счастливая дочь на отца. Самовар играет, гостей зазывает, кто мимо пойдет, зайдет. Невзначай свечу погасить — нежданный гость. Булавочка из наряда молодой хранится подругами и обещает счастье, а девушке скорое замужество. Свеча грибком нагорела — будет письмо, и с той стороны, куда нависла. Если шутка эта не в связи с поверьями о ведьме, то она просто придумана для потехи; но я знал помещиц, кои читали Сю и Занда, а строго придерживались помела и кочерги. Кто невесел, с утра брюзжит, встал левой ногой с постели. Кто утрет лицо первым яичком рябенькой курицы, у того не будет веснушек. Руки горят — бить будешь; руки стынут — кто-нибудь тебя злословит; если мужчина белоручка, то невесте его не быть

красавицей; нагорела свеча — долгоносая невеста; кошка умывается, сорока у порога скачет, самовар поет, полено дров из беремени повалится, нечаянно свечу погасить, все это значит: будут нежданные гости. Теплая или холодная лапа у кошки, означает добрых или недобрых гостей. Чулок или рубашку наизнанку надеть, потерять подвязку, остегнуться пуговкой — пьян или бит будешь.

Не строить нового дома под старость, не шить обновы, в особенности белья, иначе скоро умрешь; эти поверья, может быть, частью придуманы наследниками, чтобы удержать стариков от безрассудного мотовства, а может быть, возникли и оттого, что, затевая житейское, старику и старушке поневоле приходит в голову близкий конец их, а это для многих воспоминание неприятное. Кроме того, весьма нередко случается, что, затеяв под старость обшиваться и строиться, человек умирает, не покончив дела, и это в таких случаях служит подтверждением суеверью. Я знал в Москве старушку, богатую вельможу прошлого века; она уже лет двадцать не шила на себя белья, ни за что не соглашалась к этому, считала всякого, кто ей о том говорит, смертным врагом своим и ходила в таком белье, на котором,

кроме подновляемых по временам заплаток, не оставалось ровно ничего.

XIII. Басни, притчи и сказки

Поэтические поверья переходят непосредственно в басни, притчи или иносказания; тем не менее по невежеству иногда принимаются в прямом смысле, и многие верят слепо тому, что придумано было для одной забавы. К этому числу принадлежат: поверье о том, что медведи были некогда людьми, к чему, конечно, подала повод способность медведя ходить на двух ногах и поступь его, всей плюсной, по-человечьи; люди эти жили в лесу, ни с кем не знались и были нехлебосольны, негостеприимны. Однажды зашел к ним какой-то благочестивый старец, постник и сухоядец, и, постучавшись тщетно сподряд у всех ворот, прошел все село из края в край, отряс прах с ног своих и проклял недобрых хозяев, велев им жить отныне в берлогах. Собака, по такой же сказке, также была человеком, но обращена в пса за обжорливость свою. Пчела просила себе смертоносное для человека жало; оно дано ей, но только с обратным условием: оно смертоносно для нее же самой. Известный древний мудрец, начальствовавший всеми животными, послал ворону, которая случилась у него на вестях,

чтобы она привела лучшего певчего: старику хотелось уснуть под сладкие песни. Но он уснул, не дождавшись песен, и проснулся в испуге от страшного карканья; ворона привела ему целое гнездо вороненков, извиняясь тем, что лучших певчих нельзя было сыскать во всей поднебесной. Есть даже несколько длинных и довольно складных сказок, принадлежащих сюда же, как, например, сказка о Георгии храбром и о волке; Эзопова басня о куре и лисе, которая известна едва ли не у всех народов; равно и сказка о Лисе Патрикеевне, которая морочит волка, медведя и многих других животных, промышляя на их счет. Эта замечательная сказка, отысканная в древних рукописях на французском и немецком языках, живет доныне в преданиях всех почти европейских народов и пересказывается, между прочим, также у нас, на Руси и на Украине, с небольшими только отменами против той, которую обработал Гете.

Есть поверье или рассказ о том, что означают видимые на луне пятна: туда посажены навсегда братоубийца и жертва его, в том самом положении, как преступление было совершено: и воображение народа видит на луне двух людей, из коих один закалывает другого вилами. Другие

уверяют, что это Каин и Авель.

О ласточках говорят, что они чириканием своим предостерегали Спасителя от преследователей Его, а воробьи продали Его, крича: *жив, жив,* за что у воробьев ноги связаны невидимыми путами, и птица эта не может переступать, а только прыгать. Есть также предание, что ласточки крали у римлян гвозди, коими распинали Христа, а воробьи отыскивали их и опять приносили. Поэтому ласточек, по народному мнению, грешно бить или разорять их гнезда.

О громе говорят, что это Илья пророк ездит по небу в огненной колеснице, поражая стрелою дьявола, а тот прячется за людей. Суеверие это подтверждается частью находимыми в песчаных местах громовыми стрелами, похожими с виду на минерал, известный под названием *чертов палец.* Дело в том, что от удара молнии в песок действительно он сплавляется в виде сучковатых сосулек. Стрелы эти, между прочим, окачиваются водой, коею поят больных от колотья.

Зеркало как дивная для простолюдина вещь подало раскольникам повод к особой сказке: какой-то пустынник, не устояв против соблазна дьявола, возмечтал о себе столь нелепо, что вздумал свататься на какой-то царской дочери.

Царевна, по девичьим причудам, отвечала: если он достанет мне ту вещь, которую по всему царству не могли найти, вещь, в которую бы я могла видеть себя чище чем в воде, то выйду за него. Пустынник пошел стараться и наткнулся путем на порожнюю избушку, в которой черт отозвался ему, сказав, что попал в рукомойник, заперт и заговорен в нем каким-то стариком, и что готов отслужить какую угодно службу тому, кто его выпустит. Порядившись с ним на ту затейливую вещь, которую требовала царевна, пустынник снял деревянный крест, которым накрыт был глиняный висячий рукомойник; черт выскочил, встряхнулся, сделал и подал старику зеркало, которое этот отнес царевне. По словам некоторых, он женился на ней, но был наказан тем, что видел всюду двойника своего, который не давал ему ни днем, ни ночью покоя и замучил его до смерти; а по словам других, старик покаялся до свадьбы, смирился и ушел навсегда опять в пустыню. По сей причине у раскольников и поныне зеркало есть вещь запрещенная, созданная дьяволом.

В местах, где есть мамонтовые кости, жители не знают и не могут постигнуть, чтобы это были остатки допотопного животного; а потому и сложили повесть о подземном слоне, который живет

и роется всегда под землей, как крот, никогда не выходит наружу, а только по смерти своей случайно попадается, потому что земля изрыгает кости его. Предание о волотах, или великанах, и о находимых костях их без всякого сомнения также основано на ископаемых костях различных животных.

Беда не по лесу ходит, по людям, а как пойдет беда, растворяй ворота, никогда-де одной бедой не кончится. Это поверье основано на случайностях, служивших поводом к изобретению его. Но есть, кроме того, поэтическое поверье в *бедовиков,* несчастных на все руки, или *бедокуров;* к чему бы такой человек ни прикоснулся, от этого ожидают только худого; его жалеют, его не хотят обидеть, но всяк сам себе ближе, и бедняка не менее того выпроваживают за порог, если он куда зайдет, не держат в одной рабочей артели, не дают никуда приткнуться, даже не смеют подать помощи, опасаясь вреда для себя и для других. Жалкое заблуждение это так упорно, что его иногда ничем нельзя победить.

Привязанность к прадедовским обычаям, от коих так трудно отстать народу, и страсть рядиться и красоваться, подавали в купеческом сословии нашем повод к забавным явлениям:

так, например, купчиха, не устоявшая против искушения одеваться заживо в немецкое платье, успокаивала совесть свою завещанием, чтобы ее похоронили в русском сарафане.

В числе сказок о нечистом находим также определение различия между многими именованиями его: черт *смущает,* бес *подстрекает,* дьявол *нудит,* сатана *творит лживые чудеса* для соблазна.

Есть сказка о блаженных островах Макарийских, где сытовые реки, кисельные берега, или молочные реки, медовые берега; девка выйдет, одним концом коромысла ударит, готовый холст поденет; другим зачерпнет, нитки жемчугу вытянет; стоит там и береза золотые сучья; и корова, на одном рогу баня, на другом котел; олень с финиковым деревом на лбу, и птица сирин, иначе райская, перья непостижимой красоты, пение обаятельное, лик человеческий и проч.

Поверье о неразменном или неизводном рубле, который можно достать у нечистого, продав ему на перекрестке в полночь жареного в перьях гусака, рассказывается различным образом и принадлежит к тем же сказочным вымыслам, принимаемым тут и там за наличную монету, и также распространено у различных народов,

например, в Германии.

В числе так называемых лубочных картин, которые ныне уже начинают делаться редкостью и без цензуры не печатаются, есть, кроме изображения помянутого сирина, известная *космография,* где расписаны все баснословные, сказочные страны, люди с песьими головами, блаженные острова Макарийские и много других чудес. Об этом листе была, помнится, когда-то статья в «Телеграфе». На другом листе находим мы изображение людей дивных или диких, найденных Александром Македонским внутри гор Рифей-ских: это люди одноногие, трехрукие, одноглазые, двуносые и проч. Все они выходят навстречу герою-победителю, коему предшествует пеший ратник в полном вооружении.

Всем известно довольно загадочное явление, что в Москве нет сорок; народное поверье изгнало их за 40 верст из Москвы; но они есть гораздо ближе, хотя, сколько мне известно, никто не видал, чтобы сорока залетала в самую Москву. На это сложено несколько поэтических сказок; Москва основана на том месте, где убит боярин Кучка; его предала сорока неуместным стрекотаньем своим, когда он спрятался под кустом; он ее проклял, умирая, и сороки исчезли оттуда на-

всегда. Другие говорят, что сорока унесла с окна последний кусок сыра у одного старца, угодного небесам; он ее проклял за это и изгнал из округа.

Третьи сказывают, и это предание сохранилось в народных песнях, что Маринка Мнишек, будучи ведьмой, перекинулась в сороку, когда пришлось ей худо, и вылетела из окна терема своего; за это сорока была проклята в то время и не смеет явиться в Москву.

Есть еще довольно сложное и старинное поверье о василиске, который родится из петушьего яйца. Заметив, что курица иногда сдуру силится запеть петухом, люди из этого заключили, что и петух может иногда прикинуться курицей и снести яичко. Это яйцо кругленькое, маленькое, называется *спорышок*, и в сущности есть не иное что, как выносок куриный, то есть уродливое яичко, как говорят, последнее, когда курица перестает нестись. Народ иногда утверждает, не знаю по каким приметам, что это яйцо петушье: что петухам во сто лет разрешено снести одно только такое яйцо; а если девка поносит его шесть недель под мышкой, то из него вылупится василиск. Об этом василиске есть множество рассказов: он делается оборотнем или соединяется со злым человеком, с колдуном, и невидимо в

нем живет; он вообще исполняет все приказания мачехи своей, выносившей его под мышкой, приносит ей золото, мстит за нее тем, на кого она зла, дает ей разные вести и проч. Может быть, поверье или сказка эта в связи с преданиями о сожительстве женщин с нечистым духом, со змиями огненными, летучими и другого разбора. Ведьма, по мнению некоторых, есть именно плод подобного супружества, а сказка о Тугарине Змеевиче и ей подобные, суть уродливые порождения разгула народного воображения, настроенного на этот лад. Кирша Данилов рассказывает один из подобных случаев, о рождении Волхва Всеславича, такими словами: «По саду саду, по зеленому, ходила, гуляла /Молода княжна Марфа Всеславична: / Она с камня скачила на лютаго на змея — / Обвивается лютый змей около чобота зелен-сарафьян, / Около чулочка шелкова, хоботом бьет по белу стегну… / А в ту пору княжна понос понесла… / А и на небе просветил ясен месяц. / А в Киеве родился могуч-богатырь, / Как бы молодой Волхв Всеславьевич: / Подрожала мать-сыра земля, /Стряслося словно царство индейское, / А и сине море всколебалося / Для ради рожденья богатырского…»

У нас осталось еще предание в поговорке: *обве-*

сти мертвою рукою. Суеверие говорит, что если сонного обвести рукою мертвеца, то человек спит непробудным, мертвым сном. На этом основании воры нашивали с собою руку мертвеца, и вломившись тихонько в избу, усыпляли этою рукою, по убеждению своему, тех, кого хотели обокрасть. К сожалению, даже и новейшее суеверное мошенничество прибегало изредка к этому средству, и воры разрывали для этого могилу.

Русские литейщики, собираясь отлить какую-нибудь значительную вещь, например, колокол, стараются отвлечь внимание праздной и докучливой толпы от своей работы какою-нибудь новостью, выдумкой или вестью, которую молва пускает по городу. Мастера уверены, что отливка от этого лучше удается, и в колоколе не будет пузырей. Таким же точно образом тщательно скрывают день и час родов, отвлекая иногда внимание соседей какими-нибудь сказками и заставляя даже домашних отлучиться на это время, под произвольно придуманными предлогами. Этот обычай, впрочем, полезен, потому что всякий лишний человек при подобном деле помеха. По той же причине родильниц уводят тайком в баню, чтобы избежать в тесном доме помех и свидетелей; но топить в это время баню

и душить роженицу на полке, в страшном жаре, есть обычай невежественный и вредный.

XIV. Привидения

Все поверья о привидениях, мертвецах и вообще о взаимных сношениях двух миров, видимого и незримого, вещественного и духовного, составляют смешанный ряд преданий и рассказов, принадлежащих, может быть, ко всем видам принятого нами разделения поверий. Эта статья до того обширна, что из нее можно бы составить десятки томов; постараемся объясниться на нескольких страничках.

Под словом *видение* разумеем мы такое явление, такой видимый предмет, который предстал глазам нашим необыкновенным, сверхъестественным образом, то есть необъяснимым, по известным нам доселе законам природы. Подразумевается, что человек видит явившееся не во сне, а наяву; что сверх того, видение это, по крайности, большею частью невещественно, неосязаемо для рук, хотя и видимо для глаз; словом, что оно занимает какую-то неопределенную середину между плотским и бесплотным миром. Видения эти большею частью основаны на явлении тени или духа, как выражаются, то есть человека, уже отошедшего в вечность и

снова принявшего плотский, видимый образ, и в этом-то смысле видение получает более точное, определительное название *привидения.* Впрочем, есть и видения другого рода, бесконечно разнообразные, как самое воображение человека.

Ум, разум и рассудок наш решительно противятся тому, чтобы допустить возможность или сбыточность видений. Частного, таинственного свидетельства небольшого числа людей, слишком недостаточно для изнасилования нашего здравого ума и для вынуждения из нас веры, вопреки убеждению; мы слишком хорошо знаем, что чувства наши и воображение несравненно легче и чаще подвергаются обману, чем здравый смысл наш и рассудок. В деле такого рода, конечно, вернее видеть и не верить, чем верить, не видавши. Мы не смеем утверждать, чтобы душа наша ни под какими условиями не могла войти в духовные связи с бесплотным миром, не смеем потому, что у нас нет к тому достаточных доказательств. Но спросим, могут ли сношения эти сопровождаться признаками вещественными? Каким образом душа, коей бренная плоть несомненно давно уже истлела, может облечься снова в ту же плоть, уничтоженную всевечными законами природы? А каким же образом плот-

ское око наше может принять впечатление от чего-либо невещественного, то есть для него не существующего? Если допустить даже, что душа может быть приведена особыми обстоятельствами в восторженное состояние, в коем делается независимою от пяти чувств и превыше времени и пространства, что она в ясновидении своем созерцает в настоящем и прошедшее, и будущее, то все-таки этим еще не будет разрешена загадка: каким образом являющийся нам дух может вызвать из праха истлевшую плоть свою или облечься в ее подобие?

С другой стороны, мы видим, что чувства наши беспрестанно подвергаются обманам. Например: не слышим ли мы иногда внезапно звук, звон, свист, даже имя свое, между тем как все около нас тихо, спокойно и никто не звал нас и не свистал? Не видим ли мы иногда, под дрему или впотьмах наяву, или забывшись и крепко задумавшись, такие предметы, каких около нас нет? Это происходит от двояких причин: какая-нибудь причина произвела волнение, переворот в крови нашей, от которого последовали на нервы зрения или слуха впечатления, сходные с действием зримого предмета или слышимого звука; тогда орган слуха или зрения передает впечатление это в общее

чувствилище, и сие последнее бывает обмануто. В этом случае действие основано на вещественной, плотской половине нашего существа; но может быть и противный случай: воображение с такою живостью и убеждением представит себе какой-либо звук или предмет, что впечатления идут обратным порядком из общего чувствилища и до самых орудий чувств, производят там те же перемены, как и явления действительные, и мы опять-таки бываем обмануты.

Что сила воли и воображения производит в нас вещественные перемены, это доказать немудрено, потому что мы видим это беспрестанно и на каждом шагу: вспомните только мнимобольных; кроме того, каждый из нас в состоянии силою воображения значительно участить биение сердца, если настроить себя умышленно, вообразив живо радость, гнев, беспокойство и проч. Также легко играть зеницей своей, расширяя и суживая ее по произволу, если, глядя на один и тот же предмет, воображать попеременно, что напрягаешь зрение для рассмотрения в подробности самого близкого предмета.

Бесспорно, что воображение наше сильно участвует во всех видениях. Вот почему люди нервические, или не привыкшие обуздывать

своего воображения более дельным направлением, склонны к видениям. Вот почему мрак или полусвет, опутывая зрение наше непрободаемыми тенетами, бывают всегдашними спутниками видений. Ночная тишина, где каждый малейший шорох раздается иначе и громче, нежели днем; покой и сон, потемки, сумерки, одиночество, настроенное воображение, неприятное и непривычное положение человека, временно лишенного одного из главнейших чувств своих, зрения; наконец, следующий за напряжениями тела и духа прилив крови к мозгу и к самым орудиям зрения, все это в совокупности олицетворяет перед нами безличное и неодушевленное, переносит картины воображения в окружающую нас туманную существенность. В других случаях мы обращаем грезы в видения; душа не распознает, при живости впечатления, минувшего от настоящего, и также бывает обманута. Это в особенности часто встречается у детей, прежде чем они научаются различать сон от действительности; а как и взрослые весьма часто в том или другом отношении походят на детей, то и они нередко поддаются тому же обману.

Если видения, привидения, духи во плоти тени, призраки, живые мертвецы и проч. возможны, то

многие из нас дали бы дорого за то, чтобы увидеть их и созерцать спокойным духом. Людей, кои постоянно видят разные видения или призраки, называют духовидцами. Есть особый род видений, по сказанию очевидцев, это *двойники,* то есть человек видит самого себя, и тут народное поверье наше о домовом, который-де иногда одевается в хозяйское платье, садится на его место и проч., совпадает с распространенным по всей Европе, особенно северной, поверьем о двойнике. Иногда видят его также другие люди, но обыкновенно видишь его только сам; для прочих он невидимка. Если двойника застанешь у себя в комнате или вообще если он предшествует человеку, идет наперед, то это означает близкую кончину; если же двойник идет следом за хозяином, то обыкновенно намерен только предостеречь его. Есть люди, кои, по их уверению, почти беспрестанно видят своего двойника и уже к этому привыкли. Этот непонятный для нас обман чувств чаще встречается между людьми средних и высших сословий, чем в простом народе.

Загадочная вещь, в царстве видений, это вещественные призраки, сопровождающие, по уверению многих, такие явления. Сюда принадлежат, например, трещины, кои старая, сухая

деревянная утварь дает внезапно, в предвещание бедствия, особенно смерти, или собственно в то мгновение, когда является призрак. В трещины эти, как в предвещание беды, верят почти все народы, и легко было бы набрать целые тома россказней о подобных происшествиях. Вероятнее всего, однако же, что внезапная и неожиданная трещина, иногда среди тихой и спокойной ночи, подает, собственно, повод к тем россказням, кои сочиняются бессознательно разгоряченным воображением. Допустив возможность предчувствия в животных, в том смысле, как это было объяснено выше, мы, однако же, до крайности затрудняемся найти какую-либо связь между усыхающим от погоды стулом или шкафом и долготою дней его хозяина. Недавно еще я видел разительный пример такой случайности: старинная мебель прошлых веков, простояв столько времени спокойно, внезапно и без всякой видимой причины начала лопаться с ужасным треском. Без всякого сомнения, воздушные перемены были причиной этому явлению, и если бы наблюдать за сим внимательно, то, вероятно, это могло бы служить указаниями метеорологическими, имеющими одну только общую и отдаленную связь с долголетием человеческого рода.

Я видел однажды милое, желанное видение, которое не стану ближе описывать, видел очень ясно, и тем не менее не только теперь, но даже и в то самое время очень хорошо понимал, как это сталось, и не думал искать тут ничего сверхъестественного. Воображение до того живо представило себе знакомый лик, что бессознательно олицетворило его посредством обратного действия на чувства, и очи узрели снаружи то, что изваялось на глубине души…

Я еще два раза в жизни своей видел замечательные привидения, и оба случая стоят того, чтобы их пересказать. Они пояснят несколько то, что сказал я об этом предмете вообще, то есть, что должно всякую вещь десять раз примерять и один раз отрезать!

Будучи еще студентом, я жил в вышке или чердаке, где печь стояла посреди комнаты, у проходившей тут из нижнего жилья трубы. Кровать моя была в углу, насупротив двух небольших окон, а у печки стоял полный остов человеческий — так, что даже и в темную ночь я мог видеть в постели очерк этого остова, особенно против окна, на котором не было ни ставень, ни даже занавески. Просыпаюсь однажды за полночь, во время жестокой осенней бури; дождь и ве-

тер хлещут в окна, и вся кровля трещит; ветер, попав, видно, где-нибудь в глухой переулок, завывает по-волчьи. Темь такая, что окна едва только отличаются от глухой стены. Я стал прислушиваться, где завывает так жестоко ветер, в трубе ли, или в сенях, и услышал с чрезвычайным изумлением совсем иное: бой маятника от стенных часов, коих у меня не было и никогда не бывало. Прислушиваюсь, протираю глаза и уши, привстаю, одно и то же; кругом все темно, холодно, сыро, буря хлещет в окно, а где-то в комнате, по направлению к печи, мерно ходит маятник. Одумавшись хорошенько и сообразив, я встал и начал подходить на слух, медленно, шаг за шагом, к тому месту, где ходит маятник. В продолжение этого перепутья, короткого по расстоянию, но долгого, если не по времени, то по напряжению чувств, я еще положительнее убедился в том, что слышу не во сне, а наяву, что маятник ходит, мерно, звонко, ровно, хотя у меня стенных часов нет. При едва только заметном сумеречном отливе против окон, ощупью и на слух, дошел я до самой печи и стоял еще в большем недоумении, носом к носу с костяком своим, коего очерк мутно обозначился против белой печи. Что тут делать и как быть? Маятник явным

образом ходит в скелете, из него отдавались мерные удары, но движения не заметно никакого. Ближе, ближе, носом к лицу его, чтобы рассмотреть впотьмах такое диво, — как остов мой, с кем я давно уже жил в такой тесной дружбе, внезапно плюнул мне в лицо… Невольно отшатнувшись, я обтерся рукою и удостоверился, что все это было не воображение, а существенность: брызги, разлетевшиеся по лицу, были точно мокрые. Этим следовало бы кончить исследования и я попросил бы вас переуверить меня, что я ошибся, что все это было не то и не так! Я стоял все еще, сложа руки перед постоянным товарищем, пялил глаза и прислушивался к мерным ударам маятника, который, однако же, вблизи стучал несколько глуше; но, подумав еще немного и не видя ни зги, я безотчетно протянул руку и погладил череп по лысине: тогда я вздохнул и улыбнулся, все объяснилось. В кровле и потолке, подле трубы или печи, сделалась небольшая течь — капля по капле, на лысую, костяную, пустую и звонкую голову моего немого товарища!

Другой случай состоял в следующем.

Сидя вечером в кругу товарищей, я сказал, как пришлось к слову, что робость и пугливость не одно и то же: первое может быть основано на

опасении, поселяемом в нас здравым рассудком; второе, напротив, есть склонность к страху безотчетному, а потому иногда и безрассудному; что, может быть, я иногда робок, но не пуглив, и не могу робеть, страшиться или опасаться чего-нибудь, если опасение это не оправдывается моим рассудком. «Ну, ты в мертвецов веришь?» — «Верю в мертвых». — «А в живых?» — «Нет, не верю». — «Стало быть, и ни боишься их?» — «И не боюсь; впрочем, если бы я и верил в мертвецов по-твоему, то и тогда еще не вижу, для чего их бояться». — «А пойдешь ли ты в полночь на кладбище?» — «Пожалуй, пойду». — «Нет, не пойдешь!» — «Нет, пойду!» За спором дело стало, и решено было, чтобы мне идти, как пробьет полночь, одному на кладбище, отстрогнуть щепочку от креста и принести ее, и завтра всем вместе идти и примерить щепочку, для поверки дела.

Ночь была темная, до кладбища версты две, дорога под конец едва заметная; я сбился немного и не счел за нужное отыскивать торную дорогу, а пошел знакомым путем вперевал, по направлению, где против неба темнела едва заметно кладбищенская церковь. Прихожу ко рву, окружающему кладбище, перескакиваю его; ножичек у меня в руках и я хочу уже отстрогнуть щепочку

от первого пошатнувшегося в сторону креста, но мне показалось, что завтра осмеют меня, скажут: рад, что добрался, небось не прошел дальше! — и я стал подвигаться ощупью вперед, спотыкаясь между могил, ям, кустов, камней и разрушенных памятников. В это время, помню, родилось во мне двоякое опасение, ускорившее, при таких обстоятельствах, биение сердца и дыхание: первое, чтобы товарищи не вздумали подшутить надо мною и не сделали какой-нибудь глупости; второе, чтобы какой-нибудь сторож не принял меня за вора и не вздумал бы, выскочив внезапно сбоку, прежде всего поколотить меня порядком, чтобы, может быть, потом уже, за вторым приемом, допросить, кто я и зачем пришел. Первое опасение устранилось, однако же, тем, что сидевшие со мною товарищи не могли опередить меня на этом пути, а второе тем, что сторожа, конечно, теперь все спят и мне только не должно шуметь. Во всяком случае я, скрепив сердце, дал себе слово быть спокойным, рассудительным и хладнокровным, не пугаться, что бы ни случилось. Глупое сердце продолжало стучать вслух, хотя, право, не знаю о чем и по что. Вдруг я слышу подземный глухой стук, удара два-три сряду. Я остановился: через несколько секунд повторилось то же, потом

еще раз, а потом раздался слабый подземный стон или вздох. Все это, сколько я мог заключить, полагаясь на слух свой, происходило в самом близком расстоянии от меня и притом именно «под землей». После нескольких секунд молчания и нескольких шагов моих вперед, повторилось опять то же; но подземные удары были звучнее и до того сильны, что мне показалось, будто земля подо мною дрогнула; стон, довольно внятный, исходил из земли и, бесспорно, от мертвеца. Если бы я кончил похождение свое на этой точке, то уже и этого было бы довольно, и я бы, конечно, поныне мог бы вам только божиться по совести, что все это точно святая истина и действительно так со мною случилось… но дело зашло еще дальше: я опять подвинулся несколько шагов вперед, по тому направлению, откуда звук до меня доходил, прислушивался и все подвигался ощупью вперед, внезапно стук этот очутился почти подо мною, у самых ног; что-то охнуло, закашляло; земля вскрылась и расступилась; меня обдало, обсыпало землей, и мертвец в белом саване медленно потянулся из могилы, прямо передо мной, никак не далее двух шагов… Кончим на этом; примите от меня совестливое уверение, что все это случилось точно таким образом, как я описы-

ваю, и скажите после этого, есть ли привидения и живые мертвецы, или их нет?

Я остановился и глядел во все глаза на мертвеца, у которого в руках увидел я, несмотря на потемки, заступ. Я не думал и не мог бежать, а стоял, растерявшись и не зная, что именно делать. Помню, что я хотел завести разговор с покойником, но по незнакомству с ним не знал, с чего начать, чтобы не сказать ему какой-нибудь глупости. К счастью, он вывел меня из этого тягостного положения, спросив сам первый: «Кто такой ходит тут, зачем?» Эти слова возвратили мне память и объяснили вдруг все. «Да я, любезный, не попаду на дорогу, сбился, от берега, где и канавы не заметил, и не знаю, куда выйти». — «А вот сюда ступайте, вот!» — «Да ты что же тут делаешь?» — «Известно что, копаем могилу». — «Для чего же ночью?» — «А когда же больше? Как с вечера закажут, чтобы к утру готова была, так когда же копать ее, как не ночью?»

Вот все, что я по собственному опыту могу сказать об этом предмете. Я бы мог рассказать еще кучу подобных приключений, например, как один офицер искрошил в ночи саблей, вместо привидения, белый канифасный халат свой, висевший на гвозде, на который надета была еще

и шапка; как привидения ходят за любовными приключениями или просто на какой-нибудь промысел, пользуясь робостью хозяина; но все это известно и притом, конечно, ничего не доказывает; надобно каждому предоставить веру в собственное свое убеждение, которое, однако же, тогда только может иметь место, когда оно основано на собственном безошибочном опыте и когда опыт этот, как в приведенных мною случаях, доведен до конца.

Недавно еще рассказывали мне, поставив и свидетелей, следующее: хозяин, прохаживаясь в сумерки в зале, услышал и увидел в окно, что на дворе прикатила карета четверней. Он заглянул в гостиную и сказал жене: приготовься принять гостей, кто-то приехал. Но как все оставалось по-прежнему тихо и спокойно и никто не входил, то хозяин выглянул в переднюю: покойная бабушка его стояли там у дверей, но исчезла в ту же минуту; пол под нею треснул, а карета покатила со двора по направлению к кладбищу. Иные прибавляли еще к этому, что посторонние люди видели, как карета исчезла в самой ограде погоста. Что прикажете сделать из такого рассказа? Если бабушка могла воротиться с того света, то где и как успела она собрать всю упряжь свою,

карету, лошадей и кучеров, которые, конечно, не были ею взяты с собою на тот свет? Не короче ли предположить, что добрый хозяин, внук или сын, задумался о бабушке, которой с недавнего времени не стало в доме, и что он увидел ее не плотскими глазами своими, а оком души?

О двойниках, предвещающих кончину, говорят почти всюду и во всех землях. Известно, что горным шотландцам приписывают способность видеть двойников в высшей степени. Если объяснить явление это языком магнетизеров, то явление двойника значит, что душа наша получила возможность, как бы отделившись от тела, созерцать его вне себя, со стороны. Это довольно темно, хотя и несколько понятнее, чем явление покойников.

Может быть, некоторые читатели слышали, что рассказывают многие из современников наших, как очевидцы, о смерти довольно известного в кругу своем человека. Он был начальник учебного заведения; дети, в хороший зимний день, кажется, в сочельник перед Рождеством, бегали по саду, где лежал глубокий снег и были расчищены только три дорожки, в виде П. Несколько молодых людей сидели на скамье и, увидав подходящего к ним со стороны здания

начальника, привстали; он прошел, но не успели они оглянуться, как увидели его вторично, идущего тем же путем, по тому же направлению, тем же. мерным шагом и точно в таком же положении. С крайним изумлением они снова ему поклонились; он поздоровался с ними и обошел кругом дорожек. Двойники так быстро прошли один за другим, что не было никакой возможности допустить, будто старик сделал круг и обошел вторично. Дети изумлялись и перешептывались весь день; что происходило в душе старика, никому не известно; но он на другой же день в каком-то припадке лишил себя жизни. Случай этот весьма замечателен тем, что несколько посторонних свидетелей единогласно утверждают сказанное нами и убеждены в том, что сами видели двойника. При таких обстоятельствах остается только пожать плечами и предоставить дело на совесть каждого.

XV. Клады

Сюда же, к этому же разряду поэзии народной и игры воображения принадлежит целый рад сказок и поверий о цвете папоротника, который-де цветет ночью на Иванов день. Этот небывалый цвет (папоротник тайниковое, бесцветное растение) почитается ключом колдовства и волшебной силы, в особенности же для отыскания кладов: где только зацветет папоротник в полночь красным огнем, там лежит клад; а кто сорвет цвет папоротника, тот добыл ключ для подъема всякого клада, который без этого редко кому дается.

Предмет этот, о кладах, богат поверьями всякого рода. С суевериями о кладах связывается и много сказок и преданий; у каждого края свой герой или разбойник прежних лет, коему приписываются все находимые и искомые клады. В восточных губерниях клады принадлежат Пугачеву, на Волге Стеньке Разину, на Украине — Гаркуше, в средней России — Кудеяру и проч. Клад вообще не всякому дается; хозяин клада, по смерти своей, бродит тихо вокруг и бережет его строго и чутко: либо вовсе не найдешь, либо и найдешь, да не возьмешь, не дастся в руки; не

подымешь по тяжести; обмираешь, как тронешь, ровно кто тебе руки и ноги перебьет; кружишь на этом месте и не выйдешь, ровно леший обошел, поколе не положишь клад опять на место; или, если клад под землей, в подвале, глубокой яме, то взявший его не вылезет никак, перед тобою земля смыкается, железные двери с запорами затворяются; либо выскочит откуда ни возьмись невидимка, схватит и держит на месте, покуда ни выпустишь из рук клада; либо навалится на плечо, ровно гора, так что и языка не повернуть; либо ноги подкосятся, либо станут, упрутся, словно приросли к земле; или, если и возьмешь клад и унесешь, то сколько ни носишь его домой, берешь золото, а принесешь черепки; или же наконец возьмешь, да и сам не рад; вся семья подряд вымрет. Все это оттого, что клад кладется *со свинцом* или с зароком, что клад бывает всегда почти заповедный и дается тому только, кто исполнит зарок; избавляет же от этой обязанности только цвет папоротника или разрыв — прыгнун — скакун — плакун — или срыг — трава, железняк или кочедыжник; папоротнику и плакуну повинуются все духи, а прыгун ломает замки и запоры, побеждая всякое препятствие. Иногда клад бродит не только свечой, огоньком, но даже

каким-нибудь животным или человеком; если, догадавшись, ударить его наотмашь и сказать:

аминь, аминь, рассыпься, то перед тобою очутится кубышка с деньгами. Во время выемки клада всегда приключаются разные страсти, и черти пугают и терзают искателя, брать взаймы у клада иногда можно, если он даст, но к сроку принеси, иначе постигнет беда большая. Можно также менять деньги у клада и при этом даже иногда обсчитывать его, положив то же число монет, меньшей ценности.

У нас почти всюду есть много рассказов и преданий о кладах, а Саратовская губерния, где волжские вольницы зарывали когда-то свои награбленные богатства, едва ли не богаче прочих подобными воспоминаниями. Мы упомянули, что клад кладется «со словцом» или «по завету»: это значит, что кто его зарывает, тот должен во все время причитывать вслух, какой зарок на него кладет: например, семидневный пост, а затем рыть голыми руками на молодой месяц; или на разрыв-траву и проч. Один человек зарывал клад, приговаривая: «На три головы молодецких»; стало быть, клад не дастся никому, если не поклониться ему тремя головами молодецкими; а другой бродяга, сидя случайно тут же в дупле,

подслушал его и переговаривал каждый раз: «На три кола осиновых». Клад слушается всегда последнего заговора; посему, когда хозяин ушел, а подсидевший его вырубил три осиновые кола и поклонился ими кладу, то и взял его преспокойно. Есть также заговоры, во всем похожие на прочие заговоры как для укладки клада, так и для развязки его.

В одном месте Рязанской губернии, где исконное поверье искало кладов, уверяя, что целовальник рязанский встретил земляка в Сибири, в ссылке, и узнал от него тайну нескольких кладов, получив и запись с приметами, где они лежат, люди с седыми бородами рассказывали вот что: «Я рубил в лесу жерди, привязав лошадь к дереву; вдруг вижу под деревом высыпан из земли и уже порос травой и мхом крест; я вспомнил, что это была одна из примет, и выхватил топор, чтобы натюкать на деревьях зарубки; вдруг как понесет моя лошадь, сорвавшись, как загремит, я за ней, за ней, а она дальше, дальше, затихла и пропала; я воротился, а она стоит привязанная, где была, а места того, где высыпан крест, не нашел, хоть сто раз был опять в лесу да искал нарочно». Другой рассказывал так: «И я по дрова ездил, да нашел на знакомом месте, где сто раз бывал и ничего

не видел, погреб: яма в полчеловека, в пояс, а на дне устлана накатом, который уже порос травой и мхом, да кой-где доска прогнила, провалилась. Подумав немного и оглянувшись, да опознавшись еще раз на месте, я спустился в яму; только что я было припал да стал заглядывать в провалы, как меня хватит кто-то вдоль спины хворостиной, так я насилу выскочил да бежать, а он все за мной, до самой дороги! Я на другой день показывал хозяйке своей синевицы на спине».

Третьему рязанцу посчастливилось лучше: он без больших хлопот у себя дома под углом нашел съеденный ржавчиной чугунчик, в коем было с пригоршню серебряных монет. Их купил г. Надеждин, а описал г. Григорьев, в Одессе; это были замечательные арабские монеты IX–XI века.

Весьма нередко клад служит защитою для скрытия важных преступлений. В одной из подмосковных губерний у помещика был довольно плохой в хозяйственном отношении крестьянин, один из таких, кому ничего не дается: хлеб у него всегда хуже, чем у прочих; коли волк зарежет телят либо порвет жеребенка, так, верно, у него же; словом, и скот не держится, и счастья нет, и ничем не разживется. По этому поводу помещик посадил его в постоялый двор, или в дворники,

для поправки хозяйства. Впрочем, это был мужик смирный, трезвый, и худа никакого за ним не слыхать было.

Вскоре он точно поправился, и даже слишком скоро. Он уплатил долги, купил скота, стал щеголять, наряжать жену в шелк и проч. Помещику это показалось подозрительно, и после строгих допросов, на основании разнесшихся слухов, дворник признался, что ему дался клад: «Я вышел ночью, услыхав проезжих извозчиков, и увидал за оврагом, по ту сторону ручья, в лесу небольшой свет. Я спустился, подошел тихонько и вижу, что два человека с фонарем делят меж собою клад. Увидав меня нечаянно, они было хотели бежать, после хотели убить меня, а наконец поделились со мною, отсыпав мне полную шапку целковых, с тем, чтобы я никому ни слова не говорил». Все это, конечно, много походило на сказку, тем более что мужик сбивался и не мог дать толком отчет, когда заставили его показать на месте, где именно вырыть клад; но других подозрений не было, молва уверяла, что дворник разжился от клада, сам он сознался в том же, и дело было оставлено.

К осени барин хотел перестроить постоялый двор, который был плох и в особенности тесен и неопрятен, но дворник под разными предлогами

отговаривал барина, да и вперед, когда об этом заходила речь, убеждал его не трогать двора, каков он есть. «Что мне, — говорил он, — в господах — я господ не люблю пускать; за ними только хлопот много, а выгоды нет никакой: стаканчик сливок возьмут да раз десять воды горячей поставить велят, да целую половину и займут; я благодаря Бога разжился от извозчиков, которые берут овес да сено; а с них будет и этой избы; им где ни свалиться, только бы лошадь накормить».

Удерживая такими уловками барина от перестройки двора, мужик через год или два умер. Весь околоток знал, что он разбогател от клада, и во всякой деревне рассказывали по-своему, как это случилось; но барин приступил к перестройке избы и совсем неожиданно нашел клад другого рода: под печью, едва прикрытые землей, лежали два человеческие остова с проломленными черепами.

Русские былички, бывальщины и сказки о мифологических персонажах
(Из фольклорных сборников)

1—31. Леший
Из сборника Д. Н. Садовникова
1/1—3. Про леших

/1. Раз охотник шел лесом и привели его собаки к норе, а в нору-то эту леший девицу затащил. Вот он подошел к норе и кричит (охотник-то):

— Кто там?

— Человек.

— Какой человек?

— Такой же, как ты.

— Вылазяй сюда!

— Нельзя, — говорит, — мне: я вся ободранная. Кинь одежу — я вылезу.

Охотник кинул в нору свою одежу, девка и вышла из норы. (Лешего в то время в норе не было.)

(Записано в Симбирске)

/2. Леший проигранных крыс целое стадо гнал и подгоняет к кабаку; (А лешие на крыс и зайцев играют в карты, все равно как мы на деньги); подогнал и кричит целовальнику:

— Отпирай, подай вина!

Тот сперва не дал, потому поздняя ночь была; (они ночью перегоняют). Леший взял, приподнял

кабак за угол, кричит:

— Давай четверть водки!

Тот испугался, поставил ему. Леший одним духом выпил и деньги отдал, кабак опять, как надо, поставил и погнал крыс дальше.

/3. Нашински мужики не однова в лесу лешаго видали, как в ночное время ездили. Он месячные ночи больно любит: Сидит старик старый на пеньке, лапти поковыривать, да на месяц поглядывать. Как месяц за тучку забежит, темно ему, знаш, — он поднимет голову-то, да глухо таково: «Свети, светило», говорит.

(Абрам Новопольцев)

Из сборника Н. Е. Ончукова
2. Лесовик

В одной деревни жил был старик. У его был сын и три додери. Вот старик стал умирать и говорит сыну: «Вези благословляю тебя ездить, а только не езди вот на этот остров, а если поедешь, то себи худо сделать». Ну старик и умер. Вот сын этот и стал ездить, а только все хоцетце ему сходить на этот остров. Затым он не вытерпел и пошел. Приходит на остров и видит, што на острову дерутце два лесовика. Как его только увидели,

так бросили дратце и схватили его. Ну он и стал им молитце, штобы спустили его. Лесовики эты ему отвецяют: «Если ты отдашь нам свою старшу сестру, дак мы тебя и спустим, а не дашь, дак тут тебе и смерть». Ну, этому мужику нецего делать, он и согласился. А лесовики ему и говорят: «Как придешь домой, дак пошли сестру в лес за ягодами, а мы тут ю и возьмем». Ну вот этот мужик приходит домой, а самому уж так скудно. Ну сестры его спрашивают: «Отцего ты, братец, такой пецяльной?» А он им и говорит: «Ну, цего мне пецялитця, а вот поди-ко сходи сестра по ягоды, што-то ягод захотелось». Ну старша сестра и отправилась. Цють только зашла в лес, как ю схватили двенадцеть медведей. Ну, ладно. Вот мало ли много проходит времени, опеть этому мужику захотелось сходить на остров. Он и пошел. Опеть приходит и видит: на острову дерутце два лесовика. Опеть его схватили и говорят: «Отдай нам свою среднюю сестру, а если не отдашь, тут тебе и смерть». Ну мужику нецего делать, согласился. А лесовики ему говорят: «Как придешь домой, дак пошли сестру на берег за водой, мы ю тут и возьмем».

Ну мужик пошел домой, ды говорит средней сестре: «Сходи-ко принеси свежей воды напитце».

Сестра и пошла и цють только пришла на берег, как с озера выплыло двенадцеть ершей, да оны ю схватили. Вот проходит сколько-то времени. Мужику опеть захотелось сходить на остров. Он и пошел. И опеть его схватили два лесовика, велели ему отдать им свою младшу сестру. И велели, как придет домой, послать сестру выпахать ступени. Мужик так и сделал.

Цють только вышла сестра его на ступени, как ю схватили двенадцеть лебедей ды унесли. После этого мужик был на острову, еще раз. Приходит и видит на острову дерутце два лесовика и делят дви находки: шапку-невидимку и котабархота, ему велели разделить. Он взял камень, ды бросил.

Пока лесовики бегали за камнем, он эты находки унес.

Ну ладно. Вот проходит опеть видно много времени. И захотелось этому мужику повидать своих сестер. Вот он шел, шел, приходит в лес. Видит в лесу стоит избушка на курьих ножках, в лес лицом, а сюды воронцом. Мужик и говорит:

«Избушка, избушка, повернись сюды лицом, а туды воронцом». Избушка и повернулась. Мужик приходит в избушку и видит сидит Баба-Яга, лен прядет, а титьки на воронцы держит. Ну она ему

и говорит: «Куды, добрый целовек, идешь?» — «А иду, говорит, вот так и так». И рассказал ей все про своих сестер. Иду, говорит, повидать их. Ну старуха эта его накормила, напоила и спать положила. Утром дала ему клубок. Мужик поблагодарил, да и пошел вслед за клубоцком. Шел, шел, видит дом, зашел в дом, там сидит его старша сестра. Ну, сестра обрадовалась, угостила его, ды говорит: «Вот што, братец, скоро придут сюды двенадцеть медведей, пои знай, полюбят ли оны или нет, если не полюбят, дак могут тебя съись». Ну, этот мужик надел шапку-невидимку да сел в угол. Вот вдруг раздался шум, приходят двенадцеть медведей. Оставили и свои шкуры на ступенях, ды стали удалыми молодцями, да пришли в избу. Пришли ды говорят этой девки: «Отцего здись руським духом пах-не?» — «Ну, цего, по Руси бегали, руського духу нахватались, оттого и здись пахне. Што есь новаго на Руси?» — «А вот были мы в твоей деревни, у твоего брата в доми окна забиты досками, ды двери запецятаны, пои знай, куды он ушел». Эта девка и говорит: «А што, если бы он сюды пришел, приняли бы вы его?» — «Мы бы его за гостя приняли». Ну этот мужик снял шапку-невидимку, ды говорит:

«А вот я здись!» Ну его эты молодцы нацяли

угощать, вытопили байну, ды спать положили. Наутро мужик этот встал, простился с има да пошел дальше. А сестра то, как он стал уходить, дала ему клоцек медвежей шерсти. «Поели, говорит, пригодитце». Ну мужик и пошел. Шел, шел, видит стоит дом. Он зашел в дом и видит, там сидит его средняя сестра. Ну она его угостила тут, ды и говорит: «Вот што, братец, ты теперь уйди, а то скоро придут двенадцеть ершей, пои знай, полюбят ли оны, али нет». Ну мужик этот одел шапку-невидимку, ды сел в угол. Приходят двенадцеть ершей, скинули свои шкурья на ступенях, да стали добрыми молодцами. Приходят в избу да говорят: «Што тут руським духом пахнет?» А эта девка и говорит: «Ну по Руси бегали, руського духа нахватались, оттого и пахнет». Эта девка и спрашиват: «А не видали, по Руси плавающи, моего брата?» Ерши и говорят: «У его в деревни окна заколоцены, да двири запецятаны, не знаем куды он ушел». А девка и спрашиват: «А если бы он здесь был, приняли ли бы его?» Ерши говорят: «Мы бы его за гостя приняли». Мужик сейцясь снял шапку-невидимку да говорит: «А вот и я здись!» Ну, его тут угостили дак, што мужик до того наелся, што уж усрался. А сестра ему дала ершовых колюцьев. Так же мужик пришел

вслед за клубоцком и к младшей сестры и тут его двенадцеть лебедей приняли. А как он запоходил, сестра дала ему лебежьих перьев. Ну вот мужик этот и пошел опеть за клубком и пришел в друго государство. Ну, там некоторо время пожил и принравился королевской доцери.

Та и взявла его себи в мужья. Ну вот оны и повенцялись.

А король ему на другой день и говорит: «Вот зять мой любезной, позволяю я теби по всим кабакам и лавкам в моем царстви ходить, а только не ходи ты в эту лавку. А если пойдешь, горе себи большо полуцишь». Ну мужик и стал ходить по кабакам и по лавкам и затем ему захотелось сходить в эту лавку, в котору ему не велел ходить тесь. Он и пошел. Приходит и видит в лавки на одной только волосинки висит Кощей Бессмертный. Этот мужик цють только до его дотронулся, как волосинка сорвалась, Кощей убежал, ды схватил этого мужика жену, ды унес в свой дворец.

Мужик приходит домой, а король ему и говорит: «Я теби не велел ходить в эту лавку, а ты пошел, да выпустил Кощея, а он и унес мою любимую доць, а твою жену; если ты не найдешь, я тебя смерью казню». Ну, мужику нецего делать, взял кота-бархата, шапку-невидимку, скатерть-

самобранку спустил впереди себя клу-боцек ды пошел. Приходит в лес, и видит в лесу стоит дворец, приходит в этот дворец и видит — там сидит его жена. Она ему крепко обрадовалась, а сама ему и говорит: «Вот што, муженек, уходи ты отсюда, да скорее, а то сейцас придет Кощей, он тебя убьет». Ну мужик и говорит: «Я одену шапку-невидимку, а ты, как придет, спроси: где его смерть». Одел шапку-невидимку и сел в угол. Приходит Кощей, пообедал, да лег спать, а эту королевну заставил у себя на голови искать. Ну королевна и стала искать, а сама и спрашиват: «Скажи мне, гди твоя смерть?» Кощей и говорит: «Моя смерть у барана в дыры».

Сам поспал, да опеть и ушел. Ну, мужик этот и королевна взяли барана, убили его, вызолотили ему рога, да повесили его среди избы. Вот приходит Кощей, увидел барана, ды говорит: «Это што тако?» А королевна ему и говорит: «Это я твою душеньку так уладила». Кощей засмеялся и говорит:

«Нет, моя смерть не у барана в дыре, а есь на море на окияне остров, на том острову есь камень, под тым камнем заец, в зайце утка, в утки яйцо, а в том яйце моя смерть».

Ну вот Кощей поел, поспал, ды ушел. Мужик

этот выстал ды пошел к морю-окияну. Приходит к морю и не знат, как ему это море переплыть. А кот-бархот ему и говорит: «Садись на меня, я тебя перевезу» Мужик сел, ды кот-бархот его привез к острову. Мужик вышел на остров, видит камень.

Он поднял этот камень, оттуда и выскочил заец, ды убежал.

Мужик сейцяс взял медвежью шерсть, котору ему дала сестра ды и сожгал ю. Сейцяс из леса выскоцили двенадцеть медведей, догнали зайця, ды принесли его мужику. Мужик разорвал заеця, из его выскоцила утка, ды улетела. Мужик сожгал лебежьи перья. Сейцяс прилетели двенадцеть лебедей, схватили утку, заклевали ю, и с утки выпало в море яйцо. Мужик сожгал ершовьи колюхи, и двенадцеть ершей принесли ему яйцо. Вот он сел на кота, переплыл море, ды приходит к Кощею. А Кощей уж нездоров лежит. Цють только пришел мужик, он бросился на его, а мужик бросил яйцо, ды сломал его. Кощей пал и умер. Мужик взял свою жену ды стал жить да поживать.

3. Про лешаго

Схватились дома, нету девок. Искать, да искать. Не нашли. Пошли на Лексу, на скит к колдуньи. Колдунья от-колдовать скоро не могла, так 12 ден там у лесовика выжили. Так только им пищи и было: заячья да беличья говядина. И до того девки истощали, что краше в гроб кладут. Как колдунья то отведала, лесовой взял их на плечи да к реке и принес. А река то как от ихняго дома до огорода. Он взял одну за ухо да и перекинул, за мочку хватил и перервал. А старшу на доске отправил… в карбасе переняли. Две недели лежали, не могли ни есть, ни пить… з) Ягоды на Яньострове брали. Девушки от меня и ушли. Вдруг зашумело в орге, да как будто сватья Маланья рыцит: «Вставай, пошли!» Вздрогнула я, никого нету, а рыцять не смею. Давай еще ягоды брать. Вдруг опять: «Да пошли!» Вижу он будто женщина, бурак в руке.

Ой до того напугал меня Шишко, дак ажио дрожь на сердце, кровь сменилась в лице.

Было с мужем двоима на Выг-реке косили. А ельник эдакой большущий и морошки много порато. Вечером я говорю: «Гаврила, вари ужин, а я наберу морошки». — «Да поди же, говорит, я

сварю, долго ли варить кашу крупяную». Я и вышла за морошкой. Побрала морошки в чашку да и будя брать, время место сбавить. Рыцю: «Гаврила, где ты?» А Гаврила: «Подь к избушке». А меня в лес потянуло. А Гаврило услыхал, что неладно рыцю и свел меня к избушке. Только спать повалились, вдруг по фа-терке рапсонуло, да собачка лает: тяк, тяк. Покойник Гаврило не побоялся, три раза выстрелил, поебушился и все пропало. После одиннадцать годов ходила косить, никогда не видала.

4. Рассказы про лешаго

а) Мы ходили в лесях. Пала погода, большая погода.

Мы стрелили оленя, я к нему. Вижу батюшка стоит, оперся на ружье. Подхожу, смотрю, ни батюшки, ни оленя, видно, так прикохло. Заводит темница, и я маленько не толкую, куда пойти. Хожу, рыцю: «Батюшка, батюшка».

А погодища родилась великая. Вижу будто отец идет и со псом и зарыцал, будто свой отец. Тут вижу с островинки выстал отец и зарыцал, а другой то словно протаял, провалился.

б) Шли мы в лес, вижу стоит мужик большой,

глаза светлые. «Ты, мужик, говорю, когдашний?» — «А я говорит вчерашний». — «А какой ты, говорит, большой, коли вчерашний». — «А у меня сын годовой, а побольше тебя головой». Побаяли, побаяли, отец что-то смешное сказал.

Он захлопал в долоши и побежал, засмеялся.

в) В лесях ходючи на всякую штуку попадешь. Он по-пужать-то может. Ночью не всегда сразу к фатерке попадешь, идной раз верст на пять ошибешься. Иду я раз один зимником. Нет фатерки и нет. И тут сзади меня кто-то ка-ак побежит, да захлопает в долоши. Я его матюгом, он и убежал. Боится матюга.

г) А то раз собрались у избушки. Он и начал собак пу-жать да рыть. Мы вышли из фатерки, да и зачали его ма-тюгать… Идной раз и страшно: как это гугай-то в лесу рыцит, и собака лесовая лает. Налетит это гугай к фатер-ке да на березу. Страшно.

д) Понесли хлеб в лес. А солнце уж село. Дяинька и рыцит: «Филипп, Филипп, иди ужинать!» А тут река, да ельник угрю-юмый! Из этого-то ельника выходит мужик высокий, глаза светлые, собачка на веревке. Пала дяинь-ка на земь. А онто над ней свистит да галит, да в долоши клещет. Пришел Филипп, а она чуть жива. Привел ее в

избушку да и ну ругать, что после солнца рыцит.

е) Мой батюшка полесовал по путикам. А борто све-етлый был! Видит мужик: идет впереди Василий с парнем. Батюшка и рыцит: «Василий, Василий, дожди меня».

А они идут, будто не слышат, сами с собой советуют и смеются. Он их догонят, а они все впереди. Перекрестился он и вспомнил, что праздник был Казанской Божией Матери.

Это ему Бог показал, что в праздник нельзя полесовать.

ж) Девчонки ушли в лес по ягоды, да что-то долго домой не шли. А мать и сказала: «Черт вас не унесет, ягодницы». Девочки вышли на лядинку, вдруг он и показался со своими детками. Говорит им: «Пойдемте, девки, со мной».

Они приняли его за деда и пошли вслед. И повел их лесом, где на плечи вздымет, где спустит. Они как молитву сотворили, а он им: «Девки, чего вы ебушитесь? Не ебушитесь!» И привел их в свой дом, к своим ребятам, человек восемь семейства. Ребята черные, худые, некрасивые.

5. В работниках у лесного[85]

Набивается мужик в строк, и некто его не берет. Говорит мужик: «Хоть бы меня лесной взял». Не много время идет мужик с базара, а на встречу ему другой мужик: «Поряжаешься?» — «Поряжаюсь». — И вспомнил, что говорил про лесного и сказал: «Погоди, я к попу схожу». Сходил мужик к попу, списал молитвенник, приходит наниматься. «Пойдем», — говорит лесной, схватил мужика за крошки и потащил; тащил, тащил, у мужика колпачок слетел. «Стой, — говорит мужик, — у меня шапочка спала». — «Мы убежали, — говорит лесной, — сто верст, пока ты говорил». — Доносит лесной мужика до дому; легли спать. В полночь хлесть по стене батогом: «Айда на службу». Лесной отвечает: «Хорошо». Утром встали: «Пойдем на службу», — говорит лесной мужику, и строшного с собой. Пошли, приходят к озеру. Глядят, из озера летят каменья по кулю: шурят их черти в лесных; лесные выдергивают громатныя елки из земли и хлещут ими по озеру. Воевали, воевали, черти одолевать стали. «Што ты, строшной, гля-

---

[85] Примечания: 85
Чердынскый уезд Пермской губернии.

дишь? Нас одолевают». Строшной выдернул из кармана молитвенник, стал махать им, а черти розсыпались, как дождь. «Хорош, молодец строшной, молодец, давай домой пойдем». Пошли домой, а хозяин строшным не нахвалится. — «Чего тебе нужно в награду?» — «Нечего мне не надо, отправьте меня домой». — Дали строшному старого сивого мерина, наделили, сел строшной и поехал по указанной дороге. Доежжат до избы, привезал мерина ко столбу, сам входит в избу. Выходит мужик из избы, а у крыльца, у столба стоит седой-преседой старик. «Откуда ты, дедушка, взялса?» — «Спасибо тебе, дитетко, это ты на мне приехал. Взят я был маленькой лесным, оборотил он меня в коня, и всю жизнь я у него пробыл. Пришол ты, отдал он меня тебе, вот и вывел ты меня, и сам ты вышол в Россею умереть. Спасибо, дитетко». — И пришли строшной и старик домой вместе.

6. Большая лумпа[86]

Лешой живет в лесах, живет в большой избе. Изба укрыта кожами, лешой ходит всегда в

---

[86] Примечания: 86
Чердынский уезд Пермской губернии.

оболочке: в желтом зипуне, опоясан, в красной шапке, молодой, без бороды. Это скорее человек, живет лешней, ходит с собакой, женат, имеет детей. Рассказывают такую историю:

Идет мужичок по лесу и дошол до большого топучего болота, и видит: утонул в болоте большая лумпа (громадной, большой). И говорит большая лумпа: «Мужичок, иди к моей хозяйке и скажи: «Небольшая-то ли-де лумпа на большом болоте со зверем (с сохатым) да с медведем утонул». Пошол мужик по указанной дороге. Приходит к большому дому, входит, сидит жена на лавке, спрашивает: «Зачем пришел, мужичок?» Он сказал, как велел ему лешой. Жена бросилась, отворила, и побежала, а потом приносит — она медведя, лешой зверя. Мужика за то угостили, а на прощанье отодрал от своего кафтана рукав. Дак мужик сшил из этого рукава кафтан до пять, да колпаков.

7. В нянькаx у лешаго

В Неноксе жила старуха на веках, Савиха. Пошла она за ягодами и заблудилась. Пришол мужик: «Бабка, што плачешь?» — «А заблудилась, дитятко, дом не знаю с которой стороны». — «Пой-

дем, я выведу на дорогу». Старуха и пошла. Шла, шла: «Што этта лес-от больше стал? ты не дальше ле меня ведешь?» Вывел на чисто место, дом стоит большой; старуха говорит: «Дедюшка, куды ты меня увел? этта дом-то незнакомой?» — «Пойдем, бабка, отдохнем, дак я тебя домой сведу». — Завел в избу, зыбка веснет. «На, жонка, я тебе няньку привел». Жонка у лешаго была русска, тоже уведена, уташшона. Старуха и стала жить, и обжилась; три года прожила и стоснулась. Жонка зажалела. «Ты так не уйдешь от нас, а не ешь нашого хлеба, скажи, што не могу ись». Старуха и не стала; сутки и други, и третьи не ест. Жонка мужа и заругала: «Каку, ты эку няньку привел, не лешого не жрет и водичча не умет, отнеси ей домой». Лешой взял на плечи старуху, посадил да и потащил. Притащил, ко старухину двору бросил, весь костыченко пирвал, едва и старик узнал старуху. Вот она и рассказывала, что у лешаго жить хорошо, всего наносит, да только скушно: один дом, невесело.

8. Рассказы про лешаго

а) В Неноксы шол Петр Коковин по Солоному ручью, искать коня. Ему встретилса Павел Васильевич Непытаев с уздами, на солнце блестят.

Павел Петру и говорит: «Куда пошол?» — «Коня искать, натти не могу». — Павел и захохотал: «Ха-ха, коня не можот натти!» А на самом деле Павел Васильевич некуда не ходил.

б) На Кобелихах, за десять верст от Неноксы, на пожнях была изба. Покойник Иван Чудинов ходил рябов промышлять, и в избушку ночевать пришол. Когда ночь пристыгла (он ничего не боялся), его в этой избушке несколько раз за ноги к дверям сдернуло. Он поматерялся, поматерялся, да не вытерпел и ушол под зарод спать. Тут и ночь проспал.

в) Сюземский старик, Николай Кузьмин промышлял рыбу в Островастом озере и хотел в избе спать… Не дало, выжило: ходит, гремит по крыши. Выйдет Николай с трубой (с берестом с горящим), засветит; три раза выходил, потом все-таки не мог спать и под зарод спать ушол. г) Из Куй о море, на Зимном берегу, лешой унес будто бы девушку в Зимну Золотицу, за тридцать верст. Ехал какой-то из Золотицы на оленях, она ревит, он ей взял и привез домой. Старухи замечают, скажот кто: «Уведи тя лешой!» И уведет. д) За четыре версты от посаду (от Неноксы) у моря, на ямах (на реке) стоял карбас с солью. Павел Коковин караулил карбас. Кто-то по грязи идет,

тяпаится: тяп, тяп, тяп. Павел его спросил: «Кто идет?» Тот молчит; он еще спросил, до трех раз. Тот все молчит; Павел и матюгнулся:

«Кой кур идет, не откликаится?» Лешой пошол и захохотал: «Ха-ха-ха, кой кур идет не откликаится! Кой кур идет не откликаится!» Паша в каюту ускочил, одеялом закуталса, а голос тут все, как и есть.

9. Поп и леший

Поп сеял репу, хто-то испугал его кобылу, кобыла убежала и борону приломала. Поп побежал за кобылой и говорит: «Возьми лешой и репу всю! Кобыла убежала да и бороны жалко». Осенью репа выросла хорошая, поп пришол репу рвать, а лешой пришол и говорит: «Што ты, поп, ведь ты мне отдал репу-то. Я все лето воду носил, да поливал». — «А я все лето молебны пел, да Бога просил». — А попадья и услышала: «О чем вы спорите?» Лешой и говорит: «Да, вот, отдал мне репу, а теперь обратно берет». — А попадья говорит: «Вот что я вам скажу: вы приежайте завтре на зверях, которой у которого зверя не узнат, того и репа». На завтре леший едет, только огорода хрестить. А поп говорит: «Ишь ты, лешой как на

льви едет». А лешой на льви и ехал. «Ну, уж ты, поп, — говорит лешой, — не дал доехать, да и зверя узнал». А поп приехал на попадьи.

Попадья волосы роспустила, сделала хвостом, а в ж… стеколко вставила, вперед ж… и идет, поп верхом сидит. Лешой пришол, смотрит и не можот узнать. Рогов нет, головы не видно, глаз один и рот вдоль. «Ну, поп, не знай какой зверь». Поп говорит: «Это зверь одноглазой». Лешой и говорит: «Ну, репа твоя».

10. Лешой

Я пошол полесовать, день был туманной (сонча не было). Межу тем нашол рябчиков стадо и учал их промышлять и промышлять не стало даватча, ружье не полетело. Я учал поматерно ругатча. День этот прошол, я нечего не попромышлял и вышол я к озеру своему в десять часов вечера, в потемках в глухих. И после эфтого быванья наклал папиросу, и пошол домой. Ну, отошол я от этого места, где курил, и мне человеком показалось, заместо рябов. Он и спросил меня: «Каково промышлял?» А я ему ответил поматерно. «Когда ты сегодни не промышлял и вперед тебе промысла не будет, — ответил он на мое слово. Он стал

меня звать с собой. — Пойдем со мной, я видел рябов довольно». На эфтот конеч я ему опять ответил поматерно, да наконеч того взял, стрелил на испашку (через плечо свое назад). Он заграял, да и потерялся.

11. Лешовы родины

У лешого жонка с Руси была, обжилась, робенка принесла, надо бабка нажить. Лешой и побежал наживать. «Жонка с Руси, дак мне и бабку наживи руску», — говорит жонка. Бабка по бабкам ходит, он и пришол к ей: «Бабка, обабь». Ей и потащил, и притащил к жонки, бабить. Бабка-то и говорит: «Дак из чего мыть-то?» — «А наживу, найду посуды». — Полетел за ведром в тот дом, откуда бабка, и взял подойник у снох, снохи, не благословясь, поставили.

И притащил. Бабка смотрит, подойник будто ее. Она рубешок и зарубила. Она оммыла да и поставила посудину.

«Обирай, куда знашь». Он и унес. Жонка и говорит: «Он тебя росщитывать будет, будет тебе давать серебро, ты все говори: «первой, первой, первой». Как скажошь «другой», он давать боле не будет». Он и стал ей росщитывать, она все

говорит: «Первой, первой, первой». И девать стало некуда, и в корман наклала и за пазухи, он все дават. Тогда она и сказала: «Другой», он и перестал давать. «Тащи меня домой теперь». Он и потащил старуху, дома и оставил. Старуха и посмотрела подойника, рубежок тут и есь. Она на снох и заругалась: «Ой вы, безпутни! Все делайте, не благословясь, лешой подойник сносил свою жонку обмывать».

12. Лешой водил

Девка годов так тринадцати в Троицын день по Тамице шла по улицы, немножко до церквей не дошла и вдруг пропала. Нету и нету — догадались, што лешой увел. Начели молебны петь. Ей петь ден не было, каждой день по утру молебны служили. На шестой день старик один пошол огород городить версты за три, девка на его пожне цветочки рвет. Увидела старика и в сторону побежала. Он ее закликал: «Феня, Феня». А она прочь от его. Она пока через огороды выставала, он проворной старик, ей и захватил. Привел к матери — ничего некому не скажот, не допытаишься. Теперь жива, жонкой за мужиком одним.

13. За овцу

Вечеринку мы сидели у старика. Девицы складыню задумали сделать. А старик и пришепнул им живу овцю у су-седа унести. Тут проворны девки были, зашли в хлев без огня, овце шапку наложили, штобы не блеяла и унесли к хозяину, он и освежил ей ноцью. Утром хозяйка встает, овец много было, все белы, одна черна, той и нету. А у ей муж в карты играл и вино пил, она на его и сказала: «Это ты ночью овцу увез, в карты проиграл?» — «Нет, зернышком виноват (зерно носил продавал), а овцю не трогал». — Все мужика клеплет. Так и закончилось дело. Наутро старик овцю и сварил. Сын у старика, годов девятнадцати, наутро у него удить пошол на море, где переметы стоят. Удил да был, все видели, да не в свою сторону, в Кянску сторону и пошол. На удьбе люди были, кричат: «Мишко, Мишко, ты не туды идешь, там суха вода-та». Порыцяли, порыцяли, да и бросили, думают: так пошол. А Мишко так и потерялся. Его пошли искать, молебны служить, да так ничего не подействовало. О конец заговенья Филипова он потерялся, на весну самоедята приехали, одна самоедка его бралась искать в

Христовску ночь; в ту пору, когда под замок (с крестным ходом) идут, всякой покойной, всякой пропашшой к родительскому двору придет и повалитця ко крыльцу. (Нужно штобы через порог в это время три раза перешагнула девица или жонка в цвету, в кровях.) Нехто не нашолса, побоялись: «сами себя вить уходим», побоялись. Да через петнадцать годов в Кянды один (с лешим-то знаетця) говорит: «Я знаю Зотова, у лешого-то живет».

Он жене своей скажот, а жена этта и запофаркиват, до родителей и дошло. Машка сбегат и попро-ведат в Кянды к мужику. Он и говорит: «Он живет от Кянды на полуволоке в стороне, в лесу, не видно фатеры, и у его четверо детей, борода большая уж. Тебе надь, дак я тебя свожу». — «Я домой схожу, у отца спрошу, тогда с им». — Домой ушла, к мужу: «Пойдем сына смотреть: мужик находитця, знать где живет». Старик говорит: «Куда ты с има? (у его еще три сына). Пусть там живет в лесу, с лешовкой». — Так и оступился. В тот год Святой дождались, старик ушол в церковь, а старуха сидела дома. Когда пошли под замок (кругом церквы), в избы-то так и брякнуло. Обижалса, што не пошли его посмотреть.

14. Лешой увел

На другой день Троицы, в Духов день соку ись ходили парнишки, а петнадцети годов Тихон был. Драли, драли (сосны), ели, ели, домой запоходили, робята в одну сторону, а Тихон а другу, будто его брат привидился: «Пойдем, Тихонко, домой, робята не в ту сторону пошли». Шол, да шол за братом, да и потерялса, захохотал. А Тихон без ума, сам не знат, как в избушке в лесной очудилса. «И вижу, жонка да робята незнакомы, очумел я и засудил: не знай как заблудилса?» Жонка ему и отвечат: «Нет, ты не заблудилса, а тебя лешой унес». — А жонка сама унесена. «Он когда придет, будет чоствовать тебя едой, а ты не ешь». А Тихон и спросил: «А худо разве тебе жить то?» — «А худо; так-то жить-то и нечего, да хто с огнем ходит, не благословясь, да искрину уронит, дак лешому вера (охота) пожар сделать, он и заставлят роздувать. Тежело в то время, теперь я больше не роздуваю, робятишки (от лешаго и бабы) пособляют». Налетел сам-то лешой, ись заводят, да и его чоствоват, а Тихон и говорит: «Я сытой». И не сел. А жона и говорит лешому: «Што сам-то не садисся?». — «Я сытой,

я, — говорит, — у женщин, котора молоко, не благословесь, выцидит, я все выпью; я напилса, сытой. Потом я хоркону в крынки-то, они полны и сделаются, поедят мою хорхоту». — Лешой улетит да прилетит, да жона говорит лешому: «Снеси, эку беду принес, хлеба не есь, отнеси, брось на старо место». Лешой жону и послушал, его схватил и потащил. Парень в избе был, все помнил, а тут все забыл. Да к морю, на Нульницкой наволок, его продольничихи увидели. Сколько дней не ел, ослабел, лежит в траве, не может пошевелиться. Его взяли и вывели в Тамицу.

15. Кушак

Девушка придумала кудесить против Крешшенья и положила себе кусочик на уголок, а другой кусочик на другой уголок, бого-сужоного чествовала. Не благословесь, в сени сходила, двери, не благословесь, перезаперла, штобы лешому затти льзя. И села на уголок, стала и говорит: «Богосуженой мой, поди ужинать со мной». Села и глаза закрыла. Сени застукали, сапоги стукают, слышит — идет; в избу идет, зашол в избу, крекнул и прошол середка избы; видит: пиджак, кафтан норвецького сукна, кушак поперецьной

толковой. Он кушак отвезал сейчас от себя, да в переднем углу на спичу и повесил, и шапку снял на спичу и весит. Как шапку-то клал на спичу, девича и перекрестилась, глаза отворила, а уж негде некого и нет, а кушак-от осталса на спице, веснет. Девица высмотрела его всего, в сундук и убрала. А у мужика и кушак потерялса, она и помалчиват; кабы ей любой был, дак она бы сказала подружкам. Через сколько времени мужик посватался, ей и не хотелось, а родители отдали, тогда она мужу кушак-от и показала.

16. Леший водил

Близ города Олонца в Ильин день был я в гостях у соседа и угостились, возвращались с товарищем. Попросили перевести за реку в лодке. Нужно было идти три версты берегом до запани, где плотили бревна. Когда вышли из лодки, сели закурить на лужочке; когда я закурил, облокотился на руку и задремал. Вдруг меня толкает кто-то. Я открыл глаза, стоит олончан Нифантьев — кореляк, он же был наш подрядчик; говорит мне: «Нужно итить». Я встал и пошол за ним. Он уходит от реки в лес, я за ним вслед и товарищ за мной и кричит: «Не ладно идешь, Коротких».

Я сказал, что ладно. Он и вправду подумал, что ладно. Пробежали верст около двух. Я отстал от Нифантьева, сел закурил на колодину. Приходит товарищ, садится рядом, покурили, он и говорит: «Ну, пойдем».

Я спрашиваю: «А где же Нифантьев?» — «Нифантьев мальчишко на харчевой, а старик в городе» (Олонце). — «Да ведь я же сейчас шол за ним». А товарищ мой никого не видал. Долго ходили по горам, по болотам, часов около пяти, вышли на дорогу близ Андрусовского монастыря, оттуда пришли в деревню Ильинское и там ночевали, а утром отправились.

17. На лешем в Питер

Лет петнадцеть назад два солдата деревни Анцифоровской Марьинской волости (Димитрий Ильин и Яков Филимонов) рубили в лесу бревна на Тельмозере, накануне Крещенья. Не захотели идти домой, остались в лесной избушке ночевать. Когда легли спать, Филимонов начел росказывать Ильину о Петербурге. Ильин никогда не бывал в Петербурге. Ильин сказал: «Хоть раз бы побывать в Петербурге». Проснулись утром рано, захотели пить чай, Ильин и пошол с ведром и топором за

водой на озеро. Когда он вышол на озеро, видит бежит пара лошадей в санях и с колокольчиком. Подъезжают ближе, а в санях едет бывший становой пристав Смирнов. Смирнов сказал: «Садись, Ильин, я провезу вас». Ильин сел, поехали и скоро очутились в Петербурге. Смирнов оставил Ильина на Неве и велел дожидаться, когда выйдет крестный ход. Ильин стоял и смотрел; когда кончилось освящение воды, подъежает опять Смирнов, спросил Ильина: «Не хочешь ли поесть?» Ильин не отказался. Тогда Смирнов подал ему французскую булку, тот не стал ее есть, а сунул в пазуху. Когда побежали к Тельмозеру, Ильин вышол с извощика и зашол в избушку. Товарищ и спрашивает у него: «Где был?» — «В Петербурге». — Тот стал смеяться. Тогда Ильин росказал, как росположен Петербург, а потом вынул из-за пазухи и показал французскую булку.

18. Шалость лешаго

Вас. Мих. рассказал еще случай, бывший у них в дому. У них была белая лошадь. Однажды пришли в конюшну, а лошадь в яслях для сена лежит на спине, ногами кверху и уж чуть жива, ни взад, ни вперед пошевелиться не может,

только ногами дрыгает. Попробовали вытащить лошадь кверху, на сеновал. Куда! И подступиться нельзя. Пришлось выпиливать из яслей палки и только тогда еле-еле лошадь вытащили. Как она и попасть туда могла только? Конечно, лешой или домовой заволокли.

Из сборника Д. К. Зеленина
19. Лешой и черти

Бабушка рассказывала про своева отца:

— Отец мой был портной. Осенью ходил он по деревням, шил хрестьянску одежду. Только работал он по ночам, а днем уберетца в лес под сено и спит, потому что боялся набора. А тогда была солдаччина хвастовшиной: хто бы только попал, стар или молод, брали в солдаты и везли с собой.

Раз он лег спать под сено близ большой дороги. А ножницы были у нево за опояской. Когда он уснул, сено роспинал и образовался на воле. По дороге ехал чиновнок с емщиком и говорит:

— Емщик, что тут такое?

Емщик соскочил с козел, посмотрел:

— Барин, здесь человек.

— Тасчи ево сюда, повезем в солдаты!

Посадили ево в повозку рядом с барином и

поехали.

А барин был табасчик. Спичек в то време не было есчо. Когда доедут до деревни, и в каждой деревне барин посылал своева емщика роскурить трубку. В одной деревне емщик ушол роскурить трубку; а пойманный мужичок и говорит:

— Барин, позвольте мне вылезти помочицца?

— Поди, но только за телегу держись, далеко не ходи!

— Слушаюсь, барин.

Когда он вылез, а барин уже отпустил ево держать. Мужик отвернулся и говорит:

— Вот што взеть то у меня! — показал ему кулак и сам побежал в лес. Барин плюнул только и сказал:

— А, сын, сын, убежал!

Мужичок шол лесом и заблудился. Сутки через трои вышел на поляну и услышал шум. Думал, што какой-нибудь барин имает мужика в солдаты. Подумал про себя: «Лутше итти в солдаты, чем помирать с голоду в лесу!»

Подходит ближе, а на той поляне было огромное озеро.

И увидял: деруцца черти с лешим. Оне делили корову, которую утром баба проганивала в поле и говорила:

— Лешой бы тебя унес, говорит, черти бы порвали!

Лешой говорит:

— Мне сулена корова.

А черти говорят:

— Нам, — и подняли драчу.

Черти бросают из озера камнями, а лешой вырывает из корень деревья и бросает им в озеро.

Так как лешой был один, а чертей много, они ево чуть не убили; он даже лежал.

Этот мужик подходит ближе. Лешой и говорит:

— Мужичок, скажи мне: Бог помочь!

— Бог помощь!

— Милости просим, мужичок!

Тогда все черти ускакали в воду и не стали бросать каменьями. (Оне боятся Бога-то, а лешой ет не боитца; ему нужно сысторонь штобы сказали: «Бог помочь!»). Тогда леший соскочил, вырвал огромные деревья, зарывал все озеро, што черти тут все и погибли.

Тогда лешой говорит:

— Ну, мужичок, спасибо тебе за это! Я тебя вынесу на дорогу. Тебя возьмут начальство и увезут в солдаты. Ты не бегай от солдатства: прослужишь ты только три года, я тебе дам чистую отставку. Через три года ты приедешь в Москву; на другой

день по приезде выйди на улицу и смотри, как будут топицца печи. Изо всей печей дым пойдет в одну сторону, а из моей напротив ветру.

Мужик вышол на большую дорогу, немного пошол, ево поцмали и увезли в солдаты. Служит он год, другой и третей. Думает: «Наверно, меня омманули», — так как от Москвы был очень далеко. Вдруг ихной отряд потребовали в Москву. Приезжают, солдат и подумал: «И в самом деле, не правда ли? Дай-ка схожу посмотрю». Вышол на улицу, смотрит: изо всей печей дым идет в одну сторону, а из одной печи напротив ветра. «Што будет, зайду!»

Заходит в комнату, денщик спрашивает:

— Што нужно, служивой?

— Да вот, заблудился в городу и не знаю, как найти свою часть.

(Он даже ему и соврал: не затем пришол, да не смеет говорить-то.) Из другой комнаты выходит генерал в эполетах и говорит:

— А, здорово, знакомой! Ты пришол за отставкой? Но у меня не готова, приходи завтре утром! Забери весь свой багаж, отставка тебе будет готова.

На другой день солдатик приходит совсем уже готовый в дорогу. Генерал вышол, подает ему

отставку как есь правильно.

— Ну, пойдем, служивой, я тебя провожу немного.

Вышли за ворота.

— Ну, служивой, имайся мне за крошки!

Солдат поймался, а генерал и пошол так скоро, што реки и речки даже перешагивал. Дошли до лесу. Солдат смотрит: оне идут уже выше лесу; он лешим опять сделался, несет ево. Одной елкой сдернуло у нево фуражку. Минуты через две он и говорит:

— Ваше превосходительство, у меня фуражку сдернуло.

— Экой ты дурак! Што ты раньше не говорил? Мы теперь уже тысячу верст отошли от нее!

Через несколько минут он ссадил ево у ворот своева дома.

— Не беспокойся, служивой! Фуражку я тебе занесу, когда придетца по пути!

Сутки через трои ночью стучит в окошко.

— Эй, служивой, дома ли?

— Што вам?

— Я фуражку тебе принес.

И подал ее в окно.

20. Леший

В одной деревне жил богатой мужик. Он построил новой дом, а к нему в дом повадился ходить ночевать лешой. Нельзя стало мужику жить в дому. Он перешол во старой, а новой все топил дом, штобы не выстывало.

Дожили до осени. Шол солдатик со службы. Он попросился у етова мужика переночевать. Хозяин пустил, ужиной накормил и увел в новую избу ночевать. Думает, што солдат, быть может, чево знает от такой штуки.

Когда солдат пришол в избу и расположился на печку спать; только мужик ушол, — вдруг зашумел ветер, так што вся изба задрожжала. Отворились двери, и в избу вошол мужичок среднева роста, в белом чажелке.

— А, служивой здесь есь?

— Есть. Выспросился начевать.

— Ну и хорошо, я тожо ночевать пришол. Пускай мы с тобой кое-што приталакаем!

Пришел мужичок кверху и сел на печку, а служивой принес лучину огня и засветил.

— Ну што, служивой, табачок нюхаешь?

— Нюхаю.

— А у меня как раз табак вышол весь. Пожалуста, одолжите мне вашево табачку!

— С удовольствием, што ж?

И солдат подал свою берестяную тавлинку. Мужичок в одну ноздрю нюхнул, а в другую было нечево: он уж табатерку выколачивать.

— Ох как вы, дядюшка, больно нюхайте! Мне и самому ничево не осталось!

— Ты, — говорит, — знаешь, служивой, кто я такой?

— Да уж какой леший нюхает пусчее тебя?!

— Это я самой и есь!

Тогда солдат спрашиват:

— Ну што вы, помираете или нет когда-небудь?

— Мы некогда не помираем, а только мы ходим по лесам, по домам, если попадетца под ноги игла — как ступим на иглу, так и помрем.

— А как же ваши телеса убирают? Ведь вы велики? Тогда леший сказал:

— Запрегай хоть петнадцеть лошадей, и некогда нас не вывезти! И привежи курицу и петуха на мочалко, пугни их, они и уташшат; а ветер дунет, и нечево и не будет.

Легли они спать. Солдату не спитца. Через несколько минут зажок он опять лучину, смотрит, а леший уснул: сам лежит на печи, а ноги на

подлатях, у стены.

Солдат вынимает из кармана бумажку игол, взял молоток и давай ему заколачивать в пяты иглы. Леший стал помирать и ростягатца, так што стены затресчели.

Утром приходит хозяин.

— Ну што, служивой, каково ночевал?

— Да хорошо твой наслег! Смотри, какой лешой лежит!

Хозяин обрадовался, што солдат ухаял лешова; думает: «Только выбросить и все, боле ходить не будет!» Солдат собрался и ушол.

Мужик выломал простенки из окон, привел трех меринов, при-везал веревки (за лешова-та), запрег лошадей и давай понужать. Постромки рвутца, а он и с места не пошевелитца.

Тогда подумал мужик: «Ведь солдат ево ухаял, он можот и убрать». Запрег телегу и поехал за солдатом.

Настик в поле и говорит:

— Ей, служивой, поедем ко мне, убери ево! Сколько возьмешь с меня?

— Сто рублей.

Мужик посадил солдата в телегу и поехал домой.

Солдат поймал курицу и петуха и привезал мо-

чалком за лешова. А мужики над ним смеютца. «Три мерина не могли вывезти, а он курицу и петуха привязыват!» Когда солдат все приготовил — пугнул курицу и петуха, — они полетели и вытасшили на улицу лешова. Ветер дунул, не-чево и не стало.

21. Сапоги для лешего (рассказ катанщика)

(Мы катаем валешки, так бабы домогаюччя: «Расскажи-ко, катанщик, сказочку!» — «Вот, бабушка, мол, не сказка, а быль»):

Я катать раньше не умел валешки те. Ходили, ходили мы с Гришкой, нехто нам не дает катать валешки. Идем Черноським селом — один с колодкам, а другой с лучкем и с битком; поп увидел в окошко нас и пригаркал.

— Што вы, — говорит, — катанщики?

— Катанщики.

— Вы можете ли скатать войлок мне?

— Как не можом.

— А где жо станите катать?

— Батюшка, мол, не куфне-то неловко, так в бане у вас хорошо, можно в бане.

Шерсти навесил полпуда, и ушли в баню. Роз-

били шерсть и думаем: постилаха у нас мала (для валешков невелика ведь постилаха), а войлок большой; надо бы выпросить нам половик или чево-нибудь. да мы не сообразили. Я подумал, подумал, чево постилать на постилаху, и увидел на куфьне шабур весиччя. Принес шабур, нашил на постилаху и давай катать. Катали, катали, шабур вкатали в войлок. (Бабы [слушательницы] спрашивают: «Ой, как этот шабур от добывали оттуда!»). Вкатали шабур и думаем: «Чево делать станем мы? Поп увидит — за шабур надо платить и за войлок». Подумали: давай убежим! Бежеть неудобно вороськи — можут поймать и забрать снась нашу. И порешили на том: сходить к батюшку.

Выдумались, будто мы спорим: я с лучкем и с битком, а он с колодкам побежим. Он спорить, што «я тебя сустигу», а я «не сустикчи!» Пришли к попу и говорим:

— Батюшко, мы выдумались водки напиччя.

— Как, — говорит, — водки напиччя? Чево у вас выходит, какое дело?

— А вот он говорит: с лучкем я тебя поймаю, с котомкой бежет. А я ще не поймать меня.

Колонули по рукам и пошли за ворота: у меня котомка за плечам, а у нево лучек на плече. Поп

в окошко гледит:

— Маленький, не поддавайсь, не поддавайсь!

А поп от любитель до водки-то сам был; думал, што и ему попадет. Вот я и побежал. «Маленький, убирась скорее!»

А у нас уговорка была: как станешь набегать меня, ты (задней-то) приупади — и я отбегу вперед. Так и убежали из виду вон — от попа. Там неизвестно у попа чево и было после.

А ходня — итти волоком из села. Думаем сами себе: «Ще за лешой, нехто нам валешки не дает катать! Хоть бы лешой дал валешки-то скатать-то!» И вдрук выходит из-за стороны лешой. И спрашивает нас:

— Куды, ребята?

— Валешки ходим, катаем, да нихто не дает нам.

— Дак пойдемте ко мне катать.

Мы узнали ще это лешой вышол, нас зовет.

— Садитесь, — говорит, — мне за крошки!

Поймались, он и понес нас. Идет ходко, только вершины мелькают. Мы поглядываем — за крошкам-то сидим.

Принес в избушку, шерсти сразу велел старушке (а у нево, должно быть, матка) принести. Она навесила полпуда, и мы начали бить. А он сам

обратно ушол; не живет дома, за своим делом похаживат (шерсти подсобироват, можот). Набили шерсть и заслали, и давай юксить, закатали валешки. Надо начевать нам. Оба в валешок от улезли, да там и спим. Поутру стали и давай стирать их.

Выстирали валешки: а у нас колодки-то едакой нетутка по ево ногам. Пошли в лес, коргу выкопали и принесли. Забили ету коргу, высушили валешки. Добыли коргу, валешки теперь готовы.

Лешой приходит сейчас накладыват валешки мерять. Обул валешки и заплесал:

— Ладны, ладны, ладны!

Спрашиват нас:

— Много ли за роботу возьмите?

— Сами знаете, сколько положите.

— По пятерке на человека будет ли вам?

Мы обрадели и спрашивам:

— Кака будем отцель выбираччя-то домой-то?

(Старухи спрашивают: «А чево вы ели-то у лешова? Он ведь не съест?» — «А чево? Свежих пшенисников принесла, несъиманова молока преснова — вот только этим и покормили». — «Где, — говорят, — это вот берет он?» — «Вот где берет. А вот, бабочки, не благословесь, хлебеч ет да молочке-то оставляйте, — он то и уносит». —

«Ой, правда, правда!»)

Накормили нас. За крошки поймались и понес на ту жо дорогу. Вынес на дорогу и отпустил, а сам ушол. Пошли, табачкю закурили и песенку запели (денежки есь).

22. Леший лапотник

Раз — это дело было Великим постом — я ходил за лыком, да и заблудился в лесу. Ходил, ходил, и уже наступила ночь, а выйти никак не могу. Услышал кто-то кричит: «Свети, светило!» Я подхожу и вижу: сидит на клепине леший и ковыряет лапоть. А когда луну закроет облоком, он и кричит:

— Свети, светило!

Я взял здоровую хворостину, подошел потихонькю. Когда он закричал «Свети, светило!», я взял, да и вытянул его по крыльцам. Как он соскочит, да и ходу, а сам кричит: «Не свети, не свети!» Он думает: месяц-то его и дернул.

Это не знаю, правда ли, нет ли?

Из сборника Б. и Ю. Соколовых

23. Охотник и черт

Мужичок ходил за охотой. День весь ходил, ничего не убил. Идет он домой. В своем поле увидел рябчика на стожье, сидит на коле. «Вот где мне Бог подал!» — говорит. Поднял курок и лопнул этого рябчика. Рябчик сидит. Он другой раз заправил, другой раз стрелил — рябчик сидит. «Постой, — говорит, — это не даром!» Взял ружье, сейчас посмотрел в ствол, а там человеческая рука против ряба. «А, — говорит, — чертовская сила, погодите!» А у нево пуговицы менные были у рубахи. Взял оторвал, заправил в ружье, поднял курок и лопнул. Рябчик пал — все-таки руку прострелил. «Ну, — говорит черт, — теперь отохотничал!» Мужик ушел домой. Вот не идет мужик в лес год, ни другой, ни третий. Потом взял ружье и пошел через три года. «Теперь, — говорит, — черт забыл!» Вышел за поле, вдруг показался темный лес. Мужик догадалсы: «Постой, — говорит, — видно, черт меня удурачил!» Взял топор из-за пояса и огня наклал. Потом нашел, пень березовый срубил и принес к огню. Надел балахон и свою шляпу, опоясал кушаком, а сам отошел сажень десять и сел за куст. Вот черт идет, несет рудину на плече — страшное дело!

Увидел мужика, што он лежит у огня, тяпнул этой рудиной поперек огня и сам сел. «Ну, — говорит, — теперь я на тебе посижу!» А в это время мужичок справилсы опять, поднял курок и сзаду-то ему в спину той же менной пулей как стегнул, он и опрокинулсы! «Теперь, — говорит, — охотничек, не бойсы никово!» Мужик ходит и до сих пор.

24. Про рыболова и лесовово

Ездил мужик ночью за рыбой луцем. Рыбы было очень мало. Идет он по реке и видит: стоит человек — одна нога на берегу, а другая на другом. Рыболов и говорит:

— Ах на эти бы нишша, да красные штанишша!

Это было в пондраву лесовому, обрал ногу с берега на другой и пошол, захлопал в ладоши и захохотал. И говорит:

— На эти бы нишша, да красные штанишша!

Мужик после этого поехал по реке на лодке и так много рыбы бить стал, што сроду не видал. И набил целую лодку.

25. Иван-дурак

В некотором царстве жил старик со старухой. У них были три сына: два умных, а третий дурак — Иван. Жили они очень бенно: даже ни коровы не было, ни лошади. Толе рошша вырошшена. Отец свел этих сыновей в эту рошшу.

— Ну што, детки, с этой рошшей будем делать?

— А вот што, тятенька, срубить ею на сучья, а потом сжечь это сучье и выпрятать. И потом насеять. Может быть, Бог нам што-ни-будь даст.

Ну ланно. Отец расположился так, што детки умно сказали.

— Так и надо сделать!

Потом отец взял Ивана-дурака и свел его также в рошшу.

— Ну што, Ваня, с этой рошшей будем делать?

— А вот, тятенька, береза стоит, — вилы славные будут сено метать.

Отец сказал:

— Дурак, и дурацство нашел!

Так с дураком и домой пошли. Потом эти сыновья взяли и срубили эту рошшу, выжгли ею и попрятали. Надо сеять, а семян нету никаких и цепать не на кои: лошадей нету. Походили,

походили и нигде ничево найти не могли — ни лошади, ни семян. Потом дурак смотрел-смотрел эти порядки и сказал отцу:

— Позволь-ко, тятенька, сходить мне в эту рошшу, я схожу и засею.

Отец сказал:

— Ступай, дурак, подурачь, может, вилы вырубишь! Вот дурак пришел в это сучье и закричал дурным матом:

— Дедушка лесной! Дай лошадки, сохи и бороны, семян — и попалам разделим!

Вдруг дедушка лесной идет и ведет лошадку и борону железную и все; потом запрягли эту лошадку, сцепа-ли это сучье, пенья собрали и в груду оклали. И насеяли репы. И потом заборонили — сделали словно столовую доску, хоть колесом кати. И потом Иван благодарил это-во дедка.

— Ну ланно, — говорит, — благодарю тебя за труды. Што вырастет — попалам разделим.

Вот дурак приходит домой и отцу объясняет:

— Пойди-ко, тятенька, посмотри, что я сделал!

Отец справилсы, пошел в сучье, посмотрел и даже головой помотал, што сделалось тут. Потом пришел домой, своим глазам не верит, што это дурак сделал! Стала эта репка рость порядошная,

стали ходить воры воровать эту репу. Потом отец стал говорить сыновьям:

— Не на то труды клали, штобы пользоваться людям, — надо вора поймать, покараулить!

Сыновья собрались вместе и кинули жеребья, кому сперва идти караулить первая ночь. Досталась первая ночь большаку-брату караулить. Большак-брат сошел в сучья и наклал огня, и проспал всю ночь, и вора не видал. Пришел домой, отцу объясняет:

— Всю ночь проспал и вора не видал; продрог весь!

На вторую ночь сошел середний брат; тоже самое на-клал огонька и всю ночь проспал. Тоже вора не видал. Пришел, отцу объясняет:

— Всю ночь караулил и вора не видал!

На третью ночь Иван-дурак отправляетса и говорит:

— Вот, тятенька, я пойду и вор поймаю!

Вот Иван-дурак пришел в сучье, наклал огонька и полежал до полуночи; вдруг, вдруг приходит дедушка лесной, раскинул веретишшо и давай теребить. Потом Ваня скочил и давай ему пособлять; вот натеребили это веретишшо, а он знает, што теребить.

— Ну, — говорит, — Ваня, спасибо, я за свои тру-

ды взял все, больше никто не придет у тебя репки воровать. Теперь пойдем, — говорит, — Ваня, ко мне в гости.

— Ну пойдем.

Взял это веретишшо, посадил Ваню на нево и понес ево домой. Потом говорит:

— Вот, Ваня, я пойду домой, а ты погостишь у меня сутки-трое; мой отец будет тебя золотой казной дарить, а ты золотой казны не бери, а проси у нево золоту огнив-ку и булат-кремешок. Он охнет: «Зачем, Ваня, ты это принимаешь? Жалко, да уж дам тебе, Ваня, так и быть».

Вот принес ево дедка в свое жительство, а там встречает ево отец дедка:

— Прошу в гости, Ванюшка!

Вот этот Ваня трои сутки гостил у этово дедки. Потом стал направлятсы домой, а дедка и говорит:

— Возьми, Ваня, золотой казны, сколько хочешь. А Ваня в ответ:

— Нет, дедушка, не надо мне золота казна — у меня своей много, а дай мне золоту огнивку и булат-кремешок.

Дедка охнул, да делать нецево.

— Жаль, — говорит, — мне огнивка, да дам уж тебе.

Вот дедко дал ему золоту огнивку, а этот дедко посадил ево в веретишшо и принес в рапишшо. Вынул из кармана красной сундучок и подал Ване:

— Вот, — говорит, — от меня тебе подарок.

И потом распростилсы с дедком и остался один в репишшш: дедко ушел. Вот он подошел к этому сундучку, хотел взять ево и нести, да не смог ево поднять. Потом:

— Што же, — говорит, — я буду делать? Не снесть ведь мне ево. Потом сунул руку в карман, вынул золото огнивку, ударил кремешком, и выскочило тридцать три молодца и говорят:

— Што тебе, Иван-дурак, надо?

— Вот возьмите этот сундучок и меня, несите к отцу в дом. Вот эти молодцы схватили сундучок и Ивана-дурака и принесли ево к отцу в дом.

— На-тко, тятько, я вора поймал и мугорыц получил!

Подал ему от сундучка ключ. Отпер старик — полон сундук золота и серебра. Потом этот старик накупил хлеба и всякой всячины, што требуетсы, все накупил. Зажили они хорошо. Иван-дурак стал посылать отца своево сватытьсы:

— Ступай, — говорит, — тятенька, за меня сватытьсы!

— А куды идти?

— Ступай к царю, — говорит.

— Што, дурак, да разве царь отдаст за тебя свою дочь!

— А может быть, и отдаст!

Ну старик, делать нечево, справилсы и пошел свататьсы за дурака. Пришел к государю в государство. Слуги доложили, што пришел такой-то старик за дурака свататьсы. Потом государь приказал прийти во дворец этому старику.

— Ну што тебе, старичок, требуетсы из меня?

— Я, — говорит, — пришел, ваше царское величество, меня сынок прислал к вам свататьсы.

Потом государь сказал в ответ:

— Пускай твой сын поставит мне такую же магазию, как моя сейчас, тогда, может быть, я просватаю.

Тогда старик пошел домой и говорит дураку:

— Вот, дурак, государь приказал тебе поставить в эту же ночь магазию, штобы к утру была готова!

Дурак немного дождал вечера; вышел на улицу, тюкнул золо-то-огнывку, булат-кремешок — выскочили тридцать три молодца:

— Што надо, Иван-дурак, а то будем готовить.

— А вот: сороботайте такую же магазию, как у

государя. Штобы к утру была готова!

Вот эти молодцы взялись — кто за што, и скоро магазию сготовили в триктрак лутше, чем у государя. Сготовили и насыпали полную хлебом и принесли Ивану-дураку ключи. Вот Иван-дурак приносит своему отцу клюци.

— Поди, — говорит, — посмотри, што там в магазин?

Вот отец взял у дурака ключи и пошел в магазию. Которые двери не отопре — все хлебом насыпаны. Потом приходит старик. Иван-дурак опять посылает свататьсы к царю. Вот старик справилсы, опять пошел к царю свататьсы. Пришел к царю; ему доложили, што этот старик опять пришел свататьсы. Государь призвал старика во дворец:

— Ну, — говорит, — дедко, твой сын такой удалой! Пусть устроит в эту же ночь такой дворец, как у меня; тогда я просватаю свою дочь.

Потом старик поклонилсы государю и пошел домой. Пришел старик, Ване своему объясняет:

— Вот, Иван-дурак, государь вам опять задачу дал: состроить дворец в одну ночь, какой у государя.

Иван-дурак немного думал; вечера дождалсы, вышел на улицу. Тюкнул золото-огнивку, булат-

кремешок — выскочили тридцать три молодца и кричат:

— Што тебе надо, Иван-дурак?

— Вот, — говорит, — устройте мне втрикрат лутше дворец, чем у государя, штобы к утру был готов!

Эти молодцы принялись кто за што, кто за што, — и к утру дворец был готов. Утром Ване подают ключи от дворца. Ваня подает своему отцу ключи.

— Ну на, тятя, поди посмотри, што там есть во дворце. Папаша сошел во дворец и трои сутки ходит без памяти, не знает, чево тут сделалось, откуда все взялось. Потом отец обратил-сы взад домой.

— Ну што, папаша, пондравилось ли во дворце тебе?

— Хорошо, хорошо, Ваня, — говорит, — устроено!

— Можешь отправлятьсы свататьсы.

Старик справилсы и опять пошел к царю свататьсы.

Пришел во дворец. Слуги доложили, што этот старик опеть пришел к вам свататьсы. Государь приказал старику войти во дворец.

— Ну, — говорит, — старик, когда твой сын

такой хитрой, то пусть сделает мост калиновый, перила малиновые, столбы точеные-позолоченные, — и на каждом столбе штобы пташки роспевали. И потом, — говорит, — пешком не ходи ко мне свататьсы, когда устроит мост, а приезжай на тройке лошадеф в золотой карете.

Вот старик пришел домой; Ивану-дураку объяснил эту задачу. Иван-дурак немного думал; вечера дождалсы, вышел на улицу, тюкнул золото-огнивку, булат-кремешок — выскочили тридцать три молодца:

— Што надо, Иван-дурак, то и будем роботать!

— А вот, — говорит, — состройте мост калиновый, перила малиновые, столбы точеные-позолоченные и штобы на каждом пташки роспевали.

Эти молодцы сказали:

— Можем сроботать, только ты на утренней зоре выйди с молоточком, поколачивай, — выйдет невеста и будет смотреть, кто роботает.

Вот Иван на утренней зоре выходит (мост был готов уже), розделсы на онну рубашку, бегает и поколачивает молоточком, как бы при деле, а Марья-царевна смотрит с балкону на своево жениха, как он роботает. Вот мост был совсем устроен. Иван-дурак посылает опеть своево отца свататьсы. Отец запряг тройку лошадей в золотую

карету и поехал к царю свататься. Подъезжает ко дворцу, — слуги выходят и берут за руки и ведут во дворец к царю. Вот привели ево во дворец. Государь решился дочь свою просватать за Ивана-дурака. А Марья-царевна сказала:

— Вот, папаша, вашу службу исполнил, пушшай и мою исполнит, тогда я пойду. Пушшай под венец сошьет мне, сготовит сапоги-башмаки и такое же платье — штоб аккурат на меня было и цветом такое же!

Потом старик поклонился государю и поехал домой, дураку объяснил, што невеста приказала сделать. Иван-дурак вышел вечером на улицу, тюкнул золото-огнивку, булат-кремешок — выскочили тридцать три молодца.

— Што надо, Иван-дурак, то и можно роботать!

— А вот: сшейте моей невесте башмаки и подвенечное платье, аккурат такое, какое ей у отца изготовлено.

Вот хорошо; эти молодцы принялись за роботу: кто што — всем дела есть. Сготовили башмаки и платье подвенечное к утру готово. Потом подают это платье Ивану-дураку и башмаки. Иван-дурак подает своему отцу и посылает к царю свататься. Старик заложил тройку лошадей и золотую карету и отправился к царю свататься. Старик

подъезжает к дворцу, — выходят слуги, берут старика за руки и ведут ево во дворец; вынимает подвенечное платье и дает невесте. Невеста сицясь села и давай эти башмаки обувать. Обула башмаки и говорит:

— Ну, папаша, аккурат такие башмаки сделаны, как у тебя!

Потом одела платье подвенешное, — и платье в самый раз, как у папаши сделано. Стало быть, сицясь отец свечку затеплил и благословил свою дочь, и потом по-деревенски, не пиво варить не вино курить, за свадебку. Повенчали Ивана-дурака на Марье-царевне. Вот пожили они сутки трои. Марья-царевна встопила байну княжую, и пошли молодые в байну. Иван-дурак вошел в предбанник, сдернул свое платьишко и в байну, а Марья-царевна тем часом платье обшаркала: нашла золотое огнивко, булат-кремешок. Выскочили тридцать три молодца:

— Што, Марья-царевна, нужно, то и будем служить тебе!

— Возьмите меня, унесите за тридевять земель в тридесятое царство, старому жиду, к моему старому друженику!

Сицясь подхватили Марью-царевну эти молодцы и представили в тридевятое царство.

Иван-дурак ждать-пождать, ждать-пождать Марью-царевну — нету в байну; выскочил из байны в предбанник — Марьи-царевны след простыл! Полно Иван-дурак мытьсы, одел свое платьишко и пошел домой, заплакал. Сунул руку в карман — нету золота-огнивка и булат-кремешка! Пришел домой и объяснил:

— Испеките мне попутников, я с утра пойду Марью-царевну розыскивать.

Утром стает Иван-дурак, а попутники были ему готовы. Потом Иван-дурак справилсы, простилсы со своим отцом и матерью и говорит:

— Прощайте, отец и мать, буду ли я домой взад!

И отправилсы в путь-дорожку. Дошел он до одной кузницы — кует кузнец. Зашел он в эту кузницу и объяснил:

— Скуй мне, кузнец, трое чоботы и три костыля, и три просвиры железные.

Кузнец сковал ему это все. Потом Иван-дурак обул эти чоботы и пошел в путь-дорожку, костыльком упираетсы, а просвирку грызет. Шел путем-дорогою много ли, мало ли место, чоботы изорвал, костыль сломал и просвирку сглодал железную. Доходит: стоит избушка на курьих ножках на петушьей горляшке. Эта избушка

стоит лесу передом, а к нему задом. Иван-дурак сказал:

— Избушка, повернись к лесу задом, а ко мне передом! Избушка повернулась. Он вошел в эту избушку: сидит Баба-Яга, костяная нога на пешном столбе… глиняная. Старуха говорит:

— Фу-фу! Русской дух слыхом не слыхано, видом не видано, — зачем сюда, Иван-дурак, пришел? Я тебя съем!

— Эх ты, старая чертовка! Не напоила, не накормила, а хочешь съесть! Сначала напой-накорми, а потом с сытым делай, знаешь што.

Старуха брякнулась о землю, сделалась красавицей. Сисяць же собрала на стол; накормила-напоила Ивана и спать положила. И стала выспрашивать:

— Далеко ли путь держишь?

— А вот, бабушка, я пошел свою Марью-царевну розыскивать.

— Ох, Ванюшка! Далеко тебе своя Марья-царевна розыскивать, — она унесена за тридевять земель в тридесятое царство. Она мне ронная племянница.

— А близко ли, далеко ли — пошел розыскивать, так все равно.

— Ну с Богом, Иван-дурак, я тебе помогу.

Вот утром встал и пошел; и дала бабка клубешочек:

— Куда этот клубешочек покатитсы, туда ты и иди за ним.

Иван-дурак поблагодарил старуху, бросил клубешочек. Клубешочек покатилсы, а он сзади пошел. Потом шел путем-дорогой, костыль сломал и просвору сглодал. Подкатился этот клубешочик к такой же избушке, как и была. Вошел Иван-дурак в эту избушку: сидит Баба-Яга костяная нога.

— Зачем ты сюды пришел? Я тебя съем! Он говорит:

— Старая чертовка! Не напоила, не накормила, сразу есть хочешь! Напой-накорми, а там што хошь делай.

Старуха брякнулась о землю, сделалась красавицей. Тотчас же собрала на стол, накормила-напоила Ивана-дурака, потом на постельку повалила и стала спрашивать:

— Далеко ли держишь путь?

Иван-дурак сказал, што пошел свою Марью-царевну розыскивать.

— Далеко твоя Марья-царевна, Иван-дурак. Занесена к жидовику за тридевять земель в тридесятое царство.

Иван-дурак сказал: хоть дале жить, а раз пошел, так все равно куда идти!

— Я, — говорит, — твоей жане тетушка ронная, помогу тебе немножко.

Потом Иван-дурак обночевал. Утром встал; дала клубочек.

— Куда клубышок покатится, туда и взади иди за ним. Иван-дурак поблагодарил старуху, бросил клубышок. Клубышок покатилсе, и Иван-дурак сзади пошол. Шол, шол путем-дорогой, продолжалось время долго ли, мало ли. Третьи чоботы изорвал, третий костыль сломал и просвирку ретью сглодал. Приходит он в один город. Ко старушке на задворенки прямо клубышок катитсы, и он прямо идет. Вошел Иван-дурак в эту избушку. Сидит старушка старая, древняя.

— Ох, Иван-дурак, откуда ты случилсы, как ты сюда попал?

— Да, — говорит, — бабушка, пошол я, — говорит, — свою Марью-царевну розыскивать!

— Твоя Марья-царевна из окошечка в окошечко со мной живет, — говорит, — только хитро тебе ее получить: она у старова жида-жидовика, крепко у нево.

Иван-дурак стал старуху просить:

— Нельзя ли, бабушка, как постаратьсы?

Старуха на ответ сказала Ивану-дураку:

— Завтрашний день поверну тебя конем, Иван-дурак, и пушшу в сад гулять.

Вот обноцевалсы Иван-дурак у старухи. Старуха повернула Ивана-дурака на жеребца — словно на картине срисован. Пустила в сад погулять. У этой старухи сад с садом жидовика был соткнувши в одно место. Утром жид-жидовик пошел с Марьей-царевной в свой сад розгуливатьсы и увидал у бабки этово жеребца. И сицясь эту бабку закричал:

— Выйди, бабка, на минутку отсюда! Где ж ты, бабка, этово жеребца взяла?

— Ой, батюшка, я три года кусочкам кормила; севодня захотела выпустить посмотреть.

— Продай, — говорит, — бабка, мне.

— Ой нет! Где же, батюшка, продать, я сама первой день смотрю на ево.

— Нет, бабушка, пожалуйста, продай!

Потом бабка на ответ сказала: «Уж если вам гораздо желательно, то 300 рублей».

Так он и купил этово жеребца. Взял этово жеребца и привел в свою конюшню, и послал Марью-царевну дать белоярой пшаницы. Марья-царевна принесла белоярой пшаницы и узнала, што это Иван-дурак, а не конь. Пришла, своему

жидовику объяснила, што купил не жеребца, а «моево мужа».

— Неужели верно?!

— Верно!

Жид-жидовик приказал сицясь свести коня на поле, изрубить на куски, сжечь на огне и пепел развиять по чистому полю. Повели этова коня в чистое поле, — конь голову повисил. Сзади идет девка-чернавка за водой. Увидала эта бабка девку-чернавку и кричит:

— Поди ко мне на минутку!

Девка-чернавка подошла к бабке.

— Што тебе, бабушка, требуется от меня?

— А вот станут коня рубить, первый кусок отлетит тебе в ноги. Возьми ты этот кусочек и отнеси жиду-жидовику в сад и зарой в землю под окном.

Девка-чернавка пошла. Стали коня рубить, отлетел ей кусочек прямо в ноги. Она взяла этот кусочек, принесла в сад и зарыла под окном в землю. Потом через ночь из этово кусочка выросла яблонь, и на этой яблоне выросли яблоки. Увидала их Марья-царевна в окно и возрадовалась этиф яблоков — отродясь таких не видала. Сицясь же нарвала их на тарелку, и подошел к ей жид-жидовик этот самый.

— Где же ты, Маша, взяла такие яблоки?

— Да вот, погляди, душечка, под окном выросли.

Потом сел жид-жидовик с ней рядом, и катали эти яблочки по тарелке. Катала, катала эта Марья-царевна и узнала, што это не яблоки, а Иван-дурак, и говорит своему жидовику, што это не яблоки, а это Иван-дурак. Жид-жидовик:

— Как жо он мог попасть, раз он изрублен на куски в чистом поле?

— Не могу знать, а только он этот самый и есть!

Жид-жидовик приказал эту самую яблонь из коренья вырыть вон и снести ее на чистое поле, изрубить ее в мелкие шшепки, и сжечь, и пепел розвиять по чистому полю. Потом взяли эту яблонь, вырыли вон, повезли из коренья, повезли ее на чистое поле. Сзади девка-чернавка идет. Увидала эта бабка девку-чернавку:

— Девка-чернавка! Пойди сюда ко мне на минутку.

Девка-чернавка подошла к бабке:

— Што тебе требуется, бабушка, из меня?

— А вот, девка-чернавка, станут эту яблоню рубить — первая шшепка отлетит прямо тебе в ноги: возьми эту шшепку и отнеси ее на море и брось ее в воду.

Девка идет мимо яблони, стали ее рубить. Отлетела самая первая шшепка ей в ноги. Девка-чернавка взяла шшепку и бросила ее в воду. Из этой шшепки сделалсы селезень такой красивый, на нево все бы смотрел. Эту яблонь изрубили и сожгли, и пепел розвияли. На другой день стал жид-жидовик, пошел со своей Марьей-царевной в сад розгуливатьсы. День сделалсы такой жаркой, дак страсть какой! Жид-жидовик говорит Марье-царевне:

— Пойдем, Маша, на море покупаемсы, — очень жарко севодни.

— Нет, душечка, я не люблю купаться, желаешь — так пойди, покупайсы.

Жид-жидовик отправилсы один на море купатьсы. Пришел на море, у самово бережка плавает селезень такой красивой, што сро-дясь не видал таково. Вот сицясь он подошел — надо поймать ево. Он сицясь платьишко сдернул с себя и стал ловить ево. Только схватит, а он все дальше, все дальше. Потом до тово дошел, што в рот стала заливаться вода. Потом этот селезень спорхнул и вылетел на берег, брякнулся о землю и сделался Иваном-дураком из селезня. Сицясь же сунул руку в карман и нашел свою золоту-огнивку и булат-кремешок. Выскочили тридцать

три молодца:

— А! Иван-дурак, што нужно, то и сделаем.

— А вот бейте жида-жидовика, из воды вон не выпушшайте!

Тотчас ему тут и смерть придали. Пошол Иван-дурак, покатил прямо во дворец к жиду-жидовику. Вошел во дворец — сидит ево жена на стуле. Увидала Ивана-дурака и сама на колени стала просить ево:

— Прости меня, Иван-дурак!

Иван-дурак подошел к своей жене, на ногу наступил, взял за руку и ее роздернул. Потом взял на этой девке-чернавке жанилсы и остался в этом государстве жить и эту бабку к себе взял в дом.

26. Мужик, церт и репа

Мужик посиял репу. И ростом репа не уродилась ницево.

— Ну ее к лешому, пускай пропадает, все труды даром, ницево не выросло!

А лешой стал ходить, ростить репу; потом мужик посмотрел — хорошая репа выросла. Мужик и зачал ходить за репой. Церт стал ходить тоже за репой. Лешой и говорит:

— Мужик, моя репа.

А мужик говорит:

— Нет, моя!

— Ну ладно, мы с тобой спорить не станем, разойдемся по-хорошему: кто из нас почуднее приведет звиря — тово и репа.

Лешой приводит медвидя.

— Какой это, говорит, чудной звирь! Ево всякий знает.

— Ну, теперь ты веди звиря.

Мужик тоже звиря приводит: свою старуху — волосья росчесал, раком поставил и ведет. А церт любуется на ее.

— Што, говорит, таково звиря не видал? Рот вдоль рожи, во лбу один глаз и тот выгнил.

Походил, походил, полюбовался и говорит:

— Ну, ты привел хитряя звиря — репа твоя.

27. Охотник и нечистая сила

В одно время охотник вышел на охоту; ходил он целой день и не мог сыскать ни одновой птицы, а также и звиря. На закате солнца увидел на елке белку. Когда он зарядил ружье с медной пуговицей, выстрелил в нее, но вместо белки посляшался человечий голос. Охотник сголодалсе, что это дело неладно выйдет, и поспешил на

ночлег в срубленную им в лесу избу. Мечтаэт то, что в виду белки окажется нечистой дух. Поспешил поужинать, снарядил чурбан с свою одежду, уложил ево на лавку, а сам с заряженным медным путцям ружьем лег под лавку и стал ожидать чево-то. Минут таких через десять являетсы из лесу большова роста человек с длинной рогатиной. Открыл дверь избы и ударил рогатиной на-пряжонной охотником чурбан с приговором: «Вот тебе за даешное!» Охотник долго не думал, произвел в ево выстрел со словам: «Вот тебе и за теперяшнее». После этово пошел по лесу сильной крик, и собралось несколько таких человек и стали говорить что-то не по-нашему. Охотник понял то, что как будто бы он остается не виновен. Видно было, что это говорил ихний набольший. И еще он проговорил, призвал к себе охотника из избы и сказал ему, что спи, мужичок, преспокойно. А им начал говорить на русском языке, что я не для тово распустил вас по лесу, чтобы смущать, которые нам неприкосны, а только тех, которые боле веруют в нас. Охотник после этова вернулся домой и рассказал про свое событие, что с ним случилось в лесу, и через неделю помер.

28. Лесной и молодец (былицька)

Молодец ходил в лис за охотой. Ходил он, как худенько все, худо лесницял. Идет, витсе мужик в деревне повешен и говорит:

— Выпусти, молодец, миня! Сними! — говорит.

Тот подлез и развязал ему веревку.

— Ты хто такой?

— А я, — говорит, — лесной!

— Хто тибя повисил?

— Товаришш, — говорит, — он меня подюжае. Хорошо, голубцик, я тебя за это улюботворю. Вот на осени повезут тибя в салдаты; ты, — говорит, — ко мне приверни.

— А где, — говорит, — мне тибя натти?

— А миня натти? Вот так от нас Волок большой, на этом перелеске есть в леву руку повертка. Ты, — говорит, — отстань пос… и поверни в эту повертку, и выйдешь, туту наша деревня большая, иди та вдоль по деревне и дойдешь ты до самова краю. На левой руке избушка, и зийди ты в эту избушку, — говорит.

Вот он и ходил этот молодец исень в лис; хорошо очень ходил, кажной день он по ноше носил, то птици и белки, кое-цево. Народ двуесте:

— Видно, — говорят, — он перед головой хорошо ходит, забриют ево в салдаты.

Он, доброй молодец, ехал этим Волоком. Доехал он до этой дорожки, слез он пос… Взял он и пошел по этой тропке. А товаришшы уехали. Он шол да шол, вышол, — деревня стоит. Пошол по этой деревне и дошел до самова краю. На левой руке фатерка стоит небольшая. Пришел он в эту фатерку. Тут старик на пеце лежит.

— О, Ванька! Дружок — от пришел!

Ванька сицясь скочил.

— Поди, — говорит, — за вином, неси четверть вина.

Ванька живо сбегал за вином, принес цетверть вина.

— Ну, потшуй ево, как надо, гостя нашево, как надо.

Молодец и говорит:

— Мне, — говорит, — не настиць товариш-шей-то!

— Не тужи, настижом.

Вот они и поили ево больно пьяно. Ну напоили.

— Поди, Ванюха, проводи ево.

Ванюха и вышел ево провожать. Вышли они из фатеры.

— Давай, — говорит, — за меня захватывайсе! Да ставай на запятки!

Поглядел этот молодец, а уж в городе Кирилове оцютилсы.

— Ступай в присутство, есть хвитанций продают. Пришол в присутство, спрашивает:

— Есть хвитанций?

— Есть, — говорят, — одна. Так нельзя, надо в Новгород подать, не запродано ли тамотко.

Раз на депешу колонули, живо оттудь вышло, што не продана. Выдал он депешки за хвитанцию. Получил письмо, росписалсе, што представлено некрутьство. Полуцил себе росписку.

— Давай, ступай себе домой.

Вышли они из присутства.

— Захватывайся за меня, — говорит.

Захватилсе он за нево, поглядел, а уж на пялногово. Тут ешшо ево товаришши кормятсе.

— Где ты, — говорят, — был, Ванюха?

— А я уж, — говорит, — в Кирилове был.

— Цево там делал?

— А я квитанцию за себя забрал.

— Полно, говорят, врать-то! С ума ты городишь, — говорят.

— Да вот у миня бумеги.

Показал бумагу.

— Верно! Видно, тебя напоило! Вот он домой отправилсе, и те поехали в Кирилове Он и выслужилсе.

29. Лесной и швец

Мужичок ходил шить. Шитья не может найти. Идет и говорит:

— Мне бы хоть лесной дал пошить!

Вдруг идет мужичок ему навстрецю.

— Куда ты, мужичок, ходишь?

— А вот шитья ишшу.

— А пойдем ко мне, есть одеяло, нужно пошить.

— А я и рад!

Вот и пошли они дорожкой. Своротили они в сторону по тропке — вышли в долину. На долине дом стоит — болыпинской дом. Завел он ево в дом. Выходит старуха, он и ушел, этот хозяин. Старуха и спрашивает ево:

— Для цево ты пришел, молодец?

— Пришел я шить, меня хозяин шить созвал.

— Цево шить?

— А одеяло, — говорит.

— Ты смотри, шей полутше, штобы понравилсе, сколько швецей не бывало, всо не нравитсе.

Сколько он принесет овцин, ты все и клади, обрезков только не делай и не обрезывай лапочек.

Он и принес ему овцин ношу цельнюю, подал овцин, а сам ушел опеть. Вот он и стал шить одеяло и росклал все овцины по полу так и стараетсы, как можно половцяе. Ницево, никаких он обрезацков не сделал и сшил одеяло. Хозяин и приходит. Посмотрел, взял и понравилась.

— Вот што, братец. Сшей тулуп мальцику с рукавицами и с шапкой!

— Ты бы как изразок, какой надо шить.

— А вот у моево брата есть, я вот пойду завтра схожу. А ты отдохни.

А тот и сходил и принес тулуп, ему показал. Он вымерял все, кажно место. Сшил тулуп этакой. Ему понравилось, очень хорошо.

— Сшей ты мне, братец, и другой.

Он у нево кое-каких штук много нашил, долго жил у нево. Он думаэт, што месяця три жил, как из дому вышел. Старуха и говорит ему:

— Смотри, он станет тебя росцитивать, спросить много ли за роботу надо, а ты не проси ницево, только скажи: сам ты знаэшь сколько, не изобидь.

Вот он и приходит.

— Ну, швец, много ли надо за роботу?

Он и говорит:

— Сам ты знаэшь, постарше меня — клади, безобидно штобы было.

— Так не надо ли тебе, добрый молодец, девиця?

Вывел девицю, так за первой сорт — просто бы глядел все время. Одежа на ей хорошая.

— Дам я, — говорит, — ей в приданое тройку лошадей и с коретой. И одежу тебе под венец дам хорошую. Ешшо, — говорит, — 50 рублей деньгами дам.

— Так благодарю, — говорит. — Довольно!

— Вот я, — говорит, — привяжу колоколец к дуге, тебя отправлю совсем, — говорит. — Збрую дам на кони под серебром. И отправлю я тебя на дорогу, выправлю. Съидешь ты к венценью, тебя признают, што кони у тебя у старосты нашево церковнаво, станут у тебя коней отымать, а ты и скажи, спомни:

— У ково я шил — кабы тот на это время! — Я, — говорит, — и приду.

Вот он домой и поехал, приехал к своему дому с колокольциком в троцке.

— Отпирай-ко, батько, ворота! Я, — говорит, — приехал!

Батька обычалсе — три года не было домой, ево

не клали и живым.

— Как не жив? Я, — говорит, — себе невесту привез. Ступай-ко, батько, ко свешеннику, нам надо завтра оввенцять.

Свешенник и говорит:

— Приежжайте — оввенцею.

Батька пришол домой, снарядилсе свадьбой и поехали. Приехали к венценью, стали их венцеть. А народ обступили лошадей, говорят:

— Кони же нашево старосты.

Староста пришол.

— Кони тошно мои.

Не дают им садитсе на коней.

— Где ты, — говорят, — коней взял? Ты их украл!

— Ох, кабы где я шил — тот на время был!

А тот:

— Я тут и стою. Што у тебя, Ванюха?

— Коней отымают.

— Ты как, господин, признал коней-то?

— Признал, — говорит.

— А доцьки-то не признал?

— Нет, — говорит, — не признал.

— Ах ты, дурак! Она у тебя из люльки потерялась, двадцать лет хранил при себе. Это теперь зеть тебе, принимай ево за зетя, а это — доць твоя!

Зови ты их, в гости веди! Давай ты ему приданово, сколько ему надо, столько и давай.

А был этот староста купцом. Вот он взятши, захватил зетя за руку и доцку такжо и повел их в дом к себе. Вот он и нацял их потцивать. Наделил ему столько товару и денег — спасибо, што доцьку вывел!

Из сборника А. М. Смирнова
30. Муж и жена

Жили в одной деревне муж и жена, оба молодые. Баба перед жнивом родила перваго робеночка. Когда наступило жниво, стали они ходить жать на ниву, а нива была версты за три от деревни. Повесят робеночка над кустом, а сами жнут. Вот раз как-то на «пабеде» мужик с бабой расхлопотались. Мужик молчит и баба тоже. «Не пойду домой, — думает баба, — пока ен жнет». Мужик жнет до вечера и баба с ним. Только стало стемнятце; мужик не стерпел и говорит:

— Ступай домой, пора обряжатце.

Она серп на плечо, да и покатила, а робеночка в зыбки и забыла. Мужик видел это, да подумал, што она нарошно оставила робенка.

— Ну, — говорит, — пущай, и я не возьму, сбегат

из дому.

Ен пожал, пожал, да как надо домой иттить, и ен пошел, не взял тоже робеночка.

Пришел домой. Баба убралась и ужинать собрала. Вот как стали они ужинать, баба сглянула на пустой очеп и скрикнула:

— Э, Господи! Да где же это робеночек?

— А где забыла, там и есть, — отвечает муж.

— Да я забыла, а ты што же?

— Нет, ты не забыла, а назло оставила, хотела, штоб я принес. Да не бывать тебе большухой надо мной!

Баба взвыла и просит мужа итти вместе за им (вишь, боитце — нива-то была за три версты от деревни).

— Нет, — говорит мужик. — Пущай до утра. Поутру придешь, и робеночек там, не надо и носить. Баба пошла одна — нешто мать оставит! Приходит она к нивы, а ставше нянька к этой зыбке с лес наровень, качает и приговаривает:

— Бай-бай, дитятко! Бай-бай, милое! Матушко забыло, а батюшко оставил! Бай-бай, дитятко! Бай-бай, милое! Матушко забыло, а батюшко оставил!

Ну, как ей подойтить? Подошла эдак сторонкой и говорит:

— Куманек, кормилец! Отдай ты мне робеночка!

А ен отбежал, захлопал в ладоши и закричал:

— Ха-ха, ха-ха, ха-ха, ха! Шел да шел, да кумушку нашел.

Гулко таково бежит по лесу, да все кричит:

— Ха-ха, ха-ха, ха-ха, ха! Шел да шел, да кумушку нашел!

Вишь, любо ему стало, што куманьком назвала.

Баба схватила робенка да опрометью из лесу.

31. В ученьи у лесоваго

У одного мужичка был сын, вот и не знает, кому его в ученье отдать; подумал, да отдал его дедушку лесовому в науку. У лесоваго было три дочки; вот он и говорит:

— Перва дочушка, истопи избушку калено-накалено.

Она истопила, дед и бросил мальчика в печь — там он всяко вертелся. Дед вынул его из печки и спрашивает:

— Чего знаешь ли?

— Нет, ничего не знаю, — ответил мальчик.

— Другая дочушка, истопи избушку калено-

накалено.

Она истопила, дед опять бросил мальчика в печь, тот всяко там перевертелся и веретенцем-то, опять вынул его и спрашивает:

— Ну, теперь научился ли чему?

— Ничего не знаю.

— Третья дочушка, истопи избушку каленонакалено.

Она истопила, дед опять бросил мальчика в печь, тот всяко там перевертелся и веретенцем-то, опять вынул его и спрашивает:

— Ну, теперь научился ли чему?

— Больше твоего знаю, дедушка, — ответил мальчик. Ученье окончено, дед и заказал батьку, чтобы он приходил за сыном. Отец пришол, а дед ему и сказал:

— Приходи завтра.

А мальчик и говорит:

— Дедушко, я пойду, провожу тятьку.

А по дороге и наказывает:

— Вот что, тятька, когда ты завтра придешь, то дед наведет двенадцать соплеватых парней, и все они будут вынимать платочки из левых карманов, а я выну из праваго кармана.

Назавтра по приходе отца дед вывел двенадцать соплеватых парней, и батько узнал сына по

примете, сказанной заранее. Ну, делать нечего, пришлось лесовому отпустить парня из науки. По-шол батько с сыном домой, а на толчее сидит ворона и грает во все горло. Отец и говорит:

— Ты много теперь знаешь, так скажи мне, о чем ворона каркает?

— Ах, тятя, тятя, я бы тебе сказал, да ты осердишься.

— Ах ты, кормилец, я три года яичка не съедал — все берег тебя выкупить.

— Ну так слушай, тятя: ворона на своем языке каркает о том, что мне когда-то придется ноги водою мыть, а тебе достанется эту воду пить.

Отец на него прогневался, а сын ему и говорит:

— Если ты на меня осердился, тятя, так веди меня продавать жеребчиком, выручай деньги, только с обратью не продавай.

Отец свел жеребчика на ярмарку продавать — где ни взялся этот дед учитель и покупает жеребчика. «Что возьмешь за жеребчика?»

А отец и говорит:

— Сто рублей, только обратку назад.

Дед отдал деньги и взял коня. Отец пошол и заплакал и про себя говорит:

— Сына отдал, а деньги взял.

Обернулся назад, а сын бежит к нему:

— Что, тятька, полно ли денег?

— Не хуже бы еще, кормилец, еще.

— Ну так я опять обернусь жеребчиком, веди продавай.

Как свел отец жеребчика на ярмарку, где ни взялся, дед опять покупает:

— Дорог ли твой жеребчик?

— Давай сто рублей.

Ну, продал, обратки не вырядил — дед не отдает ему. Спорили, спорили, отец и говорит:

— Делать нечего, моя вина.

Пошол домой и заплакал:

— Экой я глупой и неразумный, до старости дожил, а ума не нажил: деньги-то проживешь, а сына-то не наживешь.

Повернулся назад — не бежит ли назад сынок, — нет, не видать. Лесовой же дед гонял да гонял жеребчика — всего спарил, — одной шерстинки не осталось сухой, подогнал к своему дому, привязал к крыльцу, а сам сел обедать; раз хлебнет, да и глядит в окошко. Идет царева дочь на родник за водой, а жеребчик и говорит:

— Вылей на меня ведерко воды, царевна, очень я сопрел.

Она вылила на него, а конь обратился рыбкой ершом, да и бух в родник, а дед оборотился щукой,

да и за ним. Щука хотела схватить ерша, да ерш показался ей костоватым, да вдруг и оборотился кольцом и скакнул в ведро царевой дочки. Она надела кольцо на руку и днем носит кольцо, а ночью спит с молодцом. Дед про это узнал и пошол к цареву дому играть. Царю игра больно полюбилась, зазвал его в свой дворец и говорит:

— Выиграй и разведи, что есть в моем доме и в моем царстве новаго.

А дед играет и разводит:

— Твоя дочь днем играет кольцом, а ночью спит с молодцом.

Этот молодец, который сидит на руке кольцом и шепчет царевой дочери:

— Отец будет у тебя просить кольцо, так ты не отдавай меня, а если будет приступать непомерно, то ты возьми изругайся и брось кольцо на пол, оно и рассыплется на пять частей, одна частичка подкатится тебе под ногу, а ты возьми и приступи.

Ну так и сделалось, а дед обернулся петухом и склевал остальныя частички и остался ни с чем, а молодец обвенчался с царской дочерью. Спустя много времени отец приходит и попрошать; сын подал ему милостыню и спрашивает:

— Ты, дедушко, откуда?

— Дальний, кормилец.

— Так ночуй у нас.

Старик остался ночевать и лег на печку, да ночью гораздо и сопрел и вышел остудиться, а в сенях стоит вода, он взял этой водицы и попил. Встали поутру, а сын его и спрашивает:

— Ты, дедушко, ходил ночью до ветру и попил воды в сенях?

Старик отвечал:

— Верно, кормилец.

— Ну так, дедушко, ты мне отец, а я тебе сын, я в этой воде ноги мыл, а ты пил. Помнишь, когда шол я из ученья от дедки лесоваго, а ворона каркала, я тебе это предсказал, а ты прогневался: ну, одним словом, ты мне отец, а я тебе сын, оставайся у меня жить, я тебя допою и докормлю и кость твою похороню.

Так вот сколь умен и мудрен лесовой дедушко: захочешь — всему научит, а прозеваешь — кожу слупит.

32—41. Водяной
Из сборника Д. Н. Садовникова
32. /1—5/ Про водяных

/1. В одном лесу глухое озеро было. В озере Водяной жил, а в лесу Леший, и жили они дружно с уговором друг друга не трогать. Леший выходил к озеру с Водяным разговоры разговаривать. Вдруг лиха беда попутала: раз вышел из лесу медведь и давай из озера воду пить; сом увидал да в рыло ему и вцепился. Медведь вытащил сома на берег, загрыз его и сам помер. С той поры Леший раздружился с Водяным и перевел лес выше в гору, а озеро в степи осталось.

(Записано в Симбирске)

/2. Одному мельнику сильно везло: он Водяному душу на срок продал, и все ему с той поры удавалось. Воду ли где остановить, поломать ли у кого на мельнице, все, бывало, к нему. Он по этой части знахарь был. Изошел срок, приходит к нему Водяной за душой.

— Давай душу!

И мешок кожаный принес.

— Полезай!

— Да я не умею. Покажи мне!

Водяной сдуру и влез в мешок. Мельник, не будь глуп, гайтаном шейным его сверху и завязал, да перекрестил. Так Водяной и остался в мешке.

(Записано от Г. Н. Потанина в Симбирске)

/3. Один парень купался, да и нырнул. Как нырнул, так и угодил прямо в дверь и очутился в палатах Водяного. Тот его у себя задержал, говорит:

— Живи здесь!

Ну парню уйти некуда — он и стал у него жить. Водяной его пряниками, сластями кормил. И заскучал парень; стал проситься домой на побывку. Водяной говорит:

— Хорошо, только поцелуй у меня коленку!

(Значит, если бы он ее поцеловал, то вернулся бы беспременно назад.) Парень, не будь глуп, взял, начертил ногтем на руке крест, да заместо коленки к нему и приложился. Как только поцеловал, схватил его кто-то за ноги и выбросил из воды прямо к его избе. Вернулся он домой: жена рада, все в удивлении. Пропадал он три года, а ему за три дня показалось. Он все рассказал; позвали попа. Стал поп над ним псалтырь читать, отчитывать его. Только стал отчитывать, приподнялся у избы угол и полетела у парня вся

нечистая изо рта: стал он как ни в чем не бывало. А поцелуй он коленку у Водяного, быть бы ему опять под водой.

(Записано в Симбирске)

/4. Один мельник с Водяным знался и отлучался по ночам. Вот работник и подсмотри, да и спроси:

— Куда ходишь?

— Да в воду спать.

— Возьми меня!

— Изволь, только пальцем ни на что не указывай.

— Ладно.

Пошли в воду; работник подушку захватил. Идут словно не водой, а в погреб какой. Работник смотрит, а кругом рыбы многое множество. Вот и видит он кривую щуку. Он возьми и в остальный-то глаз ей пальцем и ткни.

— Что, — говорит, — тебе одноглазой жить?

Как ткнул, так и залила вода со всех сторон: насилу выплыл.

(Записано в Симбирске)

/5. На реке Свияге, под кручей, у села Сельги есть Чертов омут. Большущие сазаны в нем клевали, фунтов в двадцать с лишком. Что у рыбак лес перервали, удилищ переломали — пересчитать

нельзя. Этот Чертов омут любил один мельник с ближней мельницы. Рассказывали про него, что он с водяными знается и с лешими. После обеда он всегда отдыхал на дне Чертова омута. Возьмет рогожку да свой чапан, зайдет на середину омута и в нем потонет. Засыпки и набойщики сами видели с лодки, как их мельник спит на дне, так как бы все равно дома. Выспится — наружу вылезет. Не любил он рыбак, которые в этом омуте рыбу ловили, и часто над ними подшучивал. Он знался с водяными, и они ему помогали такие шутки итмачивать, что не приведи Бог их видеть. С одним башмачником вот какая притча приключилась: перед Спасом отработался он, снес товар в лавку, пришел домой и сел обедать. Пришли знакомые:

— Пойдем, — говорят, — с ночевой сазанчиков поудить под Сельгу, в Чертов омут, или в другое место — на Липову Яму; а то махнем в Лаишевку, водочки купим, время проведем.

Тот согласился. Порешили идти в Чертов омут. Пришли, закинули лески — нет клеву, да и плоно. Дождались ночи: вдруг слышат: удилища в воду хлоп, хлоп! Подбежали: сазаны! Товарищам-то покрупнее достались, а башмачнику помельче. Вот он сидит над лесками, сидит и поджидает лову, а ночь ясная такая! Взглянул на пойму, видит:

человек не человек, черт не черт, а сам водяной бегает по острову, что за рекой, за белой лошадью с арканом. Горбоносый старый старик, волосы до пят, всклочены, бородища по пояс, глаза так и искрятся, словно звезды: то затухнут, то опять загорятся. Сам такой грязный, зеленый, волосы, как бадяга! Башмачник со страху обмер, лески из рук выпустил, вздохнуть боится. Лошадь у Водяного хорошая, так и кружит по острову, лягается, задом взметывает, а Водяной так и жарит за ней. Бегала, бегала лошадь-то, да вдруг махить в середину омута, в самую глубь, и Водяной — за ней. Только треск пошел. Башмачник как крикнет недаровым матом и тут же памяти лишился. После опомнился — товарищи-то и рассказывают, что он в воду упал, из омута его они вытащили, а после как он на берегу-то лежал, им разные страхи мерещились (все мельник пугал: недаром он с Водяным дружил). Сидели, сидели, вдруг слышат: кто-то веслами плещет; глянули на воду: плывет обрубок не обрубок, а словно гроб, легонько на воде покачивается. Плывет все ближе… Глядят: в самом деле гроб, и крышка стоит заместо паруса. Встает из гроба в саване мертвец, да прямо на них и правит. Они уж ползком, на карачках до стоянки-то доползли, взглянули на реку: крышка

над мертвецом захлопнулась, а гроб в воду пошел. С той поры как Водяной пошутил, полно в Чертов омут ходить за сазанами.

(Сообщено М. И. Извозчиковым)

Из сборника Н. Е. Ончукова
33. Пропавший молодой

В одном прекрасном мисти, у отца у матери был единственный сын, был вырощон 25 лет. Надумали его женить, прибрали невесту с своей деревни. Вот хорошо. И женили его, и прошли столы, пиры, как следует; увалились они на чесной спокой в отдельной чулан. И приходит к дверям крестовой брат и постучал у дверей. Молодой человек услыхал: «Што за народ?» Отвечал крестовой братец: «Нельзя ли вытти». Заговорит он и раздумали со своей молодой: «Выдти мне-ка али нет?» Посоветовала ему молодая жена идти: «Это недолго время, — слово дать, а друго взять, этого времени немного». Слиз он с кровати, отворил немножко двери и сдернуло его в сени. Поутру приходят будить молодых, молода спит одна. «Где же у тебя молодой?» — «Увел крестовой брат». Сходили к крестовому брату, там вовсе его нет; обратили внимание взад; потерялся молодой.

Но долго продлилось время: три года молодого ищут, — нет; молода живет при доме у родителей, у чужих. В одно прикрасное время, в холодну осенную ночь приходит к им странный человек; сидят они беседуют и запевают они писню с этим, с богоданныим со свекром. Доспрашивал у их проходящий человек: «Што хозяин, дочь ли тебе, али невестка?» Отвечал странному человеку хозяин: «Женщина мне чужа, по закону мне невестка. Был у меня поженен сын — потерялся на первом подлеге и нигде найти не можем; ноне его поминаем».

Странный человек отвечал, што «живых поминать не нужно, а нужно их поискать». Взял хозяин смекалу. Поутру угостили странного человека хорошо, попросили его со слезами, наказ сделал странный человек, што «ты хозяин обрати внимание, што за 10 верст отсюдова есть у вас рыболовное озеро, у озера хорошая фатерка, в фатерке печка пекарня; захвати хлеба, иди туда, протопи немножко печку и зайди в эфту печку, прикройся заслонкой и свидишь своего сына, и справишь дело». Хозяин шел к рыболовному озеру, протопил эфту фатерку и зашел в эфтую печку, прикрылся он заслонкой. Приходит в фатерку сын, на голови несет большой шкуль с

разныма кушаньяма, денщиком живет у хозяина; полагает шкуль на стол, разбирает белую браную скатерть и раскладывает разныя кушанья, графины с разныма водками, вилки, тарелки, ножики; приходят резвый хозяева, два парня молодых, у одного гусли в руках, а у другого гармони; три раза сплясали, три раза протанцявали, сели за стол, у графинов хорошо попили, обратно оны отвалили, остался сын убирать приборы. Отец вышел из печки, поздоровался с сыном: «Здорово, дитятко, пойдем домой». Сын ему отвечат, што «я не по своей охоти, а живу у водяного по неволи;

мни домой итти нельзя, если ты идешь со мной, пойдем».

Отец с ним идти пожелал. Вышли оны на улицю, приходят оны к озеру, живой воды большой пролубь, сын показал, што мне идти в пролубь надоть, а отец туды идти не посмел, а сын ушел в воду, а отец обратился домой. Спрашиват дома старуха, отвичал отец, «што видел, проводил его до воды». На другой день обращается старуха к эфтому рыболовному озеру, к эфтой фатерки, потопила пекарню и пецку и заходит в эфтую пецку, и прикрылась она заслонкой; отворилися двири, является свой сын с большима приборами, полагат прибор на стол, развертывает белую скатерть,

вынимает разныя кушанья, графины с разныма водкамы, вилки, тарелки и ножики; являются водяные хозяева, три раза они проплясали, три раза они взыграли в разныя музыки, за стол сели и поили скорым шагом, обратили внимание взад, а сын стал кухню убирать. Старуха с печи долой: «Дитятко, пойдем домой». — «Мне идти домой нельзя, я не по своей охоты, по неволи; если ты идешь со мной, то я тебя возьму». Вышел сын на улицю, проводила старуха к озеру, к широкой большой пролубы живой воды, у речищу. «Маменька, мне пойти туды». — «А я, дитятко, не пойду». Обращается старуха домой, а сын в воду. Приходит старуха домой, спрашиват про сына молодая жена: «Видала ли моего мужа?» По третий день обратила внимание жена, обращается к рыболовному озеру, к эфтой лесовой фатерке, протопила пекарню и пецку, заходит в пецку, прикрылась она заслонкой; является муж молодой со всим ядомным прибором, полагает прибор на стол, развязывает белую бело-браную скатерть, вынимает графины с водками, вилки и ножики, отворяет двири; три раза проплясали, три раза станцевали, попили и обратили внимание взад. Выходит жена из пецки, роет руки на шею хозяину: «Што ж ты меня покинул».

Отвечат тут хозяин, што: «Я не по своей охоти, а живу здесь по неволи, а хорошо мне домой идти нельзя; если ты идешь со мной». — «Пойдем, я от тебя не останусь». Приходят они к берегу, к широкой пролубы, живому уречищу воды, хозяин обращает внимание в воду, а молодая жена вслед за ем. Вдруг всрылась вода — стоит белокаменна палата; заходят они в палату, на кухни живут кухарки, готовят разныя кушанья. Отвечал молодой жены, што «ты поживи здесь», а сам пошол к сатане. Скучал по ем сатана. «Зачем в Руси долго ходишь?» Увидали тут сынова эфту саму молоду жену, доносят разговор сатане, што он в Руси побыл, привел русскую женщину, которая для нас не годится. Отвечат тут сатана своим любезныим сыновам, што «выкиньтя молодых на воздух, не сщядитя эфтим лакием». Приступали два сына, выкинули молодых на лед, одного на ту стороны пролубы, а другого на другую. Прославили они Бога, пошли оны домой. Неробкой руки была жена, достала хозяина с воды. Мало люди таких находят жен, было указанное дело и имели они силу и достаток.

34. Бочка с золотом

В селе Мегры Лодейнопольского уезда рассказывают такое преданье:

— Жил богатый мужик. Однажды осенью, ночью, кто-то постучался у него под окном. Богач подошел к окну и окликнул. Никто не ответил. Богач лег спать, но опять застучало. Богач опять окликнул: опять никого нет. Тогда богач подумал, что его хотят ограбить, снял со стены ружье и зарядил пулей. Когда опять под окном застучало, богач открыл окно и выстрелил, а под окном как захохочет кто-то! Богач обмер и стал было запирать окно, а чья-то лохматая рука держит ставень. Богач было схватил нож, чтобы руку отрезать, да и увидел под окном рожу: глаза оловянные, лицо черное, изрытое оспою и с рыжими волосами. «Ступай за мной», — сказал черт. Богач, делать нечего, вышел; черт схватил его за левую руку, и они пошли; пришли к реке, черт и говорит: «Ты накопил бочку с золотом, отдай-ко мне ее. Я ведь помогал наживать тебе золото. А не отдашь, в воду брошу». Богач туда, сюда, делать нечего, согласился, и черт нырнул в воду. На другую ночь черт постучался под окном, богач вынес бочку с

золотом, черт взвалил бочку на плечо и понес. Принесли бочку на берег реки, черт спустился в реку, вытащил оттуда железные цепи, обмотал бочку и спустил и ее в воду.

Потом опять вынырнул, подал мужику горсть золота и сказал: «Это тебе за верность мне; да, смотри, не болтай»…

А богач пришел домой и запил с горя. Долго он никому ничего не говорил, но однажды взял да проболтался по пьяному делу одному приятелю. Вот однажды пошел он с этим приятелем, а навстречу ему мужик, будто знакомый, и зовет в гости. Мужички согласились и пошли. Шли долго, вдруг приятель зевнул и перекрестился и видит, что он бредет по колена в воде, а бывший богач еще глубже и наконец скрылся под водой. На другой день бывшего богача нашли на берегу реки мертвого, обмотанного цепями, с пустой бочкою на шее. Богача тут же на берегу и похоронили. И вот рассказывают, что в полночь на могиле богача бывает спор о золоте. Богач упрекает черта в том, что после угощения черт обманул его и отпустил домой с пустой бочкой, а золото переложил в другую. Многие пытались достать бочку с золотом из воды, но безуспешно. Один рыбак было вытащил бочку, но черт увидел

и утащил рыбака вместе и с лодкой. Часто черта видают на этом месте реки: сидит на камне и расчесывает медным гребнем волосы, а гребень с сажень величиною.

35. Рыбий клеск

Один крестьянин в Пудожском уезде отправился к светлой заутрене на погост с вечера в субботу. Идти ему надо было мимо озера. Идет он берегом и видит: на другом берегу человек таскает что-то кошелем из воды в лодку. Ударили в колокол на погосте, и человек вдруг пропал.

Крестьянин обошел озеро, подошел к лодке и видит, что она полна рыбьим клеском. «Не клад ли?» — подумал мужик; набрал клеску полные карманы, захватил мешок и опять пошел на озеро к тому месту, но лодки уже не было.

Тогда мужик пошел к заутрене. Воротился домой из церкви, захотел посмотреть свою находку, а вместо рыбьего клеску — серебро. Мужик разбогател. А тот, что сидел в лодке, каждогодно в Великую субботу кричит и жалуется на свою пропажу и грозит мужику. Мужик с той поры никогда больше не подходил близко к озеру.

36. Чертовы коровы

Около Мегры есть небольшое круглое озеро, а посередине островок; на этот островок летом из воды выходят четыре коровы. Крестьяне делали попытки завладеть ими, но только что хотят подойти, как послышится свист, а коровы бросятся в воду. Однажды какой-то крестьянин проходил мимо озера, устал, лег на траву и заснул. Проснулся и видит: пасутся на траве четыре большие бурые коровы. Мужик перекрестился и пошел к ним. И вот озеро заволновалось, хотя ветру и не было; послышался свист и коровы бросились в воду; но мужик все-таки успел двух коров перехватить и пригнал их домой. Коровы эти долго жили у мужика. (Приплод от них будто бы и сейчас живет в Мегре.) Две коровы давали мужику по два ведра в день молока, и мужик разбогател. Потом мужик вздумал этих коров зарезать и когда зарезал, мясо и шкуры коров кто-то украл. Мужик подал прошение в суд, обвиняя в краже нескольких вороватых мужиков в деревне. Но однажды осенью, ночью кто-то постучался к мужику. Мужик вышел за ворота и увидал маленького человека в соломенной шля-

пе и коротком камзоле старинного покроя. Это оказывается был черт. Он сказал, что напрасно мужик тягается из-за коровьих кож с соседями: кожи взял он, черт. Мужик помирился с соседями и прекратил тяжбу.

37. Про чертей

а) Мужик шел в Неноксу на мосту, на истоке в Куртяву идти, увидал на мосту сидит чертовка и прикокиват:

«Было у меня цветно платье, все отняли, а нынче пойду в воду, по немецку моду, про пестро платье, да про коротки волосы, и больше некогда не выйду и не покажу голосу». б) Мужик рыбу ловил на Амборских озерах (там где скиты), увидал черта на заязке. Черт сидит, качается и говорит: «Год году хуже, год году хуже, год году хуже». Мужик его веслом и хлопнул. «А этот год тебе хуже всех». — Да и убил.

38. Водяной

Ходил за рябчиками, ночью часов в двенадцеть, хотел через реку брести, попадал к лесной избуш-

ке; спустилса в реку, и мне показалса водяной хозяин, и в этой речки мне показалса водяной хозяин, как есь месец пек, пловет прямо на меня, я и в гору выскочил, острашилса. На гору выбрал и ночевал на горы в зароде, в ту ночь не смел брести.

Из сборника Б. и Ю. Соколовых
39. Как девки на беседе сидели

Была деревня большая; в этой деревне много девок было. А их на беседу никто не пушшает, они взяли выстроили избу у озера. Ходят ведер, другой, третьей — никто из парней к ним на беседу не идет. Вот они промеж собой толкуют:

— Хошь бы кто из озера пришел на беседу!

Вот с вецера прикатила ребят к им партия человек в двадцать; все сдобные такие, с тальянками, при цясах, в калошах: ну и давай поигрывать с девками. А у онной девки была принесена девоцька маленькая, лет пяти-шести. Та сидела на пецьке и все смотрела. Ну и стала звать эту девку:

— Нянька, иди сюда-то!

Вот ена подошла. Она и указывает:

— Гляди-ко, нянюшка, глазы-то у ниф вдоль

лица и зубы, как жалезные.

— Как бы нам идти?

— А вот как: я буду проситься до ветру, а ты введешь меня, в то время и уйдем.

Ну, маленько посидели, эта девцоноцька и запросилась до ветру, а они не отпушшают этой девки идти с ней.

— Што вы, — говорит, — отпустите! Пришшимите мне хоть сарафан в дверях, никуда я не уйду.

Вот оне взяли выпустили, пришшимимши подол в дверях, а она сицясь лямки скинула с плец, робенка на плеци и давай бежать. Прибегает к байне, видит — один гонитсы за ней — догоняет, а она сейцяс в байну и говорит:

— Господин хозяин, оборони от напрасной смерти.

Сама скокнула на полок. Вот в то время хозяин байны выскоцил из-под полка дратьсы с парнем. Дрались, дрались, потом спел певун. Эти оба пропали, а ена в это время встала и домой ушла. Утром схватились другиф девок мужики, никово домой нету. Направились туды; пришли на беседу, а там только косье и волосья — больше ницево нету.

Из сборника А. М. Смирнова
40. Морской царь и купеческая дочь

Жил один купец, у него было три дочери. Стал он собираться за дальния моря за товарами и спрашивает дочерей, что им там купить. Старшая дочь просит купить ей там подвенечное платье, средняя дочь заказывает купить ей зеркальный туалет, а младшая дочь просит привезти ей аленький цветок. Купец отправился в путь, справил свои дела и купил дочерям на платье и туалет, а для младшей дочки все лавки обошол, а аленькаго цветочка не нашел. Собрался домой и задумался, как это я самой любимой дочке подарка не нашел. Ехал он морем, поднялась сильная буря, он испугался, чтобы не потонуть, но буря прибила корабль к берегу неболыпаго острова. Он вышел со своего корабля на берег и пошол в лес, немного места прошел и потерял дорожку, и запутался, и пошол, не зная куда. Вдруг видит, стоит большой хрустальный дворец, подошол к нему и очутился в красивом саду. Потом вошел во дворец и обошел его весь и ни одного человека не встретил. В комнатах было много невиданных

растений и кораллов. Время было не рано, и он остался тут ночевать. Стол был приготовлен, а народу нет, он один сел и закусил. Утром проснулся и пошел в сад и увидал тут: растет аленький цветочек, поглядел по сторонам — никого нет — и только что хотел его сорвать, где ни взялся большой страшный старик с зелеными листьями в волосах и говорит ему:

— Я — морской царь, а это мой летний дворец и сад, зачем ты берешь мой самый любимый цветок?

Купец ему объяснил, что он хотел взять цветок для своей любимой дочери. Старик и говорит:

— Отдай мне эту любимую дочку, тогда и бери цветок.

Купец согласился отдать ему дочку, взял цветок и пошол. Увидал хорошую дорогу, и корабль никуды не девался. Отвалили от берега и поплыли домой. Приехавши домой, отдает дочерям подарки: подвенечное платье, зеркальный туалет, а младшей дочери — аленький цветочик и говорит:

— Сразу я не мог достать этой покупки и больших трудов мне стоило достать этот цвет, и сам заплакал.

Дочь поблагодарила его и пошла в свою ком-

нату. После этого дочери стали замечать, что у отца какое-то горе, и он его скрывает. Через неделю приходит письмо, что посуленной отдай. Он еще больше запечалился. Любимая дочь нашла это письмо и прочитала. Узнав отцовское горе и сказала:

— Полно тебе, папа, печалится, а лучше дай мне благословение, и я пойду к старику и одна погибну, чем вам всем страдать.

Отец согласился. Стали ее провожать отец и сестры, а матери у нее не было, и только вышли из дому на улицу, вдруг подхватил ветер и унес любимую дочь. Она очутилась в том дворце, где отец обещал ее морскому царю. В комнате стол накрыт, а народу нет, только прислуживает одна девушка с длинными зелеными волосами, а купеческая дочь не может понять от нее ни одного слова. Живет сутки и другие и никого не может увидеть, кроме этой девушки. Однажды слышит где-то музыку и говорит:

— Что же это я слышу за стеной музыку, а кто играет, не вижу, хоть бы какое страшилище, я бы и то не испугалась, чем жить в таком неизвестном положении.

Вдруг и слышит за стеной голос:

— Рад бы я выдти показаться, да больно стра-

шен.

Купеческая дочь как только этот голос услышала, так со страху и лежала целый день. Пришла в чувство и просит, чтобы он показался ей, чтобы скорее привыкнуть. Захотелось ей в сад погулять, она и вышла, поднимается сильный ветер, и является страшный старик. Она на него робко взглянула и не больно испугалась, он ее, как добычу повел во дворец и принудил ее жить с ним, как жену.

Потом она стала звать его на свою родину, а пока купеческая дочь осталась в неволе, но все морской царицей.

41. Никитка и водяной дед – золотое волосье

У одного мужика было три сына. Выстроил он новый дом и посылает туда старшего сына ночевать и говорит: — Какой тебе сон приснится, то скажи мне.

Пошел сын ночевать и утром рассказывает сон, что у них полный двор скотины стоит. Шлет среднего сына ночевать. Тот утром рассказывает, ему снилось, что полные амбары хлеба. Посылает младшего сына Никитку ночевать. Лежал, лежал

он, и приснилось ему, что он ноги вымыл в воде, а отец эту воду выпил. Утром он пришел домой и говорит отцу, что ему ничего не приснилось — он побоялся объяснить такой сон. Отец рассердился и говорит:

— Здобляйся, коли так, в лес.

Пришли в лес, он снял с него одежу и велел сесть в дупло дуба, а сам ушел и оставил его нагого и босого. Случилось тут быть короля сыну за охотой. Слышит, собаки лают не на зверя, он подошел к дубу и говорит:

— Кто тут, вылезай.

— Я не могу выйти, так как я наг и бос.

— Пойдем ко мне жить, я тебя одену.

И поставил его в конюха. Через несколько время королевич уехал в иные земли сватать себе невесту. Оттуда шлет приказ, чтобы ему выслали шесть человек слуг, в том числе и Никитку. Пошел с товарищами Никитка и дошел до высокой горы, а на ней слышен шум престрашонный. Подходят, а там два бесенка дерутся.

— О чем вы хлопочите? — спрашивает Никитка.

А бесы отвечают:

— О сапогах-скороходах, кому они достанутся.

— Вот я сейчас выстрелю, кто принесет пулю

вперед, тому и достанутся сапоги-скороходы.

Бесенки убежали, а Никитка свои сапоги сбросил, а скороходы надел. Пошли дальше, опять слышат шум престрашонный, а это дерутся и спорят два чертенка.

— О чем вы спорите?

— О шапке-невидимке — кому достанется.

Никитка опять предложил выстрелить и принести пулю. Пока чертенки бегали, Никитка надел на себя шапку-невидимку, а свою тут бросил. Наконец добрались до королевича, а он уже сосватал царевну, только царевна предложила царевичу достать три золотые волоска у водяного как ему, так и ей, а то свадьбе не бывать. Королевич запечалился и объяснил Никитке свое затруднительное положение. Никитка, имея у себя чудесные шапку и сапоги, обещал помочь горю и стал следить за дворцом. Вот царевна со своей служанкой, девкой-чернавкой, сподобились и пошли на озеро, а Никитка за ними, сел за кустик и слушает. Девка-чернавка и закричала:

— Дедушка, дедушка, выйди-ко, я у тебя вошек поищу.

И вылез из озера водяной дед — золотое волосье, шелкова борода. Стала искать вошек в голове и выдернула три золотые волоса. А Никитка

подбежал и выхватил целую горсть; стала она искать в бороде и тоже вытащила три волоска, а Никитка опять выщипнул целую горсть. Водяному деду это не полюбилось, он вырвался от них и бултых в воду. Царевна с девкой-чернавкой пошли домой, а Никитка побежал к королевичу и отдал ему горсть золотых волос. Наутро королевич пошел к невесте, она ему показывает три золотые волоска, а он ей — целую горсть. Она удивилась, что столько достать невозможно, что у тебя кто-нибудь хитрует, и я доберусь, и ушла. Ночью подошла с чернавкой к слугам королевича и прямо заподозрила Никитку, и у сонного отрезала правую полу, а Никитка притворился спящим, а когда они ушли, он у всех товарищей отрезал правые полы. Наутро царевна призывает слуг жениха и спрашивает:

— У кого из вас отрезана правая пола — выходи.

Они все закричали:

— У меня отрезана! У меня отрезана!

Она рассердилась и сказала:

— Уж дознаюсь, кто у вас хитрует.

Ночью опять пришла и отстригнула у Никитки волосьев и сказала:

— Ну, теперь узнаю, кто у них большак.

Никитка не спал и все слышал, и у своих товарищей выстриг волос, и наказал:

— Как завтра вас позовут, так все кричите: я большак!

Царевна на утро их призвала и спрашивает:

— Кто у вас большак — выходи, я осмотрю. Все слуги закричали:

— Я — большак! Я — большак!

Она осмотрела: у всех выстрижено волос. Она стала в недоумении, призвала королевича-жениха и говорит:

— Ты меня перехитрил, скоро будет наша свадьба.

Свадьбу отпировали, королевич с женой и Никиткой поехали домой. Он Никитке в благодарность дом поставил и все хозяйство. В то же время братья Никиткины не стали отца кормить и выпихнули его на улицу. Батько и пришел к Никитке жить. Вот однажды Никитка вымыл ноги в тазу и эту воду забыл вылить, а батько ночью слез с печки и выпил эту воду. Наутро Никитка и говорит:

— Вот, тятинька, ты воду-то из тазу выпил, а я этой водой ноги мыл, это мне и приснилось, когда ты меня посылал ночевать в новый дом, только я тогда не осмелился этот сон тебе сказать.

Старик и остался у Никитки жить, благословляя за доброту своего младшего сына.

42—43. Русалка
Из сборника Д. Н. Садовникова
42. Марина-русалка

Лет со сто тому назад в Симбирске жил под горой у Спаса Иван Курчавый с отцом и с матерью. Церковь Спаса старинная была и вся расписана по стенам разными житиями. На одном образе была написана царица-красавица: румяная да такая полная и едет она на лебедях — одной рукой правит, в другой ключи держит. Иван Курчавый часто говаривал в хороводе:

— Мне невесту нужно эдаку, как писана царица в лебедях.

А он был красавец, писаный глазок. Голова была вся курчава, а эти волосы, как кольца золотые вились. Белый, румяный, полный, кровь с молоком — одно слово — молодец! А уж бандурист был какой — заслушаешься! Плясовую заиграет — не удержишься! Весь, бывало, хоровод распотрошит. А, бывало, девушки да молодые вдовушки сберутся весной в хоровод в белых кисейных рукавах да в стандуплевых или в штофных сарафанах, как лазорев и маков цвет, любо посмотреть!

Недалеко от Курчаваго жила молодая вдова Марина. Год, почитай, она жила с мужем и, поговаривали, извела его. Суровая была, а красивая: сдобная, чернобровая, черноглазая, лицо, что твой фарфор, а румянец во всю щеку так и играл, и играл; и взгляд был пронзительный.

Она в хоровод не ходила, а редко, в праздник после обеда выдет за ворота, сядет на завалинку, да издали на хоровод и любуется, да все смотрит и смотрит на Ивана Курчаваго и теперича, если заметит, что котора девушка ему приглянется, так вся и покраснеет, до ушей разгорится, а уж глазами так на него взмахнет — кажись, готова съесть. Такой-то у ней был взгляд: насквозь человека пронзит. Иван Курчавый, бывало, даже побледнеет. Диковинное дело, какие глаза бывают! От иного глазу захворать даже можно. У меня бабушка хорошо от глазу лечила: почерпнет с молитвой ковшичек чистой воды, положит туда из горнушки холодных углей, прочитает три раза «Богородицу», да нечаянно и спрыснет водой, чтобы у тебя от испугу мурашки по телу забегали — ну, и легче от этого. И глаз глазу рознь бывает: от синего глаза — холодные угли, как горячие шипят. У нас была золовка Овдотья, так та теленка сглазила: на другой же день околел.

И глазищи у ней были серы, ехидны этаки. Ну вот, видишь ли ты, должно быть, Марина этого Ивана Курчаваго любила и ревновала ко всякой девке и бабе, и поговаривали, что он к ней, Марине, по ночам похаживает и с ней любится. Это отцу с матерью стало известно и задумали они сына женить, и нашли они ему невесту хорошего роду и племени и богатых родителев — девицу красивую, степенную. Только что узнала Марина и начала колдовать, и чего только не делала, по розсказам, так индо ушеньки вянут. Вынимала она у невесты и след, и на кладбище его хоронила, и на соль-то наговаривала с причитанием:

— Боли у раба Божия Ивана сердце, обо мне так жарко от печали, как соль эта будет гореть в печи.

Роскалит печку докрасна и туда наотмашь и бросит горсть этой соли, а то, слышь, снимет с себя ношну рубашку, обмакнет в пиво или в вино, выжмет, да помоями-то этими и напоит его. Это все не действовало. Она взяла да из восковой свечи вынула светильню, отрезала ленту коленкору и написала на коленкоре:

— Гори сердце у раба Божия Ивана обо мне, как эта свеча горит перед тобою, Пресвятая Богородица!

Да свечку-то у Спаса запрестольной Божьей Матери и поставила. Так эдаким родом она Ивана Курчаваго к себе приворожила, что стал он Марину во сне видеть и только ей грезить. Ну, родителям не хотелось ее себе в невестки брать; боялись Марины али хотели взять за него девицу? Верно, что девицу, потому ее всякий муж по своему карахтеру может переделать, а вдову не перевернешь, все равно, что упряму лошадь. А у Марины знали, что у ней карахтер крутой был, и она старше годами была Ивана Курчаваго и что-что красавица, все-таки вдова, а не девка. Поди ты, что эта Марина с Иваном Курчавым наделала! Беды! На другой день рукобитья приехал он домой от невесты, отпрег лошадь, поставил в конюшню и вошел к себе в избу. Отец с матерью посмотрели на своего Ивана и с диву дались: бледный, помучнел весь, а глазами так страшно ворочает, словно что потерял да ищет. Спросили его:

— Что с тобой, Ванюша?

А он как бросится с хохотом из избы в сени за дверь и давай руками-то все шарить. Отец с матерью перепугались, видят: дело худо, их Иван сбесился, а он с конюшни бросился на сеновал. Они там его и заперли, вскричали соседей, чтоб

им помогли его связать, кабы он чего с собой и с ними не поделал. Тут пришли человек пять соседних извощиков и ломовых, и выездных, кое-как стащили с сеновала за руки и за ноги, а он бьется, брыкается, удержать не могут и пять человек. Вот так силища была! Несмотря, что извощики парни дюжи — молодец к молодцу, кажись, по сажени в плечах будет, а он их так на себе и носит. Кое-как связали возжами руки назад, повалили на спину; один стал держать его за руку, другой рукой придавил ему брюхо, а трое стали ноги вязать. Как он плечами-то поднатужился да ахнет — возжи-то, как нитки, хрустнули! Не знают, что с ним делать. Случился тут у Курчавых чувашенин (с хлебом к ним приехал), подошел к извощикам да и говорит:

— Надевай, ребя, на него хомут вон с моей-то потной лошади.

Те рты разинули, молчат.

— Надевай, знай, надевай! Небось не тронет! Хозяин-отец! Ищи бабу брюхату, вели ей Ваньку держать за хомут! Смирней будет, все пройдет! Над ним гораздо баба шутила, ишь шайтана в него садила!

И случись тут моя матушка, царство ей небесно, из-за калитки смотрела, как Иван Курчавый бе-

сится (а она, слышь, мной беременна была), давай ее упрашивать, чтоб она подержала. Ну, баушка и соседки уговорили ее, чтобы она помогла спасти душу христианскую. Обрядили Ивана Курчаваго в хомут с шлеей, как лошадь; мать стала держать — не шелохнулся даже; появилась у рта пена, отерли. Стал засыпать и захрапел, а чувашенин все что-то бормотал и заклинал шайтана. Оставили Ивана в хомуте до утра, и спал он до полудня. Проснулся, как угорелый, и спрашивает:

— Где я?

Сняли с него хомут, вошел он в избу, перекрестился, сел за стол, попросил квасу, напился. Его стали расспрашивать, что с ним случилось, он все и рассказал.

— Еду, — говорит, — от невесты, на Завьяловой горе меня и встретила Марина и говорит: «Ванюша, домой, что ли, едешь?» «Домой» — говорю. «Довези меня, голубчик». — «Садись, довезу». Кое о чем с ней поговорили насчет себя, и я ее привез к себе домой, да за дверь в конюшню и спрятал, чтобы не видал никто. А потом стал Марину искать, и так, и сяк — нет, не могу найти. Дальше что со мной было и не помню. Ивану Курчавому полегчало, зато Марина заболела. Ударит ее, говорили, чертова немочь, и лежит

Марина без языка, вся бледная и простоволосая, а груди на себе руками так и теребит, рубашку в лоскутки изорвет… Билась, билась, да в день свадьбы Ивана Курчаваго в Волгу и бросилась. Как сумасшедшая, выбежала на берег нагишом, косы распущены — и поплыла на середину, да там на дно и опустилась. Искали и неводом и снастями — не могли найти. После слухи пошли, что Марина оборотилась русалкой, да по вечерам и выходит на берег. Сядет на огрудок или на конец плота и все моет голову, да расчесывает свои косы, а сама смотрит в избу, где живет Иван Курчавый с молодой женой.

Потом вдруг застонет да заохает жалобно-прежалобно и бросится в воду со всего маху. Многие ее видели, даже слышали, как она горько плачет и поет заунывно тихо — индо сердце берет:

Ах ты, Ванюшка,
Ты мой батюшка!
Ты меня разлюбил,
Ты меня погубил!
Ненаглядный ты мой!
Дорогой ты мой!

Стали про Марину-русалку поговаривать в

городе. И Иван Курчавый слышал, что Марина от любви к нему утопилася в Волге, стала русалкой и живет в страшном омуте, где и в бурю, и в тиху погоду вода, как в котле кипит, белый вал ходит. Ну, будто бы Марина-русалка с каким-то седым стариком в этом валу и появляются и лодки опрокидывают. Рыбаки поговаривают, будто видели Марину-русалку на песках против Симбирска. Плывет, кажется, лебедь тихо, выйдет на песок, взмахнет да ударит крыльями и превратится в красавицу бабу и развалится на песке, как мертвая. Вечерком многих пугала.

А Ивану Курчавому что-то не жилось с молодой женой, хоть и красавица была, да видно душе не мила. Начал все тосковать и повадился в полночь один-одинешенек на бударке ездить к омуту с гуслями, да играть разны песенки. Сам то заплачет, то засвищет, то, как лешой, захохочет, то затянет заунывную песню, да таким зычным голосом, что она по всей Волге так и разольется:

Изсушила меня молодца
Зла тоска жестокая!
Сокрушила меня молодца
Моя милая, сердешная,
Моя милая, что задушевная!

Ты возьми, возьми, моя милая,
Меня в Волгу-матушку глубокую,
Обойми меня рукою белою,
Прижми к груди ты близехонько,
Поцелуй меня милехонько…

Ну, слышь, Марина-русалка вынырнет из воды, бросится в лодку к Ивану Курчавому и давай с ним миловаться да обниматься и хохотать, да так страшно! Ездил, ездил Иван Курчавый в полночь на омут, да так и след его простыл: ни его, ни бандуры не нашли, только весла да лодка у берега. Осталась его молодая жена, стала по мужу плакать да тосковать, и раз, слышь, он ночью к ней приходил и сказал:

— Не тужи обо мне, женушка. Мне с Мариной жить на дне Волги-матушки весело: меня полюбил Водяной Вол-нок, угощат меня разными яствами и питиями и живет он во дворце изумрудном и все просит ему играть на бандуре. Заиграю — он распляшется со всеми женами русалками, а как перестану — остановится. Обещал наградить меня на этом свете: отпустить вместе с Мариною — моей полюбовницей. Никому только ты об этом ни-ни, не сказывай!

После этого видения вдова Ивана Курчаваго

вдруг сделалась при смерти больна, да родным и рассказала, что она своего мужа ночью видала. Как рассказала, у нее язык отнялся, и тут же дух вон.

(Записано со слов симбирской мещанки Екатерины Григорьевны Извощиковой и сообщено М. И. Извощиковым)

Из сборника М. И. Смирнова
43. Водяные шутовки

Портной обругал свою жену в неудобный час, послал ее к шутам. Было около полуночи, баба вышла по нужде во двор и пропала. Искали день, два, неделю, а баба, как в воду канула. По совету добрых людей стали отчитывать, подавать милостыню. Через несколько недель в полночь же, подкатывает к избе телега и что-то с треском сбрасывает. Выходит портной из дому, глядит — это его жена, худая и измученная. На расспросы его и домашних рассказала, что когда муж обругал ее непригожими словами, вышла во двор, окружила ее какая-то невидимая сила и повела со двора вон, привели к реке, ее потянуло в воду, и оказалась она в гнезде шутовок. Живут они, как и мы, в избе, стряпают, едят, прядут, шьют,

одним словом, делают все как и у нас. Живут артелью одни шутовки. По ночам ходят по деревням и заходят в те избы, где за стол садятся, не молясь, бросают на стол куски, смеются за едой, не зааминивают окон и дверей. Там они забирают всякую еду к себе, воют по избам в свой час, уводят проклятых детей и больших, которые им поддадутся. Сначала с бабой обращались хорошо, а когда стали молиться и подавать милостыню, то принялись озорничать, морить голодом. Наконец, когда заморили, привезли и бросили к избе.

«Нечистые места» есть около каждой деревни: там водится нечистая сила, которая старается погубить крещеную душу. Такой славой пользуется «Большое болото», около которого видали огни в ночное время, слыхали крики и т. п. По середине болота вроде пруда. Подойти к воде можно только по лавам, положенным через кочки. Купаться здесь боялись, были несчастные случаи, кого за ногу схватят, кто утонет. Но все же находились смельчаки, которые иногда купались, но надо было избегать полдень и темного времени. Раз молодой парень пошел купаться, прошел лавы и видит, что на том берегу сидит голая девка и моет голову. Он задумал ее напугать, обошел кругом болото, близко подкрался к ней и закричал. Девка

в воду, и больше не появлялась. На кочке остался кусок ноздреватого мыла. Парень сначала думал, что девка утопилась, долго стоял над водой, видел только, как вода заходила и долго волновалась. Взял кусок мыла, пошел на деревню, ни у кого такого мыла нет и ничья девка не купалась. А это была шутовка, у ней и одежи-то никакой не было.

44—49. Домовой
Из сборника Е. И. Резановой
44. Домовой

1898 г., сентябрь. Недавно мне пришлось слышать рассказ о домовом. Молодая баба, уроженка дер. Саломыковой Фекла Алтухова, рассказала мне случай, бывший с ее невесткой. У этой невестки был трехлетний сын, здоровый, славный мальчик. Однажды ночью мать этого ребенка была разбужена стуком отворяемого окна. Открыв глаза, она увидала влезающего в окно «хозяина», то есть домового. По виду он был похож на человека, одет «по-мужицки», на голове у него была огромная шапка, которую он не снял и в избе, а лица нельзя было разглядеть благодаря темноте. Влезши в окно, он подошел к лежанке и лег, вытянувшись во весь рост и низко свесив голову с лежанки. Бедная баба лежала ни жива ни мертва. Потом, собравшись с духом, она начала звать Феклу, когда та проснулась, она попросила ее открыть трубу, так как из печи будто бы идет угар. Фекла встала, зажгла лампу. Домовой исчез. Угара в печке не оказалось, и

невестка призналась Фекле, что она позвала ее потому, что ей было очень уж страшно и рассказала ей о неожиданном посещении «хозяина». Вскоре после этого происшествия сын Феклиной невестки заболел и через несколько времени умер. Появление домового было принято бабами за предсказание смерти ребенка. Фекла сообщала мне еще, что домовой — или «хозяин», или еще «милак» — живет на чердаке — «на потолоке», — но ходит по всему дому и двору и «вещует», то есть является предупредить людей о приближении какого-либо несчастья.

Раньше я слышала, что при переходе в новую избу домового зовут с собой, «зазывают его». Я начала расспрашивать жену школьного сторожа.

— Скажи мне, Максимовна, как у вас зазывают домового, когда переходят в новую избу?

Старуха сначала отнеслась недоверчиво к моему любопытству.

— Не знаю, — отвечала она, — я молодая была, когда наши переходили в новую хату, может, старики и звали его как, не слыхала… А что?

— Да мне в Шелковке сказали, что его «зазывают», а я не поверила. Значит, неправда?

— Ды нет, гаворят надо зазывать… (Старуха, видя, что я спрашиваю серьезно, сделалась довер-

чивее.) Вот как совсем перейдуть у новаю хату, да придут у стараю, памолютца Богу и кличут «хозяина»: «Хозяин! Хозяин! От нас нятбивайси, пайдем с нами у новаю жилишшу…» Тах-та штоль, я не знаю.

Максимовна вдруг оживилась:

— Ен вот кого любя, усе кукобя[87], — заговорила она доверчиво и благодушно. — Лошадей и увесь скот жалея, кормя, лошадям коски заплетая, — так гривы позавьютца… Как мы уместя жили[88], дык раз што было. Мужики, балча[89], днем паложут лашадям корму, а ночью каму хотьца на гарот иттить? — Дык они днем свяжут визанку саломы, ды на тилегу на двор паложут, а повитерявши[90], атнясуть лашадям. Вышал раз мой девярь[91], слухая — хтой-та сало-мой шумить?

— Хтой-та?

Малчить.

---

[87] Примечания: 87
Кукобить, т. е. заботиться о благосостоянии хозяев.

[88] Примечания: 88
Вместе жили три брата с семьями: ее муж и его два брата.

[89] Примечания: 89
Бывало.

[90] Примечания: 90
Поужинавши.

[91] Примечания: 91
Брат мужа.

— Мишка!

Малчить.

— Степка!

Малчить.

Пашел ен у хату. А ребята усе у хатя.

Што за казия![92]

— Ребята, вы у хатя?

— У хатя.

— Хто ш эта там саломой шумить? Как мужик уседно[93]. Пашли на двор: лошади усе целы, корм идять, и визанки на тилеги нетути… Мой девярь и кажа (говорит):

— Вот хозяин-то у нас какой! Скатину как любя, сам и корм нося… А вот куго ен не залюбя, дык возьмет, увес весь корм из ясел повыгрибя, да чужим атнисет, а сваи не евши… И бьет их… Усе падохнут.

— А если он не взлюбит какого-нибудь человека, что он делает? — спросила я.

— Да, гаварят; наваливаитца ночью, али шшипя (щиплет). У мине нивеска, дык уся у синяках, бала (бывало), ходя. Ды дужа (очень) шшипя, ажио кровь почернея…

---

[92] Примечания: 92
Что за оказия!

[93] Примечания: 93
Уседно — все равно.

— Что же далать, чтобы он не щипал? — опять спросила я.

— Ды хто зная, — отвечала Максимовна. — Ды ана балыматная (легкомысленная, пустая) была, нивеска мая: усе, бала, с салдатами, с палюбовниками… Нехорошая баба, Бох с ей. Туго (оттого) ие хозяин и шшипал.

— А вот у суседей наших «напушшено» было, — начала опять Максимовна, — хтой-то сярдит на их был, ды «изделал»[94]. Дык суседка сама видела двоих (домовых): адин у синей рубахе, другой — у красной, да пириметываютца.

— Как это «переметываются», — спросила я.

— Ды тах-та абнимутца, да павалютца абои, а потом ускочут, схватютца, да апять павалютца: играють. Дык у их вся скотина подохла, ничего, как есть, во дворе не было. Напушшено. Хто слово зная, ды сдурить, а чалэку ат етага плоха.

— А как это, говорят, домовой «вещует»? — снова спросила я.

— Бувая… Мая сяструшка сказывала: как узять ие мужа у салдаты, дык хозяин по ем голосил. Вот завтря иго везть, а нынча ани пашли у клетку спать. Мужик-то выпил — то-то прошшалси со

---

[94] Примечания: 94

Колдовством «напустил» чужих домовых, которые не заботятся о хозяйстве.

сваими, — храпить, а сяструшка только стала дремать и слыша: хтой-та у клетку дверь растворил и лез им по нагах, патам зли стеначки прашел, у галавах астанавилси и начал голосить. Слов не выгаваривая, а тольки голосам: уу-у, у-у-у… Как вот бабы голосют. А сяструшка мая уробела, баитца мужа пазвать, да усе иго пад бок — толк, толк! А ен храпит, не слыша. Как праснулси ен, а она:

— Ох, Ликсан (Александр)! Што ш ты тах-та крепко спишь.

— А што?

— Ды у нас у галавах штой-та галасило усю ночь…

— А раз со мной была оказия, — продолжала разболтавшаяся старушка. — Начивала я у хатя адна как есть — наши были на поля. Задула свет, легла на печь, лежу и слышу: падшел ен к столу, узял са стола ножик — я, знать, забыла прибрать, ды тах-та ножиком:

— Дзы-ынь!.. Дзы-ынь!..

А потом как шварсня (швырнет) ножик наземь! А я лежу, ни оторопь мине не взяла, ни што. Тольки думаю, што ш ета я ножик не прибрала? Утром устаю — ножик наземи… А мне батюшка покойник усигда гаварил:

— Нястaвляй ножик на ночь на столе — грех!..

А старик сторож, муж Максимовны, сообщил мне, что он слышал, как «хозяин» прял на приготовленных прялках в то время, когда все спали.

Из сборника М. И. Смирнова
45. Домовой

Пошла баба на двор давать корм скотине и видит, что старик в рубахе и портках кладет лошади охапку сена. Думала, что это свекор, вошла в избу, а тот сидит там.

— Батюшко, ведь ты сейчас давал корм лошадям, как же ты раньше меня пришел? — спрашивает его сноха.

А старик не выходил. Поглядели на дворе, а там уж никого нет: домовой ушел в свое место. Любил он очень эту лошадь, а когда ее продали, а купили другую, то не взлюбил эту и принялся мучить. Гонял ее по двору, вся в мыле делалась лошадь, ни с того ни с сего бьет ногами в ворота, захудала от этого и сдохла.

P. S. Домовой живет под голбцем и любит спать на нем, поэтому никому другому спать тут нельзя, защиплет ночью.

Из сборника И. В. Карнауховой
46. Две доманушки

Жила одна доманушка — людей ела. А друга доманушка была умная. И стала она именинница, стала ей годовщина. Она и пошла сименинами. Шла-шла — стоит белый конь, белый воз, белый целовек — все бело. Шла-шла — стоит красный конь, красный воз, красный цело-век. Шла-шла — стоит черный конь, черный воз, черный целовек. Приходит она к злой доманушке, на крыльце лежит рука, на последней ступке — нога, а на верхнем столбе — коса (от человека — волосы). А на колидоре уишки вися на спицке, а в подклете — все кровь одна, а в шкафу — все одны головы. А зашла в избу, так на божнице-то — глаза.

Доманушка доманушку стала цаем поить, а доманушка у доманушки спрашивала:

— А что же, доманушка, я шла-шла — стоит белый целовек, стоит белый конь, стоит белый воз?

— Это мой светлой денек.

— А что же, доманушка, я шла-шла — стоит красный целовек, стоит красный конь, стоит

красный воз?

— А то мое красно солнышко.

— А что же, доманушка, я шла-шла — стоит черный целовек, стоит черный конь, стоит черный воз?

— А то моя темна ноченька.

— А что же, доманушка, я шла-шла — на улице лежит нога?

— А то моя кицынька.

— А что же, доманушка, на ступке лежит рука?

— А то мои грабельки.

— А что же, доманушка, я шла-шла — лежит коса?

— А то моя метелка. А что же, доманушка, я шла-шла — в колидоре-то кишки висят?

— А то мои тонки нитоцки.

— А что же, доманушка, я в поклеть вошла, там кровь одна?

— А то мое пивце.

— А что же, доманушка, в шкапах одни головы?

— А это мои коврижки.

— А что же, доманушка, на божнице глаза одны?

— А то мои иконки. Ну, доманушка, садись поешь, я пойду схожу за молоком в подпол.

А сама ушла зубы тоцить. А котко сидит на лавке да:

— Доманушка, убегай, она хочет тебя съесть.

Она на коврижку ту плюнула, сленку-то, да сама и убежала. А из подполья-то:

— Ешь, ешь, доманушка. А сленка отвечает:

— Ем, ем, доманушка.

Она вышла из подполья-то, а доманушки след-то простыл. Котка голиком нахвостала и поехала на ступы догонят доманушку. Доманушка залезла на крышу и ту подразниват, а доманушка ступу постегивает, а ступа не идет. Вот и вся сказка. Не может ее доманушка достать, раз ступу стегает, а ступа не идет.

47. Доможириха

Как в дому несчастье буде, так доможириха под полом плаче. Уж ходи, не ходи; уж роби, не роби; уж спи, не спи, а все слышать будешь. Вот как у меня хозяин-то помереть должон, все я слышала, будто плачет кто так жалобно. Знамо, домажириха цюла.

А как в дому прибыток буде, уж тут домажириха хлопочет, и скотинку приглядит, и у кросон сидит.

Вот я раз ноцью выйтить хотела. Встала, смотрю — месяц светит, а на лавки у окоска домажириха сидит и все прядет, прядет, так и слышно нитка идет: «дзи» да «дзи», и меня видала, да не ушла. А я сробела, поклонилась ей, да и говорю:

— Спаси Бог, матушка.

А потом вспомнила, как меня мать учила относ делать. Взяла шанечку да около ей и положила. А она ничего — все прядет. А собою, как баба, а в подвойнике. Только смотреть все-таки страх берет. А она ницево — все прядет. И много у нас тот год шерсти было, так мы поправились, даже сруб новый поставили.

Из сборника Д. М. Балашова
48. Сестра-подпольница

Жили мужик и жонка. И детей у них много-много было. А она опять сразу двоих принесла. А мужику уже детей не нать — кормить нечем. Да еще девки. А он девок не любил. Вот она и говорит мужику своему:

— Поди, мужик, у меня ребенка брать.

А сама тихо и спроговорила:

— Хоть бы одну-то подпольник взял.

И только сказала, глядь — одной девки нет

нигде, как не бывало! Ну, ладно, она и мужику ничего не сказала.

Прошло лет много. Девка ета[95] выросла. Уже лет семнадцати стала. Вот праздник там пришел, отец с маткой поехали в соседню деревню. Ну там, может, двадцать — тридцать верст либо, может, пятьдесят, — неизвестно. А девка ета сидит у окна в избы, в пяльцах шьет. Шьет она, шьет, как тут подполье открылось в подпечи (из-под русской печи), и девка друга оттуда вышла.

— Здравствуй, — говорит, — девица, слушай, што я тебе скажу. Принесла нас с тобой матка в один день, мы с тобою сестры-однобрюшницы. Побоялась мать мужика своего, што деток много, а тут враз двое, да еще девки. Позвала мужика к себе, а сама говорит, што хошь бы одну подпольник взял. Ну вот, ты и выросла на белом свете у отца-матери, а я у подпольника. Да недолго уж жить мне в етом подпольи, сегодня взамуж похожу, уйду в друго подполье. Ты, сестра, погляди на свадьбу мою. Открой подполье вечером и гляди. Свадьбу ту и увидишь. Не бойся, тебя не тронут, нищо тебе не сделают. Только дальше чем за пояс не затягивайся и гляди до двенадцати часов. Как

---

[95] Примечания: 95
Т. е. оставшаяся у родителей.

зайдет за полночь, так тогды не гляди. А утром поди спустись в подполье, увидишь там ящичок, там полушалок, фартук возьмешь, — гостинец тебе.

Сказала — и как нет девки, пропала. Ну, ладно. Сестра та дождалась вечера. Сделала все, как та сестра велела. Открыла подполье, стала глядеть. Сперва темно ей показалось, а потом как загорит, загорит, загорит свет! И люди-то идуть, едуть! Полна изба. И невесту-ту ведуть. Мужик такой с ей видной — жених. Свадьбу играют. Глядела, глядела та сестра. А тогды стало двенадцать часов, так все снова темно стало. Ничего не стало. Сестра-то закрыла подполье и ну реветь, ну плакать. А утром говорит брату-ту (был у ей еще меньшой брателко, годков пяти):

— Спустимся в подполье, там мне чего-то поглядеть нать.

Ну, спустились они. Все так и есть, как та девка сказала. Открыла сестра ящичок, взяла фартук, полушалок хорошие. Ну, ладно, отец с матерью воротились с гостей.

— Чего, — спрашивают, — дочка, плачешь? А брателко меньшой говорит:

— А не знаю, чего ревет и ревет, уж два дня. Все заливается.

Нагрела девка-то самовар, подала отцу-матери кушать и говорит:

— А послушайте, чего я скажу вам. Простись, матушка, у отца, поклонися ему в ноги, проси, шоб простил.

А матка и говорит:

— Я вины перед им не имею.

— Нет, — говорит дочка, — имеешь. Когда принесла меня, сколько было девок? Одна либо две?

И тут рассказала все, што показалась ей сестра и што говорила, как свадьба у ей была. Полушалок, фартук показала. Ну, тут жонка-та и повинилась перед мужиком, поклонилась ему в ноги. А втора та сестра боле не показалась. Вот и быль вся.

49. Как «пугает»

А вот я девкой была. В доме вышка была, так нас все там пугало.

Вот тоже в Митриев день ходили на вецеринку. Пришли поздно. А там на вышке не топлено. Мужики говорят:

— Туда спать не пойдем.

А я пошла. А керосин у меня в лампе концился. А я разделась впотьмах, спать повалилась. Вдруг у меня одеяло потянуло сверху, потянуло да и на

пол повалило. Думаю: Григорий, брат, балует! Осмотрела все со спицками: нигде никого нет. Ну, думаю, во сне свалилось. Легла. Опять одеяло потянуло. Опять искала — никого нет. Вижу, что у меня неладно. Меня в жар бросило. И вдруг опять одеяло потянуло. Я его зубами держала. Потом отпустила и говорю:

— Пугай, не пугай — никуда не пойду!

А по углам иконы висели. Я помолилась. Все вокруг перекрестила. Больше не пугало.

Я после того больше не спала на вышке.

А Степан в гармонь-то играл тоже в темноте, так на его целой ящик газет вывернуло.

50—51. Кикимора
Из сборника Д. Н. Садовникова
50. Про кабачную кикимору

В одной дистанции стоял кабак на юру близ оврага, и овраг-то обсыпался, так что кабак чуть лепился на овраге. В этом селе были большие базары по понедельникам и пятницам, и шла в кабаке большая торговля вином, но ни один целовальник не мог долго усидеть в кабаке: постоянно проторговывался и разорялся. То находили у них недочет в деньгах, а главное дело — большую усышку вина и разсыропку, так что в откупной конторе все этому дивились, и еще тому дивились, что все целовальники рассказывали, как ровно в двенадцать часов кто-то у них вино цедит и, когда зажигали свечку, то видели карбыша, который бег от бочки и скрывался под полом в нору. Откуп кому ни предлагал сымать кабак, все отказывались. Даже даром предлагал кабак, без всякаго залогу, но никто не сымал. Предложили одному пьянице и моту, и несколько раз оштрафованному и пойманному в приеме краденых вещей. Он был в крайности, потому что

промотался. Не имел себе пристанища и ходил из кабака в кабак, а был человек семейный, очень неглупый и отчаянная голова. Он согласился взять кабак, хотя и слышал много страшных рассказов об нем. Кабак стоял заброшен. В первую ночь, когда он поселился в нем, он приготовил сальную свечку, спичек, положил топор на стойку, выпил полштоф вина и лег спать.

«Ну, — говорит, — теперь хоть сам черт приходи, никого не боюсь».

Спустя короткое время он услыхал, что кто-то вино из разливной бочки цедит. Он быстро зажег свечку, взял топор, подошел к бочке, осмотрел ее. Видит, что она не повреждена: печати все на ней целы, а кран заметно полуотворен. Постукал он топором в бочку и по стуку определил, что будто вина меньше, сорвал печати, накинул мерник, видит, что трех с лишком ведер нет. Он удивился и выругался, как ему хотелось.

— Черт, что ли, отлил! Покорись мне! Ведь я чертей-то не боюсь: до чертиков-то я раз десять напивался. Не привыкать стать мне вашего брата видеть!

Тут он услыхал под полом треск: стала выворачиваться половица, и стало вырастать из-под пола странного вида дерево. Все растет и растет,

распространяются ветви, сучья и листы, закрывают почти что весь кабак и склоняются над его головой. Целовальник, собравши что есть силы, взмахнул топором рубить дерево и говорит:

— Ну так, брат, вот как по-нашему! Я тебе удружу!

В эту минуту топор его как будто во что воткнулся, он не может его сдвинуть и чувствует, что какая-то могучая рука удерживает топор. Целовальник не струсил.

— Пусти, — говорит, — меня! Я знаю, что ты черт! Пусти! Я все-таки буду рубить!

В это время слышит над своей головой тихий и кроткий голос:

— Послушай, любезный, меня. Не руби ты дерево, это я.

— Да кто ты?

— Я тебе скажу. Ты со мной уживешься, мы будем с тобой друзьями, и ты будешь счастлив.

— Да кто ты? Говори скорей! Пусти топор, я хочу выпить.

— Ну, брат, поднеси и мне.

— Да как я тебе поднесу, когда я тебя не вижу?

— Ты меня никогда и не увидишь, только когда с тобой прощаться буду, может, покажусь.

— Правду ли ты говоришь?

Целовальник почувствовал, что кто-то топор пустил, зашел за стойку, взял штоф вина и хотел из него наливать, голос ему и говорит:

— Послушай, любезный, ты много теперь не пей. Для нас довольно и этого полуштофа. Вон возьми вон этот, у которого горлышко проверчено, в том, брат, вино-то хорошее, еще не испорчено.

— Да как ты это узнал? Я принимал, все полштофы были целы…

— А ты ходил опускать вино-то мужику-то, тебе нарочно дистаночный его и подменил, чтоб узнать наперед, будешь ли ты здесь мошенничать.

Целовальник взял этот полштоф, посмотрел со свечкой на его дно и увидел, что действительно на дне проверчена дыра (чтобы можно было отлить и впустить туда, а после воском залепить).

— Ну, чертова образина, теперь я верю тебе, что ты — черт.

— А ты не ругайся, мы с тобой будем друзьями, ты угости лучше.

Целовальник налил два стакана, взял свой и выпил, сам скосился и смотрит на другой и видит: стакан поднялся сам собой и так в воздух испрокинулся, как кто его пил, и так сухо, что капли не

осталось, только кто-то крякнул.

— Ну, брат, спасибо за угощенье.

— Спасибо-то спасибо, а ты мне розскажи, кто ты.

— Я тебе, брат, расскажу, слушай! Я — сын богатых родителей и сын купеческий, проклятый еще в утробе матери, и вот теперь скитаюсь по свету и около тридцати лет не нахожу себе пристанища. Отец меня проклял ни с того ни с сего, а мать поклялась своей утробой в нечестивом деле (они душу человеческую сгубили, отравили своего родного брата, чтобы воспользоваться его богатством). Так вот я кто такой! Теперь дальше слушай! Ты каждый день в двенадцать часов дня и ночи ставь за заслонку по стакану вина и пресную на меду лепешку. Этим я буду кормиться, а ты себе торгуй, не бойся ни поверенных, ни дистаночных, ни подсыльных, а я тебе об них буду говорить; за десять верст ты будешь знать, кто едет и кого подослали, чтоб тебя поймать в разливе вина, а теперь ложись и спи! Только, брат, образов не заводи и молебнов не служи, и как я отсюда уйду через год, так и ты уходи, а то худо будет тебе. Слышал?

— Слышал.

— Так и поступай.

Целовальник выпил еще вина и лег. Посмотрел на дерево, оно стало меньше, все ниже и ниже, скрылось под полом, и половица опять легла на свое место, как ни в чем не бывало. Целовальник затушил свечу и заснул.

На другой день был базар. Он поутру встал рано и увидал, что у него открылась хорошая торговля, и он, полупьяный, целый день хорошо торговал, ни в чем не обсчитался. К вечеру проверил выручку и смекнул, что торговля шла на удивленье, а что говорил ему проклятый, он это все и исполнил, и с этого дня целовальник стал торговать так хорошо, что все его товарищи стали ему завидовать. Он никогда не попадался ни под какой штраф, несмотря на то, что постоянно продавал вино рассыропленное, и заблаговременно знал, кто из дистаночных или поверочных придет к нему его ревизовать. Удивлялись его аккуратности, его ловкости, его честности и больше всего тому, что целовальник, хотя пил вино, но пьян не напивался. Прошел год. Наступила полночь. Целовальник по обыкновению спал на стойке и проснулся. Слышит вдруг голос:

— Ну прощай, брат, я ухожу. Ты завтра же откажись от кабака и прекрати торговлю!

— Ну что ж. Покажись мне!

— Возьми ведро воды и смотри в него!

Целовальник взял ведро воды, а в другую руку свечку и стал на воду смотреть. Он увидал в ведре свое лицо и с левого плеча — другое лицо красивого человека средних лет, чернобрового, черноглазого, а в щеках как будто розовые листочки врезаны.

— Видишь ли?

— Вижу, какой ты красавец.

В это время кто-то вздохнул и раздался голос:

— Не родись ни хорош, ни пригож, а родись счастлив.

Все пропало. В печной трубе раздался страшный вопь и плач. Целовальник все-таки не послушался и на другой день торговал по случаю базарного дня и хотел еще зашибить копейку, несмотря на то, что в течение года нажил мошенничеством и приемом краденых вещей до двух с лишком тысяч. В этот же день дистаночным был оштрафован на двести пятьдесят рублей, сдал должность и навеки отказался от торговли вином. Перестал пить, купил себе постоялый двор и сделался набожным человеком.

(Записано и сообщено М. И. Извощиковым)

Из сборника А. М. Смирнова
51. Два брата

Жили-были двое братьев — один бедный, другой богатый. У бедного была только одна корова. Богатый раз пришел к бедному: «Убей корову, шкура на базаре пятнадцать рублей, а мясо ни по чем». Бедный обрадовался и убил, мясо оставил себе, а шкуру пошел продавать. За шкуру ему дают полтора да два рубля. В последней лавочке он продал за три рубля, при этом выпрядил стакан водки. Купец послал его к своей жене. А у купчихи в это время сидел любовник. Как только бедный отворил дверь, любовник скрылся. Он сказал купчихе, что хозяин велел налить стакан водки. Купчиха налила неполный стакан на палец. Мужик выпил и сказал: «Мне хозяин велел полный налить». Купчиха налила полный, мужик выпил. Вдруг хозяин идет с гостем. Купчиха мужика вместе с любовником посадила в подполье. Купец заказал самовар. Гость напился допьяна, и они запели песню. А бедный в подполье и говорит: «Я подхвачу эту песню, эта песня моего родителя-батюшки». Любовник стал просить мужика, чтобы

молчал, и дал денег. Между тем гость запел другую песню, эта песня оказалась песней родимой матушки, и мужик за молчание опять получил деньги. После второй веселый гость затянул третью песню.

Мужик заявил, что это песня его любимая и что он непременно запоет. Любовник заплатил мужику еще больше за молчание. Голос умолк. Мужик и говорит: «Я есть хочу, пора и выходить, до каких пор мы будем сидеть?! Иди проси подушку да ведро смолы». Любовник отворил западню и сказал: «Дай ведро смолы да подушку с перьями». Она дала. Мужик вылил смолу на любовника, обвалял его в перьях и сел верхом на него, и вывел его в комнаты. Купец, увидав это, испугался, купчиха говорит мужу: «Разве я тебе неправду говорила, что в подпольи у нас кикиморы живут?! Вот кто у нас и деньги таскает».

Отворили дверь, и те выехали на улицу… Мужик слез с кикиморы, толкнул ее и пошел домой, и позвал к себе богатого брата. «Смотри, брат, как дороги шкуры-то! Я счету не могу дать деньгам». Богатый пошел и перебил всю свою скотину, мясо оставил про себя, а шкуры повез на базар. Но шкуры совсем сделались дешевы, и он спустил их по полтине за шкуру. Оставшись без скота и

без денег, он совсем обеднел и стал хуже, чем его бедный брат жил раньше.

52—55. Банник
Из сборника Д. Н. Садовникова
52. Про бани

/1. Одна девка бесстрашная в баню пошла. «Я, — говорит, — в ней рубаху сошью и назад вернусь». Пришла в баню, углей с собой взяла, а то ведь не видать ничего. Сидит и раздувает их. А полуночное время. Начала наскоро рубаху сметывать, смотрит, а в корчаге уголья маленькие чертенята раздувают и около нее бегают. Она шьет себе, а они уж кругом обступили и гвоздики в подол вколачивают. Вот она и начала помаленку с себя рубаху спускать с сарафаном, спустила да в сшитой рубахе и выскочила из бани. Наутро взошли в баню, а там от сарафана одни клочья.

/2. Муж с женой в баню пошли. Только муж помылся да и хочет идти, жену кличет, а та не хочет: легла на полок парится. Вдруг у окна черт закричал по-павлиньему. Муж-то выбежал и вспомнил вдруг про жену, бежит назад, а уж его не пускает нечистый-то. Одну женину шкуру ему в окошко кинул. «Вот, — говорит, — твоя рожа, а вот — женина кожа!»

/3. Один бесстрашный тоже ь баню пошел, да долго оттуда и нейдет. Пошли к дверям звать его; а его не пускают. Стали в дверь стучать, а ему только больнее от этого. Зовут его, а он и говорит: «Вот, — говорит, — мне сейчас гроб делают». И слышат снаружи, что в бане пилят и стругают, и топором стучат. Он кричит: «Вот теперь, — говорит, — заколачивают». И слышно, как гвозди вбивают. Утром вошли, а он мертвый в гробу среди бани.

(Записано в Симбирске)

/4. Стояла у нас на Курмышке (в Симбирске) баня в саду. Осталась после хозяйки умершей дочь-невеста. Все она об матери плакала. И пронесся слух, что мать ей по ночам змеем летает. Прилетит это к полуночи и над трубой рассыплется. Похудела, бедная, иссохла, ни с кем не говорила и все в полдни в баню ходила. Стала за ней ее тетка подсматривать, зачем это Душа в баню ходит. Раз досмотрела и услыхала, что она с матерью-покойницей говорит: «Не скажу, мамынька, никому! Я так рада, что ты ко мне ходишь». Тетка тихонько отошла от бани, а Душа вернулась в горницу такая/веселая, только бледная, ни кровинки в лице. «Ты, Дуня, не скрывай, — сказала ей тетка, — что видишься с матерью в бане». Девка

взглянула на нее и закричала недаровым матом: «Ты, проклятая, меня извести хочешь, задушить хочешь!» — «Ты не сердись, Дунюшка, я тебе с матерью видится не запрещаю». Уговаривать ее принялись. Девка вдруг повеселела и все тетке рассказала. Как только она тетке все рассказала, в самую полночь девку в постели мертвой нашли. Пошел слух, что Душу мать убила, и даже сама старуха-обмывальщица говорила, что на груди у Души видела два пятна, словно они нарисованы, точь-вточь крылья ворона, а это, значит, мать-то в виде змея прилетала и дочь-то за то убила, что та тетке проговорилась. Сам я этого змея видел, как он Веригиным садом пролетал и над баней рассыпался. После смерти дочери дом и сад остались заброшены, окна в доме заколочены, и никто не покупал, а место было хорошее. Все чего-то боялись. Играли раз в саду днем ребятишки и раз, играмши, распустили слух, что в бане видели чертей, банных анчуток, кикиморами что прозываются. Мохнаты, говорят, а голова-то гола, будто у татарчат, стонут…

Стон в бане многие соседи слышали, особливо бабы да девки. И пошла про баню дурная молва, и ходить садом ночью бояться (а через сад был ход со второго Курмышка на первый и на Большую

улицу, а Кирпичной-то улицей, знашь, дальше обходить). Прошло с год время, стали о бане забывать. Вдруг оказия случилась, одну девушку выдавали замуж на Курмышке: бедную нищенку за солдатика. На девишник баню истопили, пошли девки с невестой мыться, размывать ей усы, да из бани-то все нагишом и вышли в сад на дорогу и давай безобразничать и беситься: котора пляшет и поет, что есть голоса, похабщину, которы друг на дружке верхом ездиют, хоркают по-меренячьи… Ну, их смирили, перехватали, отпоили молоком парным с медом. Неделю хворали, все жаловались на головную боль. Думали — девки белены объелись, смотрели — нигде не нашли, решили, что это анчутки над ними подыграли. Баста с тех пор эту баню топить. Да на ярмарку кто-то и вздумай ей воспользоваться. Один печник, слышь, кутила был (Бубловым прозывался), сорвиголова такой — и пошел в нее первым.

Поддал, помотал веник в пару, хвать — с него дождь льет, взглянул, а он в сосульках! Как бросит веник, и с полка, и хмыль нагишом домой. Прибежал в горницу в чем мать родила без стыда, без совести. «Теперь верю, — говорит, — у вас черти в бане живут». — «Это тебе попритчилось,

видно?» — «Чего попричтилось? Шут с ней и с баней-то вашей!» И рассказал. Сходили за его рубахой и штанами, а они все в лепетки разодраны. Так все и ахнули. С той поры баню забросили, а дом Веригиных, как кто не купит, с год поживет — покойник в семье. А как наступила весна, все видят то утром, то в полдни, то вечером бегает по саду здоровенная нагая баба. Бросятся с дубьем ее ловить — она убежит в баню. Ищут, ищут — нет! Так года четыре продолжалось.

Купил дом плотник, сломал он и дом, и баню, все перебрал, и с того времени, как рукой сняло.

(Слышано от симбирского мещанина Ивана Андреевича Извощикова. Сообщено М. И. Извощиковым)

Из сборника Н. Е. Ончукоеа
53. Бывальщина

Один устьцылем жил в работниках у пустозеров на Пылемце[96]. Хозяин все ходил в баню один. Работник и спрашивает:

— Ты пошто-ино один ходишь? Возьми меня.

— А ты не забоишся ле? Ко мне из под полка

[96] Примечания: 96
Деревня.

человек выходит. Ты с ума сойдешь.

— Нет, я не боюсь, не сойду с ума.

— Ну пойдем.

Работник пошел, стал мытця, а из-под полка страшной старик и вылез. Работник им веники роспарил, оба они и мылись, а потом старик скатился под полок.

Из сборника И. В. Карнауховой
54. Бывальщина

На Новый год робята собрались, и один знашолся, чтоб в байню не в похваст сходить, и говорит:

— В каменьцы камешок возьму.

Он ноцью пошол один в байню-то. Он зашагнул в баню-то, и его поймалося за ноги, он рвался, рвался, не мог вырваться. То, которое поймалося, и говорит:

— Возьмешь замуж, так отпущу.

Он еще вырываться хотел, да не мог, и посулился взять. Прибежал из байны без всякого камня, как отпустило его. Пришол домой, да и лег спать, к робятам не ходил. Назавтра стает невеселой. К ему родители спрашивают:

— Пошто?

А он и не сказал пошто. А на вецеру обдериха-то

и приходит.

— Сулился, так бери, — говорит.

А родители его все спрашивают — видно, чего есть? Он им и рассказал.

— Бери, — говорят, — если посулился, а то подожжет дом либо чего.

На другой день приходит обдериха.

— Бери, — говорит.

Он взял крест и пошол встречать. В воротах встретил ее и крест наложил, и она нагой женщиной оцутилась. И она не идет нагой в избу.

— Принеси мне кабот, — говорит. И она жонкой его-вой сделалась.

Живут уж долго, приходит заговенье. Все поезжают в гости на угощенье к тестям. Он задумался, что некуда ехать. А егова и говорит:

— Почему задумался?

— Как же не задуматься, люди-то поехали, а я у обдерихи-то жонился, так ехать некуда.

— Не думай, что не к кому, у меня тоже родители есть.

И тоже стали собираться на угощенье. Поехали к молодициным родителям. А у их в избе зыбка виснет. А в зыбке такой робеночек, что больша голова, а тулова нет почти, а ело оно по крынке молока и по житнику в час. Молодка-то подошла

к зыбке-то, взяла робенка да об пол бросила. Тут робенок сделался голиком. Молодка-то говорит:

— Вот, родители, кого вы кормили вместо меня, обменила меня обдериха.

Тут угостились как следует, да и стали жить хорошо.

55. Девки и кости

Шли девки на малину, проходили погост. Увидали — лежат кости. А одна озорная и говорит:

— Кости, кости, приходите к нам в гости.

Ну на вечер в избу, где девки шили, и пришли парни. Незнакомые, неведомые, незнамо откуда. А все веселые, пряниками кормят, играют, дролятся. Вот одна девка в красный угол отошла, под икону стала и видит, что зубы у их железны, а в сапогах кости. Она и говорит:

— Девушки, я до ветру пойду.

А парни ее не пущают, она и говорит:

— Хоть косу дверьми прищемите, да пустите.

Они ей косу прищемили, а она косу срезала, да бежать. А за ею уже догоня. Кости догоняют, съесть хотят. Забежала она в байну, заплакала, замолилося:

— Обдериха-матушка, спрячь меня.

Обдериха ее и спрятала, камышком прикрыла, паром запарила. Кости в байню вбежали, ан нет ничего. Тут петух запел, они и рассыпались.

56. Овинник
Из сборника А. М. Смирнова
56. Девичий вечер

Собрались деуки на Святки в одну хату на игрище. Собраушись, и давай одна одное загонять. Спорили, спорили. Одна девушка-сиротка, у ей мачеха была. «Кто, — говорят, — деуки, сходит в овин за колосником у двенадцать часоу?» — «Да что ж делать? — сирота эта. — Я схожу». Ну и пошла. Приходит в овин, только за колосник — цап ее за руку! «Стой, девушка, чтой-то на вине сидит?» — «Лен». — «А как это лен работают?» И стала йона ему, шуту указывать: «Вот придет весна, станут землю пахать, пашут долго-долго… Ну, успашут… тогды заборонуют… боронуют долго-долго… (это она нарочно тянет, чтобы уремя протянуть). Заборонуют, тады лен посеют, тады опять заборонуют… лен растет долго-долго… тогды уремя придет, поспевает лен, станут его брать… берут долго-долго… выберут, составят у бабки… йон долго выстаивается… Свезут тады на вин, смолотят, постелют… ион лежит долго-долго… уложится… подымут йго, поставят у

кукишки, йон сохнет долго-долго… Потом его посодют на вин, начнут мять долго-долго… потом трепать… треплют дол го-дол го… (иона это усе время проводит); помочут на мычке… мочут долго-долго… а потом прясть начнут; соснуют кросна, выткут кросна, наделают холстин, выбелют, белют долго-долго… Тады рубашки станут шить, шьют долго-долго…» — «Полно тебе говорить! Пойдем!» — «Нет, погоди! Что ж я с тобой пойду? Я теперь не бодра, надо мне прежде набодриться». — «А что ж тебе бодриться?» — «Надо мне перво-наперво самая хорошая рубашка». Йон ей подает рубашку. «А теперь надо мне хороший сарахван». Йон ей дает сарахван. «Теперь надо мне хорошую подпояску». И он ей пояс подау. «Погоди, теперь надо хороший платок». Принес. «Надо и другой…» Йон и другой принес. «Теперь же мне надо полсапожки». Йон подает. «Девушка, иди за мене замуж!» — «Тогда мне надо перстень хороший». Йон несет. «А теперь мне надо сережки хорошие…» Покуль йон сережки разыскау, петух и запеу. Пришла сирота домоу, колосник узяуши, деуки еще в избе сидят. Мачеха и кричит: «Дура! А пришла барыней! Заутра моя дочка пойдет». На другой вечер дочка ейная собирается. «Иди, иди, эта дура да прийшла, ты прийдешь

лучше ея». Прийшла в овин одна, овин открыла, а ее за руку — цап! «Стой, девушка, пойдешь ли за мене замуж?» — «Пойду». — «Чтой-то на вине сидит?» — «Да лен!» — «Как же йго работать?» — «Да как же? Успашут, посеют, выберут, помолотят, постелют, помнут. Потреплют, срядут, соткут». Наговорила поскорей, зараз усе. «Пойдешь за мене замуж?» — «Да!» — «А что тебе надо-то?» — «Рубашку, сарахван, подпояску, платок, полсапожки, чулки, перстень, сережки». Опять усе зараз сказала. Взяу, повеу ее шут, у пролубь засадиу уверх нагами. Пришла матка, а иона у пролуби сидит, залилась.

Увеу ее, значит, шут.

57—85. Черт
Из сборника Д. Н. Садовникова
57. Черт Гришка

Идет бедный молодец. Тридцать лет прожил и все не женат, и думает себе: «Ах, да хоть бы меня черт женил!» Вот является перед ним черт Гришка.

— А что тебе, добрый молодец, чего нужно?

— Да вот жениться хочу.

— Айда, я тебя женю.

И пошли с ним. Черт Гришка и говорит:

— Ступай домой, вари пиво, и чего у тебя нет, скажи только: «Ах, где-то мой братец Гришка?»

Пришел молодец домой; у него не было матери, и подумать с ним некому, а жениться хочется. Посидел, да и думает:

— Где-то мой братец Гришка?

— Я, брат, здесь!

— Хочу пиво варить, да не из чего.

Гришка солоду несет, муки везет. Солоду принес и муки привез, наварили пива, сделали всем диво. Гришка и говорит:

— Айда-ка, брат, в омут за невестой!

Подводит братец Гришка к темному омуту и говорит:

— Садись на меня и мырнем!

Бултых! Сидит красная девица. Гришка и говорит:

— Возьми-ка, брат, красную девицу, проклятенную. Когда в баню мать пошла, тогда дочку прокляла. Садись на меня, я тебя женю!

Вот он подхватил девушку, сел на Гришку да и поехал. Приехал на вольный свет, красну девицу привез. Красная девица из хорошего была дома, утомленая, прокляненная, а черт ее из воды взял и молодчику отдал. Их обвенчали, к молодому в дом помчали. У молодого дома нет ничего, и сказал молодой:

— А где-то мой братец Гришка?

— Я здесь.

— Братец, гостей потчевать нечем.

Гришка пошел, от богатого мужика всего принес: и чашки, и плошки, и шалфетки на столе. Пришли женки из богатого дому глядеть; одна и говорит:

— Ах, невестка, да шалфетка-то моя! Вот Гришка на брусу сидит и говорит:

— А вот это не беда, что шалфетка-то твоя, да и дочка-то твоя. Ты в баньку ту пошла и дочку про-

кляла, а сама без памяти домой побрела. Это твоя дочка. Она больно, молодушка, обрадовалась, за молодых больно хваталась.

— А что ты, — говорит молодица, — добрый молодец, где ты эту шалфетку взял, а невесту где украл?

— Я не украл, а мне брат Гришка дал.

А брат Гришка на брусу сидит, он и трубочку курит.

— А что, тетенька, о чем болишь, о чем заботишься? Ведь шалфетка-то твоя и блюдья ти твое, и стаканчики твое, да и дочь-то твоя! Она из воды прибрела. Как ты в баню-то пошла, дочь-то прокляла, еще она маненька была.

Вот она слезами залилась, за доченьку схватилась. Доченька испугалась, от матери убежала, к мужу подбежала.

— Ох муж, мой муж, я не знаю, как быть и кого мне любить: не знай мамыньку, не знай тебя.

Отвечает молодец:

— А где Гришка, братец мой?

Сидит Гришка на брусу, он и трубку курит.

— Я здесь. А вот будь твоя жена!

Тут и теща-то была и рюмочки пила, свою дочку пропила. Будет, брат, да и прощай! Живи, не тужи!

(Абрам Новополъцев)

58. Мужик и черт

Мужик у черта денег просил; ну тот дал взаймы.

— Когда же отдашь?

— Когда я тебе душу отдам.

— Когда же к тебе прийти?

— Да через три года. Пришел черт через три года.

— Ну, давай, мужик, душу!

— Погоди, дай, пообедаю. Пообедал.

— Ну, как же будем душу вынимать?

— Она сама выйдет, погоди.

Вылез из-за стола, потянулся, да как п……

— На, лови!

Черт руки растопырил и диву дался — что это у него за душа: вкруг носу вьется, а в руки не дается.

— Ну, у меня другой, — говорит, — нет. Ступай!

(Абрам Новополъцев)

59. Солдат и черт

Стоял солдат на часах, и захотелось ему на родине побывать.

— Хоть бы, — говорит, — черт меня туда снес!

А он тут как тут.

— Ты, — говорит, — меня звал?

— Звал.

— Изволь, — говорит, — давай в обмен душу!

— А как же я службу брошу, как с часов сойду?

— Да я за тебя постою.

Решили так, что солдат год на родине проживет, а черт все время прослужит на службе.

— Ну, скидывай!

Солдат все с себя скинул и не успел опомниться, как дома очутился. А черт на часах стоит. Подходит генерал и видит, что все у него по форме, одно нет: не крест-накрест ремни на груди, и все на одном плече.

— Это что?

Черт и так и сяк, не может надеть. Тот его в зубы, а после — порку. И пороли черта каждый день. Так — хороший солдат всем, а ремни все на одном плече.

— Что с этим солдатом, — говорит началь-

ство, — сделалось? Никуда теперь не годится, а прежде все было в исправности.

Пороли черта весь год. Изошел год, приходит солдат сменять черта. Тот и про душу забыл: как завидел, все с себя долой.

— Ну вас, — говорит, — с вашей и службой-то солдатской! Как вы это терпите?

И убежал.

(Записано от П. С. Полуэктова в Симбирске)

60. Кузнец и черт

Жил-был кузнец, молодой парень, и работать был горазд, и водочку любил выпивать, и деньги мог добывать. Как придет в кузницу, положит на наковальню уголь, ударит молотком и говорит:

— Хлоп, да черта в лоб!

Кажний день все хлоп черта в лоб: весь ему разбил. Так черту досадно, что хочется ему кузнеца поймать. Вот у кузнеца детей не было, он взял да ему мальчишку и привел, и отдал ему в дети. Рос он (чертенок-то) не по дням, а по часам, и вырос большой. Кузнец его поит, кормит, как родного; а все как ни придет, все уголь на наковальню кладет, все хлоп черта в лоб. Вот этот чертенок такой стал мастер, лучше отца. Еще подъезжает

сейчас к кузнице дьявыл на тройке и привез старелаго самого, чуть ползат, дьявыла. Тащит его в кузницу переделывать молодым.

— Переделай, — говорит, — мне этого старика молодым! Сколько хочешь бери!

— Нет, я не могу.

Сын и говорит:

— Тятенька, я могу.

Сейчас велел отцу привезти кадушку воды. Кузнец привез. Сын ввалил дьявыла в горн, раскалил его, как огненнаго, ввалил на наковальню и начал молотком дуть. Жарил, жарил, бултых его в кадушку! Лезет он оттоль такой-то молодчина! Сатана денег им несколько дал и увез молодаго назад. Сын и говорит:

— Что, тятенька, выучился старых молодыми переделывать?

— Немудрено, сынок.

— Я пойду, — говорит сын, — на базар. Если привезут опять стараго дьявыла, ты его переделай.

Ушел из кузницы и пропал. На тройке опять дьявыл летит, везет стареущаго дьявыла.

— Переделай, кузнец, его! Одного переделали, переделай и мо-го. Бери, что хочешь!

Кузнец сам дьявыла тащить не может, разогрел пудов-ку углей и говорит:

— Тащи его в горн!

Дьявыл втащил и брякнул его в горн. Дьявыл зеват: его жжет. Кузнец сожег дьявыла, и кости прямо в кадушку. Дожидались, дожидались, а он оттоль не вылезат. На-бегло дьявылов и несколько; подхватили кузнеца и потащили, да и говорят:

— А, теперь-то ты нам попался! Вот теперь не станешь говорить: хлоп черта в лоб!

Взяли его и бултых в воду. И утонул кузнец.

(Абрам Новопольцев)

61. Черт и козел

Бог человека по своему образу и подобию создал, и черт тоже захотел сделать: *написал* и вдунул свой дух. Выскочил козел рогатый — черт его испугался и попятился от козла. С тех пор он и боится его. Вот почему в конюшнях козла держат и на коноводных тоже, где, бывало, пар до ста лошадей, всегда козла держали. Он — чертов двойник.

(Записано от П. С. Полуэктова в Симбирске)

62. Как черт ангелом стал

У чертей старшие есть и младшие. Первые приказания отдают, а вторые исполняют. Вот раз чертенку дали приказ пакость какую-то сделать, а он и не исполнил. Ну, ему сейчас под железные прутья должно воротиться. Испугался он и давай Бога молить:

— Господи, коли ты меня от железных прутьев избавишь, никогда пакостничать не буду!

Бог его и не оставил: спрятал чертенка в церкви, под плащаницу. Черти его и не могли найти, бросили искать. Стал после этого черт ангелом, и возрадовались и на небе, и на земле.

(Записано в Симбирске)

Из сборника Н. А. Иваницкого
63. Настасья-прекрасная

Не в котором царстве, не в котором государстве, именно в том, в котором мы не живем, жил-был царь, а у этого царя были сын да дочь: сын — Иван-царевич, дочь — Марья-царевна. И был у этого царя круг (кругом) дворца прекраснейший

сад; в этом саду беседка, а у беседки стоял на часах один солдатик очень красивый собой. Приходила в этот сад прогуливаться одна енеральская дочь. Влюбилась она в этого солдатика; постоянно придет к нему, посидит, поразговаривает и отправится домой. Царь это дело сметил, приходит к солдату и говорит: «Слушай, служивый! должно быть, тебя любит эта енеральша?» — «Точно так, ваше царское величество, у нас с нею любовь происходит третий год».

Однажды царь прогуливался в саду и явилась тут енеральша. Захотелось царю склонить ее к себе в любовницы, но она ни на что не соглашается. Царь рассердился на нее и говорит: «Ах ты, подлая! солдату...!» — «Как! я солдату...?» — Сейчас отправилась к солдату, приходит и говорит ему: «Что же, служивый, вы какими словами похволяетесь, будто я вам...?» Солдат очень испугался, да от робости и сказал: «Да как же не...? Конечно...!» — «Ну так хорошо!» Сейчас отправилась домой и обсказала своему родителю. Тот приказал посадить солдата в темницу. А была в него давно влюблена Марья-царевна, но не могла найти способа с ним сблизиться. Теперь же нашла легчайший способ: сделала к солдату подземный ход и стала ходить каждый день. Солдату

отлично стало жить, только что не на воле.

Вот вздумалось царю женить своего сына. Стали свататься за тридевять земель в тридесятое царство к Настасье-прекрасной, и та была согласна идти за царевича с тем только, чтобы он отгадал одну загадку. Прислала она в чемодане саблю, и нужно было отгадать: в котором конце носок и в котором руковятка.

Приходит Марья-царевна к солдату и обсказывает ему об этом деле. Солдат говорит ей: простая штука отгадать — опустите чемодан в молоко; в котором конце руковятка, тот и повернется кверху, так и отпишите, будет верно. Опустили чемодан в молоко, — верно, сбылось по-солдатову. Отписали туда обратно. И присылают опять оттуда 12 голубей, и нужно узнать, который из них старший; голуби были сизые.

Марья-царевна приходит к солдату и говорит ему: опять пришла загадка: 12 голубей, и нужно узнать, который из них старший. Солдат отвечает: насыплите пшеницы и пустите голубей; все голуби будут клевать, а один меньше; он будет ходить да ворковать круг их, так вы его и заметьте; будет верно. Заметили голубя, отправили обратно, вдруг оттуда письмо, чтобы сам Иван-царевич приезжал. Иван-царевич собрался

в путь и отправился. — Приходит Марья-царевна к солдату и говорит: у нас отправился далеко братец Иван. Отвечает ей солдат:

— Ежели меня не будет там, так ему не воротиться домой. — Ах! как же так! поезжай туда, я тебя отсюда выпущу…

Вышел солдат из темницы. Дала ему Марья-царевна денег на дорогу; солдат купил себе приличное платье, пошел по кабакам и набрал себе 12 пьяниц. Пьяницы и говорят: что прикажите, хозяин, делать?

— Что делать? Ничего, только вино пить.

— Ах, брат, житье важное!

Отправились в путь-дорогу. Много ли, мало ли отошли они места, только солдат увидал: дерутся на дороге два чертенка, делят после деда-прадеда шляпу-невидимку и не могут разделить. Солдат подошел к ним и говорит: полноте вам драться, давайте я вам разделю. — Раздели, брат, пожалуйста! Солдат взял ружье, зарядил порохом. — Вот я хлопну, так бегите; который этих порошинок больше насбирает, того и шляпа. — Хлопнул из ружья, черти побежали. Надел он шляпу-невидимку, пошел к пьяницам и хлопнул одного шляпой. Пьяницы начали драться. Солдат снял шляпу. — Ребята, что вы, тише! Пьяницы начали

друг на дружку жаловаться: он мне дал оплеуху! — Другой: он мне дал оплеуху, вот и драться стали. Солдат угостил их водкой.

Пошли дале. Опять на дороге деруться два чертенка. Солдат подошел к ним. — Об чем, ребята, деретесь? — Делим скатерку-самоварку, два года не можем разделить. — Давайте, я разделю. — Раздели, брат, пожалуста. Опять солдат зарядил ружье, хлопнул из него. — Ну, ступайте, бегите, сбирайте эти порошки, который ско-ряе сосбирает, того и скатерть. Черти убежали, солдат взял скатерку и ушел к своим товарищам. Раскинули скатерку. Всего стало довольно, и водки, и кушанья.

Опять пошли вперед. Идут дорогой, и опять солдат видит: деруться два чертенка. Подходит к ним: об чем, ребята, деретесь? — Вот делим после деда-прадеда ковер-самолет, три года не можем разделить. Солдат зарядил ружье, хлопнул из него. — Бегите скорее, собирайте эти порошки, который скоряй сосбирает, того и ковер. Черти убежали, а солдат взял ковер-самолет и отправился к своим товарищам. Угостивши их, раскинул ковер. Сели они, полетели подобно из лука стреле пущенной, сразу преставились в то царство, где была Настасья-прекрасная, и спустились

в сад. — Еще Ивана-царевича и слуху не было. Солдат и говорит своим товарищам: слушайте, ребята, будут вас спрашивать, так вы отвечайте, каждый про себя: я болыной-наболыпой. Вдруг из дворца увидали, что прилетел жених на ковре по воздуху; сказали Настасье-прекрасной, та пошла встречать и говорит своим придворным: однако, хитер жених! — Приходят туда и видят: все пьяны. Начали спрашивать: кто из вас большой? Все в один голос отвечают: я большой-набольшой! Так и не могла ничего добиться. Настасья-прекрасная приказала принять их во дворец: потом сама я узнаю, кто из них старшой!

Пьяницы пришли во дворец, начали там пировать, а Настасья-прекрасная приказала постлать в комнату одну перину. Пьяницы уснули, кто где, а солдат лег на перину. Вдруг ночью приходит Настасья-прекрасная, взяла и отсригнула у солдата угол у жулетки, а сама ушла.

Солдат, проснувшись и заметив это дело, взял у всех отстриг углы у жулеток. Утром приходит Настасья-прекрасная и спрашивает: кто, господа, у вас большой? Пьяницы все в один голос отвечают: я большой, я большой! Подходит она к солдату: вот он над вами большой! Тут пьяницы ее спросили: почему вы замечаете? — Я вечор вот

угол отстригла от жулетки. Пьяницы посмотрели: также и у них нет углов. — Нет, это неправда; вот и у нас углов нет. Настасья-прекрасная видит: толку нет, приказала их прогнать в шею.

Солдат с пьяницами отправился в город и нанял квартиру. Вдруг приехал Иван-царевич. Началась пушечная пальба, по всему городу стало известно, что приехал настоящий жених. Настасья-прекрасная собралась и пошла встречать со всем своим прислугам. Встретили Ивана-царевича, прияли во дворец и начали водить его по комнатам. Привели его в одну комнату, в которой между окон была решетка вроде копий, а на кажном копье человечья голова. Вот и говорит Настасья Ивану-царевичу: «Иван-царевич! Вы две загадки отгадали, так я согласна идти за вас замуж, только с тем, что сошьете вы мне платье под венец такое точно, какое и я сошью, чтобы материя одна была, ширина одна и длина, и к завтрашнему утру чтобы было готово».

Иван-царевич пошел по портным, по портнихам, только его дураком называют: почем мы знаем, какое она сошьет! — Идет он городом со своим адъютантом; попадается им на встречу старуха. — Что, баушка, не знаешь ли какой-нибудь портнихи или портного хорошего? — Нет,

родимые, не знаю; сходите, вот недавно приехали какие-то пьяницы, спросите у них, они народ дошлый, небось и знают. — Иван-царевич отправился на квартиру к пьяницам, приходит туда, а там песни, пляска, драка, что такое и сочиняется! И спрошал у них: послушайте, господа! кто из вас большой! Все отвечают: я большой и я большой! Царевич посмотрел и отправился обратно, вдруг солдат выбегает за ним. — Вам что угодно, Иван-царевич? — Вот что, брат-земляк, не можете ли, пожалуйста, сошить платье: какое царевна шьет, такое и мне нужно. Всех обошел портных, никто не берется. — Что ж, я возмусь и сделаю, только подпишите треть царства. Царевич переговорил со своим адъютантом. — Ну хорошо, с нашей стороны будет готово, только, пожалуйста, изготовьте к завтрашнему утру. Царевич отправился к себе на квартиру, а солдат надел шляпу-невидимку и пошел во дворец. Пришел туда, где платье шилось, только что его кончили. Солдат сидит, вдруг является Настасья-прекрасная. И приказала одной фрелине надеть. Та надела и прошла по полу. — Ну где ему дураку сошить такое платье! Фрелина сняла платье, положила в сундук, а Настасья-прекрасная ушла. По уходу ее, солдат взял платье себе под пазуху и опять сел, —

через несколько времени хватились платья, а его нет; опять взяли скроили по той же мерке из той же материи и давай шить скорей; сразу кончили. — Солдат отправился домой. Утром является царевич и спрашивает: что, изготовили? — У меня готово, как у вас? — У нас тоже. — Ну, так пожалуйте документ. Царевич подал документ, а солдат ему платье. — Ступай, неси, только не кажи ей, пускай она наперед свое покажет.

Царевич пришел к Настасье-прекрасной.

— Ну что же, изготовили? У меня готово.

— Так покажите. — Нет, вы наперед покажите, потом и я покажу. — Царевна надела платье и прошла по полу. — Ну вот у нас какое! Царевич вынул свое — точно такое же. — Ну, Иван-царевич хитер, только кто у тебя хитричает? Еще сделай мне башмаки, такие же, какие и я сделаю. Иван-царевич отвечает: ну хорошо, приготовлю.

Распростившись с Настасьей-прекрасной, отправился опять с адъютантом по сапожным мастерам, но ни один не берется.

— Черт ее знает, какие она сошьет! Адъютант говорит царевичу: пойдем-ка опять к пьяницам. Приходят к пьяницам, спрашивают большого, — все в один голос: я большой, я большой! Солдат выходит опять к Ивану-царевичу.

— Что вам, Иван-царевич, нужно? — Да вот что: нужны башмаки, не можете-ли, пожалуйста, сделать? — Отчего, могу, только треть царства отпишите; приносите утре (завтра) документ — и получите башмаки.

Царевич отправился на квартиру; солдат пошел во дворец. Приходит туда, там башмаки совсем сделали, поставили на шкап. Солдат взял их и отправился. Там после него хватились башмаков — нет. Что же такое? Не черт ли у нас уносит? Давай опять кроить и шить новые; сразу изготовили.

Царевич приходит утром, приносит солдату документ на треть царства, отдает, а солдат ему вручает башмаки.

— Ступай, неси, только не кажи, наперед пускай она свои покажет.

Приходит царевич во дворец. — Изготовили ли? — У нас готово. — Ну так покажите-ка! — Нет, вы свои наперед покажите. Царевна вынула из шкапа башмаки. — Ну вот у нас какие! — Иван-царевич вывязал из платка и подал свои башмаки. Царевна посмотрела и сказала: «Ну хитер Иван-царевич, только не знаю, кто у тебя хитричает. Ну, теперь, когда сделал башмаки, сделай то, что я сделаю в сегодняшную ночь».

Царевич пошел и задумался очень тяжко; и говорит своему адъютанту: ну тепериче куда пойдем? Пойдем опять к пьяницам, они не помогут ли?

Приходят туда. Вышел к ним солдат.

— Что вам требуется, Иван-царевич?

— Да вот что: Настасья-прекрасная приказала сделать в сегодняшную ночь то, что она сделает; не может ли как-нибудь устроить?

— Отчего не могу, только пожалуйте документ на треть царства, приходите утре.

Царевич отправился на квартиру, а солдат во дворец. Только подходит ко дворцу и видит: стоит тройка коней;

и выводят Настасью-прекрасную, завязанную платком. Фрелины с причетами садят ее в карету, и солдат с ней сел. Кучер повез неизвестно и куда, только подъехали к морю, где стояла шлюпка. Настасья-прекрасная вышла, села в шлюпку, и солдат сел тоже, поехала на остров, который недалеко был от берегу; приехала на остров, села и давай причитать: «Ах, друг мой, выйди, простися со мною в последний раз». Вдруг море заволновалось и вышел оттуда водяной царь, с нею поздоровался, также прослезился. «Ну, прощай, моя дорогая любовница, не видаться

нам будет никогда!» Царь лег к ней на колени, она начала у него искать в голове и выдернула золотой волосок. Солдат захватил за волосье, целую горсть вырвал. Царевна посидела со своим любовником, простилась, села в шлюпку и поехала. Солдат также сел с нею. Вдруг видит: плывут в море два селезня. Царевна поймала одного, а другого солдат схватил, вышли они на берег, сели в карету и поехали домой.

Встретили царевну фрелины. Входит она в залу в веселом виде, и солдат вошел с нею, опустила селезня и приказала убрать, как можно лучше. Взяли селезня, начали унизывать разными лоскуточками; солдат тоже стал украшать своего. Те, убравши селезня, опустили на пол; солдат посмотрел: у него хуже убран селезень, взявши своего опустил, ихняго взял, завязал в платок и отправился домой.

Утром рано является царевич: ну что, брат сделали? — Сделал. На тебе селезня и горсть золотого волоса, а мне пожалуйте документ. Царевич отдал документ и пошел во дворец. Встретила его Настасья-прекрасная: ну, Иван-царевич, сделал ты то, что я сделала? — Я не знаю, покажите наперед, что вы сделали. Царевна приказала опустить селезня. — Ну, у вас есть ли такая штука? — Ца-

ревич развязал узел и опустил своего селезня, гораздо превосходнее ихнего. — Ну хитер Иван-царевич, не знаю только, кто у тебя хитричяет. Потом вынимает из кармана золотой волосок. — Ну, у вас есть ли такая штука? — Иван-царевич вынул и подал целую горсть волосья. — Ну, Иван-царевич, это последняя тебе моя загадка, так, давай, собирайся, как можно скорее, поедем в твое царство венчаться. Царевич сразу в поход изготовился и отправился. А солдат не торопится домой, знай кутит со своими товарищам, много прокутил времени после них, потом сказал: ну, друзья, и нам пора отправляться. — Рассчитались за квартиру честно-благородно, вышли за город, сели на ковер-самолет и сразу представились в свое царство, еще Ивана-царевича и в слухах нет. Тут солдат наградил всех пьяниц деньгами; те отправились по питейным домам: еще не все там были забраны пьяницы; увидались со своим друзьям. Те и спрашивают: что, брат, где пропадал, тебя не видать было? — Не говори, брат, были в таком месте — черт знает, где и были!

Солдат в это время опять нарядился в солдатское платье и сел в темницу. Приходит Марья-царевна и спрашивает: благополучно ли съездил и про брата тоже.

Приезжает Иван-царевич. Встретили его с пушечною пальбою, и так как к свадьбе все было готово, то на другой день и обвенчались. От царя вышел милостливый манифест, чтобы всех пленных из заключенных мест ослободить, а про солдата совсем забыли.

Марья-царевна и говорит своему отцу:

— Дрожайший родитель! Что же вы всех пленных ослободили, а есть один солдатик заключен в темнице, — что же ему милости нет?

— Ох дрожайшая дочь! Ладно, что напомянула, а то я совсем про него забыл.

Сейчас приказ вышел: ослободить солдата. А Марья-царевна заранее сказала ему: когда выйдешь на волю, являлся бы на свадьбу. — Солдат по выходе оделся, как можно лучше, и отправился во дворец на свадьбу. Принят он был в лучшем виде, наипаче от Марьи-царевны. Отошло венчание, съехались гости, и пошел пир на весь мир.

Как распировались, солдат подходит к царю и подает ему три документа. Царь, прочитавши про себя, обратился ко всем посетителям своего дому и начал читать вслух. Прочитавши все документы, проводил свадьбу. После свадьбы призывает к себе сына.

— Ну сын мой любезный, вы отправляйтесь в

то царство к своей супруге, здесь тебе не принадлежит ничего, потому что ты сам подписал три трети царства.

Царевич отправился с Настасьей-прекрасной в ее царство, а старый царь отдал Марью-царевну замуж за солдата. Солдат стал жить да поживать, царством управлять[97].

64. Страшный ребенок

Жили-были мужик да баба. Жили они богато, только детей у них не было, а детей иметь им очень хотелось. Вот баба и пошла к колдуну и рассказала про свое горе, и просила помочь ей чем-нибудь. Колдун и дал ей два корешка и сказал: съешь эти корешки в полночь с мягким хлебом и станешь беременна. Баба съела корешки и вскоре действительно забеременела.

Как-то мужику понадобилось ехать в город, и баба осталась в доме одна. Наступил вечер. Бабе стало страшно одной, она и пошла к соседям, чтобы позвать кого-нибудь ночевать к себе, но никого не могла найти. Делать было нечего, вернулась домой и легла на печь. В полночь у нее

---

[97] Примечания: 97

Ср. *Афанасьев А.* Русские сказки, П.О № 33 Вещий сон.

родился ребенок. Она спеленала его и положила к себе на колени. И видит: ребенок смотрит на нее так, словно съесть хочет. Испугалась она, положила ребенка в зыбку, а сама стала молиться Богу. Вдруг слышит, кто-то постучался у окна. Баба обрадовалась и спрашивает: кто там? — Странник. Баба побежала отпирать. Странник вошел в избу и улез на печь. За ним улезла и баба и спряталась за него. И видит она: выскочил ребенок из зыбки и тоже лезет на печь и говорит: я тебя съем! Но старик перекрестил его и ударил по голове. Ребенка не стало, а на полу очутились два корешка.

Старик взял корешки, сжег их на огне и пошел вон из избы.

65. Работник

В одной деревне жил муж с женой и дожили они до глубочающей бедности: больше стало жить нечем. И говорит мужик бабе: ну, баба, я пойду поряжусь к богатому мужику в работники. Пошел и порядился, взял задатку 15 рублей и скоро прожил эти деньги, пошел порядился к другому и у другого взял 15 рублей, и эти прожил, пошел к третьему и у третьего порядился, взял 15

рублей и эти прожил.

И пришлось мужику сходить к обедне. Пришли и те мужики богатые в церковь. Жили они между собой дружно и завели разговор; один другому начал сказывать: вот что, братцы, я этта (недавно) порядил работника какого, да вон он стоит! — Да как же, и я его порядил! Третий: и у меня порядился! Поговорили мужики промеж себя, работнику ничего не сказали, а он слышал ихние разговоры, приходит домой и говорит своей жене: ну баба, я теперь пойду и поряжусь работать к черту.

Пошел в лес и попадается ему черт навстречу, спрашивает: куда мужик пошел? Отвечает ему мужик: в лес дрова рубить. — Так вот что: порядись ко мне в работники. Мужик отвечает ему: с удовольствием, очень рад. — Так приходи завтра в такое-то место, об цене нечего разговаривать, я ценой не обижу.

Пришел мужик к черту работать. Черт напоил его водкой. «Ну ступай, ложись спать, у меня ни один работник до троих суток не работает». — Вот прожил мужик трои сутки; на четвертые встал его хозяин по утру рано, разбудил работника: ну-ка, работник, пойдем в лес, нужно срубить три осины толщиной вершков в шестнадцать, длиною шести сотен и сделать через реку лавы.

Вот взяли по топору и пошли в лес; у черта топор был весом фунтов в тридцать. Пришли в лес и начали рубить осину; черт как начал хвостать — сразу половину пересек, а мужик не может и корки сбить. Срубили они осину, очистили прутья, нужно тащить ее. Черт и говорит своему работнику: ну, брат, давай, потащим осину на реку; взял под комель, а мужик не дает ему, говорит: отойди, чахоточный, прочь, где тебе унести, ступай, берись под вершину. — Делать нечего, черт пошел к вершине, поднял вершину и давай подбираться. Мужик кричит: молодец, хозяин, давай еще маленько! — Черт поднадал (подвинул на себя), осину всю и поднял. Мужик влепил топор в осину, сам сел на комель. — Ну, хозяин, пошел! — Черт попер осину, до того, что пристал (устал). — Ну, казак, давай отдохнем! — Ну, какой тебе отдых, давай, тащи, урод! Делать нечего, не хочется черту поддаться мужику, пошли опять вперед. Притащили осину на реку. Черт и говорит работнику: ну, казак, давай, кидай! — Нет, хозяин, стой, дай перебраться, у нас с тобой не на одном плече. — И свернулся мужик с комля. — Ну, хозяин, кидай! — Черт бросил осину и сам свалился. — Что же ты, хозяин? — Я пристал, ступай ты обедай, а я отдохну здесь.

Мужик приходит обедать, и спрашивает его чертовка: что, брат, где оставил хозяина? — Он, чахоточный, притащил бревно, свалился, на реке лежит, поди только не околеет.

Работник пообедал и лег спать на повети в сани. Черт пришел домой и жалуется своей хозяйке: ну, баба! вот так работник! Я то ли не едрен, он меня втрое едренее, надо его ужо ночью убить, а то жить нам будет плохо.

Мужик выслушал чертовы разговоры, дожил до вечера, поужинал, пошел спать. В сани положил ступу и окутал тулупом, а сам лег на сено. Вот черт встал ночью, взял сорок пудов палицу и пошел бить казака. Подошел к саням и брякнул по ступе так сильно, что ступа прискочила, ударилась в верх стропила. Черт с радостью пошел к себе в избу и говорит своей жене: ну, баба, так треснул казака, нани (даже) он вверх вылетел. А казак, вставши утром рано, пошел преспокойно в избу. Черт увидал казака, очень испугался и говорит ему: что, казак, не знаешь, что так шибко треснуло вечор на дворе? А казак отвечает: тебя надавало с хорошей-то постройкой, — должно быть лопнула стропила.

И говорит черт своей жене: ну, жена, давай уедем из дому вон, пускай здесь живет работник

один. Забрали они все деньги — он в один мешок, а чертовка в другой. А казак к черту в мешок и залез. Потащил черт мешок; казак разрезал мешок и видит, что черт тащит ихним полем и стал говорить: стой, брат, хозяин, тебе от меня не уйти! — В испуге черт не понял того, что мужик сидит в мешке, и бросил мешок. — Давай, баба, кидай и ты! И чертовка бросила свой мешок и побежали неизвестно куда. Мужик, взявши мешки с деньгами, притащил домой и первое его было дело — заплатить долг богатым мужикам, потом завелся хозяйством и стал жить в лучшем виде, а черт к мужику не показался ногой[98].

66. Про черта и пастуха

В одной деревне черт все воровал скотину. Вот и порядился такой пастух, что уж не даст черту украсть что-нибудь, порядился на три дня по сту рублей на день. Выгоняет он в первый раз ско-

---

[98] Примечания: 98

Ср. *Афанасьев А.* Русские сказки 0.1. № 87. Батрак № 88. Шабарша. № 89. Иванко Медведке. *Чубинский 0.* Малорос. сказки. № 107. Три браты (Волынск. губ.). *Трейланд:* Латышские сказки в Сбор. Мат. по Этнографии изд. при Дашковском Этнограф, музее, вып. 110. № 57. Парень и черт. *Рудченко.* Нар. юж. — русск. сказки 0. П. № 45. Циган Великовойин. (Полтавск. г.). № 46. Циган и змий (Киевск. г.). *Эрленвейн:* Народные русские сказки, стр. 125. *Худяков.* Великорусские сказки № 27, № 95.

тину, черт и выходит из озерка. «Пастух! давай, говорит, — мне самолучшую корову!» А пастух говорит: нет еще, погоди, не дам!

— А ты что делаешь? — спрашивает черт пастуха. Пастух говорит: вью веревки. — На что веревки? — А море морщить, да вас чертей в одно место корчить. Черт сейчас и бросился в озерко, там пересказал своему дедушке: ох, говорит, какой теперь стал пастух, не дает мне и скотины-то! Он веревки вьет, хочет море морщить, да нас чертей в одно место корчить. — Дедушка подумал да и говорит: видно удалый пастух! Иди-ка с ним врядки (бегать взапуски, при чем линия бега обоих должны быть параллельны) побегай.

Вышел черт из озерка и говорит пастуху: давай врядки бегать! — А пастух отвечает: охота мне врядки бегать! У меня есть младен двух ден, и тот тебя обгонит А где же он? — А вот пойдем, так укажу. — А пастух знал заячье лежище (логовище) в одном кусте и привел черта к лежищу. — Вот лезь в куст, он выскочит, так и бегай с ним врядки! — Черт сунулся в куст, выгнал зайца и зачал бегать. Только заяц бегает, как попало, туды да сюда, а черт кричит: врядки, врядки!

Опять черт пошел к своему дедушку и стал рассказывать: ой дедушка, говорит, у него есть

младен двух ден, и тот меня обогнал, а сам он со мной еще и не бегал. Нам бы такого порядить в работники, так чтобы он нам и наделал! — Так иди, поряжай, не порядится ли?

Вышел черт на берег, а пастух тут и стоит. «Пастух, порядись к нам в работники», — говорит черт. — «Порядите». — И порядился к черту за 300 рублей на год. Оставалось ему еще два дня в пастухах прожить, и уговорились они с чертом заранее, что черт выйдет на берег встретить.

На четвертый день приходит пастух, черт его и встретил и повел лесом. Привел на место, и пошли они на другой день дерево рубить. Пришли к толстущей осине. Стал черт рубить осину и живо срубил. И спрашивает черт: всю ли вдруг нести или мелким потащим? — Всю вдруг унесем, говорит пастух. Навалил он на черта комель, а сам держится сзади за пруточки. Тащит да тащит черт, так что в поту весь. Оглянется на работника и спрашивает: что не устал? — Нет, не устал. — А я так сильно устал. — Иди под комель, а я стану под вершину. — А я не знаю здесь дороги, так давай повернемся, ты иди под вершиной вперед. Навалил на черта всю осину, а сам сел на комель.

Не дотащили осину, бросили и пошли оба домой. Пришли и говорит черт своему дедушке: ой

дедушка, это нам не работник, он меня замает: я в поту тащу, а он все идет в леготе; надо его рассчитать, а нет, так зарезать.

Пастух это слышал, положил на свою кровать корыто и закрыл его, а сам лег под кровать. Черт ножик наточил, бежит и начал корыто резать, а пастух под кроватью хрипит, будто он зарезан.

Ушел черт в избу, а работник и идет к нему. Старый черт и говорит; нам тебя не надо, рассчитаем тебя. Рассчитали его, отдали деньги за весь год, пастух и пошел. Пошел, только не знает, как из лесу выйти, заблудился совсем. Трои сутки блудился, увидал душно (полое дерево), влез на нее, чтобы посмотреть, не видно ли где жила (жилое место), и провалился в дуплю. Просидел он тут трое суток, не евши, и думает, что уж смерть.

Вдруг слышит: народ круг (около, вокруг) дупли заговорил. Какой-то мужик подошел да и колонул по дупле обухом. А пастух и забучал, будто что улей. Мужик и давай рубить дуплю, подрубил дуплю, а пастух как закричит; ох ты! мой дом рубить! я тебе дам, постой-ка! Мужик испугался и — унеси Господи! А коней тройку тут и оставил. Пастух вылез, сел на коней и поехал домой[99].

---

[99] Примечания: 99

Записано со слов крестьянина Кадниковского уезда Замошской волости Николая Васильянова.

Из сборника Н. Е. Ончукова
67. Мужик и бес

Жил-был мужик, пошел он к озеру деньги хитросью наживать. Сел к озеру и давай веревку из конопельца екать. Бес выходит из озера: «Че делаешь?» — «А веревку ску». — «Зачем?» — «Озеро лажу моржить». — «Не моржи, мужик, я тебе куцю денег дам». — «Тащы давай». — Мужик шапоцьку снял, дыру вырвал в ей и ща-почьку над ямой устроил. Бес тащыть денег подолом. «Давай, сыпь деньги». Бес высыпал, деньги в яму ушли, шапка неполна. «Бежи, другой подол тащи». Опеть побежал бес — в яму боле не ушло, шапка наполнилась. Бесу стало деньги жаль. «Давай, мужик, палицу вверх метать, хто выше высьвиснеть, тому и деньги». — «Тащы давай». — Притащил бес палицу. «Мечи, мужик». — «Нет, ты мечи». — Бес свиснул, высоко палича улетела. Бес мужика наряжат, мужик паличу шевелить не можот. «Обожди, — говорит мужик, — облако пройдет, я на небо заброшу». Бес говорит: «Ради Бога, мужик, не мечи, меня дедко бранить станет». — Утащил бес палицу в озеро, вышел и

говорит: «Станем на санках волочиться, хто доле песню споет, тому и деньги». Мужик согласился. Шишко санки при-тенул. Бес говорит: «Я седу на сани, ты, мужик, потени». Мужик потенул, беса поволок. Мужик волок беса, волок, не пристал, у беса были коротка песня. Мужик сел, бес поволок, мужик поет: «Вот люли, да вот люли»... Пел, пел, беса пристановил, бес говорит: «Ну, мужик, твои люли меня укацяли». Опять деньги мужику доставают-ца. Бес деньги жалеет бы. Бес говорит: «Давай, мужик, березу кулаком тыкать, которой проткнет, тому и деньги». Пока бес таскал санки к дедку, мужик нашел в березе — сук выпал, прикрыл берестом. Бес прибежал, мужик по готовой дыры и проткнул, а бес стал тыкать — не мог. Бес говорит: «Давай, мужик, пойдем в вашу деревню». Мужик собрал деньги в подол, пошли. У реки стоят две лодки. Бес надел их на ноги, мужик спрашиват: «Это што делашь?» — «А это моего дедка коты». — Пошли дальше, стоит баенка; мужик спрашиват: «Што стоит?» — «Моего дедки шапка». — Взял да и наложил на голову. Идут в деревню, в деревне огни горят.

Бес спросил: «Што светит?» — «Бесов выживают». — Бес испугался, побежал, упал и до смерти убился.

68. Мужик и черт

Однажды мужик на озере рыбу ловил, рыба не попадалась, он и подумал: «Хоть бы черт мне дал рыбы-то!» Подумал и пошел домой. На дороге попался ему человек и говорит: «Что ты, мужик, думал?» — «Ничего я не думал». — «Как ничего не думал? Вспом-ни-ко хорошенько». Тогда мужик вспомнил свою думу на озере и говорит: «Я подумал: хоть бы черт мне дал рыбы-то!» — «Это хорошо, а что от добра дашь?» — «Рад бы что угодно дать, да нет ничего, есть только черный бык, я бы и того отдал». — «А обманешь?» — «Нет, не обманю». — «Хорошо, веди завтра быка». На-завтрие поутру встал мужик, вспомнил о вчерашнем, и жаль ему стало быка, и думает: «Дако я пойду на хитрость: возьму худую веревку и привяжу к лесине». И как вздумал, так и сделал; пошел к озеру и привязал веревку за лесину, и пошел осматривать свои ловушки. Рыбы попало очень много. Выходит из озера черт и говорит: «Вот тебе рыба, а где же бык?» — «Быка я привязал к лесине». — Пришли к дереву, за дерево одна веревка привязана; мужик и говорит: «Эх, брат, бык-то оторвался!» — «Давай, делать нечего, смотри

приведи завтра». — Мужик обрадел, снес рыбу домой, и назавтрие опять пошел на озеро и опять привязал худой обрывок веревки за дерево и пошел смотреть ловушек. И опять увидел, что рыбы много, обрадовался и пошел было домой, а черт опять выходит из озера и просит быка. Мужик говорит, что бык опять оторвался. Тогда говорит черт мужику. «Смотри, мужик, не обманывай, приведи суленого быка, а не то тебе худо от меня будет». Приходит на третий день, и видит мужик, что медведь на другом берегу озера кидается в воду и плывет, а черт выходит из озера и требует быка. Догадливый мужик отвечает черту: «Быка-то я привел, да он опять оторвался, вишь вон плывет по озеру — хватай его скорее!» Тогда черт подбегает к берегу и хватает медведя, но одолеть не может. Выходит из озера другой черт и двольни (так) медведя ухаживают. Тогда первый черт приходит к мужику и говорит: «Ну, брат, како у тебя бык-то, я один и справиться с ним не мог, а если бы не пришел ко мне на помочь мой дедко, он меня уходил б; да он и дедушко-то моего так копытом стягнул, что чуть и глаз не выстягнул».

69. Баба черта обманула

Досюль мужик полесовау, захотелось ити ему в лесовую фатерку; на ниделю пошоу, взяу хлеб с собой. Вот он день ходиу, попауся ему ребок подпорчоный (гнус-мышь-подпортиу), захотелось ему поджарить. Пришоу к ночи в фатерку, рябка поджарить захотелось. Он его варит, черт пихается в фатерку. «Ну, что, мужик, варишь?» — «Ряба своево». — «А дай-ко мни ложку попробовать ухи», — черт скае это. Ну он и попробовау. «Ах как уха хороша! Ты своего ряба варишь?» Мужик сказау, что своево. «Ну а какая уха хорошая, дай ко мни нож, я своево вырублю ряба». Он и вырубиу. Стало ему тошно больне. А этот черт пошоу в ледину, закричау во весь… (все горло). Ну, мужик видит, что беда, взяу собрауся совсем, давай домой ити ночью. Домой пришоу, баба блины пекет. «Что ты, мужик, шоу на ниделю полесовать, а сам сичас огвротиуся?»[100]

Ну мужик скаэ: «Ну баба, беда случилась», — так

---

[100] Примечания: 100

Архив Императорского Российского Географического Об-ва. Рукопись: «Различные сведения, заимствованные из местного быта жителей, населяющих Шихаловскую волость Шенкурского уезда Архангельской губернии». Священник К. И. Боголепов.

и так, говорит. Ну потом баба говорит: «Ну мужик, одень мои платья, а я твои одену. Ты пеки блины, а я свалюс в постелю». Ну черт и пришоу, мужик блины пекет. «Что, тетка, — говорит, — дома ли твой муж?», говорит. — «Дома». — «Как же он заставиу моево парня ряб вырубить?» — «О, скае, как у моего мужика, скае, ряб вырублен!», скаэ. «Поди-ко, — говорит, — зажги огня, поглядим у нео» (баба лежит, так чого...). Ну и пришли, посмотрели. «О, — скаже, — у мого сына по корешку вырублено, а у твого мужа логом взято». Черт плюнуу и пошоу, ен его оставиу.

Записана в с. Кондопоге Петрозаводского уезда от

Феофана Алексеева Пормакова (Бирина) 63-х лет

70. Лихая баба и черт

Была у мужика лихаа баба, на лихую жонку попау. Ну и ен не може никак от ей сбыть, никак не може пере-весть. Ходиу, ходиу ен день в лесях и приходит вецером домой и вьет веревку. Ена говорить: «Куды ты, — говорит, — муж, веревку вьешь?» — «Ой ты, баба, — говорит, — я ведь клад нашоу», говорит. Кошель сыскау и походит в

утри. «Возьми, ска, меня». — «Нет, не возьму, ска, куды тебя». — «Нет, ска, пойду», говорит. «Ну, ступай, — говорит, — пойдем». Ен кошель за плеца да и веревку сенную положиу в кошель, и ены приходять к эхтой норы. И ен вяже веревку круг себя. Она говорит: «Ты куды веревку вяжешь?» — «Да, ска, по деньги надо опустить». Она ска: «Куды ты, я сама пойду, тебя не спущу», скаже. И ен взяу веревку да ю и спустиу туды, в нору-ту в эфту. Ена как сошла туды, так он слухаат, она с чертом дратця стала. Там писк, вереск и веревку трясет, избави Господи. Ен и потянуу оттуда: часика два ена там воевала с йим. Как потянет, ажио вдет оттуль черт с рогама. А ен взяу да устрашиуся и назад стау опускать. «Вот, — говорит, — ска, не спускай, сделай милость, што хочешь, я тебе сделаю, на век свой дружбу не забуду, а збав ты меня от лихой бабы, не спускай туды-ка». И ен его и вытащиу оттуль. Ен скаже: «Ну, поди за мной вслед топерь». Ну, и ены приходят в богатый дом. И ен говорит, церт: «Я пойду, говорит на вышку, заберусь на ночь, буду ноць там ломотить (покою не давать), а ты коудуном найдись; пойди ночевать в тот дом. Ну а, ска, придешь как, говорит, на вышку, проси, говорит, ты сто рублей денег с хозяэв тых, а я пойду, говорит, на вышку, а ты

придь да скажи: я при-шоу, ты вон пошоу». Ну, и усмирилос и тихо, смерно стало, боуше не шумит, и ему деньги отдали за это за коудосьво, што ен збавиу от беды. И ен говорит: «Я аще пойду свыше этого к купьцю, я аще буду, говорит, так же, ты опеть найдись коудуном». И ен опеть так же это дело делаат: гремит, што думают хоромы розворотятця. Ну, и ен опеть пришоу так же. «Дядюшка, — говорит, — не знаешь ли цего-нибудь, спокою не дае нисколько, однако, хоромы розвороцяэ». Ему опеть сто рублей дали, и ен опеть пришоу на вышку, опеть ска: я пришоу, ты вон пошоу. Ен говорит: «Ты больше за мной не ходи, двисти рублей наградили». И ен опеть шоу в другое место, ломотит ноцьку и другу там, спокою не дас хрещоным. Ен больше… его и просят, он не смеэ ити тудыкова. Ну и потом говорит: «Возми што тиби надо, говорит, только збав от этой беды, третью ноць спокою не имеам». Ну и ен на достатках боитця, хоть боитця, а пошоу к нему на вышках тудыкова. Он приходит на вышку, а ен кулак заносит на его. «Ты зацим, — говорит, — сюда приходишь?» надо его ударить (заносит руку-то)… А он говорит: «Смотри, — говорит, — деветь баб пришло таких, котораа одна тебя с норы выгнала, а таких деветь пришло». Он ска:

«О батюшко, я уйду из граду вон и сы слыху вон уйду, только не допусти до меня этых баб лихих», говорит. И ен ушоу сы слыху вон.

Записана там же, от того же

71. Чертов работник

Досюль жыу молодец в бедности и пошоу место искать. Ну, шоу, шоу, пришоу к одной фатерки. Ну, заходит в фатерку, тут живет одна вдова. «Ну, стой, тетенька, скае, нельзя ли ночевать?» — «Ну, можно, скае, можно, голубчик, ночовать». Ну, потом ночовау, утором походит. «Так куда, скае, ты добрый молодец, походишь?» — «Ну, а я, скае, похожу, место ищу, нельзя ли в пастухи или куда-нибудь придатця». Ну а она говорит: «Наймись ко мни в пастухи». Ну, он наняуся к этой вдовы в пастухи, утром пошоу с коровамы в лес. Ну она и говорит: «Ну, пастушок, скае, по всему лесу гоняй, вот в эту ледину не гоняй». А он этот день и не согнау, а на другой день на эту ледину и пригнау коров. При-гнау коров, потом сеу на клочек [мягкий бугорок], потом выняу у него тут хлеба из кошаля, потом печеночку [репа испечона] стау йисть, а другую на камушок положиу. Вдруг приходит человек такой, што с лес долиной. — «Как

ты, скае, смеу на эту ледину пригнать коров?» Хватиу, взяу камень с зени. «Вот, скае, как я камень прижму в пясь [сплющу в пясти], так и тебя также, скае, схвачу и скотину всю съем». А этот пастушок хватиу печеночку с камня. «Вот, скае, я тебя прижму, што и сок побежит (а он думает — нечиста эта сила была, што этот камушок значит). Потом эта нечиста сила одумауся: «Нет, видно, этот порнее меня, я только камень сжау в одно место, а он совсем отменито сделау, у него и сок побежау». Ну, этот черт говорит: «Што, пастушок, поди ко мне в роботники». — «Пожалуй, скаже, наймусь, ну только, скае, мни надо скота согнать к хозейки, день понорови, а потом, скае, приду». Ну, он согнау скота к хозяйки, и хозяйке говорит: «Ну, хозяюшка, уволь меня, говорит, скотина одна твоя ходить буде, и нихто не тронет скотины», Ну, он пошоу. «Ну, ладно, скае, пастушок, если так сделау, то спасибо тиби». Там ему розсчиталась из жалования, сколько там ряжено было, так рощиталась вполни. Ну, этот приходит на эту ледину пастушок к хозяину. Ну, этот черт и дожидаат его тут.

Ну, и порядились с ним на триста рублей в год служить и пошли. — «Ну, пойдем, — скае, — за мной», — черт говорит. Ну, шли, шли маленько

место. Потом роботник говорит: «Что, хозяин, скае, надо дров, скае, понарубить по дороге в печку домой, што нам даром ити». Ну а черт говорит: «Ну а как же мы нарубим, у нас нет ни топора, ничего, ну как же мы нарубим?» — А роботник говорит: «Ах ты, хозяин, возьмем эту толстую сосну, ты возьми в охапку за вершину, за сосну, и я также поймаю, свалим ее с корнямы и потащим домой». Ну, хозяин захватиу за сосну, а роботник зачал гокать (гукать — другие), и свалили. Ну, свалили, надо нести, значит, домой дрова по пути с сучья-мы и кореньямы. «Што, роботничок, ты под вершинку станешь нести на плечах?» А роботник говорит: «Нет, скае, я под комель стану, а ты под середку, скае, стань, а я понесу комель». Ну, этот хозяин подняу сосну на плече. «Ну, давай, — скае, — роботник». А он скае: «Ты назад не подглядывай, хозяин». А роботник сеу на этот комелек, песни и поет (сеу на комель). Ну, нес, нес и потом принес уже к фатерке своей и живленью. Ну, и роботник скрычау:

«Ронь, хозяин» (рой эту сосну с плеча). Он кинуу соснишо цельнее: «Будет дров». Ну, приходят в фатерку, там старуха одна в фатерки. Ну, хозяйка там их накормила, и хозяин хозяйки говорит: «Ну, хозяйка, скае, старуха, на робот-ника мы по-

пали, переведет он нас, потому што я вершинку нес дровины, а он комель несет и песни поет». — «Ну ладно, делать нечего, — скае, — уж такого наняу, так что же заведешь». Ну, утром (тую ночь, значит, ночевали, проспали) посылают его на пашню пахать. Ну, роботнику назначили, што есть тиби вот эстолько, запаши и домой. Ну, он борозду-дви оставляет, так махау, махау и до обеда кончиу подряд. Ну, приходит к фатерки да и слушаэт, у дверей слушаэт. Оны говорят со старухой: «Надо, как хошь, перевесь роботника, а то нам беда, скаже». Он и мах в фатерку эту; он и двери знаэшь отвориу. «Ну, што роботник? — хозяин спрашиваеэ. — Ну, што, роботник, запахау?» — скае. — «Запахау. Што ты мало дела дау мени, — скае, — што же без дела буду ноньче ходить поудня». — «Ну, сядь пообедай, — скае, — а потом отдохнешь». — «Ну, ладно давай обедать», — скае. Ну, он пообедау, и послали его спать в сени: «Спать, скае, пойди в сени, роботник, там полог есь, там тиби лучше, скае, тут жарко в фатерки». Ну, он шоу спать, бытто спит, а сам сеу гди-ни-будь в уголок и слушаэт (и ни в пологу), што говорят там хозяэва. Ну а этот хозяин говорит хозяйки: «Ну, што, скае, нам нужно уйти с этого места, а то он нас переведет, пущай один

остаетця тут». Согласились уйти. «Котомочки давай, сложим в котомки припасы тиби одну и мни, по котомки обым». Ну, сложили котомки, старуха говорит: «Ну, старик, пойдем на двор [в нужник] до ветра». — «И то, отправимся». Потом они ушли на двор, а этот роботник выверну уся с заугоука и сеу в котомку, который себи старик наладиу (которую старику нести). Ну, оны со двора пришли. «Ну, старичок, давай же пойдем, пока, скае, спит так». Ну, котомки за плеци, да и марш в дорогу. Старик схватиу котомку за плеци и старуха также, вместях и пошли, значит. Ну, шли, шли дорогой и уж устали, значит. Ну, старушка скае: «Сядем, старик, хошь отдохнем маленько». Ну, и он старик говорит: «Давай сядем». Только начали садитця, он и говорит:

«Што за отдох», — скае. Он и думаэ, знаешь, в след бежыт, встали и пустились бежать. «Што за беда, скае; не уйдешь от него». Потом шли, шли, ну и роботник видит, што они устали, пускай отдохнут. Ну, сели, потом сняли с плеч, клали в сторонку, там, вишь, закусили или нет, не знаю, и свалились. Этот роботник с котомки и — выходит вон, быдто к ним пришоу, и говорит: «Вставайтя, пойдемтя опеть вперед». Оны испугались, давай, делать нечего, выстлали опеть и давай ити. Шли,

шли, и он сзади тихонько идет, видит, што они устали, одва идут. Подходят, стала и ночь заломитця. Приходят в место такое — яма большая, досюль выкопана, смолу, видно, курили. Оны круг ямы и розвалились спать. Ну, выдумка у старухи и старика такая: «Ну, положим его на край около ямы, а самы подальше». Его пехнуть ладят ночью. Ну, роботник и лег, не отпераэтця роботник, на крайчик и лег. Ну а потом, когда оны заснули, он шоу с этого места, сам в середку лег, а старуха на крайчик сделалась, старуху подвинуу на крайчик и стау старика будить. «Старичок, старичок, тоунем, скае, робот-ника» (по старушьи говорит). Встали и тоунули старуху.

Ну, этот роботник вскочиу и говорит: «Куды ты нонь старуху клау, я тебя докажу, скае, под суд все ровно отдам» (там, видно, суда были). Ну а он ему все денег не отдавау триста рублей, за который быу ряжен. «Ну, ладно, скае, отдам под суд». — «Ну вот, скае, роботник, я тебе дам триста рублей, роботничок, не подавай, не подавай никуды, вот тебе жалование триста рублей за поугода». А он ощо просит за поугода, ну, значит, за уважение, штобы не сказать.

Ну, он и согласиуся, этот хозяин, отдау шессот рублей. Ну, потом, значит, роспростились с этим

чертом, он в своэ место пошоу, а черт остауся, и потом заходит к этой вдовы, где прежде коров пасти нанявши быу. Приходи к этой вдовы и спрашиват: «Што, тетушка, смерно ли ходит у тебя скотина после этого пастуха, смерно ли ходи?» — «Ну, спаси Господи и помилуй, ни одна шерстинка не потерялась» (а раньше кажный день пропадала). Эта удовка еще его денег наградила и отправила. И сказка кончилась.

72. Священник и дьявол

В Саратовской губернии у одного несчастного священника в одну темную осенную ноць в 12 цясов случилось и по покоям, и на кухни стук и гром, и шум. Зашли к нему нецистые духи и просят у его одну любезную доцерь. Звали доцерь Александрой. И перепал несцястный священник и — не знат, што с дьяволами поделать. И отказал их до второй ноци и припал он Господу Богу и усердно со своима молитвами, и именно к Миколе Цудотворцу. Микола Цю-дотворец вложил ему сцясливый мысль: «Если явятся к теби диаво-ли и дай им задачу, цего оны справить не могут». На вторую ноць и обращаются диаволи и безпокоят эфтого священника: «Дай нам до-

церь Александру». — «Если вы к свету можете состроить божественную церковь, тогда я вам дам доцерь». Выводит их священник на улицю, отводит им такое место, и занимаются они за работу. Дело двигается к полуноци, а церковь у них сработана до потолка. Священник на этот слуцяй перепал, што оны задацю справят. Взял послал попадью к суседу и выпросил живого петуха и принял петуха кабайтать (чикутать). К свету ближе петух запел. Священник обрадовался, у них храм не достроен. Так и у них и осталась задаця не достряна, а доць Александра осталась у своих родителей, и попугали его нецистые духи. И крепко он благодорил Миколу Угодника и тым он сбыл от диавола.

73. Чертова благодарность[101]

Жила-была старуха, был у ней сын Андрей. Андрей стал говорить: «Чего же я, мамка, живу и выживу, надо мне какой нинаесть промысел искать»? Она ему говорит: «Че ино, дитятко, где начеешь роботу натти»? Пошол Андрей роботу

[101] Примечания: 101

Записана в Чердынском уезде Пермской губернии на реке Вишере, в деревне Сыпучих, в 1900 г.

искать, походил несколько, доходит до озера, до озера не доходит — на липе висит цертенок. Цертенок говорит Андрею: «Спусти меня, я тебе много добра сделаю». Спехнул Андрей цертенка, пошли они вместе к озеру. Говорит цертенок Андрею: «Мой тятька будет набивать тебе денег, ты денег не бери, кольце проси». Подошли они к озеру, из озера вышел черт и в награду денег дават, Андрей кольце просит. Вот кольце дал черт Андрею. Дал кольче, пошел Андрей с кольцем и думает сам себе: «Што в этом кольце есть»? На кольце десять шшерубчиков (в роде гвоздиков). Отвернул Андрей шшерубчик, из кольца вышли три молодца. Позатем он еще четыре шшерубчика отвернул, вышли всего двенадцать человек. Заставил он молодцов каменну стену через проежжу дорогу класть. Склали они каменну стену. Едет обвоз. Ямщики спрашивают: «Кто стену склал?» И стали Андрею молиться, чтобы убрал. «Сколько с лошади дадите? По полтине не жалко»? — «Сделай милость, возьми, только убери стену». — Велел роскидать молодцам стену, проехали ямщики. Собрал он деньги и думат: «Что же я с едакими деньгами домой пойду?» Пошол Андрей еще денег зарабливать. Пришол в город; поряжает купец мост класть, Андрей порядился. Как только к

ночи дело, заставил он своих молодцов роботать; к утру готово, просит утром рощет. Проехал раз десять на лошади купец для пробы и отдал Андрею сто тысяч. Принажил Андрей денег, домой пошол. Пошол домой, являет матери: «Одному мне жить скука». Пошла мать свататься к дьячку. Приходит старуха, спрашивает дьячок: «Зачем, ты, бабушка»? — «Я добрым делом, сватовством: у меня женишок, у тебя невеста». — «Это, бабушка, слов нет, я отдам, да у вас домик худой». Ушла старуха домой. «Что же, Андреюшко, где же нам с этаким человеком схватываться: дом-де у нас плохой». — «Че делать, мамка, ложись спи». — В ночь отвернул Андрей шесть шшерубчиков, выпустил молодцов, и отворотили они ему за ночь дом. На другой вечер посылает опять свататься мать Андрей. Пришла бабушка. — «Что нужно, бабушка?» — «Я добрым делом, сватовством: у меня женишок, у тебя невеста». — «Это, бабушка, слов нет, отчего не отдать, да ходить грязно: пусть будет от моего дому до вашего каменный мост». В ночь своротили молодцы каменной мост. Вечером опять посылает старуху свататься.

Пришла старуха, спрашивает дьячок: «Зачем ты, бабушка?» — «Я добрым делом, сватовством: у меня жених, у тебя невеста». — «Это, бабушка,

слов нет, отчего не отдать, да в церковь грязно ходить: пусь будет от моего дому в одни двери мост, а от вашей в другие». Заставил Андрей и это сделать молодчиков; своротили ночью молодчики эти мосты. На четвертый вечер посылает опять свататься мать Андрей. Пришла бабушка, спрашивает дьячок: «Зачем ты, бабушка?» — «Я добрым делом, сватовством: у меня жених, у тебя невеста». — «Это бабушка, слов нет, отчего не отдать, да только что надо три пары коней вороных с каретымя». Ушла старуха домой. «Что же, Андре-юшко, где же нам с этим человеком схватываться: коней-де три пары вороных с каретымя надо». — «Че делать, мамка, ложись спать». — В ночь отвернул Андрей шесть шшерубчиков, выпустил молодцов. Купили молодчики ночью и коней на базаре. Вечером опять пошла свататься, приходит она, спрашивает дьячок: «Зачем, бабушка»? — «Я добрым делом, сватовством: у меня женишок, у тебя невеста». — «Ну ладно, бабушка, подите, поежайте ко мне во дворец». Приехали, столовали, приехали, обвенчали; поехали к зятю в гости. И я там был, водку-пиво пил.

Из сборника Д. К. Зеленина
74. Портной и черт

1. Портной с семи лет пошол портничати. Он и на господ шыл, и на духовенство шыл, вылевал хорошо лопоть. Около семнадчати лет пришлося у купчя шить ему. У купчя шьет, а он бездетной, купеч. Жена была беременна первым брюхом. При ем и родила девочкю (по-вашему сказать; а по-нашому, по-крестьянски-то, все мальчиком мы зовем, девку и парня).

Родила, а видно, в утробе-то поругалася, черту посулила ее (кохда она ее носила в утробе). Черт лежит под ей, щебы ее унести. Мальчик спрышшот (счишот) топерече, а портной: «Здраствуй, младенечь!» — скажот. Не привелось топеречя черту унести, дока-ме портной шил у ево.

Как портной ушол, мальчик спрышшот, опуту не знал отечь-мать (сказать: «здраствуй!»). Черт взял, унес. Подвернул ему омменка черт.

2. Етот омменок топерече не могут ничем не накормить, не напоить; по семи короваев хлеба съедал, от семи коров молоко прихлебывал.

Потом мучился етот купечь и задумал свя-

щенника попросить, ште ето за штука за едака. Привез свешшенника: «Батюшко, ето што у меня за чудо?!» — «Это, — говорит, — у тебя не раб, а ето у тебя омменок». — «Так чево жо, батюшко, с им делати?» — «Давай, — говорит, — кипети котел воды, неси корыто; я тебе покажу, говорит, все».

Скипетил воды, положил в корыто. Он [священник] стал молитву читать; тот стал, этот младенечь, котлеть (чернеть). — «Лей, — говорит, — давай, воду не ево!» — Заварили тепере, зделалася головешка. — «Вот, смотри, — говорит, — што у тебя было!» — Так и жил етот купечь, опеть без детей будто как.

3. Проходит тепере тому времю двадчать три года. Портной задумал жониччя, де не посватает, нигде не дают ему. (Уж он бездомовой был, ни дому, ниче у нево.) Нашло на ево горе. — «Эка моя бесчасная голова! Нихто мне невесту не дает», — говорит.

Идет путем, задумался. «Черт кабы, — говорит, — отдал, так и то бы взял!» — Черт явился ему: «Ну што, об чем думаешь? Пойдем ко мне!» — Довел до озера черт ево, велел глаза пришшурити; зделался у черта в комнате. У ево двенадчеть дочерей; одинадчеть своих, да двенадчатая купчевна (которая унесена-то).

«Ну, хорошо, сватаччя не време, — говорит [черт], — я тебе опитимью наложу, а сам в Москву схожу. — Сшей-жо, говорит, ты мне малахай (это башлык, а по-ихному малахай) из семи овчин!» — Принес, положил семь овчин, сам отправился в путь, куда ему надлежит. — «А мотри, — говорит, — через три часа дома буду я! В три часа щебы успей все ето!»

4. Сидит, думает; не знает, ще и делать тепере тутока етот портной. Вышла купчевна: «Ты ще, — говорит, — не шьешь? Ведь он, говорит, скоро придет!» — «Я, — говорит: — не знай, ще и делать еттака. Я не за етим явился, — говорит, — я женицця пришол. Подешь ли ты за меня?» — «Возьмешь, так скажу, — говорит, — все, ще надо делать».

Выбрала она из семи овчин старишную большую овчину, шесть свернула, бросила. — «Вот, — бает, — есшо из одные малахай-от выйдет, он в тебе есшо копаеччя. — Окрестила ему, очертовала, как кроит тепериче. — Так закрой и шей».

И почал роботать и сработал малахай. Тольке успел сработать, на крючок повесить, — черт явился. — «Што, портной, сработал малахай?» — «Да, — говорит, — сработал». — Как взял, наложил, и удивился жо, што малахай ладен.

«Топере можом сватаччя, — говорит, — колды исполнил мою просьбу». — А ему [черту] охота отдать-то своя [дочь], щебы и он ево был, портноет. — «А сватаччя, — говорит, — дело нескоро пройдет есшо».

5. Наряжает тепериче воронами этих дочерей всех двенадцать и выпускает в окошко погулять всех в сад. Садяччя одиннадцать дочерей в кучю, а двенадчата подробну, на отдельной сучочек. — «Ну, угадывай жо, — говорит, — которая твоя невеста!» — «А вон! — говорит. — Вон ета сидит одна-та собой, дак вон эта». — На купчевну-ту угадал. — «А, портной, ты не ошибаешша-жо!» — говорит.

Приказал слететь всемя. Слетели с саду. Переперил их голуби-чями, иным перьем, и опять выпускает на сад. — «Ну, портной, пойдем, — говорит, — топере! В ту ли уме-тишь тепере? В одну как уметишь три раз, так твоя и будет; а есь как ошибешша, нет тебе невесты!» — Вышол, указал: «Вон, — говорит, — вон ета!» — И опять она подробну сидит: «Молодечь, портной! Не ошибаешша!» — говорит.

Слетели эти в комоту [?]. Переперивает их косаточькями, в третий раз. — «Ну, топере, портной, пойдем в последний раз! Угадаешь, твоя будет.

Ну, котора твоя?» — «А вон! — говорит. — Вон ета, котора пошшоктывает, поговаривает. Так вот, — говорит, — ета». — Удивился черт, руками схлопал. — «Ну, топере твоя!» — говорит. — Он, видишь, угадал три раз.

6. «Ну, хорошо, портной, сосватаччя сосватались. а мотри жо, выстрой жо о семи этажов палату, штобы опоместиться встемя. Скупи местность, скупи дом, выстрой все, тогда и приезжай по невесту. А дам я тебе строк только-ся на один месячь».

Портной и голову повесил: денег нет, а круто надо ето все изворотиччя, толку-де не будет нечево! — «Што, портной, голову повесил?» — «Да чем мне устроить? В один месячь и деньги большие надо, — говорит, — а у меня нет!» — «Ну, пойдем, — говорит, — со мной!»

Взял малахай черт, повел портнова с собой. Привел в подвал. — «Держи малахай за уши!» — Он держит малахай, и он [черт] навалил ему полной малахай казны. — «Ну, будет ли устроить?» — «Я считаю, што будет — все ето устроить и свалба провести». — Вывел он ево на волю с деньгами. Етот портной идет; мимодучи закупает хоромы, закупает лес. Местность откупил в селе, роботчих наредил, и почели дом строити. В один месячь

все поспело тепериче.

И сказал черт ему, ще «приезжай за невестой (будто как поезд) на двенадцати парах». — Наредил поезжан, нанел всех с конями и поехал за невестой. Где стретился первой раз, думал про невесту, тут жо черт ево и стретил, в том жо месте.

Скочил на козла, догнал до озера, скричел: «Прикройте глаза!» — Как прикрыли глаза, в ограде и зделалися у черта. Выводит невесту, за стол садит. Пошли столы; потчует, поит топере.

«Ну жо, только успейте под венечь стати, готовьтеся: мы сейчас жо едем в гости к вам. А мотри жо, поить станешь, так мне подноси вина кандею полведерную, а поезду — четвертную! Опомешшайтесь на шести парах весь поезд, а шеш пар оставляйте так!» — На шеш пар топере купеческова имения и выгрузил ему. (Он пока дочь-то держал, так купця-та всево раззорил.) Вот тепериче с именьем и поехал портной — и с именьем, и с невестой.

Отправил [черт] их к веньчю от себя. Время подходит, — сам поехал со своим гостьми к им, по вечеру. Приехали от венчя; все комоты накрыли столы, дожидают гостей. Вдрук гости накрыли; и кончя нет лезет; ихней братии че наехало!

Опоместил портной всех по местам, и пошол пир. Половики подносят вино кандеями (водка прежде из бочек-то чидилася). Време прошло до двенадчатова часу полночи — и вдрук как растаяли; ни канительства, нечево не было, живо все убралися.

Черт и говорит ему (стал провожати ево портной): «Ну, есшо спомнишь ты тестя, так выручу из беды! А тебе, — говорит, — худо будет!»

8. Пришло време. Пошли на базар портной с хозяюшкой. Пришли к лафке к купчю; а тот жо самой купечь, от которова унесена дочи: он тесть самой находитца, будто как родной-от портному-ту. Подошол к лафке, он [ку-печь] признал на нем одежу — дипломат ето, шубы свои. (Черт все у ево переносил, пока у нево дочь жила.) — «Истрял я, — говорит, — все свое имение, а признал вора. Нашол на тебе, — ты, — говорит, — настояшшой ворот, видно, и есь!»

Заявил [купец] на суд на ево. Видит [портной], што ему дело узко приходит, — спомнил: «Ох, где-то у меня старой тесть. Пособил бы мне, батюшко! Вывел бы из напасти!»

Вдрук я(е)вляеччя черт топеричe на суд. — «Как вы, — говорит, — судить ево можите? За што ево судить? Он не причинен ничем! Точно ще, верно,

ще твое, купечь, ето имение, дак твоя жо и дочи за им! Я ее кормил у тебя двадцать три года, от тебя все именье переносил». — Он не признает, купечь, ничево етова. — «Дурак, — говорит, — ты, купечь! Поздраствуйся, да возьми на госьти: ведь твое дите-то. Когда етот портной жил у тебя малолетком, когда твоя жена родила девочкю, — я лежал под ей. Помнишь, как омменок тебе был подвернен!..» — Черт от и загородил тут ево всемя словами. — «Не дам, господа, судить ево: он ничем не причинен! Свою голову положу, да не дам судить!» — Принуждал черт купчя: «Поздраствуйтесь! Имей своими детьми».

Купечь одумал сам себя, на том и решился. Поздраствовался, поплакали. И повел к себе на госьти етот купечь портнова. Портной к себе опосля на гости тестя с тешшой. И вывел купечь етова портнова в купчи первой гильдии; ошшо приданова дал.

75. Кузнец и черт

/1. Кузнечь имел промысел — кузничю. Он ковал, а денег у ево на пропитание не было. Все нужное имел себе с промыслом со своим. А держал в кузниче во своей икону — Божьей облик, и

картину — дьявола. Богу помоличчя, а счаны соймет — ж. ой дьяволу поклониччя; насмехался над бесом. Дьявол сердился на ево то-пере и грозился: «Погоди, я тебе ету штукину отведу всю!»

Потом пришол дьявол к нему человечьим обликом, в роботники редиччя. — «Плохо ты куешь, кузнечь, — говорит, — денег не можешь заработать! Кабы ты меня подредил, дак обогател бы!» — А он тому и рад. — «Редись, — говорит, — я рад товарищу».

Поредился, там на какой чене зделалися, и роботать стал. Так вылевает, роботает, ще все удивляюччя. Приманку сделал народу сильную. Денно и нощно теперичя народу было, и шкатулку теперичя стал держать в кузни-че: деньги валили во шкатулку. Удивился етот хозяин своему работнику: «Екова мне Господи послал роботника, ще не могу я и с деньгам сладиччя, не успеваем полу-четь деньги».

/2. Далее и более — време стало приходити до строку. Бес бесов подговорил тепере, ще «придите старыми стариками, с серпами (а время было летное) в кузничю».

Два беса пришли стары-ростарые. Етот роботник и говорит: «Ох вы, дедушки, стары жо больно, говорит, желайте ли перековаччя изо стариков

на молоччеф?» — «Кабы ека, — говорят, — милось была, так не пожалели бы мы и денег, старось завесила шипко. Што бы, говорят, ты взял нас переработать на молоччеф?» — «А возьму, — говорит, — по двести рублей с человека». — А другой говорит: «Ежели бы ты переработал, так я бы, говорит, и три ста не пожалел, только ще бы был молоччем». Согласилися на етом.

Давай он их переработывать. Припасает уголья, все-во; над хозяином распорежается, так тот только успевай поскакивать. Сечас топере напасли все. Розделися старики. Роботник и кричит: «Ну, хозяин, не робей! Как я, говорит, в клешчи заберу, в горно закачу, так кали как можно боле, меси их! — Схватал роботник старика, в горно закатал и кричит: — «Дуй, дуй! больше ничево!»

Роскалил етова старика, выдернули на наковальну, ходили-ходили, — такова молоччя выходили, што топеря на одной ноге и скачет. Выскочил из кузничи. — «Ну, смотри жо, — говорит, — хозяин, вот как работают! — говорит: — А твоя што робота!»

Потом за другова. Опеть так жо калить. Опеть роскалили, давай ковать — и выковали опеть молоччя. Этот молодечь выскочил, по-скокиват на одной ножке.

Получил он топеричя петьсот рублей; хозяину тут жо во шкатулку спусьтил: «Поминай меня, какой я был работник! А сейчас жо россчет подай. Я пошол вперед». — На другой день россчет сделали. Он не отпускал было роботника, да нет: «Мне, — говорит, — вперед есь, боле и твоево дожидают меня!» — Получил и отвалил. — «Ну, прошшай, — говорит, — дядюшка! А свиданье ошшо с тобой мне будет».

/3. Сошол етот роботник. Хозяин остался без роботника. Пришли православные старички серпы зубити; худые, тресуччя сами, старые. — «Ох, дедушки, вы, — говорит, — худы жо! Вы слышали ли: мы двух старичков на молоччев перековали?» — «Да, — говорит, — ета публика прошла, говорит, верно». — «Желайте ли, — говорит, — так я вас переработаю?» — «Кабы милость бы была, так не пожалели мы бы денег». — «Да, сработаю». — Народу много собралося в кузниче, окольнова. Глядят етот народ, ште такая штука: кузнечь до чево дошол — што старикоф на молоччеф перековывать.

Согласились эти старики. — «Што бы ты взял?» — «А по сту рублей, боле не возьму. У меня денег топере есь». — Приказал роздеччя старику. Старик роздеваеччя. Сейчас в горно старика. Жок,

жок, жок, всево изжок, на наковальну выдернул, чучькал, чучькал, всево исчучкал, — ничево нет. — «Ах, ошибся, — говорит, — чево-нибудь в закалке».

Давай другова уговаривати. А надо выправиччя уж ему. Сговорил етова старика, другова; ада опеть в горно. Сожок ево всево, исчучкал.

/4. Заявил народ топеря: «Мотрите, ребята, ето какая мода — народ жегчи? Ето слыхано ли?» — говорит. Доложили суду теперечя; приезжает становой, забирает етова человека, кузнечя. Потом забрали етова кузнечя, сковали в железа, погнали по етапу — там куды ево.

Попадает дьявол во стречу — тот, которой в роботниках жил. — «А што, дядюшка, ты куда это правишся?» — «Ой, молчи ты, детинушка! Я без тебя двух стариков ковал, да не вылилося у меня ничево». — «Так ты и думаешь, што у тебя выльеччя против меня?!.. А ето тебе из-за того показана форма: Богу-то молись, да и дьявола-та не гневи!»

Он втопоры и догадался, што бес жил у ево.

76. Солдат и черти

/1. Прежде, видишь, 20-летняя была служба, 25 лет.

Как отслужит свою службу солдат, дадут ему пашпорт — и ступай на свою родину. Прежде ведь пароходов етих не было.

Идет солдат так; в слободу входит. Застигает ево темна ночь. Просицца ночевать, — нехто ево не пускает. Идет сиротка, живет в келейке: «Пойдем, служивой, я сохраню от темной ночи тебя!»

Приходит в келейку. Эта сиротка покормила ево обедом, услала постелю для нево.

А в етой слободе богатая богатина. Ну солдат так как служил 25 лет, но не видал негде — не у господ, не у купечества едакова строенья: устроен дом и очень сукрашен. — «Што, 25 лет отслужил я, не видал едако сокрашенья! Хто жо у вас, хозяюшка, — говорит: — проживает этта? купец али помешшык?» — «Нет, — говорит, — кресьянин, только большой капитал имеет». — «25 лет я прослужил, не видал — по всей нашой державе нет едакова сукрашенья». — «А хорошо, — говорит, — сукрашенье, служивой, у ево, только жить, говорит, нельзя». — «А почему так?» — «А нечи-

стой дух, — говорит, — пушшон в дом». — «Што жо, — говорит, — нечистой дух разе невозможно выжить?» — «О, — говорит, — служивой, три дохтура находились и рас-писывалися своей жизьей, говорит, штобы не искаться в ей, а богач, говорит, расписывается половиной количества изо всево имушчества». j

Етот солдат говорит: «Ето не может быть, што нечистому духу даться крешшеному человеку!» — «Нет, — говорит, — служивой! Трех дохтуров, — говорит, — ростерзали бесы».

Потом ета сиротка солдата уклала спать, сама к етому богачу: «Вот у нас находитца такой-то человек, ночует у меня, што можот ваш дом использовать». — На ответ ей богач и говорит: «Есь солдатов засерь-то!» — говорит. Потом, одумавши, богач: «Да, дохтура по наукам пользуют, а у салдата, можот, приходилося в 25 лет с нечистым духом спорити?»

/2. Стает утром богач, приходит в ету келейкю. Солдат стал, умылся, Богу помолился. Богач и спрашивает ево: «Слыхом уверя-етца, служивой, што мог бы ты мой дом использовать?» — «А што у тебя такое в дому?» — «Вот глушенесь ночи набьетца нечистова духу, заведут игру, даже стены дрожат». — «Это все, — я думаю, — пустяш-

но вашо дело, што нечистой дух не выжить из дому». — «А ты, служивой, можешь ли в своей голове росписатця?» — «А што моя голова? разе больно дорога? Пашпорт со мной: где умру, тут и похоронят!» — «Вот, служивой, я росписываю: половинно количество изо своева имушчества отдаю, если ты можошь мой дом использовать». — Этот богач взял етова солдата, повел к себе. Послал богач повестки становому приставу, што «при становом приставе распишися, солдат, о своей голове». — А богач росписался о своем имуществе: половина количества солдату. Ну, солдат росписался и богач росписалися.

/3. Приходит ночь темная. Солдат винну припорцию — в тот карман бутылку спустил, в другой, и пошол в ето зало. В етом зали розгуливатца — в ту комнату зайдет: хорошо, в другую: есшо лучше; на том деване полежит, на другом.

Как приходит полночь, нечистой дух лезет в эти зала. Атаман сел во стул. Солдат выходит из другова зала, стопал ногой: «Рос-про… в… м…, нечистый дух! Хто вам приказал в ету залу ходить?» Атаманишшо: «Растерзать етова солдата!» — Солдат: «Нет, я рас-терзацца не дам!» — «А почему?» — «А хто хитрее зделает в етом дому, тот и оставайся! Если ваши хитрости хитрее, я

отынь до веку не заглену в етот дом; если мои хитрости хитрее, вы штобы отынь до веку не заглядывайте!»

/4. Потом бесы зачали все ка(о)меди приставляти. У бесов ис-прошли все комеди. — «Давай, солдат, преставляй ты: у нас все вышли!»

Солдат взял напарью — роскрашоной краской рос-крашена, — зачал стену вертеть. Провертел стену до половины: «Давай вот, поместитесь все 12 человек в ету дыру!» — Все лезут, пишшат-вишшат. Один был бес храмой, у солдата милости просит, а солдат етова беса под ж… пихает: «Лесь, растак твою мать, поди ж… и ты!»

Он взял с себя крест, крестом оградил ету дыру. Атаман стал солдата просити: «Выпусти нас обратно! Мы отынь до веку не заглянем в етот дом! А ты, солдат, не ходи только к нам на Круглов остров!»

Потом солдат розградил обратно, выпустил етих бесов из дыры. Эти бесы побежали из верхнова етажу по лесницам. А солдат етих бесов зачал под ж… пинать ногою, што «отынь до веку не заглядывайте в етот дом!»

Становой пристав половинное количество вчего имушчества у етова богаца солдату отписал и — штобы занимать любое зало, где солдату

пондравитца.

Утром вставши, до другой ночи, берет солдат сысторон понятых и хозяина, и некакой другу ночь не зделалось не игры, не шума, не грома — ничево не зделалось. Богачь по ночь, по две, по три [караулил?], нечево не стало слыху.

/5. Етот солдат живет год и два, и три. Жить очень хорошо, а только бабы нет. Приходит к етому богачу: «Што, дядя? Я придумал женицца». — «Это хорошое дело! От нас невеста не отобьетца, хоть у купца, хоть у помешчыка, хоть у попа — у нас капиталу хватит. Где желаешь сватать невесту?» — Солдат говорит: «Которая меня сиротка счастьем нашла, ее возьму!» — «Ах, по нашому именью, она живет бедно». — «А нет, она меня счастьем нашла! Ее возьму». — Ну, и женился на етой на сиротке.

/6. Живет год и два, и три. Приходит лето. И говорит: «Старуха, пойдем за грибам!» — «Да куды ты, — говорит, — за грибам-то итти?» — «Да вон, — говорит, — лес-от». — А старуха ему и говорит: «Этта, — говорит, — все какое-то мленье в лесу-ту». — «Какое-то мленье произвели! Ничево не признаю!»

А бесы бегают по етому самому Круглову острову, етова солдата припознали. Потом атаману

сказывают, што солдат, говорят, у нас на Круглом острову.

Сделалась сильная [буря?], ветер, так — дерево на корню стоит, а вершиной по земле хлешшот. А солдат оградил дерево и стал под ето дерево и стоит. — «Ты што, солдат? Заклятье дал, штобы к нам на Круглов остров не ходить!» — Атаманишшо приказывает растерзать етова солдата. Солдат привиняется, што: «Виноват я; не знал, што ето Круглов остров... Ну, дайте мне со старухой простицца». — «А где твоя старуха?» — Побежали бесы, притасшыли ету старуху. Старуха испугалась. — «Ну што, старуха? Давай простимся!..» [Конец сказки неприличен. Бесы испугались раскрашенной напарьи и оставили солдата в покое.]

77. Пустынник и дьявол

Был келейшык. Нечистые духи просили у нево места. Он не дает места. — «Пусти хоть кол вколотить». — Он не мог от них отбарабаччя; вколотили они кол.

Келейшык вышол рас, не благословесь, видит: на горе кузничя, старых на молодых переделывают. Просиччя у них, переделать и ево. — «Не

крестись!» — говорит (в горн от ево класть-то начали). — Он перекрестился, — один кол остался.

Из сборника Б. и Ю. Соколовых
78. Как солдат былицы рассказывал

Шел солдат из службы, зашел к мужицьку ноцевать.

— Если знаешь какую былицьку, ноцюй, а не заешь, дак и не оставайсы, иди с Богом.

Ен ницево не знает, а взялсы:

— Разскажу, — говорит.

(В солдатаф жил, никакой былицьки не науцилсы.) Поужинал и лег спать, а самому не спитсы — думает: «Цево я разскажу, если ницево не знаю?» Цюеть — все уснули. Время полноць. — «Убегу, говорит, лутше. Если не убежать — дак голова долой». Вот и побежал. Прибегает в поле, а тут куця накладена снопов в поле; ноць была темная, лежать ему не сподруцьно. «Лягу под куцю, дождусь светку маленько и пойду». Как только што лег, и крицит вдруг из куци:

— Задавил, задавил!

Ен испугалсы: цево такое задавил? «Пойду лутше дальше», — говорит. Вот идет и дошел до овина, а он ешшо тепленкой. Думает: «Зайду,

полежу маленько, да пойду». Пришел в эту тепленьку, а там мужик лежит, спит, и топор в боку. Вот ен опять испужалсы: «На меня бы не сказали — пойду, говорит, дальше». Подумал, подумал: «Куды я пойду? Вороцюсь я опеть на ту фатеру, ежли станут распрашивать, дак вот эти былицьки я и расскажу». Идет. На мост. Зашел, на мосту два полога лежат. А у мужика были четыре сына. Ен и заглянул в один полог. В этом пологу спит муж с женой, а посереди иф болшушшей змей лежит и шипит. Закрыл полог и от нево проць.

В другой полог заглянул. В другом пологу тоже муж с женой спят. В изголовьи пташка сидит и до тово жалобно поет, что заслушенье. А они спят близехонько, плотнехонько. Он и этот полог закрыл и от этово полога проць. Потом пришел, лег на полати и думает: «Вот ешли спрашивать будут, то вот эту и разскажу». Видит — набежало нецистой силы целая изба; в избе стоит светец, уголья насорены и не опахано. Это нецистая сила нацяла толцись. Все уголье это в муцьку измяли — пыль столбом пошла. Истолкли все уголье, сами убежали вон. Все стало тихо в доме. Вот ен полежал немного, уснул, а старик уже и стает; стал старик, огня достал и сыновей будить. До них стал ешшо, до свету разбудил сыновей, — мо-

лотить идти. Сыновья и невестки стали; потом этово прохожаво будят:

— Вставай-ко, служивой, разсказывай топерь былицу, — говорят.

Вот ен стал, умылсы и говорит:

— Вот, дедушка, вот я жил в солдатаф 25 лет, а ницево не знаю; а вот я розскажу, што я видел в эту ноць: поляжал, поляжал — думаю, говорит, што ницево не знаю. Жалко своей головы — думаю убегу, говорит. Ну выбежал в поле, лег под куцю, ну под куцей и крицит, што — задавил! Я, говорит, испугалсы и побежал дальши. Побежал и вижу тепленькая теплица; я вошел в тепленьку, а там мужик лежит, а топор в боку. Я, говорит, испугалсы и опять пошел дальше. Подумал, подумал, куды мне идти спать, а в путь ешшо темно. Воротилсе на ту же квартиру. Пришел на мост, заглянул в полог — тут лежит муж с женой, ваш сын, а промеж них змей большой; я, говорит, закрыл полог, открыл другой, а там опеть муж с женой лежит, а в головах сидит пташка и так жалобно поет, што заслушенье. А они лежат к друг дружке близехонько, плотнехонько. Я и этот полог закрыл. В избу вошел и на полати лег. Вдруг ноцью набежало нецистой силы и — свитець стоит, а они кругом свитьца и начили толцись.

Уголье все в муцьку измяли. Потом потолклись, потолклись и все убежали; в избе стихло.

Вот этот старик:

— Молодец, служивой!

И нацял сыновей призывать:

— Кто снопы обирал?

Который обирал, тот и говорит:

— Я, тятенька, обирал.

Вот он схватил плети и давай драть етова сына.

— Вот знай, подлец, как с цюжиф полос снопы обирать!

Драл, драл, от ево отстал. Знал, который сын дурно с женой живет, за тово сына принимаетсы:

— Вот и тебе, сын, то же будет! — и давай драть: знай, как с женой худо жить! Вот промежду вас нецистая сила и лежала, она вас и смущшает.

Тово сына призывает, взял образ и благословил теф:

— Вот, — говорит, — благословляю вас, сын и невестка, што Господа Бога поцитаете, и закон ведите в согласии, и потому приведение сделалось, што пташка распевала.

Этова сына призвал, котрый в теплинке ноцевал:

— Ты, говорит, сукин сын, сам лег спать, а топор в стену уткнул? — Ен вот у тебя в боку и оцютилсы. Ведь ты устал, и топор устал. Знай вперед, как пороботаешь, так топор на место клади, а не втыкай ни во што.

Потом и говорит:

— Которая невестка пожже всеф спать лежилась?

Та и отвецяет:

— Я, батюшка.

Вот ен опять плеть схватил и давай драть.

— Знай наперед, как спать лежишши, дак уголья подпахивай. Благословлясь оставляй, и свитець на место клади!

Ну, служивенькой! Господь с тобой, отправляйсы. Ты хоть в нашем доме разглядел все порядки!

И наградил ево деньгами. Все ушли молотить, а служивово напоили, накормили, он и отправили домой.

79. Мужицек, церт и попы

Вот мужицек согрешил много: убил ли ково, ограбил, — грех только огромадной.

— Пойди, роскайсы свяшшеннику! — говорят.

Роскаялся свяшшеннику, а свяшшенник ево

грехов не принимает. И он взял убил этово попа. Пошел к другому, и другому роскаялсы, — и тот не принимает, и тово убил. Пошел к третьему; сошел, — и третий не принимает; ен и третьево убил. Обрал этиф свяшшенников.

— Куды иф? Што я с этими свяшшенниками буду делать? Ково я поряжу хоронить? Што, хоць бы пришел церт на этот раз!

А церт под окошком тут и есть.

— Што, — говорит, — мужик, надо?

— А вот, — говорит, — што надо: похорони попа, я тебе полтораста рублей денег дам!

— А где у тебя поп?

— Вот я к тебе вынесу!

Вынес и поставил к дверям:

— Возьми, — говорит, — попа и похорони!

Церт взял попа на плеце и поташшил хоронить; а ему мимо погоста бежать. А поп сидит у окошка (это было позно вецером).

— Кто идет? — говорит.

— Церт идет!

— А ково несешь?

— Попа несу.

Поп хозяйке сказал:

— Церт попа пронес!

Церт похоронил попа; прибегает к мужику и

говорит:

— Отдай деньги!

А мужик на то место приготовил другово попа, поставил.

— Деньги я, — говорит, — отдам, только похоронил ли ты попа?

— Пойдем, поглядим!

Вышли на мост, а поп за дверям стоит. Не разговаривает церт, сгреб попа снова и побежал. И опять в ту же пуцину мимо этово погоста. Поп опять сидит у окошка.

— Куда идешь?

— Попа несу.

И ен его опять в пуцину спустил. Прибегает к мужику за деньгам:

— Мужик, отдай деньги!

— Похоронил ли ты попа? А вот поглядим, — говорит. — Если похоронил, то сечас получишь деньги.

Вышли, а поп опять стоит тут. Церт, не говоря ни слова, попа сгреб и поташшил опять мимо тово же погоста. Поп спрашивает:

— Кто идет?

— Церт.

— Ково несешь?

— Попа, — говорит.

Поп подумал:

— С теф погостов церт унес попов, а теперь за мной придет!

— Попадья, — говорит, — я побегу в деревню!

— Беги, — говорит попадья, — скоряе!

А деревня была с версту, и ен до половины только добежал от погоста до деревни, — а церт попа как бросил тамо и в это время шел полем и увидел попа, што бежит в деревню.

— Постой, — говорит, — долговолосый, не уйдешь! Ты опять обогнал! От меня не уйдешь!

Набежал, тяпнул попа и в ту же пуцину лопнул. Положил камень — и ен опять уйдет! И за деньгами пошел к мужику.

80. Мужик и церт

Мужик хлеба снял много, семейство было большое, робят много, а молотить некому. Подумал ен, што хоть бы церт на гумно пришел, помолотить бы пособил. Церт приходит.

— Што ты, мужик, думал?

— Ницего я не думал! — говорит.

Церт сказал:

— Нет, сказывай!

Мужику пришлось сказать:

— Я, мол, думал, штобы церт молотить пришел.

— Давай примусь, — говорит, и зацял молотить.

Снопы полятели к полатям. Мужик видит, што дело не ланно, остановилсы и глядит. Церт спрашивает у мужика:

— Што ты, мужик, глядишь?

— Я гляжу, — говорит, — што ты не дюж молотить.

— А почему ты дюж молотить?

— А потому, — говорит, — я дюж, што я кладеный.

А церт сказал:

— Выклади и меня! — говорит.

Ен схватил серп и отрезал церту я... Церт закрицал, побежал:

— Ой, тошно!

Там нашлосе их много и спрашивают:

— Што тебе село?

Ен обсказал, что так и так, мужик я... вырезал. Церти побежали к мужику на гумно. А раньше этово мужик ушел домой и сдобил бабу свою, надел штаны ей и кафтан свой дал и отправил виять. А церти в то время пришли:

— Ну, мужик, говорят, покажи, ты кладеный

или нет?

Баба сняла штаны и стала раком. Церти стали заглядывать, ранка пушком заросла, и ушли с гумна.

81. Солдат и церти

Солдат по отставке шел домой. Дошел ен до цясовеньки.

— У меня, — говорит, — был завицен молебен в мужикаф Николаю Цюдотворцу.

Поставил ен свицьку и отправилсы дальше. Дошел ен до другой цясовенки Казанской Божьей Матери. И там завицен был молебен. Поставил ен свицьку. Денег у нево не осталось ни копейки, а перелесок ему идти дальний, и жила близко нету. Идет; ись ему захотелось сильно. Вдруг на вороной лошади идет человек, ест пирог, нацинен яйцам, говядиной — и пирожок теплой, только парок идет. Стретилсы с ним. Солдат сказал ему:

— Дай, — говорит, — пирога мне закусить!

Ен говорит:

— Давай три копейки, половину отломлю!

Ен ровно узнал, што у меня денег нет.

— Денег нет, — говорит, — у меня, а солдату не грех и так дать: отслужил двадцать пять лет

на службе.

Ен дернул лошадь и отправилсы, поехал, поедает пирог.

— Экой безсовесной, — говорит, — не дал мне пирога! Придетсы так идти. Где грибок сломает, где короцьку здерет, соцьку поскоблит рукам. Это все было не питательно ему. Потом вышел ен на дорогу и видит, из-за кривуля идут два старицька. Стретились с им, поклонилися и розошлись. Доходит он до этово кривуля — лежит сумоцька.

— Ох, — говорит, — эти потеряли, видимо!

Бросилсы сзади за им и закрицял:

— Сумоцьку потеряли! — говорит.

Их уже не винно нигде. Так солдату девать некуда сумоцьку, приходится брать.

— Што-то в этой сумоцьке, я не поглядел! Нет ли там хлеба сераво?

Раскупорил сумоцьку — и хлеба сераво два куска большие лежат. Вынял ен хлеб, стал есть.

— Ах, топерь бы квасу, говорит, как бы я славно поел!

Поглядел в сумоцьке, там квасу бутылка стоит. Выташшил бутылку квасу и оппетитно солдат поел.

— Топерь бы, — говорит, — и простяку (водки) бутылку выпил!

Поглядел в сумке, а водка стоит. Вынял солдат, выпил здорово.

— Как Бог, — говорит, — дал мне клад!

Стал и пошел опеть. Продолжал ен несколько время итти и подходит к усадьбе. Усадьба огромная, барин живет богатенной. Поставлен новой дом — здание большушшое-розбольшушшее, рамы все приломаны, на крыше сидит ворон. Солдат подошел к этому дому, посмотрел и головой кацьнул.

— Какое здание стоит пустое! — говорит.

Отошел от дома несколько места, а староста видел все ево путешествие. И ен спросил старосту:

— Цей это, — говорит, — дом, голубцик?

— Это дом, — говорит, — нашево господина!

— Што жо в ем не живут?

— Роботали, — говорит, — мастера, и барин с ими росхлопо-тал, и они полон дом насадили цертей: от этово-то в ем и не живут.

— А что бы иф оттуда, — говорит, — проводить, из дома?

— А если ты возьмешши, я донесу барину.

— Могу, — говорит, — вывести из дому иф.

Староста побежал к барину и говорит, что так и так, солдат беретсы вывести цертей из дому.

— Ну, беретсы, — говорит, — дак возьми ево

себе на квартиру, и што ему нужно, то и дай!

Привел ево на квартиру домой; сили обедать со старостой. Хозяйка заругалась на старосту:

— Ты што с колдуном сел? Ен тебя изведет, испортит! Староста из-за стола не вышел. Выпивали вместе и продолжали голцить про этот дом. Потом подходит вецер. Надо солдату идти в этот дом. Солдат говорит:

— Пойдем, староста, сведи меня! Отопрешь этот дом.

— Нет, — говорит, — у нас никто в это время не ходит около дома. Один был молодой парень — звали Игнашкой, — тот взялсы этово ворона столгнуть: поставил листницу и слез на крышу; ен ево оттуды так торнул, што душа вон. И этот Игнашка и сецясь в этом доме вместе с тем цертям. А вот на тебе солому и клюци, и ступай с Богом один! И для слуцяя топор.

Солдат наказал старосте, штоб как можно горящее в эту ноць кузнецы грили горна и из кузницы не выходили. Взял солому и клюци, и для слуцяю топор, зажег свицьку с фонаря и пошел туды. Приходит, отпирает двери и здымаетсы по листнице и говорит:

— Ах, проклятая сила, какое здание завладела!

Входит в комнату, и другую — и все поахивает:

— Ах, ах, проклятая сила, какое здание завладела!

Вошел ен в самую заднюю комнатку, затворил двери, благословесь, розослал соломку и положил сумоцьку в голову. Вдруг по дому шум поднялсы, крыцят, стонут… Один кривой подбежал к этой комнате и закрицял:

— Робята, этта кто-то есть!

От подбежали все. В комнату им не войти, закрицяли у дверей:

— Вон, — говорят, — солдатишко!

Ен им ответил назад:

— Я не солдатишко, а полный солдат! Богу и великому государю отслужил двадцать пять лет, а врешеньки врешь, убирайтесь вы вон из этово дома!

Несколько время прошло, оне отвалилисе, а солдат безопасно отдыхать стал. Солдату снитсы сон, кабы ен держит бутылку в рукаф и наливает стакан вина и только выпить и сказать: «Благослови, Господи!», а вместо стакана топор в рукаф.

— Эка окоянная сила! Коль она не хитра, а все-таки благословленое слово крипци ихнево!

Лег, благословесь. Вдруг идет, в котором он полку служил, енерал, и ведет отьця и мать ево.

— Ты что же, брат, сбежал? — говорит. — Не

дослуживши ушел?

Матка и отець стали просить ево:

— Ступай, дослужи службу, сын!

А солдат сказал:

— Ежели вы отець и мать мне, то могите подойти и сюды!

А енерал ответил:

— А, ему не жалко батьки и матки? Вздуйте же хорошенько иф!

Принялись три бесенка ломать и рвать палками отьца и мать. Отець и мать заплакали, стали просить ево со слезам, а ен ответил:

— Бесовская сила, ты коль не хитра, а миня отсюды, — говорит, — не взять!

Оне розсмеялись, побежали проць от нево. Через несколко время все это затихло. Вдруг солдат заглянул в другую комнату. Там роскинут полог, лежит девушка в одной рубашке.

— Солдат, — говорит, — иди сюды!

— Нет, врешеньки врешь! Ежели ты крешшеная, то иди ты ко мне!

Это ницево не могло зделать ему. Все ифныя доказательства в дело не пошли. Биси сказали то ему:

— Погоди, когды старшой наш придет, тогда ты уберешшы!

Около полуноци у дома роздвинулсы свод, сотона спустилсы на пол. Все биси подбежали к ему и жалуютсы:

— Какой-то к нам появился солдат, никак не можем выгнать ево!

Сотона спустилсы сам туды к ему. Тово не подержали молитвы. Згреб солдата за ворот, а солдат всякие стихи запел. Стихи ево не помогли. Солдату в ум пало: возьму сумоцьку? Да ево сумоцькой и колкнул; ен повернулсы кошкой — сотона бежать прочь! Солдат тяпнул кошку в сумку и давай бежать из дома. Вот прибегает ен в кузленицу, сицясь в горню. В горне до тово горит, што страсть. Выносят на наковальню. Первый раз как лопнул, кувалда вылетела из рук неизвестно куда. Ен згреб другую и замахнулсы.

— Аминь! — говорит, и давай шлеять: што коснет, то «аминь». И клали несколько раз в горню и исколотили церта всего. Вышел из кузленицы и вытряхнул из сумоцьки пепелок один только.

— Ну, теперь с Богом можешь идти, кузнец, спать! И я пойду.

Пришел опять и на те же три обмолотка лег и спал до утра, ницево больше не слыхал.

Утром приходит к старосте.

— Ну, ступай-ко, — говорит, — староста, смот-

ри-ко, в доме все изломано у цертей!

— Мы это знаем уж!

— Ну, пойди, скажи барину, што цертей я выгнал!

Барин приходит к солдату, и пошли с солдатом в дом. Солдат по всему дому обвел барина и говорит барину:

— Эх, проклятая сила, какой дом завладела! Ен, окаянной, попал мне на дороге встрицю: на вороной лошади едет, пирог ест с говядиной, яйцем — теплой; а мне так исть захотелось, страсть! — не дал мне. Я за это ево лишил жисти. Топерь безопасно, барин, живи: ево нету!

Барин ево не спушшал солдата:

— Живи у меня!

Солдат не согласилсы. Дал ему денег сколько ен мог унесть, потом запряг тройку лошадей и свез солдата домой. Солдат живет топерь хорошо, слава Богу. Сказка вся, сказывать больше нельзя!

82. Про цертовку (былицька)

Был у мужиков построен стан на пустоше. Поехали оне и квартеровали в нем. Повадилась к ним цертовка ходить в обед, когда оне лягут спать. Оне видят, што дело не ланно. С утра до

обеда оставили целовека калить шширу. Пришли крестьяне на обед, выворотили эту плиту из огни, спахали с ней уголь и положили опеть на старое место. Легли отдыхать, а сами не спят и ожидают гостью. Через несколько времени идет цертовка в стан с распушшенным волосам, нагая и с робенком — и садится на эту шширу. Обожгля всю ж..., и изо стана вон. И заревела:

— Ой, ой, ой! Ой, ой, ой!

В лесу ею и спрашивать:

— Кто тебя? Кто тебя?

А она отвечает ему:

— Сама себя ожигала.

Тем цертовку и лишили ходить в стан.

83. Как купецеской сын Иван нечистую силу увез

У купца поставили сына в солдаты — мать ево не за-любила, потому што хотела с ним грех сотворить, а он не согласилсе. Велела ево забрить в солдаты. Он и служит в солдатах, ему служба даласе. Поступил он в афицеры. Вот он афицером служит хорошохонько — жалованье полуцяет хорошее. Вот он и здумал ехать домой, отпросилсе проведать родителей. И поехал он. Доехал — гос-

подин живет, барин. Он привернул ноцевать. Вот они с господином в другой комнате цяю попили. Увели ево в другую комнату, там напоили и накормили ево. Из этой комнаты, где цяй пили, нихто не ноцюет, ушли все.

— Што же, — говорит, — этто у вас нихто не спит?

— А, — говорят, — нельзя!

Вот он проспал ноцьку, поутру ладить отправляетьсе идти. Ему говорят:

— Не ходи без завтраку.

Вот они завтраком покормили. Он и зашол в ту комнату, где цяй пил. Посмотрел он в пецьку, а в пецьке сидит целовек. Вот он скоряе вон из фатеры. Нашов он хозяина и благодарит его за угошшенье и спрашивает ево:

— Што это, хозяин, у вас целовек в пецьке сидит? Пошто он?

— А вот што, батюшко, не можем мы ево вывести, не даваэт спокою ноцью в этой фатере — все сидит.

— А што кабы ево увезти!

— Да кабы ты увез, я не знаю, што заплатил бы тебе!

— Давай, — говорит, — боцьку.

Вот боцьку принесли, он ево выташшыл и по-

садил в боцьку, наколотил железно обруцье.

— Давай тройку лошадей — увезу, — говорит.

Он тройку лошадей дал, и карету запрегли. Боцьку и вынесл Вот он и поехал. Тот в боцьке и говорит:

— Куды ты миня повез?

— Я, — говорит, — поехал домой.

— А миня куды?

Он ехал, ехал, взял боцьку спихнув в ров да сам и уехал походцяе. Вдруг там обруцье лопнуло, боцька розсыпалась.

— Стой, Ванюха! Не уехать!

Бежит за им.

— Да я никуды и не уехал — садись, — говорит.

И едут они двое. Доехали до кабаку.

— Тебя как зовут?

— Миня, — говорит, — зовут Гришкой.

— Да, Гришка, поди, говорит, в кабак, неси вина.

Гришка в кабак сошов. А он и погонил, хотел уехать, а тот бежит, захвативсе за тарантас.

— Стой, Ванюшка! Не уехать!

— Да я, — говорит, — не поехал, кони побежали сами.

Тот принес вина, выпили, эти и поехали. Опеть ехали, ехали, до кабаку доежжают.

— Гришка! Поди-ко в кабак — неси-ко вина!

Гришка опеть в кабак. Как ушов в кабак, тот и погонив коней, хотел уехать. А тот как выскочив из кабаку, схвативсе за тарантас.

— Стой, — говорит, — Ванюха! Не уехать!

— Да я не уежжаю, кони сами сбесились, побежали.

Выпили и поехали. Ехали, ехали, опеть до кабаку доежжают.

— Поди-ко, Гришка, принеси винця.

— Не трудись, Ваня, не уежжай. Тебе не уехать от миня! А я пригожусь тебе.

Вот опеть зашов в кабак, а этот было опеть и поехал. А он выскоцил.

— Стой! Не уежжай — я тут и есть!

Опеть и захватил. Сел в тарантас и поехал. Доежжают до ихнево дому.

— Смотри, — говорит, — Ванюшка, матка тебе принесет стакан цяю, вывали за окно; нальет тебе стакан вина — ты не пей, опять. И скажи батьку, што я вылью за окошко.

Вот он выплеснул за окошко и говорит:

— Папаша! Неси графин в шкафу — я попью, а этово не хоцю.

Матка видит, дело не ладно.

— Как он это догадалсе?

А тот Гришка уехал на постоялой двор с конеми. Вот он погостил недолго времени, сутки трои.

— Надо, — говорит, — мне ехать опеть на дело.

Взял, поредил мальчика до станции.

— Там есть Гришка ямшык, так и посылай, што мне ехать домой пора.

Сицяс Гришка ямшык подъежжаэт к окошку. Вот он выходит; напекла булоцек, гостинци. Вот они сили и поехали. Гришка взявсе сам повозницять — не дал Ванюше править, и поехали они в лес. Идет он лесом. Только елочки трешшат, кустики легают, к им зверье присегают.

— Ну ко, Ванюшка, напекла тебе матка булочек — кинь ко зверью.

Он, как кинул на сторону одну, так и розорвет звирье, в другую — и розорвет.

— Вот, — говорит, — каких тебе матка напекла булочек; съели бы, и тебя не было.

А этот Гришка и говорит:

— На ко мои булочки поэшь, мои вкусняе будут.

Поели; приежжают они в тот город, где он служил.

— Поди ты, — говорит, — к нацяльству, обойдись цесть цестью. Назовись, што есть у миня товаришш — возьмите в солдаты.

Вот он сошов, объяснил нацяльству.

— А для цево не возьмем?

Взели ево в солдаты. Ему уценьице далось. А этому афицеру пошла от цясу служба больше и выше. Повторяют ево в нацяльники. Он и говорит:

— Зови ты высших нацяльников — повковника и генерала в гости к себе. Позвал и говорит:

— Гришка! Сходи, принеси водочки.

Гришка сошол в кабак, принес цельной яшшык разных водок. Пришли гости, напились хорошохонько.

— Какой у тебя доброй кучер, от как добро употчивал!

— Да это што? Што хочете, то и принесу вам.

Так потчивал трои суток. И изладили Ивана в повковники. Гришка и поступив к ему в деншыки. Вот цярю и захотелось подновить сад, а сад был богатейший. Ишшет он охотников подновить этот сад. Гришка этот и говорит своему повковнику:

— Пойди, порядись сад чинить.

— Да у меня не будет сделан.

— Будет сделан, проси, только не ошибись, проси 30 тысяч деньгами, 3 боцьки вина, повк солдатов — через 3 года раньше не справим. Так

и берись, — говорит.

Вот он сошов, народу набралось много. Он и порядив-се. 30 тысяч взял денег, 3 боцьки вина, повк солдатов. Взял, пришов, Гришке и сказываэт:

— Порядился!

На третий день отправились на роботу. Приехали они в этот город. Поит солдатов безпросыпно. Эти три боцьки выпоил вино. Вот вина мало стало. Сошов он, опеть три боцьки купив вина. Опеть и эти три боцьки выпили вина. Солдатом жизнь хорошая. Вот оне жили мисяць целой, только што вино пьют, а роботы нет. Гришка вышев на улици, крикнул своих мальциков, ноцью оцистили все — што шабаш! Взятши, на другую ноць сделали сад, так Боже мой! Царь и не видал эдоково саду. Взятши, он отправил своих солдатов в город к цярю:

— Посылайте, пускай идет, посмотрит какой сад!

Приехали, сказали цярю:

— Требует он туда сад смотреть.

Приежжает цярь туда и говорит:

— Больне хорошо, я от роду таково саду не видал! Што же это ты хотел сделать в три года, а сделал в три мисяця?

И восхвалил этот сад.

— Вот тебе награда великая — цин тебе енерала. Ешшо кабы ты дом переделал этто.

— О можем мы весь город переворотить, все переделать!

Вот они через три мисяця весь город поднови-ли, так сделали, што лутше старово в 1000 раз. Цярь им денег за роботу послал:

— Сколько хотите, столько берите!

Цяря приказали со всей свитой посмотрить, как уделали весь город хорошо. Вот цярь приехал со всей своей свитой, и с енерала-ми, и жоной, и с детками. И жили они, целой месяць тут жили. Цярь говорит:

— Я за тибя свою доць замуж выдам!

Как проговорил цярь, время недолго прошло, живо оввенцяли. Цярь и сделал ево князем в этом городе. И наделил эту земельку ему.

— Ты, — говорит, — все устроил хорошо, так и владей ей. Вот он и стал лихо сбывать, а добро наживать. Стали жить хорошо. Гришка и гово-рит ему:

— Ну, Иван купецеской сын, отсеки мне го-лову.

— Што ты? За што я тебе отсеку? Ты мне столько добро-то сделал!

— А то што мне век изошол, я теперь заслужил

— жизнь свою концил. Грехи свои зароботал — примет теперь миня мать-сыра земля! А не то миня мать-сыра земля не принимала! А ежели бы ты не увез, я, поди, там сколько бы прожил! — Не умереть бы мне!

Вот ему делать нецево — взял и отсек голову. Схоронил ево на кладбишше, сделал над ним паметник хорошей. Он стал в этом городе цярьствовать. Сицяс живет — хлеб жует.

84. Странник и бисы (быль)

Один странник недавно на ярмонку приходил и говорил:

— Не бранитеся, матушки, не злитеся, бисы не призывайте. Я девять мисяцов мучился. Черти-то, бисы-то мине и говорят: «Ты — раб наш». Велели крест снять, да, как спать лягу, так душить начинают, в окно лезут, зубы кажут, когти, и дом точно горит, все трешшыт, трешшыт.

Вот все нас и уговаривал не браниться, не сердиться.

— Вот, — говорит, — раз иду, а с собой икона Царицы Небесной, а они все по бокам да кричат мне: «Ты — раб наш». У меня в ногах слабость стала, да вспомнил о Богородице, так сразу легче стало. А

к телу-то Господню как подошол, черти-то в окна смотрят сверху, один у од-ново, другой у другово.

— Не злитеся, не бранитеся! — все говорил. Я, говорит, грешный был, царя бранил, политические дела делал.

Тако во всех каялся и всем говорил, чтобы не грешить.

Из сборника А. М. Смирнова
85. Мужик и черт

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был мужицок-лесницок; он ходив лесовать недалеко и бив дици немного. Вот он и говорит сам сибе:

— Надо сходить подальше, можоть (быть), побью побольше.

Отправивсе по один день подальше и бьет всяково звиря много и слышит в одной стороне и крик, и рев, но не смев тово дни пойти туды. На второй день опеть жо идет в ту сторону лесовать и тожо бьет всяково звиря ощо тово больше и чиет тот жо крик и рев в той стороне; он опеть не смев туды идти, так оставив. Вот и на третий день идет туды жо и тожо бьет всяково звиря много и опеть слышит рев и крик; расположивсе: што

будет — схожу, што там такое. Приходит к этому месту и видит: дерутце лев-звирь и черт. Вот этот лев-звирь и давай просить мужичка, чтоб подсобив эттово черта убить. И черт просит мужицькалесницька, штобы подсобив лева-звиря убить. Мужик думает сам сибе: «Не знаю, которово и убить? Если черта убить, то лев-звирь съест меня, а лева-звиря убить — черт помучит, помуцит, да живо жо оставит», — и решил льва убить. Вот он, взяв свое ружье, зарядив ево покрипце, и убил лева-звиря. Этот черт и говорит:

— Цем жо я буду тебя, мужицок, награждать? Здесь наградить мне нечцем, — пойдем жо, друг, домой, — там я награжу тебя цем-нибудь!

Приходят оне к черту, бросает этот черт шкуру левазвиря о пол и говорит своему отцю:

— Ах батюшко! Сколько я не ходив, а все-таки левазвиря погубив!..

— Ах дитя! — говорит отец. — Где тибе левазвиря погубить?

— Да вот мне, батюшко, мужицок-лесовицок помог убить, я не знаю, цем жо ево и наградить?

— А вот што, дитя! — говорит старшой черт. — Есть у нас серебряное кольце, с руки на руку переложить — выскочат двенадцать молодцей, що угодно, то и сделают, отдадим ему, пусть он

повисит под правую пазуху.

— Но этово, — говорит малой черт, — мало ему; вот што, друг, пойдем к цярю, у цяря есть много пастушков, пасут стада и делают утраты во всякий день много, и порядись ты у этово цяря пасти скота и будешь пасти постоянно сохранно и жалованье он тибе положит большое.

Приходит к цярю, и говорит мужицок на этих пастухов, што: «Вы, вот, ходите и много утраты делаете, а я буду ходить сохранно!» Вот ево цярь этот и порядив в пастухи и рядив ему сто рублев в лето: он и став ходить сохранно. Этих старых пастухов цярь посадив в тюрьму, им стало бедко на нововo пастуха; и выходят цярские дити погулять к острогу, вот эти острожники и говорят:

— Эй вы, цярские дити! Подьте-тко сюды, цевонибудь скажем про вашево нoваво пастуха.

Дити подошли, они говорят:

— Ваш молодой (новой) пастух похваляетце достать из-за тридевять земель, из-за тридесять морей, из тридесятово цярства от бабки от довгоноски внуцьку Олену, прекрасну девицю.

Вот дити пришли домой и сказали своему отцю. Доживают до вецера, пригоняет пастушок скота сохранно, и призывает ево цярь на-лице и говорит ему таковы слова:

— Ну, вот што, молодець, достань мне сей жо ноци невесту от бабки-довгоноски внуцьку, Олену-прекрасную, не достанешь — голова долой!

Вот пастушок заплакав горьким горюцим слезами и вышев из цярства, да сам сибе и говорит:

— Эх, кабы на эту пору, на это времецько, да старо-прежний друг-черт!

А он тут и есть.

— О цом, — говорит, — друг, плацошь?

— Да вот так и так, — говорит, — цярь службу накинув.

— Однако какую?

— Да приказав достать из-за тридевять земель, из-за тридесять морей, из тридесятово цярства Олену, прекрасну девицю, взамуж.

— Эх, друг! — говорит черт. — Это нам не служба, а службишка. Садись за плеци!

Вот он сев за плеци к черту, и потащились. Несет ево черт и говорит таковы слова:

— Вот што, друг! Придем мы с тобой туды, а мне в дом зайти неприступно; в этот дом ты пойдешь все равно, што поло; у ворот стоят цясовые, но я напущу на их сон, все равно што мертвые будут. Когда в первую комнату взойдешь — спит простонародье; во вторую комнату взойдешь — спят солдаты; в третью комнату взойдешь — спят

господа офицеры, и на всех я напущу мертвой сон; в четвертую комнату взойдешь — спит она, прекрасная Олена; заверни ты ее с постелькой всей и тащи по ком хочешь, хоть по народу, не кто не пробудитце.

Мужик так и сделав; прошов три комнаты, взошов в четвертую, взяв ее с периной и потащив скорее, а все спят, как мертвые; приносит на улицю, садитце к черту за плеци, и потащились к цярю. Приходит он к цярю и кладет ее в прихожую. Эта девиця поутру встает и говорит сама сибе:

— Ах, Боже мой! где же я теперь лежу? у цяря в прихожей…

Вот приходит цярь к ней и говорит:

— Што жо, Олена, прекрасная девиця, идешь ли взамужество за меня?

— Ах, ваше цярское величество! отцево жо я нейду за вас, только есть ли у вас винцельное платье?

— Как жо, — говорит, — нет у нас платья?

Вот он отвел ей комнату с платьем; она день выбирает, другой и третий и не могла по уму прибрать платья.

— Ну, — говорит, — ваше цярское величество, когды умили меня достать, так умийте и мое

винцельное платье достать!

Вот этово пастушка цярь опеть призывает к сибе на-лице и посылает опеть туда жо за платьем.

— Представь жо, — говорит, — к утру, а не представишь — голова с плець долой!

Пастух выходит из цярства и плацет тово тошняя.

— Ах, — говорит, — кабы на эту пору, да на это времяцько, да старопрежной друг-черт!

Он тут и есть.

— О цом, друг, плацешь? — говорит.

— Да вот цярь опеть службу накинув: приказав достать платье винцельное.

— Ну, — говорит черт, — эта служба ницевотаки служба! Но, давай постараемся, можот, достанем.

Вот пастушок сев к нему за плеци, и потащились опеть, несет ево черт и говорит:

— Вот што, друг, это платье у ней в каменном соборе и в алтаре под престолом. Вот мы когды придем к этому собору, у этово собора (есть) каменная ограда, и лежит тут обломков кирпицю много, ты бери один, которой поматеряя; в этом соборе будет совершатце служба, ты взойди в собор и встань за пецьку, а мне идти туды неприступно. Вот я обвернусь златорогой ланью, буду

вокруг собора бегать, и служба остановитце, пойдут меня ловить и выйдут из собора все, останетце один монах, да и тот станет в окно смотрить. Вот ты (в это время) из-за пецьки выйди и этим кирпицем в тиме ево ударь и сними с ево монашеское платье и надинь на себя; тогды и возьми это платье из-под престола, выходи вон и лови меня, я тибе половлюсь.

Вот приносит ево черт к этому собору, — тоцьно, што в соборе служба идет, и взяв он кирпиць, которой поматеряя, заходит в собор и встает за пецьку, штобы никто не видав ево. А черт обвернувсе златорогой ланью и став бегать вокруг собору. Певцие увидали эту лань и остановили службу, друг по дружке и вышли все; оставсе один монах и тот смотрит в окно. Вот этот мужицок выходит из-за пецьки, этим кирпицом и зашиб монаха, сняв с ево монашеское платье и надев на себя; потом достав подвинецьное платье из-под престола, сунув ево за пазуху, выходит вон и ловит эту лань. А люди ему и говорят:

— Эх, монах! где тибе поймать эту лань? — есть полутше тебя, да не могут половить!..

Он одно: пробираетце к ней да дружелюбит, а эта лань подвигаетце к нему да лащитце. Поймав эту лань и сев на ее. Народ крицит:

— Монах, вались! нето увезет тебя, — а он держитце да думает, как бы скоряя уехать. Выехали на заполье, сняв с себя монашеское платье, повесив на кол, а сам сев к другу за плеци, и потащились опеть.

Приходит пастушок к цярю и кладет это платье в прихожую. По утру встает Олена, прекрасная девиця, и говорит:

— Ах, Боже мой! Где мое платье было, а топерь у царя в прихожой лежит.

Приходит к ней цярь.

— Ну, што жо, — говорит, — Олена, прекрасная девиця, идешь ли за меня взамуж топерь?

— Отцево нейду, — говорит, — ваше цярское величество, но есть ли у вас винцельные кони и карета?

— Как жо, — говорит, — у нас нет коней и кареты?

Вот он отвел ей конюшну, другу и третью; она день выбирает, другой выбирает и третий, — не могла по уму прибрать не коней, не кареты, и говорит опеть цярю:

— Когда умили, ваше цярское величество, меня достать, умили и мое подвинцельное платье достать, так умийте жо и моих тройку коней и карету достать!

Вот цярь опеть своево пастуха призывает и наказ наказывает, штобы к утру достать тройку коней и карету, а не то — голова с плець долой! Выходит пастушок из цярства и плацот ищо тово тошняя, да и говорит:

— Эх, кабы на эту пору, на это времецько старопрежний друг-черт!

А он тут и есть.

— О цом, — говорит, — друг, плацошь?

Он сказав, што так и так, царь службу накинув опеть.

— Какую жо службу накинув?

— Приказав, — говорит, — тройку коней винцельных достать и карету.

— Ага, — говорит, — да это служба! Ну, да все-таки пойдем, можот, достанем.

Вот и потащились добры молодци опеть. Эти кони и карета были у ней в синем море под каменной плитой. Приходят к синю-морю, черт посылает этово мужицька в лафку купить две свици воску ярово. Мужицек принес две свици воскояровых; одну свицю затеплив сибе, а другую товарищу. Черт и говорит ему:

— Вот што, друг! Когда вся свиця изгорит, а меня из моря все-т нет, то и ты валейся в воду, и тибе не жира! — сказав это и укурнув в море.

Этот мужицок и давай ходить по берегу и дожидает своево товарища. Вот у ево половина свици сгорела, а черта все нет; вот ужо и немножко стает, — ево все нет, и став он уж к нокотку прилипать свицюшку и заплакав горькими да горючими (слезами):

— Видно, и мне не жира, — думает…

Вдруг по морю волна заходила, — это черт и идет на тройке; выехав на берег и вскрицяв:

— Успевай садитце, друг, скоряя!

Мужицек успев вскоцить ему в карету, и понеслись добры молодци: где у дома угол захватят — угол проць, где у церквей прихватят угла — главы покривятця. Вот черт и говорит своему другу:

— Вот што, друг! ни дойдем до цярства, ты их тпрруукни, а то все ваше цярство разнесем.

Не доехали оне до цярства, мужик и крикнув (лошадям) «тпррру!» — кони остановились… Вот оне доехали до цяря. Мужицек-пастушок вышов из кареты, привел этих коней к столбу тоценому и привязав к кольцю золоценому, надавав пшеницы белоярыя и заходит к цярю в палаты, и дает знать государю, што привел таких-то коней. Царь призывает Олену, прекрасную девицю, на-лице к сибе:

— Ну, што жо, Олена, прекрасная девиця! Идешь

ли теперь за меня взамуж?

— Отцево жо, — говорит, — нейду, ваше цярское величество, — коли вы умили меня достать и мое винцельное платье, и моих коней с каретой, ну, так ищо у этово своево верново слуги отрубите голову, — тогда я за вас иду взамуж.

— Нет, девиця Олена, не подымаютце у меня руки срубить головы ево, — сказав ей цярь.

Вот она взяла саблю и срубила голову самому цярю, и взяла этово пастушка за ушка и поцеловала ево во уста:

— Пусть жо ты мой муж, а я твоя жона!

Вот он и сев на цярство. Вот ево старопрежний друг черт и приходит (к нему) да говорит:

— Ах, друг! Сев на цярство, да не на руки куделя…

Мужицек день прожив, наступила ноць, ложитце с молодой жоной спать… Эта бабка-довгоноска изозналасе там, што ее внуцька увезена и за цяря взамуж отдана, и отпустила она своей силы три корабля, штобы это цяр-ство все пленить, головней покатить и цяря опалить. Старопрежной друг черт приходит к нему и колотитце:

— Ах, друг, — говорит, — спишь, да свою голову проспишь!

Вот он встав, в свою подзорную трубку поглядев

(и видит): идет морем три корабля силы; он взяв это кольцо из-под правой пазушки, с руки на руку переложив и выскоцили двенадцеть молодцей:

— Цево угодно, ваше цярское величество? — говорят.

— А вот что, братци, — говорит он, — эту силу всю разбить и по воде разметать!

Вот эти молодци и пошли по морю, все равно как по земле, и всю силу разбили и по воде разметали, и приходят на прежнее место. Переночевали ноць, как ницево и не было; наступает день, живут (молодые) преспокойно; наступает опеть вечер и, как только што спать легли, эта бабка-довгоноска отпустила шесть кораблей силы, надо ей цярство покорить. Вот старопрежний друг черт опеть колотитце и говорит такие слова:

— Эх, друг, спишь, да свою голову проспишь!

Цярь встает, в подзорную трубку поглядев (и видит): идет шесть кораблей силы и тово ближе. Он торопесь кольцо с руки на руку переложив, выскочили двенадцать молодцей.

— Цево изволите, ваше цярское величество?

— Надо, братци, эту силу всю розбить и по воде разметать! Вот оне эту силу разбили и по воде разметали и воротились на старое место.

Переночевали (молодые) ноцьку, как нечево не бывало, живут и день преспокойно, наступила третья ночь. Вот бабка-довгоноска отправила двенадцать кораблей силы и сама в легкой лодоцке поехала: надо ей узнать, куда сила девается. А старопрежний друг черт опеть приходит и колотитче:

— Эх, друг, спишь, да голову проспишь! — крикнув.

Царь встав, в подзорную трубку поглядев: идут двенадцать кораблей силы, а сзади идет и сама бабка-довго-носка в легкой лодоцьке. Он кольче с руки на руку переложив, — выскочило двенадчать молодцей:

— Цево изволите, ваше цярское величество?

— А вот што, братци, — говорит, — надо эту силу разбить, и по воде разметать, а бабку-довгоноску в гости созвать.

Оне эту силу всю разбили, по воде разметали, а бабку-довгоноску в гости созвали. Вот зять ее молодой стал угощать всякими напитками, в том цисле и сам напивсе, сделавсе очень пьян и лег спать.

— Как жо ты у моия бабушки силу губив?

— А своей, — говорит, — русской храбростью.

— Врешь, што-нибудь да есть у тебя?

Он спьяна то и сказав, што: «У меня под правой пазушкой на шовковой ленточьке есть серебряное кольче, — с руки на руку переложу, выскочит двенадчать молодчей, што надо, то и сделают». Вот и заснув. А жона ево возьмет да это кольче и срежот и выйдет с этой бабкой вон. Бабка возьмет это кольче с руки на руку переложила, — выскочило двенадчать молодчей.

— Цево изволите, бабка-довгоноска? — спросили те.

— Это чарство, — говорит, — все покорить, попленить, головней покатить и чяря опалить!

Вдруг это чярство и загорело, головней все покатило и самово чяря опалило. Эта бабка со своей внучькой села в лодку да и обратилась в свое место. Вот старопрежной друг черт и приходит к своему товарищу и говорит:

— Ах, друг! Я тибе говорил, што не на руки куделя…

Взял ево, посадив на плечи и унес домой. Принес домой и говорит своему отцю:

— Ах батюшко! У меня што над другом-то сделалось — всево опалило!

— А вот што, дитя, слезай-ко в подполье, у меня есть там кувшинчик о двенадчати рыльчях — принеси.

Черт этот кувшинчик достав и став лечить своево товарища, и вылечив, тот сделавсе ищо лутше прежнево; вот и говорит ему:

— А што, друг, не желаешь ли своей жоны повидать?

А он отвичеет:

— Эх, друг! Да где жо мне топерь свою жона повидать?

— Да ежели желаешь, — говорит черт, — так садись за плечи, сичяс посмотрим.

Вот он тут сев за плечи и потащилисе добры молодчы. Дорогой и говорит черт ему:

— Вот что, друг! Оне топерь с дорожки в бане моютче, а в баню мне зайти тут можно; возьми жо ты свою саблю и встань в передбанье, а жона твоя из бани пойдет, ты не тронь ее, а бабка пойдет, то как только она в двери голову покажет, я сзади немножко подпехну, — ты не зевай, руби ей голову саблей.

Приходят добры молодцы к этой бане, как есть оне с дороги моютце в ней; черт и забравсе в баню к ним, а мужицек встав в передбанье. Вот выходит жона ево из бани, сунула в двери голову и говорит своей бабке-довгоноске:

— Ах, бабушка! Русским духом пахнет!

— Што ты, дитя, — отвицеет бабка, — какой

здись русский дух? Ты жила там, — тибе все русский дух и цюетце…

Вот жона и ушла из бани; бабка одна осталась в бане. Вот и она покатилась водой и пошла вон; во двери только што голову показала, черт сзади немножко попехнув, а мужицек и отсек ей голову, взяв за нос и бросив в море; на ногу встав, другую раздернув и тожо в море бросив. Пришов он к своей молодой жоне, берет ее за руку и отправляютце в свою местность, и построив он опеть свое цярство ищо лутше прежнево, и став он со своей жоной жить да цярствовать, тем и сказка концеетце!..

Вельский уезд. Зап. со слов Матушкина. 90-е годы

85. Иван крестьянский сын и Марья-царевна

Жили были старик со старухой, у них был один сын Иван. Этот Иван вздумал вить веревки. Пришел на берег реки и вьет веревки. Вдруг из воды вышел чертенок и спрашивает:

— Чево, Иван, делаешь?

Иван сказал:

— Веревки вью, стану море морщить, да вас

чертей корчить.

Чертенок сказал:

— Что тебе надо за это? — и пошел чертенок к старшему чертенку спрашивать. Старший велел:

— Перво побегайте с Иваном.

А Иван сказал:

— У меня есть маленький сивенький старичок, так ты с им побегай наперво.

На то время выскочил из кустов заяц и побежал, чертенок и кричит:

— Ой, ой, нет не угонится.

Чертенок и думает, за стариком сивым не угонится, а за молодым Иваном нечего и думать; этот чертенок испугался и убежал опять к старшему и рассказал старшему.

— Ну, ступай, покидайте палки.

Этот чертенок принес палку толстую и большую и кинул палку высоко. Иван сказал:

— Ты низко кинул, а я кину из виду вон.

Чертенок думает, что и, правду, кинет высоко, испугался и убежал. Пришел к старшему и сказал; старший сказал:

— Сходи и поборитесь и узнай силу. Когда пришел к Ивану, чертенок и говорит:

— Давай бороться.

Иван сказал:

— Мне не стоит марать руки, а у меня есть дед семидесяти пяти лет, так ты хоть с ним-то справься.

В то время из лесу вышел медведь. Этот чертенок и схватился. Медведь все его изуродовал. Чертенок говорит старшему, когда пришел от медведя:

— Больше не пойду к Ивану.

Старший сказал:

— Сходи, что надо еще Ивану.

Чертенок пришел, а Иван тем временем выкопал яму, свою шляпу изорвал и растянул по яме, чертенок и говорит:

— Иван, моря не морщи и нас чертей не корчи, что надо, то и бери.

Иван сказал:

— Вот эту шляпу наноси полную золота.

Этот чертенок обрадел, стал носить мешком золото, носит, носит, и подачи нет, и говорит Ивану:

— Какая у тебя большая шляпа-та!

Иван сказал:

— Ничего не велика.

Чертенок полную яму наносил золота и принес колечко и говорит:

— Вот тебе еще подарок, когда тебе, что надо,

все тебе будет, только с руки на руку перенадень.

Иван взял колечко, распрощались, чертенок ушел, Иван золото увез домой. Иван и говорит своей матери:

— Сходи сватом к царю, — а у царя было (так) дочь, звали Марьей, — не отдаст ли за меня.

Мать пришла к царю и говорит:

— Царь, великий государь, отдай за моего Ванюшку свою дочь Марью, у его денег не меньше твоего.

Царь и говорит:

— Пусть сделает дом точно такой, как у меня, чтобы сегодня ночьей, вутре я выйду на бавхон, чтобы видно было его дом.

Мать, когда пришла домой, и заплакала, и рассказала Ивану. Иван и говорит:

— Не тужи, утро вечера мудреняе.

Мать отстала плакать и легла спать, а Ванюшка вышел на улицу, с руки на руку перенадел колечко, вдруг пришло страшно народу и стали работать, к утру дом лучше царева сделали. Мать Ивана утром встала, смотрит — все не по-старому, и пошла мать к царю, пришла к царю и говорит:

— Вот, царь, экой хитрой у меня Ванюшка, в одну ночь экой дом заворотил.

Царь сказал:

— Пусть в одну ночь церковь сделает.

Еще пуще запечалилась, пришла домой, сказала Ванюшке. Иван сказал:

— Не тужи.

Вышел ночьей на улицу, перенадел с руки на руку колечко, вдруг сделалась церковь и зазвонили, и царя разбудили. Мать пришла к царю и говорит:

— Вот, царь, великий государь, все сделано, отдай твою Машеньку.

— Можно отдать, только с тем, чтоб от вашего дому до моего дворца были мосты хрустальные и сукнам устланы, а по ним чтобы ходила карета-самоката и всякие птицы пели.

Мать испугалась и заплакала, и пошла домой, пришла домой и рассказала Ивану. Он и говорит:

— Утро вечера мудреняе, не тужи.

Когда легли спать, вышел на улицу, перенадел колечко, вдруг стали мосты хрустальные и сукном устланные, и карета-самоката до самого дворца царского, и всякие птицы поют, и отдал царь за Ивана Машеньку.

Недолго после свадьбы пожили, Машенька у Ивана все выпытала, как все он устроил. Когда он уснул и положил колечко под подушку, эта Машенька колечко взяла и с руки на руку пере-

кинула, выскочило несколько молодцов:

— Снесите меня за тридевять земель, в пятидесятое царство; когда ее снесли, и у Иванушка ничего и не стало. Когда Иван пробудился, то все стало худое, и заплакал, и пошел к тестю:

— Машеньки, — говорит, — нет, не знаю, куда и девалась; царь испугался, не знают, куда и девалась Машенька. Иванушка сходил к кузнецу, сковал три костыля и испек три просвиры, и пошел разыскивать Машеньку. Долго он шел, подходит к избушке, пришел в избушку, лежит Баба-Яга из угла в угол, и нос в потолок, когда Иван заходит в избу, и кричит Баба-Яга:

— Фу, фу, фу, русскаго духа слыхом не слыхала и видом не видала, а сам ко мне на дом пришел, съем-погублю, на белый свет не опущу.

— Ишь, старая чертовка, не сердись, не ерись, а напой, накорми.

Эта старуха напоила, накормила и стала спрашивать:

— Куда пошел и куда правишься?

Он ей:

— Свою Машеньку разыскиваю.

Она ему говорит:

— Ой дитятко, трудно тебе до нее доступить, она у моей старшей сестры живет, она чему порадела,

и житье-то, житье ей худое, идти-то назад нельзя, все с моими племянницам ходит.

Она дала ему скатертку-самолетку. Он пока до ее шел, так железную трость исподпирал и просвиру изглодал, и подходит к избушке, и идет в избушку, лежит Баба-Яга, из угла в угол, и нос в потолок, и говорит Баба-Яга:

— Русскаго духа видом не видала и слыхом не слыхала, а сам ко мне на дом пришел, съем-погублю, на белый свет не опущу.

Ванюшка и говорит:

— Ишь, старая чертовка, ты бы с дорожки напоила, накормила. Эта старуха встала, Ванюшку напоила и накормила, стала спрашивать:

— Откуда и куда путь-дорогу держишь?

Ванюшка бавшке обсказал все, как и как стала. Бавшка Ванюшку пожалела и дала ему меч-складенец, и говорит:

— Твоя Машенька живет у старшей сестры моей, — она его подчила, и распростилась. Ванюша пошел, долго он шел и опять просвиру изглодал и трость изподпирал, вдруг подходит к избушке, заходит Иван в избушку, лежит Баба-Яга из угла в угол, и нос в потолок, когда зашел в избу:

— Фу, фу, фу, русскаго духа слыхом не слыхала и видом не видала, сам русский дух ко мне на дом

зашел, съем-погублю, на белый свет не опущу.

Он говорит:

— Старая чертовка, ты бы не торопилась со своей поежой, а ты бы дорожного человека напоила и накормила, и добро поучила.

Сейчас старуха соскочила, напоила и накормила Иванушка, и стала спрашивать:

— Откуда и куда путь держишь?..

Он все рассказал, как что было. Старуха пожалела и сказала:

— Трудно тебе будет до ее доступить, она живет у старшей моей сестры, отсюда не далеко.

— Ну ладно, — говорит старуха, — скоро твоя Машенька придет в голове искать, а ты лезь под кровать к ей в сундук и посиди в сундуке.

Когда Иванушка залез в сундук, вдруг пришла Машенька к старухе, и Ванюшка слышит. Машенька стала у бавшки в голове искать, бавшка и спрашивает:

— Что же бы ты, Машенька, поглидела ли бы на своего Ванюшеньку?

— Поглядела бы, хоть одним глазком да взглянула бы.

А Ванюшка сидит и слушает.

Машенька от бавшки уж ушла, Ванюшка вышел из сундука. Бавшка научила Ванюшку, что:

— Иди в сад и продавай меч-складенец, — и дала клубочик, — потом, на другой день, клубочик станут покупать мои племянницы, а ты с тем продавай, чтобы ночь спать с Машенькой, также складенец и скатертку.

Пришел в сад, разсклал на скатертку меч-складенец и клубочик; пришли покупать и купили за то, что Ванюшке надобно с Машенькой ночь проспать. Они взяли Машеньку, напоили допьяна и повалили спать. Ванюшка будил да плакал, что:

— Марья-царевна, как я до тебя доступал, три просвиры изглодал и три трости железные изподпирал, а ночь прошла.

Те девки пришли и его прогонили. Когда Иван ушел от них опять в сад, выложил скатертку-самолетку и клубочик, пришли эти девки, клубочик купили с тем, что ему с Машенькой ночь проспать. Оне Машеньку опять пьяную напоили и спать повалили, и булавкам у Машеньки платье к постеле приколотили, и Иванушка опять лег с Машенькой, а Машенька опять пьяная, он будил да плакал, разбудить не мог. Опять ночь прошла, Иванушка опять прогнали, а Машенька, когда разбудилась, стала допытываться. Этот Ванюшка опять в саду скатертку последнюю продавать, и пришли девки покупать скатертку, и продав

Ванюшка за то, чтобы ночь с Машенькой спать. Когда Машеньку стали поить, то она будто пьет, а сама в рукав льет, она притворилась пьяная, и повалили с Ванюшкой спать. Ванюшка заплакал и говорит:

— Как я до тебя доступал, три просвиры изглодал и три трости железные изподпирал, — как вдруг одна слеза попала Машеньке на лицо, она пробудилась; сразу воровски вышли и кольцо с руки на руку перекинули, и оказались дома, и у Ванюшки дом опять стал хороший. Царь увидел, что и мосты хрустальные и сукном устланные, и бегает карета-самоката, царь обрадел, сел на карету и приехал к зятю и дочери, и сделали пир на весь мир.

Кадниковский уезд, 1907 г.

86—87. Огненный змей
Из сборника Д. Н. Садовникова
86. Про змеев

/а. Когда змей летает, его остановить можно; только — сказать: «Тпру!» Тут его обо всем спрашивать можно, и он правду скажет; а когда отпускать надо, то следует рубашку от ворота вниз разорвать на себе, а иначе не улетит и будет все говорить: «Отпусти! Отпусти!» Кто этого не знает, того замает змей.

/б. Раз над одной избой, где вдова жила да об муже горевала, змей рассыпался. Вошел, как был при жизни — с ружьем, и зайца в руках принес. Та обрадовалась. Стали они жить; только все она сомневается, муж ли это; заставляла его креститься. Он креститься крестится, да так скоро, что не уследишь. Святцы давала читать — читает; только вместо «Богородица» читает: «Чудородица», а вместо «Иисус Христос» — «Сус Христос». Догадалась она, что не ладно, пошла к попу. Поп молитву ей дал, и пропал змей, не стал больше летать.

/в. В селе Никольском у бабы от змея сын родил-

ся, черный, с копытами и глаза без век, навыкате. Мужики думали, думали, да и убили его, а после в землю зарыли.

(Записано в Симбирске от А. В. Чегодаева)

Из сборника М. И. Смирнова
87. Летун (огненный змей)

/1. У молодой бабы умер муж. Вся деревня начинает замечать, что к ней по ночам стал летать огненный змей, рассыпается над трубой ее избы овчиной и пропадает. С бабой сделалось неладное: худеет, бледнеет, по ночам все с кем-то разговаривает. Домашние, семья была большая, начали догадываться и приставать к ней с расспросами. Та в конце концов рассказала, что по ночам у нее является умерший муж, приносит гостинцы и ведет с ней разговоры. Баба клала гостинцы на лежанку. Глядят — а это овчинный и лошадиный помет, а баба эти гостинцы ела вместе с ним, когда он приходил к ней ночью.

Семейные взялись за дело отвадить беса, принимавшего вид умершего мужа, и прежде всего стали класть на ночь бабу в другое место с двумя бабами по бокам. В то же время наняли вековушку читать псалтырь. В полночь трои сутки подряд

в трубе вой, стук, по избе ветер — это влетел бес к бабе. В доме никто не спал, все ждали его. Старик свекор кричал бесу:

— Я тебя, поганый, гашником задушу.

Его сын бранил беса матерными словами. Бес видит, что баба не одна, никто не спит, все окна и двери зааминены, с шумом улетел в трубу. Гостинцы перестали являться, а после третьей ночи не показывался и сам. Так его и отвадили. Не удалось сгубить бабу.

/2. Овдовела молодуха и начала тосковать. Куда не пойдет, особенно к вечеру, прикочнется ли в клетку, или выйдет во двор, а ее уже ждет муж и все ее научает:

— Не говори нашим, молчи.

Баба по ночам стала с кем-то шептаться. Слышит свекор, спрашивает, с кем она разговаривает, а та отмалчивается. Пойдет баба во двор и долго там остается. Выходит раз свекровь с огнем и видит, что та обнимает столб (а бабе кажется, что она обнимается с мужем). Спрашивает ее, что делает, молодуха хитрит, сказывает, что голова закружилась и оперлася на столб. Раз ночью, часов в одиннадцать, слезает с печки и начинает ставить у печки самовар. Старуха ей не дает, та идет на мост и хочет ставить самовар там.

— Да что ты, матушка, разве не видишь, Ваня пришел (это ее умерший муж), — говорит она свекрови.

Перестали класть бабу спать одну, подкладывают ей ребенка. Ребенка она откидывает, не принимает. Окуривали ладаном, но ничего не помогает: баба все худеет и хиреет. Пошла раз во двор обирать яйца, да что-то долго нейдет. Смотрят, она под мостом скорчилась вся, посинела и не дышит. Так и задушил ее шут. Сама виновата, что привадила.

/3. Бабе стал являться умерший муж. Пошла во двор и слышит голос покойного мужа: «Дуня». Баба испугалась и в избу, рассказала домашним. Другой раз пошла в сарай, только взялась брать мякину, опять слышит, что ее зовет муж по имени. Бросила веревку и опрометью домой к домашним. Видя, что баба его не приваживает, бес стал делать по-другому. Раз вечером откуда ни взялась лошадь, а все лошади давно были по дворам, чешется об угол избы до того, что аж изба затряслась. Потом поскакала к дальним воротам, ударила вихрем в них, перепугала во дворе всю скотину, та ревет и мечется. Другой раз заблеяла на мосту (в сенях) овца, выходят во двор — все овцы в омшанике. Несколько ночей подряд на

завалине кто-то бил как бы стеклянную, все слышат в доме, наутро смотрят — ничего нет.

А в эти дни по совету знающих людей читался в избе псалтырь, все окна и двери зааминивались, войти бесу было негде. Так побился он, побился, ничего у него не вышло и перестал летать. А все оттого, что баба его не привадила.